12-а

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1913.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 12-я.—ДЕКАБРЬ, 1913.

СТРАН.

I.—ДАВИДЪ ЛЕВИНЪ.—**Семена Юшкевича** 5
II.—ЛѢТОМЪ.—Стихотвореніе.—**Юрія Верховскаго** 27
III.—ПРИЗРАКИ.—(Изъ повѣсти дней моихъ). (Окончаніе).—**М. Осоргина** 28
IV.—ЗВЕНЬЯ.—Стихотвореніе.—**В. Уманова-Каплуновскаго** 64
V.—ЧАША ЖИЗНИ.—**Ив. Бунина** 65
VI.—БѢЛАЯ ПУСТОШЬ.—(Окончаніе).—**Д. Айзмана** 85
VII.—ВЪ ДОРОГѢ.—Стихотвореніе.—**Семена Астрова** 152
VIII.—КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛІИ.—(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).—IV.—Апоѳеозъ монархіи и торжество демократіи.—**М. Острогорскаго** . . 153
IX.—МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ И ЧИТАТЕЛЬ НИЗОВЪ.—**Л. Клейнборта** 171
X.—СЕКТАНТЫ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА.—**Ив Трегубова** 194
XI.—КАРЬЕРА САНДИ.—Разсказъ С. Р. Кроккета. Съ англ. пер. **З. Журавской** . . 212
XII.—СОНЕТЪ.—Стихотвореніе.—**Т Ефименко** 270
XIII.—ХРОНИКА.—ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ. — IV. Современныя тенденціи переселенческой политики.—**Н. Огановскаго** 271
XIV.—АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.—**Максима Ковалевскаго**. 289
XV.—ПОДЪЕМЪ НИЗОВЪ. (Съѣздъ швейцарскихъ профессіональныхъ союзовъ) **А. Дивильковскаго**. 309
XVI.—ПОЛЬСКІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ДѢЛО БЕЙЛИСА.—**К. Залевскаго** . . 327
XVII.—ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ НАСТРОЕНІЙ. — Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни.—**В. В.** 335
XVIII.—«МІРОВОЙ» ПРОЦЕССЪ.—**Влад. Набокова** 353
XIX.—ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ѲЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА.—**Максима Ковалевскаго** . . 360
XX.—МЕЛІОРАЦІОННОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ СѢВЕРНО-РУССКАГО СЪѢЗДА.—**Н. Огановскаго** 368
XXI.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Разговоры о повышающемся общественномъ настроеніи. — Ненапрасныя надежды на него.—Настроеніе и положительные факты.—Оживленіе въ земской средѣ.—Характерныя уѣздныя земскія собранія въ Черниговской, Нижегородской, Полтавской и Тамбовской губерніяхъ.—Энергичная дѣятельность новаго земства. — Возбужденіе вопроса о земской реформѣ.—«Настроеніе» и «революція».—**И. Жилкина** 383
XXII.—ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ.—**К. Арсеньева** 392
XXIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Le matérialisme actuel. Par M. M. Bergson, Poincaré, Ch. Gide etc. Bibliothèque de philosophie scientifique—**П. Юшкевича**. — Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изд. Т-ва «Міръ». — **Ч. В—скаго**.—Харьковское Медицинское Общество. 1861—1911 гг. Очерки его пятидесятилѣтней дѣятельности. Составлены подъ редакціей С. Н. Игумнова. — **В. Б—ъ**.—Пирлингъ. Не умеръ ли католикомъ Александръ I? Историческая загадка.—**А. Пѣснякова**.—Законы гражданскіе (Св. Зак. т. X, ч. 1). Практическій и теоретическій комментарій подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго А. Э. Вормса и профессора В. В. Ельяшевича. Выпуски первый и второй.—**А. Т—аго**.—Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. — **А. Т.** — Проф. П. И. Люблинскій. Конституціонная или административная гарантія? — **Бориса Шацкаго**.—М. А. Штромбергъ. Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе.—**В. В.**—Д-ръ М. Монтессори. Домъ ребенка. Методъ научной педагогики.—**В. В.** — I. Novicow. La critique du darwinisme social.—**П. Е. Михайлова**.—Karl Helferich. Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913.—**Б.** 400
XXIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международное положеніе съ точки зрѣнія Австро-Венгріи.—Объясненія и намеки графа Берхтольда. — Неопредѣленность свѣдѣній о русской политикѣ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, во Франціи и въ Италіи.—Событія въ Мексикѣ и мексиканскій вопросъ. 423
XXV.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—«Разоблаченія» В. Н. Коковцова.—Эволюція стародавней формулы.—На чемъ покоится оффиціальный оптимизмъ?—Рѣчь А. И. Гучкова.—Что онъ сказалъ и чего не договорилъ? Расправа съ дипломатомъ.——**В. Кузьмина-Караваева** 435
XXVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 449
XXVII.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ. 453
XXVIII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1913 г. 458
XXIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 469

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія приложенія: 1. Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы“. 2. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Нива» 1914 г. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ контору журн. „Нива“, Спб., ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ выслано имъ немедленно. 3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Современникъ“ на 1914 г. Не получившихъ почему-либо этого объявленія просятъ увѣдомить контору журнала „Современникъ“ С.-Петербургъ, Невскій, 43, и объявленіе будетъ немедленно выслано безплатно. 4. Объявленіе о подпискѣ на семейный журналъ „Женщина“ и друг. на 1914 г. Не получившихъ это объявленіе просятъ увѣдомить гл. контору журнала „Жен-

24 КНИГИ ЖУРНАЛА 6 Р. 85 К.

IV-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ

24 КНИГИ ЖУРНАЛА 12 КН. „БИБЛІОТЕКИ СОВРЕМЕННИКА“ и 2 СОЧИНЕНІЯ О МАСОНСТВѢ 12 РУБ.

Открыта подписка на 1914 годъ

НА ВНѢПАРТІЙНЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ИСТОРІИ, НАУКИ и ИСКУССТВА.

Современникъ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ В. Я. БОГУЧАРСКАГО, В. В. ВОДОВОЗОВА, Е. Д. КУСКОВОЙ, В. Л. ЛЬВОВА-РОГАЧЕВСКАГО, Е. А. ЛЯЦКАГО, М. П. ПАВЛОВИЧА, С. Н. ПРОКОПОВИЧА, В. Б. СТАНКЕВИЧА и П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

За три года изданія журналъ „Современникъ“ неустанно стремился къ удовлетворенію духовныхъ запросовъ русской демократіи въ области литературы, искусства, науки и политики. Въ стремленіи къ возможно лучшему и всестороннему выполненію своихъ задачъ журналъ не могъ не принять во вниманіе указаній своихъ читателей на два обстоятельства, стоящія помѣхой на пути къ широкому осуществленію выдвинутыхъ журналомъ цѣлей. Съ одной стороны, существовавшая цѣна дѣлала журналъ недоступнымъ для

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

широкихъ слоевъ демократическихъ читателей, съ другой стороны, выпускъ журнала только разъ въ мѣсяцъ не позволялъ съ полной своевременностью и всесторонностью освѣщать и давать руководящіе отклики на всѣ явленія быстротекущей и усложнившейся современной жизни. Идя навстрѣчу ясно сказывающимся потребностямъ русской дѣйствительности и пожеланіямъ подписчиковъ, издательство нашло возможнымъ **открыть подписку на 1914 годъ на новыхъ, реформированныхъ началахъ,**

понижая цѣну на журналъ

и учащая его выходъ въ свѣтъ.

Въ 1914 году подписная плата на журналъ „Современникъ“ опредѣляется въ **6 руб. 85 коп.**, что дѣлаетъ журналъ самымъ дешевымъ изъ всѣхъ подобныхъ ему изданій и доступнымъ по цѣнѣ для самыхъ широкихъ слоевъ читающей прогрессивной Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ „Современникъ“ будетъ выходить не одинъ, а

2 раза въ мѣсяцъ, или 24 книги въ годъ.

Въ журналѣ будутъ даны избранныя произведенія русской и иностранной литературы; статьи по вопросамъ общественной жизни, науки и искусства; отдѣлы критики, библіографіи и общественной сатиры. Редакція „Современника“ позаботилась объ особо тщательномъ подборѣ матеріала, о разнообразіи художественно-литературныхъ произведеній, законченности, обстоятельности и въ то же время сжатости всѣхъ помѣщаемыхъ статей и замѣтокъ. Выходъ книжекъ черезъ каждыя двѣ недѣли дастъ возможность своевременно и всесторонне отражать на страницахъ журнала все, что современность представляетъ значительнаго и занимательнаго.

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННИКА

Ставя своей основной задачей освѣщеніе и уясненіе текущей дѣйствительности въ многообразныхъ и сложныхъ ея явленіяхъ, издательство журнала **„Современникъ“** сознаетъ, что крупные вопросы міровой жизни не могутъ быть съ достаточной и исчерпывающей полнотой разсмотрѣны на страницахъ періодической печати и требуютъ отъ читателя, желающаго ознакомиться съ ними обстоятельнѣе и глубже, обращенія къ спеціальнымъ и самостоятельнымъ трудамъ. Русскій книжный рынокъ, однако, не всегда своевременно удовлетворяетъ этимъ насущнымъ потребностямъ, поэтому издательство рѣшило приступить къ изданію

Библіотеки Современника

и дать въ 1914 году подписчикамъ **„Современника“** 1-ю серію, состоящую изъ **12 избранныхъ сочиненій** по важнѣйшимъ вопросамъ общественной, политической и культурной жизни нашего времени, привлекающимъ вниманіе современнаго читателя. Каждое изъ этихъ сочиненій въ общедоступной формѣ даетъ обстоятельный отвѣтъ на ту или иную современную тему.

Какіе же вопросы интересуютъ въ данный моментъ русскаго читателя? Это—прежде всего—глубокія и поучительныя перемѣны, совершающіяся на нашихъ глазахъ въ жизни отдѣльныхъ народовъ: рушится старый строй, и возникаютъ новыя формы жизни въ Китаѣ, Турціи, Португаліи, Персіи; безпрерывно сотрясается отъ переворотовъ Мексика, зрѣетъ и близится кризисъ въ Индіи. По этому ряду вопросовъ **„Библіотека Современника“** въ 1914 году дастъ четыре книги.

1. **СТРАНА СМУТЪ.** Исторія Мексики за послѣдніе годы.

Соч. **Генри Берлейнъ.**

Эта, только что вышедшая, книга даетъ исторію революцій въ Мексикѣ вплоть до настоящаго дня. Исторія революціонныхъ движеній въ Мексикѣ полна захватывающаго интереса.

2. **ПРОБЛЕМЫ НАРОДОВЪ ИНДІИ.**

Изслѣдов. **Гольдернессъ.**

Въ увлекательной формѣ авторъ изображаетъ положеніе различныхъ народностей Индіи и даетъ очеркъ тѣхъ перемѣнъ, къ которымъ должно привести развивающееся культурное движеніе индійскихъ племенъ. Изданіе этой книги тѣмъ болѣе своевременно, что для русскихъ читателей Индія представляется страной загадокъ и тайнъ, а между тѣмъ ея дальнѣйшія судьбы могутъ непосредственно затронуть интересы Россіи.

3. **РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ въ ТУРЦІИ.**

Соч. **Найта.**

Въ книгѣ Найта ярко изображена драматическая попытка прогрессивныхъ общественныхъ силъ Оттоманской Имперіи обновить дряхлѣющее государство. Исторія турецкаго переворота, имѣвшаго послѣдствіемъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ, представляетъ глубокій интересъ для русскихъ читателей.

4. **КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА.**

Соч. **Макъ-Кормика.**

Авторъ долго жилъ въ Китаѣ и былъ свидѣтелемъ переворота, исторію котораго онъ даетъ въ сжатомъ точномъ изложеніи.

Великія завоеванія человѣчества, свидѣтелями которыхъ мы являемся, захватываютъ вниманіе современника, и потому вполнѣ естественно включеніе въ „**Библіотеку**“ такихъ книгъ, какъ

5. **ПАНАМСКІЙ КАНАЛЪ и ЕГО МІРОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ.**

Очерки **Д. Фразера.**

Книга прекрасно обрисовываетъ грандіозность великаго предпріятія какъ съ технической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія перспективъ, которыя открываетъ оно міру.

6. **ПОЛЯРНЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ.**

Трудъ д-ра **Брюса**, участника экспедиціи Скота.

Въ живомъ разсказѣ авторъ описываетъ научные результаты экспедицій въ полярныя страны.

7. **ЗАВОЕВАНІЕ ВОЗДУХА.**

Соч. **Уокера.**

Вполнѣ доступное всякому не-спеціалисту изложеніе основъ современной авіаціи съ добавленіемъ главъ о русской авіаціи.

Дѣятельность земскихъ учрежденій занимаетъ доминирующее положеніе въ современной общественной жизни, а въ связи съ 50-ти лѣтнимъ юбилеемъ земства, вызываетъ къ себѣ особый интересъ въ самыхъ широкихъ кругахъ русскаго общества. Въ „**Библіотеку Современника**“ включена книга

8. **СОВРЕМЕННОЕ ЗЕМСТВО.**

Подъ ред. **Б. Б. Веселовскаго.**

Ростъ кооперативнаго движенія въ Россіи вызвалъ живой интересъ къ дѣлу кооперації, и потому „**Библіотека Современника**“ сочла необходимымъ дать книгу подъ заглавіемъ

9. **КООПЕРАЦІЯ.** Исторія, основы и соціально-экономическое значеніе.

Считаясь со все растущимъ интересомъ къ малоизслѣдованнымъ областямъ нашей психики, даемъ

10. ИЗУЧЕНІЕ ПСИХИКИ.

Работа проф. **Барреша.**

Книга въ ясномъ и живомъ изложеніи даетъ очеркъ работъ и результатовъ, достигнутыхъ „Англійскимъ обществомъ психологическихъ изслѣдованій". Авторъ книги долгое время былъ предсѣдателемъ этого общества. Въ этой книгѣ читатель найдетъ поучительныя сообщенія по вопросамъ о месмеризмѣ, гипнотизмѣ, внушеніи, угадыванію мыслей, телеопатіи и т. д.

Русскіе читатели всегда интересовались литературой запада, и на русскомъ книжномъ рынкѣ можно найти не мало сочиненій по исторіи ея въ различныхъ странахъ. Но нѣтъ ни одной книги на русскомъ языкѣ, которая была бы посвящена исторіи литературы великой заатлантической демократіи. И потому въ **„Библіотеку Современника"** включена книга

11. ВЕЛИКІЕ АМЕРИКАНСКІЕ ПИСАТЕЛИ.

Очерки **Трента и Ерскина.**

Послѣдняя изъ книгъ, входящихъ въ составъ 1-ой серіи **„Библіотеки Современника"**, посвящена исторіи искусства, т. е. тому предмету, который въ послѣдніе годы привлекаетъ особое вниманіе читателей, и по которому у насъ весьма мало книгъ. Книга

12. ХУДОЖНИКИ ВОЗРОЖДЕНІЯ

посвящена исторіи искусства возрожденія; сообщаемыя здѣсь историческія свѣдѣнія иллюстрированы тщательно подобранными и отчетливо выполненными снимками съ выдающихся произведеній этихъ художниковъ.

Въ отдѣльной продажѣ 12 указанныхъ книгъ „Библіотеки Современника" будутъ стоить 10 руб.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ растетъ интересъ къ масонству въ его прошломъ и настоящемъ. Однако, несмотря на то, что имѣются брошюры и книги по отдѣльнымъ вопросамъ масонства, нельзя указать на русскомъ книжномъ рынкѣ сколько-нибудь полной и безпристрастной работы, знакомящей съ этимъ предметомъ. Издательство журнала „Современникъ“ дастъ въ 1914 году два капитальныя сочиненія о Масонствѣ.

Первымъ изъ нихъ является одно изъ лучшихъ, изображающее исторію масонства во всѣхъ странахъ до самыхъ послѣднихъ дней, сочиненіе

Р. Гульда „Масонство на Западѣ“.

Второе сочиненіе представляетъ капитальную работу лучшаго знатока этого вопроса,

акад. А. Н. Пыпина „Масонство въ Россіи“.

Эта работа, основанная на изученіи огромнѣйшаго архивнаго матеріала, нынѣ **впервые** появляется въ отдѣльномъ изданіи.

Всѣ годовые подписчики на журналъ „**Современникъ**“ съ приложеніемъ „**Библіотека Современника**“

получаютъ оба сочиненія **О МАСОНСТВѢ** **БЕЗПЛАТНО.**

Годовымъ же подписчикамъ только на журналъ „Современникъ“ предоставляется право получить оба сочиненія о масонствѣ всего за 2 р. 50 коп., вносимые при подпискѣ до 1-го февраля, вмѣсто 5 руб. стоимости въ розничной продажѣ.

Въ 1913 году въ «Современникѣ» помѣстили свои произведенія:

Алексинскій Г., Айзманъ Д., Астровъ С., Базаровъ В., Батюшковъ Ѳ., Богдановъ А., Богучарскій В., Бончъ-Бруевичъ В., Бунинъ Ив., Быховскій Н., В. В., Веселовскій Б., Викторовъ-Топоровъ В., Водовозовъ В., Вольскій В., Вятинъ Г., Гершензонъ М., Гиммеръ Н., Городецкій С., Горькій М., Гребенщиковъ Г., Дмитріева В., Евгеньевъ В., Елачичъ Е., Засуличъ В., Калина И., Кускова Е., Луначарскій А., Львовъ-Рогачевскій В., Ляцкій Евг., Мартовскій В., Оникговъ А., Павловичъ М., Пантелѣевъ Л., Плехановъ Г., Португаловъ В., Потапенко И., Ратнеръ М., Семеновъ С., Станчъ В., Сургучевъ И., Сурожскій П., Туринъ А., Ходасевичъ Влад., Цыперовичъ Г., Черный А., Щеголевъ П. и мн. др.

Подписная цѣна съ пересылкой:

I.

На журналъ „Современникъ“—24 кн.—**6 руб. 85 коп.** въ годъ въ Россію и **10 руб.** за границу.

Допускается разсрочка: при подпискѣ — **2** р. **85** коп., къ 1 апрѣля—**2** руб. **50** коп. и къ 1 августа—**1** руб. **50** коп.

II.

На журналъ „Современникъ“ — **24** кн. — и „Библіотеку Современника“ — **12 книгъ** съ безплатнымъ приложеніемъ двухъ сочиненій о „**Масонствѣ**“ — **12 руб.** въ годъ въ Россію и **16 руб.** за границу.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—6 руб., къ 1 апрѣля—**3** рубля и къ 1 августа—**3** рубля.

Подписка принимается:

Въ конторѣ журнала „СОВРЕМЕННИКЪ“—**С.-Петербургъ, Невскій пр., 43,** и въ книжныхъ магазинахъ.

Книжные магазины, библіотеки, земскіе склады, агенты по пріему подписки въ разныхъ учрежденіяхъ—удерживаютъ за комиссію и переводъ денегъ при одновременномъ взносѣ подписной цѣны **30** коп. съ 6 р. 85 к. и 45 коп. съ 12 руб.; при подпискѣ же, согласно условій разсрочки, удерживаютъ 3% съ пересылаемой суммы.

Экземпляры „Современника“ за 1911, 1912 и 1913 годы остались въ ограниченномъ количествѣ. Съ требованіями обращаться непосредственно въ контору журнала.

Издатель П. И. Пѣвинъ. Редакторъ **П. В. Быковъ.**

„Т-во Художественной Печати“. Спб., Ивановская, 14.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

28582

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,**

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ,* если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.—ДЕКАБРЬ.

	стран.
I. ДАВИДЪ ЛЕВИНЪ—**Семена Юшкевича**	5
II. ЛѢТОМЪ.—Стихотвореніе.—**Юрія Верховскаго**	27
III. ПРИЗРАКИ.—(Изъ повѣсти дней моихъ). (Окончаніе).—**М. Осоргина**	28
IV. ЗВЕНЬЯ.—Стихотвореніе.—**В. Уманова-Каплуновскаго.**	64
V. ЧАША ЖИЗНИ—**Ив. Бунина**	65
VI. БѢЛАЯ ПУСТОШЬ.—(Окончаніе).—**Д. Айзмана**	85
VII. ВЪ ДОРОГѢ.—Стихотвореніе.—**Сем. Астрова**	152
VIII. КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛІИ.—(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).—IV. Апоѳеозъ монархіи и торжество демократіи. — **М. Острогорскаго**	153
IX. МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ И ЧИТАТЕЛЬ НИЗОВЪ.—**Л. Клейнборта**	171
X. СЕКТАНТЫ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА.—**Ив. Трегубова**	194
XI. КАРЬЕРА САНДИ.—Разсказъ С. Р. Кроккета. — Съ англ. пер. **З. Журавской**	212
XII. СОНЕТЪ.—Стихотвореніе —**Т. Ефименко**	270
XIII. ХРОНИКА. — ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ.—IV. Современныя тенденціи переселенческой политики—**Н. Огановскаго**	271
XIV. АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.—**Максима Ковалевскаго**	289
XV. ПОДЪЕМЪ НИЗОВЪ. (Съѣздъ швейцарскихъ профессіональныхъ союзовъ).—**А. Дивильковскаго**	309
XVI. ПОЛЬСКІЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ДѢЛО БЕЙЛИСА. — **К. Залевскаго**	327
XVII. ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКИХЪ НАСТРОЕНІЙ.—Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни.—**В. В.**	335
XVIII. «МІРОВОЙ» ПРОЦЕССЪ.—**Влад. Набокова**	363
XIX. ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ѲЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА. — **Максима Ковалевскаго**	361
XX. МЕЛІОРАЦІОННОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ ОСВѢЩЕНІИ СѢВЕРНО-РУССКАГО СЪѢЗДА.—**Н. Огановскаго.**	368
XXI. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Разговоры о повышающемся общественномъ настроеніи. — Ненапрасныя надежды на него. — Настроеніе и положительные факты. — Оживленіе въ земской средѣ.—Характерныя уѣздныя земскія собранія въ Черниговской, Нижегородской, Полтавской и Тамбовской губерніяхъ.—Энергичная дѣятельность новаго земства.—Возбужденія вопроса о земской реформѣ. — «Настроенія» и «революція»—**И. Жилкина**	383

стран.

XXII. ПРЕДМЕТНЫЕ УРОКИ.—**К. Арсеньева** 392

XXIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Le matérialisme actuel. Par M. M. Bergson. Poincaré, Ch. Gide etc. Bibliothèque de philosophie scientifique — **П. Юшкевича.** — Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изд. Т-ва «Міръ». — **Ч. В—скаго.**—Харьковское Медицинское Общество. 1861—1911 гг. Очерки его пятидесятилѣтней дѣятельности. Составлены подъ редакціей С. Н. Игумнова. — **В. Б—ъ.**—Пирлингъ. Не умеръ ли католикомъ Александръ I? Историческая загадка.—**А. Пѣсняковъ.**—Законы гражданскіе (Св. Зак. т. X, ч. I). Практическій и теоретическій комментарій подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго А. Э. Вормса и профессора В. Б. Ельяшевича. Выпуски первый и второй—**А. Т—аго.**—Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ.—**А. Т.**—Проф. П. И. Люблинскій. Конституціонная или административная гарантія?—**Бориса Шацкаго.**—М. А. Штромбергъ. Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе. — **В. В.**—Д-ръ М. Монтессори. Домъ ребенка. Методъ научной педагогики.—**В. В.**—I. Novicow. La critique du darwinisme social.—**П. Е. Михайлова.**—Karl Helferich. Deutschlands Volkswohlsland 1888—1913.—**Б.**—. 400

XXIV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Международное положеніе съ точки зрѣнія Австро-Венгріи.—Объясненія и намеки графа Берхтольда.—Неопредѣленность свѣдѣній о русской политикѣ. — Внутреннія дѣла въ Германіи, во Франціи и въ Италіи. — Событія въ Мексикѣ и мексиканскій вопросъ 423

XXV. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—«Разоблаченія» В. Н. Коковцова.—Эволюція стародавней формулы. — На чемъ покоится оффиціальный оптимизмъ?—Рѣчь А. И. Гучкова.—Что онъ сказалъ и чего не договорилъ?—Расправа съ дипломатомъ.—**В. Кузьмина-Караваева.** . . 435

XXV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 449

XXVI. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 453

XXVII. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ авторовъ и статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1913 г. 458

XXVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 469

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ДАВИДЪ ЛЕВИНЪ.

Давидъ Левинъ проснулся на разсвѣтѣ, протеръ глаза и тотчасъ, какъ заведенная съ вечера машина, началъ думать...

Въ каморкѣ крошечной, тѣсной, съ однимъ ветхимъ оконцемъ и низенькимъ потолкомъ, съ кучей мухъ по стѣнамъ, не было глотка воздуха. На полу, въ углу подлѣ стола, спала съ четырьмя его дѣтьми, мать Давида Левина, старушка-нищая, бабушка Эня. Въ другомъ углу, въ повалку спали молодой, здоровый парень, поденщикъ Миронъ и старикъ, старьевщикъ Лейзеръ.

За окномъ робко занималась заря...

Давидъ Левинъ моргнулъ по привычкѣ глазами, покосился на рядомъ спавшую съ нимъ жену Этеле и поднялъ съ ея лица прядь сѣдѣющихъ волосъ.

«Не чувствуетъ, бѣдная, спитъ», подумалъ онъ, и вытеръ потъ съ ея лба.

Весело свѣтало за окномъ. На стѣнѣ заиграли свѣтло-желтые кружочки и медленно потекли внизъ, гдѣ, раскинувъ руки, словно убитый, лежалъ поденщикъ Миронъ.

Слѣдовательно... что? Что что?—думалъ Давидъ Левинъ. Спрашиваетъ! Знаешь! Пойдешь къ Мелитопольскому и попросишь у него помощи. Еще какъ пойдешь! Ногами... А кто настоялъ на этомъ? Его Этеле, тетя Мирль и сапожникъ Пиня,—хорошій старикъ, пусть и ему Богъ поможетъ».

«Слѣдовательно... конечно, продолжалъ онъ думать, повернувъ лицо къ окну,—онъ боролся, просилъ не посылать его къ Мелитопольскому. Онъ не умѣетъ просить. Такой Давидъ Левинъ человѣкъ,—не умѣетъ просить. Слава Богу, прожилъ сорокъ четыре года безъ помощи родственниковъ. И какой ему

родственникъ Мелитопольскій?.. Но тетя Мирль,—что это за тетя Мирль,—все бѣдная жалуется на ноги,—такъ разсердилась на него, такъ разсердилась... Онъ ее еще не видѣлъ такой сердитой.

— «Слѣдовательно... какъ это онъ, Давидъ, не пойдетъ? спрашивала она. Что это за слово: не пойдетъ? Слѣдовательно уже нѣтъ четырехъ дѣтей и дорогой женщины, Этеле? Или у Давида выздоровѣли легкія? Дайте-ка ей, тетѣ Мирль, одного, что одного, хоть половину богатаго родственника, и увидите, будетъ ли она жить такъ, какъ живетъ теперь. Будьте спокойны, ужъ ея Мотель не работалъ бы больше лопатой у Перельмана, ея Вавка не уѣхалъ бы съ своей женой въ Лондонъ, и не вернулся бы обратно, чтобы опять начать мучиться!

Старикъ же Пиня,—что это за дорогой старикъ, ничего слушать не хотѣлъ и только спрашивалъ:

— Стекла у него есть въ домѣ, у этого Мелитопольскаго, или какъ его тамъ зовутъ? Лишь бы стекла были. Одного цѣлаго онъ бы ему не оставилъ.

«Слѣдовательно»...

Давидъ съ тоской поглядѣлъ на окно. Тамъ за окномъ теперь вѣетъ влажной прохладой майскаго утра, тамъ за окномъ беззаботно,—что они бѣдные знаютъ?—кричатъ воробьи, поднимается солнце, просыпаются въ каморкахъ здоровые люди. А онъ, Давидъ, такъ не можетъ. Онъ сейчасъ закашляетъ, и дай Богъ, чтобы хоть крови не было. Крови вѣдь онъ больше всего боится...

Трясло его очень долго. Какъ пойманный въ петлю, посѣрѣвшій, посинѣвшій, онъ судорожно поворачивался во всѣ стороны, безпомощно глядѣлъ своими красивыми, кроткими черными глазами, и минутами ему казалось, что наступилъ конецъ... Когда его оставило, онъ скрючился и спряталъ лицо на спинѣ Этеле.

Этеле проснулась не сразу. Она привыкла къ его ночному кашлю. Но когда онъ коснулся лбомъ ея спины, она сразу заговорила съ нимъ, точно и не спала.

— Опять кашлялъ?—еще слабо соображая, спросила она. Возьми кусочекъ сахара въ ротъ. Принести воды?

— Нѣтъ, не надо,—отвѣтилъ онъ срывающимся шопотомъ.—Эта грудная болѣзнь меня въ землю загонитъ.

Ея маленькія дѣтскія руки быстро заходили въ полутьмѣ.

— Грудную болѣзнь выдумалъ! Какая грудная болѣзнь? Откуда? Докторъ тебѣ сказалъ? Дай Богъ мнѣ имѣть такія легкія и

такую грудь, какъ у тебя. Ты, просто, испуганный человѣкъ! Ты хуже ребенка. Смотри-ка, какъ онъ улегся, и какъ голову спряталъ.

— Слѣдовательно... проговорилъ онъ.

Она съ жалостью оглянула это родное ей, скрюченное тѣло, и погладила съ нѣжностью его бородатое лицо; потрогала скулы, ямки подъ скулами.

— Отчего же, Этеле, я годъ какъ не работаю?—спросилъ онъ. Вѣдь не отъ удовольствія, и не отъ жира? Отчего же докторъ приказалъ мнѣ оставить лопату? Лопату уже продали! Не услышу больше запаха пшеницы! Конецъ, ничего ни къ кому не имѣю...

— Дѣйствительно,—стараясь ободрить себя и его, сказала Этеле,—лопатой тебѣ нельзя работать. Но развѣ весь міръ работаетъ только лопатой? Переживешь еще десять такихъ докторовъ. Этимъ разбойникамъ нужно только людей пугать.

День наступилъ незамѣтно. Оба худые, какъ скелеты, лежали рядомъ, прижавшись отъ страха другъ къ другу. Этеле все утѣшала его.

— Ничего, Давидъ, Богъ дастъ—поправишься! Еще будешь кормить свою семью. Ничего. Можетъ быть Мелитопольскій поможетъ. Не падай только духомъ. Намъ ли однимъ такъ плохо? Вокругъ насъ не лучше. И не пугаются, и живутъ, и еще смѣются.

Давидъ положилъ голову на ея плечо и слушалъ, моргалъ глазами.

«Какую милую жену, какого друга Богъ ему послалъ. Каждое же слово Этеле сладко. Въ каждомъ ея словѣ—мудрость. Упрекнула ли она его хоть разъ въ жизни? Нѣтъ! Всегда вотъ такая, какъ теперь. Кѣмъ она была до свадьбы? Откуда-то изъ Литвы пріѣхала, послѣ несчастья, когда въ одну ночь сгорѣли ея отецъ и мать. Работала она тамъ, работала здѣсь, случайно познакомилась съ нимъ. Десять лѣтъ она его ждала. Было у нея маленькое приданое,—пятьдесятъ рублей,—съѣли. И тогда, какъ теперь, утѣшала она, а не онъ. Десять разъ рожала. Дѣти умирали! А какіе дѣти были? Куклы, а не дѣти. Осталось два мальчика и двѣ дѣвочки. Въ прошломъ году выучилась вязать и за сорокъ копеекъ цѣлый день вяжетъ шарфы,—всѣхъ кормитъ. Уже безъ глазъ осталась, а все работаетъ, крутитъ спицей. Все для него, ради дѣтей.

Этеле, замирая, слушала, какъ что-то лопалось въ его груди, какъ тамъ клокотало.

— Не бойся, Давидъ, вдругъ зашептала она.—Ты только не

бойся. Переживали и худшія времена. Помнишь, когда ты съ солдатчины вернулся? У тебя украли въ вагонѣ твои сорокъ рублей, что везъ съ собой. Ты думалъ тогда: пропали, — а вотъ Богъ помогъ. Помнишь, что въ погромѣ было съ нами? Спрятались въ больницѣ, а дома все, что было у насъ, уничтожили. Ты тоже думалъ: пропали, а Богъ помогъ. Все Богъ...

— Я не боюсь, сказалъ Давидъ, я васъ жалѣю! А я могу терпѣть...

— Не надо тебѣ терпѣть. Ты только о своемъ здоровьѣ думай. Я о дѣтяхъ позабочусь. Двухъ осенью отдамъ въ профессіональную школу. Уже все разузнала. Почему только ты такимъ мягкимъ, добрымъ родился? Надо быть, Давидъ, чуточку тверже. Это же жизнь...

Давидъ прижался щекой къ ея плечу, слушалъ... Проснулись дѣти и тотчасъ заговорили. Этеле встала, дѣловито набросила на себя юбку, всю въ заплатахъ, кофточку, и подошла къ дѣтямъ. Незамѣтно изъ каморки вышли Миронъ и Лейзеръ. Открыли дверь. Стало просторнѣе, чище какъ то. Бабушка Эня, спавшая всегда въ одеждѣ, тоже поднялась. Одѣлся и Давидъ и пошелъ на дворъ умыться изъ крана. На дворѣ ходили люди, собиравшіеся на работу. Было жарко. Надъ крышами уже кое гдѣ вился дымъ. Давидъ шелъ по двору и, кланяясь то вправо, то влѣво, говорилъ:

— Доброе утро, доброе утро.

То тамъ, то здѣсь звенѣли дѣтскіе голоса, слышалась перебранка женщинъ.

Умывшись, Давидъ вернулся въ каморку. Любимица его Розочка, разставивъ руки, какъ кукла, стояла посреди комнаты въ одной рубашечкѣ. Онъ взялъ ее на руки, поцѣловалъ. Этеле суетилась, прибирала каморку. Бабушка Эня собрала дѣтей для утренней молитвы. Дѣти медленно повторяли за ней слова.

— Все таки надо итти,—со вздохомъ сказалъ Давидъ, спустивъ Розочку на полъ.—Пойди, Розочка, къ бабушкѣ, она и тебя научитъ молиться. Иди къ ней.

— Надо, надо,—отозвалась Этеле, сѣвъ у окна и наматывая нитки въ клубокъ.—Только не бойся. Ты уБога такой же человѣкъ, какъ и другой.

— Пойду и я,—сказала бабушка Эня, отпуская дѣтей.

Давидъ повертѣлся въ каморкѣ, поцѣловалъ Розочку и вышелъ. Сзади него плелась бабушка Эня.

— Мама,—съ трудомъ сказалъ вдругъ Давидъ, обернувшись къ матери,—можетъ быть, у тебя есть какая-нибудь мелочь? Дай

мнѣ, пожалуйста. У Этеле ни гроша не осталось. Не на что даже хлѣба купить, чай заварить.

— Имѣю, Давидъ, пять копеекъ,—сказала бабушка Эня.

— Дай мнѣ ихъ. Богъ дастъ поправлюсь, отдамъ тебѣ.—Бабушка долго возилась, пока достала изъ кармана пять копеечныхъ монетъ. Давидъ вернулся въ комнату. Этеле работала. Розочка топталась возлѣ нея и плачущимъ голоскомъ просила:

— Мама, хочу кушать... Дай же мнѣ хлѣба.

— Досталъ у сосѣдки пять копеекъ,—сказалъ Давидъ, посмотрѣвъ на Розочку.—Можетъ быть, хлѣба купишь?

Этеле молча посмотрѣла на него и глазами указала на столъ. Давидъ положилъ деньги и также молча вышелъ.

Во дворѣ Давидъ Левинъ уже не нашелъ матери, и медленно пошелъ вдоль длиннаго, знакомаго, одноэтажнаго флигеля, размахивая руками. Навстрѣчу ему шли двѣ крошечныя дѣвочки въ однѣхъ рубашечкахъ. Ребятишки съ крикомъ неслись по двору, и Давидъ подумалъ:

«Играйте, играйте, маленькіе! Можетъ быть, къ вамъ Богъ будетъ милосерднѣе».

Его догналъ заготовщикъ Арнъ, желчный человѣкъ, отъ котораго всегда пахло кожей, и на ходу бросилъ:

— Доброе утро! Что дѣлаетъ еврей?

— Слѣдовательно,—отвѣтилъ Давидъ своимъ любимымъ словомъ...

— Э,—отозвался тотъ, приглашая этимъ восклицаніемъ Давида высказаться подробнѣе.

— Что разсказывать? Невесело,—повторилъ Давидъ.

— А гдѣ веселѣй?—сердито переспросилъ Арнъ.—Въ могилѣ.

— Это и я знаю,—серьезно отвѣтилъ Давидъ.

— Знаете! Хорошо, что еще не сказали: не знаете. Еврей можетъ и это сказать. Такой народъ, — однако хорошо умѣетъ терпѣть. Что? Скажете, нѣтъ? На меня, напримѣръ, посмотрите. Еще не выспался, а уже лечу. Куда? Въ мастерскую. Что буду имѣть вечеромъ? Два рубля! Сколько дней работаю въ недѣлю? Два, много три дня. А кормить надо семь человѣкъ. И такъ всю жизнь! Зачѣмъ? Можетъ быть, вы знаете?

Онъ проговорилъ все это залпомъ, въ носъ, комкая слова; и, не дожидаясь отвѣта, кивнувъ нервно головой, прямой, какъ палка, быстро помчался къ воротамъ.

Давидъ вышелъ на улицу. Здѣсь было пусто и тихо, какъ въ самый поздній часъ ночи. Дремали, будто сторожа что-то, сѣрые, некрасивые дома. Солнце уже стояло высоко. Отъ утренняго тумана не осталось и слѣда. Отъ горячихъ камней поднимался тяжелый, удушливый жаръ. Давидъ перешелъ улицу и, прячась въ тѣни домовъ, сталъ обдумывать, какими словами онъ обратится къ Мелитопольскому.

«Слѣдовательно... Скажетъ ему: дядя! Но какой ему дядя Мелитопольскій? Чѣмъ онъ ему приходится? Палочкой отъ кнута моей лошади.

«Господинъ Мелитопольскій, вы, вѣдь, мой родственникъ, и вамъ я скажу всю правду. Немножко боленъ... дѣточки... нѣтъ работы...»

Онъ повернулъ въ другую улицу, красный отъ жары, взволнованный. Надо снять картузъ! Жарко! Пусть жарко! А если не жарко, то жалуешься, что холодно. Человѣкъ никогда не можетъ быть доволенъ!

«Господинъ Мелитопольскій, скажетъ онъ ему,—нищета стала невыносимой. Ахъ, какая нищета! Еще никогда такъ плохо не было! Всѣ обнищали,—даже хозяева... Всѣ, я вамъ говорю. Разъ не даютъ жить, какое можетъ быть богатство? По шесть человѣкъ вотъ въ такой маленькой коморкѣ живутъ. Воздуха нѣтъ! Хлѣба нѣтъ! Бѣгутъ куда глаза глядятъ. Продаютъ своихъ дѣтей. Калѣчатся! Пьютъ кислоту. Господинъ Мелитопольскій, вы бы заплакали, если бъ увидѣли. Съѣдаютъ другъ друга. Вши съѣдаютъ, господинъ Мелитопольскій. Говорю вамъ, нищета стала невыносимой!..»

Отъ волненія, отъ приступа жалости, отъ воспоминаній, отъ картинъ, представившихся ему, онъ уже не шелъ, а летѣлъ и разговаривалъ самъ съ собой.

«Какъ ни плохо было раньше, господинъ Мелитопольскій, все же было лучше. Пришелъ конецъ народу. Теперь уже пришелъ! Доконали его!.. Гдѣ его друзья? Помогите, помогите! Спасите!..

Незамѣтно онъ очутился въ торговыхъ рядахъ. Вотъ тамъ на углу, гдѣ виситъ фонарь, находится винный складъ Мелитопольскаго. Ахъ, какой складъ у Мелитопольскаго! И для чего одному человѣку столько вина? Но пусть ему Богъ поможетъ! Иди, иди, Давидъ, не бойся! Иди! Стыдно просить! Пусть стыдно.

Подлѣ погреба онъ отъ волненія, и чтобы перевести духъ, остановился.

«Слѣдовательно»...

Заглянувъ внизъ, онъ сталъ спускаться по неудобной лѣстницѣ, держась руками за веревку, протянутую вдоль стѣны. Навстрѣчу ему шелъ, держа кнутъ въ рукахъ, развозчикъ вина Абрамъ, высокій человѣкъ, съ коричневымъ липомъ, въ большомъ картузѣ, съ папиросой, приклеенной къ нижней губѣ.

— О, Абрамъ,—обрадовался Давидъ.—Доброе утро. Вотъ кто мнѣ скажетъ, здѣсь ли господинъ Мелитопольскій?

— Какой чортъ,—грубымъ, охрипшимъ голосомъ отвѣтилъ Абрамъ, изумленно оглядывая Давида.—А съ тобой что? Ты же сталъ худъ, какъ эти палочки. Боленъ? Когда? Почему? Чѣмъ?

«Еще разскажетъ Мелитопольскому» ,подумалъ Давидъ испуганно, и отвѣтилъ весело.

— Боленъ? Кто? Еще бы, есть у меня время болѣть. Это дѣло для богатыхъ.

— У тебя дѣло къ хозяину,—опять спросилъ Абрамъ, идя впереди.—Или просто такъ зашелъ къ нему... въ гости?

— Почему не въ гости?—вопросомъ отвѣтилъ Давидъ. Онъ же мнѣ не чужой. Какъ у него дѣла?

— На двадцать евреевъ хватило бы. На-дняхъ только купилъ партію вина на двадцать пять тысячъ.

— Пусть ему Богъ поможетъ. Когда слышишь, что какому нибудь еврею не худо живется,—сердце радуется.

— Говоришь, какъ дуракъ,—отрѣзалъ Абрамъ.—Развѣ мнѣ легче, если у него весело въ карманѣ? Иди уже, иди! Кто тебя научилъ такъ думать? Выходитъ, что если онъ хорошо ѣстъ, то я сытъ; а если я вечеромъ отъ этой каторжной работы спины не могу разогнуть, то ему больно. Иди уже, иди!

Давидъ ничего не отвѣтилъ на это. Не спорь съ хозяиномъ и съ его слугой!..

— Слѣдовательно,—сказалъ онъ, поднимаясь вмѣстѣ съ Абрамомъ...

Наверху, разставаясь съ нимъ, Давидъ спросилъ:

— А найду я господина Мелитопольскаго дома?

— Еще бы! Гдѣ ему быть? Пьетъ чай.

Съ мучительнымъ чувствомъ страха, неловкости поднимался Давидъ Левинъ по мраморной лѣстницѣ на третій этажъ. Какъ онъ скажетъ? Что скажетъ? Почему?

Позвонилъ онъ осторожно, мизинцемъ коснулся кнопки, отступилъ, погладилъ бородку.

Открыли! Слава Богу! Вотъ онъ уже въ передней. Пусть горничная смотритъ на него! Пусть!...

— Я къ господину Мелитопольскому,—сказалъ онъ очень

тихо.—Кто? Давидъ Левинъ. Дальній родственникъ. Да, да! Давидъ Левинъ.

— Кто это тамъ,—раздался громкій, сипловатый голосъ.

Давидъ уже стоялъ на порогѣ столовой и слабо улыбался.

— Это... я! Давидъ Левинъ... Я! Не узнаете меня?

— Левинъ? Какой Левинъ? А, ты,—произнесъ Мелитопольскій, узнавъ Давида, и успокаиваясь. Войди, разъ уже пришелъ.

За длиннымъ столомъ, вокругъ самовара, сидѣла вся семья Мелитопольскаго: самъ Мелитопольскій, худой, съ большой бородой, съ бородавками на лицѣ, безъ пиджака, госпожа Мелитопольская, три его сына,—старшій былъ въ студенческой формѣ,—и двѣ дѣвушки гимназистки. Давидъ подошелъ къ Мелитопольскому, почтительно протянулъ ему свою теплую, большую руку, поклонился госпожѣ Мелитопольской и дѣтямъ.

— Садись,—сказалъ Мелитопольскій, указывая ему мѣсто подлѣ себя.—Что это ты такъ похудѣлъ? На себя не похожъ. Здоровъ, или боленъ, или ни то, ни другое?

— Здоровъ, здоровъ,—поспѣшно отвѣтилъ Давидъ.

— Какъ ты попалъ ко мнѣ? Сто лѣтъ не видѣлъ. Кажется, у тебя была жена? Жива? Что она дѣлаетъ? Есть дѣти? Будешь чай пить?

— Н... н... нѣтъ! Зачѣмъ чай? Уже пилъ, уже позавтракалъ,—не безпокойтесь,—отвѣтилъ Давидъ.

И тотчасъ хорошо разсказалъ о своей Этеле, которая слѣдовательно... слава Богу, и работаетъ,—и... слѣдовательно... о четырехъ дѣтишкахъ, которые тоже, слава Богу, бѣгаютъ во дворѣ, и, ничего себѣ, хорошія дѣти.

— Конечно, мучаемся немного, господинъ Мелитопольскій,—осторожно прибавилъ онъ,—но кто сейчасъ не мучается? Слѣдовательно... пустяки.

— Отлично, отлично,—довольнымъ тономъ сказалъ Мелитопольскій, внимательно выслушавъ Давида.—Видите, дѣти, обратился онъ къ сыновьямъ, вотъ кѣмъ держится нашъ народъ. Нашъ народъ, слава Богу, умѣетъ терпѣть, и это его спасаетъ. Не умретъ онъ во вѣки вѣковъ. Вотъ такіе Давиды его держатъ. Ты что, обратился онъ къ Давиду, по дѣлу ко мнѣ, или такъ, въ гости пришелъ?

— Немножко по дѣлу... немножко въ гости,—уклончиво отвѣтилъ Давидъ, безцѣльно улыбнувшись.

Вошла горничная, держа блюдо въ рукахъ; она обошла всѣхъ, сидѣвшихъ за столомъ. Пронесся запахъ жаренаго мяса. Зазвенѣли ножи, вилки. Стало шумно. Давидъ отвернулъ глаза

и сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ. Но отъ голода у него закружилась голова.

— Папа,—сказалъ вдругъ младшій сынъ,—спроси у Давида, какое у него къ тебѣ дѣло?

— Онъ, Сема, намъ сейчасъ разскажетъ,—отвѣтилъ Мелитопольскій.—Подвинь мнѣ горчицу, обратился онъ къ женѣ, и нарѣжь огурца. Налей вина въ стаканъ.

Давидъ сталъ ждать. Всѣ быстро ѣли, точно торопились куда-то. Никто не поднималъ глазъ. Стоялъ веселый звонъ отъ ножей и вилокъ. Горничная безшумно вышла и вернулась съ новымъ блюдомъ. Мелитопольскій каждый кусокъ запивалъ виномъ, таращилъ глаза, вытиралъ лицо отъ пота.

— Можетъ быть, ты голоденъ?—спросилъ онъ наконецъ.—Такъ ты скажи, не стѣсняйся.

— Кто?—едва слышно спросилъ Давидъ.—Я? Слѣдовательно... Уже позавтракалъ. Кушайте на здоровье.

— Видите, дѣти,—опять сказалъ Мелитопольскій,—по настоящему народъ живетъ лучше насъ. Раньше встаетъ, раньше закусываетъ. День у него большой. Не умно это, — скажете? Ну, чѣмъ ты позавтракалъ, Давидъ? Разскажи, а мы послушаемъ.

— Чѣмъ?—переспросилъ Давидъ.—Даже не помню! Хорошо позавтракалъ, хорошо. Скоро начну и молоко пить.

«Зачѣмъ я сказалъ: молоко? Развѣ мнѣ это нужно было сказать? пронеслось у него. Попроси его! Чего ты тянешь? Человѣкъ хорошо поѣлъ, хорошо выслушаетъ.

— Господинъ Мелитопольскій,—чуть чуть не сказалъ онъ,—у меня четверо дѣтей. Моя Этеле слабенькая, крутитъ шарфы цѣлый день. Нехорошо намъ. Вы бы заплакали, если бы увидѣли!...

Но вмѣсто этого онъ сказалъ:

— Въ этомъ году, говорятъ, всякій, кто будетъ торговать фруктами, хорошо заработаетъ...

— Ну? строго спросилъ Мелитопольскій, ковыряя пальцемъ въ зубахъ.

— Если бы у меня было рублей двадцать пять, тридцать,—отвѣтилъ Давидъ,—то взялъ бы свидѣтельство на право торговли, снялъ бы мѣсто, купилъ товару... Слѣдовательно... Вы думаете, что я въ городѣ сталъ бы торговать? Боже сохрани, въ городѣ! Гдѣ-нибудь, подлѣ дачъ... Хорошій воздухъ!

— Ну? еще разъ повторилъ Мелитопольскій.

— Тридцать рублей, чистый воздухъ,—повторилъ онъ, и

испуганно замолчалъ, вдругъ почувствовавъ, что не такъ надо было говорить.

Мелитопольскій разгладилъ салфетку, не спѣша сложилъ ее, и, не глядя на Давида, спросилъ:

— Что же ты замолчалъ? Сколько, ты сказалъ? Тридцать рублей? Ничего себѣ, ничего, не дурно назначилъ!

— Да, тридцать,—быстро проговорилъ Давидъ, испугавшись тона Мелитопольскаго.—Боже сохрани больше! И мнѣ даже не нужно! Я говорю только, что фрукты въ этомъ году...

Мелитопольскій скаталъ салфетку и посмотрѣлъ снизу вверхъ на Давида.

— Ты умный человѣкъ?—спросилъ онъ.—Сколько, напримѣръ, ты думаешь у меня сейчасъ денегъ въ бумажникѣ? Навѣрное скажешь: тысячи. Ничего,—вотъ что у меня въ бумажникѣ. А сегодня и завтра мнѣ нужно выплатить однѣхъ задаточныхъ подъ партію вина не больше не меньше, какъ десять тысячъ. Вотъ тебѣ и фрукты.

— Десять тысячъ,—съ искреннимъ сочувствіемъ проговорилъ Давидъ...

«Таки правъ, подумалъ онъ. Какъ можетъ онъ дать что-нибудь, если только для задатка ему нужно десять тысячъ. Какъ разъ кстати я пришелъ къ нему! Хорошее у меня счастье. Молодецъ Давидъ!..»

— Развѣ я прошу,—произнесъ онъ громко.—Нѣтъ, я только сказалъ, что если фрукты...

— Тебѣ нужны фрукты,—а мнѣ десять тысячъ. Можетъ быть, у тебя есть десять тысячъ? Дамъ тебѣ хорошій процентъ.

Мелитопольскій тутъ разсмѣялся. Разсмѣялись этой шуткѣ и за столомъ, и Давидъ тихо вторилъ всѣмъ имъ испуганнымъ смѣхомъ.

— И еще я не понимаю,—сказалъ Мелитопольскій, вставая,—зачѣмъ ты именно ко мнѣ пришелъ. Думаешь, у меня нѣтъ бѣдняковъ, поближе, чѣмъ ты? Этого товара довольно у меня, и съ ея стороны—онъ указалъ на жену,—и съ моей стороны. Наконецъ, есть благотворительныя общества. Плачу довольно. Пусть помогаютъ! И что они тамъ дѣлаютъ, чтобы ихъ чортъ побралъ! Зачѣмъ они существуютъ? Проводишь меня въ погребъ? Подожди, я только сюртучекъ надѣну.

— Отчего нѣтъ, господинъ Мелитопольскій, провожу васъ съ удовольствіемъ. Уже былъ въ благотворительномъ обществѣ! Былъ,—не разъ! Но ничего не дали. Развѣ я одинъ въ городѣ? Фрукты, говорятъ...

— Опять онъ съ фруктами! Брилліантами еще лучше торговать. Поддержи сюртучекъ.

Мелитопольскія всунулъ руку въ рукавъ и, кряхтя, говорилъ:

— Спасибо тебѣ, спасибо, Давидъ! Идешь?

— Иду,—конечно! До свиданія,—произнесъ онъ кланяясь всѣмъ.—Чѣмъ я виноватъ,—опять улыбнулся онъ, обращаясь къ госпожѣ Мелитопольской, — если говорятъ, фрукты! Слѣдовательно... для меня, пусть даже не растутъ. Развѣ я ихъ ѣмъ когда нибудь? Но,—продолжалъ Давидъ, спускаясь съ лѣстницы, позади Мелитопольскаго,—если бы у меня было рублей двадцать пять, или хоть двадцать рублей, я могъ бы немного поправиться. Заставилъ бы мою Этеле отдохнуть нѣсколько дней. Вѣдь она, господинъ Мелитопольскій, съшести утра до десяти вечера крутитъ эти шарфы,—съ грустью сказалъ онъ.—А сколько зарабатываетъ? Сорокъ, много пятьдесятъ копеекъ. Уже безъ глазъ, бѣдная, осталась! И выглядитъ старше меня. Гораздо старше.

— А мнѣ, Давидъ,—жаловался Мелитопольскій, быстро шагая,—нужно до завтра, хоть кровь изъ носа, достать десять тысячъ. Попалась замѣчательная партія вина, и выгодно. Помѣщику деньги нужны и отдаетъ по рублю дешевле на ведро. Вотъ, Богъ поможетъ, сдѣлаю дѣло, пошлю дѣтей за границу. Двухъ въ университетъ не принимаютъ. И мы поѣдемъ. Женѣ нужно въ Карлсбадъ, у нея печень, а у меня почки.

Такъ разговаривая, дошли они до погреба. Мелитопольскій досталъ изъ жилетнаго кармана серебряный рубль и отдалъ его Давиду.

— Да,—сказалъ онъ,—не смѣшно, Давидъ? Встрѣтились два еврея разъ въ десять лѣтъ, и обоимъ какъ разъ нужны деньги. Ну, иди съ Богомъ. Не падай духомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ Мелитопольскій,—отвѣтилъ Давидъ, держа въ зажатой рукѣ монету.—Конечно! Слѣдовательно... благодарю васъ. Вамъ Богъ тоже поможетъ.

Мелитопольскій, кивнувъ головой, ушелъ, а Давидъ еще долго стоялъ и клянялся.

«Что я сдѣлаю съ этимъ рублемъ? Я же говорилъ имъ, что меня не надо посылать, думалъ онъ. Не умѣю просить. Можетъ быть другому Мелитопольскій далъ бы денегъ. Такого, какъ я, надо положить въ могилу, и буду хорошо лежать. Хоть бы освободилъ Этеле отъ себя. Ахъ, тетя Мирль, тетя Мирль, зачѣмъ вамъ нужно было еще и замучить меня!..

Каморка тэти Мирль, жены Мотля Грабатника,—маленькій Ноевъ ковчегъ. Находится она рядомъ съ каморкой Давида Левина. Тетя Мирль пріятная, высокая, еще стройная женщина лѣтъ пятидесяти, всегда съ платочкомъ на головѣ. Тетю Мирль всѣ любятъ. Она строгая, справедливая женщина, сдержанная. За ея душевную чистоту сосѣди высоко цѣнятъ ее. Но больше всѣхъ ее любитъ и чтитъ Мотль Грабатникъ, ея мужъ, поденно работающій у экспортера Перельмана. Мотль просто обожаетъ свою Мирль, преклоняется передъ ея умомъ. Все ему дорого въ ней, и что она строгая, что носитъ желтенькій платочекъ на головѣ, даже ея морщины, даже ея сѣдые волосы. Ни одного шага онъ не сдѣлаетъ, не посовѣтовавшись съ тетей Мирль, не спросивъ ея мнѣнія. Такъ живутъ они уже тридцать лѣтъ, и какъ начали хорошо, дружно, такъ живутъ и до сихъ поръ.

А что такое Мотль? Ничто! Добрая овца съ почтенной сѣдой бородой. Хорошій работникъ, исправный, толковый. Пользуется любовью хозяина. Ему уже стукнуло пятьдесятъ пять лѣтъ, но онъ еще и сейчасъ бодръ, крѣпокъ, сохранилъ всѣ зубы. Когда-то, у стараго хозяина, онъ получалъ шестьдесятъ копеекъ въ день, теперь у новаго, послѣ двадцати лѣтъ работы, получаетъ рубль двадцать и рубль сорокъ, однако лучше отъ этого не стало... Ну? И ну!... Такъ и жили, вырастили кучу дѣтей на эти копейки. Старшихъ двухъ сыновей оженили, и живутъ они теперь въ Аргентинѣ, гдѣ имъ дали землю. Сдѣлались хорошими мужиками, имѣютъ немного скота, и оба живутъ тамъ не плохо, но и не особенно хорошо. Такъ себѣ! Но хоть не чувствуютъ гнета, — одно это чего стоитъ? Мотль бы уѣхалъ къ нимъ, но тетя Мирль не соглашается покинуть свой городъ. Здѣсь родились, здѣсь и умрутъ!

Есть еще у Мотля двѣ дочери, не замужнія, и третій сынъ, Вавка. Вавкѣ пошелъ восемнадцатый годъ... Онъ работаетъ у шапочника, и уже тоже женатъ. Женился онъ полтора года тому назадъ на четырнадцати-лѣтней Лейкѣ, и по совѣту пріятелей уѣхалъ съ Лейкой въ Лондонъ устраиваться. Но тамъ имъ не повезло, и оба вернулись назадъ, къ Мотлю. Лейка родила дома дѣвочку, — ахъ, что за дѣвочка, вылитая тетя Мирль, и назвали ее Хайкеле... И маленькую Хайкеле всѣ обожаютъ, весь дворъ... Кто бы не прошелъ мимо, непремѣнно, хоть на минуту забѣжитъ къ тетѣ Мирль взглянуть на Хайкеле, поцѣловать ее. Когда пятнадцати-лѣтняя Лейка усаживается въ уголку покормить грудью Хайкеле, всѣ въ комнатѣ умиляются!

«Посмотрите-ка на эту мать, и на эту дочь!». Мотль садится въ сторонѣ и смѣется въ бороду.

Кромѣ семьи, у тети Мирль живутъ два квартиранта,—все таки легче за квартиру платить. Одинъ уголъ занимаетъ почтенный Пиня, сапожникъ съ дочерью Бетькой, больной, калѣкой. У нея парализованы обѣ ноги. Въ другомъ углу живетъ слѣпой Мойше Гольденбергъ съ красавицей женой Зельдой. Еще недавно, годъ тому назадъ, Мойше Гольденбергъ былъ хозяиномъ, владѣлъ хлѣбной лавкой, которая хорошо торговала. И вдругъ Богъ его наказалъ,—ослѣпилъ. Потихоньку обѣднѣли, страдали, мучились, продали лавку и сняли уголъ у тети Мирль. Теперь Зельда каждое утро выводитъ Мойше, котораго никто уже не называетъ Гольденбергомъ, а Мойше слѣпой,—усаживаетъ его подлѣ рынка на скамеечку, и онъ всѣмъ проходящимъ, захлебываясь отъ слезъ, разсказываетъ о своемъ несчастьи.

— Помогите бывшему хозяину, котораго Богъ наказалъ. Подайте что-нибудь. Помогите хозяину, котораго Богъ ослѣпилъ.

Вечеромъ за нимъ приходитъ красавица Зельда, эта самая Зельда, которая жила у Гольденберга, какъ царица, которой— кто не завидовалъ? — беретъ его подъ руку и ведетъ домой. Когда она проходитъ съ нимъ по двору, встрѣчные сосѣди отворачиваются изъ сожалѣнія, а женщины плачутъ.

Сегодня у тети Мирль неудачный день, но не потому, что дочери не пошли на работу. И такъ имъ больше трехъ дней въ недѣлю нечего дѣлать у хозяина жилетника. Если и четвертый день посидятъ дома, — ничего, отецъ загладитъ. Но передъ вечеромъ пришло письмо изъ Аргентины отъ старшаго сына. Стали читать, и длилось это долго. Все хорошо, писалъ сынъ, все слава Богу, посѣяли какъ слѣдуетъ, только машиной ему нечаянно оторвало два пальца.

Мотль долго кряхтѣлъ, пряталъ лицо въ руки. Тетя Мирль молча плакала, утирала глаза концами желтенькаго головного платка. Лейка плакала...

— Ничего, ничего, Мотль,—сказала наконецъ тетя Мирль,— есть Господь на небѣ! Оторвало два пальца,—это еще милостиво, могло оторвать и руку, или обѣ руки.

Такъ прошло время въ разговорахъ, пока не зажгли лампу. Послѣ грустныхъ сумерекъ, отъ свѣта стало уютнѣе, даже какъ будто веселѣе. Лейка пошла въ уголъ, сѣла на табуретку и стала кормить Хайкеле. Тишину пріятно оживилъ ея крохотный голосокъ. Когда Хайкеле уснула, тетя Мирль сказала съ умиленіемъ.

— Наработалась дѣвочка, утомилась! Положи ее въ кровать!

Журнальный фонд ... обл. библиотеки

— Мнѣ сладко ее держать,—отвѣтила Лейка.—Пусть у меня на рукахъ поспитъ.

— Пусть на рукахъ,—согласилась тетя Мирль.

Отворилась дверь, и въ комнату вошли Давидъ и Этеле. Давидъ держалъ на рукахъ свою любимицу Розочку, а Этеле вела Арончика. Войдя, оба произнесли: «Добрый вечеръ!»—и поискали глазами мѣсто, гдѣ бы присѣсть. Но такъ какъ нашлось только одно, то сѣла Этеле, а Давидъ подошелъ къ стѣнѣ и оперся о нее.

Мотль посмотрѣлъ на обоихъ, и тотчасъ сталъ перебирать темными, заскорузлыми пальцами свою сѣдую бороду.

— Что у васъ слышно, тетя Мирль,—спросила Этеле, и тотчасъ за нее отвѣтила.—Слышали, уже слышали! Этакое несчастье. Вотъ вамъ и Аргентина, вотъ вамъ и обрабатывать землю. Развѣ мы можемъ обрабатывать землю, или знаемъ какъ. Вотъ вамъ и этотъ рай, Аргентина. Хорошій рай!

— Все таки хлѣбъ имѣетъ,—отозвалась тетя Мирль, глотая слезы.—Немножко скота есть. Свое молоко, свое масло. И за то слава Богу. Потерять два пальца еще не худшее. А у васъ что новаго?

Только этого вопроса какъ будто и ждала Этеле. Она тотчасъ сдержанно заплакала, и лицо и лобъ покрылись сѣтью морщинъ. Она не голосила, только тихо сопѣла въ руку, которой прикрыла глаза, но видно было, что плачутъ у нея не только глаза, и что не только сморщилось лицо, но что плачетъ и сморщилась вся она, все ея тѣло.

— О насъ не спрашивайте, дорогая Мирль,—полушепотомъ сказала она.—Десять смертей я приняла бы за эту жизнь.

Давидъ Левинъ при первыхъ же ея словахъ, отъ стыда, отъ боли, повернулся къ стѣнѣ лицомъ.

— Моя жизнь! Уже нѣтъ силъ, Мотль, дорогая тетя Мирль. Если бы вы видѣли мою жизнь. Уже не могу больше, не могу... Дѣти же таютъ на моихъ глазахъ. О себѣ уже не говорю. На него посмотрите!

— Зачѣмъ это, Этеле, для чего?—отозвался Давидъ.—Все равно не поможетъ... Слѣдовательно... когда нѣтъ работы....

— Дѣйствительно не поможетъ, Давидъ. Развѣ я не знаю? Уже мѣсяцъ, Мотль, какъ онъ былъ у Мелитопольскаго. Хоть бы на грошъ хлѣба заработалъ. Уже вынесли все, что имѣли, все: подушку, послѣднее пальто, а что завтра будетъ? Что мнѣ съ дѣтьми дѣлать?

— Сядьте, ну сядьте,—сказалъ Мотль,—не убивайтесь такъ.

Вошелъ почтенный Пиня, сапожникъ, сказалъ «добрый вечеръ», положилъ инструментъ въ углу и сѣлъ возлѣ Бетьки. Изъ подъ кровати онъ вытащилъ корзинку, досталъ изъ нея тарань, лукъ, хлѣбъ, чтобы поужинать съ Бетькой.

— Этеле плачетъ,—сказалъ онъ, отодравъ кусокъ тарани, и положивъ ее въ ротъ,—эта всегда плачетъ.

— Что ей еще дѣлать?—отозвался Мотль.

Почтенный Пиня откусилъ лукъ, пожевалъ его.

— Конечно, конечно, кто говоритъ? Только плачь-не плачь, а пока стеколъ не перебьешь—лучше не станетъ. Въ своей жизни только билъ стекла и оттого еще держусь. Не молчалъ, не спалъ, дѣйствовалъ, искалъ. Меня голодомъ не заморишь, какъ другихъ, ого! Кушай, Бетька, кушай! Новость,—не хочетъ тарани! Жареныхъ куриц тебѣ подать? Не имѣю.

— А отчего вы не скажете, Пиня,—отозвался Мотль,—почему наши богачи совсѣмъ отвернулись отъ насъ? Развѣ въ городѣ мало Мелитопольскихъ? Могли бы что нибудь сдѣлать для насъ.

— Они для васъ сдѣлаютъ!—разсмѣялся Пиня.—Хорошо сказали! Ого! Нашли о комъ говорить...

Онъ положилъ тарань и сталъ говорить о томъ, о чемъ всегда говорилъ: о богачахъ, о ихъ равнодушіи къ народнымъ нуждамъ, объ ихъ лицемѣріи, объ ихъ постыдныхъ учрежденіяхъ, которыя они называютъ благотворительными, о томъ, какъ народу плохо, потому что ему не даютъ жить, и на мигъ всѣ забыли о Давидѣ и Этеле.

— Что же однако ждетъ насъ?—испуганно спросилъ Мотль.

— Что? Пропа́сть,—отвѣтилъ Пиня.—Если не случится чуда теперь, мы пропали. Но я вѣрю. Чудеса еще возможны. Въ иныя минуты бываетъ, что и одинъ человѣкъ можетъ совершить чудо, а народъ и того скорѣе. Только на это надо надѣяться. И я вѣрю въ чудо, какъ въ то, что сейчасъ живу, разговариваю съ вами.

— Изъ вашихъ устъ, да въ уши Господа,—сказала тетя Мирль.

— Когда же это случится?—съ тоской произнесла Этеле.—А пока? Не пропадутъ мои дѣти? Перестань, Давидъ,—вдругъ крикнула она,—перестань. Этого я уже не вынесу.

— Когда же я не могу,—страннымъ, не своимъ голосомъ, выговорилъ Давидъ.—Зачѣмъ я мучаю тебя? Развѣ безъ меня

тебѣ бы не было легче? Сижу на твоихъ плечахъ и гну тебя къ землѣ. Вотъ эту мою муку никто понять не можетъ... слѣдовательно...

Въ открытое оконце доносился говоръ со двора. Была въ немъ своя музыка, суетливая, надорванная, безъ одного радостнаго тона.

— Можетъ быть такъ просятъ о чудѣ?—думалось Мотлю.—Но когда же, когда?

Опять открылась дверь, и суетливо, приговаривая, вошла красивая Зельда, ведя за руку слѣпого Мойше.

— Сюда, сюда,—говорила она.—Вотъ мы и пришли.

Она осторожно, точно онъ былъ ребенокъ, ввела его въ комнату и посадила на стульчикѣ, который принесла съ собой.

— У него сегодня былъ плохой день, сказала Зельда, ни къ кому не обращаясь.—Голова у него болѣла. И собралъ всего двадцать копеекъ за этотъ длинный день.—Столько нищихъ расплодилось, что некуда отъ нихъ дѣваться. И откуда только они берутся? Поищу для Мойше другого мѣста.

— Гдѣ же ты, Зельдочка?—крикнулъ Мойше.—Сядь возлѣ меня, Зельдочка. Боюсь одинъ сидѣть. Все мнѣ кажется, будто кто то стоитъ подлѣ меня съ ножомъ, и вотъ-вотъ зарѣжетъ. Хочется кричать. Все мнѣ кажется, будто кто-то меня ударить хочетъ...

— Я же здѣсь, возлѣ тебя,—отвѣтила Зельда, кусая губы.—Куда я ушла, и куда могу уйти?

Давидъ посмотрѣлъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, но отъ стыда не сказалъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ. Этеле опять стояла противъ тети Мирль, маленькая, старенькая, худенькая, и продолжала... о томъ же.

Слушая ее, тетя Мирль вспомнила о своемъ горѣ.

Мотль, опустивъ голову, перебиралъ пальцами свою сѣдую бороду.

Бабушка Эня, нищенка, мать Давида Левина, съ утра до вечера бѣгаетъ по городу. Вотъ она здѣсь, а черезъ часъ уже въ другомъ мѣстѣ. И она ходитъ, ходитъ неустанно, съ протянутой рукой, въ лохмотьяхъ, съ рваной шалью на плечахъ, съ коричневымъ платочкомъ на головѣ, молчаливая, сосредоточенная. Ходитъ разбитыми, въ ранахъ, ногами, и вспоминаетъ, обдумываетъ, какіе дома она сегодня посѣтитъ. На лицѣ у нея постоянно одно выраженіе: подайте старухѣ, и Богъ вамъ поможетъ.

Она входитъ въ домъ, звонитъ у дверей, и покорно ждетъ пока ей не вынесутъ грошъ или копейку. Она принимаетъ монету, не глядя на нее, киваетъ головой и молча уходитъ. Въ иныхъ домахъ ей подаютъ охотно, потому что больше одного раза въ недѣлю ее не видать. У тѣхъ она появляется въ воскресеніе, у другихъ въ понедѣльникъ, у третьихъ во вторникъ... Случается, ее встрѣчаютъ недружелюбно. Но она не сердится: такое ремесло! Придетъ, позвонитъ и стоитъ, ждетъ... Кто нибудь выйдетъ, махнетъ рукой, чтобы она ушла. Она покорно поворачивается и торопливо, какъ бы извиняясь за безпокойство, уходитъ, но черезъ недѣлю опять является, опять звонитъ...

Всѣ гроши, копѣйки, она держитъ въ парализованной рукѣ, которую прикрываетъ шалью. И такъ, нѣмая, она рыщетъ весь день, пока не соберетъ двадцати, двадцати пяти копеекъ. Тогда она возвращается домой. Въ своемъ кварталѣ она покупаетъ себѣ молока, хлѣба, сахара, цикорія, иногда какую нибудь овощь. Купленное она дѣлитъ пополамъ,—одну часть съѣдаетъ вечеромъ, а другую утромъ. Такъ бабушка Эня живетъ изо дня въ день уже много лѣтъ.

Жаркій іюльскій день на исходѣ. Бабушка Эня все чаще смотритъ на солнце. Она уже очень устала,—старыя, больныя, въ ранахъ ноги трясутся, съ трудомъ поднимаются по лѣстницамъ этажей, съ трудомъ передвигаются. Скоро ли уже наберется двадцать копѣекъ? Уже солнце садится, пора бы домой, но надо итти... ради Давида! У нея вѣдь одинъ Давидъ. Намучилась съ нимъ въ его дѣтствѣ, мучилась съ нимъ всю жизнь,—послужитъ ему до конца. Сколько ей еще жить осталось? Что она можетъ пожелать для себя? Пока еще держится на ногахъ, будетъ трудиться для него. Когда-то мечтала собрать денегъ себѣ на саванъ. Не хочется лежать въ землѣ въ чужомъ саванѣ. Но Богъ не далъ. Пусть будетъ Его воля. Каждый день понемножку, понемножку, и растаскали ея десять рублей, которые она хранила въ чулкѣ. Но она не ропщетъ. Она! Никогда! Она—мать! И не жалѣетъ, что перестала молоко пить. Старому человѣку много ли нужно? Немножко молока, немножко цикорія, но... можно обойтись и безъ этого. Только бы Давидъ не узналъ, что она уже не пьетъ ни молока, ни цикорія. Не дай Богъ узнаетъ, откажется брать у нея молоко, хлѣбъ... Еще заплачетъ и скажетъ ей:

— Что же ты, мама, меня мучаешь? Могу ли я ѣсть, если ты голодаешь?

Вотъ почему домой она приходитъ веселая, веселая.

— Опять, Давидъ, принесла сегодня тридцать копеекъ. Въ одномъ домѣ меня накормили. Что скажешь о людяхъ? Какіе добрые! Пошли имъ, Господь, здоровья. Дѣтямъ ихъ пошли счастье...

Кончился длинный, тяжелый, жаркій день. У бабушки Эни двадцать пять копѣекъ въ рукахъ, можно и домой пойти. И вотъ идетъ она радостная и высчитываетъ:

— Два стакана молока—пять копеекъ, хлѣбъ—пять копеекъ, селедка—шесть копеекъ...

Накормитъ Давида и прикажетъ ему лечь. Пусть бѣдный отдыхаетъ. Только бы Этеле не увидала, и дѣти не замѣтили. А то, узнавши, подойдутъ, станутъ возлѣ Давида, и онъ все отдастъ дѣтямъ: селедку, молоко, хлѣбъ, картофель,—и пропали ея труды. А вѣдь уже къ осени идетъ. Какъ онъ осенью будетъ работать, если не поправится?

Въ своемъ кварталѣ, бабушка Эня входитъ въ лавочку.

— Дайте молока! Только хорошаго. Дайте селедку,—только жирную. Хлѣба,—только свѣжаго. Мнѣ для моего Давида...

Давидъ сидитъ во дворѣ подлѣ своей каморки. На рукахъ у него Розочка. Этеле работаетъ. За цѣлый день еще не передохнула. Дѣти играютъ на улицѣ.

— Сиди, Розочка,—серьезно сказалъ Давидъ,—сиди у отца, маленькая. Не надо тебѣ бѣгать. Ты слабенькая.

Онъ бесѣдуетъ съ ней, какъ съ взрослой. Только-что онъ ей разсказалъ, какъ у нихъ плохо, разсказалъ про Этеле. Розочка всегда внимательно слушаетъ, мигаетъ, какъ Давидъ, глазками и на все едва слышно отвѣчаетъ, кивая головкой.

— Да, да.

Во дворѣ не видно мужчинъ. Всѣ еще на работѣ. Женщины звонко переговариваются, разсказываютъ безконечныя исторіи другъ другу, иногда ни съ того, ни съ сего начинаютъ браниться... Длинная, неуклюжая, безформенная тѣнь ложится подлѣ Давида, подползаетъ къ нему, поднимается по его ногамъ, и наконецъ всего накрываетъ.

— Тебѣ не холодно, Розочка?—спросилъ Давидъ.—Пересядемъ. Мнѣ нужно солнце и тебѣ. Ты вѣдь знаешь, что намъ нужно солнце.

Розочка кивнула головой, обняла за шею и поцѣловала его волосатую щеку.

Вотъ они опять сидятъ на солнышкѣ. Оба голодны, но знаютъ, что о голодѣ нельзя говорить. Надо подождать, пока

мама кончитъ работу, тогда она купитъ хлѣба, селедку, сваритъ картофель и всѣмъ дастъ понемногу.

— Ты у меня умница, Розочка,—правда?

— Да,—отвѣтила она тихо и моргнула глазками.

Пріятно ей сидѣть у отца на рукахъ... Играть уже не хочется, ни бѣгать, ничего не хочется. Только бы сидѣть вотъ такъ и слушать его. Въ углу двора играютъ мальчишки, кричатъ, бѣгаютъ... Издали ей пріятно смотрѣть на нихъ, прижиматься къ отцу, играть его большими пальцами. Иногда она смотритъ на небо, жмуритъ свои черные глазки съ изогнутыми рѣсницами. Маленькіе блестки кружатся надъ ея головой.

— Что это, папа? А вотъ дымъ поднялся тамъ, далеко? Видишь? Куда это птицы летятъ?

И Давидъ ей отвѣчаетъ, тихимъ голосомъ разсказываетъ обо всемъ, что знаетъ. Изъ оконъ на нихъ глядятъ женщины, то оттуда, то отсюда.

— Все этотъ бѣдный Давидъ! Посмотрите, какъ онъ разговариваетъ съ своей Розочкой! Такой хорошій, добрый человѣкъ,—ягненокъ! Какой мужъ, а счастья нѣтъ.

— Жизнь,—пояснялъ черезъ минуту Давидъ Розочкѣ,—это то, что ты теперь маленькая, а завтра уже будешь больше. Вотъ что есть жизнь, Розочка. И когда никому не мѣшаешь. А я всѣмъ мѣшаю,—прибавилъ онъ тихо.

— Ты?—переспросила Розочка.

— Да,—отвѣтилъ Давидъ.—Если бы меня не было, мамѣ стало бы легче. И это меня мучитъ. Мама уже работать не можетъ. Совсѣмъ безъ глазъ осталась.

— А какъ ты можешь не быть,—спросила Розочка и прижалась тѣсно спиной къ его груди.

— Такъ! Ты думаешь, я боюсь? Совсѣмъ не боюсь. Только бы мамѣ легче стало... Кажется, бабушка пришла,—сказалъ онъ всматриваясь.—Да, это она! Посмотри, Розочка, бабушка у воротъ стоитъ.

— Давидъ, Давидъ,—шепотомъ кричала бабушка Эня,—ступай сюда.

Онъ всталъ и, съ Розочкой на рукахъ, пошелъ къ воротамъ.

— Принесла тебѣ,—радостно говорила бабушка Эня,—молока. Ахъ, какое молоко! Селедку!.. Еще не видѣла такой селедки. Наслажденіе!.. Опять я сегодня тридцать копеекъ собрала. Слава Богу!.. И въ одномъ домѣ меня накормили. Пошли имъ Богъ здоровья!

— Я не голоденъ, мама, — сказалъ Давидъ, опустивъ

глаза.—Нѣтъ аппетита. Что ты дѣлаешь? Лучше дѣтей накорми, Этеле...

— Уже и нѣтъ аппетита,—притворно разсердилась бабушка Эня.—Будетъ аппетитъ. Ты лучше посмотри, какая селедка. Одинъ жиръ, а не селедка. Пойдемъ въ уголочекъ. Тамъ тебя никто не увидитъ. Посидишь, спокойно покушаешь.

— Мучаешь ты меня, мама,—сказалъ Давидъ.—Не могу я кушать, если дѣти голодны.

— А ты мнѣ не ребенокъ? Ты тоже ребенокъ. Поправишься, тогда и дѣтямъ хорошо будетъ. Сядь же, ну, сядь. Что ты изъ меня душу тянешь! Возьми хлѣбъ. Ахъ, какой хлѣбъ, настоящій пряникъ. Стану противъ тебя и закрою отъ всѣхъ. Ну, дай Розочкѣ кусочекъ. Ей дай, и никому больше. Это мой трудъ. Для тебя цѣлый день бѣгала.

Давидъ сталъ ѣсть... Слезы выступили у него на глазахъ. Тамъ Этеле работаетъ, съ утра еще не ѣла, а онъ... Дѣти бѣгаютъ голодные, хоть бы имъ что-нибудь оставить, картофеля, хлѣба...

— Кушай, кушай,—требовала бабушка Эня, не безпокойся! Я тоже люблю дѣтей. Оставила для нихъ три копѣйки. Кушай! Розочка, довольно! Не бери у отца,—ты же умница. Отецъ больной, ему надо много кушать.

— Я не беру,—прошептала Розочка,—пусть отецъ кушаетъ.

Давидъ пьетъ молоко и внутренно плачетъ. Спазмы каждый разъ сдавливаютъ его горло. «Этакая несчастная жизнь! Мужчина, а чего онъ стоитъ? А работы нѣтъ нигдѣ, хоть умри».

— Мама, можетъ быть, ты хоть молока выпила бы? гдѣ тебя тамъ накормили? Что ты мнѣ разсказываешь? Думаешь, не понимаю?...

— Конечно, накормили... Дожить мнѣ такъ до завтра! Пей же! Мнѣ молока! Что я грудной ребенокъ?

— Если бы я не стыдился, мама,—вдругъ сказалъ Давидъ,—я бы такъ заплакалъ, такъ заплакалъ, что вся улица сбѣжалась-бы.

— Почему?—воскликнула бабушка—Эня. Мать можетъ кормить! Былъ ты моимъ ребенкомъ и остался имъ. Какая мнѣ разница, маленькій ли ты, или большой? Мой ребенокъ, моя забота, мой мозгъ отъ костей!.. Ну, слава Богу, вотъ ты и покушалъ, молока выпилъ. Теперь пойди, прилягъ... Становится прохладно. Давидъ молча всталъ и пошелъ. Бабушка Эня поплелась за нимъ. Вошли въ комнату. Этеле посмотрѣла на нихъ, опустила голову и продолжала работать. Давидъ легъ.

... Неизвѣстно было, какъ наступила ночь,—не помнилось... Кажется, дѣти плакали! Да, плакали. Кажется, были опять въ гостяхъ у тети Мирль! Совѣтовались, обсуждали... Кажется... но кто запомнитъ, какъ проходятъ эти, такъ похожіе одинъ на другой, столько разъ повторявшіеся вечера, съ ихъ безцѣльными разговорами, жалобами, стонами...

Давидъ Левинъ лежалъ съ Этеле на полу и шептался съ ней. Этеле плакала, вскидывала свои маленькія худыя руки, трепетно бросала страстный шопотъ во тьму. Давидъ изрѣдка касался сухими, горячими губами ея лба, и незлобиво посматривалъ на темное окно. Свободно, сильно, безстыдно, точно состязались между собой, храпѣли по угламъ,—тачечникъ Миронъ и старьевщикъ Лейзеръ,—два живыхъ автомата, счастливые, что отдыхаютъ ихъ тѣла, уставшія за длинный день безсмысленнаго труда... Давидъ прислушался.

«Храпятъ! Что имъ! Будто умерли, радуются, что не чувствуютъ, не мучатся».

И ему вдругъ показалось, что все живущее, страдающее проситъ себѣ вотъ такого же отдыха, избавленія, проситъ смерти... Онъ опять прислушался. Этеле все шептала...

... «Да, какъ будто всѣ просятъ себѣ смерти. Просятъ о смерти сосѣди по каморкамъ, смерти - покоя проситъ этотъ ужасный, страшный домъ, весь изъ стоновъ, мученій, страданій, просятъ тысячи такихъ домовъ, съ такими же мучениками, просятъ объ исчезновеніи, чтобы настала наконецъ въ мірѣ тишина, покой...

— Я сейчасъ вернусь,—дрожа сказалъ Давидъ, вдругъ поднявшись.—Засни...

Еле, еле свѣтало, когда онъ вышелъ. И воздухъ былъ свѣжій, прохладный, пріятный... Высокій, какъ призракъ, худой, онъ шелъ по двору, осторожно обходя спавшихъ подлѣ своихъ каморокъ, и думалъ Богъ знаетъ о чемъ.

Внезапно въ душѣ его наступила тишина.

«Завтра будетъ большой переполохъ», подумалъ онъ.

Онъ ясно увидѣлъ, какъ лежитъ на полу, на соломѣ, ногами къ дверямъ, желтый, съ закрытыми глазами. Въ каморкѣ много народу. Стоятъ, плачутъ. Онъ видитъ Этеле. Она плачетъ, убивается. «Милая Этеле, дорогая жена, бѣдный товарищъ! Для тебя это дѣлаю, ради дѣтей! Не будетъ меня, тебѣ станетъ легче. Найдутся добрые люди, разберутъ дѣтей, будутъ учить ихъ ремеслу. Потому что, вѣдь, нѣтъ другого исхода,

Этеле! Думаешь, я смерти боюсь? Дорогая жена моя, жизнь страшнѣе смерти!..»

«Будетъ переполохъ, сосѣди и чужіе пожалѣютъ его и Этеле. Но послѣ завтра похоронятъ. И это я вижу, Этеле! Вижу, какъ ты идешь позади гроба, возлѣ тебя тетя Мирль, Мотль и другіе знакомые... Вижу, какъ ты бьешься у нея въ рукахъ... Только меня тебѣ жаль! Но вѣдь это ради тебя, ради дѣтей... Трудно мнѣ стало дольше переносить...

«Вижу тебя, Этеле, на кладбищѣ, какъ рвешь на себѣ волосы, какъ кулакомъ въ гробъ стучишь, разливаешься отъ слезъ, не хочешь, чтобы меня землей засыпали... Ахъ, всѣмъ бы намъ уйти въ землю!

«Но ужъ послѣзавтра начнется другая жизнь. Станешь думать о настоящемъ и потихоньку, потихоньку, Этеле, забудешь меня. Пусть Богъ поможетъ!»

Солнце медленно, медленно поднималось тамъ вдали, за домами. А передъ нимъ все мелькали видѣнія, такія яркія, такія радужныя: «станетъ легче, Этеле!»...

...И только солнце увидѣло, какъ онъ это сдѣлалъ...

Семенъ Юшкевичъ.

ЛѢТОМЪ.

Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ.
Мы въ лунныя ночи гуляли,
Бывало, надъ озеромъ долго сидимъ...
А утромъ въ *лавнъ-теннисъ* играли...
А въ дождь—„Аррагонскую Хоту“ твердимъ
Въ четыре руки на рояли...
Мнѣ было такъ просто такъ весело съ нимъ!

А нынче—я нынче сама не своя:
Я утромъ цвѣты поливала
И вдругъ за куртиной услышала я
Шаги—и походку узнала, —
Такъ близко—гдѣ старая эта скамья...
На ней я такъ часто мечтала,
А нынче—я нынче сама не своя.

Хотѣла бѣжать, или крикнуть—нѣтъ силъ.
И слышу отъ слова до слова—
Онъ съ гостемъ, онъ съ другомъ своимъ говорилъ,
Что счастья не знаетъ иного,
Что любитъ меня, что давно полюбилъ,
Что лѣтомъ—что сердце—что снова...
Хотѣла бѣжать, или крикнуть—нѣтъ силъ.

Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ...
Какое жестокое лѣто!
Зачѣмъ же онъ встрѣтился съ другомъ своимъ!
Зачѣмъ же я слышала это!
Зачѣмъ же онъ мною любимъ—не любимъ...
Не знаю, не знаю отвѣта!
Мнѣ было такъ просто, такъ весело съ нимъ...

Юрій Верховскій.

ПРИЗРАКИ

(Изъ повѣсти дней моихъ).

Окончаніе [1]).

Сейчасъ же за мельницей, черное осмоленное колесо которой кажется чугуннымъ, начинается мокрый, скользкій спускъ къ ручью, по склону, заросшему густой травой. Русло ручья сплошь каменное; онъ вьется въ изгибахъ огромныхъ плитъ гранита. Онъ—горный ручеекъ.

Тамъ, гдѣ вода еще не нашла себѣ ровной дорожки, тамъ небольшой водопадъ. Водопадъ—это, пожалуй, немножко смѣло. Просто вода—а ея не больше, какъ если бы ее выливали изъ ведра,—съ обомшалой ложбины падаетъ метра на два внизъ, сначала на каменный выступъ, тоже зеленый-обомшалый, а потомъ, разбитыми струями, въ маленькій бассейнъ. Мнѣ онъ нравится, этотъ водопадъ. Здѣсь онъ съ успѣхомъ замѣняетъ мнѣ Иматру и скалы римскаго Тиволи.

Разница вотъ въ чемъ: тѣ поражаютъ, дѣлая глухимъ, этотъ же, напротивъ, пріучаетъ уши слушать. Онъ завораживаетъ и самъ разсказываетъ сказки и были. Совсѣмъ неумышленно дѣлаетъ это. Я объясню: онъ самъ ничего не знаетъ, сказка рождается лишь сейчасъ, въ его журчаньѣ, но имѣющій уши—слышитъ ее, но имѣющій сердце—понимаетъ ея смыслъ. Родна, близка она имѣющему сердце. Въ говорѣ ручейка память допѣваетъ ему недопѣтую мелодію.

Какъ сотни и тысячи людей, я иду къ природѣ отряхнуть накипь житейскаго. Какъ они—дышу, отдыхаю, окисляя кровь чистымъ воздухомъ; пахнетъ мятой и холодной водой. И, при-

[1]) См. ноябрь, стр. 107.

выкнувъ къ работѣ, я пытаюсь и здѣсь работать; но въ бассейнѣ ручейка скользятъ по поверхности пауки и паучки, и мнѣ это забавно и интересно. Потомъ говоръ вверху—это несутъ зерно на мельницу; смотрю на несущихъ, они на меня: еще пять минутъ проходятъ въ бездѣльѣ. Упалъ въ воду бѣлый паукъ-крестовикъ и пошелъ ко дну: онъ ползаетъ на днѣ, и мнѣ его жаль, я сую ему палку, помогаю выйти на поверхность: потомъ бросаю его въ кусты, можетъ быть и не туда, куда ему хотѣлось бы. Но недоставало еще, чтобы я самъ сталъ разыскивать его домъ! Да и найдетъ,—ему не къ спѣху. Въ награду за помощь пауку вижу землянику, первую спѣлую ягоду. Получаса какъ не бывало. Въ небѣ барашки. Съ пригорка пахнуло апельсиннымъ цвѣтеньемъ.

— Эрколе-е-е!—кричитъ баба наверху. Къ ней поцбѣгаетъ мальчуганъ съ большимъ животомъ: это его-то зовутъ Геркулесомъ? Мнѣ смѣшно.

Образумившись, пишу, что угадываетъ память въ журчаньѣ ручейка.

Много красивыхъ картинъ она мнѣ рисуетъ. Такъ, напримѣръ, она рисуетъ мнѣ синее озеро между высокихъ горъ, куда пріѣхалъ я послѣ разлуки съ Машей. Синее озеро среди горъ высокихъ, съ уходящими въ облака вершинами. Я пріѣхалъ туда совсѣмъ случайно; вѣдь я не зналъ, подходя къ билетной кассѣ, къ какому городу лежитъ мой путь; и, какъ всегда, я сошелъ съ поѣзда на маленькой станціи, чтобы пересѣсть на озерный пароходъ. Мнѣ захотѣлось видѣть синюю воду среди горъ; думалъ—буду здѣсь совсѣмъ одинъ. И я сразу попалъ въ большую пріѣзжую компанію русской молодежи.

Я люблю молодежь. Я завидую молодости. Я жажду молодости и гибну отъ одиночества и вѣчнаго сознанія, что мнѣ уже никогда больше не пить отъ источника живой воды.

Но не зла моя зависть!

Я думалъ, что тамъ, въ предѣлахъ досягаемости, потухли послѣднія искры того огня, которымъ и я горѣлъ когда-то. Я думалъ—все конечно. Разбиты скрижали, забыты завѣты, вѣра угасла, сердца остыли. Мы были просты и прямолинейны, а тутъ мысль пошла по кривой и завела людей куда-то, а куда—мнѣ невѣдомо. Прежней пѣсни отголоска уже не найти. Нѣтъ, не найти! и въ зарю никто не вѣритъ. Нѣтъ, не вѣритъ!

Такъ думалъ я, и я ошибался. Теперь я знаю—я ошибался.

Я вамъ говорю: искры былого огня скрыты подъ пепломъ;

напоромъ вѣтра сдуетъ пепелъ—и вспыхнетъ веселый, молодой огонекъ. Завѣты не забыты — вѣдь они вѣчны! Я вѣдь говорю о вѣчныхъ завѣтахъ, а не объ ученіяхъ вчерашняго дня, не о девизахъ минувшей субботы. А старыя слова, эти смѣшныя словечки, отъ которыхъ роняли слезы наши бабушки, матери и тети,—не бойтесь, и они живы. Не вѣрите? Я докажу вамъ! Я вамъ ихъ брошу въ лицо. Держите: да святится дружба, да здравствуетъ любовь! Самая романтическая, самая безплотная, самая сентиментальная, съ луной и соловьемъ, со стыдливо опущенными глазами, съ легкимъ пожатіемъ руки, съ несмѣлой, обходной фразой, смѣшной-смѣшнущей, путаной и все же прозрачной,—вмѣсто простого великаго слова: люблю.. Ловите же! Я бросаю вамъ въ лицо эти слова, ибо они вѣчны и не умрутъ отъ кривой усмѣшки вашихъ губъ. Да и сами вы, скептики, не вѣрили въ ихъ смерть. А если вѣрили—такъ жалѣли о нихъ, охъ, какъ жалѣли! Потому-что вѣдь легкое, застѣнчивое пожатье маленькой руки всегда лучше, и дороже, цѣльнѣе, чѣмъ привычно-бѣшеное объятье на пять минутъ, а потомъ—скука и отвращеніе. Видите эту маленькую дѣвочку, играющую въ биба-бо? Она вырастетъ и скажетъ: возьми, о родина, мою маленькую жизнь; мое маленькое сердце возьми, и эту слабую руку, если только... если только она можетъ тебѣ на что-нибудь пригодиться.

Все это я прочелъ въ ихъ глазахъ. Тамъ было много юношей и дѣвушекъ, которымъ страшно хотѣлось помечтать, погрустить, покраснѣть отъ первой ласки. Они не смѣли—они думали, что это смѣшно и несовременно. Какіе-то пошлые дурачки, тамъ, въ Россіи, толковали имъ отрѣзанными, неподслащенными словами проблему пола, нехорошо смѣясь при этомъ. Это было совершенно чуждо ихъ юнымъ душамъ, совершенно не свойственно ихъ весеннимъ чувствамъ,—и все же они стыдились не быть грубыми, и языкъ ихъ рѣчей казался грубымъ переводомъ грубаго языка проповѣдниковъ жизненной прозы.

Все это я прочелъ въ ихъ глазахъ. И когда каждому отдѣльно и особо каждой парочкѣ я шепнулъ, что не нужно стыдиться старыхъ словъ и чувствъ красивыхъ; что ничто не старо—все обновляется; что не стыдно то, что красиво, что волнуетъ первымъ волненіемъ; что ревнивый бутонъ цѣннѣе безстыдно раскрывшейся розы, что поэтическая сказка лучше дѣйствительности. И я говорилъ имъ сказки, и я училъ ихъ любить, и я самъ, уже пожилой и почтенный, влюбился въ ихъ молодость и, подъ руку съ одной изъ нихъ, которая немного напоминала

мнѣ Машу, шелъ вздыхать въ виноградную бесѣдку, шелъ дивиться на полосу луннаго свѣта въ водѣ озера. И краснѣлъ, и не смѣлъ сказать и смущался, какъ мальчикъ... И, какъ влюбленный мальчикъ, любилъ любовь свою, и имъ, еще совсѣмъ молодымъ, давалъ примѣръ стыдливаго, весенняго чувства.

Быть можетъ, я обманулъ ихъ? Нѣтъ, думаю. Я обманывалъ только себя, но это—мое священное право и моя единственная защита отъ жизни.

Мы прощались необычно. Мы даже плакали при разставаньѣ. Всѣмъ имъ хотѣлось высказать мнѣ, старшему другу, котораго они почти не знали, свою преданность и ласку, родившуюся случайно, быть можетъ, лишь потому, что я жаждалъ ихъ молодости. И была минута, когда я чувствовалъ себя счастливымъ ихъ дружбой и лаской. Но... только минута...

Только минута! Окруженный друзьями, чуткими и молодыми, я былъ одинокъ безконечно, я былъ одинокъ еще болѣе, чѣмъ прежде, чѣмъ когда-нибудь. Въ какомъ озерѣ, въ какомъ морѣ могъ я потопить тоску мою?

Видите ли... Они любили и уважали во мнѣ учителя жизни, почти пророка. А мнѣ было нужно... А мнѣ было нужно...

Безконечно сиротливымъ и одинокимъ покинулъ я озеро...

Не случайно вспомнилась мнѣ эта недѣля на озерѣ. Нѣтъ, она лишній разъ подчеркнула, что мнѣ пора искать себѣ бѣлую комнату для отдыха, на который имѣетъ право подведшій итоги.

Теперь я сдался; но тогда я еще не хотѣлъ сдаться совсѣмъ. Вѣрнѣе—не могъ. Я былъ еще во власти мятежныхъ думъ и послѣднихъ попытокъ осени не пускать зиму, вернуть прошлое. И, какъ всегда, какъ сейчасъ, во власти моихъ призраковъ.

Я вамъ говорю: ихъ много; безконечно много! Стóитъ мнѣ закрыть глаза,—они входятъ ко мнѣ безъ зова, входятъ безъ всякаго порядка. То входятъ призраки моего дѣтства, то призраки прошлой недѣли, то тѣни тѣхъ, кто въ жизни моей не игралъ никакой роли, пройдя незамѣченнымъ. Напрасно я старался бы собрать ихъ въ строгую систему и построить въ ряды. Они, какъ и эти повѣсти дней моихъ, не поддаются дисциплинѣ, и не ищите между ними взаимной связи, какъ не ищите скрытаго намека на такую связь. Я никогда не былъ осѣдлымъ, былъ всегда путникомъ жизни. Мое вчера и мое сегодня лишь случайно стоятъ рядомъ; ихъ могли бы раздѣлять десятки лѣтъ. И я не знаю, гдѣ кончилась моя юность и гдѣ начинается старость.

Смѣна картинъ, вѣчная смѣна картинъ, и лишь одно постоянно: мое одиночество и мои призраки. Таковъ былъ и будетъ фонъ моей жизни.

Развѣ вы не помните? Старушка жизнь сказала мнѣ тогда:

— Въ бѣлую комнату войди, какъ въ постель; все прошлое отбрось прежде; явись въ нее не для думъ, а лишь для сна и отдыха.

Вотъ я стремлюсь отрѣзать прошлое, освободить отъ него свою мысль. И оно покидаетъ меня обрывками, покидаетъ съ такимъ упорствомъ, съ такой неохотой. Такъ хотѣлось бы мнѣ утаить много—и я не могу. Такъ хотѣлось бы мнѣ оживить себѣ немногое, но главное, оживить въ порядкѣ и стройности, въ той связи, которую дало ему время; но я не чувствовалъ этой связи, и я безсиленъ возсоздать ее для своей памяти. Призраки мѣшаютъ мнѣ. Отъ нихъ не можетъ спасти меня даже море, мой лучшій и единственный другъ.

Я люблю море. Мнѣ кажется, оно—единственная моя привязанность. Все проходитъ и пройдетъ, все можно исчерпать или заглушить въ себѣ. Только море, только оно неисчерпаемо, только его красота никогда не наскучитъ. И мудрость его, и его глубокій, здоровый скептицизмъ. Но и оно не всегда разумно, и оно знаетъ страсть. И когда оно бушуетъ—страшенъ и загадоченъ его гнѣвъ. Сколько величія въ немъ! Сколько ужасовъ соединилось въ его протяжномъ ревѣ.

. . . . . .

Въ такую ночь невозможно заснуть. Невозможно потому, что гулъ моря включаетъ въ себя всѣ шумы, которыхъ я боюсь: шумъ колесъ парохода и поѣзда, звонъ кококола, щелканье засова тяжелой двери, шопотъ двоихъ, которые бросятся и схватятъ за горло, шелестъ письма, о которомъ я забылъ, тотъ смѣхъ, которымъ я буду смѣяться въ часъ смерти... И еще много страннаго и страшнаго. Лунный свѣтъ, пробиваясь черезъ щели въ жалюзи, ложится на стѣну и простыню испуганными, смертельно испуганными фосфористыми глазами; они не мигаютъ, имъ уже нельзя мигать; и они тухнутъ неостывшими.

Въ такую ночь все тотъ же призракъ. Нигдѣ я не укроюсь отъ него: вѣдь онъ—мое созданье, онъ лишь для меня существуетъ.

Призракъ мой—дѣвушка, совсѣмъ юная дѣвушка. У нея волнистые, темные волосы и ясные глаза, въ которыхъ нѣтъ ни хитрости, ни жалости. Сегодня она вся въ цвѣтахъ. Зачѣмъ я не художникъ, я создалъ бы ея портретъ, онъ такъ часто подолгу

видится мнѣ! Она смотритъ на меня взоромъ яснымъ, идущимъ мимо меня, и говоритъ:

— Вступаю въ жизнь, на долгій путь жизни, на долгій путь сложной жизни. Идешь ли со мной?

Я кидаюсь къ ней, молю ее:

— Да, возьми меня, иду съ тобой всюду, не зная тебя! Пойдемъ, куда хочешь, но пойдемъ вмѣстѣ. Не бросай меня.

И вновь слышу голосъ:

— Да, со мной ты не будешь одинокимъ. Со мной ты будешь счастливъ. Я—молодость, я—вѣчное обновленіе, я—жизнь яркая.

— Такъ возьми же меня!—молю ее.—Скажи, гдѣ найду тебя живой? Каждую ночь ты являешься мнѣ, чтобы исчезнуть съ разсвѣтомъ. Гдѣ найду я тебя?

— Я—творчество. Но я не идея, я не призракъ. Я живая, молодая, цѣльная. Я твоя невѣста, я отрицаніе одиночества твоего.

— Гдѣ найду тебя?

— Вотъ я, здѣсь, возьми меня!

Я мечусь, я бросаюсь, ловлю воздухъ. Они назовутъ это сумасшествіемъ. Но что мнѣ до того! Пусть мой разсудокъ слабъ, пусть меня одолѣваетъ безплотный призракъ, пусть такъ говоритъ и моя и ихъ логика,—но что мнѣ до того? Вѣдь я вижу ее, вѣдь я говорю съ ней, вѣдь я полонъ ею.

— Гдѣ же ты?

— Вотъ я, здѣсь, возьми меня!

Нѣтъ, она не обманываетъ; я вижу, какъ она подходитъ ко мнѣ ближе и ближе. Я дыханіе ея чувствую. Я лишь за минуту до чистаго счастья бросаюсь на полъ предъ исчезнувшей мечтой.

Пусто, тихо, нѣтъ никого; вернулся разсудокъ, холодный разсудокъ.

Я вновь обманутъ.

Снова я въ саду замка. Ровно годъ прошелъ съ того дня, какъ мы были здѣсь съ Машей, какъ мы видѣлись съ ней послѣдній разъ.

Тамъ, если подняться по боковой аллеѣ и пройти мимо искусственныхъ каскадовъ,—они очень красивы!—есть старый фонтанъ въ центрѣ давно не чищеннаго круглаго бассейна, окруженнаго каменными перилами. Этотъ камень—травертинъ, самый красивый и достойный камень на свѣтѣ. На выступахъ цѣлый

рядъ уморительныхъ масокъ, открытые рты которыхъ когда-то бросали струю въ бассейнъ. Мы съ Машей долго и подробно ихъ разсматривали и много смѣялись. Теперь я не нахожу ихъ смѣшными; скорѣе напротивъ: въ нихъ есть что-то трагическое.

Я пришелъ сюда послѣ заката. Старикъ Иваноэ впустилъ меня и пошелъ спать; я самъ умѣю отворить ворота изнутри и затѣмъ захлопнуть ихъ; и въ моей аккуратности онъ увѣренъ—я его не подведу. Уже не въ первый разъ я провожу здѣсь время до разсвѣта.

Иваноэ не спросилъ про мою прошлогоднюю спутницу; у бѣдняги слабѣетъ память. Не знаю, радъ ли я былъ, что онъ не спросилъ... Пожалуй, напротивъ... Впрочемъ мнѣ все равно! Вѣдь это было такъ давно, годъ назадъ. Годъ, это—вѣчность для тѣхъ, кто не чувствуетъ иной, истинной вѣчности. Но для меня ея нѣтъ сегодня; я живу во времени, я живу моимъ прошлымъ.

Вотъ этотъ фонтанъ. Въ немъ двѣ совсѣмъ низкихъ и полныхъ струи; обѣ падаютъ въ чашу, совсѣмъ зацвѣтшую мхомъ: она не можетъ вмѣстить богатства воды и проливаетъ ее за края неровными струйками. Журчаніе этихъ струекъ мелодично и прекрасно; оно не нарушаетъ тишины и не заглушаетъ шопота. Шопотомъ полонъ садъ—шопотомъ призраковъ старыхъ, ушедшихъ вѣковъ. Здѣсь—царство прошлаго, его изящной, сонной красоты. Вокругъ бассейна заросшая травой площадка, закрытая высокими деревьями. Просвѣтъ лишь къ закату, къ той лѣстницѣ, ступени которой бѣгутъ вмѣстѣ съ каскадами.

И нѣсколько простыхъ массивныхъ каменныхъ скамеекъ подъ вѣтвями деревьевъ.

И безмолвіе.

Я жду.

Старый герцогъ одѣтъ въ черный бархатъ; борода его серебрится отсвѣтами неба, какъ и бѣлое кружево воротника. Онъ стоитъ прямо, и длинные пальцы рукъ изящны и молоды, какъ у дѣвушки. Какъ всегда, онъ явился въ тотъ моментъ, когда небо задернулось синимъ вуалемъ и группы деревьевъ слились въ силуэты. И явился такъ, какъ будто онъ былъ уже тутъ и раньше, уже давно, всегда.

— Сегодня придутъ только счастливые,— сказалъ онъ своимъ обычнымъ тономъ.—Я велѣлъ имъ прійти попарно. Такъ лучше.

— Они придутъ съ запада, по той лѣстницѣ?

— О да, изъ прошлаго! Сегодня юбилей—вы знаете? Сегодня ровно триста лѣтъ со дня, когда мы вѣнчались. Но сама она не придетъ, она сюда не имѣетъ доступа.

Я подумалъ: «И мой юбилей!» Но я не сказалъ ни слова гордому призраку въ черномъ бархатѣ.

Они явились, дѣйствительно, попарно; были легкіе и свѣтлые; они казались даже прозрачными. Юноши въ бѣлыхъ чулкахъ и парадныхъ кафтанахъ; дѣвушки въ пышныхъ платьяхъ съ тонкой тальей. Они не шли, а выступали менуэтомъ подъ мелодію струй. Бѣлыя кудри париковъ дѣлали ихъ еще изящнѣе и моложе. Ихъ пары были полны граціи.

Я не слыхалъ ихъ словъ, но глаза ихъ говорили краснорѣчиво. Развѣ можетъ быть въ жизни сразу столько счастливыхъ? Неужели никто изъ нихъ не задумался надъ тѣмъ, что не все разрѣшимо?

Герцогъ сдѣлалъ нервное движеніе и рѣзко сказалъ:

— Сегодня не нужно объ этомъ спрашивать!

Но вотъ они столпились у края бассейна. Я слышалъ ихъ шопотъ и видѣлъ удивленные глаза. Всѣ они смотрѣли теперь на герцога и показывали въ воду.

— Это было здѣсь?—спрашивали они.

Призракъ въ бархатѣ закрылъ лицо длинными женскими пальцами.

— Это было здѣсь?—еще безпокойнѣе спрашивали они. И одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Да, я знаю, это было здѣсь. Бассейнъ былъ тогда еще глубже. Она подошла къ самому краю и смотрѣла на золотыхъ рыбокъ. Какъ она упала — мы не знаемъ. Онъ не разсказалъ намъ.

Кто-то спросилъ:

— Быть можетъ, она бросилась?

— Нѣтъ, она была счастлива, какъ мы всѣ.

— Быть можетъ, ее столкнулъ кто-нибудь?

Я слышалъ, какъ герцогъ глухо застоналъ. Этотъ день былъ юбилеемъ его свадьбы, но онъ страдалъ.

Потомъ онъ сдѣлалъ рѣзкій жестъ рукой. Всѣ замолкли. Онъ сказалъ:

— Да, она упала здѣсь. Никто не столкнулъ ее, она сама сдѣлала это. Она была счастлива, какъ всѣ вы. И я, ея мужъ, тогда еще молодой, какъ вы, — и я былъ счастливъ. Потомъ что-то вошло въ нашу жизнь; я не знаю что—ему не было названія. Она рѣшила уйти. О, я звалъ ее вернуться! Но я зналъ, что она не вернется, такъ какъ это неразрѣшимо.

— Вы видѣли ея лицо, когда ее вынули изъ воды?

— Да, ее нашли очень скоро, но уже не могли вернуть къ жизни.

— Ея лицо было спокойно?

— Да.

— Но безъ улыбки?

Призракъ въ черномъ сжалъ виски тонкими прозрачными пальцами.

— Зачѣмъ вы меня мучите! На ея лицѣ не было улыбки, но я сказалъ—оно было спокойно. Я знаю, что она и тамъ не нашла рѣшенія, не поняла; но все же ей стало лучше. Неужели вы мнѣ не вѣрите?

Тѣни счастливыхъ зашептали хоромъ:

— Мы вѣримъ, намъ такъ хочется вѣрить! Но мы думали, что она нашла отвѣтъ. Мы пришли сюда спросить и узнать...

— Намъ это такъ важно знать! — сказала самая молодая изъ счастливыхъ.

И въ голосѣ ея мнѣ послышалось столько молящей тоски, столько предчувствія неминуемаго.

Потомъ она вскрикнула:

— Я хочу знать это сейчасъ же, сейчасъ же! Я уже не могу ждать дольше! Должно же быть какое нибудь оправданіе и отвѣтъ?

Ее окружили толпой:

— Но ты вѣдь слышала, что это неразрѣшимо! Даже та, что бросилась въ бассейнъ — даже она не узнала. И лицо ея было спокойно, но безъ улыбки.

— Ахъ, но это было давно, прошли вѣка! Неужели съ тѣхъ поръ люди ничего не узнали? Они должны были придумать исходъ. Зачѣмъ же тогда рождаться и рождать? Зачѣмъ тогда обманывать сказками? Я не могу такъ жить! Хоть бы забыть, хоть бы забыть помогли мнѣ! Помогите мнѣ забыть, я не могу забыть...

Я видѣлъ, какъ всѣ призраки отшатнулись отъ страдающей дѣвушки.

— Какъ она пришла сюда? Она пришла не съ нами!

— Да, и она пришла одна; мы всѣ были парами.

— Она не наша, на ней нѣтъ парика, это стыдно! Она слишкомъ поддалась чувству и забыла этикетъ, намъ лучше уйти.

Я оглянулся. Герцога уже не было. Подъ мелодичный звонъ струекъ фонтана быстро удалялись свѣтлыя пары счастливыхъ. У края бассейна осталась только та дѣвушка, что такъ страстно

добивалась понять неразрѣшимое. Насъ раздѣляла вода, и я спросилъ ее издали,

— Ты знала, Маша, что я приду сюда въ эту ночь? Сегодня годовщина...

— Знала,—отвѣтила она тихо.—Но я все равно пришла бы. Я здѣсь бываю каждый вечеръ, какъ тотъ герцогъ. — Онъ стоитъ тамъ, гдѣ стоишь сейчасъ ты; я сижу на краю бассейна. Моя душа безпокойна, милый, она всегда блуждаетъ! И мысль моя, больная мысль,—о, ей нѣтъ покоя, милый мой, милый...

— Маша, ты должна забыть меня! Прошелъ годъ, пройдутъ еще года. Ты молода, Маша, предъ тобой жизнь.

Она шепчетъ, наклонившись къ водѣ:

— Милый мой, милый, что же это...

— Маша, говорю я рѣзко, — я уже не молодъ, и я въ любовь не вѣрю. Я не вѣренъ въ любви и не хочу ея! Маша, послушай меня...

Но она шепчетъ по-прежнему:

— Милый мой, милый мой...

Я иду къ ней... Хочу быть спокойнымъ и строгимъ, хоть и плачетъ сердце. Иду къ ней, но ея призракъ отходитъ все дальше, пока не теряется среди силуэтовъ деревьевъ. Передо мной старый, обомшалый фонтанъ со звенящими струйками. Въ спокойной водѣ большого бассейна отразились звѣзды.

Тихо. Сегодня они уже не придутъ больше. Струйки фонтана шепчутъ:

— Милый мой, милый мой...

Но это уже не ея голосъ. Она ушла.

Опять письмо отъ Маши. Въ ея почеркѣ еще много дѣтскаго, но онъ крупный, какъ мужской. У Маши много характера и рѣшимости. Славная Маша.

Письмо заказное. Оно долго меня искало и нашло здѣсь, въ горахъ.

Маша пишетъ:

«Помогите мнѣ забыть васъ. Прошелъ годъ, а я все та же, и чувство мое къ вамъ все то же. Мама знаетъ, что я люблю васъ. Она догадалась, и когда спросила меня, я сказала ей:— да, люблю!—Она говоритъ:—у тебя нѣтъ самолюбія женщины; онъ даже не отвѣчаетъ на твои письма.—Что мнѣ до того! Я пишу вамъ какъ бы въ пространство и не жду отклика. Но почему мнѣ кажется, что когда-нибудь вы отвѣтите мнѣ?»

Маша пишетъ еще:

«Я та же и не та. Уже не дѣвочка, конечно! За этотъ годъ я такъ много передумала и пережила. Но одного я не поняла: почему невозможно, чтобы мы были вмѣстѣ? Вы говорили, что любите меня. Ахъ, такъ я вамъ вѣрила и вѣрю! Но тогда почему же мы должны быть далеки другъ отъ друга? Этого я не понимаю и врядъ ли пойму. Но если нельзя, то хоть въ одномъ помогите мнѣ: забыть васъ!»

Да, Маша, я помогу...

Я рву письмо въ мелкіе клочки и бросаю съ балкона. Легкія бумажки относитъ вѣтромъ, и онѣ застреваютъ въ кудрявой зелени сливъ. Если я умру внезапно,—все-таки никто не найдетъ въ моихъ бумагахъ писемъ Маши. Почему? Развѣ эти письма дурны и писаны не дѣтской рукой? Просто—я не хочу этого. Они писаны не для посторонняго глаза.

Я не отвѣчу Машѣ. Я не отвѣтилъ ей ни разу. Но развѣ это значитъ, что я не исписалъ много листковъ почтовой бумаги? Я не послалъ ихъ; мнѣ не позволили мои заботливые призраки.

— Ты въ нихъ лгалъ! Ты писалъ, что не любишь ее, какъ женщину, что ты любишь лишь любовь свою, лишь память о милой дѣвочкѣ, которой ты былъ другомъ.

— Можетъ быть,—отвѣчаю я знакомому голосу.—Но что до этого тебѣ? Почему и ты, вмѣстѣ съ другими, замыкаешь кругъ моего одиночества своей опекой? Развѣ ты не счастлива? Развѣ ты не устроила своей жизни по своему?

Блѣдный призракъ, отшатнувшись, говоритъ чуть слышно:

— Нѣтъ! О, нѣтъ! Твоей свободой я создала свободу и себѣ; но счастья я не нашла. А развѣ счастье есть?

— Но зачѣмъ ты приходишь мучить меня вопросами и укорами?

— Нѣтъ, Андрей; я прихожу не для того. Я прихожу не къ тебѣ, но ради нея. Пусть хоть въ ея жизнь обманъ не входитъ.

— Я не хотѣлъ обманывать ее, ты знаешь.

— Но ты обманулъ. Ты не досказалъ ей сказки о волнѣ. Ты не сказалъ ей, что сталось съ Ниной, которую увезъ поѣздъ и которая уже никогда не возвращалась. Не досказалъ, какъ поблекли ея мечты, осыпались надежды, какъ безвременно состарилось ея лицо, которымъ прежде всѣ любовались, какъ, уйдя отъ твоего обмана, она искала свой обманъ, и поняла его, и осталась съ прежнимъ сомнѣніемъ. И самъ ты, влюбленный въ

волну художникъ,—развѣ ты вправду бросилъ въ море палитру и кисти? Развѣ до сѣдыхъ волосъ ты не гонялся попрежнему за мечтой, убѣгая отъ самого себя и всегда, всегда къ самому себѣ возвращаясь? Зачѣмъ ты не досказалъ ей сказки тамъ, на морѣ, у кладбища?

— Нина, я не знаю конца сказки, я не знаю и сейчасъ.

— Конца нѣтъ. Но какимъ онъ могъ бы быть и какимъ онъ будетъ—ты знаешь это. Что въ томъ, что ты хотѣлъ бы иного! Это—неразрѣшимо, Андрей!

— Хорошо. Теперь уйди. Я не пошлю письма. Я не отвѣчу Машѣ ничѣмъ на ея ласковыя и любящія строки. Ты довольна?

— Развѣ рѣчь обо мнѣ?

— Ты не ревнуешь больше?

— Андрей...

— Тогда уйди! Это уже послѣдняя уступка вамъ, Нина, всѣмъ вамъ, безплотнымъ призракамъ моего прошлаго. Впрочемъ, я знаю: вамъ больше требовать нечего: вы взяли все!

Она уходитъ медленно. Такъ, значитъ, и она несчастна?

. . . . . .

Здѣсь я одинъ среди горъ. Внизу зеленая котловина. Вдали, поверхъ ближнихъ хребтовъ, видны снѣговыя вершины дальнихъ.

Была давняя мысль: порвать всѣ связи и отношенія... Зачѣмъ? Да затѣмъ, что связь—зло, что лишь свобода—благо. И вотъ теперь, кажется, я порвалъ все.

Вы посмотрите, какіе мы курьезники, мы, поборники свободы. Насъ тяготитъ гнетъ политическій, тотъ, который на насъ отражается такъ мало; во всякомъ случаѣ, лишь на немногихъ. И этотъ гнетъ мы хотимъ сбросить, раздавить, растоптать. А сами создаемъ себѣ другія узы: любовныя, семейныя, дружескія, партійныя. И становимся рабами, полными рабами, безсильными и жалкими!

Вяжутъ не тѣ узы, которыя мы ненавидимъ, а тѣ, которыя мы жалѣемъ. Порою годъ тюрьмы легче одной ночи, проведенной въ больномъ ужасѣ, рожденномъ больными слезами любимой и любящей женщины. Настанетъ утро примиренія,—она снова будетъ вамъ вѣрнымъ другомъ и славной женой; но не забудется ночь минувшая, проведенная въ ѣдкомъ горѣ; волосы ваши сѣдѣютъ раньше времени. Зачѣмъ такъ скоро осень и зима? Ахъ, не любите, не стоитъ! Не любите и не вѣрьте!

Такова любовь. А дружба? Когда вашъ лучшій другъ впервые покраснѣетъ при вашемъ вопросѣ и замнетъ разговоръ,—

покиньте его навсегда, скорѣе забудьте. Это значитъ, что онъ сдѣлалъ противъ васъ первую подлость, за которой незамѣтно послѣдуетъ другая. Онъ, собственно, еще ничего не сдѣлалъ даже; онъ лишь не отвелъ маленькой клеветы, пущенной другимъ вашимъ другомъ. Но другъ вашъ всегда относительно честенъ, и онъ краснѣетъ раньше, чѣмъ слѣдуетъ.

Да, но вотъ здѣсь я одинъ среди скалъ, голыхъ и холодныхъ. И мнѣ отрадно и тоскливо, и зла радость моего одиночества...

Вѣдь это и есть желанное! Это и есть то, чего я всегда добивался!

— Хочешь ли всегда жить здѣсь, одиноко, среди скалъ?

— Да,—кричу я въ восторгѣ.

— Хочешь ли?—вновь тотъ же голосъ.

— Почему же нѣтъ? Согласенъ,—отвѣчаю я съ тревогой.

— Хочешь?—спрашиваетъ онъ въ третій разъ.

И я въ ужасѣ и томленіи кричу:

— О, унеси меня снова въ міръ, гдѣ будетъ меня мучить требовательная любовь, гдѣ предастъ меня лучшій другъ, гдѣ я сольюсь съ массой людей сѣрыхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ, какъ ничтоженъ я самъ! Мнѣ холодно среди скалъ. Здѣсь, подъ покровомъ ночи, никто не сожметъ мою руку такъ крѣпко, такъ крѣпко... И никто не скажетъ мнѣ голосомъ нѣжнымъ и лживымъ: «Милый, вѣдь это только сказка! Вѣдь это не дѣйствительность! Завтра все исчезнетъ, завтра настанетъ проза... Милый, это наши минуты...»

Въ горахъ смѣется эхо. Оно — великій и единственный отшельникъ. Мнѣ кажется, что я видѣлъ эхо; оно круглое, упругое, насмѣшливое; очень большое и независимое...

— Сорвешься!—кричитъ мнѣ эхо.—Сорвешься!—дважды повторяетъ оно вдали.

А я прыгаю по камнямъ сверху внизъ; я спѣшу изъ горъ въ долину.

Тамъ, въ котловинѣ, среди зелени есть нѣсколько домиковъ. Быть можетъ тамъ дадутъ мнѣ напиться, улыбнутся мнѣ. Мнѣ нужно слышать голосъ человѣка!

Уже заходитъ солнце. Я спускаюсь цѣлый часъ.

Я нашелъ себѣ удобное старинное кресло. Не завершитъ ли имъ блужданія? Разваливаюсь въ немъ и мечтаю. Вызываю тѣни, съ которыми друженъ.

Такъ, напримѣръ, тѣни очень стараго. Нужно вспомнить грустный романсъ, гдѣ есть задумчивый садъ, берегъ рѣки, лучъ заката и пожатіе рукъ. Наши бабушки тоже были молодыми...

Я вступаю въ споръ съ забавными тѣнями. Я говорю имъ:

— Ваше время прошло, ваши романсы забыты. И лексиконъ вашихъ словъ забытъ. Наивныя! Вы жили слишкомъ медленнымъ темпомъ!

Призраки бабушекъ недовѣрчиво качаютъ головами.

Я продолжаю насмѣшливо, чтобы втянуть ихъ въ бесѣду:

— Неужели вы думаете, что намъ, обладателямъ вселенской культуры, развившимъ мозгъ, ухо, глазъ, намъ, неизбѣжнымъ скептикамъ, придется хоть на моментъ вернуться къ вашему романтическому простосердечію?

— Это было бы такъ прекрасно! — говоритъ одна.—Мы такъ любили, такъ умѣли желать... И все было такъ цѣнно. Если бы ты видѣлъ наши сокровища. Эти письма, связанныя лентой, эти увядшіе цвѣты!

— Лепестки розъ въ моемъ secrétaire!—съ сіяющей улыбкой вспоминаетъ другая.—Ахъ, они благоухаютъ еще!

Третья старушка краснѣетъ. У нея совсѣмъ сѣдые волосы, но совсѣмъ молодыя рѣсницы. Она говоритъ: «конечно, это наивно!», но съ радостью спѣшитъ добавить разсказъ.

— Насъ обручили, когда мнѣ едва минуло семнадцать. Онъ былъ старше меня на два года и уже носилъ усы. И вотъ— это такъ смѣшно! — я боялась, что послѣ свадьбы, когда мы будемъ цѣловаться, онъ будетъ колоть меня усами. Мы были почти незнакомы, но онъ мнѣ очень нравился. Помню, я пошла къ maman и спросила ее, непремѣнно ли нужно цѣловаться съ мужемъ? Она назвала меня глупой, позвала Пьера и сказала ему: «какъ тебѣ не стыдно, ты до сихъ поръ не доказалъ своей невѣстѣ, что у тебя мягкіе усы!» Онъ страшно покраснѣлъ. Maman велѣла намъ поцѣловаться, и мы въ первый разъ... О, это такъ смѣшно... мы стукнулись носами.

Потомъ старушка залилась слезами и прибавила:

— Пьеръ умеръ отъ подагры. Ему не было еще шестидесяти. Мы во всю жизнь никогда не разлучались!

И опять утѣшилась старушка. Теперь она вспомнила что то лукавое.

— Это немного стыдно разсказывать... Ну, все равно! Я послѣ вѣнчанія была дѣвушкой не меньше мѣсяца. Пьеръ былъ такой скромный и застѣнчивый. Когда maman спросила меня объ одной вещи, я не поняла; но она долго говорила о чемъ то съ

Пьеромъ, а потомъ послала его къ papà. Она всегда очень строго держала papà, но иногда съ нимъ совѣтовалась.

Старушки долго и забавно смѣются надъ этимъ разсказомъ, пока не вспоминаютъ про мое присутствіе. Тогда онѣ оправляютъ чепчики, но глаза ихъ все еще смѣются.

Я спрашиваю ихъ:

— Какъ вы могли жить такъ просто? Неужели вы знали какой-нибудь секретъ жизни, который для насъ утерянъ? Быть можетъ, вы вернули бы мнѣ его.

Одна изъ старушекъ торопится отвѣтить:

— Ахъ, конечно, былъ секретъ! Вѣдь вы спрашиваете о жизненномъ элексирѣ? Многіе изъ насъ знали его рецептъ, но теперь позабыли. Мы ложились въ одиннадцать и вставали въ семь; но почти два часа отнимали букли и шнуровка. Затѣмъ кухня и дѣтская; это утомляло больше баловъ и визитовъ. Но въ молодости мы никогда не сидѣли въ креслѣ неподвижно и никогда не думали до головной боли. И тѣмъ, кого мы любили, мы устраивали теплое гнѣздо и вышивали туфли. И мы умѣли быть счастливыми.

— Я никогда не скучала! — прибавила самая милая изъ старушекъ. — Когда Поль уходилъ на службу, я раскладывала пасьянсъ. Помню, какъ сейчасъ: «rouge et noir», «восемь дѣвъ», «марьяжъ», «свита»... И я не скучала. Мой Пьеръ былъ такъ нѣженъ; онъ умеръ еще полнымъ силъ, ему не было шестидесяти...

— Мы старѣемъ много раньше,— сказалъ я.— Мнѣ лишь за сорокъ, но, вѣроятно, я кажусь вамъ гораздо старше.

— Ахъ, вы еще такъ сохранились!—вѣжливо забормотали старушки.—Мы считаемъ васъ прекраснымъ кавалеромъ, и намъ съ вами всегда весело. Вы должны беречься.

Такъ много участія и заботы въ словахъ моихъ старыхъ подругъ!

Двѣ изъ нихъ шепчутся въ углу. Я улавливаю ухомъ ихъ разговоръ: онѣ хотятъ подарить мнѣ теплый шарфъ, вышивъ на немъ слова: «amor vincit». Но подходитъ третья и совѣтуетъ вышить слово «pax». Когда она повертывается ко мнѣ, я узнаю ее по серебру кудрей и молодому блеску глазъ. Это моя вѣрная совѣтница, это—сама жизнь, вѣчно юная старушка. Она киваетъ мнѣ и спрашиваетъ привѣтливо:

— Ты нашелъ? Рѣшился ты?

— Я рѣшился на многое. Теперь думаю о большемъ... Я думаю о бѣлой комнатѣ.

Она подходитъ ближе, беретъ за руку, гладитъ по головѣ, какъ мать дитя. И говоритъ строго, но ласково:

— Пора... Иди съ миромъ!

Мнѣ мягко и уютно въ креслѣ. Снисходитъ сонъ и миръ. Сонъ и миръ...

Поѣздъ опоздалъ. Я нервно хожу по перрону и много курю. Меня раздражаетъ, что носильщики и самъ начальникъ станціи такъ равнодушны и спокойны: вѣдь поѣздъ опоздалъ на цѣлыхъ полчаса, а съ этимъ поѣздомъ пріѣдетъ Маша!

«Не бойтесь и не сердитесь,—написала она мнѣ въ своемъ коротенькомъ письмѣ. — И главное — не бѣгите. Я ѣду только, чтобы взглянуть на васъ и сказать съ вами два слова. Я гораздо покойнѣе, чѣмъ прежде. Но такъ жить нельзя, нужно кончить. Я хочу доказать себѣ, что могу увидать васъ и снова разстаться, теперь уже пусть—навсегда. Но увидать нужно, непремѣнно нужно!»

Вдали движется огненный глазъ, затѣмъ раздваивается. Паровозъ обдалъ меня теплымъ вѣтромъ. Я бѣгу впередъ и на ходу нервно докуриваю папиросу.

Вижу маленькую фигурку, которую никто не встрѣчаетъ. И вдругъ я дѣлаюсь совсѣмъ спокойнымъ.

— Маша, другъ мой, здравствуйте!

Она протягиваетъ мнѣ руку и спѣшитъ отдернуть. Затѣмъ она также поспѣшно отвертывается. Какъ курьезно видѣть на ней мѣховую шапочку: вѣдь здѣсь тепло.

— Тутъ мой саквояжъ. Надо взять его... Вы скажете носильщику?

— Да, конечно, Маша... А вы не перемѣнились за два года!

— Не два; только годъ семь мѣсяцевъ... Я не знаю, гдѣ бы мнѣ остановиться. Вы скажете? Только до завтра, я уѣду завтра... или послѣзавтра.

— Согласны поѣхать ко мнѣ, Маша? Почему бы нѣтъ? Правда? У меня вамъ будетъ удобно.

— Нѣтъ, не у васъ... А если у васъ... это далеко? Я хотѣла въ отелѣ.

— Маша, вы поѣдете ко мнѣ, вы моя гостья!

— Ахъ нѣтъ, я совсѣмъ не гостья!

Потомъ она оправляется и дѣтски небрежнымъ тономъ говоритъ:

— Ну, хорошо. Я васъ не стѣсню? Впрочемъ, я лишь на

день пріѣхала. Вы меня какъ нибудь устройте, мнѣ все равно. Завтра мнѣ нужно ѣхать назадъ. Я вѣдь только такъ...

На извощикѣ она плачетъ. Слезъ я боюсь. Я беру ее за руку.

— Голубчикъ, о чемъ вы? не нужно! Дома вы отдохнете отъ дороги, и мы будемъ много и хорошо говорить, Маша!

— Я устала, это оттого. Вы не думайте, что я плакса. И не дѣвочка! Охъ, я теперь совсѣмъ другая!

— Ну, хорошо, мы поговоримъ дома.

По дорогѣ я показываю ей достопримѣчательности города, мимо которыхъ проѣзжаемъ. Она здѣсь въ первый разъ. Маша смотритъ серьезно, но не разспрашиваетъ. Я думаю, она ничего не видитъ. Раза два я поймалъ на себѣ ея взглядъ.

— Постарѣлъ я, Маша?

— Не знаю, пожалуй нѣтъ; но измѣнились.

Мы дома.

— Вотъ это—ваша комната, Маша. Но вы будете хозяйкой и въ остальныхъ. Когда переодѣнетесь — будемъ ужинать; вы видите—все уже готово. Я васъ ждалъ.

— Я никакъ не думала, что пріѣду прямо къ вамъ. Но вѣдь это ничего, Андрей Дмитричъ?

— Не ничего, а прекрасно!

— Вотъ цвѣты у васъ—это я люблю!

— И цвѣты для васъ, Маша. Итакъ, я буду ждать васъ.

Я прохожу въ кабинетъ, и, при брошенномъ внизъ свѣтѣ лампы, сажусь въ кресло, окруженный полумракомъ и тѣнями.

Мнѣ кажется, что вся комната полна шороховъ, что встревожены всѣ призраки. Вотъ они выходятъ изъ угловъ, блѣдные и взволнованные.

— Что это значитъ?—спрашиваютъ они.—Развѣ возможна новая жизнь? Неужели явятся люди, которые выметутъ всѣ углы, стряхнутъ пыль съ книгъ и паутину съ потолка, которые переставятъ мебель и перевѣсятъ старые портреты? А какъ же мы? Что будетъ съ нами?

— Успокойтесь, не будетъ ничего!

— Ты увѣренъ, ты ручаешься?

— Я увѣренъ, я ручаюсь!—отвѣчаю я съ усмѣшкой.—Я увѣренъ въ этомъ сейчасъ больше, чѣмъ когда-нибудь. Вы можете спокойно вернуться въ ваши пыльные углы.

Вижу я въ полумракѣ веселые глаза подъ сѣдыми буклями. Имъ въ отвѣтъ я бодро и весело киваю.

— Правъ ли я, моя старушка?

— Да, теперь ты правъ,—говоритъ жизнь.—А права ли я, пославъ тебѣ это?

— Ты всегда права!—отвѣчаю я въ восторгѣ.—И я не нарушу твоего довѣрья. Спасибо тебѣ! А *тамъ* ты можешь сказать, что я приду скоро, теперь ужъ скоро.

— Твоя комната готова,—говоритъ жизнь,—и не заперта на ключъ; ты полный хозяинъ: придти, когда захочешь.

— Я приду скоро,—повторяю я,—мнѣ прекрасно, мнѣ весело! Дай мнѣ обнять тебя, моя старушка. И благослови меня!

Она подходитъ ближе, становится въ дверяхъ, простираетъ ко мнѣ обѣ руки:

— Миръ тебѣ, усталому,—говоритъ она голосомъ важнымъ и мелодичнымъ.—Миръ тебѣ, и да падетъ послѣдняя цѣпь, и да развяжутся послѣднія узы! Иди къ любви вѣчной и къ святому, вѣчному одиночеству!

Таетъ въ воздухѣ призракъ прекрасной старухи. Когда, набожно склоненный, я поднимаю голову, передо мной стоитъ Маша, переодѣтая въ легкое платье, смущенная, прекрасная дѣвушка. Я подхожу къ ней, беру и цѣлую ея руки.

— Ну, Маша, идемте ужинать. А потомъ мы еще успѣемъ поговорить часокъ-другой. Долго болтать сегодня нельзя, вамъ нужно хорошо отдохнуть съ дороги.

— Я не устала.

— И прекрасно. Вы не уѣдете завтра, вы проживете, сколько захотите; а я, Маша, буду не только гостепріимнымъ хозяиномъ, но и хорошимъ вамъ другомъ, заботливымъ, любящимъ и спокойнымъ. Я радъ, что вы пріѣхали! И вы никогда не раскаетесь въ этомъ!

Покорно, какъ дѣвочка, Маша идетъ за мной въ столовую.

Маша спитъ черезъ комнату отъ моего кабинета. Мнѣ кажется, что я слышу ея дыханіе. Спитъ ли она? О, конечно спитъ, она такъ устала, бѣдная дѣвочка!

За ужиномъ мы говорили о дорожныхъ впечатлѣніяхъ Маши, о Москвѣ, о мамѣ. Я сказалъ:

— Подождемъ, Маша, говорить о нашихъ дѣлахъ. Сначала намъ нужно освѣжить наше знакомство. Пока разскажите мнѣ о мамѣ.

— Мама вамъ кланяется. Знаете, я ее очень люблю! Я ее раньше мало знала, только теперь оцѣнила вполнѣ. Когда я сказала ей, что поѣду къ вамъ, она меня почти не удерживала. Только просила отложить поѣздку на мѣсяцъ и подумать. Я отло-

жила. Потомъ говорю мамѣ: я поѣду. Она говоритъ: ну, поѣзжай; но будь готова къ тому, что ты вернешься. Я говорю: я и хочу вернуться, я вернусь непремѣнно. Тогда она просила вамъ кланяться.

Маша покраснѣла.

— Да, еще просила сказать, что она васъ очень уважаетъ.

— И что вѣритъ мнѣ?

— Да, и это.

Въ кабинетѣ, куда мы вернулись, Маша подошла къ большому портрету дѣвочки, который я сегодня повѣсилъ на видномъ мѣстѣ.

— Нравится?

— Да, сказала Маша.—Это...

— Да, это моя дочь. Я никогда не видалъ ея, но имѣю большой портретъ.

— Она не похожа на васъ?

— Кажется, нѣтъ.

— А вы ее любите?

— Какъ вообще дѣтей. Я какъ-то не чувствую себя ея отцомъ.

Маша задумчиво сѣла на диванъ.

— У васъ здѣсь хорошо,—сказала она.—Какъ-то уютно и въ то же время дѣловито. Вы много работаете?

— Прежде работалъ очень много. Но послѣдніе года я рѣдко бываю дома; вѣдь я почти все время кочую изъ страны въ страну. Въ вагонѣ я болѣе дома, чѣмъ въ своемъ кабинетѣ.

Потомъ я прерываю наступившее молчаніе.

— Теперь, Маша, поговоримъ. Вы непремѣнно хотите уѣхать завтра?

Она закрыла лицо руками.

— Ахъ, я ничего не знаю!

Сразу оправилась:

— Вообще, я еще не знаю. Я ѣхала на одинъ день; мама совѣтовала мнѣ пробыть съ недѣлю, чтобы посмотрѣть городъ. А мнѣ не интересно смотрѣть городъ. Я ѣхала только для того, чтобы увидать васъ.

— Ну вотъ, Маша, мы и увидѣлись. Какимъ нашли вы меня? Не такимъ, какъ ждали?

— Не знаю... Вы и тотъ же и совсѣмъ не тотъ.

— Еще постарѣлъ?

Она съ увѣренностью отвѣтила:

— Это—нѣтъ! Вы кажетесь мнѣ моложе, чѣмъ были. Вы вообще совсѣмъ молодой.

Я беру Машу за руку и говорю ей:

— Маша, правда ли, что вы меня такъ любите? Не ошибаетесь ли вы?

Маша сразу дѣлается прежней дѣвочкой, что была у моря и тамъ, въ саду замка.

— Люблю,—говоритъ она почти неслышно.—Если бы не любила, не мучилась бы такъ почти два года.

И плачетъ:

— Я такъ измучилась! Главное—почему вы не отвѣчали мнѣ на письма? Мнѣ это было горьше всего. Оскорбительно какъ то: за что? Ну, написали бы, что все это было ошибкой, что я для васъ только ребенокъ, а не женщина. Вѣдь я же не глупая, я поняла бы.

Въ памяти моей встаютъ непосланныя и разорванныя письма къ Машѣ. О, совсѣмъ другое поняла бы она изъ нихъ!

Словно о комъ-то постороннемъ, глядя передъ собой съ улыбкой, она вспоминаетъ вслухъ:

— Прямо, точно болѣзнь какая-то... Всѣ дни, всѣ дни думала о васъ. Спрашивала себя: что я въ немъ люблю? Даже маму спрашивала: скажи, мама, за что я его люблю? И мама ничего не могла отвѣтить. Такъ, навожденіе!

При этомъ словѣ Маша смѣется. Потомъ повертывается ко мнѣ съ тѣмъ же веселымъ лицомъ, довѣрчиво кладетъ руки мнѣ на плечи, смотритъ въ глаза:

— Ну хоть вы скажите, за что люблю? Будто ужъ вы такой необыкновенный? Такой же, какъ другіе. Да еще злой: не отвѣчалъ на письма. Вамъ стыдно?

Я не могу придумать отвѣтъ. Конечно мнѣ не стыдно, но этого мало. Нужно прибавить еще что-то. Что?

Мы смотримъ другъ на друга. Лицо Маши внезапно мѣняется. У меня мелькаетъ мысль: Маша больна! Я глажу ея волосы, привлекаю къ себѣ и цѣлую лобъ.

Цѣлую, какъ отецъ...

И она успокаивается.

— Я такъ устала,—говоритъ она.

— Хотите спать?

— Нѣтъ, не сейчасъ. Посидимъ еще. Можно посидѣть такъ, не разговаривая?

— Конечно, Маша.

— Говорить хуже. Я привыкла говорить съ вами мысленно. Цѣлыми днями и ночами говорила съ вами такъ. И никогда, никогда не могла понять васъ вполнѣ.

Помолчавъ, она говоритъ:

— Вотъ объ этой минутѣ, какъ я о ней мечтала! Безъ всякихъ надеждъ, безъ всего,—вы вѣдь вѣрите мнѣ?—хотѣла еще разъ въ жизни сидѣть рядомъ съ вами, прислонить голову къ вашему плечу и такъ забыться. Сила какая-то есть, не знаю какая; вотъ она меня тянула къ вамъ. Весь міръ не нуженъ, а вы одинъ нужны мнѣ! И безъ васъ нѣтъ жизни. Я считала, что это значитъ—люблю.

Бѣгутъ минуты. Глаза Маши закрыты. Она дышитъ ровно-ровно, точно заснула. За минуту передъ тѣмъ весь міръ былъ полонъ ея тихихъ, нѣжныхъ словъ; теперь онъ насторожился, слушая ея дыханіе. Такой тишины еще никогда не было. И тѣни забытаго, тѣни пережитого выходятъ изъ угловъ безъ шороха, плавно, безъ злыхъ улыбокъ, съ одной заботой—не нарушить ея забытья. Приложивъ палецъ къ блѣднымъ губамъ, онѣ киваютъ мнѣ украдкой, не смѣя спросить вслухъ:

— Спитъ ли она? Этотъ моментъ ея жизни—самый большой. Это кризисъ ея болѣзни. Завтра она можетъ умереть или проснуться для новой жизни. Ты готовъ?

Я улыбаюсь имъ снисходительно:

— Готовъ ли я? Вы видите.

Я наклоняюсь къ Машѣ и говорю тихо:

— Ты спишь?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она едва слышнымъ шопотомъ.— Теперь нужна еще сказка, послѣдняя...

— Я разскажу тебѣ о моихъ призракахъ... Нѣтъ, не открывай глазъ; такъ ты увидишь ихъ лучше.

Призраки.

Въ ихъ толпѣ, Маша, нѣтъ постороннихъ; все это—близкіе намъ, которыхъ мы встрѣчали на пути жизни, о которыхъ не забыли, которые сами хотятъ напомнить намъ о себѣ. Когда наша мысль не отвлечена стукомъ колесъ по мостовой, шагами толпы людей, крикомъ спорящихъ, когда мы одиноки,—ихъ тѣни выходятъ изъ угловъ, изъ-за книжныхъ полокъ, изъ рамъ портретовъ, изъ пачки писемъ, лежащихъ на днѣ ящика. Онѣ тянутся къ намъ ото всюду, сначала пугливыя и тревожныя, послѣ увѣренныя, иногда грозныя. Онѣ говорятъ о многомъ, но смыслъ

ихъ рѣчи одинъ, и однимъ послѣднимъ вопросомъ онѣ заканчиваютъ свой шопотъ: вопросомъ о томъ, нашелъ ли кто-нибудь истину о жизни, или правда, что все неразрѣшимо? Отвѣта не бываетъ никогда, и потому онѣ всегда печальны. Многія изъ нихъ всегда плачутъ.

Ты хочешь знать, кто та блѣдная женщина, что прижалась къ ручкѣ кресла и смотритъ такъ пугливо? Я зналъ ее очень молодой; въ то время она не хотѣла знать, что такое страхъ. Она умѣла стрѣлять изъ ружья лучше многихъ мужчинъ и однажды при мнѣ бросилась удержать за поводья испугавшуюся и понесшую лошадь. У нея было меньше силъ въ рукахъ, чѣмъ рѣшительности, и эта попытка не прошла для нея безнаказанно; она сильно разбилась. На больничной койкѣ она смѣялась, и вылѣчившись, не стала опасливѣе.

Въ той же робкой кучкѣ призраковъ ты видишь другую; я зналъ и ее, какъ зналъ всѣхъ. Она хотѣла жить только искусствомъ. На ея пути попался человѣкъ, который сказалъ ей, что любитъ ее и не стѣснитъ ея свободы; даже больше: рядомъ съ нимъ, обезпеченная и не обязанная никому, она сможетъ жить только для себя и для искусства. Онъ не обманулъ ея; но она полюбила его, полюбила своего ребенка, бросила живопись и стала доброй и нѣжной женой. Однажды, подойдя къ зеркалу, она замѣтила первый сѣдой волосъ. Тогда она прошла въ дѣтскую, гдѣ стояли три кроватки и за столомъ рисовалъ ея старшій сынъ. Его рисунокъ былъ еще совсѣмъ дѣтскимъ: рядъ падающихъ на бокъ домиковъ и дерево съ симметрическими вѣтками. Мальчикъ спросилъ мать:

— Тебѣ нравится эта картина?

— Да,—отвѣтила она,—но ее нужно раскрасить.

Взявъ коробочку дѣтскихъ красокъ, она сдѣлала небо лазурнымъ и зазелѣнила дерево. Краски она разводила своими слезами.

— Почему ты плачешь?—спросилъ мальчикъ.—Мама, почему у тебя глазки испугались?

Она не отвѣтила, но съ тѣхъ поръ приходила каждый день въ дѣтскую рисовать съ сыномъ. Она подарила ему свой старый ящикъ и свои кисти. Глаза ея навсегда остались испуганными.

Маша, въ этой толпѣ вечернихъ тѣней есть много молодыхъ и старыхъ, смотрящихъ съ гордымъ укоромъ. Маша, это—неотмщенные. Одинъ изъ нихъ былъ моимъ близкимъ другомъ. Онъ былъ убитъ, Маша, убитъ на улицѣ шальной пулей. Мы, его друзья, поклялись отомстить за него. Мы поклялись каждый себѣ, и всѣ измѣнили слову. Когда мы собрались вмѣстѣ, то не могли

упрекать другъ друга, такъ какъ равно всѣ были измѣнниками слову. Насъ было много, всѣ насъ считали честными, и мы рѣшили, что это единодушіе измѣны снимаетъ вину со всѣхъ. Мы очень обрадовались этому рѣшенію и съ тѣхъ поръ гордо подымали голову передъ тѣми, чей компромиссъ былъ единичнымъ. Когда призракъ убитаго друга впервые явился ко мнѣ, я встрѣтилъ его спокойно и сказалъ ему:

— Но ты знаешь, что это было общимъ рѣшеніемъ?

Онъ отвѣтилъ:

— Я былъ близокъ только съ тобой. Впрочемъ, ты правъ: это не было вопросомъ личной близости, но вопросомъ общаго дѣла. Итакъ—вы всѣ измѣнники! Ты—лишь первый среди равныхъ.

Затѣмъ онъ схватился за голову блѣдными, безкровными пальцами и простоналъ:

— Значитъ, моя жертва была напрасна?

Маша, этотъ вопросъ никогда уже послѣ не покидалъ его устъ! Съ нашей первой встрѣчи онъ не произносилъ иныхъ словъ. Но однажды онъ явился ко мнѣ, ведя подъ руку другую тѣнь, одинъ видъ который заставилъ меня отшатнуться.

— Зачѣмъ ты привелъ его?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ, смѣясь:

— Это мой новый другъ; ты его знаешь?

— Знаю ли я его? Конечно знаю! Этотъ человѣкъ меня оклеветалъ и предалъ, прикрывшись плащемъ принципіальности: его душа—душа предателя!

— Такъ что жъ изъ этого?—отвѣтила тѣнь неотмщеннаго.— Развѣ другъ и предатель не одно и то же?

Тамъ, въ толпѣ неотмщенныхъ, есть много, бывшихъ мнѣ друзьями. Когда погибъ первый,—я рыдалъ и готовъ былъ лишить себя жизни. Смерть второго дала мнѣ много минутъ печали. О третьемъ до меня донеслись путанные слухи, но мнѣ некогда было ихъ провѣрить; а позже забылъ. Каждую дальнѣйшую гибель моихъ друзей, молодыхъ, сильныхъ, честныхъ и смѣлыхъ, я встрѣчалъ горькой усмѣшкой: «и онъ?»; и тотчасъ же забывалъ. Тамъ, глубоко въ сердце откладывалась горечь, но его наружная оболочка твердѣла и становилась непроницаемѣе.

— Такъ лучше!—думалъ я;—нельзя плакать о всѣхъ съ той же горечью!

И я пересталъ плакать совершенно. И я раздражался, слушая вопли и крики о мщеніи другихъ, дѣлавшихъ не больше

меня, но укорявшихъ меня въ безсердечіи. Я понялъ, что они—фигляры и неврастеники.

Не всѣ эти призраки—тѣни умершихъ. Среди нихъ много живыхъ. Но ты не различишь живущихъ отъ мертвыхъ. Тѣ, что умерли, знаютъ о жизни не больше тѣхъ, что живы, и не завидуютъ имъ. Въ этой толпѣ призраковъ жизнь и смерть слились въ одно, и все слилось въ одномъ вопросѣ. Всѣ они потеряли дорогу, и всѣ мечтаютъ только объ одномъ: о покоѣ. Но покоя они не найдутъ, пока не найдутъ рѣшенія или пока не убѣдятся, что нѣтъ отвѣта, что все въ жизни неразрѣшимо.

Одна дѣвушка сказала юношѣ:

— Будемъ жить вмѣстѣ, пока любимъ!

— Да,—отвѣтилъ онъ,—будемъ брать другъ отъ друга, пока есть, что брать! Когда мы исчерпаемъ другъ друга—мы разойдемся свободными, какъ свободными будемъ и въ нашемъ союзѣ.

И они отдали другъ другу свое первое чувство.

Тамъ, въ углу, ея дрожащая тѣнь. Спроси ее, и она разскажетъ тебѣ, какъ это было.

Было такъ. Однажды онъ вернулся домой задумчивый и сказалъ:

— Помнишь о нашемъ брачномъ условіи?

— Помню,—отвѣтила она:—мы поклялись любить другъ друга.

— Нѣтъ,—поправилъ онъ,—мы лишь рѣшили жить вмѣстѣ, пока любимъ и пока намъ есть чѣмъ дарить другъ друга. Но вотъ теперь у насъ въ жизни уже нѣтъ больше этого обмѣна.

Она тревожно спросила:

— Тебѣ нечего брать отъ меня?

— Нечего.

— Ты не любишь меня больше?

— Я полюбилъ другую,—отвѣтилъ онъ честно.

Тогда она сказала:

— Значитъ, ты свободенъ. Но я не свободна! Я отдала все, ничего не оставивъ для другого. Я не исчерпала своей любви къ тебѣ и, какъ въ первый день нашей жизни, дышу только тобой. Для меня нашъ союзъ останется вѣчнымъ!

— Но я не могу съ тобой жить!—сказалъ онъ ей.—Будетъ лучше, если ты меня забудешь и создашь себѣ новую жизнь. Иначе ты будешь страдать. Твое страданіе будетъ по-

мѣхой новому счастью, къ которому я иду. Развѣ въ силахъ я перешагнуть черезъ твое горе?

Но женщина отвѣтила:

— Я не обѣщала тебѣ ни скорой измѣны, ни помощи твоему счастью съ другой! Я обѣщала тебѣ только свободу. И я говорю: ты свободенъ!

Онъ ушелъ, и она умерла. Когда онъ обнималъ свою новую подругу, то въ ихъ горячее объятье вплеталась пара невидимыхъ блѣдныхъ рукъ, и оба они слышали голосъ умершей, которая шептала:

— Я дала ему свободу, но нашъ союзъ остался для меня нерушимымъ. Я не обѣщала помогать вашему счастью и должна быть третьей въ вашемъ бракѣ.

Тогда они разошлись, и тѣнь ихъ оставила. Но никто изъ нихъ троихъ не былъ счастливъ: ни тѣ—живые, ни тѣнь умершей.

О, Маша! Тамъ, въ толпѣ блѣдныхъ призраковъ, есть дѣтская тѣнь. То была нѣжная и веселая дѣвочка, которой жизнь улыбалась съ колыбели. Однажды она собирала цвѣты на невысокомъ обрывистомъ берегу надъ рѣкой; за ней зорко смотрѣла молодая няня. На краю обрыва, въ лучахъ солнца, стояли невидимые ангелы, которые сторожили дѣвочку лучше, чѣмъ дѣвушка, для этого приставленная. Это были ангелы юности, счастья и любви. Такъ какъ ихъ было достаточно много, то одинъ изъ нихъ полетѣлъ вдоль берега рѣки и нашелъ тамъ молодого рыбака, чинившаго сѣть. Ангелъ шепнулъ ему имя дѣвушки, и рыбакъ покорно и весело всталъ и пошелъ. Возможно, что дѣвушка ждала его прихода. Они, обнявшись, сѣли на травѣ и стали говорить о своемъ будущемъ домѣ на берегу рѣки; рыбакъ былъ ея женихомъ. Онъ говорилъ дѣловито, а она смущалась. А когда подняла голову, то увидала въ лучахъ солнца цѣлую радугу прозрачныхъ крыльевъ. Это слетѣлись всѣ ангелы, устроившіе хороводъ вокругъ влюбленной пары; ангелы юности, счастья и любви.

Въ эту минуту ребенокъ, увидавъ на краю обрыва красивый, совсѣмъ цѣлый шарикъ одуванчика, весело побѣжалъ къ нему; рыхлая земля подалась, и ребенокъ, котораго уже никто не стерегъ, упалъ въ воду. У рѣчныхъ сказокъ не было договора со сказками солнца, и онѣ отказались вернуть свою добычу.

Черезъ годъ дѣвушка вышла замужъ за рыбака. Еще черезъ годъ у нихъ родился сынъ. Когда къ его глазамъ поднесли жестяную лампу, то поняли, что ребенокъ родился слѣпымъ.

Онъ выросъ слабымъ, больнымъ, съ недоразвитыми членами и большой головой; онъ жилъ достаточно долго, чтобы понять, что жизнь—проклятье. Но, блуждая ощупью, онъ ни разу не упалъ съ обрыва, на которомъ стоялъ домъ его родителей, хотя ни одинъ изъ ангеловъ не оберегалъ его невѣрныхъ шаговъ, а мать втайнѣ мечтала объ его смерти.

Ты слышишь, какъ эта мертвая дѣвочка, ставшая прозрачной, спрашиваетъ у слѣпого урода, зачѣмъ онъ лишилъ ее красоты, радости и солнца, зачѣмъ отнялъ у нея ангеловъ-хранителей ея дѣтства? А онъ ощупываетъ руками ея лицо и говоритъ:

— Можетъ быть, ты была красива, но я не знаю, что такое красота; я не знаю и солнца, не знаю и радости. Ангеловъ я не видѣлъ, и думаю, что ихъ нѣтъ.

У дѣвочки былъ отецъ. Когда она упала въ воду, онъ былъ безутѣшенъ и хотѣлъ кончить свою жизнь въ той же рѣкѣ. Горя, сильнѣе его горя никто не испыталъ.

Между тѣмъ она не была его родной дочерью. У него была и родная дочь, которой онъ не любилъ, какъ не любилъ и ея матери. Любилъ онъ только память о матери упавшаго въ воду ребенка, которая никогда не была ни его женой, ни его подругой. И всѣ они были несчастны, хотя ничто не мѣшало имъ устроить свое счастье; но они не знали, какимъ путемъ итти къ нему. Они блуждали по свѣту, ища другъ друга и спотыкаясь на пути. Каждый разъ, какъ одному изъ нихъ удавалось, наконецъ, найти другого,—онъ убѣгалъ въ страхѣ, боясь новаго горя отъ встрѣчи. Затѣмъ онъ начиналъ искать его снова. Тѣни ихъ встрѣчаются только здѣсь, Маша, но здѣсь они не видятъ другъ друга.

Хочешь ты знать, зачѣмъ приходятъ сюда эти призраки? Они ищутъ человѣка, который оказалъ бы имъ вниманіе и отвѣтилъ бы на ихъ вопросы. Люди, занятые дневными заботами, не замѣчаютъ ихъ и не говорятъ съ ними. Только съ тѣми, кому, какъ и имъ, знакомы сомнѣнія,—только съ тѣми они могутъ вступать въ разговоръ, всегда безплодный и ненужный.

Со мной, Маша, они неразлучны. Помнишь, когда мы сидѣли на берегу моря и я говорилъ тебѣ про волну? Это призраки также окружали насъ. Они шептали тогда другъ другу:

— Неужели и она будетъ обманута?

И многіе отвѣчали:

— Да, и она!

Другіе прибавляли:

— Онъ откроетъ ей это. Онъ жалѣетъ.

— Онъ любитъ ее послѣдней любовью,—шептали третьи.— Но онъ знаетъ, что это неразрѣшимо.

Маша, не нужно вѣрить имъ на слово, этимъ призракамъ. Вѣдь ихъ рождаетъ наше воображеніе, а оно обманчиво! Только той женщинѣ, съ сѣдыми буклями и молодыми глазами, можно вѣрить, хотя она всегда говоритъ разное; это—жизнь. Съ нею мы въ договорѣ. Она готовитъ мнѣ бѣлую комнату для новой жизни и новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ. Въ бѣлую комнату нѣтъ доступа тѣнямъ; тамъ всегда свѣтло. Тамъ нѣтъ вопросовъ, и потому не нужны рѣшенія.

По глухому, нечищенному лѣсу пробирался человѣкъ, несшій за плечами огромную, тяжелую связку хвороста; онъ собралъ его для топки очага въ своемъ домѣ на опушкѣ лѣса. Вѣтви деревьевъ мѣшали ему пройти, цѣпляясь за одежду, больно царапая лицо и руки, сбрасывая съ его плечъ съ такимъ трудомъ собранное имъ топливо. Человѣкъ изнемогалъ отъ усталости и не узнавалъ дороги.

Но вотъ онъ подумалъ:

— Зачѣмъ я забрался за хворостомъ такъ далеко, въ самую глубь лѣса? Будетъ гораздо лучше и проще, если я брошу здѣсь свою связку и выберусь на опушку! Тамъ я найду не меньше сухихъ прутьевъ.

Онъ бросилъ свою ношу и сталъ искать прямую тропинку къ дому. Между тѣмъ уже начало темнѣть, а дороги онъ найти не могъ. Тогда онъ сказалъ себѣ:

— Будетъ проще, если я лягу на первой полянкѣ и отдохну. Очевидно я заблудился, и найти дорогу мнѣ не удастся. Въ сущности я не много теряю, такъ какъ собирать топливо теперь уже поздно, а отдохнувъ—я не растрачу послѣднихъ силъ.

Случилось, что черезъ лѣсъ проходили крестьяне сосѣдней деревни. Увидавъ на полянкѣ лежащаго человѣка, они подошли къ нему, и, узнавъ, что онъ сбился съ дороги, предложили итти съ ними. Они сказали:

— Мы доведемъ тебя до самаго дома!

Онъ отказался, говоря, что ему не къ чему возвращаться домой.

— Но здѣсь ты замерзнешь ночью, дома же ты можешь затопить очагъ.

— Я бросилъ въ лѣсу набранный хворостъ, — отвѣтилъ онъ.—Мнѣ нечѣмъ растопить очага.

— Значитъ, ты хочешь остаться въ лѣсу?

— Да,—отвѣтилъ онъ.

Прохожіе посмѣялись надъ его странностью и пошли своей дорогой. Въ лѣсу стало еще темнѣй.

Когда въ небѣ зажглась первая звѣзда, лежавшій на полянѣ человѣкъ услыхалъ невдалекѣ легкіе шаги. Черезъ минуту къ нему подошла молодая дѣвушка, наклонилась надъ нимъ, и, взявъ его за руку, сказала:

— Вставай и пойдемъ домой.

— Я не могу и не хочу,—отвѣтилъ онъ.—Въ моемъ домѣ сейчасъ холодно, какъ въ могилѣ.

Дѣвушка сказала:

— Мы пойдемъ ко мнѣ; злѣсь поблизости моя хижина. Въ ней тепло, горитъ огонь, и для тебя готовы пища и отдыхъ. Я сама буду служить тебѣ. Если ты захочешь, ты останешься у меня совсѣмъ, а я буду твоей вѣрной и любящей женой.

Человѣкъ радостно протянулъ къ ней руки и хотѣлъ встать. Но онъ почувствовалъ, что силы его истощены, и снова упалъ на траву. Тогда онъ сказалъ:

— Ты пришла слишкомъ поздно! Мнѣ уже не долго жить, и я не хочу дѣлать твой домъ больницей и могильнымъ склепомъ. Будетъ лучше, если я останусь одинъ лежать на этой полянѣ...

— Маша, ты спишь?

Было на рѣдкость чудесное утро, и дорога почти не слышно убѣгала назадъ подъ колесами автомобиля. Маша наклонила голову, съ улыбкой щурясь несшейся на насъ природѣ. Иногда она повертывалась ко мнѣ и, снимая локтемъ мою руку, спрашивала:

— Отчего мнѣ такъ хорошо съ вами? А, главное, такъ спокойно-спокойно!

Я также радовался молодому солнцу и яснымъ далямъ Кампаніи. Мы приближались къ горамъ. Было прохладно, и мѣховая шапочка Маши была очень кстати.

Каскадъ водяной массы вырывался изъ трехъ отверстій наверху и летѣлъ мимо насъ съ такой оглушительной быстротой, что нельзя было отличить воды отъ пѣны. Словъ почти не было слышно, и значеніе ихъ приходилось угадывать по движенію

губъ. Мы стояли на легкомъ мостикѣ нижней площадки и смотрѣли, какъ стелются по руслу ручья и высокой травѣ облака водяной пыли.

— Не страшно, Маша, голова не кружится?

— Нѣтъ,—отвѣчала она,—но какъ красиво! Я никогда не думала, что можетъ быть такъ красиво!

— Красивѣе, чѣмъ было на морѣ?

— Не знаю... Тамъ было совсѣмъ другое. Здѣсь красота какая-то оглушающая, отъ которой не успѣваешь опомниться.

— Мы съ моремъ ревнуемъ васъ къ водопаду, Маша!— прокричалъ я.

— Что?—не разслышала она.

Я не повторилъ.

— Если хотите—пойдемъ дальше.

— Да, идемъ, а то я совершенно оглохну отъ этого шума.

Въ тихой поэтической старинной виллѣ не хочется разговаривать. Мы медленно идемъ по ея спускающимся дорожкамъ, предоставивъ глазамъ любоваться стильными уголками, бесѣдками, фонтанами; Машѣ нравится вилла, но она ея не чувствуетъ. По разсѣянному взору Маши я вижу, что къ ней возвращаются мысли, оставленныя въ городѣ. Раза два она взглянула на меня съ вопросомъ, но не рѣшилась. Мы дошли до каменной скамейки внизу, откуда открыта панорама горъ.

— Ну, Маша, теперь говорите.

— Что?

— То, о чемъ вы думали съ самаго входа въ виллу.

— Правда, я думала... Думала, зачѣмъ вы возите меня повсюду, зачѣмъ мнѣ все это показываете? Вотъ уже недѣля, какъ мы не сидѣли на мѣстѣ и двухъ часовъ. Бродимъ по музеямъ, по церквамъ, ѣздимъ за городъ; точно я дѣйствительно пріѣхала для этихъ осмотровъ.

— Вамъ уже надоѣло, Маша?

— Нѣтъ, мнѣ пріятно, но странно какъ-то. Я этого не ожидала и не хотѣла.

— Тѣмъ лучше, если неожиданность пріятна...

— Да, но только... я вотъ не вижу, чтобы васъ самого это такъ интересовало сейчасъ. Вы ходите со мной для меня, а не для себя. Я иногда увлекаюсь, а вы смотрите словно бы мимо всего.

— Маша, я уже видѣлъ все это не разъ. Теперь мнѣ достаточно чувствовать, не вглядываясь пристально.

— Можетъ быть, и такъ...

Мы молчимъ.

У входа Маша останавливается.

— Андрей Дмитричъ, я хочу уѣхать!

— Хорошо, Маша, мы сейчасъ поѣдемъ.

Я отвѣчаю ей, будто бы не понялъ; но я понялъ! Я знаю, что сейчасъ Маша скажетъ:

— Нѣтъ, совсѣмъ уѣхать! Мнѣ пора вернуться домой, къ мамѣ въ Россію. Вѣдь пора? Вѣдь нужно? Скажите?

Въ боковомъ карманѣ у меня револьверъ. Я мысленно вынимаю его, прикладываю прямо къ сердцу и нажимаю курокъ. Пуля пронзаетъ сердце. Я спокойно и тепло говорю Машѣ:

— Милый другъ, я знаю, что это нужно, и я готовъ къ этому! Но вы, Маша, готовы ли? Вы уѣдете спокойно?

— Что значитъ спокойно? Мнѣ тяжело и больно разстаться съ вами. Но мы все равно разстанемся. Вѣдь мы разстанемся? А тогда—лучше скорѣй!

Но взглянувъ на меня, она прибавляетъ:

— Ну, родной, вы не должны тосковать по мнѣ; вы такой сильный! А мнѣ тоже будетъ хорошо. Только тоже погрущу, можетъ быть, поплачу... Я рада ѣхать къ мамѣ, я такъ научилась цѣнить ее за этотъ годъ! А у васъ никого нѣтъ, кто бы васъ утѣшилъ?

— У меня, Маша? Да, у меня тоже есть старушка, старушка жизнь. У нея сѣдыя букли и добрый, разсудительный голосъ. Она замѣняетъ мнѣ мать.

Маша гладитъ мнѣ руку и говоритъ:

— Бѣдный мой... И еще всегда помните, что у васъ есть Маша, хоть и далеко. Она любитъ васъ и никогда, никогда не забудетъ!

Я вынимаю изъ груди прострѣленное сердце, подаю его Машѣ и кричу ей:

— Возьми его, согрѣй его, верни ему жизнь.

Но нѣтъ, я лишь говорю ей немного взволнованнымъ голосомъ:

— Спасибо вамъ, моя родная дѣвочка!

Сжимаю руку:

— Сядемъ же, поѣдемъ домой. А тамъ... будемъ жить. Эхъ, Маша, давайте быть мужчинами!

Тихо высвобождая руку, Маша говоритъ, какъ бы что-то обдумывая:

— Хорошо, я попробую.

Мы почти не говоримъ дорогой. Мелькаютъ поля, скудные кустики, остатки акведуковъ и гробницъ. Пылью, духотой и грохотомъ встрѣчаетъ насъ городъ.

На-завтра она говоритъ мнѣ дома:

— Ахъ, пережить все можно! Но почему, почему я больше не вѣрю вамъ такъ, какъ вѣрила раньше? Вы были для меня святымъ, вы для меня всѣмъ были, всѣмъ, что мнѣ дорого на свѣтѣ!

Шепчетъ мнѣ мой двойникъ:

— Скажи, что ты не любишь ее! Вѣдь это правда!

Но это неправда, и я молчу. Развѣ я знаю, что отвѣтить? И развѣ отвѣтъво зможенъ?

— Вѣрила и любви вашей, вѣрила и вашимъ сказкамъ. И у меня есть призраки. Вы были моимъ неотступнымъ призракомъ. Ахъ, какъ мнѣ стыдно! Что я скажу мамѣ, когда вернусь? Что я люблю васъ попрежнему? Но это неправда. Моя прежняя красивая, поэтическая любовь стала только болѣзнью. Я словно бы осмѣяна, словно грубо оттолкнута!

Маша продолжаетъ, попрежнему не глядя на меня.

— А между тѣмъ все случилось такъ, какъ я и ждала. Вѣрнѣе—не случилось ничего! Пріѣхала, посмотрѣла городъ и окрестности; теперь уѣзжаю обратно. Хотѣла видѣть васъ—видѣла. Развѣ я мечтала о большемъ? Вы думаете, что я о большемъ мечтала? Быть можетъ, мечтала разжалобить васъ? Замужъ за васъ выйти? Почему вы не отвѣчаете?

— Маша, я не отвѣчаю потому, что не могу ничего отвѣтить. Вѣдь это не вы говорите, а въ васъ что-то говоритъ.

Маша продолжаетъ тѣмъ же тономъ:

— Маленькой дѣвочкѣ пора ѣхать къ мамѣ. Мама утѣшитъ, мама успокоитъ. Мама скажетъ: привыкнешь, забудешь. Ахъ, мама, если бы ты знала!

Теперь я пристально, не отводя глазъ, смотрю на портретъ ребенка, повѣшенный на стѣну въ день пріѣзда Маши. У этого ребенка также нѣтъ отца; но мать есть и у него. Какое счастье имѣть мать!

Маша ловитъ мой взглядъ и глубоко задумывается. Она не поняла его. Но все равно. Лишь бы нашла другое русло ея заблудившаяся мысль.

Спускается вечеръ. Она хотѣла уѣхать сегодня вечеромъ, но не уѣдетъ. Она будетъ проситься и настаивать, но я не от-

пущу ее. Такъ мы не разстанемся. Ложь это или правда, но мы разстанемся хорошими и грустными друзьями. Сегодня наше примиреніе—а оно будетъ—не будетъ прочнымъ. Завтра—да! Быть можетъ, завтра Маша уѣдетъ. И все будетъ кончено.

Теперь она устала. Я подхожу къ ней, сажусь близко рядомъ, отнимаю отъ лица мокрыя отъ слезъ руки, цѣлую маленькіе пальцы.

— Простите,—шепчетъ она.—Ахъ, простите меня! Я знаю, что я гадкая. Я вѣдь все понимаю! Подождите, успокоюсь. Можно мнѣ не ѣхать сегодня?

— Сегодня вы не поѣдете, Маша. Я уже рѣшилъ это. Ничего, что я рѣшилъ за васъ?

— Да, спасибо. Трудно вамъ возиться со мной?

— Съ собой труднѣе, Маша. Знаете, вѣдь я очень страдаю! И люблю я васъ, и жаль мнѣ васъ, маленькую залетную птичку, и одинокъ я какъ-то.

— Милый, не грустите! Можно мнѣ всегда любить васъ? Вамъ будетъ тогда легче? Это ничего, что мы будемъ далеко другъ отъ друга; душой будемъ близки. Согласны?

— Согласенъ,—улыбаюсь я.

— Ну вотъ, наконецъ улыбнулись! Слушайте, сегодня послѣдній вечеръ. Я хочу провести его безъ тяжелыхъ мыслей. Можно намъ пойти куда-нибудь въ театръ или поужинать? Чтобы были люди, но не очень шумно. Потомъ вернемся домой, не слишкомъ поздно, и посидимъ, какъ въ первый вечеръ, пока я не захочу спать. Я захочу скоро!

— Да, Маша, конечно!

— И мы для разлуки выпьемъ немножко вина, бѣлаго и сладкаго. Побалуйте меня въ послѣдній разъ. Ахъ, какъ я люблю васъ! И правда, можетъ быть, лучше, что мы разстаемся. Больше любить я не могла бы; и лучше любить тоже не въ силахъ. Ну, подыматься?

— Да, подымайтесь, Маша, идемъ кутить!

. . . . . .

Унесу ли я *туда* память объ этомъ тихомъ, спокойномъ вечерѣ, о нашей прогулкѣ, о двухъ послѣднихъ, слишкомъ короткихъ часахъ, проведенныхъ въ моемъ кабинетѣ при спущенномъ абажурѣ лампы? Или и эти часы я долженъ буду погасить въ памяти, уходя въ мое уединеніе? Развѣ они мѣшаютъ моему покою? Развѣ сами они не были высшимъ покоемъ и счастьемъ?

Въ ту ночь я не спалъ. Но призраковъ больше не было;

они исчезли. Полный торжественный радости я лежалъ съ открытыми глазами, всматриваясь въ спокойную темноту ночи. И губы мои беззвучно шептали слово, обѣщанное старушкой жизнью:

— Рах!

За ночью родился день. Въ этотъ день уѣхала Маша.

Въ темной аллеѣ осыпаются осенніе листья, желтые, твердые; шумятъ подъ ногами.

— Листья осени? Листья осенніе? Неужели ушло все, кромѣ призраковъ?

Листья осенніе падаютъ съ легкимъ шорохомъ, шумятъ подъ ногами, шелестомъ отвѣчаютъ.

— Тише, тише... Ушло, ушло все, кромѣ призраковъ; все ушло въ прошлое!

— Чѣмъ же жить? И зачѣмъ?

— Тише, тише, не нужно стоновъ; живи въ мірѣ призраковъ, слушай шопотъ прошлаго!

Падаютъ мертвые осенніе листья, твердые, хрупкіе. Ими усыпана аллея. Тихо, если бы не ихъ шелестъ. Шорохи осени, образы грустные и тревожные... О, скучно мнѣ! Я такъ полонъ пережитого! Я такъ полонъ памятью о тебѣ, моя родная, моя родная Маша, о тебѣ и о Россіи. Ты и Россія слились для меня въ одно цѣлое, въ одну грустную повѣсть, въ послѣднюю, самую грустную повѣсть дней моихъ. Вы, листья живые, еще не упавшіе безжизненно на дорогу, не смѣйтесь надъ моимъ стономъ! Не смѣйтесь этимъ словамъ! Они идутъ изъ сердца! Они рождены въ въ такой глубокой одинокой грусти, какой вы не знали. Я плачу вслухъ,—ну что же! Но вѣдь я такъ много, такъ много, еще молодымъ, и слишкомъ много уже старымъ, глухо рыдалъ въ подушки, прячась отъ всѣхъ. Теперь я несу мою послѣднюю грусть въ осеннюю аллею, чтобы разсказать ее осеннимъ листьямъ. Это такъ естественно, такъ умѣстно осенью! Надъ чѣмъ же смѣяться? Надъ моей старостью? Или надъ тѣмъ, что я не сумѣлъ смолчать еще дольше, до самой смерти? Ахъ, позвольте мнѣ быть самимъ собой, безъ этой маски, которою мы прикрываемъ въ жизни всѣ наши переживанія! Плачу—ну что жъ! Все равно! Это послѣдняя, самая послѣдняя повѣсть дней моихъ. И самая простая.

Тамъ, за рубежомъ, подъ слоями опавшихъ листьевъ, зарождается новая жизнь, которой участникомъ мнѣ не быть. Съ

чѣмъ пойду я къ нимъ, молодымъ возвѣстникамъ новаго солнца? Со старыми словами? Съ опытомъ жизни, ея не оправдавшимъ? Съ именами мертвыхъ героевъ, мнѣ дорогихъ и памятныхъ— ими забытыхъ? И что скажу я имъ? Что наши жертвы были напрасны, что наша любовь дала имъ только горе, и никому не дала радости? Но вѣдь все это они знаютъ, и знаютъ гораздо большее!

Нѣтъ, я не вернусь въ Россію! Мнѣ поздно переучиваться. Могу ли я свою посѣдѣвшую голову склонить надъ ихъ книгами, созданными пером юности и смѣлой надежды? И затѣмъ... Затѣмъ мнѣ жалко оставить здѣсь мою грусть и эту аллею. Я такъ сжился съ ними и такъ многимъ имъ обязанъ.

Былъ человѣкъ, который вѣрилъ, умѣлъ любить и ненавидѣть. Свой рай онъ хотѣлъ создать себѣ на землѣ. Онъ отказался отъ многаго, чтобы добыть большее себѣ и другимъ. Онъ разбилъ свою семью, очарованный далекимъ миражемъ, онъ оттолкнулъ любовь простую, увлекшись прекраснымъ призракомъ вѣчно рождающейся и безсмертной волны, сквозь пѣну которой радугой играло солнце.

Былъ человѣкъ, который никогда не могъ забыть того, что самъ онъ отвергъ небрежно, въ чемъ онъ давно развѣрился. И онъ, утративъ прежнее и родное, не смогъ создать себѣ новую жизнь въ чужой, свободной странѣ. Онъ окружилъ себя страшными призраками, стѣснявшими его волю. Но онъ любилъ лишь ихъ, эти призраки; и въ жертву имъ готовъ былъ принести все.

Былъ человѣкъ къ которому изъ брошеннаго имъ міра пришла добрая фея. Она звала его назадъ, она обѣщала ему вернуть все, что онъ любилъ, ради чего стоитъ жить. Но она пришла слишкомъ поздно. Посланецъ брошеннаго міра, она была отвергнута, но не забыта. Нѣтъ, не забыта! И съ той поры ея образъ сталъ для него образомъ родины, такой же далекой, такой же отвергнутой его гордостью.

Зачѣмъ я не молодъ! И зачѣмъ такъ изломанъ! Маша, Маша, зачѣмъ я не молодъ! И зачѣмъ я такъ рано былъ испуганъ жизнью!

Чудесны грустныя сказки вечера въ темной аллеѣ. И пурпуръ осени пышенъ и прекрасенъ. А я утра хочу, молочнаго разсвѣта, свѣжаго вѣтра въ полѣ, не просохшемъ отъ росы. Зачѣмъ я не молодъ, Маша!

Помню, раннимъ лѣтомъ въ Россіи я вставалъ до свѣта и шелъ къ рѣкѣ. Никого нѣтъ, и солнце лишь будетъ. Выпрямлялся, поднималъ руки къ небу, алому отъ зари, закидывая

голову и, дрожа отъ прохлады, говорилъ громко рыбамъ и камышу:

— Эхъ, славно, взойди мое солнце!

Садился въ лодку, стараясь не плескать весломъ, чтобы не разрушить обаянія рѣки. Потомъ, ставъ въ камышахъ, бросалъ легкую удочку, чтобы поймать живца для приманки хищниковъ. Ждать не приходилось; въ рукахъ моихъ билась тонкая серебряная рыбка съ испуганными глазами. И капелька алой крови у жабръ. Жестоко это!

Хочешь выпущу тебя на волю, моя рыбка? Я тебя выпущу, а ты... верни мнѣ молодость, верни мнѣ тѣ дни, когда я тянулся къ солнцу съ утреннимъ привѣтомъ! . . . . . .

. . . . . .

Довольно. Я уже сказалъ: на прошломъ поставленъ крестъ. Я ушелъ сюда не за тѣмъ, чтобы вызывать забытыя тѣни. Пусть мысль летитъ впередъ, но не догнать ея мыслямъ вчерашнимъ. Онѣ уже затерялись; уже свершенъ ихъ путь, хоть цѣль и не достигнута.

Летѣли двѣ ласточки подъ самымъ куполомъ неба. Та, что летѣла впереди, кричала той, что отставала:

— Впередъ, спѣшимъ, летимъ къ теплу!

— Я устала,—отвѣчала усталая птичка.

— Летимъ къ теплу, къ свободѣ! — убѣждала первая. Каждая потерянная минута — потерянный кусочекъ счастья и радости.

— Я устала,—отвѣчала усталая птичка.

Странно видѣть лавры, оливы и камеліи, одѣтые снѣгомъ. Если вы хотите, чтобы васъ любили, вдѣньте въ петлицу, идя на первое свиданіе, цвѣтокъ бѣлой камеліи. Нѣтъ, правда, это примѣта! Любовь такъ же холодна, какъ этотъ цвѣтокъ. Когда она отцвѣтаетъ, то дѣлается вялой и грязной.

Снѣгъ лежитъ и на пышныхъ махровыхъ кустахъ хризантемъ. Однажды двѣ мои большія пріятельницы принесли мнѣ въ день рожденія огромный букетъ хризантемъ. Меня тронула ихъ нѣжная память. Я имъ сказалъ:

— Это мой любимый цвѣтокъ! Какъ вы угадали?

Когда онѣ ушли, и дверь за ними захлопнулась, я крикнулъ въ догонку, зная, что онѣ уже не услышатъ:

— Спросите цвѣточника, для чего онъ заготовилъ такъ

много этихъ чудныхъ букетовъ? Развѣ вы не знали, что сейчасъ недѣля поминанія мертвыхъ?

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ лежитъ повсюду. Завтра онъ стаетъ, такъ какъ онъ—рѣдкій гость въ этомъ благодатномъ краѣ, гдѣ цвѣты въ саду не боятся зимы. Чѣмъ такъ красивъ снѣгъ? Тѣмъ, что онъ бѣлъ, и тѣмъ, что онъ холоденъ. Возможно, что онъ выпалъ сегодня для многихъ; но, конечно, и для меня! Думы мои, сказки мои, цвѣты души моей закрылъ онъ бѣлой пеленой, и мои мечты, и мои воспоминанья.

Какъ темна сегодня вода въ бассейнѣ; но пѣна его струи бѣла почти такъ же, какъ снѣгъ. И какая тишина! Если я услыхалъ бы сейчасъ стонъ, — мнѣ кажется, что мое сердце разорвалось бы. Ну полно, полно, вѣдь все спокойно! Еще никогда не было все такъ спокойно.

Снѣгъ, снѣгъ, снѣгъ падаетъ частыми хлопьями, ложится на плечи, дышетъ прохладой и забвеніемъ. Какъ онъ чистъ! Его чистоты не съ чѣмъ сравнить. Про все другое можно сказать: оно бѣло и чисто, какъ снѣгъ. И ужъ ярче и яснѣе нельзя выразить чистоты!

Солнца сегодня нѣтъ. Если оно вернется завтра, вмѣстѣ съ пробудившимся утромъ, оно застанетъ и меня пробудившимся. Мой домъ на откосѣ; вмѣстѣ съ мысомъ онъ выступаетъ въ море. Моя комната въ два свѣта. И въ каждое окно я вижу только море и небо. Стѣны моей комнаты бѣлы и чисты. Я хотѣлъ бы, чтобы онѣ были бѣлы и чисты, какъ снѣгъ.

И бѣлый листъ бумаги на моемъ столѣ. Онъ приготовленъ для новыхъ думъ, не связанныхъ съ прошлымъ. Но зачѣмъ ему знать мои новыя мысли? Зачѣмъ вамъ знать ихъ? Онъ лежитъ уже давно. Не одна нервная буква не посягнула на его безпорочную чистоту. Въ свой новый бѣлый храмъ я не внесу и этой ослѣдней страницы, платящей дань призракамъ прошлаго.

Ибо ею—кончены повѣсти дней моихъ.

М. А. Осоргинъ.

ЗВЕНЬЯ.

Звенѣли крылья у стрижей,
Шептались тихія березы...
Какъ мало было свѣтлыхъ дней!
Они растаяли, какъ грезы.
Брожу вдоль кручъ у береговъ...
Мечты сливаются съ просторомъ,
Съ нимъ объясняются безъ словъ
Своимъ беззвучнымъ разговоромъ.
И мнится все кругомъ—одно,—
Рѣка и звѣри, и растенья...
Въ одно скрѣпляются звено...
И безъ конца все—звенья, звенья...

В. Умановъ Каплуновскій.

ЧАША ЖИЗНИ.

I.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда уѣздный городъ Стрѣлецкъ былъ еще проще и просторнѣй, семинаристъ Киръ Іорданскій, сынъ псаломщика, влюбился, пріѣхавъ на каникулы, въ Саню Діесперову, дочь заштатнаго священника, за которой отъ нечего дѣлать ухаживалъ консисторскій служащій Селиховъ, пользовавшійся отпускомъ. Саня была особенно беззаботна и безъ причины счастлива въ то лѣто, каждый вечеръ ходила гулять въ городской садъ или кладбищенскую рощу, носила цвѣтистый мордовскій костюмъ, большимъ бантомъ красной шелковой ленты завязывала конецъ толстой русой косы и, чувствуя себя красивой, окруженной вниманіемъ, все напѣвала и откидывала голову назадъ. Изъ всѣхъ ея поклонниковъ нравился ей одинъ Іорданскій. Но его-то одного и боялась она. Онъ пугалъ ее своей молчаливой любовью, огнемъ черныхъ глазъ и синими волосами, она вспыхивала, встрѣчаясь съ нимъ взглядами, и притворялась надменной, не видящей его. Съ Селиховымъ ей было легче. Селиховъ былъ губернскій франтъ, онъ держался всѣхъ любезнѣе, смѣшилъ ея подругъ, былъ остроуменъ, находчивъ и заносчиво, играя тросточкой, поглядывалъ на Іорданскаго, даромъ что былъ малъ ростомъ. Да и заштатному священнику казался онъ пріятнымъ и дѣльнымъ молодымъ человѣкомъ, не то что Іорданскій, дюжій и нищій семинаръ. И однажды, въ іюльскій вечеръ, когда въ городѣ всѣ катались, всѣ гуляли и въ золотистой пыли, поднятой стадомъ, садилось въ концѣ Долгой улицы солнце, когда шла Саня въ кладбищенскую рощу

подъ руку съ Селиховымъ, а сзади, среди подругъ Сани, шагалъ сумрачный Іорданскій и, покачиваясь, гудѣлъ великанъ Горизонтовъ, тоже семинаристъ, Селиховъ небрежно глянулъ на нихъ черезъ плечо и, наклоняясь къ ея лицу, нѣжно прижимая ея руку, вполголоса сказалъ:

— Я желалъ-бы воспользоваться этой ручкой на-вѣки, Александра Васильевна.

II.

Тридцать лѣтъ, избѣгая встрѣчаться, почти никогда не видя другъ друга, не забывали другъ о другѣ Іорданскій и Селиховъ. Всѣ свои силы употребили они на состязаніе въ достиженіи извѣстности, достатка и почета. Давнымъ давно жили они оба въ Стрѣлецкѣ и, состязаясь, многаго достигли. Іорданскій сталъ протоіереемъ и весь уѣздъ дивилъ своимъ умомъ, строгостью и ученостью. А Селиховъ разбогатѣлъ и прославился безпощаднымъ ростовщичествомъ. Іорданскій купилъ домъ на Песчаной улицѣ. Не отсталъ отъ него и Селиховъ: на зло ему купилъ домъ вдвое больше и какъ разъ рядомъ съ нимъ. Встрѣчаясь, они не кланялись, дѣлали видъ, что даже не помнятъ другъ друга; но жили въ непрестанной думѣ другъ о другѣ, во взаимномъ презрѣніи. Презирали они, не замѣчали и женъ своихъ. Іорданскій на десятомъ году супружества равнодушно лишился своей некрасивой жены. А Селиховъ почти никогда не разговаривалъ съ Александрой Васильевной. Вскорѣ послѣ свадьбы онъ засталъ ее однажды заплаканной: въ мордовскомъ костюмѣ, съ косой, заплетенной по дѣвичьи, она стояла въ спальнѣ передъ своимъ комодомъ, передъ раскрытой вѣнчальной шкатулкой, переглядывала фотографическія карточки,—между ними была и карточка Іорданскаго, — пудрила свое распухшее лицо и покусывала губы, чувствуя приступъ новыхъ слезъ. Онъ зналъ, что это были слезы по молодости, по тому счастливому лѣту, что однажды выпадаетъ въ жизни каждой дѣвушки, что не въ Іорданскомъ тутъ дѣло. Но простить ей этихъ слезъ не могъ. И всю жизнь ревновалъ ее къ о. Киру, самолюбивый, какъ всѣ маленькіе. А тотъ всю жизнь чувствовалъ къ ней тяжелую, холодную злобу.

И шли дни за днями, годы за годами, и была у Александры Васильевны одна дума, одна мечта—о домѣ.

III.

Она была уже слаба, полна и склонна къ слезамъ, къ грусти. Состарился и Селиховъ. Но о своей посмертной волѣ онъ упрямо молчалъ. Аккуратный, спокойный и безкровный, въ коричневой парочкѣ безъ единой пушинки и расчищенныхъ сапожкахъ, чуть горбясь и заложивъ холодные пальцы своихъ дрожащихъ рукъ въ немодные, прямые карманы панталонъ, онъ похаживалъ по своимъ чистымъ пустымъ комнатамъ, среди мебели въ чехлахъ, да насмѣшливо что-то обдумывалъ. Жизнь прошла, прошла и злоба на глупость людскую,—осталось одно презрѣніе. Онъ дѣлался все суше и меньше, вынималъ золотое пенснэ все небрежнѣе и прикладывалъ его къ переносицѣ при осмотрѣ вещей, приносимыхъ въ закладъ, все мимолетнѣе: всему цѣну зналъ онъ теперь! Домъ купилъ онъ у помѣщика, старый, съ деревянными колоннами, съ садомъ. Домъ попался ему удивительный. На дворѣ въ морозномъ пару краснѣло солнце—въ домѣ было тепло. На дворѣ палилъ лѣтній зной—въ домѣ было прохладно и смѣшивался съ прохладой мирный запахъ нафталина. Лѣтомъ часовъ съ десяти до трехъ пекло какъ разъ ту сторону, на которой стоялъ домъ; но спасали зимнія рамы—онѣ никогда не вынимались. Весь домъ дрожалъ и гудѣлъ, звеня люстрой и лампами, когда вскачь неслись съ вокзала и на вокзалъ извозчики. Они тучей поднимали рыжую пыль, которая покрывала всѣ крыши, всѣ стѣны и окна на Песчаной улицѣ. Но Селиховъ на улицу никогда не выходилъ. Бродя по комнатамъ, онъ обдумывалъ и все измѣнялъ завѣщаніе. Александра-же Васильевна сидѣла въ своей спальнѣ окнами во дворъ и вязала чулокъ. Она думала о прошломъ, о будущемъ, порою привычно, не бросая работы, плакала. Подъ мѣрный стукъ часовъ мужъ мѣрно ходилъ изъ комнаты въ комнату, равнодушно поджидая закладчиковъ, то слезливыхъ, то не въ мѣру развязныхъ, и съ загадочной усмѣшкой поглядывалъ въ кабинетъ, на желѣзный несгораемый шкапъ, окованный стальною рѣшеткою, съ большими желѣзными шишками на скрѣпахъ, похожими на большіе глаза. Но порою наступала полная тишина: онъ останавливалъ часы, садился за громадное старинное бюро — и слышался въ домѣ только неторопливый и прилежный скрипъ гусинаго пера...Но что писалъ Селиховъ? Что готовилъ онъ ей подъ старость?

Она знала только то, что ему ничего не стоило обречь ее на нищету, на позоръ передъ цѣлымъ городомъ, лишить ее не только денегъ, вещей, но и этого дома, своего угла. Онъ вѣдь не замѣчалъ, не видѣлъ ее. Онъ сперва на «ты», а потомъ и совсѣмъ запретилъ ей разговаривать съ нимъ. При гостяхъ онъ былъ иной: со всѣми любезенъ, шутливъ, мѣтокъ на слово, милъ и сдержанъ даже въ карточныхъ спорахъ. Но гости—два, три человѣка и все одни и тѣ же: помощникъ исправника, податной инспекторъ и нотаріусъ Вишневскій—бывали не больше двухъ, трехъ разъ въ году.

IV.

О. Киръ пилъ. Вѣчный хмель свой онъ оправдывалъ своимъ умомъ и тѣмъ, что живетъ онъ въ Стрѣлецкѣ, въ этомъ полустепномъ городишкѣ, гдѣ только возлѣ неуклюжаго собора и базарной площади бѣлѣютъ каменные дома хлѣботорговцевъ, а по окраинамъ—просторъ, безлюдье и нищета.

Высокій, дородный, онъ похожъ былъ на боярина; долго былъ силенъ и красивъ. Въ женской прогимназіи, гдѣ онъ преподавалъ, въ него влюблялись самыя восторженныя дѣвушки, полныя, волоокія, до времени развившіяся, тѣ, у которыхъ бываютъ такіе чудесные пепельные волосы, такой нѣжный цвѣтъ лица и такой горячій румянецъ застѣнчивости и самолюбія: не могли они спокойно видѣть его черныхъ соколиныхъ глазъ, его синихъ кудрей, свободно лежавшихъ по плечамъ, осыпаннымъ перхотью, по коричневому подряснику, сладко пропахнувшему ладаномъ и табачнымъ дымомъ. Портили его только легкія опухоли возлѣ носа и зубы, коричневые отъ неумѣреннаго куренія.

Всегда и всѣмъ, не дѣлая никакихъ исключеній, онъ говорилъ «ты»: вѣдь были же пастыри, говорившіе такъ вельможамъ и князьямъ, даже царю самому. Они поучали, наставляли ихъ сурово, порою обрывали ихъ.

— Благослови, пастухъ,—сказалъ какъ-то одинъ вельможа одному такому пастырю.

— Благословляю, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, самую глупую овцу стада моего,—отвѣтствовалъ пастырь.

Съ купцами о. Киръ былъ грубъ, съ начальниками скоръ и находчивъ на рѣзкое слово, съ вольнодумцами кратокъ и безпощадно логиченъ. Въ Стрѣлецкѣ рѣдко попадали въ руки адресатовъ цвѣтныя открытки. Но о. Киръ исправно получалъ даже

самыя красивыя, съ видами Кавказа и Крыма—отъ племянника, молодого, но уже виднаго чиновника при губернаторѣ: о. Киръ пригрозилъ почтмейстеру лишеніемъ мѣста за пропажу хотя бы одного письма къ нему. И весь городъ говорилъ объ этомъ съ восхищеніемъ. Весь городъ восторгался о. Киромъ, какъ человѣкомъ необыкновеннаго ума и рѣдкой учености. За великую честь считали принять и угостить его. Но приглашенія о. Киръ принималъ разборчиво, въ свой же домъ никого не допускалъ.

Домъ его, длинный и невысокій, по кирпичу бѣленый мѣломъ, былъ далеко виденъ по широкой и безлюдной улицѣ. Нигдѣ не росло ни единаго деревца—развѣ какая-нибудь кривая яблонка на мѣщанскомъ пустырѣ. Но за желѣзной крышей протоіерейскаго дома пыльно и блѣдно зеленѣли верхушки молодыхъ тополей. Вездѣ входомъ служили калитки. У о. Кира былъ подъѣздъ, къ которому, впрочемъ, никто не подъѣзжалъ, а на двери блестѣла мѣдная дощечка: «Киръ Іорданскій».

Вѣчно заперты были ворота о. Кира, подворотня заложена тяжелой тесиной. Отворялись эти ворота только тогда, когда пріѣзжалъ водовозъ, гнутый, смѣшной старичекъ въ кумачной рубахѣ. Только онъ одинъ могъ свободно вывѣдывать о домашней жизни о. Кира у плечистой стряпухи въ сапогахъ, когда она подставляла подъ бочку ушатъ, а онъ пускалъ въ него толстую струю воды. Только къ водовозу былъ снисходителенъ о. Киръ. Онъ шутилъ надъ нимъ, шутками отвѣчалъ ему и водовозъ: это былъ удивительный человѣкъ — онъ никого не боялся, ни о чемъ не тужилъ, доволенъ былъ рѣшительно всѣмъ.

— Жолудь?—громко и строго кричалъ о. Киръ, выходя на крыльцо.

— Аюшки?—весело отзывался старичекъ, подъѣхавшій на бочкѣ къ воротамъ и съ трудомъ, согнувшись въ три погибели, поднимавшій тесину.

— Опять не полную привезъ?

— Опять.

— Смотри: отколочу!

— И то не плохо! Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ...

Но однажды, узнавъ, что Жолудь привезъ бочку воды и Селихову, о. Киръ и Жолудя лишилъ своего благословенія, навсегда прогналъ его со двора долой.

V.

Зимой на Песчаной улицѣ было много снѣгу, было сѣро и пустынно, весной—солнечно, весело, особенно при взглядѣ на бѣлую стѣну протоіерейскаго дома, на чистыя стекла, на сѣро-зеленыя верхушки тополей въ голубомъ небѣ. Лѣтомъ было очень жарко. Отъ пыли небо и солнце тускло серебрились. Въ полдень вскачь неслись извозчики, поспѣшая къ вокзалу, стоявшему за городомъ, подъ горой. Въ часъ они медленно тянулись назадъ и везли пріѣзжихъ, чаще всего купцовъ съ кожанными сумками, которыя и теперь еще называются сакъ-де-войяжами, а не то распространителей граммофоновъ, молодыхъ бритыхъ евреевъ въ англійскихъ картузахъ, съ англійскими трубочками въ зубахъ. Встрѣчаясь съ о. Киромъ, кажется, одни они глядѣли ему въ глаза безъ страха, хотя онъ не терпѣлъ ихъ, особенно ихъ языка: онъ однажды, на вокзалѣ, запретилъ евреямъ разговаривать на этомъ языкѣ, сказавъ:

— Здѣсь вамъ не синагога.

Дородный и строгій, проходилъ онъ по Песчаной улицѣ, въ коричневомъ подрясникѣ, въ палевой соломенной шляпѣ, поглаживая кончиками пальцевъ наперстный крестъ,—и всѣ боялись его. Подъ заборомъ сапожника когда-то по цѣлымъ днямъ играли въ лодыжки мѣщанскіе подростки; тамъ, бывало, стучали въ заборъ свинчатки и раздавались крики: «Плоца! Жогъ! Ника!». Подростки эти были лодыри дерзкіе. Но отъ протоіерея они ушли играть подальше—къ хибаркамъ на спускѣ къ вокзалу. Бѣгали ватагой мальчишки—запускали въ небо змѣя, постоянно цѣплявшагося за струны телеграфныхъ столбовъ и оставлявшаго на нихъ свой мочальный хвостъ. Но, завидя о. Кира, они разсыпались куда попало. Пробиралась по тѣневой сторонѣ, по ухабистому тротуару, мимо воротъ и окошечекъ съ цвѣтами, какая-нибудь старуха, настолько переломленная, склоненная къ землѣ, что было удивительно, какъ можетъ итти этотъ прямой уголъ. Но совсѣмъ не изъ-за тѣни, жидкой и короткой, пробиралась она тамъ, а лишь бы не попасть на глаза о. Киру: онъ не любилъ старухъ, этихъ страстныхъ поклонницъ юродиваго Яши, обитавшаго въ старой часовнѣ надъ склепомъ въ кладбищенской рощѣ, онъ ненавидѣлъ человѣческое безобразіе. Загорѣлый мѣщанинъ, потѣвшій въ черномъ картузѣ и толстой чуйкѣ, шелъ по срединѣ улицы какъ-будто вольно, заложивъ

руки назадъ: что жъ ему, онъ вѣдь не здѣшній, онъ шелъ съ вокзала. Но поплевывалъ онъ мысленно, увидавъ о. Кира, а порою съ рѣшимостью отчаянія вдругъ обнажалъ голову и быстро направлялся къ нему. Въ лѣвой рукѣ о. Кира была высокая палка съ серебрянымъ набалдашникомъ. Правой, пріостановясь, онъ благословлялъ—широко и властно. А благословивъ, совалъ къ губамъ, покорно искавшимъ ее.

— Откуда?—громко спрашивалъ онъ.

— Липецкій,—бормоталъ мѣщанинъ.

— Надѣнь картузъ. Какъ у васъ нынче сады?

— Цвѣли дивно, ваше преподобіе, но вѣтеръ, Господь съ нимъ... Всю завязь обилъ.

— Садоводы, а безтолочь. Не знаете своего дѣла. Ну, ступай съ Богомъ...

Не терпѣлъ о. Киръ и бродягъ, безпаспортныхъ, пришлыхъ людей. Песчаная улица была не избалована зрѣлищами. Однажды, когда появился на ней сербъ съ бубномъ и обезьяной, несмѣтное количество народа высыпало за калитки. У серба было сизое рябое лицо, синеватые бѣлки дикихъ глазъ, серебряная серьга въ ухѣ, пестрый платочекъ на тонкой шеѣ, рваное пальто съ чужого плеча и женскіе башмаки на худыхъ ногахъ, тѣ ужасные башмаки, что даже въ Стрѣлецкѣ валяются въ пустыряхъ. Стуча въ бубенъ, онъ тоскливо-страстно пѣлъ то, что поютъ всѣ они споконъ вѣку,—о родинѣ. Онъ, думая о ней, далекой, знойной, разсказывалъ Стрѣлецку, что есть гдѣ-то сѣрыя каменистыя горы, козы и оливы,

Синее море, бѣлый пароходъ...

А спутница его, обезъяна, была довольно велика и страшна: старикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ младенецъ, звѣрь съ человѣческими печальными глазами, глубоко запавшими подъ вогнутымъ лобикомъ, подъ высоко поднятыми облѣзлыми бровями. Только до половины покрывала ее шерсть, густая, остистая, похожая на енотовую накидку. А ниже все было голо, и потому носила обезьяна ситцевые въ розовыхъ полоскахъ подштаники, изъ которыхъ смѣшно торчали маленькія черныя ножки и тугой голый хвостъ. Она, тоже думая что-то свое, чуждое Стрѣлецку, привычно скакала, подкидывала задъ подъ пѣсни, подъ удары въ бубенъ, а сама все хватала съ тротуара камешки, пристально, морщась, разглядывала ихъ, быстро нюхала и отшвыривала прочь.

Лохматый сапожникъ, прибѣжавшій позднѣе всѣхъ, крикнулъ, что надо бить и обезьяну, и серба, что этотъ сербъ—

непремѣнно воръ. Всѣ подхватили его слова, зашумѣли. Но показался вдали о. Киръ. И улица мгновенно опустѣла: всѣ скрылись по калиткамъ. Онъ-же, приблизясь къ сербу, запретилъ ему ходить по улицамъ Стрѣлецка. Онъ строго и кратко приказалъ ему уйти вонъ изъ города, постараться добиться до родины, исправиться и заняться честнымъ трудомъ.

VI.

Александрѣ Васильевнѣ порою казалось, что была въ ея жизни большая любовь, что схоронила она ее въ своей душѣ, что судьба обошла ее и заставила быть покорной другому, нелюбимому, велѣла итти разными дорогами съ любимымъ и искать отрады лишь въ покорности. Но, можетъ, не о. Кира любила она, а только свою дѣвичью косу, свой мордовскій нарядъ, свою недолгую беззаботность въ то далекое лѣто? Не чѣмъ было питаться ея любви къ о. Киру. О. Киръ служилъ въ соборѣ; но она никогда не бывала тамъ, ходила въ Никольскую церковь,— Селиховъ запретилъ ходить въ соборъ. Не будь о. Киръ священникомъ, могла бы она мечтать о тайной грѣховной связи съ нимъ; но Богу предстоялъ онъ, тайны рожденія, брака, причастія и смерти были въ его рукахъ. И странныя слова слышала однажды Александра Васильевна: уже больной, мрачный, во хмелю, встрѣтился о. Киръ съ Селиховымъ возлѣ его дома и сказалъ, грозя посохомъ:

— Селиховъ! Помни часъ, его же не минуетъ ни единое дыханіе: это я,—слышишь ли, Селиховъ?—я, облеченный въ трауръ, въ оный день воздамъ тебѣ послѣднее земное цѣлованіе, окружу тебя кадильнымъ дымомъ и осыплю лицо твое могильной перстью.

— Кто знаетъ, о. Киръ,—отвѣтилъ ему Селиховъ съ усмѣшкой.—Кто знаетъ, не придется ли *мнѣ* стоять у возглавія вашего? Не забывайте, что вы пьяница, о. Киръ.

Тѣмъ и кончился ихъ первый и послѣдній споръ. Но каково было Александрѣ Васильевнѣ—быть между ними, всю жизнь состязавшимися о первенствѣ, уступающими другъ другу только къ могилѣ дорогу! Одна мечта, одна дума осталась у нея—о домѣ.

Домъ! Имѣть домъ, свой, собственный, гдѣ-бы то ни было, хотя бы въ слободѣ, на буеракахъ и какой угодно,—это было завѣтнѣйшее желаніе каждаго чиновника, каждаго мѣщанина, каждаго сапожника въ Стрѣлецкѣ. И всѣ имѣли дома, и всѣ переводили

ихъ на женъ: чуть не весь Стрѣлецкъ принадлежалъ женщинамъ. Одна Александра Васильевна лила слезы безплодно.

Всѣ сосѣдки говорили: «мой домъ», «у меня въ домѣ». Одна она дѣлала видъ, что не нуждается домомъ. А сколько разъ, придя отъ обѣдни, усталая, съ потомъ въ складкахъ горла, начинала она стучать въ полъ зонтикомъ и, рыдая, требовать, чтобы отдали хоть приданое ея! Сколько разъ говорила она, что вѣдь выгонятъ ее вонъ изъ дому родные Селихова, только умри онъ!

— Не безпокойся,—отвѣчалъ ей Селиховъ.—Ты раньше меня умрешь. Не забывай, что у тебя грудная жаба.

Онъ становился все страннѣе. Онъ иногда по часамъ смотрѣлся въ зеркало, удивленно, испуганно исказивъ брови; дня по два не притрогивался ни къ одному кушанію ни за обѣдомъ, ни за ужиномъ, говоря, что все пахнетъ тѣломъ. Онъ купилъ граммофонъ—и никогда не заводилъ его. Но однажды, когда Александра Васильевна воротилась отъ всенощной раньше времени, не достоявъ, по слабости, службы, и вошла въ домъ съ чернаго хода, услыхала она крикливые плясовые звуки. А заглянувъ въ залу, обомлѣла отъ страха: Селиховъ, легкій, старенькій, одинъ во всемъ полутемномъ домѣ, дико вскидывалъ ноги передъ трубой граммофона, весело и хрипло кричавшей: «Ай, ай, караулъ, батюшки мои, разбой!..»

Только одна яблоня въ саду, возлѣ бесѣдки, знала, какъ много пролито слезъ старыми глазами, какъ тряслась разболѣвшаяся отъ слезъ голова, какъ прикладывались къ темени мокрыя полотенца! А надъ калиткой селиховскаго дома все не мѣнялась надпись: «Сей домъ принадлежитъ Петру Семеновичу Селихову. Свободенъ отъ постоя».

VII.

Однимъ изъ тѣхъ, что когда-то, томясь любовью, ходили за Александрой Васильевной въ городской садъ, былъ и Горизонтовъ. Теперь, почти тридцать лѣтъ проживъ въ губернскомъ городѣ, выслуживъ пенсію, возвратился и онъ въ Стрѣлецкъ, а возвратясь, сталъ извѣстенъ Стрѣлецку не менѣе, чѣмъ о. Киръ и Селиховъ.

Горизонтовъ кончилъ семинарію, кончилъ академію. Въ молодости онъ обладалъ сверхъестественной памятью, необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Голосъ у него былъ такой, что напѣвая свое любимое: «Et tonat, et sonat, et pluvi-

um coelum dat...»—онъ потрясалъ, какъ говорится, стекла. Великъ ростомъ и широкъ въ кости онъ былъ настолько, что на улицахъ въ изумленіи останавливались при встрѣчѣ съ нимъ прохожіе. Далеко могъ-бы пойти этотъ человѣкъ! Но избралъ онъ путь скромный—учительство, а пройдя его, воротился на родину и сталъ сказкой города; поражалъ городъ своей внѣшностью, своимъ аппетитомъ, своимъ желѣзнымъ постоянствомъ въ привычкахъ, своимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ и своей философіей.

Зиму и лѣто онъ ходилъ въ крылаткѣ, въ широкополой шляпѣ, въ широконосыхъ кожаныхъ или, вѣрнѣе, чугунныхъ калошахъ, съ костылемъ въ одной рукѣ и громаднымъ парусиновымъ зонтомъ въ другой. Къ старости онъ еще болѣе раздался въ кости, сталъ еще болѣе великъ, сутулъ, неуклюжъ—и былъ прозванъ въ Стрѣлецкѣ Мандриллой. Вся купальня дивилась на него, когда въ первый разъ появился онъ въ ней. Медленно вошелъ онъ, подъ зонтомъ, въ калошахъ, насупивъ свои сѣрыя брови и слегка согнувшись, какъ бы напруживая свои и безъ того страшныя плечи, свои руки, подобные дубовымъ корнямъ. Старомодно со всѣми раскланявшись, внушительно-серьезный и спокойный, онъ сталъ раздѣваться—и всѣ ахали, видя, какъ обнажается его сизо-сѣрое тѣло, его чудовищныя ступни, безобразно искривленные, лежащіе другъ на другѣ пальцы и ногти ихъ, похожіе на раковины. А онъ хоть бы глазомъ моргнулъ—не спѣша раздѣлся, не спѣша окунулся ровно пятнадцать разъ... Съ тѣхъ поръ его видѣли въ купальнѣ каждый день. Каждый день вплоть до Покрова купался онъ. Уже дулъ осенній вѣтеръ въ щели пустой купальни, тучи висѣли за рѣчкой надъ полями, оловянная рябь шла по водѣ; а Горизонтовъ купался. Бѣлѣлъ снѣгъ по берегамъ, по блѣдной синевѣ тучъ, тянулись на югъ послѣдніе гуси; но какъ только било на соборѣ часъ, съ косогора, тяжело опираясь на костыль, опускался къ рѣчкѣ сутулый гигантъ въ сѣрой крылаткѣ.

Ѣлъ онъ за десятерыхъ. Квартирныя хозяйки изъ себя выходили, отказывали ему. Но вѣдь онъ предупреждалъ! Твердо отчеканивая слоги, уговаривался онъ:

— Супъ, борщъ, лапшу прошу подавать мнѣ не въ тарелочкахъ, а въ мисочкахъ. Живность—штучно, а не кусочками. Жаркое обязательно съ картофелемъ, съ овощами. Кашу—чугунчиками...

— Мандрилла, мандрилла!—орали мальчишки, стаями гоняясь за нимъ по Стрѣлецку. Но онъ даже не удостаивалъ ихъ

взглядомъ, онъ шелъ такъ же мѣрно и спокойно, какъ изо дня въ день входилъ, бывало, въ буйный классъ, чтобы начать своей неизмѣнной фразой:

— Итакъ, повторимъ сначала предыдущее... Вспомнимъ, что именно предпринялъ Цезаръ, узнавъ отъ лазутчиковъ о грозящей ему опасности со стороны непріятеля...

А философія его заключалась въ томъ, что всѣ силы каждаго человѣка должны быть направлены исключительно на продленіе жизни, для чего и потребно: полное воздержаніе отъ сношеній съ женщинами, существами суетными, злыми, низкими по интеллекту, полное спокойствіе во всѣхъ жизненныхъ обстоятельствахъ, самое точное выполненіе своихъ разумныхъ, продуманныхъ привычекъ и строжайшій уходъ за своимъ тѣломъ— прежде всего въ смыслѣ питанія его и освѣженія водою.

— Nullus enim locus sine genio est!—насмѣшливо сказалъ однажды больной и сумрачный о. Киръ, встрѣтясь съ нимъ на улицѣ. — Давно слышу я, Горизонтовъ, о причудахъ твоихъ. Отвѣть мнѣ: юродъ ты или мудрецъ? Зачѣмъ живешь ты на свѣтѣ, уподобляясь тѣмъ, которые жили во времена зоологическія, на первыхъ ступеняхъ развитія?

Горизонтовъ, держа надъ головою зонтъ и опираясь на костыль, долго думалъ, глядя въ землю и насупя свои ежомъ торчащія сѣрыя брови.

— Но скажите и вы мнѣ, о. Киръ,—отвѣтилъ онъ наконецъ,—зачѣмъ *вы* живете?

— Я тебя не о цѣли жизни спрашиваю, — сказалъ о. Киръ.—Я тебя спрашиваю о ея образѣ.

— Но вѣдь образъ соотвѣтствуетъ цѣли?

— Ага! Цѣли! Ну, допустимъ. Въ чемъ-же заключается твоя цѣль?

— Въ долголѣтіи и наслажденіи имъ.

— Но наслаждаешься ли ты?

— По мѣрѣ силъ и возможностей. Крѣпко и заботливо держу въ своихъ рукахъ драгоцѣнную чашу жизни.

— Чашу жизни?—строго перебилъ о. Киръ и широко повелъ рукой по воздуху:—Жизни здѣсь? На этой улицѣ? Я не могу спокойно говорить съ тобой! Ты достоинъ своей позорной клички!

— Въ землѣ не распознаешь костей человѣка отъ костей животнаго,—спокойно отвѣтилъ Горизонтовъ и медленно двинулся по улицѣ, опираясь на костыль.

VIII.

И вотъ, смолкли, наконецъ, шаги въ пустыхъ комнатахъ селиховскаго дома. На тридцать первомъ году замужества Александры Васильевны, великопостнымъ вечеромъ, вытащили изъ толпы, наполнявшей Никольскую церковь, бѣлаго, какъ мѣлъ, старичка, хорошо и чисто одѣтаго, въ крахмальной рубашкѣ съ отложнымъ воротомъ, въ дорогой шубѣ, въ дорогихъ золотыхъ часахъ. Черезъ два дня его уже отпѣвали.

Была пятница, базарный день, началась весна,—мука была извозчикамъ нырять на колесахъ по ухабамъ грязныхъ улицъ, мука мужикамъ тащиться на розвальняхъ по базару, по мокрому навозу! Трудно было и Александрѣ Васильевнѣ итти за гробомъ до собора: ее подъ руки вели дальніе родственники Селихова, лысый остроглазый человѣчекъ въ николаевской шинели, у котораго вѣтеръ все заворачивалъ ленту крашеныхъ волосъ, вкось отъ затылка положеную на лысину, и его жена, женщина въ траурѣ, высокая и сильная, никогда не терявшая присутствія духа. Воздухъ былъ сырой, острый. И Александра Васильевна была пьяна и отъ воздуха, и отъ слезъ. Поставили у дверей парчевую, желтую съ бѣлымъ крестомъ крышку гроба, внесли покойника въ зимній придѣлъ, теплый, низкій, старинный, со многими сводами... Какими радостными рыданіями гремѣлъ подъ ними громогласный хоръ! Какъ зловѣще возносилъ руку толстоплечій дьяконъ, возглашая о упокоеніи новопредставленнаго! Какъ смиренно, подъ рыданія хора, поклонялся усопшему обступившій его траурный синклитъ іереевъ въ скуфьяхъ и камилавкахъ и какъ тяжело, сотрясая полъ своею тяжестью, ходилъ вокругъ гроба и кадилъ на блестящій носъ, на рисовое лицо, сквозившее за кисеею, пьяный и торжественно-мрачный, исполнявшій свое предсказаніе о. Киръ! Но, Боже, что сталось и съ нимъ самимъ за послѣдній годъ! Уже не страшны были его возгласы, его кажденіе и поклоны, которыми провожалъ онъ изъ этого бреннаго міра того, съ кѣмъ столкнула его судьба на порогѣ жизни. Страшенъ былъ самъ онъ, его ноги, раздутыя водянкой, его животъ, выпиравшій подъ черной ризой, его отекшее, почернѣвшее лицо, остеклѣвшіе глаза, посѣдѣвшіе, ставшіе прямыми и маслеными волосы, трясущіяся руки... Все нѣжнѣе и страстнѣе взглядывала на покойника,—какъ бы не видя о. Кира,—изнемогавшая отъ слезъ Александра Васильевна, и все суровѣе

отводилъ отъ нея глаза о. Киръ. А когда ударила по сердцамъ скорбно ликующая пѣснь о жизни вѣчной, идѣ же нѣсть печали и воздыханія, Александра Васильевна вскрикнула и потеряла сознаніе.

Ее понесли на паперть, на воздухъ. И Горизонтовъ, стоявшій у входа, среди нищихъ старухъ, вѣжливо посторонился—и опять загудѣлъ, подтягивая хору и оглядывая низкіе своды, расписанные крестами и шестикрылыми серафимами.

IX.

Въ большихъ ветхихъ сѣняхъ съ тремя ступеньками и тремя выгорѣвшими на солнцѣ окнами перестала дергаться ржавая проволока, пересталъ длинькать подъ руками закладчиковъ разбитый звонокъ. Теперь свободно могла ходить Александра Васильевна по большимъ пустымъ комнатамъ среди мебели въ чахлахъ, столиковъ, комодовъ съ инкрустаціей. Теперь все это было ея: и комнаты, и мебель, и драгоцѣнныя вещи на желѣзныхъ красныхъ полочкахъ въ глазастомъ несгораемомъ шкапу, и дворъ, и корова въ сараѣ, и садъ, и завалившійся заборъ сада: въ двадцать первый разъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти переписанное завѣщаніе сдѣлало ее полной хозяйкой всего этого, къ великому ея удивленію и даже растерянности. Всѣ въ городѣ говорили, что вотъ можетъ она, бѣдная, пожить, наконецъ, въ свое полное удовольствіе. А она была растеряна, сбита съ толку, жизнь для нея стала прѣсна, какъ та просфора, которую съ усталымъ лицомъ ѣла она за чаемъ, воротясь отъ обѣдни...

На Святой, на Ѳоминой по цѣлымъ днямъ трезвонили колокола надъ городомъ — и казалось, что стоитъ этотъ трезвонъ въ честь ея новой жизни, ея первой радостной весны. А вкуса къ жизни уже не было! Она обходила комнаты, и порой жалостная улыбка довольства морщила ей губы. Но дрожала голова, дрожали руки—что ей было дѣлать съ этими комнатами? Приходила кухарка. Она была очень ласкова съ ней—и не знала, что заказать на обѣдъ, на ужинъ. Почти каждый день она бывала въ Никольской церкви — и всегда ужасно утомлялась. Была она полна при низкомъ ростѣ, съ жидкими пепельно-сѣдыми волосами и грустнымъ взглядомъ безцвѣтныхъ слизистыхъ глазъ. Дома она носила темное старушечье платье, старушечьи туфли. Къ обѣднѣ собиралась долго и выходила съ зонтикомъ, въ крохотной шляпкѣ на макушкѣ, въ черномъ бурнусѣ со стекляру-

сомъ. Все слеза набѣгала на ея лѣвый глазъ и все подтирала она ее за обѣдней батистовымъ платочкомъ, устало глядя на иконы надъ царскими вратами. Ноги ныли, въ церкви было жарко, душно, многолюдно. Горячо пылали свѣчи, горячо лился солнечный свѣтъ на толпу изъ купола. Страшно заносилъ руку дьяконъ, поднимая толстыя плечи и готовясь оглушить многолѣтіемъ царствующему дому и святѣйшему правительствующему синоду. Съ тоской чувствовала она, что не о чемъ стало ей молиться. Только о царствѣ небесномъ развѣ? Да, но какія права были у нея на него? Что она такое сдѣлала? За что было награждать ее?

Однажды въ апрѣльскій день она пошла въ кладбищенскую рощу—хотѣла просто погулять, развлечься, вспомнить прежнее, молодое время, а сказала кухаркѣ, что хочетъ посмотрѣть могилу мужа. Было тепло, легко, все радовало—и воздухъ, и небо, и бѣлыя облака, и весенній просторъ. Но сколько разъ останавливалась она на зеленомъ выгонѣ, поднимаясь на отлогій изволокъ къ рощѣ и смотря на городъ, на его крыши и колокольни, на овраги, на сѣро-зеленый дымокъ одѣвающихся лозинъ и мѣщанскія избушки по оврагамъ! А въ рощѣ, еще голой, зазеленѣвшей только снизу, было еще очень сыро, въ проходахъ между могильными памятниками стояла жидкая грязь. Хорошо, пріятно, молодо, но все-таки черезъ-чуръ буйно шумѣли грачи, въ несмѣтномъ количествѣ наполнявшіе вершины старыхъ деревьевъ. Нужно было проходить мимо розовой часовни надъ склепомъ купца Ершова, гдѣ сидѣлъ Яша, а онъ могъ высунуться изъ окошечка и крикнуть что-нибудь иносказательное, зловѣщее... И, спотыкаясь, горбясь, придерживая спереди подолъ, Александра Васильевна спѣшила, спѣшила мелкими шажками пройти дальше—и сама не замѣтила, какъ пришла къ могилѣ мужа. Вовсе не желала она того, шла за другимъ, а пришла. И, усталая, опустилась на ближній могильный камень, тупо глядя на еще не оправленную могилу Селихова—длинную бурую кучу суглинка, похожую на простую муравьиную кучу. Все сложилось не такъ, какъ мечталось, не было ни думъ, ни воспоминаній. Было только чувство пріятной усталости и весенней нѣжности къ кому то—не то къ себѣ, не то къ о. Киру, не то къ Селихову... Да, да, и къ нему!

А когда она возвращалась домой, думая только одно: дай Богъ встрѣтить извозчика!—Яша таки подстерегъ ее. Изъ часовни выходили и крестились бабы и мѣщане, нѣкоторые со слезами. И вдругъ выскочилъ на порогъ самъ Яша. Онъ былъ

небольшой, тощій,—ему было уже лѣтъ восемьдесятъ,—въ длинномъ халатикѣ, подпоясанномъ обрывкомъ, въ алой бархатной шапочкѣ, надѣтой на бекрень. Усы, бородку онъ выстригалъ—они торчали у него колючими сѣрыми пучками возлѣ глубоко запавшихъ пепельныхъ губокъ. Глазки у него были хитрые, прехитрые и веселые. Поглядѣвъ на Александру Васильевну, онъ сдѣлалъ изъ руки щитокъ надъ глазами и быстро засѣменилъ къ ней.

— Радуйся, Афродита розоперстая!—закричалъ онъ старчески-дѣтскимъ голосомъ.

И подбѣжавъ, поплевалъ и сунулъ ей въ руку—какъ бы украдкой и надѣясь обрадовать — четыре щепочки, связанныя лычкомъ.

Александра Васильевна разсердилась, что онъ испугалъ ее, и, оттолкнувъ его руку, почти побѣжала отъ него. А потомъ долго думала: что значатъ эта Афродита и эти четыре щепочки? И почему онѣ связаны?

Часто въ эти апрѣльскіе дни она горевала, что Богъ лишилъ ее дѣтей, думала, какъ бы, если бы у нея былъ мальчикъ, назвала она его; не разъ переглядывала портреты въ вѣнчальной шкатулкѣ. Странно было видѣть дѣвушку въ мордовскомъ костюмѣ, съ невиннымъ, дѣтски-милымъ взглядомъ, кокетливо облокотившуюся на какую-то, будто бы крестьянскую изгородь, и крѣпкаго, плечистаго семинариста, съ густой шевелюрой надъ большимъ лбомъ, съ такими мрачными и все-таки лучистыми глазами, съ такимъ упрямымъ, даже злымъ выраженіемъ стиснутыхъ скулъ и такимъ нѣжнымъ очеркомъ пухлыхъ губъ! Былъ и портретъ Селихова. Онъ снимался съ какими то молодыми чиновниками. Они кружкомъ, въ дѣланно-непринужденныхъ позахъ расположились на креслахъ, а онъ, — тоже молоденькій, щеголеватый,—зачѣмъ-то сѣлъ у ихъ ногъ на полу.

Разъ она встрѣтила возлѣ городского сада Горизонтова и слабо окликнула его. Тотъ вѣжливо раскланялся, но не отвѣтилъ. Она долго съ робостью и удивленіемъ смотрѣла ему вслѣдъ.

X.

На сороковой день Никольскій причтъ служилъ панихиду въ селиховскомъ домѣ. Повисъ въ комнатахъ густой запахъ ладана, и велѣла Александра Васильевна, боясь, что у нея раз-

болится голова отъ этого запаха, подать самоваръ подъ свою любимую яблоню въ саду. Былъ майскій день, зеленѣлъ садъ, кипѣлъ расчищенный самоваръ, бѣлѣла скатерть, блестѣла посуда, бодро велъ житейскую бесѣду веселый, съ большими ноздрями никольскій священникъ, здоровый мужчина съ широкой тугой поясницей, въ широкомъ, вышитомъ розанами поясѣ по серебристому подряснику. Отвѣчая ему, слабо улыбалась и наливала чай Александра Васильевна. Но передвигалась жидкая тѣнь яблони, пекло горячее солнце темя Александры Васильевны—и вдругъ отнялись ея руки, ноги, поплыла красная муть передъ глазами... Когда, распахнувъ всѣ двери, внесли ее въ гостиную и положили на диванъ, она все ползла съ него, цѣплялась пухлой рукой за золотую бахрому тяжелой старинной скатерти и, захлебываясь, стонала, силясь что-то заговорить. Но отваливалась челюсть, языкъ не ворочался, въ безсмысленныхъ безцвѣтныхъ глазахъ стояли свѣтлыя слезинки...

Однако, напрасно качали надъ ней головами—ударъ былъ легкій. Видно, была еще какая-то капля меда въ чашѣ ея жизни, какъ сказалъ бы Горизонтовъ. Еще жаждало старое сердце этой капли—и Александра Васильевна стала поправляться. Сладко утѣшаясь возврату жизни, лежа въ постели, она застѣнчиво, опуская глаза, разсказывала кухаркѣ, что подъ сороковой день всю свѣтлую майскую ночь кричала она,—чувствовала, что кричитъ, и никакъ не могла очнуться, подавленная страннымъ сномъ: вошли будто въ ея спальню два молодыхъ монаха, стали раздѣвать ее, а она отбивалась, противилась—и радостно, страшно и такъ стыдно ей было, какъ никогда въ жизни не было. Монахи одолѣли, раздѣли ее до-гола, положили на полъ, и она уже не могла двинуться и все только кричала—отъ стыда, страха и радости... И когда разсказывала Александра Васильевна, не выходила изъ ея души нѣжность къ о. Киру. Казалось ей, что съ восторгомъ отдала бы она эту обрѣтенную жизнь за одинъ только взглядъ на него, больного, одинокаго, за одно только свиданіе съ нимъ—послѣднее... Нѣтъ, не возгласы его, не кажденіе, не поклоны усопшему врагу страшны были тогда, въ соборѣ! Страшно было глядѣть на нихъ на обоихъ, страшно было вспоминать ту радость, тотъ страхъ, ту любовь, что когда-то горячей краской заливали дѣвичье лицо,—чувствовать, какъ доходитъ до сердца эта далекая, еще не истлѣвшая любовь—и въ одно сливаетъ и того, кого любила она, и того, съ кѣмъ, нелюдимымъ,—а все-таки когда-то носившимъ ея зонтикъ и накидку!—

прожила она всю жизнь, кто такъ нѣжно сказалъ ей когда-то, прижимая къ сердцу ея руку:

— Я желалъ бы воспользоваться этой ручкой на-вѣки, Александра Васильевна.

XI.

Цѣлый мѣсяцъ она жила затаенной мечтой увидать о. Кира десятаго іюня: десятаго долженъ былъ пріѣхать въ Стрѣлецкъ одинъ очень важный человѣкъ, которому готовили торжественную встрѣчу, для котораго на перекресткахъ сооружали и бѣлили мѣломъ тріумфальныя арки, чтобы потомъ увить ихъ гирляндами зелени. Съ рыжей худой модисткой Александра Васильевна сходила въ магазинъ «Общая польза» и набрала шерстяной коричневой матеріи на новое платье. Разъ, когда примѣряли это платье, донеслось въ открытыя окна глухое громыханіе бубна, заунывное пѣніе, потомъ шумъ, крики. И модистка, и Александра Васильевна, въ кофтѣ съ однимъ рукавомъ, выскочили на крыльцо: по улицѣ бѣжалъ народъ, а возлѣ калитки о. Кира шумѣла толпа и лохматый сапожникъ билъ бубномъ по головѣ кричавшаго серба, опять появившагося въ Стрѣлецкѣ... И Александра Васильевна горько заплакала: Боже мой, какъ, значитъ, ослабѣлъ о. Киръ!

А десятаго была страшная жара. Въ новомъ платьѣ, въ бурнусѣ, въ разноцвѣтныхъ перстняхъ на пальцахъ, Александра Васильевна поѣхала на извозчикѣ къ вокзалу. На этомъ же извозчикѣ и привезъ ее обратно городовой—мертвую: ее задавили, замяли въ толпѣ.

На панихидахъ никто не плакалъ, кромѣ модистки, очень мало знавшей покойную. Опять пріѣхалъ остроглазый лысый господинъ, въ домѣ всѣмъ распоряжалась его властная жена. Они привезли съ собой дѣтей—большеротую бойкую дѣвочку и кадета, все затѣвавшихъ возню и бѣготню по дому. Покойница, подъ коленкоромъ, лежала на столѣ въ залѣ, и ея никто не боялся. Завѣсили зеркала въ знакъ печали. Строго, точно вразумляя неразумную, читала псалтырь рясофорная монахиня, родственница Александры Васильевны, нарочно пріѣхавшая изъ монастыря, изъ уѣзда,—толстая свѣжая старуха въ очкахъ, съ большимъ бѣлымъ лицомъ, точно обрѣзанымъ чернымъ головнымъ уборомъ. Но ни печали, ни строгости въ домѣ не было. Не унимались дѣти, беззаботно залетали мухи и шмели въ открытыя

окна гостиной, за которыми сіялъ горячій день, въ которыя лился радостный свѣтъ.

Послѣ похоронъ домъ пустовалъ. Всю мебель вынесли изъ него и увезли на вокзалъ ломовые. Старухи засыпали мокрымъ осиновымъ листомъ и вымыли полы, растворили всѣ двери, и вѣтеръ ходилъ по голымъ комнатамъ, которыя стали казаться темнѣе и меньше. Прилѣпили бѣлые билетики на тонкія старыя стекла—и нашелся постоялецъ, прожившійся дворянинъ Хитрово, пьяница съ висячими усами, въ котелкѣ и засаленной визиткѣ съ круглыми полами. Перебираясь на новую квартиру, онъ ѣхалъ на извозчикѣ и держалъ за ошейникъ черно-атласнаго гордона. Ломовой везъ два стула, кухонный столъ и огромный красный шкапъ—больше мебели у Хитрово не было. Занялъ дворянинъ только одну комнату и окна завѣсилъ газетами. Противъ солнца газетные листы скоро выгорѣли, порыжѣли.

XII.

Былъ іюньскій вечеръ, накрапывалъ дождь. Шелъ поѣздъ по стрѣлецкой желѣзной дорогѣ. Въ сѣромъ темнѣющемъ вагонѣ второго класса сидѣли разные господа и говорили—нѣкоторые о томъ, кто куда ѣдетъ, нѣкоторые о непорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ и вообще о Россіи, о ея богатствахъ и некультурности. Вагонъ грохоталъ и раскачивался, а жерло вагоннаго вентилятора прерывисто гудѣло, и слышно было, какъ стрекочетъ въ немъ мелкій предвечерній дождь.

Открылась впереди широкая пустая низменность, заливные луга, извилистая рѣчка, а за рѣчкой, на скатѣ полей—Стрѣлецкъ, желѣзныя и тесовыя крыши его низкихъ домовъ, колокольни, темная кладбищенская роща... По мосту поѣздъ пошелъ тише—мостъ весь визжалъ, ныл и скрипѣлъ. Рѣчка была мутная, мелкая, городъ былъ запыленъ, казался очень бѣднымъ. Ярко заблестѣли сквозь мелкій дождь ранніе огни на станціи...

Постоявъ пятнадцать минутъ, снова тронулись. Кондукторъ зажигалъ одну объ одну короткія свѣчи. Онѣ пылали ярко, но, попадая въ тусклые фонари, сразу меркли. Перезнакомившіеся пассажиры курили, располагались на ночь и оживленно бесѣдовали. Но вотъ отворилась дверь—и съ большимъ сакомъ въ одной рукѣ, съ парусиновымъ зонтомъ въ другой, вошелъ въ вагонъ Горизонтовъ, такой большой и неуклюжій, что многіе

смолкли и уставились на него. Старомодно всѣмъ раскланявшись, онъ сѣлъ въ уголокъ на маленькій диванчикъ возлѣ двери.

Больше всѣхъ говорилъ, стоя у поднятой спинки дивана и отстегивая подъ жилетомъ подтяжки, щуплый господинъ въ очкахъ, человѣкъ, какъ можно было понять изъ его словъ, московскій, извѣстный Москвѣ и придерживающійся въ вопросахъ общественныхъ мнѣній крайнихъ. Онъ выпилъ на вокзалѣ въ Стрѣлецкѣ. Измятое его лицо было красно и возбужденно. Строго блестѣли его очки, энергично падали въ разныя стороны рога сальныхъ волосъ, энергично и рѣзко лилась рѣчь. Внимательно и удивленно оглядѣвъ новаго пассажира, онъ долго притворялся, что не думаетъ о немъ, и, наконецъ, не вытерпѣвъ, спросилъ:

— А вы далеко изволите ѣхать?

— А въ Москву,—не спѣша отвѣтилъ Горизонтовъ, держа свои желѣзныя руки на зонтѣ, поставленномъ между колѣнъ.

Господинъ въ очкахъ подумалъ, оглядывая его.

— А жить, вѣроятно, изволите въ томъ городкѣ, который мы только-что проѣхали?

— Да, я изъ Стрѣлецка.

— И въ Москву, конечно, по дѣламъ?

— По дѣламъ,—сказалъ Горизонтовъ.—Веду переговоры съ анатомическимъ театромъ московскаго Императорскаго университета. Московскій Императорскій университетъ, получивъ отъ меня фотографическую карточку во весь ростъ и предложеніе купить послѣ смерти моей мой костякъ, отвѣтилъ мнѣ принципіальнымъ согласіемъ.

— Какъ?—съ изумленіемъ воскликнулъ господинъ въ очкахъ.—Вы продаете собственный скелетъ?

— А почему-бы и нѣтъ?—сказалъ Горизонтовъ.—Разъ эта сдѣлка увеличиваетъ мое благосостояніе и не наноситъ мнѣ никакого ущерба...

— Но позвольте!—перебилъ господинъ въ очкахъ.—И вамъ не странно... да скажу даже—не жутко совершать подобную сдѣлку?

— Ни чуть,—отвѣтилъ Горизонтовъ.—Надѣюсь, что московскому Императорскому университету придется еще не скоро воспользоваться своимъ пріобрѣтеніемъ. Надѣюсь, судя по тому запасу силъ, который есть во мнѣ, прожить никакъ не менѣе девяноста пяти лѣтъ.

Въ окнѣ, куда поглядывалъ онъ, отвѣчая, уже отражалась свѣча, горѣвшая въ вагонномъ фонарѣ, и отражаясь, какъ бы

висѣла въ воздухѣ за окномъ. Проходили мимо косогоры въ зеленыхъ хлѣбахъ, низко висѣло надъ ними облачное небо. Гудѣло жерло вентилятора, говорили и смѣялись въ вагонѣ... А тамъ, въ Стрѣлецкѣ, на его темнѣющихъ улицахъ, было пусто и тихо. На лавочкѣ возлѣ хибарки сапожника сидѣлъ квартировавшій у него Жолудь, гнутый старичокъ въ кумачной рубашкѣ, и напѣвалъ что-то беззаботное. Лежалъ въ своемъ темномъ домѣ уже давно невстающій съ постели сѣдовласый, распухшій, съ заплывшими мрачными глазами о. Киръ. Дворянинъ Хитрово былъ трезвъ и осторожно ходилъ за своимъ гордономъ, съ ружьемъ на-перевѣсъ, по мокрымъ овсамъ возлѣ кладбищенской рощи, выпугивая перепеловъ и наугадъ стрѣляя въ сумеречный воздухъ, въ мелкій дождь. Вѣчнымъ сномъ спали въ кладбищенской рощѣ Александра Васильевна и Селиховъ — рядомъ были бугры ихъ могилъ. А Яша работалъ въ своей часовнѣ надъ склепомъ купца Ершова. Отпустивъ посѣтителей, весь день плакавшихъ передъ нимъ и цѣловавшихъ его руки, онъ зажегъ восковой огарокъ и освѣтилъ свой засаленный халатикъ, свою ермолку и заросшее сѣдой щетинкой личико, съ колючими, хитрыми-прехитрыми глазками. Онъ работалъ пристально: стоялъ онъ возлѣ стѣны, плевалъ на нее и затиралъ плевки апельсинами, дарами своихъ поклонниковъ.

Ив. Бунинъ.

БѢЛАЯ ПУСТОШЬ

Повѣсть.

(*Окончаніе*) [1]).

XXIX.

Лицо Варвары Антоновны сдѣлалось сѣрожелтымъ, какъ мутный гумми-арабикъ. Спина согнулась, точно подъ кофточку, къ самому затылку, подсунули свертокъ или узелокъ. Глаза потухли, стали меньше, и сильнѣе поднялась кверху лѣвая бровь. Уже навсегда осталась выше правой. Оттого, что брови искривились, лицо имѣло выраженіе особенное, недоумѣвающее и чуть-чуть испуганное.

Средства у Чумаковыхъ были скудныя, и Варвара Антоновна подолгу носила одну и ту же одежду. Перешивала ее, красила, перелицовывала, штопала. Все на ней было старенькое, истрепанное, полинявшее и самодѣльное. Она напоминала собой убогую и темную лавочку домашняго скарба гдѣ-нибудь на толкучемъ.

Она донашивала и нѣкоторыя части туалета Василія Петровича,—его пелерину, его шарфъ и обувь,—а дома носила его обветшалый пиджакъ, на которомъ срѣзала воротникъ и укоротила обшлага.

Весь видъ ея—уже почти старушечій—былъ такой заношенный, потертый и жалкій, что грустно было смотрѣть. Со-

[1]) См. Ноябрь, стр. 5.

служивцевъ она даже конфузила. По людным улицамъ, гдѣ можно встрѣтиться со знакомыми, нѣкоторые изъ нихъ избѣгали ходить съ ней. Подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ отъ нея отдѣлывались.

Начальство нѣсколько разъ дѣлало ей замѣчанія, деликатныя, но выразительныя. Для учрежденія неудобно и неприлично, если служащіе такъ обтрепаны... Отъ всего этого Варвара Антоновна приходила въ большое смущеніе,—и еще болѣе печальнымъ и сиротливымъ дѣлался ея видъ.

Возвращаясь со службы, она каждый день проходила мимо стариная большого дома, гдѣ помѣщались физико-математическіе курсы. И больше уже не волновало ее и не вызывало въ ней новыхъ надеждъ и стремленій это старомодное, грузное, трехъэтажное, съ бѣлыми колоннами, съ торжественнымъ парадным подъѣздомъ зданіе... Оживленныя и говорливыя группы курсистокъ, молодо, шумно высыпавшія изъ вестибюля, не рождали уже въ сердцѣ ея ни зависти, ни сожалѣнія... Варвара Антоновна проходила мимо, проходила своей дѣловитой, торопливой походкой и даже не замѣчала студентокъ, бывшихъ коллегъ своихъ, глубоко поглощенная все тѣми же заботами,—о хлѣбѣ, о домѣ, о больномъ мужѣ, которому сейчасъ по пріѣздѣ домой надо будетъ дѣлать теплую въ двадцать восемь градусовъ ванну съ крахмальной мукой... Да, съ крахмальной мукой, которая вѣдь мягчитъ кожу!.. И кстати: нужно зайти въ аптеку за крахмаломъ. А также не забыть и въ винную лавку, «Сенъ-Рафаэля» взять...

Уже не тосковала по курсамъ и не вспоминала о нихъ ея покорившаяся душа. Но по дѣтямъ, по маленькимъ, копошащимся, толстенькимъ, крикливымъ дѣтямъ, жестоко и не переставая тосковало ея сердце женщины, и горькою мукою пропитаны были одинокіе ночные часы ея...

Катерина Горбатюкъ и теперь приносила Чумаковымъ молоко, приходила съ кувшинчиками каждый вечеръ. Опять былъ у ней большой животъ, опять оттянулось къ низу ея высохшее лицо, опять лежали на немъ желтыя пятна беременности, и опять свѣтилось въ большихъ глазахъ ея то особое выраженіе, значительное и сосредоточенное, какое бываетъ только у беременныхъ женщинъ... Прошлый разъ Катерина родила двойню,—и сильно билъ ее и истязалъ по этой причинѣ Никита... Какихъ истязаній не приняла бы Варвара Антоновна за то, чтобы родить двойню! На какую Голгоѳу не взошла бы она за то, чтобы сдѣлаться матерью! Но она была безплодна, источникъ новой жизни въ ней умеръ, какъ умеръ онъ въ той соснѣ, которая когда-то жила и

росла въ лѣсу, а теперь, обращенная въ столбъ, тщательно отстроганная и выкрашенная, поддерживала потолокъ веранды...

Какъ не могъ столбъ отростить новую, зеленую, хвоями обросшую вѣтку, такъ не могла Варвара Антоновна родить человѣка... Неизбывная, негаснущая печаль жила въ ея сердцѣ, какъ и само никогда не умолкающее сердце жило въ ея груди. Инстинкта материнскаго, потребности рожать, кормить и ласкать, потребности отдавать для созданія новой жизни свою кровь, и покой, и радость,—этой потребности она умертвить въ себѣ не могла... И жадно, и сладко, и мучительно грезила она, и, безсильная противиться, отдавалась небеснымъ, но безумнымъ, несбыточнымъ мечтамъ о младенцѣ... И дни весенніе,—святая пора возрожденія и новыхъ зачатій,—были для нея днями черными и больными.

XXX.

Въ одно майское утро, въ воскресеніе, когда на службу ѣхать не надо было, а Василій Петровичъ, послѣ длительнаго сеанса массажа, крѣпко и безшумно спалъ, сидѣла Варвара Антоновна на дворѣ, подъ бѣлой въ цвѣту акаціей.

Она уже выпила свое кофе, и въ ожиданіи пробужденія мужа, разнѣженная материнскимъ тепломъ голубого и золотистаго утра, смотрѣла впередъ себя, на зеленый, холмистый лужокъ, на лиловѣющія позади красныхъ и зеленыхъ крышъ дачекъ высокія сосны. Живое щебетаніе заставило ее оглянуться.

По дорожкѣ, легко поднимая свое маленькое, граціозно наклоненное тѣльце, прыгалъ воробей.

Брюшко и грудка у него были одноцвѣтно-сизыя, какъ бѣличій мѣхъ, а крылышки и спинка расписаны темными полосками. Видимо, въ сильномъ страхѣ, какъ-то бокомъ, прижимая хвостикъ къ землѣ и быстро отрывая его прочь, подбирался воробей къ самымъ ногамъ Варвары Антоновны... Подскочивши, схватилъ клювомъ большую крошку хлѣба, потомъ другую, третью... и не проглатывая, а крѣпко сжавъ добычу широко раскрытымъ клювомъ, шарахнулся въ сторону, къ заборику.

Тамъ, въ коротенькой травкѣ, раздался радостный, чисто праздничный писк. И выпорхнули изъ травы три взъерошенныхъ маленькихъ воробушка,—сѣренькіе, кругленькіе, хохлатенькіе, съ яркими, свѣтложелтыми каемками на широкихъ клювикахъ,—точно кантикомъ обшилъ кто-то клювики.

— Чивъ... чивъ... чивъ... чивъ...

Воробей, странно вытянувшись на своихъ спичкахъ-ножкахъ, изъ клюва, сверху внизъ, передавалъ своимъ дѣтямъ уворованныя крошки. И остро пищалъ при этомъ, и кричалъ, и распоряжался — чивъ — чивъ — чивъ — чивъ! — взволнованно хлопалъ крылышками, обучая малышей искусству ѣсть и устанавливая среди нихъ порядокъ и очередь.

А маленькіе орали, хватали крошки, глотали, давились, толкались, трепыхали коротенькими, еще не отросшими, еще не пригодными для дѣла крылышками...

Когда крошки были съѣдены, воробей снова запрыгалъ къ Варварѣ Антоновнѣ,—за новой провизіей.

Варвара Антоновна подалась впередъ и замерла, окоченѣла... Одни глаза шевелились,—слѣдили за всѣми движеніями воробья. Мутножелтоватое лицо побѣлѣло,—отъ отсвѣтовъ акаціи, или отъ чего-нибудь другого?.. Кривая лѣвая бровь странно дергалась...

Воробей, все такъ же бокомъ, все такъ же страшась и ужасаясь, опять запрыгалъ у самыхъ ногъ Варвары Антоновны, опять набралъ въ клювъ крошекъ и снова порхнулъ въ сторону, къ заборику, гдѣ въ молодой травкѣ горланили его сѣренькія дѣти съ желтыми каемками на короткихъ клювикахъ.

Варвара Антоновна припала лицомъ къ столу и, ужъ больше не сдерживаясь, зарыдала...

XXXI.

Было лѣто, разгаръ дачнаго сезона. Дачниковъ въ Бѣлую Пустошь наѣхало множество, всѣ уголки были заняты жильцами. Чумаковы жили теперь не въ большой квартирѣ, которую занимали зимой и которая теперь стоила большихъ денегъ, а ютились на селѣ, въ хатѣ Никиты Горбатюка, за которую платили совсѣмъ немного. Сами же Горбатюки ушли въ сарай и на погребицу.

Василій Петровичъ за зиму и за весну обрюзгъ, расплылся и какъ-то посѣрѣлъ. Ему прискучило заниматься гимнастикой, надоѣла гидропатія, и строго исполнялъ онъ теперь только тѣ предписанія врачей, исполненіе которыхъ доставляло ему удовольствіе и было ему пріятно. Пріятно же было, главнымъ образомъ, отдыхать. Онъ и отдыхалъ, всѣми мѣрами оберегая свой покой... Онъ часто и подолгу сидѣлъ или лежалъ на сол-

нышкѣ—очень любилъ теплоту,—и только, если ужъ слишкомъ сильно начинало припекать, уходилъ съ гамакомъ въ лѣсъ... Лежалъ въ лѣсу, сидѣлъ... Потомъ собиралъ тамъ землянику, грибы. Но дѣлая это, расчитывалъ время, смотрѣлъ на часы, и и если увидитъ, что полъ-часа уже прошло,—непремѣнно присядетъ отдохнуть. Дальнѣйшая работа,—наклоняться къ землѣ, потомъ подниматься,—уже вредна.

Надоѣло ему бриться, и онъ отпустилъ бороду.

Борода была красивая, золотистая, широкая, очень густая. Каждый волосокъ завивался мелкой спиралью, а спирали сбивались въ завитки, какъ на статуяхъ древнихъ грековъ. Такую бороду расчесывать трудно, и Василій Петровичъ не слишкомъ часто безпокоилъ ее гребнемъ...

Волосы онъ также отростилъ,—лѣнь было ходить къ парикмахеру. Волосы порѣдѣли,—уже просвѣчивало темя,—но были красивы: золотистые, слегка вьющіеся. Похоже было, что собирались волосы завиться и въ настоящій локонъ, да одолѣла лѣнь, и они, не додѣлавъ дѣла, остались на полдорогѣ...

Фигура Василія Петровича стала массивной, но не было въ ней никакой внушительности. Не чувствовалось въ тѣлѣ упругости, силы, граней. Все кругло, пухло, рыхло, по женски мягко,—точно напихали подъ кожу ваты или гагачьяго пуху. Казалось: ткни въ это плечо пальцемъ, и палецъ уйдетъ внизъ, точно въ плохо выпеченную булку...

Всѣ движенія Василія Петровича были медленны, тяжелы. И рѣчь стала медленной, тягучей. Длинныхъ разговоровъ Чумаковъ не велъ. Отъ споровъ,—даже на несложныя темы по части домашняго хозяйства, — уклонялся. «Да къ чему?.. э, Господи, не все ли равно?.. Вотъ еще?.. И охота же!.. Ну и пусть себѣ»!.. Онъ очень много зѣвалъ, и зѣвалъ всегда тягуче, громко, съ легкимъ взвизгиваніемъ, зажмуривъ глаза и сворачивая на сторону подбородокъ... Послѣ зѣвка, отъ напряженія, выкатятся на глаза слезы. Вяло поднимая тяжелую разбухшую руку, онъ слезу сотретъ—прямо пальцемъ...

— Лучше бы платкомъ,—подумаетъ онъ.—Конечно, лучше. Да кто его знаетъ, гдѣ онъ, платокъ этотъ самый?.. Въ заднемъ карманѣ?... Или въ штанахъ?.. Ищи тамъ, возись...

Онъ былъ неуклюжъ, неповоротливъ. Неуклюжимъ дѣлался духъ его; его мысли и сообразительность тяжелѣли. Какъ будто не сразу понималъ онъ—даже когда ему говорили самыя простыя вещи.

Варвара Антоновна спроситъ:

— Ты бѣлье перемѣнилъ?

Онъ медленно повернется къ женѣ, подниметъ вѣки, посмотритъ, потомъ проглотитъ слюну и скажетъ:

— Га?.. Какъ ты сказала?

Точно идетъ у него свой, особый и важный, циклъ мыслей, который захватилъ его и загородилъ дорогу вопросу Варвары Антоновны, не далъ ему проникнуть въ сознаніе. На самомъ же дѣлѣ никакого цикла мыслей нѣтъ, а есть только густая сѣрая дремотность, и очень ему непріятно, что вотъ, какими то вопросами,—о бѣльѣ, что ли?.. или о чемъ это?—дремотность нарушаютъ...

Варвара Антоновна, всегда торопливая, всегда нервная, всегда озабоченно суетящаяся, дѣлающая два-три дѣла сразу, съ недоумѣніемъ, въ замѣшательствѣ, смотрѣла на мужа: Къ чему приведетъ это отяжелѣніе его? Какъ помѣшать этой сонливости и неподвижности?

И не знала, что дѣлать. И съ каждымъ днемъ тревожное замѣшательство ея росло.

Она кашляла теперь коротковатымъ тусклымъ кашлемъ,—точно обтянутымъ фланелью молоточкомъ поспѣшно постукивало по пустому боченку. Въ груди, сверху, подъ лѣвымъ плечомъ, почти постоянно ощущала тихую боль. Какъ будто пусто было въ этомъ мѣстѣ и тянуло тамъ холодкомъ. О своей боли и своемъ кашлѣ Варвара Антоновна не думала, а думала, съ досадой и печалью, о томъ, что вотъ, не могутъ доктора найти ничего, что расшевелило бы и разбудило Василія Петровича, что подняло бы его духъ.

Василій Петровичъ, когда до него долеталъ кашель жены, дѣлалъ жалобное лицо и мысленно говорилъ:

— Ну чѣмъ же я могу тутъ помочь?.. Этотъ кашель раздираетъ мнѣ сердце, я его слышать не могу, но что же мнѣ дѣлать?

Раза два онъ предложилъ:

— Варя, сходила бы ты къ доктору... Хочешь, и я съ тобой поѣду...

Варвара Антоновна предложеніемъ его не воспользовалась. Но она была такъ счастлива, что предложеніе такое сдѣлано, что выразилъ Василій Петровичъ готовность ѣхать съ ней!.. Даже какъ-то стыдно сдѣлалось отъ счастья, и она краснѣла, и глаза ея блестѣли побѣдно... Вотъ какъ пожалѣлъ ее Вася!..

— Пустяки, никакого мнѣ доктора не надо!

— Нѣтъ, надо... Кашляешь...

— Что за кашель!.. Я доверовъ порошокъ закажу... А ты какъ, Вася? Желудокъ сегодня дѣйствовалъ? Пилъ ты кумысъ?

XXXII.

Онъ пилъ кумысъ,—прописалъ, какъ и электризацію, какъ и ванны съ крахмальной мукой, докторъ Кнорре,—и пилъ его не иначе какъ съ закрытыми глазами и непремѣнно въ темной комнатѣ... Онъ утверждалъ, что при свѣтѣ, когда смотритъ на кумысъ, онъ видитъ въ немъ зеленоватыхъ, пузатенькихъ червячковъ, похожихъ на паучковъ, или на маленькихъ крабовъ... «Такъ и кишатъ, такъ и кишатъ»...

И трудно сказать: видѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подобное, или не видѣлъ. Трудно также сказать: вѣрила ли Варвара Антоновна тому, что онъ говоритъ, или не вѣрила.

Можетъ быть, и не вѣрила...

Можетъ быть, и понимали Чумаковы—оба, и онъ, и она,—что эти червячки въ кумысѣ—вродѣ той сосны, на которую Василій Петровичъ выпяливалъ глаза...

Можетъ быть, оба и сознавали, ясно или смутно, что червячки—выдумка, причуда, обманъ и самообманъ... А можетъ быть, считали, что червячки—фантасмагорія, одна изъ тѣхъ дикихъ и жуткихъ фантасмагорій, которыя дѣйствительно проносятся передъ глазами неврастениковъ, которыя неврастеника и отличаютъ отъ человѣка нормальнаго...

Но такъ или иначе, а пилъ свой кумысъ Василій Петровичъ впотьмахъ.

Выпьетъ, медленнымъ жестомъ оботретъ губы и курчавую золотистую бороду, потомъ выйдетъ на дворъ и сядетъ на завaленку, на солнцѣ.

Прямо передъ глазами торчитъ вкопанный въ землю «баранчикъ»—столбъ съ придѣланными въ видѣ роговъ колышками, а на колышкахъ, вверхъ дномъ, надѣты пустые кувшины. У ногъ—зеленый гусиный пометъ. Небольшой и плохенькій замухрышка-огородъ параллельными грядками расписалъ дворъ у низенькой кухни. Почва здѣсь песчаная, требуетъ много навозу, обильной поливки, вообще хорошаго ухода, а постоянно околачивающійся по базару, или въ городѣ, Никита работаетъ мало, и вся работа ложится на Катерину. Катеринѣ же одной не управиться. И оттого, тучею сорныхъ травъ заглушены на огородѣ и хиленькій картофель, и хирѣющій горохъ, и огурцы... Даже

жизнерадостный, мало требовательный подсолнухъ не разросся здѣсь буйно, какъ разростается обычно,—а уныло покачивается, тощій и сморщенный, съ немощными листьями и маленькимъ, въ блюдце, чахло-желтымъ лицомъ.

— Все слоняетесь, да слоняетесь,—вяло, но сердито говоритъ Василій Петровичъ Горбатюку, который сидитъ тутъ же, на кучѣ бревенъ, заросшихъ калачиками и крапивой.—То вы на базарѣ, то у монополькн, а хозяйство идетъ чортъ знаетъ какъ.

— Да ужъ извѣстно,—тихонько почесывая локтемъ животъ, отвѣчаетъ Никита.—Оно, знаете, такъ...

— «Оно такъ»,—по прежнему безъ всякаго волненія передразниваетъ Чумаковъ.—Все у васъ «такъ»... И всю свою жизнь протакаете... Смотрѣть противно, какъ идетъ ваша жизнь!.. Со стороны,—и то противно.

Передохнувъ, громко и аппетитно зѣвнувъ, поковырявъ въ густой золотистой бородѣ пальцемъ, Чумаковъ вдругъ спрашиваетъ:

— Почему вы не варите варенья?

Черная, словно въ смолѣ вывалявшаяся свинья съ большимъ бѣлымъ пятномъ наискосокъ рыла, вся лоснящаяся отъ жидкой грязи, подлѣзла подъ покосившуюся калитку и направилась къ огороду.

— А-цю!..—дико заоралъ Горбатюкъ, не поднимаясь съ мѣста.—А-цю, проклята анафема!..

Онъ нагнулся, пошарилъ вокругъ себя рукой, ища камня или щепки. Но камня не найдя, а только обстрекавши руку крапивой, пустой рукой издали замахнулся на свинью.

— А-цю!.. А-цю, чтобъ ты пропала, проклятая, а-цю!..

— Вотъ, «а—цю»,—продолжаетъ Василій Петровичъ, положивъ массивную пятерню къ себѣ на животъ.—А-цю, это вы знаете. А вотъ, чтобы, напримѣръ, варенье...

Онъ усиленно гладитъ животъ и грудь,—старается предупредить и пресѣчь поднимающуюся кверху икоту... Дѣло не выгораетъ,—громкая икота раскатывается по всему двору... Даже плечи приподнялись и затряслась голова, такъ сильно дернуло его... Послѣ этого Чумаковъ умолкаетъ. Уже ему жаль, зачѣмъ завелъ онъ разговоръ. Уже ему не хочется говорить. «Къ чему?.. Вотъ еще... Да пусть себѣ... Охота, право»...

Вздремнуть бы теперь послѣ кумыса... А если и не дремать, то такъ вотъ посидѣть... На солнышкѣ, спокойненько, тихо, среди подсолнуховъ, подлѣ цвѣтущаго картофеля... Неподалеку осокори,—отъ нихъ свѣжестью тянетъ... Пріятно... Осокори и

верба... Дальше, на холмѣ, бѣлѣютъ пески. Солнце ударяетъ по нимъ горячими лучами. Не зажмуривъ сильно глаза, невозможно смотрѣть на это бѣлое, серебряное сверканіе песковъ... А по песку идутъ въ лѣсъ двѣ дачницы. Одна въ аломъ чепцѣ. На другой синій пенюаръ... Плетутся медленно, разморенныя тепломъ. Какъ тихо вездѣ!.. Хорошо теперь посидѣть тихо...

XXXIII.

— Зачѣмъ варенье?—спрашиваетъ Никита.

Помолчавъ, отведя глаза отъ идущихъ по пескамъ дачницъ и уставившись на свинью, которая забралась на сосѣдній огородъ и, трясь сосками, стала подрывать рыломъ смородинный кустъ, Василій Петровичъ вдругъ вспыхиваетъ и раздраженно, торопясь, поднявъ голосъ до остраго визга, начинаетъ говорить:

— Зачѣмъ варенье?.. А затѣмъ, что вы олухи, дуботолки и больше ничего!.. Вѣдь только посмотрѣть на васъ, на лопоухихъ, чортъ бы васъ всѣхъ подралъ!.. Смотришь, и отъ досады и боли выть хочется... Капиталы, богатства подъ самымъ носомъ у васъ разбросаны, а вамъ лѣнь протянуть руку, чтобы золото пригоршнями набирать... «Варенiе зачѣмъ»!.. Вотъ ходятъ ваши дѣвки, да бабы, да ребята, цѣлый день покою отъ нихъ нѣтъ,—«ягодъ не надо?.. ягодъ не надо»?.. И уже никому ягодъ, конечно, не надо, всѣ уже ягодъ накупили,—милліонъ вѣдь этихъ дѣвокъ съ ягодами приходитъ!.. Хоть по копейкѣ возъ пусть отдаютъ, никто уже брать не станетъ... А между тѣмъ, варенье-то въ городѣ почемъ фунтъ? Почемъ?

Никита молчитъ.

— Нѣтъ, вы ужъ не молчите, пожалуйста, а вы скажите мнѣ, я васъ спрашиваю: почемъ вы въ городѣ, или вотъ здѣсь у васъ, въ Бѣлой Пустоши, въ потребительской лавкѣ, почемъ вы платите за фунтъ земляничнаго варенья?

— Я не знаю. Я не куповалъ.

— То то же, «не знаю»!.. Фунтъ земляничнаго варенья продается здѣсь же, на мѣстѣ, по сорока копеекъ. Вотъ!.. Такъ отчего же бы вамъ, чортъ побери, на наварить этого варенья сто пудовъ?.. Пудъ—это... сорокъ на сорокъ... шестнадцать рублей. Сто пудовъ—это тысяча шестьсотъ рублей... Ну, долой расходъ на сахаръ, долой разныя тамъ комиссіонныя, все таки какой бы заработокъ!.. А вы вотъ не можете. Ничего не можете, самой простой вещи не можете... Вѣдь не аэропланъ же васъ застав-

ляютъ выдумывать, не молотилку новую изобрѣтать, не всеобщее избирательное право завоевывать. Всего только и требуется: сварить варенье... А вы «не знаю... не умѣю... не пробовалъ... не куповалъ»...

Никита молчитъ. Лицо у него бурое, темное, какъ и земля подъ ногами. Въ красивыхъ сѣрыхъ глазахъ является выраженіе любопытства: сорокъ копеекъ за одинъ фунтъ земляничнаго варенья?.. Да, это дѣйствительно... Это бы не худо: сорокъ копеекъ...

— То же и грибы,—продолжаетъ Василій Петровичъ.—«Грибовъ не надо»?.. Втеченіе дня тысяча человѣкъ предлагаетъ грибы, уши сверлятъ своимъ крикомъ. Грибы отдаютъ за грошъ, а въ лавкѣ маринованные рыжики по полтиннику вотъ этакая баночка, меньше стакана... Трудно ли самимъ мариновать и пускать въ продажу?.. Должно быть, трудно. Вамъ все трудно. Вы ничего не умѣете, ни къ чему не пригодны... Оттого вы и бѣдны, и босы, и голы, что вамъ трудно и нѣтъ у васъ никакой предпріимчивости.

Никита оглядываетъ свои огромные—по пуду каждый—сапоги. На лѣвомъ сапогѣ большая уродливая заплата. Похоже, что дощечку приколотили...

— Оно, конечно,—разсудительно говоритъ Никита,—сорокъ копеекъ фунтъ... А только мужикъ, что жъ онъ понимаетъ?.. Если бы, напримѣръ, мужикъ былъ экзаменованный...

— «Ягодъ не надо?.. Ягодъ не надо»?.. Шесть дѣвокъ идетъ по улицѣ, вдоль частокола, и непремѣнно всѣ шесть заходятъ на дачу, гуськомъ плетутся черезъ весь огромный песчаный дворъ, подходятъ къ самой верандѣ и—«ягодъ не надо»?—Не надо!—Всѣ шесть тогда поворачиваются и опять гуськомъ плетутся назадъ по песку, черезъ огромный дворъ... Двухъ минутъ не прошло, и ужъ онѣ продѣлываютъ ту же самую штуку на сосѣдней дачѣ. Опять—безтолковыя!—всѣ шесть тянутся процессіей черезъ дворъ—туда, и сейчасъ же обратно... И это только для того, чтобы у веранды узнать, что ягодъ «не надо»... А пока тѣ шесть дѣвокъ узнаютъ эту новость на сосѣдней дачѣ, уже ко мнѣ прутъ другія, скажемъ, четыре дѣвицы, и опять гуськомъ, и опять черезъ весь дворъ, по песку, къ самой верандѣ, и непремѣнно всѣ четыре спрашиваютъ: «ягодъ не надо»?.. О, Господи!.. Цѣлый день этакъ, и каждый день, и втеченіе всего лѣта.

— Да, такъ что, баринъ, ягода, она всегда лѣтомъ,—глубокомысленно объясняетъ Никита.

— Ягода, фрукты, овощи, птица,—все равно... Непремѣнно

компаніей, и непремѣнно къ самой верандѣ... Если сложить, сколько сотенъ верстъ безъ надобности сдѣлано по песку, сколько пропадаетъ даромъ труда и времени...

Василій Петровичъ снова икаетъ. И снова растираетъ себѣ животъ и грудь пухлой пятерней.

Котъ, опустивъ на землю хвостъ, медленно пробирается на кухню. Онъ сѣрый, толстый, пушистый. Очень, должно быть, тяжело ему: лѣто, жара,—и этакая шуба!

— Смотри, шкоды тамъ надѣлаешь,—строго предупреждаетъ кота Никита.—Ты жъ смотри, сучій сынъ, бо я тебя, кажется...

— Вы бы пошли, заперли кухню,—предлагаетъ Никитѣ Василій Петровичъ.

— Кухню?.. А конечно, надо бы запереть... Самое лучшее, если бы запереть кухню.

— Такъ пойдите же... Нашкодитъ тамъ котъ.

Никита молчитъ—и не движется.

— А можетъ тамъ ничего такого на кухнѣ и нѣтъ. Чего жъ нашкодить?

— Сожретъ что-нибудь.

— Та нѣтъ, не сожретъ.

— Сожретъ, разобьетъ.

— Сметану развѣ сожретъ?.. А то може мяса?.. Такъ мясо Авдотья вѣрно на ледъ снесла.

— А вы бы посмотрѣли.

Никита не трогается съ мѣста. Если не снесла Авдотья сметану и мясо на ледъ, то она сучья дочка, стерва, бить ее за это надо. Развѣ это по хозяйски: сметану въ кухнѣ держать? Въ кухню и котъ можетъ войти, и собака, и вороватый Никишка, со своимъ братомъ Пузанкомъ, —мало ли кто?.. Проклятая душа у этой Авдотьи, вотъ хоть и тетка она его, а Никита всегда скажетъ: проклятая душа! Все съ хлопцами, да съ хлопцами, паскуда такая, а чтобы по хозяйству, чтобы за порядкомъ,—нѣту этого!

— Вскочитъ котъ на столъ и опрокинетъ что нибудь,—говоритъ Василій Петровичъ.

—Опрокинетъ-то онъ, опрокинетъ,—соглашается Никита.—Конечно опрокинетъ: здоровенный онъ, сучій сынъ, гладкій, а какой пузастый... Такой вотъ здоровенный подлюка, онъ не то что,—онъ все можетъ опрокинуть.

— Посуду опрокинетъ, разобьетъ...

— Ну и проклятая же Авдотья!

— Подите же, прогоните его.

— А только что онъ тамъ въ кухнѣ разобьетъ?—начинаетъ вдругъ недоумѣвать Никита.

Василія Петровича охватываетъ раздраженіе.

— Ну конечно: если вы полагаете, что тамъ въ кухнѣ однѣ только пушки или наковальни, то котъ ничего не разобьетъ...

— Посуда тамъ—огорченно замѣчаетъ Никита. — Всяка посуда... Ой, нашкодитъ, проклятый... Отъ побачете нашкодитъ.

— Мяу, мяу!.. Ты, Васька, котъ... Ступай сюда!—зоветъ Василій Петровичъ.—Иди же сюда, Васька...

Котъ не отзывается. Его уже не видно,—вошелъ въ дверь кухни.

— А може Авдотья тамъ гдѣ-нибудь въ кухнѣ сидитъ?—обрадованно говоритъ вдругъ Никита. — Она тамъ сидитъ, она сама кота выгонитъ.

XXXIV.

— Вотъ, баринъ, конечно,—вы объясняете, что дѣвки черезъ весь дворъ ходятъ, до самой веранды... — говоритъ потомъ Никита.—А то какъ же имъ зробыть?.. Ягоду же продать надо?

Василій Петровичъ сердито смотритъ на собесѣдника.

— Голова!.. А стала бы одна дѣвка еще на улицѣ, у калитки, да заорала бы: «Ягодъ!.. ягодъ!..» И кому ягодъ надо, пусть къ ней идутъ... Или къ себѣ пусть зовутъ... Къ чему всѣмъ шести дѣвкамъ туда и назадъ черезъ дворъ таскаться?.. Вѣдь если и купятъ, то у одной купятъ. А онѣ непремѣнно всѣ шесть...

Никита смотритъ на раскрытую дверь кухни, куда ушелъ котъ: дѣлаетъ тамъ теперь котъ шкоду, или не дѣлаетъ?.. Вотъ сейчасъ что-нибудь грохнется объ полъ, кувшинъ, или тарелка, Въ дребезги разобьется... Ахъ, проклятая Авдотья!.. А кота этого надо будетъ завтра въ Куцовѣровку на ярмарку завести и больше ничего... И утопить его въ пруду надо. Все только шкода и шкода, чтобъ ему пропасть, а пользы никакой!..

— Вѣрно!—соглашается Никита, поворачиваясь къ Чумакову:—это вы, баринъ, вотъ такъ...

Полусогнутымъ указательнымъ пальцемъ онъ проводитъ въ воздухѣ горизонтальную черту,—молъ, какъ по писанному, по печатанному, до того умно баринъ говоритъ!

— Вѣрно... Чѣмъ чтобъ всѣ шесть дѣвокъ до самой ве-

ранды, то, конечно, лучше бы одна еще съ улицы хорошенько гукнула...

Онъ долго молчитъ потомъ. Думаетъ...

— Ось, бачьте самі—говоритъ онъ въ заключеніе,—если бы мужику какое нибудь ремество... А то что же мужикъ можетъ понимать, когда онъ не экзаменованный.

Минуты двѣ проходятъ въ молчаніи.

Вспотѣвшій баринъ чувствуетъ нѣкоторое удовлетвореніе: побѣдилъ Никиту. Доказалъ ему что-то, чему-то научилъ.

А Никита все о чемъ-то думаетъ. Думаетъ, соображаетъ и, шевеля губами, про себя подсчитываетъ... Въ ходъ идутъ уже и пальцы... Никита загибаетъ то одинъ палецъ, то другой, то третій. Сгибаетъ, выпрямляетъ и сгибаетъ снова... Дѣлаетъ какой-то счетъ, а счетъ не выходитъ.

Никита шаритъ затѣмъ въ карманѣ, вытаскиваетъ сложенную въ восьмеро сѣрую отъ грязи бумажку и подаетъ Чумакову. Отъ бумажки пахнетъ махоркой, дегтемъ и навозомъ.

— Баринъ, будьте ласковы, посмотрите оце условіе...

Чумаковъ беретъ бумажку... Неаккуратно выдранная изъ дѣтской тетради страничка, разграфленная въ клѣтку голубыми линіями. На сгибахъ порвана, разваливается; написано на ней карандашомъ условіе найма дачи... Чумаковъ смотритъ внизъ, на подписи. Одна подпись: «звенигородскій мѣщанинъ Моисей Гарфункель». Другая—пьяными каракулями-раскоряками, точно не рукой писали, а ногой: «крѣсь. никита гарбутюъ».

— Чепуха!.. къ чорту годится,—сердито говоритъ Чумаковъ.

Никита смотритъ на барина удивленно.

— Не годится?

— Ну, конечно, не годится!

— Я такъ и самъ считаю, что не годится,—издали оглядываетъ бумажку Никита.—А только, все жъ таки, скажите мнѣ пожалуйста: сколько мнѣ по условію остается получить: чи семьдесятъ пять рублей, чи пятьдесятъ...

— Ничего вы не получите,—закипаетъ Василій Петровичъ.—Развѣ это условіе? Безобразіе, а не условіе... Ну, посмотрите сами, развѣ такъ можно писать условія: карандашомъ, каракулями... У этого Моисея вашего, у Гарфункеля, условіе такое же?

— Единаковое. Двѣ копіи писали: одну мнѣ, одну ему.

— «Копіи»... Писано карандашомъ, числа нѣту,—на этотъ годъ снята дача, на прошлый, или десять лѣтъ тому назадъ была она сдана—не видно.

— Не видно?

— Сроки уплаты денегъ не назначены. Написано, что за восемьдесятъ рублей сдана дача,—тычетъ Василій Петровичъ въ разваливающуюся бумажку:—написано карандашомъ. А потри резинкой и пиши потомъ, что сдана она за полтора рубля.

Никита смѣется.

— Отъ-то!.. Гдѣ жъ это видано, чтобы дачу за полтора карбованця сдавали?

Василій Петровичъ смотритъ на Никиту съ жалостью...

— Чи семьдесятъ пять мнѣ съ него остается получить, чи только пятьдесятъ... Посмотрите баринъ въ условіе, будьте ласковы.

— Что жъ, я посмотрю!.. Тутъ этого ничего нѣтъ...

— Какъ нѣтъ? А я жъ расписывался, какъ получалъ гроши.

— Такъ вы расписывались на томъ экземлярѣ, что у нанимателя. А здѣсь вотъ только помѣчено, что вы обязаны исправить ворота, да привезти чернозему и навозу для цвѣточныхъ клумбъ.

— Обязанъ,—мотнувъ головой, подтвердилъ Никита.—Вѣрно. И навозу, и чернозему.

— А привезли?

— Кого?

— Навозу и чернозему.

— А зачѣмъ же?

— Значитъ не привезли?

— Ні.

— Какъ же такъ?

— Для чего я его стану возить?

— Зачѣмъ же вы обязывались?

Никита задумывается... Думаетъ напряженно.

— Что они тамъ понимаютъ?—говоритъ онъ потомъ.—Тутъ скрозь песокъ, а они хотятъ, чтобы цвѣты. Развѣ это возможно?

— Ну, а ворота вы исправили?

— Ворота?

— Ну да, ворота.

— Нехай имъ чортъ, съ воротами!

— Не исправили?

— Зачѣмъ имъ ворота!—сердито спрашиваетъ Никита.

— Ну вотъ «зачѣмъ»... Запирать, должно быть, хотятъ, воровъ боятся.

— Люди сколько жили, не запирали. А теперь запирать?

— А если они хотятъ?

— Мало ли чего они захотятъ...

— Но вы вѣдь обѣщали.

— Когда жъ говоритъ: «не найму дачи, если воротъ не будетъ», то я и обѣщалъ.

«Дикарь, или младенецъ,—думаетъ Василій Петровичъ, внимательно вглядываясь въ красивое, бородатое лицо мужика.—Хитрый надувало, или святая простота... разбери-ка его»...

— А вы пошукайте въ условіи, баринъ,—опять проситъ Никита:—чи мнѣ семьдесятъ пять съ него получать, чи только пятьдесятъ... Я не упомню.

— «Не упомню»!—вспылилъ вдругъ Василій Петровичъ.—Пьянъ должно быть былъ, оттого и «не упомню»... Катерину свою изъ-за гривенника смертнымъ боемъ бьете, а здѣсь этотъ самый Гарфункель захочетъ, и сразу на четвертной билетъ надуетъ васъ.

Никита нетерпѣливо чмокаетъ языкомъ. Въ красивыхъ сѣрыхъ глазахъ его является безпокойство. Даже ноздри слегка раздулись...

— А вы посмотрите въ условіе,—настаиваетъ онъ:—тамъ я расписывался...

— Вы расписывались на томъ экземплярѣ, что у Гарфункеля,—отчеканивая слова, съ сердцемъ, сказалъ Чумаковъ.—Да и то вы, должно быть, расписывались карандашомъ... Вѣдь карандашомъ?

— Карандашомъ.

— А карандашомъ... онъ резиночкой сотретъ и напишетъ, что захочетъ. Напишетъ, что вы свои деньги получили всѣ сполна, до послѣдней копейки, понимаете?

Никита вдругъ насторожился... Онъ даже привсталъ съ мѣста... Тревожными глазами окинулъ онъ Василія Петровича. Потомъ оглядѣлся вокругъ—искалъ взглядомъ свою дачу, которую сдалъ этому хитрому Моисею Гарфункелю...

Тѣни растутъ. Тѣнь хаты вползла уже и на огородъ. Покосившаяся крыша на хатѣ растрепана; растрепана и тѣнь ея... Котъ медленно идетъ обратно изъ кухни,—должно быть не нашелъ тамъ ничего для себя интереснаго. Дремлющій въ тѣни длинноухій коричневый Шарикъ, завидѣвъ кота, поднимается на ноги. Эхъ, надо бы броситься въ битву!.. Но—жарко... И снова опускается Шарикъ на землю. Лучше отдохнуть какъ слѣдуетъ, а потомъ, когда жара спадетъ, отправиться погулять по дачамъ. На дачахъ есть славныя кухни, и ужъ вотъ гдѣ хорошо пахнетъ!..

Иной разъ кухарка угоститъ костью. А то и самъ смекнетъ во время, когда поудобнѣе сцапать что-нибудь... Вообще, хорошая пора лѣто, и жить въ дачномъ мѣстѣ очень пріятно,—поправляется здоровье.

— А на чорта мнѣ все то условіе,—успокоенно говоритъ вдругъ Никита, снова опускаясь на бревна.—Развѣ какъ? Онъ моего не захочетъ, а мнѣ чужого тоже не надо...

— Но вѣдь вотъ же, писали вы условіе.

— То развѣ я это хотѣлъ, чтобы писали? Онъ все требовалъ: «условіе, да условіе»... А я себѣ такъ думаю: чи оно условіе, чи оно не условіе, мнѣ байдуже.

XXXV.

Василій Петровичъ не возражаетъ. «Тебѣ байдуже, а по мнѣ, и чортъ съ тобой»... Онъ хочетъ прекратить бесѣду. Усталъ, жарко, клонитъ ко сну. А Никита раздражаетъ и злитъ... Какое красивое, умное и мужественное лицо у Никиты!... Профессоромъ бы ему быть, художникомъ, изобрѣтателемъ,—а онъ... Пойми ты его!.. Довѣрчивъ, кротокъ, наивенъ, ласковъ... А жену лупитъ. Любитъ ее, безъ нея никуда не годится, а бьетъ... Ничего тутъ не понять!..

Дремота томитъ. Пахнетъ подсолнухами, свинымъ хлѣвомъ и кислымъ молокомъ. На скамейкѣ пролитъ кумысъ. Крупныя мухи черной цѣпочкой обложили сверкающее бѣлымъ блескомъ пятно кумыса,—задки снаружи, головки внутрь. Стоятъ, пьютъ, потомъ уходятъ. Бродятъ по скамейкѣ и возвращаются назадъ, къ кумысу.

— Сыты, проклятыя,—думаетъ Василій Петровичъ:—нажрались сколько влѣзло, а только такъ, изъ свинства, опять льнутъ къ ѣдѣ...

И какъ бродятъ по скамейкѣ эти объѣвшіяся, взбухшія, лѣнивыя мухи, такъ въ полусонномъ мозгу Василія Петровича ползутъ разныя вялыя мысли... Бьетъ Никита жену... Да... И онъ, Василій Петровичъ, тоже бьетъ жену. Не кулакомъ бьетъ, но это въ сто разъ больнѣе... Бьетъ ее своимъ бездѣльемъ, праздностью, требовательностью... Бьетъ тѣмъ, что живетъ на ея счетъ и заставляетъ ее такъ много хлопотать и трудиться... Да и вообще, во всей Бѣлой Пустоши бабы работаютъ не по силамъ. Если пойти по селу, изъ хаты въ хаты, то увидишь, что мужикъ и пьянствуетъ, и шатается, и на боку лежитъ, а

все хозяйство держится на бабѣ, которая трудится и трудится, которая рожаетъ, кормитъ и роститъ дѣтей,—и принимаетъ отъ мужа колотушки...

Василій Петровичъ переполняется добрымъ чувствомъ и жалостью къ русской женщинѣ и къ своей Варѣ... Вѣдь какое это доброе и кроткое существо!.. Сколько въ ней преданности, самоотверженія, любви!.. И какъ отплатить ей за все это!..

Онъ растроганъ и взволнованъ. Онъ полонъ нѣжности къ женѣ. Онъ думаетъ о томъ, что долженъ бы на рукахъ ее носить. И если не можетъ онъ дать ей счастья и покоя, не въ силахъ создать ей положенія въ обществѣ, и не можетъ доставить ей житейскія удобства, комфортъ, матеріальный достатокъ, то обязанъ, по крайней мѣрѣ, помогать ей въ домашнемъ обиходѣ... Чортъ возьми, что худого, если онъ вымоетъ полы?! Вѣдь она моетъ же!...

И вдругъ поднимется Василій Петровичъ съ мѣста и примется убирать квартиру. Почиститъ обувь, постелитъ свою постель, перемоетъ посуду... Нальетъ въ лохань воды и возьмется за половую тряпку... Но тутъ вдругъ войдетъ въ комнату Варвара Антоновна. Увидѣвъ затѣю мужа, она сильно взволнуется. Вырветъ изъ его рукъ тряпку и ужъ сама докончитъ начатую имъ работу.

— Сиди, сиди!.. Это не мужское дѣло... Пойди лучше пройдись въ лѣсу, подыши воздухомъ... Или вотъ возьми, почитай, я привезла послѣднюю книжку «Новаго Обозрѣвателя»...

Варвару Антоновну давно уже огорчаетъ, что мужъ ничего не читаетъ. Нельзя умственно работать, переутомляться, но почитать что-нибудь все же слѣдовало бы. А Василій Петровичъ даже газету не всегда просмотритъ. Возьметъ въ руки, сядетъ на заваленку—и задремлетъ... А не дремлетъ, то просто смотритъ вокругъ себя и, повидимому, даже не думаетъ ни о чемъ.

Варварѣ Антоновнѣ было обидно и горько, что большія способности мужа пропадаютъ безъ пользы. Когда Василій Петровичъ былъ еще студентомъ, онъ изобрѣлъ особую систему шлюзовъ, очень остроумную. Изобрѣтеніемъ заинтересовались свѣдующіе люди, за нимъ признавали большое значеніе. Довести дѣло до конца Василій Петровичъ однако не сумѣлъ. Модели остались недодѣланными, опыты незаконченными,—а теперь Василій Петровичъ обо всемъ этомъ не хотѣлъ и вспоминать.

Въ ту пору, когда Чумаковъ затѣялъ дать рядъ очерковъ о жизни въ Бѣлой Пустоши, онъ кое-что набросалъ. Отвезти статью въ редакцію онъ не собрался, но за него сдѣлала это Варвара Антоновна. Работа была напечатана—хотя и съ сокращеніями. Въ статьѣ нашли тонкую наблюдательность, остроумныя

мысли, и языкъ былъ хорошій, живой и выразительный. Редакція ожидала продолженія. Продолженія Василій Петровичъ не написалъ: былъ обиженъ сокращеніями, которыя сдѣлалъ редакторъ, и опасался, что слѣдующей статьей и вовсе не угодитъ ему. Спокойнѣе было безъ этой слѣдующей статьи...

— Что я за писательщикъ!.. У меня есть своя спеціальность, нечего мнѣ лѣзть въ литературу.

XXXVI.

Варвара Антоновна привозила теперь книжки журналовъ, столичныя газеты, иллюстрированный еженедѣльникъ,—все пыталась разбудить мужа, вызвать въ немъ оживленіе, интересъ къ совершающемуся на свѣтѣ... Василій Петровичъ оглядывалъ книжки, перелистывалъ, бралъ съ собой, когда послѣ обѣда укладывался въ постель... Дальше второй, третьей страницы онъ не читалъ...

Все больше и больше тяжелѣлъ онъ,—и физически и духовно. Прошлой осенью было въ немъ шесть пудовъ двѣнадцать фунтовъ. А къ началу лѣта, когда съ дачи переѣзжали въ хату Никиты, до полныхъ семи пудовъ не хватало какихъ-то лотовъ...

Кожа на лицѣ утрачивала свѣжесть, дѣлалась матовой, сѣрой, подъ глазами кожа была вздута, и всегда шелъ отъ него густой запахъ пота...

Онъ также не вспоминалъ теперь о томъ, что онъ гражданинъ, что хотѣлъ бы принимать участіе въ строительствѣ общественной жизни. Ни о какомъ строительствѣ онъ не думалъ. Затопила его апатія, сплошная сонливость, старческое безразличіе ко всему, и, можетъ быть, больше интересовался разными житейскими событіями Никита Горбатюкъ, чѣмъ онъ...

Привезла разъ Варвара Антоновна билеты въ оперу—были знаменитые итальянскіе гастролеры — Чумаковъ поѣхать отказался... Да, конечно, послушать бы пріятно, объ этомъ тенорѣ всегда столько шумѣли, но что-жъ, вѣдь это надо во-время успѣть къ поѣзду, да еще и одѣвайся, воротники всякіе, сюртуки, а сюртукъ вѣдь, навѣрное, сталъ тѣсенъ, будетъ жать...

— Чортъ съ ними, съ тенорами!.. Паршивый итальяшка тамъ какой-то, do-re, fa-sol, и изъ-за этого безпокойся.

И на выставку картинъ онъ не соглашался пойти, хотя

любилъ и понималъ живопись, и самъ когда-то недурно писалъ этюды.

Пойдешь на выставку, встрѣтятся чего добраго знакомые, начнутся разговоры, разспросы, разсужденія, споры... Модернисты, импрессіонисты, пуантэлисты,—къ чему это?.. Не его это, въ концѣ концовъ, дѣло!..

И потомъ, сдѣлается досадно, отчего до сихъ поръ не ходилъ на выставки, пропустилъ ихъ цѣлый рядъ и даже выставку «Салонъ», очень интересную, вызвавшую много шума, не посѣтилъ... Пойдутъ сожалѣнія, зародятся упреки самому себѣ... Стоитъ ли изъ за выставки себя упрекать!.. Выставка,—не его это дѣло!

И такъ обо всемъ: «не его это дѣло!»...

Выходило, что его дѣло, это вотъ: дворикъ и заваленка Никиты Горбатюка, ненужные разговоры съ Никитой,—который впрочемъ отъ этихъ надоѣвшихъ ему разговоровъ старательно уклонялся,—отдыхъ, ѣда, опять отдыхъ, опять скучный и неживой разговоръ съ кѣмъ-нибудь изъ находящихся по близости, и опять дремотное поглядываніе вокругъ себя, на все давно знакомое, старое, обычное и, Боже мой, какое неинтересное!

А потомъ—шахматы со старымъ Цвѣтаевымъ.

Впрочемъ, и шахматы теперь утомляли.

Хотя игралъ Василій Петровичъ вяло, шаблонно, по заученному, не напрягая мысли, не отыскивая новыхъ комбинацій, онъ все же предпочиталъ шахматамъ карты,—легче, спокойнѣе, меньше утруждаешь голову... Играли въ козла, въ тетку, въ кончину. Старый ростовщикъ вралъ при этомъ про свои каботажныя приключенія, описывалъ пережитыя бури и крушенія, а Василій Петровичъ, стараясь не слушать, смотрѣлъ на жакетку съ вышитыми кораблями, смотрѣлъ сонно въ свои карты и вяло говорилъ:

— Я пошелъ.

Жизнь была ограничена и очерчена квадратомъ Горбатюковскаго двора.

Все, что было внѣ этого дворика, представлялось сложнымъ, труднымъ, такимъ запутаннымъ... Житейскія затрудненія, самыя рядовыя, будничныя, такія, которыя встрѣчаются на всякомъ шагу, и черезъ которыя люди каждый день переходятъ легко и просто, Василію Петровичу казались непобѣдимыми и неодолимыми. Все смущало. Все пугало. Совсѣмъ и не было гладкаго, прямого, свободнаго. Всюду тянулись высокія стѣны, крутые холмы, отвѣсы, обрывы. Все въ жизни громоздко, тревожно,

грозно. Поѣздка въ городъ озадачивала, какъ кругосвѣтное плаваніе. Каждый новый человѣкъ былъ точно цѣлое полчище людей,—и непремѣнно безпокойныхъ. Тяжелая сумятица, грубая толкотня и суматоха ожидали всюду.

Спастись отъ всего этого можно было на маленькомъ Горбатюковскомъ дворикѣ.

Здѣсь Василій Петровичъ и спасался.

XXXVII.

Царь Давидъ состарился, сталъ хирѣть, пришли въ упадокъ его силы. Чтобы ихъ поднять и чтобы оживить его увядшую душу, привели къ царю молодыхъ женщинъ. Варвара Антоновна вспоминала этотъ древній разсказъ, и ей приходило въ голову, что общество женщинъ могло бы, пожалуй, имѣть доброе вліяніе на Василія Петровича,—освѣжило бы его, пріободрило.

Мысль эта сначала показалась ей непріятной, странной и даже какою-то уродливо-неприличной.

«Что это я, что я?..»

Съ теченіемъ времени, однако, Чумакова постепенно осваивалась съ ней, и все болѣе и болѣе вѣрными и неотразимыми стали ей казаться предположенія, что только черезъ женщину и можетъ ожить душа Василія Петровича... Вовсе не нужно, чтобы былъ романъ. Вздоръ какой! Вовсе не нужно! Романа и не будетъ. А просто: присутствіе молодыхъ женщинъ, живыхъ, веселыхъ, умныхъ, освѣжитъ Василія Петровича. Разговоры съ женщинами должны имѣть счастливое вліяніе на него,—иначе быть не можетъ. Молодая жизнерадостность заразительна. Веселая бойкость и энергія не могутъ не расшевелить, не могутъ не вызывать внутренняго подъема, стремленія къ движенію, къ дѣятельности...

Женское общество всегда вдохновляюще дѣйствуетъ на мужчинъ. Оно какъ бы увеличиваетъ силы мужчины, заставляетъ мужчину внутренно подтягиваться, выпрямляться... Да, это такъ.

Къ Цвѣтаевымъ на каникулы пріѣхала молоденькая родственница, Шурочка. Когда она, случалось, прибѣгала къ Чумаковымъ,—принести свѣжей земляники, спросить, можно ли дѣдушкѣ прійти сыграть въ козла,—Василій Петровичъ смотрѣлъ на нее внимательно и ласково. На Шурочку всѣ смотрѣли внимательно и ласково: она была такъ мила и граціозна, такъ дѣтски-простодушна и весела...

Робкая округлость, обѣщавшая скорый и щедрый расцвѣтъ, уже стерла колючіе углы ея высокой, юношески-худой фигуры. Дурачливая и безпричинная смѣшливость часто смѣнялась на ея лицѣ выраженіемъ чуткой задумчивости, сосредоточенностью глубокаго, умнаго, очень серьезно относящагося къ жизни зрѣлаго человѣка... Глаза у нея были небольшіе, каріе, очень чуткіе. Брови тонкія, высоко поднятыя надъ глазами. Широкій, яркій ротъ могъ бы портить это смуглое, продолговатое и нѣжное лицо,—слишкомъ много было краснаго, чувственнаго. Но во всемъ обликѣ дѣвушки и въ выраженіи задумчивыхъ, грустныхъ, какъ бы къ отдаленнымъ звукамъ прислуживающихся глазъ было столько дѣтской невинности, столько цѣломудренной чистоты, что не будь этихъ яркихъ губъ, лицо, пожалуй, казалось бы прѣснымъ и скучноватымъ... Нѣтъ, какъ разъ кстати былъ широкій и яркій ротъ.

— До васъ пришли барышня, що съ вокзала,—докладывала, подходя къ раскрытому окошку, баба Авдотья.

Когда эта рослая, массивная, съ вѣчно раздвоенной на широкомъ заду юбкой толстоногая баба приближалась къ окну, въ комнату немедленно пробѣгалъ теплый запахъ варева,—супа, каши, жирной баранины... Авдотья доводилась теткой Никитѣ Горбатюку. Она снимала у него кухню и здѣсь готовила для дачниковъ «домашніе обѣды». И всѣ въ Бѣлой Пустоши называли ее Авдотья-обѣдница.

Отчасти по излишне-большому добродушію, отчасти оттого, что она очень плохо знала счетъ, дѣло свое Авдотья-обѣдница вела такъ, что оно доставляло ей гроши. И всѣ эти гроши она тратила на парней, которыхъ любила болѣзненно... Днемъ она очень много и тяжело работала, — какъ каторжная, «як скажена». Ночью неумѣренно предавалась любовнымъ утѣхамъ. Въ кухнѣ у нея происходили оргіи, безудержныя и несложныя... Она угощала, а парни пили и безобразничали. Сама она вина и въ ротъ не брала. Парни, случалось, заводили драки, тузили основательно другъ друга, сообща тузили и Авдотью... Парни во время драки орали, ругались, Авдотья же, когда ее били, упорно молчала, какъ молчали ухваты, которые разламывали объ ея спину...

У Авдотьи былъ мужъ, плотникъ Анисимъ, который любилъ ее и чтилъ безгранично. Но Авдотья мужа ненавидѣла и даже вспомнить о немъ не могла безъ омерзѣнія и проклятій... Она давно прогнала его... Теперь онъ жилъ въ городѣ, велъ жизнь труженическую, одинокую, аскетически-суровую, упорно

мечталъ о порѣ, когда опять пуститъ его къ себѣ Авдотья, и для этого радостнаго времени копилъ деньги, отказывая себѣ въ необходимомъ... Семь лѣтъ прошло. Изъ худой, долговязой и вертлявой молодицы Авдотья превратилась въ разбухшую, краснорожую, тяжеловѣсную бабу. Анисимъ успѣлъ и посѣдѣть, и облысѣть, сдѣлаться похожимъ на запыленную икону. А мечты о новой, лучшей жизни съ женой все не умирали и не блѣднѣли...

— Ага, которая съ вокзала!—встрепенувшись, говоритъ Василій Петровичъ.—Такъ пусть войдетъ, можно...

Шурочка войдетъ. А съ ней вмѣстѣ войдетъ,—смотря по обстоятельствамъ,—либо пестрая, бурная веселость, либо неодолимая, глубокомысленная, со смѣшнымъ граничащая дѣловитость серьезнаго подростка...

Шурочка исполнитъ данное ей порученіе: поставитъ на столъ пузатенькую вазочку съ ягодой, или справится, привезла ли Варвара Антоновна изъ города кружево, которое обѣщала купить...

Шурочка говоритъ, спрашиваетъ, возится,—а Василій Петровичъ смотритъ на нее и ласково улыбается... Пріятная она такая: свѣженькая, говорливая, а голосъ у нея, какъ если серебряной ложечкой объ стаканъ... Хорошо бы, если бы она подольше оставалась здѣсь... Да только бѣда,—говорить съ ней надо!.. А о чемъ будешь? Богъ его знаетъ... Какъ-то оно такъ... стѣснительно... трудно...

И все она распрашиваетъ и распрашиваетъ—фу-ты Господи!—все ей надо знать... Поди вотъ, хлопочи съ ней... Право же надоѣстъ... А мила!..

Исполнивъ порученіе, поговоривъ, Шурочка прощается и уходитъ. Колотятся объ узкую спину двѣ толстыя косы. И странно такъ передвигаются подъ свѣтлой блузкой плечики...

— Милая она дѣвушка!...—думаетъ Чумаковъ:—прямо даже удивительно, до чего милая...

XXXVIII.

Варвара Антоновна много говорила съ Шурочкой о Чумаковѣ, разсказывала о немъ удивительныя вещи. Объ его замѣчательномъ умѣ говорила, о необыкновенной мягкости и добротѣ его сердца, объ его разносторонней талантливости.

Разсказывала объ изобрѣтенной имъ системѣ шлюзовъ, о

томъ, какъ восхищались этимъ изобрѣтеніемъ знатоки, и какую большую будущность предсказывали и этимъ шлюзамъ, и самому изобрѣтателю. Варвара Антоновна даже остатки модели показала: колеса, цѣпи, бадьи и что-то вродѣ очень широкихъ и низенькихъ желѣзныхъ воротъ. Собрать все это вмѣстѣ, привести въ согласіе дѣйствіе отдѣльныхъ частей, вотъ это колесико замѣнить другимъ, чуть-чуть большимъ, а вмѣсто мѣднаго рычага придѣлать мѣдный же поршень, и готово!..

Потомъ Варвара Антоновна разсказала о томъ, какъ радостно была принята редакціей статья Василія Петровича, и какъ нетерпѣливо ожидали сотрудники и редакторъ — самъ редакторъ!—продолженія.

Красокъ Варвара Антоновна для разсказовъ не жалѣла, сильно все преувеличивала, часто говорила о томъ, чего и вовсе не было... И трудно было бы сказать: дѣлаетъ она это умышленно, сознательно, съ опредѣленной и тайной цѣлью, или это само собой такъ пышно и цвѣтисто выходитъ у нея, просто оттого, что переполнено сердце...

Въ ея разсказахъ Чумаковъ выступалъ человѣкомъ необыкновеннымъ, исключительнымъ. Талантами онъ одаренъ былъ разнообразными и очень цѣнными. Шурочка слушала, слушала со всѣмъ вниманіемъ и чуткостью довѣрчивой юной души... На нее, жительницу темнаго, провинціальнаго городка, мало видавшую, мало знавшую, разсказы Варвары Антоновны производили очень сильное впечатлѣніе... Что ни похвала Василію Петровичу, то и врѣзывается новая полоса въ молодомъ сердцѣ... И уже не уйдетъ полоса...

Еще тамъ, у себя дома, въ этомъ маленькомъ, мертвомъ городкѣ, Шурочка часто думала о знаменитыхъ людяхъ и жадно мечтала увидѣть ихъ. Какіе они, эти знаменитые люди? Какъ они смотрятъ, какъ говорятъ, ходятъ?... Вотъ, должно быть, интересно! Ахъ, полжизни отдала бы она, чтобы увидѣть Толстого. Или Эдиссона. Или Ивана Могучаго, который такъ замѣчательно благородно пишетъ въ «Нашей Копейкѣ» про женщинъ и женское безправіе...

Боже мой, какъ счастливы дѣвушки, которыя живутъ въ большихъ городахъ! Прямо на улицѣ могутъ встрѣтить знаменитаго человѣка...

Изъ словъ Варвары Антоновны было ясно, что знаменитымъ Василій Петровичъ не сдѣлался только потому, что помѣшала болѣзнь. А если бы онъ поработалъ, еще даже и теперь, онъ легко могъ бы добиться извѣстности и блестящаго

положенія на какомъ угодно поприщѣ. Хотя бы и въ литературѣ.

— Вы знаете, Шурочка: онъ однажды написалъ разсказъ и послалъ... Тутъ Варвара Антоновна назвала одно очень большое писательское имя.

... — И тотъ отвѣтилъ Васѣ, что давно не читалъ такихъ талантливыхъ вещей, и особенно, чтобы это начинающій такъ писалъ...

— Ну и что же?!... — взволнованно спрашиваетъ Шурочка.—И что же? напечатанъ этотъ разсказъ?

Тѣло дѣвушки подается впередъ... Вся она — нетерпѣніе, порывъ, трепетное ожиданіе... Темныя брови подняты высоко надъ глазами. Глаза смотрятъ напряженно, тревожно и какъ бы прислушиваются къ отдаленной, едва уловимой, сладостно-волнующей музыкѣ...

Варвара Антоновна качаетъ головой.

— Не напечатанъ... Потому что, видите ли, надо было еще отдѣлать. Пустяки тамъ, только въ слогѣ... Но Василій Петровичъ не любитъ копаться...

Шурочка вскакиваетъ, глаза ея загораются рѣзкимъ укоромъ.

— Ахъ, Боже мой, но какъ же вы, Варвара Антоновна, могли допустить, чтобы такой разсказъ остался незаконченнымъ!

Варвара Антоновна смотритъ въ сторону.

Она смотритъ въ сторону, потому что на лицѣ ея гнѣвъ. Эта дѣвчонка будетъ ее учить!.. Эта дѣвчонка будетъ ее упрекать за то, что для Василія Петровича что-то не сдѣлано!

Варвара Антоновна вся закипаетъ... Чувство, похожее на презрѣніе, является въ ея душѣ... Но чувство это надо въ себѣ подавить... Во всякомъ случаѣ, чувство это нельзя высказать. Шурочка нужна! Шурочка нужна для Василія Петровича. И потому Шурочку надо прощать, и надо отъ нея терпѣть.

Хорошо было бы, если бы, кромѣ Шурочки, были здѣсь другія женщины. Это было бы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и лучше. Романа съ Шурочкой у Василія Петровича не выйдетъ, а все-таки было бы хорошо, если бы вниманіе его отвлекалось и другими женщинами. Но какъ сдѣлать? Изъ города знакомыхъ не затащить,—окончательно оторвались отъ нихъ,—а въ Бѣлой Пустоши, среди дачниковъ, Чумаковы никого не знали...

Чтобы завести и поддерживать новыя знакомства, нужно время, нуженъ случай, нужна соотвѣтствующая обстановка.

Всего этого у Варвары Антоновны не было. И потому ходила къ Чумаковымъ одна только Шурочка.

Шурочка Василіемъ Петровичемъ была заинтересована до того, что прибѣгала по нѣскольку разъ въ день. Придетъ, заведетъ разговоръ,—разговору конца не видно... А если Василій Петровичъ ужъ очень вялъ, до того, что бесѣдѣ не наладиться, Шурочка сидитъ молча. Сидитъ и украдкой, сбоку, выжидающе смотритъ на Василія Петровича. Вотъ онъ что-нибудь скажетъ... вотъ что-нибудь сдѣлаетъ... Ахъ, если бы онъ согласился прочитать хоть чуточку, хоть капельку, хоть одну единственную строчечку изъ этого своего разсказа, который хотѣли напечатать!.. Ахъ, Боже мой!..

XXXIX.

Василій Петровичъ пошелъ въ цирюльню и остригся,—какъ когда то,—ежикомъ. Подстригъ бородку и даже велѣлъ завить усы...

Варвара Антоновна чаще мѣняла его косоворотки,—и онъ не протестовалъ. Раньше же всегда сердился и ворчалъ, когда подавали ему свѣже выглаженную рубашку.

— Къ чему франтовство!.. Расходъ... Да и стѣсняетъ, если рубашка такая чистая, все боишься помять или запачкать...

Когда Шурочка приходила, Василій Петровичъ веселѣлъ, глаза его зажигались ласковымъ блескомъ. У него являлось желаніе подняться, пройтись, отправиться съ дѣвушкой на прогулку въ лѣсъ, или пойти кататься на лодкѣ по пруду... Онъ не поднимался, оставался на мѣстѣ, на заваленкѣ, передъ огородомъ, или въ комнатѣ на кушеткѣ... Но легкость онъ чувствовалъ въ себѣ необычную,—вотъ возьметъ и пойдетъ...

Онъ охотно слушалъ болтовню Шурочки,—и случалось, говорилъ съ ней довольно оживленно. Юная, бойкая, шумливая, вся изъ какихъ-то особенно упругихъ пружинъ, до краевъ наполненная искрами и сверканіемъ, непосѣда—Шурочка рѣдко оставалась неподвижной: то болтаетъ ногами, то вскакиваетъ и перебѣгаетъ на другое мѣсто, то закидываетъ обѣ руки назадъ, къ себѣ подъ голову, и громко причмокивая, ритмически раскачиваетъ торсомъ... Василій Петровичъ слѣдитъ за всѣми ея неожиданными, порывистыми движеніями,—и какія-то сочувственныя волны проходятъ по его грузному, рыхлому, въѣвшемуся въ стулъ тѣлу. Не подняться ли и самому?

Со старикомъ Цвѣтаевымъ онъ больше въ козла и тетку не игралъ,—неловко въ бабьи игры!—игралъ въ шахматы. Игралъ особенно вдумчиво, стараясь во что бы то ни стало выиграть. И когда выигрывалъ—поглядывалъ на Шурочку побѣдно.

Варвара Антоновна замѣтила, что мужъ рѣже зѣваетъ теперь, а когда и зѣваетъ, то не такъ громко взвизгиваетъ. Сдерживается. А можетъ быть самъ собой ушелъ этотъ визгъ, тоненькій такой, извилистый, похожій на поросячій... Василій Петровичъ внимательно расчесывалъ свою золотистую бородку, каждый день бралъ чистый носовой платокъ, а старыя калоши вмѣсто туфель надѣвалъ только поутру рано, когда Шурочка быть еще не могла.

Онъ прочитывалъ газету, почти всю, и случалось, пускался въ обсужденіе читаннаго. Высказывалъ свои соображенія насчетъ того, что дѣлается въ государственной думѣ, говорилъ и объ иностранной политикѣ, или о чемъ-нибудь научномъ, объ авіаціи и волжскихъ теплоходахъ. Часто, въ присутствіи Шурочки, развивалъ свои взгляды на то, что въ данный моментъ всего нужнѣе Россіи... Взгляды были лежалые, весьма элементарные,—пахло отъ нихъ ветошью и кладовой,—вѣдь какъ отъ всего отсталъ!—Но Шурочка этого не знала. Она слушала съ огромнымъ вниманіемъ и почтительно. Всѣ пружины въ ней свертывались, замирали, замирала она сама, и казалось: все, что говоритъ этотъ человѣкъ—уй-уй-уй какъ удивительно!..

Василій Петровичъ замѣчалъ, что поражаетъ дѣвушку. Это нѣсколько забавляло его, какъ будто и смѣшило, но это и поднимало его духъ... Хоть и трудно было ему, обременительно, но онъ все больше и больше подтягивался, выпрямлялся и старался быть умнымъ и оригинальнымъ...

«Чтобы ее сразить, не надо быть Аристотелемъ»,—съ легкой усмѣшкой думалъ онъ.

Онъ иронически относился и къ дѣвушкѣ, и къ самому себѣ, и къ тому, что дѣвушку «поражаетъ». Но иронизируя, онъ все таки старался нравиться Шурочкѣ и стремился къ тому, чтобы производить на нее впечатлѣніе очень умнаго, дальновиднаго и оригинальнаго человѣка... Легче всего было ему говорить старыми словами, гарцовать на знакомыхъ прирученныхъ конькахъ и привычными выраженіями осуждать нескладицу и неустройство русской жизни. Это онъ и дѣлалъ.

— Взять хотя бы эту нашу Бѣлую Пустошь...

И начинается.

Нѣтъ у крестьянъ энергіи, предпріимчивости, гражданскихъ

чувствъ. Если бы эта Бѣлая Пустошь была въ рукахъ нѣмцевъ, чего бы, чего не натворили тутъ господа Михели!.. Этакій чудесный лѣсъ, этакая красивая мѣстность. Да одинъ Ларіоновскій источникъ чего стоитъ! Непремѣнно бы нѣмцы устроили здѣсь первоклассную санаторію, курзалъ, театръ, и стали бы сюда съѣзжаться люди со всего свѣта. Устроили бы отличныя дороги, электрическое освѣщеніе, циклодромъ, завели бы на пруду пароходики, построили бы рыбный заводъ... Русскіе же ничего не сумѣли сдѣлать. Крестьяне здѣшніе ни къ чему не пригодны. Нѣтъ у нихъ ни малѣйшей солидарности. Если «не мое», то и чортъ съ нимъ: давай уничтожу, растаскаю, растопчу. О завтрашнемъ днѣ никто не думаетъ. Оттого не сумѣли организовать и пожарную дружину. Оттого не столкуются никакъ, чтобы вымостить базаръ и спускъ къ пруду. Оттого въ пруду уничтожили всю рыбу. Вѣдь это чудовищно. Выдумали заработать сразу и нашвыряли въ прудъ кукельвану и отравили всю рыбу. Отравленной рыбы, которую выбросило на поверхность, набрали сразу полныя корзины и дѣйствительно заработали много. Но рыбу погубили. Теперь рыбы нѣтъ совсѣмъ, и хоть пять рублей за самаго паршиваго карася плати—не достанешь карася.

— Эхъ, засяду-ка я, да все это напишу, изображу все какъ слѣдуетъ!—неожиданно для самого себѣ заключилъ Чумаковъ.

...Варвара Антоновна со сложнымъ чувствомъ смотрѣла теперь на мужа. Въ этомъ чувствѣ была и великая радость, и темный, противный страхъ... Веселѣе, бодрѣе, живѣе сталъ Василій Петровичъ, это прекрасно. Но что, если... если...

До конца додумать было страшно.

Но она подавляла въ себѣ и страхъ.

Что жъ... если...

Если въ самомъ дѣлѣ суждено... если это нужно... необходимо...

Если иного выхода нѣтъ.,.

Если съ ней Василій Петровичъ можетъ только влачить грустное, сонное, безполезное прозябаніе, а на жизнь настоящую, полную и разумную можетъ вдохновить та... другая...

...Высохшей рукой Варвара Антоновна торопливо и молча крестилась. Рука дрожитъ, и дрожитъ, замирая, сердце... Какъ будто въ очень холодную воду погрузили сердце...

Превозмогая себя, Варвара Антоновна говорила:

— Какія у Шурочки косы!.. Нѣтъ, Вася, ты возьми въ руки, какія тяжелыя.

Онъ бралъ въ руки... Взвѣшивалъ, раскачивая, толстыя косы, отъ которыхъ пахло такъ молодо... Выраженіе нѣжнаго оживленія появлялось на его оплывшемъ лицѣ. Глаза щурились... Юная, крѣпкая сила пробѣгала изъ тѣла дѣвушки и, протекая черезъ косы, стремительной искрой продергивала неподвижную фигуру Чумакова.

Но искра входила, искра выходила,—и снова обмякшимъ, вялымъ и дряблымъ оставался этотъ человѣкъ...

Къ поднимавшей душу радости при мысли о новой встрѣчѣ съ Шурочкой примѣшивались всегда безпокойныя и утомляющія размышленія о томъ, что вотъ одѣться надо, пиджакъ надѣть надо, галстухъ завязать надо... И со старикомъ Цвѣтаевымъ не въ козла, а непремѣнно въ шахматы надо,—напрягай голову, когда настолько проще и легче въ тетку или въ козла...

Одновременно и рядомъ, касаясь боками, это шло: обновляющая бодрящая радость, и утомительныя хлопоты, которыя раздражали и вызывали досаду...

— Насколько бы, однако, спокойнѣе, если бы безъ всякихъ этакихъ тутъ дѣвицъ!.. Право спокойнѣе бы...

XL.

Августъ былъ знойный.

Солнце знало, что на долгіе мѣсяцы потеряетъ власть надъ землей, и оттого, пользуясь остававшимися немногими днями, обдавало землю морями палящихъ лучей. Задыхались въ огнѣ укоротившіеся дни, и даже утра были жаркія, даже ночи были душныя. Не освѣжала зелень, разогрѣтая и полуувядшая, не посылалъ прохлады бѣдный прудъ, на половину высохшій и теплый, какъ тѣло... Все въ природѣ подавлено было душной сухостью отвердѣлой земли, вобравшей за день неисчислимыя бездны солнечнаго огня... Томились люди, томились животныя. Властный зной вливался въ кровь, поражалъ тѣла вялостью и безсиліемъ, а воображенію, спутаннымъ грезамъ давалъ окраску томную, чувственную, пряную... Что то словно приносилось съ далекаго Востока,—отъ ковровой пестроты его, отъ удушливой страстности его пышнотѣлыхъ одалисокъ и сладкой изнѣженности ихъ усталыхъ движеній,—приносилось и покоряло.

Вечеромъ Чумаковы пили чай на дворѣ, около огорода. Обильно полили передъ хатой, и въ темномъ пахучемъ пятнѣ мокрой земли поставили столъ и табуретки.

Садилось солнце. Лиловыя тѣни покрывали дворикъ и огородъ, и, какъ во время пожара, желтымъ и огненно-краснымъ сверкала земля и стѣны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣней не было. Теплота шла отъ земли, отъ бѣлыхъ стѣнъ хаты, отъ взъерошенной соломы темной крыши. Хорошо теперь сидѣть съ растегнутымъ воротомъ, съ растегнутыми въ поясѣ штанами и въ туфляхъ на босу ногу! Сидѣть молча, и молча пить чай изъ блюдечка...

Но должна была прійти Шурочка, и оттого на Василіи Петровичѣ были желтыя, аккуратно зашнурованныя туфли,—не комнатныя безъ задковъ, а выходныя, съ каблуками,—и свѣже выглаженная, голубая косоворотка, перехваченная въ поясѣ шелковымъ, темно-синимъ шнуромъ. Голубое Василію Петровичу шло.

И шнуръ, и туфли стѣсняли, давили тѣло... А духъ давила мысль, что, когда придетъ Шурочка, надо будетъ разговаривать... Да еще о такомъ разговаривать, что дѣвушкѣ было бы интересно... Ищи, вотъ, тему,—ахъ, Господи!..

— Налей мнѣ еще чаю, Варя,—попросилъ Чумаковъ.

— Ты уже выпилъ полтора стакана, нельзя тебѣ столько жидкости.

На лицѣ Василія Петровича появилась гримаса.

— «Нельзя»... Надоѣло мнѣ все это!.. У меня сильная жажда, пожалуйста налей.

Онъ пилъ чай, въ прикуску, дуя въ блюдце. Мутныя капли пота стояли на его лбу и на широкихъ щекахъ. Онъ вытиралъ потъ и пальцами—указательнымъ и среднимъ—оттягивалъ отъ шеи прилипавшій къ ней воротникъ рубашки... Чортъ бы подралъ рубашку. Хуже корсета. Снять, къ чорту, что ли...

Такъ пріятна была мысль, что придетъ сейчасъ Шурочка... Но вотъ, изъ за Шурочки надо придумывать для разговора тему...

...Тема, когда Шурочка пришла, была, однако, найдена довольно скоро, и даже безъ усилій.

Василій Петровичъ заговорилъ о себѣ, о своей непригодности къ жизни, сталъ бичевать себя за праздность, за лѣнь и безволіе.

Да, конечно, онъ заболѣлъ. Онъ неврастеникъ. У него ушибленъ волевой центръ. Но развѣ такъ-таки и въ самомъ дѣлѣ нельзя было побѣдить болѣзнь? Можно было! и должно было...

Да, собственно, болѣзнь и была побѣждена. Но вотъ: онъ опустился, распустился, испугался жизни и отъ жизни спрятался. Онъ ничего не дѣлаетъ, годъ за годомъ ничего не дѣлаетъ, а по стариковски кряхтитъ, стонетъ, жмется, нудно возится со своей ни для чего ненужной персоной и заѣдаетъ чужую жизнь.

— Конечно, заѣдаю чужую жизнь!—съ горькой настойчивостью отчеканилъ онъ.—Я говорю это прямо и открыто. И ты, Варвара Антоновна, меня не останавливай. И не оправдывай меня. Какія тутъ могутъ быть оправданія?

Онъ, не торопясь, положилъ въ чай варенія, помѣшалъ ложечкой и облизалъ ложечку изнутри и снаружи. Ноги его, въ туго завязанныхъ туфляхъ, ныли и горѣли и казались ему разбухшими, огромными, какъ вотъ этотъ самоваръ.

Солнца уже не было. Быстро темнѣло. Точно хлынулъ изъ какого-то невѣдомаго и бездоннаго бассейна теплый мракъ, и все приливалъ, и все сгущался. Стебли и листья картофеля были такого же цвѣта, какъ и земля, земля приняла окраску крыши. Только стѣны хатъ еще отсвѣчивали бѣлесоватымъ. Влѣво отъ огорода, въ широкомъ, близко къ землѣ поставленномъ окнѣ кухни, гдѣ жила Авдотья-обѣдница, появился желтовый ламповый свѣтъ. Широкимъ полотенцемъ развернулся онъ по грядкамъ картофеля. На сосѣднихъ грядкахъ отъ этого вдругъ сдѣлалось темнѣе...

«Что это?.. Какъ будто кольнуло въ боку?»—промелькнуло вдругъ у Чумакова...

Онъ поставилъ на столъ блюдце и приложилъ къ своему боку пятерню...

Нѣтъ, ничего... Не колетъ... Показалось...

Василій Петровичъ продолжалъ свои разсужденія. Да, онъ бездѣльничаетъ. И бездѣльничаютъ, въ сущности, всѣ вокругъ него. Если и работаютъ, то работаютъ изъ подъ кнута, безъ любви, безъ вдохновенія, безъ вѣры, безъ уваженія къ своему труду. А развѣ это не значитъ, что и эти работающіе—бездѣльники?.. Всѣ похожи на него. А въ немъ только погуще собрались черты, обильно разсыпанныя по другимъ россіянамъ. И другіе, какъ и онъ, лѣнивы, дряблы, вялы, запуганы, лишены бодрости, предпріимчивости, выдержки, твердости, веселаго увлеченія трудомъ, и труда никто не любитъ! Всѣ склонны сваливать работу на другого. «Моя хата съ краю». Бредутъ врозь. Гдѣ у насъ иниціатива, сознаніе общественнаго интереса, глубокое и сильное чувство гражданственности? Бодро и энергично дѣйствуютъ, кажется, только казнокрады и хапуги. А люди по-

рядочные, если что и дѣлаютъ, то дѣлаютъ какъ-нибудь, спустя рукава, приблизительно, лишь бы отвязаться, тяпъ-ляпъ. Молъ, на мой вѣкъ хватитъ. А не хватитъ, то къ чорту и меня... Всѣ корыстны, мелко-честолюбивы. Объ интересѣ общественномъ, о государственномъ думаетъ одинъ человѣкъ на тысячу, на милліонъ, и если примется онъ что-нибудь дѣлать, то выходитъ такое, что не глядѣли бы глаза!.. Силы у людей есть, да еще какія! А въ результатѣ? Взять, напримѣръ, хоть этого самаго Никиту Горбатюка...

— Да, Шурочка, онъ же родной братъ мой!—смѣясь сказалъ Чумаковъ.—Какъ двѣ капли воды на меня похожъ! Я свою праздность и свое стремленіе къ праздности сваливаю на какую-то тамъ неврастенію. Никита безобразничаетъ, пьетъ, не работаетъ а шляется, оттого что онъ «не экзаменованный... Хороши! Оба мы одинаково хороши.

XLI.

— Василій Петровичъ!—вскрикнула Шурочка, всплеснувъ руками.—Какъ вамъ только не грѣшно, Василій Петровичъ!

Въ голосѣ дѣвушки слышалась горькая обида и огромное недоумѣніе.

Въ тепломъ ночномъ сумракѣ онъ прозвенѣлъ остро и болѣзненно, какъ крикъ птицы, замѣтившей, что къ ея гнѣзду съ птенцами подходитъ врагъ...

Варвара Антоновна сидѣла у самовара и молчала.

— Я не понимаю!..—взволнованно говорила Шурочка.—Какъ вы, Василій Петровичъ, можете говорить такія... такое... такія слова!.. Вы, вы,—такой умный, необыкновенный... такой талантливый...

Василій Петровичъ поднялъ голову... Теперь недоумѣніе изобразилось уже и на его лицѣ, широкомъ, припухшемъ.

— Талантливый?.. Я?..

— Ну да, вы, конечно!—поспѣшно, глотая слова, возбужденная, почти оскорбленная, почти разгнѣванная, вскричала Шурочка.—Конечно, вы талантливый... Вы изобрѣтатель... Вы изобрѣли шлюзы... Я вѣдь знаю, я видѣла модель, Варвара Антоновна показывала мнѣ... Вѣдь это необыкновенныя шлюзы, и всѣ инженеры были въ восторгѣ, они поражались. Только чуточку закончить надо .. И потомъ, вы вѣдь писатель, поэтъ...

и все! И кажется, другой на вашемъ мѣстѣ... кажется, я бы на вашемъ мѣстѣ...

Это возмутительно! Это ужасно!.. Ну если онъ не Левъ Толстой, то во всякомъ случаѣ онъ въ милліонъ сто тысячъ разъ выше и геніальнѣе, чѣмъ этотъ Иванъ Могучій, который пишетъ въ газетѣ... И такой человѣкъ бранитъ себя, сравниваетъ себя съ Никитой Горбатюкомъ, называетъ себя бездѣльникомъ, ни къ чему не пригоднымъ дармоѣдомъ!..

Шурочка была взволнована, оскорблена. Мысли такъ и бились и кипѣли въ ея семнадцатилѣтней головѣ. Такъ много надо было сейчасъ сказать и объяснить. Но слова спотыкались, путались въ сумятицѣ, наваливались одно на другое, и какими то обломанными и пустыми, невыразительными падали въ черную пустоту ночи... Ламповый свѣтъ изъ кухоннаго окна, пробѣгая черезъ огородъ, ложился на лицо дѣвушки желтоватыми отблесками. Варвара Антоновна, скрытая самоваромъ, поглядывала на это лицо съ тревожной и враждебной хмуростью... Безумной, дикой и даже глубоко-неприличной казалась теперь Варварѣ Антоновнѣ эта мысль ея—близостью молодой дѣвушки поднять коченѣвшій духъ мужа... Все сама придумала, все сама настойчиво и послѣдовательно устраивала, и радовалась, что дѣло налаживается... А теперь полна была скорби, негодованія и страха, и дѣлала надъ собой усилія, чтобы не вскочить и не осыпать Шуру грубыми оскорбленіями...

Течетъ и течетъ изъ невѣдомаго источника тьма. Уже не разглядѣть и близкихъ предметовъ. Со станціи доносится свистокъ. Еще только одинъ поѣздъ будетъ въ городъ, — черезъ часъ... Потомъ сообщеніе прервется до утра... Душно... Подсолнухи издаютъ маслянистый клейкій ароматъ и къ нему примѣшивается тяжелый запахъ отъ близкаго сарайчика, гдѣ живетъ свинья... Варвара Антоновна зажгла лампу.

— Что жъ, пожалуй, что и такъ, я, пожалуй, даже талантливъ,—задумчиво сказалъ Василій Петровичъ, оттягивая пальцами стѣснявшій потную шею воротникъ рубашки. — Въ чемъ угодно можете меня обвинять, но никакъ не въ хвастовствѣ. Не хвастунъ! И вотъ, однако, говорю прямо: человѣкъ я способный... Можетъ быть, и даровитый... Я могъ бы кое-что сдѣлать... Можетъ быть, даже не малое... А между тѣмъ, посмотрите: живой трупъ!.. Всѣ мои способности идутъ къ чорту... Да... А способности и силы Никиты Горбатюка тоже къ чорту идутъ. Гибнутъ самымъ нелѣпымъ и безсмысленнымъ образомъ...

Эхъ, отчего я не нѣмецъ! не французъ! — воскликнулъ вдругъ Чумаковъ, тяжело заворочавъ подъ столомъ толстыми ногами.

Ноги горѣли и ныли и, казалось, разбухали все сильнѣе. Какъ боченокъ, была каждая нога... «Чортъ ихъ знаетъ, если бы какъ-нибудь незамѣтно развязать подъ столомъ шнурки на туфляхъ»...

— Когда я еще былъ на первомъ курсѣ, я попалъ заграницу, — сказалъ Чумаковъ, пересаживаясь съ табурета на скамью: — и прожилъ довольно долго во Франціи, у шурина — доктора. Насмотрѣлся тамъ разнаго... знаете... Съ самаго ранняго дѣтства внушаютъ человѣку огромное уваженіе къ труду! Трудъ боготворятъ! Всѣ радости отъ труда, всѣ побѣды, а несчастья и неудачи отъ праздности. Да. Хотите вы сильно оскорбить француза,—скажите ему «fainéant», бездѣльникъ! Для француза это такъ же оскорбительно и тяжко, какъ для нашего брата, если скажутъ намъ, ну напримѣръ, шпикъ, что ли, или продавецъ живого товара... И наоборотъ: величайшій комплиментъ, какой вы можете сдѣлать французу, это сказать ему «laborieux»... Да, laborieux... Вы замѣтьте, въ некрологахъ знаменитостей, въ юбилейныхъ или надгробныхъ рѣчахъ, всегда особенно выдѣляютъ, что, молъ, юбиляръ или покойникъ былъ laborieux, travailleur acharné — работяга... Идетъ ли рѣчь объ Эмилѣ Зола, о Пастэрѣ, о Гамбеттѣ, о Пювисъ-де-Шаванѣ, о Масснэ, о Саррѣ Бернаръ, — всегда на первомъ планѣ не талантъ, не геніальность, а вотъ это именно: «travailleur acharné»... За это хвалятъ и чтутъ, за это родина благодаритъ и ставитъ памятники... У насъ съ умиленіемъ говорятъ: «о, онъ очень способный, очень, но, знаете ли, лѣнтяй»... Мило этакъ, нѣжно произносятъ: «лѣнтяй»... Французъ, крестьянинъ, ему уже восьмой десятокъ идетъ, онъ капиталистъ, у него на полъ-милліона франковъ состоянія, а онъ десять часовъ въ сутки какъ волъ работаетъ, землю на спинѣ переноситъ на свой виноградникъ,— съ подножія на самую верхушку холма. Дождемъ землю смоетъ, а онъ ее снизу на самую верхушку. И отчего же это? Изъ жадности, думаете?.. Да, пожалуй, есть и это, есть и жадность. Но главнымъ образомъ, работаетъ онъ оттого, что не работать онъ не можетъ. Скучно ему, тоскливо безъ работы, тошно ему... Не можетъ онъ не работать, какъ воробей не можетъ не порхать съ мѣста на мѣсто... И потомъ, не работать, значитъ быть fainéant. А fainéant—это хуже поджигателя и браконьера... И посмотрите же, какъ французы работаютъ и сколько они производятъ! Одинъ сработаетъ столько, что русскихъ надо пол-

сотни. Тоже у нѣмцевъ. И оттого у нихъ тамъ культура такъ и прётъ, такъ и горланитъ о себѣ на каждомъ шагу. Порядокъ, гигіена, удобства, комфортъ, удивительная во всемъ осмысленность... Благоустройство и внѣшнее и внутреннее... У всѣхъ сознаніе своего достоинства, осторожное обращеніе съ достоинствомъ другого... Чувствуешь себя свободнымъ. Жизнь пріятная, истинно культурная... Да что,—вѣдь коровники электричествомъ освѣщаются, вѣдь на крышахъ сады развели... Да. А у насъ?.. Цѣлое лѣто смердитъ тутъ намъ всѣмъ подъ носомъ свинья въ сарайчикѣ, а мы съ Никитой не догадаемся и не соберемся перенести сарайчикъ на сто шаговъ подальше, вонъ къ тому плетню... Оттого, изволите ли видѣть, что покорнѣйшій слуга вашъ — неврастеникъ, больной человѣкъ, испугался жизни, а Горбатюкъ Никита—онъ «не экзаменованный»... Вотъ сейчасъ придетъ Никита домой, пьяный звѣрски, и звѣрски станетъ избивать свою законную гемалинъ. На это онъ, видно, «экзаменованный»...

Василій Петровичъ причмокнулъ языкомъ и погладилъ свою остриженную ежомъ голову—сзади напередъ.

— Вотъ... Вотъ оно какіе мы, и какіе они... И однакоже, скажу я вамъ, посмотрите, какой удивительный выходитъ фокусъ: нѣмецъ, если взять каждаго въ отдѣльности—въ рожу ему плюнуть хочется, до того, въ сущности, противенъ: сухъ, расчетливъ, эгоистиченъ, прозаиченъ, надутъ, жаденъ, кичливъ. Жизнь же въ фатерландѣ—ничего, весьма и весьма неплохая... У насъ въ Россіи, что ни человѣкъ—милѣйшая душа, расцѣловать его... А гадостей милѣйшая душа надѣлаетъ милліонъ,—и другимъ, и себѣ самому въ первую же голову,—и жизнь въ странѣ своей устроилъ такъ, что вѣшаться надо.

Василій Петровичъ замолчалъ. Сложилъ на столѣ руки и тяжело навалился грудью на столъ. Стаканы и самоваръ, отъ толчка, зашатались. Съ чайника на самоваръ сползла и упала въ полоскательницу накрывавшая его, вчетверо сложенная синенькая салфетка...

Больше уже не темнѣло. Чернота насытила воздухъ, и внѣ полосы свѣта, лившагося изъ окна кухни, ничего нельзя было разглядѣть. Но прохлады ночь не приносила. Какъ и съ вечера, было душно, и сильно разогрѣтый воздухъ не текъ, а стоялъ недвижно, густой и сухой.

XLII.

Шурочка, откинувъ назадъ голову, смотрѣла на Василія Петровича. Она смотрѣла на него съ восхищеніемъ, съ тѣмъ выраженіемъ безмѣрнаго обожанія, наивнаго, свѣтлаго восторга, съ какимъ могутъ смотрѣть только дѣвушки, да и то, если имъ не больше семнадцати лѣтъ, да и то, если онѣ стоятъ у порога своей первой любви.

«Какой человѣкъ!.. Все, все онъ понимаетъ... И какъ онъ строгъ къ себѣ. И какъ глубоко онъ страдаетъ!..»

Шурочкѣ доводилось слышать — слышать и читать — что женщины могутъ имѣть огромное и счастливое вліяніе на мужчинъ... Бываютъ случаи, когда мужчина поднимается, перерождается, воскресаетъ духомъ отъ встрѣчи съ женщиной... Боже мой! Если бы она могла воскресить Василія Петровича!..

Она давно и тайно, стыдясь ея и ею упиваясь, носила въ себѣ такую мысль: поднять, облагородить, переродить кого-нибудь павшаго и запутавшагося... Пусть будетъ и преступникъ— даже лучше, если преступникъ, если самый ужасный преступникъ. Только основа пусть будетъ въ немъ добрая. Она открыла бы эту основу подъ самой страшной корой порока и преступности и показала бы ее людямъ... Она не жалѣла бы своихъ силъ, не щадила бы себя, не испугалась бы и самой тяжкой работы. Она вся съ головой ушла бы въ такую работу, и всю, всю себя отдала бы за то, чтобъ кого-нибудь спасти.

«Кого-нибудь...» Здѣсь же, и теперь, представлялся случай спасти не «кого-нибудь», а такого человѣка, какъ Василій Петровичъ!..

Конечно, она глупая, она необразованная, она ничего не знаетъ, не понимаетъ, она жалкая, ничтожная дѣвчонка изъ противнаго маленькаго городка, она недостойна Василія Петровича, недостойна подавать ему сапоги, и не заслуживаетъ быть у него на посылкахъ, быть рабой его... Но она знаетъ, что вѣдь вотъ: веселѣетъ всегда Василій Петровичъ въ ея присутствіи, оживляется, подбадривается. Она и сама это замѣчала, и не разъ говорила это Варвара Антоновна...

— Ахъ!..

Точно подъ ледяной водопадъ поставили вдругъ дѣвушку: «Варвара Антоновна»...

Ну да, вѣдь есть Варвара Антоновна... жена.

Вѣдь есть жена!..

Какъ же смѣетъ она думать о Василіи Петровичѣ?:

Какъ смѣетъ она мечтать о человѣкѣ, который принадлежитъ другой?

О, какая она гадкая, ужасная!.. Какая она безнравственная, грязная, подлая...

Подлая, подлая!

Шурочка вскочила. Тонкія брови высоко поднялись надъ глазами. Грудь подъ бѣлой блузкой дышала часто и какъ-то нервно, — точно разныхъ величинъ тяжести приподнимала: то пудъ, то пять фунтовъ, то опять пуда два... Пониже шеи, слегка открытой, приколотъ былъ небольшой красненькій цвѣточекъ. Онъ алѣлъ просто и добродушно, какъ будто ничего особеннаго не случилось.

Варвара Антоновна тоже привстала. Она хмуро смотрѣла на Шурочку, на нѣжное, полудѣтское лицо... И никогда еще не чувствовала она себя такой старой, такой изношенной, некрасивой, неинтересной...

Съ большой отчетливостью, какъ если бы стояло передъ ней хорошее зеркало, она видѣла свое сухое, желтое и морщинистое лицо, свой странно удлинившійся за послѣдній годъ носъ, свои сизоватыя губы, и эту старую шею, на которой даже кадыкъ какъ будто намѣчался... Волосы у нея были чудесные, густые, длинные, и она носила красивую прическу въ видѣ короны. Но въ эту минуту Варвара Антоновна понимала, что прическа не украшаетъ ее, что смѣшна и нелѣпа эта щегольская прическа у такой увядшей, сухонькой, кривобровой, морщинистой женщины... Чувство женщины было въ ней уязвлено глубоко, и темные глаза ея выражали страданіе и злобу...

— Вотъ и спасибо, Шурочка! А безъ васъ мы, видите ли, и не знали, что Василій Петровичъ человѣкъ талантливый...

Слова эти сказаны были такимъ тономъ и сопровождались такой ужимкой, что всѣ они превратились въ камни. Тяжелые и холодные, камни грузно упали на узенькія плечи Шурочки, и Шурочка даже нагнулась и зашаталась...

— Удивительную Америку вы намъ открыли, Шурочка!

Дикимъ, безразсуднымъ, бенравственнымъ и глубоко-нечистымъ казался теперь Варварѣ Антоновнѣ ея планъ—сблизить Шурочку съ Василіемъ Петровичемъ. Плакать и кричать хотѣлось ей отъ боли. Ее мучила ревность, ее давилъ страхъ, а дѣвушку она ненавидѣла съ силой, отъ которой чувствовала удушье и озвѣрѣніе...

«Ступайте, откуда пришли»—родилось въ сердцѣ Варвары Антоновны.

И уже сошли эти слова на языкъ. Но что-то сдерживало еще Чумакову, и она помолчала.

Шурочка же, сложивъ обѣ ладони на груди, подъ самой шеей, печально и недоумѣвающе оглядѣла Василія Петровича, оглядѣла Варвару Антоновну и медленно, точно связанная, отошла въ сторону... Шагнула разъ, шагнула другой разъ, — и вотъ, въ темнотѣ ея уже не видно...

Слышался сухой шорохъ картофельныхъ листьевъ, которые дѣвушка зацѣпляла юбкой, да стоялъ еще какой-то другой звукъ, протяжный, печальный... Можетъ быть, это былъ плачъ...

XLIII.

Пространство между небомъ и землей налито было чернотой, и давно уже потонули въ чернотѣ бѣлый песчаный холмъ съ дачами и охватывавшее его молчаливое полукольцо лѣса. Но искрились во тьмѣ на верандахъ огоньки, и всѣ огоньки были красные—словно имъ тоже душно въ этотъ жаркій, сухой вечеръ, словно и они поддались грѣховной власти возбуждающаго зноя.

— Боже мой, зачѣмъ я ей это сказала!—спохватилась вдругъ Варвара Антоновна.

Она опустилась на стулъ и поникла.

Чумаковъ молчалъ.

Онъ неспѣша провелъ рукавомъ по лбу, вытеръ потъ. Жарко. И думать трудно, и говорить трудно, когда такъ жарко, а онъ столько наболталъ въ этотъ вечеръ!.. Утомительно... И главное: къ чему?

— Шурочка обидѣлась?—спросила Варвара Антоновна.

Уже упало ея воинственное настроеніе, и уже чувствовала она всю нелѣпость, всю дикость и неприличіе своего обращенія съ Шурочкой. Ей было досадно и стыдно. Если нужно Шуру сплавить, отвадить отсюда, то надо это сдѣлать вѣжливо, прилично. А рѣзкости, грубости,—ахъ, нехорошо...

— Вѣдь я обидѣла ее, Вася?

Чумаковъ нахмурился. Ну вотъ, теперь пойдутъ впутывать и его въ эту исторію! Наерундятъ бабы, намелютъ всякаго вздору, а ты расхлебывай, разговаривай, пожалуй и утѣшай... Дѣла!

— А что жъ,—сказалъ онъ, хмурясь сильнѣе и протягивая

руку къ стакану съ простывшимъ чаемъ.—Пріятно ей? И главное: ты это такъ неожиданно, вдругъ...

Онъ поставилъ обратно стаканъ и пожалъ плечами,—словно сбрасывалъ съ нихъ что-то тяжелое, мѣшающее...

— Охъ, духота... Мочи нѣтъ...

А нѣсколько секундъ спустя, онъ добавилъ:

— Ничего, успокоится...

Успокоится? Кто успокоится? Духота?.. Или это онъ говоритъ о Шурочкѣ? Варвара Антоновна не знала, что хотѣлъ выразить мужъ. И слова его не утѣшали ея. Она чувствовала себя нехорошо. Она понимала, что сдѣлала грубость, безтактность, глупость. Эта недостойная выходка ея оскорбительна не столько для Шурочки, сколько для нея самой... Надо что-нибудь сдѣлать,—загладить, извиниться...

— Ты бы пошелъ за Шурочкой, Вася,—сказала она.

Она сказала такъ, потому что чувствовала необходимость исправить свою безтактность. Исправить безтактность важно. Но еще важнѣе было то, что ей хотѣлось, — ей нужно было! — испытать судьбу: пойдетъ Василій Петровичъ, или не пойдетъ?

И знала: если пойдетъ онъ теперь къ Шурочкѣ — свершится.

Сегодня, именно сегодня, вотъ въ этотъ вечеръ, такой знойный, томящій, волнующій и зажигающій кровь, и послѣ всего, что здѣсь говорилось и происходило, сегодня онъ объяснится Шурочкѣ, скажетъ ей, что любитъ ее... Если же не объяснится онъ,—Шурочка сама скажетъ, что любитъ его... Это случится сегодня.

Если же онъ не пойдетъ, тогда, можетъ быть, все еще обойдется благополучно. До завтра можно будетъ обдумать положеніе, отыскать мягкія мѣры устраненія Шуры. Можетъ быть, если какъ слѣдуетъ объяснить ей положеніе дѣла, уѣдетъ Шурочка. А можетъ быть, придется увезти Василія Петровича... Если останется онъ теперь здѣсь и не увидитъ сегодня Шуру—все будетъ по старому. А если сегодня увидитъ ее, — и наединѣ,—кончено! Кончено все...

Голова Варвара Антоновны была опущена. Глаза смотрѣли внизъ, на столъ. Обѣ руки лежали на сахарницѣ и крѣпко сжимали ее. Звѣздъ наверху не было видно. Не видно было и облаковъ. Чернота и чернота. И въ чернотѣ—красные огоньки.

«Кончено все,—думала Варвара Антоновна.—Но кончено для меня... А для него?»...

Она крѣпче стиснула сахарницу.

Для него это, можетъ быть, только начало?

Начало обновленія, оживленія, возвращенія къ настоящей, дѣятельной, бодрой жизни?

И если такъ, то какъ же она можетъ мѣшать?

Какъ же она можетъ становиться поперекъ дороги,—ему, Василію Петровичу, Васѣ?

Значитъ, свои интересы она ставитъ выше? Свое собственное благополучіе для нея дороже его счастья. И его радость, его жизнь она приноситъ въ жертву своему спокойствію?..

Значитъ, ея любовь къ Василію Петровичу есть не любовь-жертва, а любовь-требованіе? Она хочетъ оставаться съ Василіемъ Петровичемъ не для него, а для себя; потому что жизнь съ нимъ пріятна и нужна ей, а не потому, что эта совмѣстная жизнь нужна Василію Петровичу?

Да, это такъ... Да, это такъ...

... Слегка тошнило. По ногамъ растекался холодъ. Красные огни вдали прыгали и перебѣгали, какъ при фейерверкѣ. И такъ много было огней, какъ если бы не Бѣлая Пустошь это была, а огромный городъ, съ освѣщенными фабриками, ресторанами и вокзалами...

— Пойди къ Шурочкѣ, — снова сказала Варвара Антоновна.

XLIV.

И вдругъ проснулось въ этой женщинѣ уязвленное самолюбіе. Остро закричала гордость, оскорбленное, затоптанное и мертво молчавшее до сихъ поръ женское достоинство... Хорошо, она отпуститъ его! Она предлагаетъ ему пойти къ Шурочкѣ. Хорошо! Но онъ то, онъ? Онъ пойдетъ? Онъ можетъ уйти?.. Можетъ уйти къ другой, а ее, Варвару Антоновну, можетъ оставить?

Ея любовь не имѣетъ цѣны?.. Послѣ всего, что она для него сдѣлала и дѣлаетъ, онъ можетъ ее бросить для первой попавшейся смазливой дѣвчонки?.. А-а, такъ?!..

Ну, пусть же онъ идетъ... Пусть, пусть!

И въ первый разъ за все время, что она знала Чумакова, почувствовала къ нему Варвара Антоновна ненависть..,

Страшась этого чувства, удивляясь ему, презирая себя за него и не находя въ себѣ силъ, чтобы съ нимъ справиться и его подавить, она окончательно теряла голову.

Она была близка къ тому состоянію, въ которомъ люди бросаются со скалы. Уже ничего не можетъ быть хорошаго, все погибло, и этотъ прыжокъ со скалы принесетъ гибель. Бросаться все же надо. Придетъ гибель,—но вмѣстѣ съ ней придутъ угрызенія совѣсти къ тому, кто къ скалѣ подвелъ...

— Пойди же къ Шурочкѣ,—опять предложила Чумакова.

Столъ съ посудой всколыхнулся и остро звякнула, ударившись о пустой стаканъ, ложечка: подъ столомъ медленно заворочались тяжеловѣсныя ноги Василія Петровича. До чего жмутъ и давятъ эти проклятыя туфли!

... Почему-то по близости запахло варевомъ,—бараниной, борщомъ... Далеко за селомъ, должно быть въ полѣ или у лѣса, богатырски пѣли хлопцы. Нѣсколько голосовъ, слившись въ широкое, темное русло, плывутъ низко-низко, а надъ ними, кругло кувыркаясь, вьется отдѣльный голосъ, высокій, упругій теноръ... Налѣво, по другую сторону картофельныхъ грядокъ, свѣтится полуприкрытое ставнями окно кухни, и чувственнымъ баскомъ похрюкиваетъ въ сарайчикѣ ворочающаяся свинья.

— То есть, какъ же это,—спросилъ Василій Петровичъ,—куда мнѣ пойти?

Онъ опять зашевелилъ подъ столомъ ногами, и опять заколыхался столъ и задребезжала посуда. Была одна ложечка особенно звонкая, такъ и заливалась,—дзззиинь!..

— Конечно... Оно бы... пойти бы надо.. —сказалъ Василій Петровичъ.—Я пойду... Да только душно, знаешь, такъ... Усталъ я.

Столько было въ этотъ вечеръ разговоровъ, духоты, ожиданія, стѣсненія отъ обуви, отъ воротника, отъ шелковаго поясашнура на животѣ... И такъ жарко теперь, и такъ мучитъ жажда, и—чортъ его знаетъ!—удушливо воняетъ почему-то бараниной да борщемъ... За Шурочкой пойти?.. Чудесныя плечики у Шуры, и пріятно, когда Шурочка здѣсь... Но вотъ, ушла... А вотъ пойти за Шурочкой... Да куда жъ пойдешь?.. Куда, собственно, она ушла? Если бы знать, куда именно она пошла,—отчего же, можно и попробовать поискать ее... Да вѣдь въ томъ-то и штука,—гдѣ искать?

Василій Петровичъ разстегнулъ воротникъ.

— Туфли эти, туфли,—одинъ ужасъ!

Онъ привсталъ со скамьи, слегка оттолкнулъ стоявшій сбоку стулъ. Стулъ упалъ, зацѣпившись за баранчикъ съ кувшинами.

— Знаешь, Варя, въ другой разъ пусть не то что Шуро-

чка, а... а... а хоть сама Сарра Бернаръ пусть сюда придетъ, и то я этихъ чертовыхъ туфель надѣвать не стану... Ей Богу!

Усѣвшись опять на скамью и протянувъ ногу на табуретъ, онъ неловко и отдуваясь началъ развязывать толстыми пальцами запутавшіеся шнурки туфель. Пальцы были потные, шнурки въ узлахъ, и такъ трудно было ихъ распутывать... Вотъ гадость!.. Ножемъ развѣ?.. Чикнуть, и готово... Но жалко все таки ножемъ... А за Шурочкой можно будетъ и въ комнатныхъ шлепанцахъ, темно... она не замѣтитъ... Только вотъ: куда же итти?.. Домой къ ней? Къ Цвѣтаевымъ на станцію?.. А вдругъ она вовсе не домой пошла, а погулять? Чего ей теперь дома сидѣть? Навѣрное, она не дома. И потомъ, если тащиться къ Цвѣтаевымъ, значитъ—по пескамъ... Ну, это удовольствіе среднее... А кромѣ того, еще и черезъ прудъ надо, по мостку... Чортъ его дери, впотьмахъ еще въ воду свалишься... Тоже и собаки вездѣ... Нѣтъ, видно съ этими шнурками никогда не кончишь... Надо ихъ ножикомъ... Ужасъ одинъ...

А почему это я считаю, что если онъ увидится съ Шурочкой, то у нихъ непремѣнно произойдетъ объясненіе въ любви,—думала Варвара Антоновна.—Откуда я взяла, что онъ влюбленъ?... Какой вздоръ! Мальчишка онъ, что ли. Просто во мнѣ говоритъ глупая и пошлая ревность, больше ничего!..

Не могу же я требовать, чтобы онъ никого, кромѣ меня, не видѣлъ. Спрятать его въ коробочку? Общество, женское общество, можетъ его развлекать, можетъ доставлять ему пріятные часы,—съ какой же стати я буду лишать его такого общества? Это было бы верхомъ эгоизма съ моей стороны... Какое право имѣю я такъ завладѣвать имъ и отрывать его отъ всего міра! Ради моего покоя, изъ за глупыхъ, ни на чемъ не основанныхъ, нелѣпыхъ подозрѣній, я уродую его жизнь. Мѣщанство, жестокая и пошлая обывательщина.

— О, Господи!—страдальчески пыхтѣлъ Василій Петровичъ возясь со шнурками.—Наказаніе!

Варвара Антоновна подошла къ нему.

— Не справишься, Вася?.. Дай, я развяжу.

— Пожалуйста, Варенька, будь такая добренькая!

Чумаковъ поспѣшно,—насколько была ему доступна поспѣшность,—протянулъ къ женѣ ноги. Со вздохомъ облегченія онъ откинулъ торсъ назадъ и крѣпко уцѣпился обѣими руками за сидѣніе. Варвара Антоновна нагнулась къ его ступнямъ.

— А насчетъ Шурочки... право, ужъ не знаю... Можетъ быть, ты бы лучше сама сходила, Варя, а? Лучше, если сдѣлаешь

ты... А?.. Какъ ты думаешь?.. Далеко ходить не стоитъ, я думаю, но если она тутъ по близости,—посмотрѣла бы?... Вѣрно, она тутъ гдѣ-нибудь, недалеко отсюда...

XLV.

Когда Варвара Антоновна ушла за Шурочкой, онъ остался на скамьѣ съ протянутыми впередъ ногами. Ноги были въ носкахъ—красная полоска поуже, бѣлая пошире. Въ ногахъ чувствовалась сладость отдыха. Какъ будто выходилъ изъ нихъ какой-то невидимый дымъ и уносилъ усталость. Сильно пахло варевомъ—борщомъ, бараниной, петрушкой. Это оттого, что возилась по близости полнотѣлая Авдотья - обѣдница... Уже было поздно. Хлопцы къ ней не пришли. Должно быть и не придутъ: вонъ какъ орутъ свои пѣсни...

Усталый, разомлѣвшій, сидѣлъ Василій Петровичъ у стола. Въ воображеніи его выступала высокая, граціозная фигура Шурочки. Какія милыя, нѣжныя плечики! И что за чудесное выраженіе въ этихъ задумчивыхъ, боготворящихъ глазахъ!.. А красный цвѣточекъ подъ открытой шеей... и самая эта шея... Да!

Василій Петровичъ крякнулъ, какъ пьяница, когда выпьетъ давно жданную рюмку... Поворочался, зашевелилъ губами, погладилъ одинъ усъ, потомъ другой. Пахнетъ баранинои... Все не уходитъ и возится съ чѣмъ-то мясистая Авдотья... Чего ей надо? Жарко и безъ нея, а тутъ еще отъ этой туши идетъ тепло...

Широкія бедра бабы колышатся, передвигаются, какъ двѣ большія черепахи,—это хорошо видно при свѣтѣ, льющемся изъ окна кухни. Василій Петровичъ смотритъ на бедра...

— Тьфу... какая...

Зной не падаетъ... Томитъ и обезсиливаетъ... Странное направленіе принимаютъ мысли... И воспоминанія тоже мелькаютъ все особенныя... такія... забавныя... игривыя... И не уходятъ глаза съ широкихъ бедеръ Авдотьи...

— Ну и мастодонтъ же... И все ерзаетъ...

— Стерва, да вѣдь это она нарочно!—внезапно сказалъ себѣ Чумаковъ.

Его осѣнило какъ-то вдругъ... Какъ-то вдругъ сообразилъ онъ и догадался. Авдотья, баба похотливая и въ похотливости своей безконечно жадная и ненасытная, возится здѣсь для него... И давно уже намѣтила она себѣ его, давно вскидывала на него

голодные глаза... Да, да, это такъ... Иногда она поглядывала на него стыдливо, съ опаской. Порою же—нагло и вызывающе...

До сихъ поръ онъ какъ-то не замѣчалъ этого. Или замѣчалъ, да не придавалъ этому значенія... Теперь сразу все понялъ... Ахъ, подлая!.. Вотъ исторія...

Сдѣлалось стыдно. Обидно стало и досадно... Этакая бабища! И было немножко смѣшно... «Поздравляю съ побѣдой»...

Было досадно. Но въ то же время,—какъ это ни странно и ни унизительно,—онъ почувствовалъ и что-то почти похожее на гордость... Да, на гордость... Гордость самца... Какъ будто лестно было ему... Вѣдь у нея, у чертовой толстухи, сколько парней! Молодыхъ, красивыхъ, сильныхъ хлопцевъ... А она вотъ—къ нему... Дѣла!..

И, въ сущности,—чтожъ? Она, по правдѣ если сказать, не такъ ужъ дурна... Замурзана всегда, чортъ ее знаетъ, въ салѣ, въ копоти, и вотъ, амбрэ кухонное... Но развѣ скажешь, что уродина?.. Совсѣмъ нѣтъ... Расплылась она... Барыни, конечно, въ шнуровкахъ во всякихъ, въ корсетахъ, видъ у нихъ и выходитъ пышный, очень аппетитный, а въ натурѣ онѣ такія же... Потомъ, у барынь духи, пудра, одеколоны разные... Но тѣлеса тѣлесами... Рубенсовскія... И эта вотъ Авдотья не уступитъ никакимъ барынямъ... Эка жаромъ отъ нея несетъ,—печка!.. Если бы только не этотъ подлый запахъ баранины... или чего это тамъ еще...

Чумаковъ со сладкой—и съ противной—тревогой, и какъ бы ухмыляясь, упорно глядѣлъ на могучую, мягко колыхавшуюся фигуру Авдотьи. То она вся въ темнотѣ, потонула въ чернилахъ, то вдругъ высунется толстый бокъ на желтенькій, бѣгущій изъ кухоннаго окна свѣтъ... Высунется, и, круглый, крупный, мягкій, шевелится, точно большая черепаха... Стоитъ душный запахъ пота, баранины и, кажется, укропа, что-ли?.. Чертъ знаетъ что!..

— Варя должно быть еще не скоро,—сказалъ себѣ почему-то Василій Петровичъ.

И всталъ.

Такъ какъ онъ былъ въ носкахъ и разстегнутъ, то надо было привести себя въ порядокъ.

Привелъ.

Но туфель онъ не надѣлъ, а остался въ однихъ носкахъ... Авдотья вдругъ повернулась и вскинула на него свои похотливые, но въ сущности очень красивые, большіе, съ затаенно горѣвшимъ огнемъ глаза... Улыбка была въ этихъ глазахъ, сму-

щеніе и стыдъ... А щеки толстыя, пухлыя, отъ кухоннаго огня бурыя... Кромѣ запаха баранины отъ нея несло еще чѣмъ-то другимъ, крѣпкимъ и прянымъ—женскимъ... Запахъ этотъ былъ такъ ѣдокъ, что Василій Петровичъ не выдержалъ: нижней губой приподнялъ верхнюю,—такъ высоко, что усы почти втиснулись въ ноздри,—и странно засопѣлъ... Трудно было бы ему сказать: пріятенъ этотъ запахъ, или отвратителенъ. Одно только онъ зналъ: не хотѣлось, чтобы запахъ ушелъ... Слегка закружилась голова и сердце забилось иначе, чѣмъ до сихъ поръ... Фальшивая улыбка легла на губахъ.

Василій Петровичъ нерѣшительно шагнулъ, разъ, другой. Земля была такая горячая, что черезъ носки онъ чувствовалъ тепло.

Ему сдѣлалось жарко, еще болѣе жарко, чѣмъ было до сихъ поръ... И колыхался въ головѣ пьяный туманъ.

— И куды это той бисовъ кувшинчикъ дѣвался,—сдавленнымъ отъ желанія шопотомъ пролепетала Авдотья. И дрожалъ этотъ шопотъ... какъ дрожали пышные бока женщины...

Василій Петровичъ густо крякнулъ, приблизился и стремительно обхватилъ бабу сзади какъ-то наискосокъ вокругъ живота, и крѣпко стиснулъ...

— Охъ!—радостно вскрикнула Авдотья, сочувственно заколыхавшись оплывшимъ тѣломъ.—Охъ, злякалась...

Она млѣла и замирала отъ счастья... Но подаваясь потребности кокетничать и играть, и покорная, кромѣ того, чувству стыдливости, отъ котораго никакъ не освободиться женщинѣ, даже самой распутной, она вдругъ низко присѣла и прошептала:

— Безстыдники... такъ же неможно...

Наклоняясь надъ ней, неловко схватывая ее—уже около плечъ и жирной шеи, взволнованно отдуваясь и чувствуя, какъ приливаетъ къ лицу кровь, Чумаковъ нетерпѣливо бормоталъ:

— Авдотья... Авдотьюшка... Да Авдотья же...

Она колыхалась, дѣлала усилія, чтобы вырваться изъ его рукъ. Но руки были большія, отъ взбунтовавшейся страсти особенно упрямыя, и сжимали женщину хоть неловко, но сильно. Пальцы увязали глубоко, въ мягкомъ, обильномъ, горячемъ. Отъ этого было стыдно—и сладко... И отъ этого возрастала сила.

— Ой, вонъ оны барыня!..—прошептала вдругъ Авдотья.—Барыня идутъ...

Она говорила неправду. Варвара Антоновна не шла. Варвары Антоновны не было ни видно, ни слышно. Авдотья солгала умышленно и съ расчетомъ.

Бабѣ этой хотѣлось игры, кокетства, сладкаго баловства. Чего такъ, сразу!.. Надо барина подразнить, посильнѣе разжечь. Вотъ онъ повѣритъ, что идетъ барыня, и испугается. Испугавшись, отпуститъ ее, отскочитъ въ сторону. Но потомъ увидѣвъ, что она обманываетъ,—разожженный и радостный,—снова накинется и ужъ тискать и мять станетъ съ удвоеннымъ трепетомъ. Она будетъ вырываться, онъ—сильнѣе раскаляться... Пойдетъ горячая возня, сдавленные смѣшки, напряженное пыхтѣніе; она будетъ биться, отказываться, бороться, она даже смажетъ его по спинѣ,—чего ужъ тамъ церемониться? Онъ отъ всего этого будетъ входить въ еще большій ражъ, воспламенится, озвѣрѣетъ совсѣмъ,—и увидитъ она тогда новые пріемы, барскіе, такіе, которые ни парнямъ ея, ни ей самой еще неизвѣстны,—и потѣха пойдетъ ужъ совсѣмъ особенная...

Такъ считала Авдотья. Такъ говорилъ ей богатый опытъ ея, и къ этому толкалъ ее инстинктъ... Но и опытъ, и инстинктъ обманули. Вышло совсѣмъ по иному.

XLVI.

Когда Василій Петровичъ услыхалъ жуткія слова «барыня идетъ», руки его сразу обмякли, омертвѣли, вытекла изъ нихъ вся до конца упругость и сила,—какъ изъ опрокинутаго ведра вытекаетъ вода. Онъ отпустилъ шею и плечи Авдотьи.

А когда онъ отпустилъ шею, жирную, въ складкахъ, и влажную отъ пота, возбужденіе его сразу упало. Вошла въ Чумакова и въ немъ воцарилась холодная гадливость.

— Тьфу, чортъ... Да я съ ума сошелъ...

Брезгливо и со злобою посмотрѣлъ онъ на поджидавшую Авдотью... Тепломъ и жирнымъ варевомъ несло отъ нея попрежнему... Василій Петровичъ отвернулся и пошелъ въ сторону, къ тому сарайчику, гдѣ жила свинья, и дойдя до плетня, прислонился къ нему лбомъ...

Онъ стоялъ здѣсь долго и долго смотрѣлъ въ черноту полей.

Темно, черно, жутко въ поляхъ. Темно, черно, жутко въ душѣ.

— Только это мнѣ и осталось,—съ горечью думалъ Василій Петровичъ.—Только на это я еще способенъ... А съ Шурочкой... гдѣ тамъ!

Свинья въ сарайчикѣ тихонько похрюкивала. Она не спала,—жара донимала ее. Она все ворочалась и кряхтѣла, и было слышно,

какъ толкается и трется объ стѣну ея мягкое брюхо. Отъ толчковъ трясся сарайчикъ и съ сухимъ скрипомъ вздрагивалъ плетень. Точно гдѣ-то въ чернотѣ черезъ плетень перелѣзали.

Уже не пѣли за селомъ парни. Вѣрно, разошлись. Пожалуй, появятся сейчасъ на кухнѣ у Авдотьи...

На восточной части неба, за мельницей, стало свѣтлѣть. Скоро выйдетъ луна. И какъ будто вѣтерокъ пронесся по полямъ, къ лѣсу побѣжалъ...

Василій Петровичъ стоялъ, облѣпленный темнотой и безмолвіемъ, и думалъ... Что же это тутъ происходило?.. И что это онъ тутъ сегодня говорилъ?.. Жалѣлъ, что онъ не нѣмецъ. А чортъ съ ними, съ нѣмцами! Добро какое... Конечно, нѣмецъ усидчивъ, трудолюбивъ и все такое. Ну такъ что жъ? А здѣсь будто ужъ и въ самомъ дѣлѣ такъ таки никто ничего не дѣлаетъ? А кто же тогда, чортъ возьми, создалъ вотъ все это?..

Мыслью Чумаковъ пробѣжалъ черезъ Бѣлую Пустошь, черезъ поля и лѣса и дальше, по безмѣрнымъ пространствамъ, къ Уралу,—и еще дальше, по всей Сибири, къ краямъ ея...

...Кто-жъ тогда создалъ Россію? Этакая страна!.. И растетъ, и растетъ, неустанно и быстро, какъ въ сказкахъ ночные терема. Чьей же силой и чьими трудами все это дѣлается? Значитъ, есть люди... Да... Только онъ вотъ ноетъ, и хнычетъ, и спитъ. А рядомъ съ нимъ люди трудятся и трудятся, и создаютъ великое... Вотъ Варвара Антоновна: не ноетъ, а работаетъ и трудится, зерно за зерномъ складываетъ пирамиды. Если бы на что-нибудь стоющее пошли ея усилія!.. Работою и трудомъ такихъ людей, какъ Варвара Антоновна, и создалось все, что есть въ Россіи... И Горбатюкова Катерина тоже работаетъ, и самъ Горбатюкъ, въ концѣ концовъ, работаетъ... Да... Больше всѣхъ, конечно, трудится Варвара Антоновна. Ея трудами и ея любовью живетъ онъ самъ, ею одною держится онъ на землѣ... И если произойдетъ еще въ немъ какая-нибудь перемѣна, если оживетъ онъ и вернется къ жизни дѣятельной и полной, то этимъ онъ обязанъ будетъ той же Варварѣ Антоновнѣ.

Онъ стоялъ у плетня, думалъ такъ, и доброе, нѣжное чувство къ женѣ овладѣвало имъ все сильнѣе. Онъ оглядывался на прошлое... Сколько тяжкаго, прямо страшнаго труда истратила Варвара Антоновна, чтобы дать ему покой, уютъ, отдыхъ! Сколько проявляла любви и самоотверженія!..

Онъ думалъ, вспоминалъ... и сердце его дрожало отъ чувства глубокой благодарности, и глаза становились влажными.

— Изумительно,—шепталъ онъ, стоя у плетня и всматри-

ваясь въ свѣтлѣвшее передъ появленіемъ луны небо и въ чернѣвшій на небѣ силуэтъ недвижнаго вѣтряка. — Изумительно.

Глубоко растроганный, онъ продолжалъ вспоминать... Чѣмъ больше припоминалъ отдѣльныхъ случаевъ, сценъ, разговоровъ съ женой, тѣмъ больше проникался уваженіемъ къ ней, благодарностью, нѣжною признательностью... Что-то похожее на умиленіе охватило его. Овладѣвало имъ то особенное, приподнятое настроеніе, которое является у человѣка вмѣстѣ съ потребностью молиться... Вызывая передъ собой изъ мрака образъ жены, онъ почти восторженно шепталъ. «Силою твоею... силою твоею и любовью твоею живу я... Силою твоею и силою такихъ, какъ ты, держится вся жизнь на землѣ...».

Потомъ, когда уже взошла луна, золотая, съ золотыми же пятнами, и когда на дворѣ, межъ картофельными грядками, появилась въ золотисто-зеленомъ свѣтѣ небольшая согбенная фигура Варвары Антоновны, Чумаковъ поспѣшно подошелъ къ ней, взялъ обѣ ея руки, такія сухія и горячія, и прижавшись къ нимъ заплаканнымъ лицомъ, молча и съ благоговѣніемъ поцѣловалъ одну руку, потомъ другую.

XLVII.

Лѣто окончилось.

Никакихъ перемѣнъ въ жизни Чумаковыхъ не произошло...

Къ концу осени Варвара Антоновна рѣшила сдѣлать еще одну попытку оживить Василія Петровича.

Ей было ясно, что къ настоящей работѣ мужъ не вернется никогда, и явился у нея планъ: пріобрѣсти здѣсь же, въ Бѣлой Пустоши, клочекъ земли и выстроить домишко. Если бы завести огородъ, насадить садъ, то это можетъ быть заняло бы Василія Петровича и служило бы для него постояннымъ и полезнымъ развлеченіемъ.

Чумаковъ прямо въ экстазъ пришелъ отъ плана жены.

— Какая мысль!

Чудесно. Прекрасно. Великолѣпно!

Вотъ это дѣло!.. Настоящее, милое, прекрасное дѣло!

И онъ весь, весь отдастся ему.

Это ужъ не то, что кланяться тамъ какому-то ничтожному газетному редактору, или служить на заводѣ и обогащать кровопійцу-фабриканта. Это дѣло чистое, здоровое. Ему можно отдать всѣ силы и способности. Именно такъ онъ и сдѣлаетъ.

Огородничество... садоводство... пчельникъ... парники... Да онъ и коровъ заведетъ, молочное хозяйство!.. Будутъ у нихъ куры, гуси, индюки, свиньи...

— Вѣдь я по природѣ своей толстовецъ.

Чудесная, великолѣпная мысль, — а только бы поскорѣе приступить къ ея осуществленію.

Въ пенсіонной кассѣ накопились у Варвары Антоновны кое-какія деньги. Она взяла ихъ. Изловчилась устроить такъ, что выдали ей и небольшую сумму впередъ. Въ виду необычайности обстоятельствъ и серьезности затѣваемаго дѣла, она опять обратилась за помощью къ отцу. Старый попикъ крякнулъ, мялся, чуть не со слезами упрашивалъ дочку пощадить его... Но денегъ все-таки далъ,—даже больше, чѣмъ ожидала и просила Варвара Антоновна.

Кромѣ всего этого, Чумакова вступила въ сдѣлку съ услужливымъ Цвѣтаевымъ, и тотъ безъ особыхъ церемоній согласился ссудить ей значительную сумму.

Между дачнымъ поселкомъ, гдѣ жили они зимой, и селомъ, гдѣ ютились лѣтомъ, купили Чумаковы участокъ земли. Потомъ наняли рабочихъ, привезли лѣсу, и еще до Пасхи стали строить.

Василій Петровичъ, какъ и обѣщалъ, съ большимъ рвеніемъ отдался новому дѣлу.

Онъ рано вставалъ, поздно ложился, почти совсѣмъ не игралъ въ шахматы и въ тетку, а все время проводилъ на постройкѣ. За всѣмъ присматривалъ, во все входилъ, спорилъ съ рабочими, съ рядчикомъ и на лѣсномъ складѣ; дѣлалъ указанія, давалъ разъясненія, что-то измѣрялъ, что-то копалъ, пилилъ, рубилъ,..

Пришлось на мѣстѣ будущаго дома вырубить двѣ старыя сосны, и отъ этого Василій Петровичъ впалъ въ повышенное настроеніе,—культура одолѣваетъ запустѣніе!..

Василія Петровича вообще какъ-то больше занимала лирическая сторона предпріятія, чѣмъ дѣловая. Въ смыслѣ дѣловомъ его надували на каждомъ шагу: балки для стойки должны быть дубовыя, ему поставили сосновыя, и онъ не протестовалъ. Стѣны вмѣсто условленной шестивершковой толщины имѣли толщину едва ли даже четырехвершковую, онъ принялъ и это.

Тесъ былъ сырой. Кровельное желѣзо явно худого качества. Весь вообще домъ выходилъ лѣтнимъ, а не зимнимъ; было

ясно каждому, что зимой въ немъ пропадешь отъ холода и даже сами плотники обращали вниманіе Василія Петровича на это. Но Василій Петровичъ пренебрежительно пожималъ плечами,—о какой чуши они тамъ говорятъ!

Онъ составлялъ подробные планы и съ большой тщательностью разработалъ чертежъ будущихъ огородовъ и сада: здѣсь баштанъ, тутъ оранжерея, тамъ всего лучше подъ пасѣку... Тутъ вотъ пойдутъ яблони, здѣсь вишня, а черезъ площадку, за канавой, малинникъ. Колодезь надо сзади, съ лѣвой стороны, въ углу... Но чѣмъ колодезь—лучше водокачку. Вѣдь изящнѣе, если водокачка. Съ вѣтрянымъ двигателемъ. Башенка, — и высоко въ воздухѣ этакое ажурное колесо съ узенькими лопастями, вѣерообразное, на манеръ распущеннаго индюшечьяго хвоста... По всему саду канавки, а по канавкамъ сама собою набѣжитъ вода. Искусственное орошеніе.

Василій Петровичъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ заросшая хмелемъ или дикимъ виноградомъ бесѣдка, и вокругъ,—какой видъ!...

Слѣва густой сосновый боръ. Розовые стволы, вотъ этакіе толстые, стоятъ твердо и спокойно,—и какимъ маленькимъ и временнымъ по сравненію съ ними кажется человѣкъ и его дѣла, и эти легонькія сѣрыя и желтыя дачки, которыя разбросалъ онъ у опушки!.. Протяжный шумъ идетъ изъ лѣса,—зеленая бесѣдка гибкихъ вѣтокъ,—идетъ и уносится дальше, въ глубины свѣтлыхъ полей, которыя раскинулись направо отъ деревни... Поля плоскія, ровныя, спокойныя, такія спокойныя и тихія, что смотришь на нихъ и чувствуешь, какъ все успокаивается въ самомъ тебѣ, и чувство довѣрія и добраго мира овладѣваетъ твоимъ сердцемъ...

Бѣжитъ въ зеленяхъ поѣздъ,—какой онъ маленькій, невзрачный! Никакъ не повѣрить, когда глядишь отсюда, что эта ползущая веревочка гудитъ тамъ и грохочетъ, и свиститъ пронзительно... Свисти не свисти, а мира тебѣ не нарушить, а кроткой и милой улыбки со свѣтлаго лица полей тебѣ не согнать...

Ближе къ постройкѣ—деревня, безпорядочно разсыпанныя бѣлыя и синія крестьянскія хаты съ бурыми толстыми соломенными крышами. Надъ голубымъ прудомъ, на пригоркѣ, тихія, бѣлыя стѣны церкви, до половины скрытыя густымъ садомъ. Куполъ церкви зеленый, но не такой, какъ поля, а съ синевой,—поля и небо какъ бы слили здѣсь вмѣстѣ свои цвѣта,—и горитъ высоко надъ куполомъ золотой крестъ. Онъ сіяетъ и сверкаетъ, какъ вода въ пруду. А прудъ огромный, широкій, въ

срединѣ сильно суженный, точно крѣпко стянутая талья очень полной женщины. Въ этомъ узкомъ мѣстѣ легъ мостокъ. Бабы стоятъ согнувшись и полощутъ бѣлье. Бѣлыя горки бѣлья и розово-желтыя икры бабъ сильно бьютъ въ глаза. Свѣтлыми, дрожащими пятнами какъ бы вонзаются въ прудъ отраженія голыхъ ногъ.

Ребята визгливо возятся на берегу. Кто уже искупался и грѣется въ пескѣ, а кто еще барахтается въ водѣ, плаваетъ или скачетъ, и оглашаетъ воздухъ радостнымъ крикомъ и пискомъ. Ну и голоса же! Не изъ того ли они лучистаго металла, изъ котораго вылитъ и сіяющій надъ куполомъ крестъ?.. Орутъ и хохочутъ рабятишки,—купаніе въ холодной водѣ располагаетъ къ баловству, крикамъ и дурачеству...

На противоположномъ берегу, около водовозки съ задранными кверху оглоблями, мужикъ купаетъ гнѣдую коняку. Мужикъ бородатый, на немъ синяя рубаха, а ноги голыя. Ребятишки что-то дружно кричатъ мужику,—что именно, не разобрать.

— Дяденька Миколай... дяденька Миколай...

— Держи за хвостъ, за хвостъ держи!

Дѣтскія, бѣлыя, горящія на солнце спины, икры, животы, зады, высовываясь изъ воды, кружатъ и прыгаютъ вокругъ гнѣдой коняки. А радостные, гибкіе, какъ хвоинки, голоски разносятся далеко, далеко,—и надъ прудомъ и подъ ласково внемлющими полями.

— Мѣстечко выбрано не плохое,—думаетъ Василій Петровичъ, обводя довольнымъ взглядомъ свой дворъ.—Надо будетъ устроить его получше.

— Нѣтъ, водокачка не годится! А надо купить ослика—размышляетъ онъ потомъ. Осликъ будетъ ходить по кругу, приводить въ движеніе колодезный барабанъ,—этимъ будетъ автоматически накачиваться вода въ бассейнѣ. А ужъ изъ бассейна вода по канальцамъ—ихъ выложить кирпичемъ—станетъ растекаться по всему огороду, куда надо.

Деревня эта еще никогда не видѣла раціонально устроеннаго огорода. Вотъ крестьяне на живомъ примѣрѣ и поучатся. Это принесетъ имъ значительную пользу. Значительную!

XLVII.

Не успѣли однако закончить сруба дома, какъ пылъ и жаръ Василія Петровича начали угасать.

— Домъ, домъ... Постройка, хозяйство... Развѣ въ этомъ дѣло?

И уже сталъ Василій Петровичъ скучать.

Съ постройкой вышло, какъ было время съ переплетнымъ мастерствомъ: быстро и рѣшительно исчезалъ всякій интересъ къ дѣлу. И на новыя свѣтлыя стѣны своего дома Василій Петровичъ уже смотрѣлъ съ выраженіемъ равнодушія, которое возрастало все больше и больше.

— Господи, вѣдь въ концѣ концовъ, если вдуматься—все это чистая обывательщина: домъ, имущество, огородъ... Все для удобства тѣла. И все для самого себя!.. Мужики вонъ задыхаются въ смердящихъ хатахъ, живутъ вмѣстѣ со скотомъ, дымъ у нихъ, грязь, навозъ, копоть, гадость, и ни о какихъ заморскихъ деликатесахъ съ искусственными тамъ орошеніями они и помышлять не могутъ. А тутъ вдругъ—водокачки, осла по кругу пускать, разные другіе ананасы! Развѣ это нужно Россіи?

Варвара Антоновна, оторопѣлая и растерянная, поднимала къ нему свои черные, сильно потускнѣвшіе глаза, и лѣвая, высоко вздернутая бровь ея сильно вздрагивала.

— Но, Вася, ты же самъ... ты же говорилъ...

— Чортъ знаетъ что говорилъ. Ерунду и говорилъ!.. Водокачка, рококо... Что за привилегированность такая?.. Даже совѣстно...

И онъ бросилъ все.

— Какой я собственникъ!.. Я, по природѣ своей, толстовецъ и богема.

И опять по многу часовъ въ день, послѣ плотнаго обѣда и долгаго сна при закрытыхъ ставняхъ, просиживалъ со старымъ Цвѣтаевымъ, игралъ въ тетку или въ козла.

На постройку же выходилъ Цвѣтаевъ. Старикъ внимательно, заботливо и дѣловито,—какъ истинный владѣлецъ,—осматривалъ матеріалы, лѣсъ, кирпичъ, желѣзо, и хозяйственно слѣдилъ за работами. И даже когда пускался разсказывать рабочимъ о своихъ мореходныхъ подвигахъ, все-таки слѣдилъ внимательно за тѣмъ, чтобы тѣ, и слушая, не теряли ни минутки безъ пользы, а работали усердно и старательно.

— Голубянчикъ мой, а ты балочку-то какъ пригналъ, а? Ты ее въ аккуратъ приладь, вотъ такъ, а не то что... Ты опять, съ начала возьмись, ты наново ее, дружочекъ, вонъ съ того конца...

Жилетъ на немъ былъ все тотъ же: съ кораблями.

Кое-какой интересъ Василій Петровичъ проявлялъ только къ саду, къ фруктовымъ деревьямъ, которыя поспѣшилъ посадить,

хотя время для посадки было совсѣмъ не подходящее. Онъ даже поливкой занимался. Но, потому ли, что у него дѣйствительно уже завелись странности, или потому только, что у неврастеника должны быть странности,—поливалъ онъ деревья не такъ, какъ дѣлаютъ это другіе люди: воду лилъ не въ луночки и не изъ ведра, а взбирался на лѣстницу и брызгалъ сверху на листья изъ небольшой лейки, какъ брызгаютъ, когда поливаютъ цвѣты...

— Если лить въ луночки,—размоетъ корни. Какъ этого не понимаютъ?!.. Надо, чтобы вода попадала на корни понемногу. Надо осторожно.

Впрочемъ, оросивъ по своему способу три-четыре дерева, онъ объявлялъ себя утомленнымъ и работу бросалъ.

— Совсѣмъ я расклеился.

Онъ бралъ ручное зеркало, высовывалъ языкъ и принимался разглядывать его. Языкъ бѣловатъ! А на самомъ кончикѣ—очень маленькія, едва замѣтныя, красныя, какъ бы кровавыя точечки... Чтобы это могло означать? Кромѣ того, языкъ, кажется, сухъ. Точно деревянный... Какъ будто и не такъ мягокъ, какъ долженъ бы быть. Какъ будто покрылся корой, или пленкой, что ли... Да, вродѣ жесткой пленки какой то....

Онъ шевелитъ языкомъ, ворочаетъ, загибаетъ его вверхъ, внизъ, долго смотритъ на него... Смотритъ въ зеркало. Скосивъ глаза, старается увидѣть языкъ и безъ зеркала.

— Варя...

Онъ тревожно третъ языкомъ нёбо.

— Варя!..

Варвара Антоновна въ другой комнатѣ сидитъ надъ канцелярскими таблицами, которыя принесла изъ Управленія, и перемножаетъ 78304 на 382.

— Что, милый?

— Варя, у тебя языкъ не сухой?

— Какъ это «не сухой»?

— Ты не чувствуешь на языкѣ пупырышковъ?

— Пупырышковъ?

— Пупырышковъ... Вродѣ точечекъ... Вродѣ пленки...

— Не чувствую. А что?

— Я вотъ не знаю...

— Что?

— Я, видишь ли, забылъ уже, какъ это... Какъ ощущаютъ свой языкъ здоровые люди. Мнѣ кажется, что я чувствую на языкѣ пупырышки.

Варвара Антоновна бросаетъ свои таблицы, идетъ къ мужу.

— Ну покажи, что тутъ у тебя?

Начинается изслѣдованіе языка.

Смотрятъ, щупаютъ, сгибаютъ языкъ, распрямляютъ. Смотрятъ на него съ изнанки. Скребутъ его ложечкой.

— Нѣтъ, ничего,—успокоивающе заявляетъ Василій Петровичъ.—Ничего, языкъ здоровъ. Мнѣ показалось...

Онъ успокаиваетъ жену. Но чувствуется, что это онъ только изъ доброты: хочетъ, чтобы жена не тревожилась. Самъ же отлично знаетъ настоящую правду. Языкъ таки плохъ! Съ языкомъ происходитъ что-то угрожающее... Но пока это возможно, Василій Петровичъ будетъ страдать втихомолку, и никого обременять или пугать не станетъ.

— Ничего, это мнѣ только такъ показалось.

— Странно, однако: съ чего это вдругъ «показалось»?

— Нѣтъ, нѣтъ, это пустяки!.. Ничего не будетъ, я почти увѣренъ... Такъ только, чуточку, какъ будто корявый языкъ.

— Но отчего ему быть корявымъ?

— А можетъ и не корявый?.. Ты всегда должна безпокоиться!

— Но ты же самъ говоришь...

— Я самъ, я самъ... Иди! Садись за свои таблицы!

— Нѣтъ, ты скажи по правдѣ: ты въ самомъ дѣлѣ ничего не чувствуешь на языкѣ?

— Я не могу опредѣлить точно. Можетъ быть кое-что и есть. При моемъ общемъ состояніи, что удивительнаго, если и съ языкомъ что-то... Особенно теперь, когда всѣ эти хлопоты и волненія изъ-за постройки... Для какого чорта мы затѣяли строить, я не понимаю!

Скоро Василій Петровичъ и совсѣмъ пересталъ приходить въ садъ и на постройку.

— Это болѣзнь воли,—говорила Варвара Антоновна:—съ этимъ ничего нельзя сдѣлать.

Она взяла въ Управленіи отпускъ, но съ «сохраненіемъ работы». То есть, обычную свою работу выполняла на дому.

Эту работу она дѣлала по ночамъ. Дни же всѣ цѣликомъ проводила на постройкѣ. Рабочіе не слушались ея, дѣлали худо, дѣлали по своему, много пьянствовали и не являлись во время на работу, и отъ этого страдало дѣло, портился матеріалъ. Ей

приходилось спорить, сердиться, огрызаться съ плотниками, съ печниками, съ кровельщиками, со страховымъ агентомъ... Препиралась она и воевала и съ услужливымъ Цвѣтаевымъ, который во все вмѣшивался и во всемъ указывалъ, и сумѣлъ какъ-то такъ обставить дѣло, что уже и теперь домъ оказывался какъ будто не столько собственностью Чумаковыхъ, сколько его, Цвѣтаева...

Варвара Антоновна предполагала строить четыре комнаты, а строила шесть,—какъ хотѣлъ Цвѣтаевъ. Веранду расчитывала помѣстить съ южной стороны, а устроила ее съ восточной,—опять таки, какъ хотѣлъ старый ростовщикъ...

— Вы не безпокойтесь, миланушка, — нѣжно говорилъ Цвѣтаевъ, разглаживая пухлой ручкой корабли на брюхѣ.—Вы, Варвара Антоновна, не извольте тревожиться ни капельки. Вѣдь мы что? Хунхузы мы какіе-нибудь японскіе что ли? Чай, мы люди свои... Мы вотъ съ Василіемъ Петровичемъ вчерашняго числа стариной тряхнули, гамбитъ Эванса такой разыграли, — кумысу не надо!

И смотрѣлъ, пухленькій, розовый, прямо въ глаза,—услужливо и любовно.

И казалось: нѣжно и любовно смотрятъ даже корабли на жилеткѣ.

Съ ближайшей, однако, осени обнаружилось, что Цвѣтаеву въ погашеніе займа домовладѣльцы Чумаковы должны ежемѣсячно уплачивать столько, что можно бы на эти деньги снимать лучшую дачу въ поселкѣ... И платить такъ придется много лѣтъ. При одномъ способѣ уплаты двадцать шесть лѣтъ, при другомъ—тридцать четыре года.

И какая-то очень крупная была неустойка.

XLIX.

Замученная, затормошенная, испуганная, растерявшаяся, Варвара Антоновна окончательно запуталась среди одуряющей работы на службѣ, среди строительно-финансовыхъ комбинацій и неустанной возни со здоровьемъ мужа. Она уже не знала теперь, какъ быть, что предпринять, куда броситься, чтобы хоть сколько нибудь исправить положеніе.

Да и можно ли исправить?

Какъ помочь?

Деньги растрачены. Долги, какіе можно было сдѣлать, сдѣ-

латы. Помощь, какую можно было выпросить, выпрошена. Здоровье, какое было, ушло...

Согбенная, изсохшая, посѣдѣвшая, съ угасшими, какъ у битой птицы, глазами, продолжала она суетиться и тянула свою лямку.

Плелась еще по утрамъ на станцію, ѣздила еще въ городъ, въ «Управленіе», хлопотала еще и заботилась о мужѣ, и еще дѣлала ему по утрамъ, при свѣтѣ свѣчи,—ламповаго свѣта онъ не выносилъ,—общій массажъ...

Подгибались и холодѣли колѣни, тряслись сухія съ толстыми жилами руки, а внутри,—въ груди и въ животѣ,—все какъ-то странно замирало и тяжелѣло, точно холодной водой заполнялось. Но загнанная кляча все еще вытягивала надорванный хребетъ. Задыхалась, а со стонами все еще за что-то цѣплялась. Куда-то, обливаясь кровавымъ потомъ, карабкалась и плелась...

Но скоро прервалась послѣдняя нить, и—сраженная—тихо застонала Варвара Антоновна и слегла.

L.

Въ полупустой и недодѣланной комнатѣ новаго, сырого, пахнувшаго известью и смолистымъ тесомъ дома, — своего или Цвѣтаевскаго?—лежала она на коротенькомъ, двумѣстномъ диванчикѣ. Сама же была еще короче диванчика — такъ сильно высохла,—и до конца дивана, до боковыхъ перилецъ, ноги ея не доставали. Точно дѣвочка лѣтъ десяти лежитъ, или для дѣвочки гробикъ... Кашель какой-то, мелкій, торопливый, а стоны хриплые, испуганные... Накрыта она краснымъ кумачовымъ одѣяломъ, а поверхъ—ветхой шубенкой. Висятъ книзу клочья облѣзлаго сѣраго мѣха. Подъ головой подушка въ синей ситцевой наволочкѣ...

Опять осень. Опять идетъ дождь, который не окончится и завтра. И опять сиротливо и горестно поникли беззвучныя, оставленныя жильцами дачи. А голодные псы, поджавъ хвосты подъ оттощавшее брюхо, въ лютомъ испугѣ бродятъ по пустымъ, какъ кладбище, дворамъ, обнюхиваютъ запертыя кухонныя двери, и тусклыми глазами сообщаютъ другъ другу безмолвную вѣсть о пришедшей голодной смерти... Можетъ быть, еще день, можетъ быть еще два проживутъ. А потомъ—упасть у забора, или въ канавѣ у лѣса, и лежать, пока не замретъ послѣдній хрипъ...

Кто-то очень запоздалый перевозитъ свой скарбъ въ городъ и шлепаетъ позади подводы по широкимъ лужамъ. Но

теперь это уже не парикмахеръ Хаимъ Сюрпризъ,—онъ отъ чахотки умеръ весною,—это кто-то другой...

Грустно смотрятъ сосны,—точно вобрали въ себя всю печаль и всѣ стоны лежавшихъ подъ ними лѣтомъ чахоточныхъ больныхъ. Съ мрачнымъ шумомъ деревьевъ скорбно сливаются тихія всхлипыванія Варвары Антоновны...

— Василій Петровичъ... Вася... сходилъ бы... сходилъ бы ты за докторомъ.

Чумаковъ стоялъ въ сѣняхъ, прислонившись къ стѣнѣ, и откинувъ назадъ голову, смотрѣлъ на неоштукатуренный еще потолокъ.

Да, надо за докторомъ. Надо доктора... И какъ это онъ самъ не подумалъ объ этомъ до сихъ поръ?... Варвара Антоновна больна серьезно... Докторъ придетъ, докторъ скажетъ, что съ ней. И докторъ поможетъ.

— Прости, Вася... Хлопоты тебѣ... возня... Но я, кажется, очень расклеилась... А завтра утромъ тебя массировать...

Она выпростала изъ-подъ кумачеваго одѣяла руки, оперлась ладонями въ постель, напряглась и привстала... Она тревожно смотрѣла на мужа тусклыми глазами своими. И было въ глазахъ то самое выраженіе, которое мерцало въ глазахъ собакъ, бродившихъ по опустѣвшимъ дачамъ...

— Вася, родной мой,—хотѣлось ей сказать... Но что-то стало жесткимъ колесомъ въ глоткѣ, и голосъ сорвался...

«Скажу потомъ...—подумала Варвара Антоновна. — А какой онъ сталъ желтый... Боже мой, какъ онъ осунулся!..»

За послѣднее время Чумаковъ дѣйствительно замѣтно измѣнился: постарѣлъ, отяжелѣлъ, сталъ быстро лысѣть. Кожа на лицѣ сдѣлалась дряблой; уже не такъ молодцовато торчали кверху усы, не такъ бодро и ясно смотрѣли бирюзовые глаза, и повисли подъ глазами мѣшки прозрачные, похожіе на рыбьи пузыри... Годы, праздность, дневной сонъ, лѣченіе, постоянныя думы о лѣченіи и о болѣзни дѣлали свое. И былъ теперь Василій Петровичъ вялъ и сѣръ, тяжелъ и, какъ больной волъ, неповоротливъ и грустенъ.

Варвара Антоновна смотрѣла на мужа, и сердце ея сжималось отъ жалости и страха.

— Массажъ ему необходимъ—думала она:—у него отеки; только массажъ еще и поддерживаетъ его... А сегодня я пропустила. Завтра уже непремѣнно промассирую.

— Надо, чтобы къ утру мнѣ стало лучше!—строго сказала она.—Надо.

Лѣвая бровь ея, какъ всегда, была искривлена и странно вздернута кверху. Отъ этого лицо казалось подмигивающимъ. Теперь, когда чувствовалось, что происходитъ съ ней что-то значительное, грозное, это было особенно жутко и нехорошо...

— Пойди, Василій... Но шарфъ... Надѣнь, дѣтка, шарфъ... И калоши... Я давала калоши Беркѣ Курляндчику залить, но онъ уже принесъ...

Силы всѣ ушли, и она упала на постель, на синюю подушку. И было ясно: это въ послѣдній разъ.

Василій Петровичъ послушно намоталъ на шею шарфъ. Потомъ надѣлъ калоши, которыя Берко Курляндчикъ дѣйствительно принесъ еще съ утра... Угрюмо шумѣли сосны. Изъ за лѣсу подходилъ поѣздъ, уже слышенъ былъ его лязгъ и громыханіе, и трепетно вздрагивалъ въ недостроенномъ домѣ полъ.

— Извощика... Въ комодѣ... Холодно... ты простудишься... Непремѣнно возьми извощика...—неясно бормотала Варвара Антоновна. Челюсти ея не сходились, и языкъ какъ-то не ворочался.—Въ верхнемъ ящикѣ комода... Возьми извощика... Въ комодѣ...

Чумаковъ торопливо оглянулся на жену.

— «Что такое?.. Бредитъ?..»

Онъ до ужаса боялся бреда. Онъ съежился и прикусилъ губу...

— Въ комодѣ деньги...—шептала больная:—въ верхнемъ ящикѣ... возьми въ комодѣ на извощика...

«А, значитъ не бредъ,—съ облегченіемъ подумалъ Василій Петровичъ, — слава Богу... Все, что угодно, только не бредъ».

Онъ вышелъ на веранду. Здѣсь сосны уже не шумѣли только, но ревѣли и стонали, какъ передравшіеся звѣри.

— А какія сосны на кладбищѣ!—вдругъ вспомнилось Василію Петровичу.

И встали въ воображеніи эти мрачные колоссы, одѣтые темной, почти черной хвоей, и безпорядочно разбросанныя межъ ними старыя и новыя могилы съ деревянными крестами и надписями. Мужики лежатъ тамъ,—много и тяжко потрудившіеся и горько страдавшіе люди... Къ нимъ отнесутъ и Варвару Антоновну... Что-жъ: потрудилась и она. И потрудилась, и пострадала. Компаніонъ подходящій.

Василій Петровичъ кулакомъ вытеръ слезу.

— Къ доктору почти двѣ версты,—думалъ онъ:—а вѣтеръ какой! Куда, къ чорту, подѣвались всѣ извощики?.. Вѣдь почти двѣ версты...

Трудно было въ этотъ день, въ такую погоду, а главное въ такомъ настроеніи сдѣлать двѣ версты!..

И потомъ,—развѣ доктора теперь застанешь?.. Въ этотъ часъ его уже нѣтъ дома, поѣхалъ по больнымъ...

Если бы еще поспѣшить, на хорошемъ извощикѣ, пожалуй, захватить можно бы... Но пѣшкомъ?

— Который теперь часъ?

Василій Петровичъ разстегнулъ пальто и вынулъ часы. Часы стояли.

— Ну да, конечно, не заведены.

Часы Василія Петровича заводила всегда Варвара Антоновна. Каждый день, аккуратно, передъ отъѣздомъ на службу, подходила къ ночному столику, брала черные съ золотой головкой часы «Лонжинъ» и заводила. Сегодня она часовъ не завела...

— Двѣ версты... Проклятый вѣтеръ! съ ногъ сбиваетъ... Недостаетъ теперь, чтобы еще и я простудился и слегъ... Кто-жъ тогда будетъ ухаживать за Варей?..

Дорожка вьется у низа желѣзнодорожной насыпи. А по другую сторону насыпи, межъ темными стволами сосенъ, желтѣютъ невысокія стѣны Цвѣтаевскаго дома. Чумаковъ вошелъ къ Цвѣтаеву и въ изнеможеніи опустился на стулъ.

— Ради Бога... Кого нибудь... Пошлите кого-нибудь за докторомъ. Моя Варя занемогла.

LI.

Онъ размоталъ шарфъ. Бирюзовые, выцвѣтшіе глаза его смотрѣли тревожно, почти испуганно. Золотистые усы, въ которыхъ была уже просѣдь, казались темными, потому что были мокры. И они не торчали по фельдфебельски кверху, а безпомощно повисли внизъ, какъ намокшія тряпочки.

Василій Петровичъ растерянно озирался... Надо домой... Что жъ онъ оставитъ больную?.. Конечно, надо домой... Да, но если она тамъ бредитъ?.. Ужасно это, когда бредитъ близкій человѣкъ. Ужасно тяжело и больно. Надо имѣть не нервы, а проволоки, чтобы это переносить. Это и для здоровыхъ людей тяжело. А если кто боленъ, если у кого больна душа?..

Что такое бредъ?

Можетъ быть, это слѣдствіе дѣйствія особыхъ микробовъ. Если посмотрѣть черезъ какія нибудь спеціальныя стекла,

которыхъ теперь приготовлять еще не умѣютъ, но которыя приготовлять научатся въ будущемъ, то человѣкъ въ бреду не представится ли окруженнымъ особой атмосферой, сплошь насыщенной такими же, напримѣръ, червячками, похожими на крабовъ, какіе плаваютъ въ кумысѣ?

Или, можетъ быть, это въ мозгу того, кто бредъ слышитъ, копошатся такіе червячки?

Кто знаетъ?..

Наука слѣпа, наука находится въ младенческомъ состояніи. Она ровно ничего не знаетъ, и еще вчера не знала ни безпроволочнаго телеграфа, ни радія, ни аэроплана... Если бы снять черепъ Василія Петровича, то можетъ быть всѣмъ стало бы видно, что подъ этимъ черепомъ кишмя кишатъ червячки. Какъ въ муравейникѣ муравьи...

— Ахъ, но что за пошлый, противный вздоръ!—закричалъ вдругъ Василій Петровичъ, вскакивая, и сзади, съ затылка, взъерошивая свои волосы.—Вздоръ вѣдь это все, чепуха, гадкая и злая чепуха!

Цвѣтаевъ быстро приподнялся, сложилъ на корабляхъ жилета пухлыя руки и съ недоумѣніемъ уставился на гостя.

— Чего вы, дѣтка?.. Что такое съ вами?..

— Все отъ лѣни, отъ распущенности, отъ притворства, отъ дрянного и разнузданнаго эгоизма,—нахмурившись заговорилъ Чумаковъ.—Чертъ подери! Надо же хоть когда-нибудь, хоть разъ въ жизни, хоть передъ лицомъ Вариной смерти, сказать откровенно, честно, просто, въ чемъ дѣло... Я, я, я, я...—сильно подчеркивая этотъ звукъ и раздражаясь, съ рѣзкимъ выраженіемъ отвращенія, продолжалъ Чумаковъ.—Я, я, я... Все я, да я, да мое здоровье, да мой покой, да мое удобство, да мой подлый капризъ,—я!.. Центръ міра—я, и кромѣ этого Я нѣтъ никого... Ахъ Боже ты мой, Боже мой!.. Гдѣ совѣсть, гдѣ стыдъ, гдѣ жалость? Гдѣ, наконецъ, разсчетъ, самый обыкновенный коммерческій, торговый разсчетъ!.. Потому что вѣдь даже изъ простого лавочническаго разсчета надо бы пожалѣть и поберечь человѣка, который столько дѣлаетъ для тебя!

Выраженіе недоумѣнія на лицѣ Цвѣтаева сдѣлалось рѣзче. Никакъ не ожидалъ старикъ подобныхъ словъ, подобнаго тона... И кромѣ недоумѣнія, на лицѣ его была еще большая тревога. Для чего, собственно, все это? Такія слова, такія мысли... Къ чему?

— Нѣтъ, Василій Петровичъ, вы не тово... Вы это дѣтка,

совсѣмъ не такъ... не съ того боку... Къ чему? Зачѣмъ?.. Помилуйте!..

Во всемъ, что не касается его дѣлишекъ, закладовъ и процентовъ, старикъ былъ совсѣмъ не золъ; онъ былъ отзывчивъ и даже чувствителенъ. И видъ разстроеннаго, волнующагося, сердито и съ болью говорящаго и сильно жестикулирующаго Чумакова, стараго и добраго пріятеля и постояннаго партнера, глубоко огорчалъ Цвѣтаева.

— Дорогой мой, сердце, ей Богу, вы это ни къ чему, да ей Богу же...

— Вѣдь замучила себя, загубила!—не обращая вниманія на слова Цвѣтаева, говорилъ Василій Петровичъ.—«Нѣтъ выше счастья, чѣмъ пожертвовать собой»... Ну и пусть, и прекрасно... Но вѣдь еще для чего жертвовать-то!.. Ну, пожертвовать собой для высокаго, святого дѣла, для народа, для Россіи, для науки, для любимаго человѣка... Такъ вѣдь надо же по крайней мѣрѣ, чтобы человѣкъ былъ хорошій, чтобы онъ достоинъ былъ жертвъ!.. А я?.. Жертвовать собой для меня, для пустого, нелѣпаго, ничтожнаго эгоиста, для смѣшного бездѣльника, для дрянного, каррикатурнаго субъекта, который даже въ полупомѣшанные не годится, для жалкаго, неискуснаго притворщика... эхъ..

Съ выраженіемъ острой ненависти онъ сжалъ кулакъ, поднялъ его надъ головой и съ силой опустилъ внизъ,—точно молотъ надъ наковальней.

— Безуміе!.. Безуміе и только!..

Старый Цвѣтаевъ неодобрительно покачалъ головой. Въ замѣшательствѣ онъ пухлыми руками нервно теръ себя по брюшку.

— Нѣтъ, Василій Петровичъ, это не того... это не фокусъ... Это, наконецъ, Богъ знаетъ что!.. Человѣкъ вы достойный, прекрасный, очень просвѣщенный, вотъ-вотъ инженеръ, собственные шлюзы выдумали—и вдругъ на-те! Извольте радоваться, ни съ того, ни съ сего, съ бухты, можно сказать, съ барахты, какія слова!.. Нѣтъ, это не тово, не годится...

— Да, просвѣщенный! — простоналъ Чумаковъ. — Очень просвѣщенный...

Онъ отвернулся, хрустнулъ пальцами и зашагалъ по комнатѣ. Желтое, обрюзшее лицо его искривлялось, вздрагивало; на глазахъ блестѣли слезы.

«Вотъ оно»,—думалъ Цвѣтаевъ, съ изумленіемъ поглядывая на Чумакова.—«Вотъ оно, стало быть, какой онъ... Что жъ, и правда вѣдь: бездѣльничекъ первый сортъ, это что говорить... я въ его годы—Господи!—какіе штормы... вѣдь какъ щепку тебя,

какъ мячикъ швыряло... Ну а все таки... что жъ онъ, сейчасъ только и узналъ, что бездѣльникъ?.. Чудакъ... Жалко... Парень вѣдь золотой... Страхъ, какъ жалко»...

Онъ ворочалъ круглой головой то вправо, то влѣво, сообразно съ тѣмъ, куда перебѣгалъ метавшійся Чумаковъ.

— Вѣдь это только женщины, однѣ только женщины способны на такую любовь, на такую сумасшедшую преданность!— говорилъ Василій Петровичъ.

— Прилѣпится къ человѣку, почему то приростетъ къ нему, и вотъ этакъ всю себя, всю, всю свою жизнь отдастъ! По каплѣ кровь свою выцѣживать станетъ, по золотнику мясо свое каждый день отрѣзать будетъ... А въ замѣнъ, въ отплату,—ничего... Хоть бы что-нибудь, хоть бы что-нибудь!—ну камень съ дороги, воды бы ложку, листикъ бы съ дерева,—нѣтъ, ничего не спроситъ... А мы, между тѣмъ,—«подавай»!.. Намъ только подавай... Слопаемъ!... Все слопаемъ... И чѣмъ больше будутъ подавать, тѣмъ наглѣе и безжалостнѣе будешь становиться... Все принимаемъ! Все принимаемъ,—и уже сердимся, уже торопимъ: скорѣе подавай, больше подавай... И еще хорошо, если при этомъ подающаго не стукаемъ по темени молоткомъ.

— Ну-ну-ну-ну!—съ живостью и словно чѣмъ-то сильно обрадованный, протянулъ Цвѣтаевъ.—«Прилѣпится женщина, всю душу отдастъ»... Это я вамъ доложу, тоже, еще какая женщина... Если бы вы, дѣтка, мою покойницу Прасковью Трофимовну знавали... Антикъ-съ! Такой антикъ-съ была, что шесть любовниковъ на шесть будничъ дней, а на воскресенье двухъ сразу. Всеобъемлющая душа... Э, да что тамъ съ ними! Слушайте, роднаечка, слушайте-ка лучше, что я вамъ скажу... Совсѣмъ, какъ говорится, изъ другой оперетки.

Онъ взялъ Василія Петровича за обѣ руки и въ лицо его заглядывалъ ласково, любовно, свѣтло,—съ тѣмъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ выраженіемъ, которое говоритъ: «на, возьми у меня все, что есть у меня самого дорогого и любимаго, и я буду счастливъ»...

— Знаете ли, я вамъ скажу?.. Василій Петровичъ, дорогой мой, дружочекъ... Бросьте вы все это! Адью и до свиданія. Бросьте. А сразимся-ка мы лучше съ вами въ шахматенціи,—а?.. Сразимся...

Не любилъ старикъ шуму! Мирный былъ человѣкъ, безмятежный. Эти страстныя слова Чумакова, это его неожиданное самобичеваніе, конечно, очень интересны. На всю долгую и тошную зиму хватитъ матеріалу для разговоровъ, обсужденій и пересу-

довъ. Въ скучной и нудной жизни поселка развлеченіе самое благородное. Но вѣдь слишкомъ горячится Чумаковъ, слишкомъ шумитъ, и это уже не хорошо. Лучше, если въ шахматы!

— Ей Богу, голубчикъ, сразимся... Гамбитикъ Эванса... Здорово саданемъ!

Старикъ метнулся въ сторону, схватилъ стоявшій у шкафа легкій на высокихъ, тонкихъ, какъ палецъ, ножкахъ шахматный столикъ и понесъ его къ окошку.

Саданемъ, саданемъ,
Саданемъ, данемъ, данемъ...

смѣшно выпучивая глаза, весело запѣлъ онъ на мотивъ La donna e mobile.

— Вотъ... Туточки... Тутъ и свѣтлѣй, и удобнѣй... Туточка я, а тутъ вы, Василій Петровичъ... Прене вотръ ля плясъ...

Василій Петровичъ отрицательно мотнулъ головой.

LII.

Хмурый, взъерошенный, почти злобный, смотрѣлъ онъ въ окно, на растилавшійся впереди унылый пейзажъ. Темныя, мокрыя, пустыя поля; темное небо надъ ними, и одиноко чернѣетъ кое-гдѣ низенькій, голый кустарникъ. Вѣтеръ рветъ и толчется,— это видно по мятущимся верхушкамъ двухъ старыхъ сосенъ, стоящихъ подлѣ станціи,—но облака не движутся. Въ облакахъ нѣтъ ни рисунка, ни тѣни. Плотной, одноцвѣтной темно-сѣрой массой сгустились и стоятъ, точно высокая стѣна тюрьмы. Ахъ, и велика же тюрьма!.. Влѣво виденъ широкій полукругъ желѣзнодорожнаго полотна, оборванный темнымъ перелѣскомъ. Обнаженно сѣрѣютъ телеграфные столбы и мечутся въ густой мглѣ стаи воронъ, наполняя мутную пустоту противными, голодными криками...

Василій Петровичъ смотритъ, хмурится, ежится,—и точно входитъ въ него, въ душу его, все сѣрое, холодное и тяжелое, что владычествуетъ тамъ, за окномъ, въ голыхъ поляхъ... И уже падаетъ въ немъ неожиданно родившійся приливъ негодованія, и уже меркнутъ всѣ внезапно вспыхнувшія угрызенія... Густымъ и ѣдкимъ дымомъ облѣпляютъ его обычныя настроенія, и опять уже рождаются привычныя, удобныя, выгодныя и такія убаюкивающія слова — «вѣдь боленъ я... ушибленъ волевой центръ... не въ силахъ я...».

Сбоку, краюшкомъ глазъ, посмотрѣлъ онъ на Цвѣтаева... Какъ глупо, однако, и смѣшно изливаться, раскрывать душу передъ старымъ ростовщикомъ!.. Можно ли дѣлать такія вещи?!..

Этого никто дѣлать и не сталъ бы. Жалкая невоздержанность, бабья нервозность, неумѣнье владѣть собой, отсутствіе гордости и мужского достоинства... Безобразная, болѣзненная тряпичность никуда негоднаго неврастеника, плачевная истерія...

Разоткровенничался, разнюнился,—а теперь стыдно.

Стыдно и тяжело.

Человѣкъ здоровый никогда не повелъ бы себя такъ.

И никогда бы такъ не испугался здоровый человѣкъ болѣзни жены.

Развѣ не случается, что захвораетъ жена? Захвораетъ, а потомъ поправляется. Здоровый человѣкъ ко всему относится спокойно. А онъ, — вотъ онъ какъ разволновался!.. Но строго осудить себя за это онъ не можетъ. Потому что все это — отъ болѣзни. Съ этимъ надо, конечно, бороться; такая чрезмѣрная чувствительность и возбудимость не должны быть допускаемы. Надо будетъ съѣздить къ Кнорре. А еще лучше — къ какому-нибудь крупному авторитету, къ знаменитости. Кнорре, въ концѣ концовъ, мало понимаетъ...

Въ сущности, если подумать хорошенько, настоящаго и серьезнаго лѣченія никогда не было. Ни разу не обратились къ профессору. Оставили городъ, переѣхали сюда, въ эту проклятую Бѣлую. Пустошь, гдѣ ничто никогда не отвлечетъ и не развлечетъ, и здѣсь нищета обстановки, скука, однообразіе, сумракъ и тусклость впечатлѣній только усиливали болѣзнь... Сиди вотъ съ этимъ убогимъ Цвѣтаевымъ или смотри на сосны...

Это все Варвара Антоновна!

Ей все почему-то хотѣлось и нужно было переѣхать сюда. Остроумно очень!.. «Лучше будетъ для здоровья, спокойнѣе для нервовъ... Затрапезная психіатрія!.. И вотъ, поплатились: она больна, онъ боленъ...

— Василій Петровичъ, начнемте? — спросилъ Цвѣтаевъ, разставляя шахматы и толкаясь круглымъ животомъ, кораблями на жилеткѣ, объ столикъ. — Эхъ, да и закатаю же я васъ сегодня!

Чумаковъ не отвѣтилъ. Мрачныя мысли мутили его. Вотъ сидитъ онъ,—и ничего! Какъ будто ничего особеннаго съ нимъ не происходитъ. И никто ничего не подозрѣваетъ. А онъ, между тѣмъ, знаетъ, что подъ черепомъ копошатся у него эти ужасные червячки.

Можно, конечно, не вѣрить самому себѣ. И можно себя бичевать, ругать, обвинять во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, но болѣзнь этого не испугается, она свое будетъ дѣлать... Вотъ они червячки! Вотъ... передъ глазами мелькаютъ... Зеленоватые, съ хвостиками, какъ пузырьки, какъ маленькіе крабики...

И такъ уже сбитъ съ толку и спутанъ Василій Петровичъ, до такой степени перемѣшалось и слилось въ немъ убогое притворство съ подлинными чувствами, плохая выдумка малоизобрѣтательнаго эгоиста съ неподдѣльной сумбурностью полуразстроеннаго человѣка, что не могъ бы онъ, если бы и захотѣлъ, сказать по всей правдѣ: точно ли видитъ онъ передъ собой какихъ-то червячковъ, съ хвостиками и похожихъ на крабовъ, или это только говоритъ онъ такъ,—для усмиренія взволновавшейся совѣсти...

По всей правдѣ сказать онъ не могъ бы.

Но стоялъ онъ удрученный, испуганный, тревожный.

— Чего тамъ, Василій Петровичъ!.. — воскликнулъ Цвѣтаевъ:—Киснуть нечего. Кисляндія, Курляндія, все это лишнее. Пока Христя сбѣгаетъ за докторомъ, прене вотръ ля плясъ, сразимся.

Цвѣтаевъ пошелъ къ стѣнѣ, взялъ стулъ за спинку и, не поднимая его, поволокъ,—такъ что ножки шумно царапали полъ.

— «Прилѣпится женщина, всю душу отдастъ»,—ворчалъ старикъ. — Не знали вы, дорогаечка, моей Прасковьи Трофимовны, оттого и разсуждаете такъ... Эхъ, да и закопаю же я васъ сегодня, закопаю здорово!

LIII.

Мимо оконъ быстро промелькнулъ ярко-желтый платокъ. Это Христя побѣжала за докторомъ.

— Неужели я теперь буду играть?—растерянно спрашивалъ себя Василій Петровичъ. — А Варя... Она тамъ одна... Никого при ней... Вѣдь она не встанетъ... Вѣдь уже не встанетъ...

Онъ былъ блѣденъ, плечи его вздрагивали, и слезы подкатывались къ глазамъ.

— Это я оттого, что я боленъ... Червячки... Ишь какъ они... кишатъ... кишатъ...

Хмурясь, вздрагивая, полный печали и смущенія, и страха, и досады,—и смутныхъ мыслей о томъ, что надо будетъ, наконецъ,

обратиться къ знаменитому психіатру,—онъ взялъ пѣшку и плачущимъ голосомъ сказалъ...

— Я пошелъ.

LIV.

Не успѣлъ, однако, Цвѣтаевъ обдумать свой ходъ, какъ Василій Петровичъ со странной для него стремительностью поднялся съ мѣста и, ничего не сказавъ, и не прощаясь, направился въ переднюю. Надѣлъ пальто, сѣрое, со свѣтло-сѣрымъ смушковымъ воротникомъ, и вышелъ на улицу. Прошелъ шаговъ сто, потомъ опустился на лежавшую въ умершихъ стебляхъ травы горку старыхъ шпалъ... Мокрыя поля, угрюмый блескъ лужъ, а вмѣсто неба—сажа съ мѣломъ... Василій Петровичъ смотрѣлъ въ глубину пустыхъ полей и думалъ...

Долго ли просидѣлъ онъ здѣсь, онъ не замѣтилъ. Должно быть долго... По дорогѣ, направляясь къ дому Чумаковыхъ, прокатила таратайка. Таратайка была мѣстнаго производства, плетенная, выкрашенная охрой. Колеса синія. Сидѣлъ въ таратайкѣ докторъ, а противъ него, рядомъ съ кучеромъ, но тыломъ къ лошадямъ, помѣщалась Горбатюкова жена Катерина.

У Катерины былъ особый инстинктъ, которымъ она многое угадывала: и то, что пошелъ мужъ собирать слѣдуемыя ей за молоко деньги; и то, что свалился пьяный Никита у самаго пруда; и то, что случится у нихъ пожаръ и сгоритъ все сѣно, а вмѣстѣ съ сѣномъ—и Старостиха, вѣрная коняка...

Въ это утро Катерина почувствовала, что недоброе произошло у Чумаковыхъ. Пришла къ нимъ и увидѣла лежащую на диванчикѣ Варвару Антоновну... Катерина разволновалась и побѣжала за докторомъ... Но побѣжала не домой къ доктору, а руководимая таинственнымъ истинктомъ своимъ, устремилась къ отставному штабсъ-капитану Майбородѣ, у котораго свинкой болѣли дѣти. Тамъ доктора и застала...

...Василій Петровичъ посмотрѣлъ телѣжкѣ въ слѣдъ.

— Да, это они къ намъ...

Онъ всталъ и пошелъ.

Но не дойдя до тропинки, соединявшей проѣзжую дорогу съ домомъ, онъ снова сѣлъ, — теперь уже прямо на землю, на каменный бугорокъ,—и снова сталъ глядѣть въ поля и на соломенныя пухлыя крыши Бѣлой Пустоши... Онъ думалъ о томъ, что докторъ не поможетъ Варварѣ Антоновнѣ. Что можно

сдѣлать? Ничего. Никакіе доктора теперь не помогутъ. Для Варвары Антоновны пришелъ конецъ. Но и для него самаго тоже пришелъ конецъ... И это очень хорошо, что пришелъ конецъ. Куда и для чего годится онъ, и какъ смогъ бы онъ жить безъ жены? Жить не сможетъ, и жить не будетъ. И жить не надо. Конецъ.

И несмотря на то, что такъ близокъ и несомнѣненъ былъ конецъ, въ душѣ Василія Петровича не было страха. И ушли вдругъ всѣ путанныя думы о червякахъ, похожихъ на крабиковъ, о томъ, что надо къ знаменитому психіатру, о томъ, что виновата въ чемъ-то Варвара Антоновна. Все это ушло и ушло... Въ самомъ несложномъ и прадивомъ видѣ предстало передъ нимъ его положеніе: пришелъ конецъ!

Пришелъ конецъ. Но развѣ это страшно?

Вотъ стоитъ у дороги маленькая, въ аршинъ, сосенка. Подломанъ стволъ, и зеленая голова деревца—на землѣ, въ холодной лужѣ... Зацѣпила сосенку колесомъ проносившаяся мимо телѣжка. Сосенку сломало. Надо ей умирать. Ну что жъ,—и умирать. Но боръ сосновый,—вѣдь вонъ онъ!

Крѣпкій, сильный, жизнью вѣчно питаемый стоитъ боръ спокойно,—и гдѣ жъ его конецъ? Даже на вырубленныхъ дѣлянкахъ крохотной ниткой-травинкой пробивается къ жизни, къ небу, новая сосна. Ничего, значитъ! Будетъ боръ. Будетъ.

Василій Петровичъ съ добрымъ возбужденіемъ смотрѣлъ на лѣсъ и вставали въ его душѣ чувства, которыхъ не зналъ онъ уже давно, тѣ чувства, которыми горѣло его сердце въ молодости, когда захваченъ онъ былъ работой, приведшей въ глухую деревушку, въ Пермской губерніи... Какая эта была жуткая, огненная, радостно-живая работа!...

— Ну что-жъ?.. И будетъ боръ!..

Пришелъ конецъ. Зацѣпила колесомъ своимъ телѣга жизни, подломила,—вотъ какъ эту сосенку,—у самыхъ корней. И много вышло потомъ въ жизни изувѣченнаго и кривого. При паденіи своемъ, онъ на смерть ранилъ и жену. О, какъ безмѣрна его вина, и какъ безконечна печаль!..

Велика печаль. Но помочь нельзя. Нельзя,—потому что пришелъ конецъ.

— И надо уходить...—вслухъ сказалъ Василій Петровичъ.

Онъ сказалъ это, обращаясь къ сломанной сосенкѣ и думая о женѣ.

— Надо намъ съ тобой уходить... умирать...

Странная улыбка перекосила его одутловатое и сѣрое,—

почти такое же сѣрое, какъ и смушковый воротникъ пальто,—лицо...

«Нѣтъ, это не бредъ—мысленно сказалъ онъ себѣ.—Съ ума я не сошелъ... Теперь, когда настало время и надо мнѣ уйти, я вижу и понимаю все яснѣе, чѣмъ когда бы то ни было»...

Василій Петровичъ продолжалъ сидѣть на бугоркѣ на камнѣ. Новыя мысли появлялись въ его головѣ... Третьяго дня передъ вечеромъ, въ самый часъ заката, надъ Бѣлой Пустошью летѣлъ дирижабль. Золотистый, длинный, съ крутыми боками, похожій на миноноску... Да, вотъ надъ этимъ унылымъ базаромъ, гдѣ сгнившіе лари и кривыя будки стоятъ, какъ стояли при Михаилѣ Федоровичѣ, пролеталъ,—вѣдь все таки пролеталъ!—дирижабль... Въ сегодняшнемъ номерѣ газеты сказано, что онъ называется «Жизнь»... Вѣтеръ былъ съ запада, а дирижабль летѣлъ на западъ. Летѣлъ впередъ и впередъ, спокойно и увѣренно.

— Да. Это я видѣлъ... Ну и что жъ, — и могу уйти... Если пришелъ конецъ, то надо уходить... А боръ будетъ. Вѣдь боръ будетъ!

Великая печаль еще стояла въ душѣ. Но страха не было въ ней совсѣмъ, и не было въ ней унынія. Проливалось въ сердце что-то крѣпкое, вѣрное и ласковое. Василій Петровичъ мысленно прощался съ полями, съ хатами, съ женой, съ Никитой Горбатюкомъ и его Катериной, съ жизнью прощался онъ. Слезы дрожали въ его мутившихся глазахъ, а губы тихонько шептали:

— Боръ будетъ... будетъ...

И видѣли полные слезъ глаза продолговатое золотистое тѣло дирижабля. Большія буквы «Жизнь» четко выступали на его крутыхъ бокахъ. Увѣренно и спокойно плылъ дирижабль надъ родной Бѣлой-Пустошью.

Д. Айзманъ.

ВЪ ДОРОГѢ.

О, радость путника—въ дорогѣ одинокой,
Вдали отъ суеты—
Взглянуть на мигъ назадъ, почуять, какъ далеко
Все, что оставилъ ты!
Закинуть голову и небу улыбнуться,
Расправивъ вольно грудь,
Своею жизнью всей въ жизнь міра окунуться
И въ мірѣ потонуть.
И солнца, и поля, и зелень подъ ногами,
И духъ кипучій твой—
Одинъ посѣвъ Творца, увѣнчанный ростками,
На нивѣ міровой...
И чтобъ не мнилося, что сонъ лишь безтревожный—
Весь этотъ міръ святой,
Коснуться бережно цвѣтовъ въ пыли дорожной,
Прильнуть къ травѣ густой.
Забыть, что ты страдалъ, отдать кошницу пѣсенъ
За свѣтлую стезю,
За этотъ уголъ дней, что такъ уютно тѣсенъ
И жизнь объемлетъ всю.

Сем. Астровъ.

КОНСТИТУЦІОННАЯ ЭВОЛЮЦІЯ АНГЛІИ [1])

(Въ теченіе послѣдняго полувѣка).

IV.

Апоѳеозъ монархіи и торжество демократіи.

Изъ трехъ «сословій королевства», на которыхъ покоится традиціонная англійская государственность, палата лордовъ и палата общинъ выходятъ изъ конституціонной эволюціи послѣдняго полувѣка глубоко измѣненными, обезсиленными или ослабленными. А третье «сословіе королевства», первое по порядку—корона?

Воцареніе избирательныхъ массъ и, въ частности, возвеличеніе исполнительной власти, въ лицѣ кабинета и премьера, законодательствующихъ и осуществляющихъ королевскую прерогативу во всемъ ея объемѣ, оставляетъ ли еще какое-нибудь мѣсто самой коронѣ? Съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, повидимому готовымъ, не слѣдуетъ, однако, спѣшить. Исторія короны за послѣдніе полвѣка приводитъ опять къ неожиданному выводу: монархія поднялась на высоту, которой она не достигала со временъ Елизаветы. Между тѣмъ, въ теченіе XVШ-го и первой трети XIX-го вѣка монархія стояла такъ низко, какъ никогда. Первые короли настоящей династіи, первые Георги изъ Ганновера, чуждые своей новой странѣ, интересовались больше своими собаками и своими нѣмецкими любовницами. Георгъ Ш, англійскій патріотъ и человѣкъ доброй нравственности, первую половину своего долгаго царствованія провелъ въ попыткахъ утвердить свой абсолютизмъ интригой и коррупціей, а вторую—

[1]) См. «Вѣстникъ Европы», кн. 11, 1913 г.

въ состояніи сумасшествія. Регентъ, а затѣмъ король Георгъ IV затмилъ своихъ предшественниковъ распутной жизнью и придворными скандалами, отнюдь не искупавшимися другими качествами, даже элементарной порядочностью. What a pity, the King is not a gentleman (какая жалость, король не джентльменъ)—сказалъ одинъ изъ его министровъ, кажется—Пиль. Престолъ былъ загрязненъ пороками и окруженъ презрѣніемъ, когда на него вступила молодая Викторія, чистая душой и исполненная глубокаго чувства долга, какъ женщина и какъ королева. Народъ не сразу замѣтилъ перемѣну. Антимонархическое настроеніе, вызванное ея предшественниками, не исчезло, и осадокъ его еще долго лежалъ въ душахъ народныхъ. По отношенію къ монарху все, самое чудовищное, казалось правдоподобнымъ. Во время Крымской войны, по поводу треній короны съ кабинетомъ, распространились слухи, что королева и мужъ ея изобличены въ государственномъ заговорѣ и будутъ посажены въ Тоуэръ, въ государственную тюрьму; «тысячи народа окружили Тоуэръ, чтобы посмотрѣть, какъ насъ повезутъ туда», писалъ самъ принцъ-супругъ. Между тѣмъ, королева и ея мужъ дѣлали все, чтобы поднять достоинство короны, своей безупречной жизнью они дали другой тонъ всему придворному міру и заставили распущенную англійскую аристократію подтянуться и соблюдать хоть внѣшній декорумъ. Корректный образъ дѣйствій принца-супруга и неусыпныя заботы его о поднятіи культурнаго уровня англійскаго общества, о развитіи искусствъ, доказали его преданность Англіи и примирили съ нимъ общественное мнѣніе, сначала относившееся къ нему подозрительно, какъ къ иностранцу и мужу королевы, оказывающему, вѣроятно, закулисное вліяніе на государственныя дѣла.

Безвременная кончина его испортила отношенія королевы къ націи. Удрученная горемъ, Викторія уединилась въ глубинѣ дворцовъ своихъ, появлялась очень рѣдко въ Лондонѣ и почти устранилась отъ государственныхъ дѣлъ. Нравственный капиталъ, который корона съ такими усиліями накопила-было за послѣдніе два десятка лѣтъ, не былъ пущенъ въ оборотъ. Для лондонскаго общества, жаждущаго суеты и развлеченій, для торговцевъ, ожидающихъ наживы отъ придворныхъ и другихъ великосвѣтскихъ празднествъ, для столичной толпы, смотрящей на эти празднества, какъ на свои *circenses*, дворъ пересталъ существовать. Между тѣмъ на содержаніе его отпускалась изрядная сумма изъ народныхъ средствъ. Тогда раздались голоса: зачѣмъ же намъ эта носительница короны, которая сидитъ гдѣ-

то тамъ въ шотландскихъ горахъ, льетъ вдовьи слезы и... копитъ деньги. И республиканская идея, которая, благодаря Георгамъ, давно уже нашла себѣ доступъ въ Англію, получила сильный импульсъ. Къ нему прибавилось еще впечатлѣніе, произведенное паденіемъ имперіи и установленіемъ республики въ сосѣдней Франціи въ 1870-мъ году. Въ странѣ поднялось республиканское движеніе, во главѣ котораго сталъ молодой баронетъ и членъ парламента, сэръ Чарльзъ Дилькъ. На митингахъ, устроенныхъ въ разныхъ концахъ страны, онъ поставилъ на народное обсужденіе проблему монархіи съ финансовой стороны: она стоитъ дорого, а пользы отъ нея нѣтъ. Сѣверъ Англіи покрылся республиканскими рабочими клубами. Образованіе сильной республиканской партіи въ странѣ и въ парламентѣ казалось неминуемымъ.

Но тутъ-то и произошелъ кризисъ, какъ въ теченіи тяжкой болѣзни. Въ глубинахъ народной души оказались большія залежи монархическаго лоялизма, накопленныя вѣками пластъ за пластомъ, подобно каменному углю, наполняющему нѣдра англійской земли. Таинственная связь монархіи съ небомъ, созданная благочестивымъ воображеніемъ средневѣковья; вѣрность вассаловъ сюзерену на жизнь и смерть, завѣщанная феодализмомъ; божественное право монарховъ, освященное церковью и доказанное, какъ догматъ, апологетикой книжниковъ и законниковъ; реформація, произведенная настойчивостью королей и освободившая христіанскую душу отъ пагубныхъ ученій папизма, англійское государство—отъ злокозненныхъ притязаній римскаго престола; наконецъ, самая революція, the Great Rebellion, приведшая къ казни короля, но окружившая его ореоломъ мученичества, въ сіяніи котораго зародился торизмъ, донесшій культъ короля до нашихъ дней—все соединилось на протяженіи временъ для того, чтобы создать въ англійскихъ сердцахъ «созвучье словъ живыхъ» между Royalty и Loyalty. Долго находившіяся въ состояніи покоя, душевныя струны эти вдругъ задрожали отъ двухъ послѣдовательныхъ ударовъ. Первымъ былъ ударъ по добродѣтельной женщинѣ, носившей корону, вторымъ—неожиданное исцѣленіе наслѣдника престола, бывшаго при смерти и вдругъ вернувшагося къ жизни и здоровью. Въ умиленіи народъ бросился въ храмы со слезами благодарности, какъ слишкомъ сто лѣтъ передъ тѣмъ во Франціи по выздоровленіи молодого Людовика XV, le bien aimé. Митинги сэра Чарльза Дилька сопровождались кровавыми драками; его предложеніе въ парламентѣ, направленное противъ короны, торжественно провалилось послѣ пламенно лоя-

листской рѣчи Гладстона. Республиканское движеніе замерло, а престижъ монархіи сталъ подниматься все выше и выше, какъ волна на бушующемъ морѣ.

Волну эту вздымало, однако, отнюдь не традиціонное чувство вѣковъ минувшихъ. Въ монархическомъ лоялизмѣ, прорвавшемся наружу изъ глубинъ народныхъ, религіозная или quasi-религіозная основа его отпала; мистическая дымка, окружавшая его, разсѣялась въ лучахъ цивилизаціи девятнадцатаго вѣка; лоялизмъ, я сказалъ бы по французски, s'est laïcisé et s'est humanisé. Прежній образъ монархіи не соотвѣтствовалъ болѣе характеру новыхъ правящихъ классовъ—среднихъ классовъ, къ которымъ перешла политическая гегемонія послѣ 1832-го года. Душа этихъ классовъ, отдѣланная двумя могучими факторами—пуританизмомъ и прилавкомъ, не могла тяготѣть къ монарху, то увѣнчанному иконой, то облеченному съ головы до ногъ въ латы, то стоящему во главѣ пышнаго и праздная двора, изящному или грубому vert galant. Люди создаютъ себѣ боговъ по своему образу и подобію. И новая Англія, взирая на монарха своего, обращала къ нему слова русскаго поэта: «будь на тронѣ человѣкомъ», но въ смыслѣ болѣе широкомъ: «будь на тронѣ человѣкомъ, а не сверхъ-человѣкомъ и не вырожденіемъ человѣка, дабы въ образѣ и подобіи твоемъ я могла узнать свой образъ и свое подобіе». Въ королевѣ Викторіи не было ничего героическаго; она была вся исполнена чувства долга въ большомъ и маломъ, отличная мать семейства, аккуратная, знающая цѣну деньгамъ, скромная въ своихъ личныхъ потребностяхъ, въ столѣ и въ туалетѣ, безпощадно строгая къ легкости нравовъ, религіозная, но безъ преувеличенія, не совсѣмъ лишенная вкуса къ чтенію, цѣнящая даже нѣкоторыхъ поэтовъ, питающая отвращеніе къ французской литературѣ (having a deep objection to French literature in all its branches), по причинѣ ея «безнравственности».

Когда средніе классы Англіи присмотрѣлись къ своей королевѣ, они узнали въ ней себя и свои помыслы, и сердца ихъ вознеслись къ ней. Всѣ ея движенія и жесты умиляли ихъ. Они читали съ упоеніемъ ея дневники, выпущенные ею въ свѣтъ [1]), гдѣ тривіальность содержанія соперничала съ бѣдностью формы. Королева описываетъ свое посѣщеніе вдовствующей герцогини Athole: «прекрасные завтраки, такія превосход-

---

[1]) *Leaves from the Journal of a life in the Highlands.* 1868.
More leaves from the Journal of a life in the Highlands. 1884.

ныя сливки и масло! У герцогини отличная кухарка, шотландка, и я думала о томъ, какъ все это понравилось бы дорогому Альберту (покойному мужу). Онъ всегда говорилъ, что все лучше въ менѣе большихъ домахъ». Въ томъ же дневникѣ можно, правда, найти и другую ноту. Королева описываетъ посѣщеніе Абботсфорда, жилища Вальтеръ Скотта, сдѣлавшагося мѣстомъ пилигримства для туристовъ всякаго званія: «Въ кабинетѣ мы видѣли дневникъ сэра Вальтера. Мг. Hope-Scott (племянникъ знаменитаго писателя, владѣлецъ его дома) просилъ меня вписать туда мое имя, но я думала, что это было бы съ моей стороны самомнѣніемъ». Повелительница имперіи, въ которой солнце никогда не заходитъ, не дерзаетъ росписаться въ дневникѣ Вальтеръ Скотта. Не слѣдуетъ однако заблуждаться относительно истиннаго значенія этого жеста. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ наивнымъ преклоненіемъ предъ матеріальной силой со стороны Фердинанда I австрійскаго, который, послѣ аудіенціи, данной имъ Ротшильду, не могъ надивиться простотѣ, съ которой тотъ держалъ себя, и говорилъ на вѣнскомъ діалектѣ: nit e bissele stolz (ни капельки гордости), а между тѣмъ у человѣка столько милліоновъ. Но это не есть и преклоненіе предъ духовной силой со стороны императора-философа Донъ Педро II бразильскаго, который, явившись къ Виктору Гюго, произнесъ въ смущеніи: Encouragez moi, monsieur Hugo (ободрите меня, г. Гюго!) Со стороны Викторіи это была инстинктивная робость мѣщанской ограниченности, отступающей предъ чуждой стихіей. Это было проявленіе того чувства, которое въ англійскомъ обществѣ, и особенно въ среднихъ классахъ, считается обязательной добродѣтелью человѣка, состоящей въ томъ, что каждый «знаетъ свое мѣсто».

Новое общественное и правовое сознаніе англійскаго народа, укрѣпленное утвержденіемъ во власти среднихъ клиссовъ, приложило это требованіе и къ монарху: онъ тоже долженъ «знать свое мѣсто». По отношенію къ нему это значило, что у него нѣтъ личнаго круга дѣйствій, нѣтъ личной воли во всемъ, что касается дѣлъ государства, что его власть не надзаконная, а подзаконная, и что власть эта осуществляется всецѣло не только для народа, но и подъ контролемъ и руководствомъ его представителей. Королева Викторія, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, усвоила себѣ сразу эту роль монарха, выработанную всей политической эволюціей Англіи. И собственный инстинктъ, и политическіе уроки ближайшихъ совѣтниковъ первыхъ лѣтъ ея царствованія, лорда Мельбурна и принца-су-

пруга, и женская слабость примирили ее съ подчиненнымъ положеніемъ, и она явилась на англійскомъ престолѣ первымъ конституціоннымъ монархомъ. Неизмѣнно вѣрная занятому ею положенію въ теченіе всего долгаго царствованія своего, она окончательно покорила себѣ сердца своего народа и примирила съ монархіей ея противниковъ. Самые крайніе радикалы сложили оружіе еще задолго до кончины королевы Викторіи. Республиканское движеніе давно растаяло безъ остатка [1]).

Кратковременное царствованіе Эдуарда VII укрѣпило нравственное положеніе монархіи. Человѣкъ иного темперамента и иныхъ привычекъ, чѣмъ королева Викторія, онъ по своему воплотилъ проявленныя ею добродѣтели монарха новаго типа: высокое личное достоинство и политическое самоотреченіе. Его личность, менѣе тусклая, жизнерадостная, придала имъ колоритность, окружила ихъ мягкимъ, ласкающимъ свѣтомъ. Джентльменъ съ головы до ногъ, полный сознанія своего ранга, но очаровательный въ обращеніи съ послѣднимъ изъ подданныхъ своихъ, доступный пониманію новыхъ общественныхъ стремленій и вкусовъ, самъ раздѣлявшій наиболѣе распространенный изъ послѣднихъ—вкусъ къ спорту, онъ относился съ полной серьезностью и рвеніемъ къ обязанностямъ монарха, не позволяя себѣ, однако, ни малѣйшаго проявленія своей воли или своихъ симпатій въ дѣлахъ государственныхъ. Его преемникъ, Георгъ V, вступилъ на престолъ проникнутый всецѣло тѣми же чувствами и почти тотчасъ далъ самое яркое доказательство тому въ великомъ конституціонномъ кризисѣ, покорно предоставивъ въ распоряженіе министерства королевскую прерогативу, чтобы сломать сопротивленіе палаты лордовъ ограниченію ея правъ. Принципъ конституціоннаго монарха, слѣпого исполнителя народной воли, получилъ самое блистательное подтвержденіе.

Неизмѣнно безупречная, вся отдавшаяся націи монар-

---

[1]) Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, когда я началъ свои политическія анкеты въ Англіи, я не нашелъ уже республиканскихъ организацій: бывшіе члены ихъ, которыхъ я встрѣчалъ, говорили о своемъ участіи въ нихъ съ улыбкою, съ какой говорятъ о заблужденіяхъ молодости или о молодечествахъ юныхъ лѣтъ. Въ 1889-мъ году одинъ знаменитый рабочій депутатъ, состоящій нынѣ членомъ Тайнаго Совѣта Его Величества, объяснилъ мнѣ, что въ странѣ сохранилось подземное республиканское теченіе (there is a republican undercurrent in the country), но въ послѣдующіе годы я констатировалъ всякій разъ, что это теченіе уходило все глубже и глубже въ землю. We prefer a monarchy to Chamberlain stumping the country for the presidency (мы предпочитаемъ монархію Чемберлену, агитирующему по всей странѣ за избраніе его въ президенты). Въ концѣ царствованія Викторіи тонъ, которымъ люди низшихъ классовъ говорили о монархіи—тонъ, бывшій когда-то враждебнымъ, потомъ безразличнымъ,—положительно сталъ благожелательнымъ и почтительнымъ.

хія стала недосягаемой не только для нападокъ, но и для критики; она сдѣлалась предметомъ культа для громаднаго большинства націи. Даже со стороны тѣхъ, въ душѣ которыхъ лоялизмъ не горѣлъ пламенемъ, отрицательное отношеніе къ монархіи являлось отнынѣ не столько предосудительнымъ, сколько безсмысленнымъ, какой-то умственной аберраціей. Это отношеніе современнаго англійскаго общества къ монархіи какъ нельзя лучше иллюстрируется слѣдующимъ анекдотомъ, который я слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Лондонѣ отъ дочери одного изъ извѣстнѣйшихъ политическихъ дѣятелей Англіи средней трети прошлаго вѣка. Дама эта переѣхала на жительство въ другую часть столицы, и черезъ нѣсколько дней къ ней явился съ визитомъ мѣстный приходскій священникъ. «Я очень рада видѣть васъ,—заявила она ему,—но я должна сказать вамъ, что я невѣрующая (an agnostic)».—О, это ничего, отвѣтилъ служитель Бога. — «Къ тому же я и соціалистка». — А, это очень интересно,—замѣтилъ клерджиманъ. — «Наконецъ, я республиканка».—Нѣтъ, вы шутите, развѣ это возможно — воскликнулъ онъ съ изумленіемъ.

Смерть послѣднихъ двухъ монарховъ, Викторіи и Эдуарда VII, сослужила монархіи не меньшую службу, чѣмъ ихъ жизнь, особенно безвременная смерть Эдуарда VII послѣ краткаго царствованія. Она вызвала во всѣхъ слояхъ общества взрывъ лоялизма, принявшій характеръ настоящаго апоѳеоза.

Въ минуту наибольшаго подъема лоялизма многими чувствовалось, а нѣкоторыми высказывалось, что если бы монархія захотѣла сдѣлать свою власть менѣе номинальной, то она отнюдь не встрѣтила бы сопротивленія націи, и что это было бы весьма желательно. Необыкновенно возросшій престижъ монархіи вызвалъ еще ранѣе и продолжаетъ вызывать заявленія—правда, немногочисленныя—въ пользу присвоенія королю болѣе активной власти, выходящей за предѣлы, начертанные конституціонной практикой послѣднихъ трехъ четвертей вѣка. Въ первые годы царствованія Эдуарда VII, когда его личнымъ усиліямъ и его дипломатическому искусству приписано было [1]) улучшеніе международныхъ отношеній Англіи, раздались голоса, что нація будетъ очень довольна, если король будетъ дѣйствовать больше подъ своей личной отвѣтственностью и меньше съ одобренія палатъ. Когда

---

1) Не вполнѣ основательно, какъ это выяснилъ Sir Sidney Lee въ упомянутой выше біографіи Эдуарда VII.

разразившійся при Эдуардѣ VII конституціонный кризисъ закончился, уже послѣ его смерти, пораженіемъ палаты лордовъ, консерваторы стали съ тревогой искать вмѣсто уничтоженнаго въ ея лицѣ противовѣса демократіи новую точку опоры противъ демократическихъ посягательствъ, и они обратили свои взоры на корону. Другіе [1]), имѣя въ виду возрастающее въ обществѣ недовольство партіями и желаніе встрѣтить власть, свободную отъ тлетворнаго ихъ духа, тоже указывали на корону: король могъ бы и долженъ бы сдѣлаться внѣпартійнымъ вождемъ націи.

Какъ бы основательны ни были сѣтованія на отсутствіе противовѣса демократіи и на вырожденіе партійной системы, не современной монархіи восполнить эти пробѣлы. Какъ высоко ни поднялся въ Англіи престижъ монархіи, онъ не можетъ обратить вспять конституціонную эволюцію вѣковъ, какъ рѣка не можетъ протекать выше источника своего. Мы изслѣдовали источникъ этого престижа, мы зондировали его глубину и измѣрили его вышину; мы видѣли, что монархію возвысила высокая личная порядочность послѣднихъ носителей короны, что народное почитаніе и любовь обращались къ «человѣку на тронѣ», подававшему примѣръ соблюденія одинаковыхъ для всѣхъ нормъ этическихъ и конституціонныхъ, не стремившемуся къ возвеличенію своей власти, а «отлично понимавшему, что монархъ можетъ дѣлать въ Англіи и чего онъ не можетъ позволить себѣ», какъ выразился одинъ консервативный публицистъ о королевѣ Викторіи. Однимъ словомъ, возвысился нравственный авторитетъ монархіи, но не политическій, и при первой попыткѣ перечеканить нравственный авторитетъ въ политическій онъ весь улетучился бы, какъ газъ. Въ этомъ состоитъ конечный результатъ эволюціи, пройденной англійской монархіею въ теченіе послѣдняго полувѣка. Различіе, на которомъ покоится этотъ результатъ—различіе между нравственнымъ престижемъ монархіи и ея политическимъ авторитетомъ, въ свою очередь вытекаетъ изъ различія между «человѣкомъ на тронѣ» и тономъ. И было бы глубокимъ заблужденіемъ разсматривать эти различія какъ чисто логическія перегородки, построенныя тонкой діалектикой: они составляютъ душу живую англійскаго конституціонализма. Гладстонъ писалъ

1) Нпр. Lord Hugh Cecil, извѣстный членъ парламента, сынъ покойнаго премьера маркиза Салисбюри (см. его книжку *Conservatism*, 1912 г.). По словамъ одного распространеннаго журнала, «все что чисто, все что свято, все что благородно, великодушно и здорово стремится за предѣлы партійнаго чувства. Тутъ-то монархія и можетъ вести націю» (*The World's work*, Мартъ, 1912).

въ 1878-мъ году; «не существуетъ различія болѣе жизненнаго для практики Британской конституціи или для правильнаго пониманія ея, чѣмъ различіе между сувереномъ и короной»... Должность королевская не слита, хотя и соединена съ личностью». Всѣ конституціонныя усилія англійской націи въ теченіе вѣковъ были направлены къ отдѣленію должности отъ личности и выразили его въ своеобразныхъ юридическихъ формулахъ, которыя сами по себѣ показались бы забавными безсмыслицами: король не можетъ дѣлать дурное (The King can do no wrong), король никогда не умираетъ (The King never dies). Англійское конституціонное право не нуждается въ старо-французской формулѣ: Le roi est mort, vive le roi; англійскій король вовсе не умираетъ. Когда же по закону природы онъ дѣйствительно уходитъ изъ жизни, то англійская юридическая фразеологія называетъ это событіе: the demise of the crown (кончина короны) [1]). Если, придерживаясь этого различія, мы теперь разсмотримъ, что стало съ функціями и правами короны (The King) въ теченіе послѣдняго полувѣка, то мы придемъ къ заключенію, что политическій авторитетъ монархіи не только не поднялся, но, пожалуй, даже понизился, если то было возможно. Строго говоря, намъ не нужно изслѣдовать, а лишь воспроизвести относящіеся до короны факты, уже отмѣченные нами раньше, и только провѣрить, такъ сказать, счетъ. Функціи короны распадаются на три категоріи: дѣйствія King in Council, дѣйствія King in Parliament и прерогативы въ тѣсномъ смыслѣ. Функціи King in Parliament обнимаютъ всѣ тѣ дѣйствія, которыя могутъ быть совершены не иначе какъ съ согласія парламента, т. е. составляютъ исключительную компетенцію парламента, и со временъ уже давнихъ. Компетенція King in Council (король въ совѣтѣ), обнимающая акты управленія, сдѣлалась полнымъ достояніемъ кабинета, теперь меньше чѣмъ когда-либо склоннаго поступиться имъ; король даетъ лишь свою подпись. Остаются затѣмъ прерогативы короны въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. права, присущія самому королю, которыя онъ можетъ, въ теоріи, осуществлять своей властью, независимо отъ парламента и отъ министерства. Основныя прерогативы слѣдующія: неутвержденіе биллей, принятыхъ парламентомъ, роспускъ парламента, назначеніе министровъ. Королевское вето давно уже

---

[1]) Насъ, конечно, не должна смущать курьезная перестановка терминовъ, допущенная старинной фразеологіей: было бы логичнѣе говорить о кончинѣ короля, а не короны, и о томъ, что хотя король умираетъ, корона не умираетъ. Намъ достаточно знать, что выраженіе The King прилагается къ должности, а не къ личности.

утрачено неосуществленіемъ его (въ послѣдній разъ отказъ въ утвержденіи билля послѣдовалъ, при королевѣ Аннѣ, въ 1706 г.), а оно не можетъ быть болѣе осуществляемо вслѣдствіе установленія кабинетнаго режима; корона отвергала бы билли, проведенные ея собственными министрами. Роспускъ парламента сдѣлался въ царствованіе Викторіи окончательно аттрибутомъ кабинета. Назначеніе министровъ равнымъ образомъ ускользнуло окончательно отъ короны; всѣ министры назначаются по избранію премьера, а самъ премьеръ намѣчается вотумомъ избирателей и побѣдившей партіей. Король можетъ самъ сдѣлать выборъ премьера только въ такіе моменты, когда партія не имѣетъ признаннаго лидера; такъ послѣ неожиданнаго ухода Гладстона въ 1894-мъ году королева Викторія выбрала ему въ преемники лорда Розбери. Чрезвычайныя прерогативы или запасныя права короны, которыхъ она почти никогда не осуществляетъ и къ которымъ относится, напр., назначеніе пэровъ въ неограниченномъ количествѣ, тоже перешли, такъ сказать, въ собственность кабинета, какъ то подтвердили событія 1911-го года. Словомъ, всѣ прерогативы короны осуществляются министрами на томъ основаніи, что отвѣтственны они, а не король.

За короной признаютъ лишь нѣкоторыя права по отношенію къ самимъ министрамъ, обязаннымъ ей субординаціей. «Въ конституціонной монархіи, подобной нашей,—говоритъ Бэджготъ,—монархъ имѣетъ три права: право быть консультированнымъ, право поощрять и право предупреждать». Это опредѣленіе непріемлемо, потому что всякое право предполагаетъ санкцію, а въ данномъ случаѣ ея нѣтъ: министры могутъ не обращать ни малѣйшаго вниманія на даваемые имъ совѣты и предупрежденія. Они обязаны только почтительно выслушивать ихъ, но эта обязанность не правовая, а налагаемая приличіями. Въ дѣйствительности права короны сводятся къ одному: быть освѣдомленнымъ о ходѣ государственныхъ дѣлъ. За нарушеніе этого права подлежащій министръ можетъ быть уволенъ королемъ отъ должности, какъ то установлено въ королевскомъ меморандумѣ 1851 г.: Пальмерстонъ уволенъ былъ королевой Викторіей за то, что онъ не представлялъ ей дипломатическихъ депешъ до отправленія ихъ или дѣлалъ въ нихъ измѣненія послѣ предъявленія ихъ королевѣ. Право конституціоннаго главы государства на освѣдомленіе его министрами хотя и не даетъ ему власти, но имѣетъ для него, однако, немалое значеніе. По этому поводу стоитъ лишь вспомнить, какую роль этотъ вопросъ сыгралъ во Франціи, въ 1895 г., при отставкѣ президента республики, Казиміра Перье.

Министры, унаслѣдованные имъ отъ его предшественника, относились непріязненно къ новому президенту, держали его, такъ сказать, въ черномъ тѣлѣ; министръ иностранныхъ дѣлъ не показывалъ ему дипломатическихъ депешъ [1]). Казиміръ Перье, уязвленный въ своемъ достоинствѣ, подалъ въ отставку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего избранія въ президенты.

Пассивное право короля быть освѣдомленнымъ, исчерпывая всѣ присущія ему конституціонныя права, осуществляемыя независимо отъ министровъ и отъ парламента, самымъ фактомъ выдѣленія своего лишь подтверждаетъ, что активныхъ правъ, самостоятельно осуществляемыхъ, болѣе нѣтъ у короны. Невозможность для короны личныхъ выступленій во всей области конституціонныхъ отношеній распространилась и на политическія отношенія внѣконституціонныя, хотя бы и интимнаго характера, какъ, напр., личныя сношенія съ иностранными монархами и съ политическими дѣятелями Англіи. При Викторіи установлено было, что вся переписка королевы съ иностранными государями подлежитъ просмотру министровъ, за исключеніемъ писемъ къ родственникамъ. Со времени Викторіи равнымъ образомъ принято, что король не можетъ сноситься, ни письменно, ни лично, по вопросамъ политическимъ, съ членами оппозиціи, безъ вѣдома министровъ. Поскольку личный контактъ монарха съ націей, не имѣющій политическаго характера, считается желательнымъ и даже настойчиво требуется націей, постольку же контактъ на политической почвѣ не допускается; тутъ между монархомъ и націей воздвигнуто непроходимое средостѣніе, представляемое министрами и парламентомъ. Англійскій монархъ долженъ стоять совершенно поотдаль отъ партійныхъ отношеній, нынѣ охватившихъ всю политическую жизнь націи. Онъ могъ имѣть партійныя симпатіи до вступленія своего на престолъ, и даже не скрывать ихъ, какъ теперешній король Георгъ V, но какъ только онъ дѣлается The King, онъ ихъ забываетъ. Онъ дѣлаетъ больше, чѣмъ Людовикъ XII, объявившій при своемъ воцареніи: Je roi de France oublie les injures du duc d'Orléans (король Франціи забылъ про обиды, нанесенныя герцогу Орлеанскому): онъ отрѣшается отъ всѣхъ чувствъ и страстей, волнующихъ политическое общество, онъ принимаетъ другой нравственный образъ. Московскіе цари передъ смертью принимали схиму, чтобы скрыть

[1]) Въ Парижѣ разсказывали тогда, что когда президентъ совѣта министровъ, временно заступая министра иностранныхъ дѣлъ, явился однажды съ депешами къ Казиміру Перье, тотъ сказалъ ему: vous ne savez pas quel plaisir vous me faites en me montrant les dépêches.

свою царственную личность, чтобы вмѣсто грознаго царя Іоанна, за злодѣянія котораго, по выраженію митрополита Филиппа, самые камни вопіяли о мщеніи, предъ Судьей неумытнымъ оказался смиренный схимникъ Василій. Англійскій король принимаетъ политическую схиму для того, чтобы проявить свою царственную личность: если онъ отождествитъ себя съ какой-либо партіей, выкажетъ ей свое сочувствіе, онъ будетъ не король, а политиканъ; если онъ изъ глубины своего дворца приметъ участіе въ партійной борьбѣ, черезъ своихъ клевретовъ или чрезъ свое золото, онъ будетъ не король-отецъ своихъ подданныхъ, а чудовище, изъ-за угла возстанавливающее собственныхъ дѣтей однихъ противъ другихъ.

Но если король лишенъ всякой активной роли, если онъ въ смыслѣ политическомъ представляется какъ бы безплотнымъ духомъ, то мы возвращаемся къ вопросу, поставленному въ началѣ этой главы: остается ли какое-нибудь мѣсто для короны въ конституціонной экономіи? Да, этотъ политически безплотный духъ имѣетъ свою роль: онъ—живой символъ англійской государственности, выработанной вѣками борьбы и культурной работы. Онъ—высшій символъ конституціонности, т. е. подзаконности всѣхъ и каждаго въ государствѣ, символъ господства народной воли. Принадлежащее ему формальное подтвержденіе каждаго высшаго акта власти, отъ народа исходящей, есть постоянное свидѣтельство ея непреложности. Король—символъ государственнаго единства въ предѣлахъ разбросанной по обоимъ полушаріямъ Британской имперіи. Въ его лицѣ объединено Соединенное Королевство (Англія, Шотландія и Ирландія); его личностью связаны съ Соединеннымъ Королевствомъ всѣ страны и народы, завоеванные или созданные англійскимъ геніемъ въ другихъ частяхъ свѣта, въ томъ числѣ и почти независимыя націи, имѣющія свои парламенты и по вопросамъ экономическимъ и другимъ трактующія de puissance à puissance не только съ иностранными государствами, но и съ самой метрополіей; онѣ составляютъ the King's dominions beyond the seas (владѣнія короля за морями), каждый гражданинъ ихъ есть подданный англійскаго короля. Являясь живой связью всѣхъ частей имперіи, король соединяетъ также ея настоящее съ прошедшимъ; онъ встаетъ изъ глуби вѣковъ какъ безпрерывный носитель англійской государственности, отпечатлѣвая на себѣ ея развитіе въ каждую эпоху, все мѣняя свой образъ, пока изъ абсолютнаго монарха онъ не превратился въ конституціоннаго, т. е. номинальнаго и лояльнаго главу демократіи нашихъ дней, предоставляющаго всю

власть и значеніе, унаслѣдованныя имъ отъ прошлаго, въ безусловное распоряженіе націи. Всегда и повсюду знаменуя политическую силу націи, онъ представляется ей не паразитнымъ пережиткомъ, а неразрывной частью ея собственнаго существа.

Это почти феерическое превращеніе монархіи завершаетъ и вѣнчаетъ столь же чудесное утвержденіе демократіи въ Англіи. Только полвѣка назадъ слово «демократія» не произносилось въ хорошемъ «обществѣ», и сами радикалы признавали, что «стеченіе причинъ сдѣлало демократію невозможной въ Англіи». Дѣйствительно, нигдѣ соціальный строй не былъ такъ враждебенъ духу демократіи, нигдѣ іерархическое чувство не было такъ вкоренено въ самую душу общества, нигдѣ аристократія не стояла на такой высотѣ и нигдѣ не пользовалась такимъ глубокимъ и искреннимъ уваженіемъ народнымъ. Нигдѣ низшіе и неимущіе классы не были такъ мало заинтересованы въ радикальномъ измѣненіи государственнаго строя, какъ въ Англіи въ теченіе послѣдняго полувѣка. Но демократія «дѣлалась сама собой», se fara da se. То, что представлялось какъ препятствіе для нея, давало ей импульсъ. Ея природные противники—аристократическіе классы—оказались ея пособниками. Желая сохранить свое привилегированное соціальное положеніе, они не только отказывались отъ политическихъ привилегій своихъ, но сами искали опоры въ демократіи, признавая за нею высшую власть. Палата лордовъ, чтобы спасти себя, бросилась къ ея ногамъ. Оставивъ классовыя позиціи, представители аристократіи и богатства укрѣпились въ партійныхъ позиціяхъ; но система партій, съ властью въ видѣ ставки, разрушила въ конецъ силу сопротивленія аристократіи. Борьба партій превратилась въ безпрерывный политическій аукціонъ, стараясь опередить одна другую, онѣ прокладывали путь демократіи все дальше и дальше. По истинѣ самыя звѣзды въ теченіи своемъ сражались за нее.

Народоправство установлено въ англійскомъ государственномъ строѣ. Но значитъ ли это, что дѣйствительно англійскій народъ сталъ править, или оправдались слова Гладстона, который самъ такъ много способствовалъ торжеству новаго порядка: «ни одинъ народъ, по значительности своей достойный названія націи, никогда, строго говоря, не управлялъ самъ... На скалѣ человѣческихъ судебъ начертано явственными знаками и желѣзнымъ перомъ, что въ области практической политики народъ въ общемъ имѣетъ лишь пассив-

ную роль». Что скрывается за новымъ фасадомъ англійской государственности—на этотъ вопросъ отвѣтъ, по крайней мѣрѣ обоснованный отвѣтъ, не можетъ быть данъ при разсмотрѣніи эволюціи конституціонныхъ формъ. Оставаясь въ предѣлахъ послѣднихъ, слѣдуетъ лишь прибавить или вспомнить, что наряду съ установленіемъ народоправства, съ демократизаціей англійскаго государственнаго строя, во главѣ его стала единоличная власть премьера и его кабинета, поднявшагося и надъ короной, и надъ парламентомъ.

Этимъ явленіемъ завершился процессъ разрушенія традиціонной системы «тормазовъ и противовѣсовъ» въ англійской конституціи. Нѣтъ болѣе трехъ «сословій королевства», координированныхъ между собою; корона и палата общинъ не способны болѣе сдерживать ни другъ друга, ни поднявшагося на развалинахъ ихъ вліянія кабинета. Что же сдерживаетъ власть въ новомъ строѣ, гдѣ находятся въ немъ противовѣсы, съ которыми привыкли связывать самое понятіе конституціи? Читатели, знакомые съ замѣчательнымъ сочиненіемъ Сиднея Лоу: «Государственный строй Англіи», переведеннымъ недавно на русскій языкъ, позаимствуютъ, можетъ быть, оттуда отвѣтъ: противовѣсъ этотъ представляетъ система партій. Тотъ же публицистъ, говоря въ своей книгѣ объ условностяхъ, о молчаливыхъ соглашеніяхъ конституціи (conventions), мѣтко замѣчаетъ, что часто the conventions become conventionalized (условности молчаливо принимаются за дѣйствительность). Это замѣчаніе Лоу вполнѣ приложимо къ роли, приписываемой имъ и другими системѣ партій. Послѣ того какъ регулирующую силу въ осуществленіи государственной власти усматривали въ учрежденіяхъ, находящихся между собой въ механическомъ, чуть не автоматическомъ, взаимодѣйствіи, послѣ механической теоріи XVIII-го вѣка, теорія партійной системы, какъ регулятора представительнаго правленія, явилась крупнымъ шагомъ впередъ въ пониманіи и истолкованіи того, какъ функціонируетъ современная государственность въ такъ называемыхъ свободныхъ странахъ. Она правильно усмотрѣла источникъ политической энергіи въ общественномъ мнѣніи, но поспѣшила матеріализировать ее въ партійныхъ организаціяхъ; приписавъ имъ, какъ въ механической теоріи, силу уравновѣшивающаго взаимодѣйствія, она, въ сущности, переложила старую теорію съ формъ конституціонныхъ на формы внѣ-конституціонныя. Между тѣмъ политическая дѣйствительность уходила все дальше отъ этой теоріи.

Если общественное мнѣніе когда-либо (?) и укладывалось

всецѣло въ партійныя организаціи, то оно давно переросло ихъ; соперничество партій, превратившееся, при условіяхъ нами выясненныхъ, въ ожесточенную и безпощадную борьбу, потеряло возможность быть факторомъ умѣряющимъ, уравновѣшивающимъ. Классическая теорія партій, созданная въ аристократическій вѣкъ, когда политическая борьба едва выходила за кругъ «общества», чуть не представляла ее себѣ какъ дуэль французскихъ жантильомовъ стараго режима, о которой разсказываетъ Тэнъ—при встрѣчѣ дуэлянтовъ у барьера одинъ изъ нихъ говоритъ другому съ улыбкой: Le public prétend que nous nous cherchons, а другой отвѣчаетъ, снимая шляпу съ глубокимъ реверансомъ: si Monsieur veut me faire l'honneur de croiser avec moi l'épée! Теперь партійная борьба приняла каннибальскій характеръ, съ «гильотиной» съ одной стороны и обструкціей—съ другой. Партійное большинство, думая болѣе о днѣ текущемъ, чѣмъ о днѣ грядущемъ, торопится использовать во всю свое численное превосходство, а оппозиціи остается лишь роль раба, бѣжавшаго въ Римѣ за колесницей тріумфатора, понося его. Какимъ же противовѣсомъ господствующей партіи можетъ она служить? Что бы правительство ни дѣлало, его большинство всегда вторитъ ему: аминь. Правительство рискуетъ потерять большинство только на будущихъ выборахъ, а о нихъ оно не всегда можетъ думать: изъ-за страха потерять власть въ будущемъ, оно можетъ тотчасъ лишиться ея и отдать свою партію на потокъ и разграбленіе. Такъ напр., когда большинство коалиціонное, правительство должно, чтобы удержать въ коалиціи многочисленную группу, проводить, въ угоду ей, мѣру мало популярную въ странѣ, или тотчасъ отказаться отъ власти. Затѣмъ въ странѣ, на выборахъ, правительству грозитъ опасность не столько отъ партій, сколько отъ независимыхъ избирателей, стоящихъ внѣ партій, и которые могутъ присоединиться къ оппозиціи (число членовъ партій, переходящихъ изъ одной въ другую, ничтожно). Партія, противная правительству, служитъ имъ только палкой, которою можно ударить по правительству. Какъ ни полезна такая палка и какой бы страхъ она ни внушала, она не можетъ, однако, быть признана сдерживающей и умѣряющей силой, хотя бы потому, что она помогаетъ только водворить на мѣсто свергнутаго большинства другое, примѣняющее совершенно тѣ же методы. Слова редакціонной статьи Edinburgh Review (№ 1-го января 1912 г.) о томъ, что Англія живетъ теперь подъ «чередующейся тиранніей двухъ партій», можетъ быть слишкомъ сильны, но несомнѣнно, что тезисы въ

родѣ выставленныхъ Сиднеемъ Лоу, согласно коимъ «двухпартійная система продолжаетъ дѣйствовать какъ наиболѣе дѣйствительный тормазъ, какой только у насъ есть» (the dual party system continues to operate as the most effective restraint we possess), являются анохранизмомъ, a conventionalized convention. Въ великомъ кризисѣ, нынѣ переживаемомъ партійнымъ режимомъ, система внѣ-конституціонныхъ «тормазовъ и противовѣсовъ» испытала ту же участь, что и классическая система конституціонныхъ «тормазовъ и противовѣсовъ»: она отошла въ исторію и въ теорію.

Значитъ ли это, что въ англійской государственности нѣтъ болѣе никакихъ противовѣсовъ власти? Нѣтъ, есть еще. Въ теченіе вѣковъ англійская политическая культура вырабатывала, наряду съ системой формальныхъ тормазовъ и противовѣсовъ, систему, если можно такъ выразиться, нравственныхъ тормазовъ и противовѣсовъ: она вырабатывала въ обществѣ сознаніе добра и зла въ отношеніяхъ государственныхъ, независимо отъ опредѣленій закона. Наряду съ политическими учрежденіями, послужившими образцомъ для народовъ, англійская цивилизація создала политическую нравственность, указывающую каждому, отъ монарха до послѣдняго гражданина, «что онъ можетъ дѣлать въ Англіи и чего онъ не можетъ позволить себѣ». По мѣрѣ того какъ англійская общественность развивалась, политическія учрежденія все болѣе приспособлялись къ наилучшему проявленію нравственной силы, управляющей государственными отношеніями. Велѣнія закона стали уступать мѣсто велѣніямъ и требованіямъ политической этики; они сдѣлались изъ главной вспомогательною или запасною силою. Законная отвѣтственность перерождалась въ нравственную, самыя формы первой стали исчезать, какъ напр. impeachment министровъ, судебное преслѣдованіе ихъ за политическіе проступки и ошибки, сдѣлавшееся излишнимъ съ установленіемъ парламентской отвѣтственности министровъ, сводящейся къ полученію одобренія или порицанія народныхъ представителей. Даже основныя юридическія гарантіи гражданской свободы, нѣкогда взятыя съ бою, стали изъ оборонительнаго оружія нравственнымъ символомъ. Недавно знаменитый юристъ Дайси, въ рѣчи, произнесенной въ одномъ собраніи, разсказалъ, что онъ спросилъ одного юриста, «болѣе свѣдущаго чѣмъ онъ самъ», какія практическія послѣдствія имѣла бы отмѣна Magna Charta. Тотъ, подумавъ минуту, отвѣтилъ, что отмѣна великой хартіи вольностей могла бы отозваться на правахъ короны на рыбныя ловли.—При всемъ этомъ нравственная отвѣтственность отнюдь не лишена мате-

ріальныхъ санкцій; если кто-либо забываетъ, «чего онъ не можетъ позволить себѣ», то онъ рискуетъ получить суровое напоминаніе. Палата лордовъ забыла въ 1909-мъ году, что она не можетъ посягать на освященное хотя и не закономъ, но общественнымъ сознаніемъ, исключительное право палаты общинъ распоряжаться народными средствами—и она получила ударъ по головѣ. Не обнаружь она этой «забывчивости», она можетъ быть долго еще пользовалась бы своими устарѣвшими привилегіями. Если бы корона точно такъ же забылась на минуту, то несомнѣнно, что это не прошло бы для нея безнаказанно, ибо все почитаніе, все обожаніе народное, которымъ она окружена, воздается ей именно за то, что она «отлично понимаетъ, что монархъ можетъ дѣлать въ Англіи и чего онъ не можетъ позволить себѣ». И самый кабинетъ, при всей неограниченности и реальности власти, нынѣ въ немъ сосредоточенной, тоже подчиненъ общему нравственному закону; стушевалась его отвѣтственность предъ парламентомъ, но не предъ общественнымъ мнѣніемъ и предъ самимъ собою.

Однако, сдерживающая сила традиціонной политической нравственности далеко не можетъ восполнить пробѣловъ, оставленныхъ разрушеніемъ конституціонныхъ противовѣсовъ; ей самой приходится выдерживать натискъ новыхъ политическихъ силъ—суверенитета народныхъ массъ, осуществляемаго на аукціонѣ партій. И массы, и партіи склонны игнорировать старыя понятія о политически дозволенномъ и недозволенномъ, предпочитая нерѣдко слѣдовать своимъ «волевымъ импульсамъ». Кто и что будетъ ихъ сдерживать? И мы неизбѣжно приходимъ къ заключенію, что новое распредѣленіе власти требуетъ и новыхъ противовѣсовъ. Дѣйствительно, все движеніе, приведшее къ демократіи, было направлено противъ господства меньшинства, противъ господства отдѣльныхъ лицъ или классовъ, противъ абсолютизма монарха, олигархіи аристократовъ, преобладанія буржуазіи. Оно было борьбой *многихъ* противъ узурпаціи *немногихъ*, выражаясь извѣстной антитезой Бенгама—*the many* и *the few*. Всѣ такъ называемыя конституціонныя гарантіи, всѣ конституціи были лишь системой средствъ для обузданія *немногихъ* власть имущихъ. Но съ торжествомъ демократіи власть имущими являются уже *многіе*, и конституціи въ традиціонномъ значеніи и назначеніи своемъ какъ будто лишаются смысла. Должно ли теперь измѣниться самое назначеніе и самое понятіе конституціи, въ соотвѣтствіе съ новымъ соотношеніемъ силъ? Я случайно нахожу авторитетный отвѣтъ на

этотъ вопросъ въ посланіи президента Тафта 1912-го года къ конгрессу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ содержится новое опредѣленіе конституціи, отличное отъ того, которое намъ давали учебники, политическіе ораторы, народные трибуны: «совокупность политическихъ гарантій противъ численнаго большинства націй».

Та конституція, которая представляетъ собой оружіе народовъ противъ своихъ властителей, совершила въ Англіи весь циклъ своего развитія; теперь ей приходится начать новую эволюцію, въ другомъ направленіи. И сейчасъ уже можно разслышать первые шаги, которые англійское политическое общество дѣлаетъ ощупью, во тьмѣ, ища новыхъ конституціонныхъ опоръ. Чтобы найти ихъ и сдѣлать ихъ дѣйствительными, оно должно будетъ обновить не только свои учрежденія, но и свою полититическую мораль, ибо и она направлена была противъ *немногихъ*, противъ отдѣльныхъ членовъ общества. Захочетъ ли и съумѣетъ ли новый суверенъ ограничить себя?

М. Острогорскій.

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ И ЧИТАТЕЛЬ НИЗОВЪ.

I.

Нововременскій фельетонистъ, предсказавшій года два тому назадъ, что въ «одинъ прекрасный день мы узнаемъ что нибудь неожиданное о Горькомъ», оказался пророкомъ въ своемъ отечествѣ. Еще вчера Максимъ Горькій былъ «конченъ», и шаблонное мнѣніе по отношенію къ нему было такъ прочно, что вѣрить въ его воскресеніе—по крайней мѣрѣ тѣмъ людямъ, о которыхъ еще покойный Щедринъ говорилъ: «глупъ-глупъ, а культурность свою тонко понимаетъ», — было трудно. Нынче же—«второе пришествіе» пѣвца творческой дерзости.

И—что именно примѣчательно—это не капризъ читателей нашего круга, который вчера потерялъ въ сердцѣ своемъ, сегодня нашелъ писателя, не то повѣтріе, которое Н. К. Михайловскій вышучивалъ: «сейчасъ брюнетъ, сейчасъ блондинъ». Еще недавно констатировалось, что въ библіотекахъ, въ читальняхъ, вездѣ и всюду на первомъ мѣстѣ—Вербицкая. Впереди Толстого Вербицкая и споритъ съ ней одинъ Амфитеатровъ. Теперь совсѣмъ не то. Согласно отчету рабочаго общества «Наука», на первомъ мѣстѣ Горькій (затѣмъ Чеховъ, Толстой). Согласно отчету библіотеки рабочаго просвѣтительнаго общества «Знаніе», впереди—М. Горькій (затѣмъ Л. Толстой). Согласно отчету библіотеки рабочихъ металлическаго производства, опять таки впереди Горькій съ Толстымъ. Въ отчетѣ бакинской воскресной школы Горькій рядомъ съ Некрасовымъ (выше ихъ Толстой, Чеховъ). Что же касается г-жи Вербицкой, то ея въ рабочихъ

отчетахъ нѣтъ ни впереди, ни позади. И вездѣ, гдѣ масса имѣетъ возможность поднять свой коллективный голосъ, Максимъ Горькій на первомъ планѣ. Пять лѣтъ читатель низовъ наружу не вылѣзалъ, но едва сталъ вылѣзать на свѣтъ Божій, первая членораздѣльная рѣчь его: берите, кто хочетъ, «Ключи счастья», намъ оставьте—«Мать».

Давно ли чуть не единственнымъ выраженіемъ отношенія къ опальному художнику со стороны рабочихъ круговъ являлось «открытое письмо», напечатанное въ 1908-мъ году въ «Труженикѣ»,—письмо, въ которомъ рабочіе привѣтствовали въ авторѣ «бывшаго рабочаго, а теперь пѣвца расцвѣта и радости жизни не въ мистически исковерканномъ видѣ, а во всемъ ея грандіозномъ объемѣ, начиная отъ былинки полей и кончая эфиромъ неба». Правда, въ это время тянулись къ нему съ своими рукописями крестьяне и солдаты, извозчики и прачки, трубочисты и горничныя,—та подлинная Русь, которую именно имѣлъ въ виду поэтъ, говоря: «ты и убогая, ты и обильная». Но объ этомъ мы узнали въ 1911 г. Теперь же нѣтъ рукописи рабочей, въ которой бы не упоминалось имя Горькаго, нѣтъ газеты рабочей, печатной или рукописной, въ которой бы рабочіе не сообщали о немъ свѣдѣній, не разбирали его произведеній вдоль и поперекъ, не выражали того добраго чувства, которое такъ окрѣпло за долгіе годы безмолвія. Не состоялось собраніе — достаютъ послѣдній разсказъ Горькаго, и затѣвается чтеніе вслухъ. Послѣ чтенія споры. Составилась рабочая труппа — начнутъ съ «Мѣщанъ» либо «На днѣ»*). То и дѣло, наталкиваетесь на коллективныя письма, въ которыхъ рабочіе и группами, и въ одиночку изливаютъ ему свои сомнѣнія, свои боли.

И любопытна та связь, въ какой стоитъ это «оживленіе» писателя, отпѣтаго и похороненнаго въ нѣкоторыхъ верхахъ, съ оживленіемъ низовъ. Чѣмъ громче голоса, идущіе изъ рядовъ тѣхъ, кто предоставилъ «почтительно намъ погружаться въ науки, въ искусства», тѣмъ яснѣе возвратъ къ Горькому.

Горькій—писатель, который не только лицомъ къ лицу подошелъ къ самому дну народной жизни, прильнулъ къ ея психологіи, но и пережилъ всю глубину вопроса, какъ дальше жить. Вотъ почему какъ разъ въ моментъ, когда реакція опускаетъ свой покровъ на Русь, убогую и обильную, Горькій наиболѣе бодръ, наиболѣе живетъ трагической мощью низовъ, нащупывая тотъ пульсъ, который—вопреки мертвой поверхности, усѣянной ко-

*) См. нашу статью „Рабочая интеллигенція и искусство“. (Вѣстникъ Европы) 1913 г. № 8).

стями — все таки бьется въ мятежной глубинѣ. Растетъ Русь прежде всего психологически, и вмѣстѣ съ нею растетъ Горькій— прежде всего психологически. И кому же, какъ не читателю-другу,—читателю низовъ — не почувствовать самое важное въ эволюціи Горькаго: ея психологическую цѣнность, ея органическій характеръ, въ силу котораго такой художникъ, какъ М. Горькій, не можетъ не остаться художникомъ даже въ самыхъ сложныхъ переживаніяхъ.

И вотъ, въ низахъ опять вѣянье духа живого, и опять М. Горькій окруженъ ореоломъ. И здѣсь знаютъ, что художникъ перестроилъ свои симпатіи, свои антипатіи, что, приспособляя свое художественное существо, художникъ метался и горѣлъ. Хотя читатель низовъ съ извѣстной высоты, можно сказать, варваръ, но простое чувство подсказываетъ этому «варвару» оцѣнку властителя думъ его. Здѣсь дорого и удачное, и неудачное; здѣсь и страдаютъ, и радуются съ писателемъ. Здѣсь непосредственно, не мудрствуя лукаво, чувствуютъ, что то и другое психологически важно для писателя и, какъ безъ пятенъ не бываетъ солнца, такъ безъ удачъ и неудачъ нѣтъ Максима Горькаго.

Если это такъ, особый интересъ возбуждаетъ вопросъ о томъ, что же пишутъ, что говорятъ читатели изъ низовъ въ отличіе отъ мнѣній, установившихся въ интеллигентскихъ верхахъ. Правда, точный отвѣтъ на этотъ вопросъ невозможенъ. Для этого нужна анкета, детально разработанная, широко поставленная; но такая анкета, при настоящихъ условіяхъ, едва ли осуществима. Но точный отвѣтъ и не важенъ. Какъ я говорилъ уже, крестьяне, рабочіе, прикащики въ своихъ писаніяхъ то и дѣло трогаютъ Горькаго, какъ бы тема мало общаго съ нимъ ни имѣла. То и дѣло либо ссылка, либо цитата, либо мнѣніе о немъ. Если къ этому прибавить, что народная демократія въ настоящій моментъ одержима маніей писательства—фактъ, констатируемый всѣми наблюдателями,—то достаточно извлечь изъ крестьянскихъ и рабочихъ писаній, рукописныхъ и печатныхъ, относящееся къ Максиму Горькому, чтобы дать и ясное, и разнообразное представленіе объ отношеніи къ нему рабочихъ и крестьянъ.

Нижеслѣдующія строки и представляютъ такую сводку. Мнѣнія, приводимыя мною, отчасти взяты изъ статей и писемъ рабочихъ, опубликованныхъ въ печати, главнымъ же образомъ— изъ рукописей, накопившихся въ количествѣ свыше 200 въ моихъ

рукахъ *). Иныя всецѣло посвящены писателю, иныя, частью, иныя вовсе случайны. Но, безъ сомнѣнія, одно соединяетъ ихъ въ цѣлое, въ ту пѣсню, изъ которой, по поговоркѣ народной, слова не выкинешь: типичность. Достаточно бѣглаго взгляда, чтобы почувствовать, что это мнѣніе не Сидора, не Карпа, что такъ настроены, такъ думаютъ цѣлыя вѣтви того крѣпкаго дерева, которое именуется рабочей массой.

II.

Читатель изъ народа не есть нѣчто однородное. У читателя изъ крестьянъ свои вкусы, свой «образъ мыслей», у читателя рабочаго — свои. Если на даннаго читателя повліяла данная книга, то, конечно, не слѣдуетъ игнорировать индивидуальныя его особенности; но гораздо важнѣе здѣсь та обстановка, съ которою стоитъ въ существенной связи психика читателя. Данная книга не можетъ не подѣйствовать на него въ данныхъ условіяхъ, и наоборотъ. Горькій въ деревнѣ—иллюстрація этой мысли.

Просматривая списки книгъ, имѣющихъ распространеніе въ деревнѣ, убѣждаешься, что произведенія Горькаго, въ числѣ «нужныхъ книгъ», пропагандируемыхъ молодежью, переходятъ изъ деревни въ деревню. Рѣдкій представитель молодежи не знаетъ Горькаго, не говоритъ о немъ. Болѣе развитой даетъ его менѣе развитому, дѣлаетъ посильныя указанія, популяризируетъ писателя. Однако, было бы иллюзіей думать, что въ деревнѣ *чувствуютъ* по Горькому, что обстановка деревенскаго житья-бытья съ его «правами и дѣлами», съ распространенностью «власти тьмы»—почва для тѣхъ настроеній, которыми живъ Горькій. Какъ бы крестьянинъ ни зачитывался Горькимъ, послѣдній все-таки не зажжетъ его души, не завладѣетъ имъ безраздѣльно.

Въ отзывахъ крестьянъ и бросается въ глаза сдержанность. Нѣтъ тѣхъ словечекъ, которыя родятся, какъ искра отъ удара стали о кремень. Конечно, не всѣ отзывы въ этомъ смыслѣ вѣрны себѣ. «Въ моей памяти — слышите вы, напримѣръ, отъ крестьянина—много осталось живыхъ и умныхъ рѣчей этого дорогого и близкаго моему сердцу писателя»; «мило и просто звучатъ его слова, единственнаго защитника трудящагося народа». «Сколько въ нихъ я нашелъ близкихъ, подходящихъ своему къ собственному

*) Не привожу статистики: не цифровая, повторяю, а идейная сторона меня занимаетъ.

положенію мыслей—сказать нельзя». «Заразить искренней любовью темнаго, непривычнаго читателя своими произведеніями можетъ только Максимъ Горькій». Кто тамъ пишетъ, того Максимъ Горькій, ясное дѣло, ударилъ по туго натянутой струнѣ. Но подобныя ноты рѣдки.

Конечно, у всякаго явленія не одна, а нѣсколько причинъ. Низка подготовка деревенскаго читателя. И самъ по себѣ Горькій туго проникаетъ сюда, какъ бы имъ ни интересовались. Вѣдь деревни наши—многомилліонное крестьянское населеніе, разбросанное въ разныхъ уголкахъ нашего отечества,—вопреки всему недавно пережитому, все еще маленькіе островки обширнаго воднаго пространства. Ничтожно общеніе между ними, не слышно духовнаго пульса, который бьется въ каждомъ болѣе или менѣе, промышленномъ центрѣ. Учитель не получаетъ Горькаго, священникъ — тоже, просвѣщенные люди деревни — тѣмъ болѣе. Только благодаря особо благопріятнымъ условіямъ, книга въ деревнѣ можетъ играть какую-нибудь роль. Наконецъ, сколько нибудь поднявшаяся умственно молодежь стремится уйти изъ деревни на фабрику. Это не надо упускать изъ виду; тѣмъ не менѣе крестьянская психологія остается крестьянской, съ ея узко практическимъ кругозоромъ!

Еще дореволюціонные наблюдатели отличали этотъ практицизмъ. Въ деревнѣ всегда много охотниковъ именно на практическія книги. Безъ сомнѣнія, аграрное движеніе бурныхъ лѣтъ, въ связи съ послѣдовавшей земельной реформой, слишкомъ растрясли весь строй власти земли для того, чтобы сквозь этотъ строй не пробились современныя черточки. Теперь уже на всѣхъ ступеняхъ деревенской жизни люди переживаютъ—подъ напоромъ неудовлетворенныхъ требованій жизни—какія-то волшебныя превращенія. Но въ то время, какъ неизмѣримой важности перемѣна совершается въ настроеніи массъ, даже мирныхъ, заурядныхъ, духъ прежней эпохи еще живъ. И старое, и новое перемѣшано въ читателѣ въ странныхъ, на первый взглядъ грубыхъ комбинаціяхъ.

Нѣтъ отзывовъ изъ числа крестьянскихъ, въ которыхъ бы авторы не одобряли Горькаго. Горькій — «лучшій писатель нашего времени». «Его произведенія, которыя я прочиталъ, написаны жизненно, а вмѣстѣ съ тѣмъ просто, безъ всякихъ прикрасъ, которыя только запутываютъ умъ». «Всѣ обездоленные, ненужные люди—больное мѣсто въ душѣ Горькаго». «Съ любовью, съ горечью, ярко, характерно отмѣчаетъ онъ все дурное и хорошее подонковъ общества». «Думаю, не забудетъ народъ из-

гнаннаго пѣвца Россіи, изъ поколѣнія въ поколѣніе передастъ его здравый умъ».—Вотъ выраженія, въ которыхъ деревенскій читатель оцѣниваетъ достоинства писателя. Тѣмъ не менѣе, убѣжденія, которое красной нитью проходитъ черезъ писанія рабочихъ, убѣжденія, что М. Горькій — свой человѣкъ, *родной* человѣкъ, здѣсь нѣтъ и слѣда.

Чтобы почувствовать разницу, сопоставьте съ отзывами о Некрасовѣ. Это — *свой* человѣкъ, *родной* человѣкъ въ деревнѣ. «Никто такъ не понялъ,—пишетъ крестьянинъ,—и вѣрно не изобразилъ жизнь мужика и деревни, какъ Некрасовъ. Въ немъ деревня видитъ себя и, прочитавъ его, начинаетъ на что-то надѣяться». «Некрасовъ,—говоритъ другой,—это все равно, что нашелся бы мужикъ съ такими способностями, съ русскими мужицкими болями въ груди, взялся бы этакъ описалъ все русское нутро». Третій свидѣтельствуетъ, что какъ ни затруднителенъ доступъ поэта въ народную среду—всѣ поголовно, не исключая и неграмотныхъ, знаютъ Некрасова. «Когда кто-нибудь декламировалъ Некрасова и Никитина, вся камера вставала на ноги и хоромъ пѣла. Старички-крестьяне отъ умиленія чуть не цѣловали тѣхъ, которые удачно декламировали». Вотъ еще образчики: «когда артелью по праздникамъ или зимой мы собирались и читали стихи Некрасова, то многіе плакали и восторженно цѣловали книгу, и это нисколько не казалось смѣшнымъ»... «Съ чувствомъ благоговѣнія, любви перечитываешь «Морозъ, красный носъ», и невольно къ глазамъ подходятъ слезы, спираетъ дыханіе, и закрываешь книгу, чтобы успокоиться»... «Я съ перваго же знакомства съ его печальной музой проникся святымъ благоговѣніемъ къ ней и, по мѣрѣ моего знакомства съ Некрасовымъ, чувство восхищенія и благоговѣнія передъ его поэзіей все усиливалось»... «Простите, можетъ быть я преувеличиваю его значеніе, но я крестьянинъ, и въ поэзіи Некрасова живетъ моя душа; сколько онъ далъ мнѣ счастливыхъ минутъ въ жизни, за это одно будь благословенно имя его, и память о немъ горитъ неугасимымъ свѣтомъ въ душѣ моей»... «Какъ воздухъ необходимъ для дыханія, какъ солнце необходимо для согрѣванія, такъ и Некрасовъ необходимъ для массъ».

Разумѣется, въ отзывахъ этихъ не мало сентиментальности, но подлинное чувство не подлежитъ сомнѣнію. Некрасовъ, дѣйствительно, поэтъ «мужицкій» и по темамъ, и по настроенію. Интеллигентъ мужицкій, дѣйствительно, не можетъ не чувствовать въ немъ своего, исключительно своего. Иное отношеніе къ М. Горькому.

Вотъ крестьянинъ Нижегородской губерніи. О степени сознательности его говоритъ разсказъ его, напечатанный, при содѣйствіи М. Горькаго, въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ. Загляните въ его изліянія, посвященныя М. Горькому. На одной страницѣ онъ пишетъ: «при имени Горькаго я долженъ благоговѣть». На другой уже униженіе паче гордости. Кто-то шепчетъ ему злое, гадкое предположеніе. «Оно говоритъ вотъ что: не возносись, не мечтай снискать искреннее сочувствіе этихъ людей. Они ищутъ себѣ подобныхъ. Вамъ подавай таланты, а не простого смертнаго, такихъ Ивановъ, какъ ты... Что имъ до нихъ—да... Въ гибели сихъ послѣднихъ они умываютъ руки». Очевидно, такъ разсуждаетъ читатель, цѣнящій, уважающій по своему писателя, но не читатель-«товарищъ», чувствующій въ писателѣ равнаго себѣ.

Въ мнѣніяхъ крестьянъ, во-первыхъ—отсутствіе анализа, во-вторыхъ — склонность къ поученію, въ ущербъ фактической правдѣ. Разумѣется, и здѣсь не безъ исключеній. Вотъ, напр., впечатлѣніе, которое остается у крестьянки, окончившей двухклассное училище, отъ произведеній М. Горькаго. «Являются новыя мысли, новые вопросы, страстное желаніе помочь себѣ, поднять себя, раздавить то чуждое, что безсмысленно, слѣпо давитъ всѣ порывы. Эта горькая, ничѣмъ не прикрытая правда жизни, выраженная такъ художественно, составляетъ сущность произведеній Горькаго, и правда эта, какъ сказалъ самъ Горькій, есть спутникъ всей жизни». Но въ общемъ, Горькій не захватываетъ крестьянина настолько, чтобы нарушить его вялость. Въ томикѣ Горьковскомъ, какъ въ книжкѣ вообще, онъ видитъ нѣчто не допускающее критики. Онъ относится къ разсказу какъ къ проповѣди, выбирая изъ него всякаго рода указанія. Нѣтъ параллелей съ другими писателями. Крестьяне не отличаютъ Горькаго прежняго отъ Горькаго теперешняго. Извѣстно письмо 15 рабочихъ, которое въ 1888 г. Г. И. Успенскій получилъ въ знакъ сочувствія его литературной дѣятельности. Въ этомъ письмѣ рабочіе характеризовали свое отношеніе къ Успенскому слѣдующимъ образомъ: «мы, рабочіе грамотные и неграмотные, читали и слушали ваши книги, въ которыхъ вы говорите о насъ—простомъ сѣромъ народѣ. Вы о немъ говорите справедливо, такъ что мы думаемъ, кто бы изъ образованныхъ людей прочиталъ ваши книги, всякій подумаетъ о насъ, о нашемъ темномъ и свѣтломъ житьѣ, если только у этого человѣка — доброе сердце». Такъ вотъ—я не ошибусь, если скажу: именно такъ относятся къ Горькому крестьяне. Сами, въ своихъ глазахъ, они люди сѣрые, а Горькій, хоть и вышедшій изъ класса «простого», человѣкъ «образован-

ный», съ добрымъ сердцемъ. Напримѣръ, крестьянинъ увѣряетъ: «въ произведеніяхъ Горькаго я часто встрѣчалъ обличеніе собственныхъ пороковъ, но не въ строгой мѣрѣ поповскаго наказа, а въ задушевныхъ словахъ друга», и тотъ же Горькій оказывается «человѣкомъ, подходящимъ ко всякому классу культурнаго развитія». Знакомы крестьяне лишь съ первыми его произведеніями, вошедшими въ отдѣльныя изданія. И что же? «Горькій въ этихъ разсказахъ, съ одной стороны, смѣло и сильно показалъ обратную сторону жизни, на которую большинство смотритъ какъ бы съ отвращеніемъ или же совсѣмъ не обращаетъ вниманія», съ другой—«вѣрный цѣнитель крестьянскихъ идеаловъ». Достаточно вспомнить тотъ жестокій разносъ, какому подверглась деревня въ произведеніяхъ Горькаго того періода, чтобы понять, о какой неподвижности крестьянской мысли, о какой вялости говорятъ слова деревенскаго парня.

Итакъ, въ деревнѣ Горькій популяренъ. Письмо къ нему крестьянина, въ которое тотъ вложилъ полевой цвѣтокъ и сдѣлалъ приписку: «посылаю вамъ цвѣтокъ родныхъ полей»—характерно. Но справедливость требуетъ отмѣтить: не здѣсь Горькій—символъ, не здѣсь Горькій—лозунгъ. Здѣсь онъ просто талантъ, просто писатель, хотя и читаемый болѣе другихъ. Истинно роднитъ писателя-общественника съ деревней развѣ чувство природы. Одинъ читатель, характеризуя безнадежное положеніе золоторотцевъ, спрашиваетъ: что же «наполняетъ ихъ радостью жизни»? И отвѣчаетъ: «близкое отношеніе къ природѣ, къ ея живой красотѣ, къ силѣ». И, въ самомъ дѣлѣ, это не слова. Степная ширь, запахъ моря, вся разнообразная, богатая красками и звуками природа приводитъ крестьянина въ экстазъ. Быть можетъ, инымъ было бы отношеніе къ такимъ произведеніямъ Горькаго, какъ «Лѣто» или «Хроника города Окурова», гдѣ такъ «хорошъ есть на землѣ русскій народъ». Но до этихъ вещей крестьянскій читатель, къ сожалѣнію, «не дошелъ», ни въ одной рукописи они не упоминаются [1]).

III.

Промышленные центры, фабрики, заводы, городскія предмѣстья—вотъ гдѣ Горькій можетъ сказать: «я твой, земля».

1) Объясненіе отчасти въ томъ, что нѣтъ до сихъ поръ собранія сочиненій Горькаго сколько нибудь полнаго. Собраніе девятитомное охватываетъ первый періодъ дѣятельности писателя. Журналы, сборники деревнѣ, конечно, не доступны.

Вотъ гдѣ онъ «свой», со всѣмъ своимъ восторгомъ живымъ, отчетливостью, нѣжностью, волнующей душу. Вотъ гдѣ съ сознаніемъ пишутъ автору «Матери»: «намъ, рабочимъ и работницамъ, вышедшимъ, какъ и Павелъ, изъ омута тупого равнодушія и безпросвѣтной тьмы на свѣтъ сознательной жизни, было обидно видѣть позоръ и мерзость запустѣнія на мѣстѣ нѣкогда святомъ». Здѣсь и «конецъ» Горькаго, и возрожденіе Горькаго, и Горькій перваго періода, и Горькій второго, и Горькій художникъ, и Горькій дѣятель—все живо, все полно значенія и интереса, все встрѣчаетъ откликъ, вплоть до особенностей, выступающихъ лишь хотя бы въ сравнительной характеристикѣ.

Разумѣется, я знаю, что и рабочая демократія, въ силу особыхъ условій ея развитія у насъ, еще не окрѣпла, что и въ ней не мало наноснаго и чуждаго. И я далеко отъ преувеличиванья тѣхъ свойствъ передовыхъ слоевъ нашего рабочаго класса, которыя дѣлаютъ художника-борца своимъ, наиболѣе понятнымъ. Наряду съ положительнымъ содержаніемъ, даже среди развитыхъ рабочихъ встрѣчается и не вполнѣ опредѣлившееся сознаніе, и подражаніе тѣмъ интеллигентамъ, съ которыми они стоятъ лицомъ къ лицу, и разное другое. Въ рядахъ низовой демократіи все еще живъ типъ бунтаря если не по принципу, то по настроенію. Въ большинствѣ случаевъ, рабочій нигилизмъ — слѣдствіе перевѣса чувства надъ логикой, которую такъ трудно послѣ 12-часового рабочаго дня ввести въ строгія рамки. Но такъ или иначе, если хотите услышать отрицательный, подчасъ рѣзкій отзывъ о Горькомъ, обратитесь сюда. М. Горькаго и здѣсь рубятъ на двое. Произведенія перваго періода, — художественные узоры босяцкаго индивидуализма, — разумѣется, окружены обаяніемъ. Горькій же второго періода—художникъ «интеллигентъ».

«Горькій мнѣ нравится за то,—пишетъ одинъ рабочій,—что онъ первый сумѣлъ взглянуть на жизнь обитателей ночлежекъ и подваловъ, съумѣлъ снять стѣну, закрывающую отъ насъ, читателей, жизнь бывшихъ людей, и показалъ намъ, что и въ нихъ теплится искра Божія, въ которой мы имъ отказываемъ». «Вещи такъ сильно привязали человѣка къ землѣ, такъ сковали его волю и воображеніе,—слышите вы отъ другого, — такимъ тяжелымъ бременемъ легли на него, что онъ уже не можетъ поднять головы, чтобы увидать солнце, у него уже нѣтъ силъ для смѣлыхъ полетовъ. Только двѣ категоріи людей могутъ вмѣстить Горьковскихъ героевъ—наименѣе обладающія вещами. Такими категоріями являются сначала босяки, а затѣмъ рабочіе». «Особенно нравится въ Горькомъ, — добавляетъ третій, — его

презрительное отношеніе къ вещамъ. Изъ всѣхъ прочитанныхъ произведеній Горькаго мнѣ врѣзались его статьи «Проходимецъ» и два «Товарища» (?) и врѣзались именно потому, что Промтовъ и прогорѣвшій баринъ не зависятъ отъ вещи и живутъ по своему».

А вотъ что говоритъ о людяхъ бывшихъ, съ ихъ призрачными высотами нижегородскій босякъ Л. (въ данный моментъ разсыльный): «Мнѣ кажется, въ разныхъ своихъ произведеніяхъ Горькій зарисовывалъ не столько встрѣчавшихся на его дорогѣ людей, сколько себя и свое отношеніе къ міру. Даже въ типы, подобные Промтову, онъ вкладывалъ свою жажду полетовъ въ надзвѣздную высь, свое боевое отношеніе къ дѣйствительности. «Рожденный ползать летать не можетъ», гордо бросаетъ онъ міру пошлости и мѣщанства устами своихъ героевъ. Вотъ эта-то романтика борьбы и свободнаго сильнаго человѣка и дѣлаетъ его удивительно красивымъ. «Когда я читаю Горькаго, я пьянѣю, дѣлаюсь удивительно легкимъ, а каждый мускулъ дрожитъ отъ остраго напряженія, какъ туго натянутая струна»,—говаривалъ одинъ мой знакомый. И это вѣрно».

Но обратитесь отъ пѣвца жизнелюбиваго *отрицанія* къ пѣвцу «Матери» — и вы сразу почувствуете охлажденіе. Какъ извѣстно, именно въ средѣ рабочихъ этого типа наиболѣе развито отрицаніе интеллигенціи, убійственно злое—до того, что критика здѣсь ни къ чему. И вотъ первый упрекъ, какой вы слышите: раздвоился Горькій. «Горькій самъ сталъ интеллигентомъ, самъ поднялся снизу вверхъ», — увѣряетъ рабочій завода «Айвазъ» (печатавшійся уже въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журнальчиковъ). «Писатель съ пролетарской психологіей оторвался отъ пролетаріата», «творитъ для интеллигенціи». Правда, «среда интеллигенціи ему чужда», «вѣдь онъ все-таки самородокъ», — слышите вы.—Но и «среди рабочихъ онъ интеллигентъ». Горькій-интеллигентъ, можетъ быть, думать за родную среду еще можетъ, но чувствовать за нее уже не можетъ. А разъ такъ, то все, что было въ немъ яркаго, художественнаго, не можетъ не блекнуть. Безсознательный стихійный анархизмъ не прощаетъ писателю отнюдь не «ходячій, уличный матеріализмъ», а простой крахмальный воротничекъ.

Извѣстно, какой популярностью пользуется «Мать» въ рабочей средѣ. Она отодвинула въ свое время всѣ нелегальныя изданія этого рода. Интеллигентоѣдъ же рабочій говоритъ: «эта вещь тенденціозная и герои ея, начиная съ матери и Павла, очень и очень надуманы, со слезой и подсахарены». «Мнѣ думается, Горькому не достаетъ людей, русскихъ полезныхъ

людей, съ которыми онъ могъ бы столковаться. Если бы они снова окружили его, то онъ создалъ бы намъ еще новыхъ разновидностей Челкашей, а не святыхъ Павловъ»; «Горькій похожъ на пѣвца, зовущаго въ битву, но онъ не художникъ дѣйствительности»; «Горькій красивъ, но красивъ не какъ писатель-психологъ, а какъ чувствующій и стремящійся человѣкъ» — вотъ сужденія этого рода, иногда рѣзкія, но часто и съ оговорками. «Чѣмъ это объяснить,—читаемъ мы въ одной рукописи о послѣднихъ произведеніихъ Горькаго. — Тѣмъ ли, что Горькій далеко отошелъ отъ народа, или его талантъ начинаетъ уже падать? Не знаю. Склоняюсь къ первому предположенію. Со вторымъ обидно какъ-то согласиться. Неужели Горькій, наша гордость, гордость людей низовыхъ, могъ выписаться».

На «антиномію» Горькаго—вопросъ о сочетаніи анархизма съ соціализмомъ я натолкнулся здѣсь лишь разъ. И то поставилъ его не пролетарій, а люмпенъ-пролетарій — фигура настолько любопытная, что нельзя ей не удѣлить вниманія. Это—упомянутый уже Л. Не такъ давно наткнулся на нашего нижегородскаго босяка беллетристъ И. Н. Касаткинъ, остановившійся передъ нимъ въ изумленіи. Внѣшность—съ точки зрѣнія Кувалды — не оставляющая желать лучшаго, какъ и жизнь прошлая, страшная жизнь: дѣтство, отрочество, юность — «много насъ сюда приходитъ, но уходитъ—никогда». Тѣмъ не менѣе, передъ нами философъ. Память феноменальная, паѳосъ не меньшій. Критики «Лѣта» глубокомысленно спрашивали: не читали ли герои Горькаго Луначарскаго? А вотъ не угодно ли критикамъ поспорить съ нижегородскимъ Челкашомъ о Ничше, объ Авенаріусѣ, о Махѣ. Хотя бы на бумагѣ. И пишетъ Л. такъ же изумительно для своего «общественнаго положенія», какъ говоритъ: талантливо. Вотъ этотъ-то босякъ «абстрактный», точно живьемъ спустившійся изъ красивыхъ, чарующихъ роскошью цвѣтовъ и красокъ очерковъ Горькаго, въ которыхъ такъ мало босяка «конкретнаго», какъ когда-то выразился г. Протопоповъ, и обратился къ художнику соціалисту съ письмомъ, въ которомъ вылилъ свою скорбь ничшеанскую. Скорбѣлъ Челкашъ нашъ, «свободный и сильный и на пути къ своей мечтѣ порывающій всѣ узы», по собственному выраженію, о томъ, какъ это Горькій, который «устами людей, побывавшихъ на высотѣ, бросалъ гордое, презрительное ужамъ жизни, копающимся въ пыли повседневныхъ мелочей», какъ это авторъ Мальвы и Коновалова попалъ «въ тупикъ соціализма».

М. Горькій не замедлилъ отвѣтомъ — отвѣтомъ, который не мѣшало бы помнить и не однимъ философамъ ночлежки.

«Въ свое время — говоритъ писатель — эти мысли я слышалъ въ кабакахъ, ночлежныхъ домахъ, *но я никогда не былъ сторонникомъ ихъ, онъ всегда были органически противны мнѣ*. Я, какъ мнѣ думается, достаточно опредѣленно показалъ прелести животнаго эгоизма въ очеркѣ «Мой спутникъ». Въ соединеніи съ жульнической философіей «Проходимца», Луки и Маркушки въ Котмякинѣ, этотъ эгоизмъ и даетъ то, что насъ, русскихъ, губитъ, съѣдающую насъ болѣзнь, которую можно назвать пассивнымъ анархизмомъ». Указавъ мимоходомъ, что все сказанное Л. нынѣ говорятъ и интеллигенты, исковерканные тяжкой своей исторіей, Горькій въ заключеніе совѣтовалъ: «Ваше письмо, очень откровенное и простое, и позволяетъ, какъ я думаю, мнѣ сказать вамъ откровенно и просто: бросьте вы эту мертвую вашу философію и учитесь, читайте, никому не довѣряя, всѣхъ сопоставляя; можетъ быть, въ этомъ трудѣ вы найдете себя, свое я. Всякое я вырабатывается, а не выдумывается» [1]).

Конечно, отвѣтъ Горькаго не убѣдилъ Л. Онъ «учится, читаетъ, никому не довѣряя, всѣхъ сопоставляя». Но, что касается «выдумки», онъ держится другого мнѣнія, чѣмъ творецъ Луки. «Горькій самъ пѣвецъ, похожій на древняго барда, — сказалъ мнѣ Л., сдѣлавшій 120 верстъ пѣшкомъ для того, чтобы потолковать о высшихъ матеріяхъ.—Самъ воспѣвалъ подвиги героя, видѣннаго во снѣ. Потому и не замѣтилъ, что громкое равнодушіе къ вещамъ въ той средѣ, которая мнѣ извѣстна— въ босячествѣ—не болѣе какъ равнодушіе лисицы, не пользовавшейся виноградомъ, потому что тотъ высоко: онъ зеленъ и имъ оскомину набьешь... Отъ культа личности героя, воплощающаго въ себѣ мечту о полетахъ, Горькій обратился къ рабочимъ—второй категоріи, меньше всего обремененной вещами. Отъ босяковъ онъ обратился къ культу коллективнаго героя. Но какъ въ первый періодъ творчества, такъ и во второй онъ остается пѣвцомъ героя, видѣннаго имъ во снѣ, а не разсказываетъ намъ просто о человѣкѣ, какъ психологъ-наблюдатель. Онъ заходитъ въ избы крестьянъ, въ хижины рабочихъ, бѣдняковъ, всѣхъ придавленныхъ жизнью, всѣхъ носящихъ цѣпи униженія и — поетъ о видѣнномъ имъ во снѣ человѣкѣ...

Говорю подлинными словами собесѣдника. Однако, мнѣнія его не характерны именно для рабочей массы. Узокъ кругъ рабочихъ - бродягъ по духу, не говоря о представителяхъ подлиннаго босяцкаго царства. Скудна почва, если не для стихійнаго броженія, то для признаннаго отрицанія. И рабочій

---

1) Письмо написано въ апрѣлѣ 1913 г. Курсивъ мой.

бунтарь—«размахнись рука, раззудись плечо»—теряется въ потокѣ недовольныхъ, неудовлетворенныхъ, кипящихъ гнѣвомъ, но все же уже чувствующихъ подъ собой незыблемо-крѣпкое, нѣчто такое, чего жупеломъ крахмальнаго воротничка не пугнешь.

Передъ нами просто одиночки читающей интеллигенціи рабочей. И если мы удѣлили имъ вниманіе прежде всего, то для того, чтобы тѣмъ объективнѣе, тѣмъ рельефнѣе выступили тѣ рѣчи, которыя раздаются по адресу писателя-общественника въ самой гущѣ рабочаго класса.

IV.

Когда-то Щедринъ, изображая читателя-друга, заробѣвшаго, затерявшагося въ толпѣ («дознаться, гдѣ именно онъ находится, довольно трудно»), оговаривался, что все же бываютъ минуты, когда онъ, читатель-другъ, «внезапно открывается», а общеніе съ нимъ дѣлается возможнымъ. Если такія минуты — самыя счастливыя, которыя испытываетъ писатель на своемъ трудномъ пути, то Горькій счастливъ вдвойнѣ: у него—кромѣ читателя-друга—еще оказывается читатель «товарищъ», который не робѣетъ, а мѣсто своего нахожденія обозначаетъ явственно. Какъ не чувствовать себя бодрымъ, сильнымъ, когда пламя души писателя есть пламя души читателя, и еще до произведенія соединяетъ ихъ нѣчто, что не такъ легко высказать. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ подходитъ рабочая демократія къ своему художнику. Онъ прежде «товарищъ», равный и любимый, а затѣмъ уже писатель.

Рабочій не можетъ начать рѣчь о Горькомъ безъ лирики: «Каждый человѣкъ, — увѣряетъ чернорабочій—кто бы онъ ни былъ изъ рабочей категоріи, но въ душѣ его есть что-то живое: это память о Максимѣ Горькомъ». «Я видѣлъ сегодня Максима Горькаго,—сообщаетъ каменьщикъ съ Волги.—Какъ хорошо, что за него опасаться нечего: я видѣлъ его на экранѣ въ кинематографѣ. Господи! Какъ это было хорошо. Какъ доволенъ я. Правда, это былъ мигъ. Сначала вилла, въ которой Горькій живетъ. Замокъ гномовъ, обращенный лицомъ въ какую-то пропасть, можетъ быть, въ морскую синюю даль, въ воспѣтыя имъ грани небесъ съ землею. Потомъ дорожка вдоль ограды. Идетъ нашъ царственный пѣвецъ. Онъ почти не измѣнился. Сильной, бодрой походкой, салютуя своей неизмѣнной шляпой «аля-Пушкинъ», подходитъ къ чертѣ фокуса аппарата и... растаиваетъ. Я

остался еще на четверть часа лишнихъ, чтобы еще разъ взглянуть въ родное и дорогое лицо его. Стало легко, привольно въ груди, какъ будто стѣнка свѣта расширилась, раздвинулась, и показались новые горизонты, манящіе въ объятія. Вотъ и гаерствуй послѣ всего такого своимъ бодрымъ, стойкимъ настроеніемъ. Какъ чашу хорошаго вина послѣ устатка принялъ, какъ будто самое красавицу-Волгу вмѣстилъ себѣ въ груди — такъ богатырски хорошо стало на сердцѣ. А всего то только Максима Горькаго увидѣлъ, и то не взаправду. Эхъ, хорошо, когда есть и не умерло хорошее въ свѣтѣ. При воспоминаніи о Горькомъ мнѣ жаль только одного, что не могу, въ самомъ дѣлѣ, смотрѣть въ ясное чело его, какъ бы этого хотѣлось». Такому читателю, понятно, не до крахмальныхъ воротничковъ: онъ ихъ не замѣчаетъ. «Все Горькому простилъ бы: собственные моторы, роскошь, дома, не совсѣмъ идущія къ лицу бархатныя куртки—все. На то онъ и человѣкъ особенный... ему лучше даже все это имѣть, если представляется имѣть возможность».

Согласитесь, такъ пишутъ о своемъ, родномъ, близкомъ. 15 сентября с. г. за Московской заставой открылась читальня-библіотека имени Гончарова. Кажется, районъ, отставшій въ смыслѣ культурныхъ учрежденій и наоборотъ, побившій рекордъ въ отношеніи казенныхъ винныхъ лавокъ. Однако, даже дѣти требуютъ Горькаго. Вотъ картинка съ натуры.

Приходитъ мальчикъ-рабочій лѣтъ 14. Библіотекарша предлагаетъ ему дѣтскій каталогъ. Но онъ отказывается: сказки не читаетъ.

— Дайте мнѣ сочиненія М. Горькаго,—проситъ онъ.

— Но вы еще маленькій,—замѣчаетъ библіотекарша.

— Я хочу Горькаго,—гордо повторяетъ мальчикъ.

И, получивъ наконецъ Горькаго, «жадно» накидывается,—по выраженію хроникера—«на этого родного и близкаго рабочимъ писателя».

Вотъ рабочій-кожевникъ, лѣтъ 10 — 11, впервые увидѣвшій два разсказа Горькаго: «Дружки» и «Емельянъ-Пиляй». До этого онъ уже кое-что слышалъ о Горькомъ; теперь же съ радостью накинулся на эти два разсказа. Съ напряженнымъ вниманіемъ прочиталъ по нѣсколько разъ, пока не зачиталъ ихъ въ конецъ. »Съ этого случая,—сообщаетъ онъ—во мнѣ и зародилось то зерно любви къ Максиму Горькому, которое теперь выросло въ кудрявое, вѣчно зеленое дерево. Простота повѣствованія, магнитная тяга къ широкимъ полямъ, вольной жизни, подъ звѣзднымъ небомъ, на зеленой травѣ. Помню, разсказы такъ по-

дѣйствовали на меня съ товарищами, что одно время мы не въ шутку затѣяли пуститься въ путь. Итти и итти... Конечно, то были юношескіе годы. Но чѣмъ больше я мужалъ и вникалъ въ жизнь, тѣмъ рѣже разлучался съ Горькимъ и чтилъ его имя выше всѣхъ писателей. Гдѣ Горькій, что съ нимъ, какъ онъ—неотступно сидѣло въ моей головѣ. Ибо я любилъ Горькаго, какъ вѣстника лучшихъ дней и лучшей жизни». Одно чувство, одинъ стиль вездѣ. «Моя душа, мое чувство,—читаете вы,—въ немъ одномъ. Нѣтъ у меня другихъ, кто былъ бы дороже великаго и добраго Максима. На всю жизнь останется во мнѣ то волненіе, какое вошло въ мою душу прочитавши слова: «не труся надо плыть противъ теченія. Какъ отрадно разбивать напоръ волнъ». Да, думалъ я, вотъ гдѣ-то Горькій. Значитъ, онъ нашъ, онъ мой, по крайней мѣрѣ мой пѣснярь — вдохновитель. Люди страждущіе и обремененные.—мы не одни. Мы съ Горькимъ».

Послѣ того какъ дѣла печати подошли подъ амнистію, и рабочіе круги съ быстротой молніи облетѣла мысль о возвращеніи писателя въ Россію, къ нему посыпались привѣтствія. Вотъ одно изъ нихъ, подписанное 60 рабочими. «Изъ газетъ мы узнали,—писали они,—о вашемъ намѣреніи вернуться въ Россію, глубокоуважаемый Алексѣй Максимовичъ. Насъ всегда удручало сознаніе того, что вы въ числѣ многихъ другихъ лучшихъ сыновъ народа, много сдѣлавшихъ для развитія нашего общественнаго сознанія, остаетесь въ вынужденномъ изгнаніи. Мы сознавали, что жизнь на чужбинѣ должна быть исключительно тягостна для художника, особенно въ тотъ періодъ, когда художникъ неразрывно связалъ себя съ трудящимися массами и вмѣстѣ съ ними страдаетъ и борется». Указавъ, что задача ихъ именно въ томъ, чтобы добиться условій, въ которыхъ «достойнѣйшіе граждане занимали бы почетныя мѣста въ нашихъ рядахъ», они, С.-Петербургскіе рабочіе, члены рабочихъ клубовъ, «пока» посылали «горячій любовный привѣтъ своему любимому писателю—пѣвцу демократіи М. Горькому».

Такой читатель, очевидно, не «сохранитъ инкогнито», не убѣжитъ въ нору, какъ только писателя «изъемлютъ изъ обращенія». Не утратитъ ясность, не потушитъ огня въ сердцѣ своемъ, лишь только читатель-ненавистникъ овладѣетъ литературой, и, подобно мошкарѣ, облѣпитъ художника, зажметъ уста, ошеломитъ клеветой пыль людская. Нѣтъ, «читатель, заступись» означаетъ здѣсь не «секретное и притомъ платоническое сочувствіе», но и оборону. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, какъ рѣзко, какъ больно

реагируетъ рабочая интеллигенція на толки о концѣ Горькаго, о его художественномъ оскудѣніи.

«Гдѣ вы—тѣ, которые похоронили его.— А, испугались нашего Максима и заживо кладете его въ гробъ! Конечно, для васъ онъ страшенъ. Вамъ онъ чуждъ. Но знайте и запомните разъ навсегда: онъ никогда не былъ вашъ. Мы, рабочіе и крестьяне, родили его изъ своей народной души, вложили въ него даръ слова, которымъ бы онъ велъ насъ, вдохновлялъ отстающихъ, будилъ спящихъ. Буревѣстникъ—грозной молніи подобный—свободно рѣетъ». «Горькій умеръ! Горькій затихъ—писалъ цѣлый рядъ буржуазныхъ критиковъ и публицистовъ. И имъ вѣрили. Но кто. Всѣ тѣ, кто осмотрѣлись и поняли, гдѣ Горькій, съ кѣмъ пошелъ, гдѣ очутился». Рабочіе даютъ чисто соціальное истолкованіе этой кампаніи противъ писателя. Выяснилось, куда онъ пошелъ, и мѣщанство, которое, «можетъ быть, темно, но все таки любило великаго босяка» по выраженію, взятому изъ одной рукописи, «отреклось отъ него» «Горькій прошлаго и Горькій настоящаго—это не одно и тоже Для того, чтобы понять переломъ въ творчествѣ М. Горькаго нужно имѣть въ виду (по словамъ рабочаго, уже печатающагося въ рабочей прессѣ) историческую обстановку прошлаго и настоящаго, дабы не быть несправедливымъ къ этому крупнѣйшему русскому писателю». Авторы не ограничиваются констатированіемъ факта, но и вдаются въ анализъ момента для большей убѣдительности. Горькій и 1905—06 г.г., конечно, нѣчто общее, нераздѣльное въ ихъ глазахъ. Но вотъ наступили годы упадка, когда—по словамъ рабочихъ, авторовъ письма по поводу «Матери»—«стали глумиться и мстить идеаламъ, которые хоть на минуту дали возможность взлетѣть соколомъ въ небо». Реакція, какъ темная ночь, вызываетъ летучихъ мышей, «вытянула псалмопѣвцевъ всякой низости». «Она породила литературу, служащую молоху капитализма», «породила теченіе, въ которомъ сногсшибательная порнографія стоитъ краснымъ уголкомъ и убрана цвѣтами».

Только М. Горькій «остался вѣренъ старому завѣту»;—и «въ народѣ онъ живъ». «Народъ Горькаго воскрешаетъ». Теперь, перейдя мертвую полосу упадка—привѣтствуетъ Горькаго группа рабочихъ—«мы шлемъ привѣтъ тѣмъ, кого ни малодушіе, ни корысть не могли оторвать отъ общаго дѣла. Только немногіе голоса, и вашъ громче другихъ, раздавались за утвержденіе жизни и личности человѣка. Теперь похоронные напѣвы заглушаются бодрыми голосами пробуждающейся жизни, и мы глубоко увѣ-

рены, что общеніе съ рабочимъ народомъ, прикосновеніе къ родной землѣ дастъ могучій полетъ вашему творчеству».

Ходячее мнѣніе о литературѣ для народа отошло въ область преданій. Впечатлительный, пылкій рабочій слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ. Такъ, какъ дай Богъ намъ, читателямъ привилегированныхъ круговъ. Выражаетъ свое негодованіе, развиваетъ собственное пониманіе. Въ противоположность деревнѣ, онъ не уважаетъ «авторитета». И кто знаетъ, какое количество внутренней энергіи здѣсь не находитъ себѣ выхода изъ царства машины, одуряющей своимъ ревомъ и стукомъ, тотъ пойметъ, какъ подчасъ ничего не стоитъ фальсифицировать рабочіе вкусы, выдавъ г-жу Вербицкую за М. Горькаго. Насколько пристально слѣдитъ рабочая демократія за перипетіями литературной жизни, показываютъ сравнительныя характеристики, встрѣчающіяся въ рабочихъ рукописяхъ. Старую литературу рабочіе любятъ, но по своему. «Если Тургеневъ—пишетъ рабочій-металлистъ—показалъ намъ, что мы такіе же люди, какъ и они, а Левъ Толстой искалъ чего-то высшаго въ народѣ, то М. Горькій нашелъ въ самомъ низкомъ, въ отбросѣ достойное высокаго». «Горькій!—восклицаетъ другой.—Если при жизни Толстой одинъ претендовалъ на право авторитета, то Горькій теперь его замѣняетъ въ полномъ смыслѣ слова. Чувство уваженія наполняетъ мою душу: передо мною высокій пьедесталъ, а на немъ Горькій, поэтъ борьбы».

В. Г. Короленко, изъ современныхъ, выдерживаетъ марку съ высоты этого критерія. «Теперь у насъ великихъ писателей, рядомъ стоящихъ, два,—читаете вы:—М. Горькій и В. Короленко. Ищутъ правды и будятъ сердца къ ней». Многимъ же нѣтъ прощенія. Въ своей статьѣ о самоучкахъ писателяхъ М. Горькій, указывая на случаи подражанія Леониду Андрееву, тутъ же отмѣчаетъ, что это вліяніе внѣшнее, что берутъ форму, а не настроеніе автора. Дѣйствительно, отношеніе къ Андрееву не дружеское. Вотъ двѣ строчки изъ рукописнаго рабочаго журнала «Заря» «Андреевъ и русскій народъ? Вотъ два полюса, не имѣющіе между собою родства». Съ высоты, такъ роднящей читателя низового съ Горькимъ, меркнетъ и Арцыбашевъ, и Винниченко, и Сологубъ. По мнѣнію рабочаго Калинина, автора «Мыслей рабочаго» въ «Журналѣ для всѣхъ» (1912, № 29) рабочій для Арцыбашева—«книга за семью печатями, ибо будучи чуждъ его стремленіямъ, онъ и не могъ дать правдиваго изображенія».

Словомъ, «не нужны слова Андреева», «чувственныя похожденія Санина», «единый нашъ учитель—Максимъ Горькій». Вѣдь даже классики многіе, «ища въ насъ людей, все таки смотрѣли

такъ или иначе, свысока, какъ баринъ смотритъ на нашего брата» Горькій же—«родной», «знакомый», «близкій душѣ». «Первое скажу: когда я читаю Горькаго, то вижу зеркало, которое отражаетъ мою душу»; «приходилось просиживать ночи за его книгами съ внимательно слушающей аудиторіей; всѣ находили себѣ свое, родное. «Рабочая среда представлена у Горькаго не какъ безразличная масса. Эта среда изображена у писателя при всемъ разнообразіи характеровъ и настроеній». «Горькаго я люблю за его ненависть къ мѣщанству, безпощадное бичеваніе всего того, что называется болотомъ жизни». «Поэзія правды»—такъ окрещивается его «философія». «М. Горькій не тѣмъ великъ, что онъ с. д. Нѣтъ, Горькій больше, чѣмъ с. д.».

Однако, чѣмъ же свѣтитъ, чѣмъ грѣетъ Горькій, чѣмъ силенъ и крѣпокъ въ широкихъ рабочихъ кругахъ? Авторъ одной рукописи отвѣчаетъ такъ: «Горькій своимъ бытіемъ укрѣпляетъ вѣру въ народъ. Потому—значитъ, черная масса выдвигаетъ такія величины, какъ Горькій. Это не кое-что». Трудно вѣрнѣе передать вѣянье духа живого. Горькій даетъ именно вѣру человѣку страшной жизни. «Свои очки, замазанные копотью, я уже сбросилъ», «встряхнулъ всю копоть съ своей души»... Желая высказаться въ этомъ духѣ, одинъ чернорабочій называетъ Горькаго «великимъ, могущественнымъ человѣкомъ». Въ то время какъ, по словамъ самого писателя, изъ самой массы возникаетъ къ жизни новый типъ человѣка, бодраго духомъ, писатель является одной изъ движущихъ пружинъ этого процесса. Этимъ и силенъ, и крѣпокъ Горькій въ массѣ. «Герой разсказа М. Горькаго говоритъ: всѣхъ въ тюрьму не пересажаютъ. Мы также должны сказать: проходятъ времена, когда насъ били и плакать не велѣли».

Было бы заблужденіемъ думать, что рабочій-читатель просто закрываетъ глаза на дефекты дарованія М. Горькаго. Ф. Калининъ, выдѣляющій его изъ бытописателей рабочаго класса, въ то же время называетъ «Враги» произведеніемъ неудачнымъ. Точно такъ же и «Мать» не удовлетворяетъ его. Однако, критика его ничего общаго не имѣетъ съ обычными механическими пріемами. Во «Врагахъ»—по мнѣнію Калинина—авторъ «не сумѣлъ нащупать подлинную рабочую идею соціалистической солидарности». «Мать» писалась въ то время, когда рабочій еще не могъ опредѣлиться на столько, чтобы быть представителемъ своего класса со всѣми присущими ему особенностями. И хотя Горькій только и могъ изобразить рабочаго такимъ, какимъ давала ему его подпольная организація», но все же,

по мнѣнію Калинина, широты въ романѣ мало [1]). Можно соглашаться или не соглашаться съ этими замѣчаніями, но нельзя не признать, что ставитъ Калининъ вопросъ глубокожизненно. Другой рабочій, нѣкоторое время жившій на положеніи босяка, затрагиваетъ первый періодъ творчества М. Горькаго. «Въ силу особо сложившихся условій, которыя повліяли на писателя,—замѣчаетъ онъ,—этотъ періодъ страдаетъ крѣпкимъ разводомъ романтизма. Не существенно это для босяцкой психологіи. Мнѣ пришлось болѣе двухъ мѣсяцевъ прожить среди босяковъ, но той черты, что такъ ярко пробивается въ герояхъ Горькаго, я не подмѣтилъ. Босякъ слишкомъ ползетъ низко, чтобы быть романтикомъ». «Одинъ упрекъ» дѣлаетъ и критикъ «Хозяина». Дѣло въ томъ, что, разсказавъ намъ о хозяинѣ пекарни Василіи Семеновѣ, Горькій восклицаетъ: «ударить его надо, а приласкать хочется». Вотъ это-то «чувство жалости писателя» рабочему-печатнику «совсѣмъ непонятно». Чувство жалости, вытекающее изъ товарищеской симпатіи, онъ, конечно, понимаетъ. «Но жалость къ кому бы то ни было», если онъ обладаетъ силой ума—вотъ это дѣйствительно можетъ «обезсиливать» сердце. Дѣлая два шага впередъ, какъ бытописатель рабочей среды, Горькій, по его мнѣнію, «дѣлаетъ шагъ назадъ въ сторону сантиментальнаго отношенія къ такому хищнику и цинику». «Нельзя забыть его карьеры, сдѣланной преступленіемъ, ибо, по справедливому завѣту пѣвца народной скорби Некрасова, то сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть».

Но опять таки въ то же время какая тонкость! Напр., насчетъ «развода романтизма». Пусть Горькій перваго періода—не бытописатель русской жизни, рисующій русскую жизнь со всѣми ея скверностями, пусть онъ «рисуетъ жизнь не такою, какая она есть, а какою быть», въ этомъ «не недостатокъ, а заслуга писателя». Тогда, видите ли, въ девяностые годы—увѣряетъ рабочій,—авторъ статьи о Горькомъ, напечатанной въ рабочей газетѣ—и рабочій классъ, и интелигенція «нуждались въ бодрящихъ словахъ». Въ этомъ смыслѣ романтизмъ, какъ направленіе, былъ «необходимъ и важенъ», а «лучшія, вдохновенныя произведенія Горькаго перваго періода» остаются «поэмами красоты душевной».

---

[1]) Рабочій-печатникъ мысль Калинина передаетъ такъ: „передовые рабочіе увидѣли, что въ этомъ романѣ нѣтъ изображенія сложнаго и мучительнаго процесса роста рабочаго сознанія". Пользуюсь случаемъ отмѣтить единство рабочихъ симпатій и антипатій вообще: отзывы поразительно другъ друга повторяютъ.

Въ статьѣ своей о самородкахъ Горькій подчеркивалъ, что «богоискательство»—теченіе столь нашумѣвшее въ Петербургѣ,—не отразилось ни въ одной изъ рукописей. Однако, «Исповѣдь» рабочіе знаютъ—знаютъ и критикуютъ. Критикуютъ, конечно, и другое. Это должно быть отмѣчено: рабочій, съ жадностью обращающій свои взоры къ литературѣ, критикуетъ Горькаго. Но за то тѣмъ болѣе для себя цѣннаго, высокаго находитъ онъ въ писателѣ. Въ этомъ направленіи прежде всего характерны указанія на языкъ. Даже языкъ классиковъ не удовлетворяетъ читающую массу. Онъ ей кажется языкомъ меньшинства. Въ немъ ей чувствуется бѣлая кость, литературщина, подчасъ поддѣлка подъ народную рѣчь. Инымъ представляется языкъ Горькаго въ изображеніи читателя низовъ: «демократиченъ отъ первой до послѣдней строки», «кровно связанъ съ народомъ, съ народнымъ творчествомъ». Боевой дерзостью, чувствомъ расцвѣта творческихъ массъ кажется ему запечатлѣннымъ и самый языкъ. И то и дѣло авторы рукописей противупоставляютъ Горькаго тѣмъ беллетристамъ, которые только «блудятъ языкомъ народа», а не говорятъ на немъ.

Если такъ обстоитъ дѣло съ языкомъ, то въ отношеніи содержанія нѣтъ дефекта, который бы читающій рабочій не простилъ Горькому за здоровое активное зерно, то, которое проникаетъ каждый жестъ, каждое слово пѣвца вѣры въ человѣка. «Горькій — писатель - гражданинъ... Для насъ самое необходимое, самое важное въ жизни—это правда. Такъ и въ сочиненіяхъ Горькаго самое необходимое, самое важное—правда». «Намъ не нужны розовыя слова,—дорога въ Горькомъ любовь къ людямъ, вѣра въ народъ». Не характерно ли это? Въ то время, какъ иные критики изъ лѣваго лагеря не прочь поговорить о Горькомъ-псевдоромантикѣ (съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ художникомъ-пропагандистомъ), здѣсь царитъ убѣжденіе, что Горькій-романтикъ ни на іоту не погасъ, что и въ удачахъ, и въ неудачахъ онъ психологически вѣренъ себѣ.

Вотъ отдѣльные отзывы объ отдѣльныхъ разсказахъ. «Я упивался Горькимъ, его жаждущимъ Коноваловымъ, его Мальвой, рвущейся въ открытое море. На всю жизнь останется во мнѣ». «Когда я читаю «Ѳому Гордѣева», мнѣ кажется, что писатель схватилъ всѣ мои душевныя переживанія, узнавъ ихъ. Жизнью пользуйся живущій». «Безъ любви къ людямъ человѣкъ не можетъ дать въ своихъ произведеніяхъ такихъ, какъ Челкашъ. Я и давно уже читалъ это его произведеніе, но Челкашъ стоитъ у меня передъ глазами какъ живой».

Вотъ рабочій изъ Ростова на Дону. Кажется, онъ еще не вы-

шелъ изъ стадіи увлеченія «лубкомъ». И все же на вопросъ, какія книги у него любимыя, отвѣчаетъ: М. Горькаго «Мать». Что сливаетъ эти мнѣнія во едино? Писатель поднимаетъ рабочую душу, вливаетъ въ нее воду жизни, пронизываетъ своимъ свѣтомъ. Если таково впечатлѣніе, производимое на массу читающую первыми произведеніями Горькаго, то еще опредѣленнѣе дѣйствіе послѣднихъ. Вотъ, напр., что пишутъ рабочіе о «Рожденіи человѣка». «Рожденіе человѣка»—это драгоцѣннѣйшій жемчугъ. Читая его, мы не въ силахъ не любить жизнь и ея красоту. Не въ силахъ не пойти на борьбу за ея улучшеніе. Что значатъ тусклые перепѣвы несостоятельности жизни разныхъ пессимистовъ». «Огромное впечатлѣніе на меня произвела «Мать». Въ этомъ произведеніи,—слышимъ мы отъ другого,—онъ ярко обрисовалъ всѣ стороны рабочаго класса, а также дѣйствіе противъ него фабричной администраціи и полицейскихъ властей. Читаешь и видишь. Нужно дѣйствовать. Итти смѣло, пробивая дорогу и не останавливаясь на жизненномъ пути». Третій изображаетъ Сормово прежнее: «здѣсь вѣдь М. Горькій получилъ фабулу для своей лучшей повѣсти: «Мать». Четвертый пишетъ: «Мордовка»—копія моихъ мыслей и желаній. Люблю Горькаго за вѣру въ силы человѣка». «Несмотря на печальный финалъ,—читаемъ мы о «Хозяинѣ»—остается чувство бодрости и укрѣпляется вѣра въ свѣтлое начало жизни. Если даже у этихъ поставленныхъ въ несчастныя условія пекарей расширяется душа при приближеніи человѣка, носящаго въ душѣ идеалы правды, то это значитъ, что лучи свѣта обладаютъ великой силой... М. Горькій съ поразительною яркостью показалъ намъ драгоцѣнные перлы въ душахъ отупѣвшихъ отъ тяжелой работы рабочихъ. Здѣсь нѣтъ идеализаціи. Достаточно одному мыслящему рабочему прикоснуться любящимъ сердцемъ къ этимъ изнывающимъ отъ темноты и тяжелаго труда людямъ, какъ сейчасъ же отвѣтныя душевныя струны зазвучали». «Чувство одиночества съ одной стороны, чувство недовѣрчивости съ другой замѣняются взаимнымъ чувствомъ симпатіи».

О томъ же свидѣтельствуетъ чтеніе «Мордовки» въ рабочемъ клубѣ (вмѣсто несостоявшейся лекціи). Чтеніе кончено, и на лицахъ оживленіе. «Товарищи, — говоритъ рабочій, — такіе писатели, какъ Горькій, пишутъ не для забавы и не для времяпровожденія. Здѣсь затронуто самое больное мѣсто въ нашей жизни.—Правда, реагируютъ на это больное мѣсто рабочіе по разному. Пожилой пролетарій разсуждаетъ такъ: «Господинъ Горькій правильно пишетъ... Вотъ насъ упрекаетъ молодежь,

что мы теперь отстали, семейные-то, тогда не участвуемъ. А раньше были работники энергичные... Но вѣдь у насъ, скажемъ, четверо дѣтей на рукахъ. Я понимаю, что жена боится остаться съ ними одна. Да и самъ не могу махнуть на нихъ рукой. Вѣдь это будущіе люди, а не что-нибудь... Надо же считаться и съ этимъ».—Иной выводъ изъ «Мордовки» дѣлаетъ представитель молодежи:—Все равно,—рѣшаетъ онъ,—другого выхода нѣтъ. Надо пріобщать работницу къ нашему дѣлу. Только тогда станетъ она не обузой, не помѣхой, а другомъ рабочаго-мужчины. Однако, и пожилого, и молодого разсказъ освѣжаетъ, сообщая нѣчто такое, что выше всякихъ разсужденій: бодрость. Точно такъ же и послѣдняя повѣсть Горькаго: «Хозяинъ» является «крупнымъ произведеніемъ» въ глазахъ рабочаго-печатника не только потому, что авторъ ея, правдивый бытописатель рабочей жизни, котораго такъ жаждетъ «рабочая демократія».

Кажется, убѣдительнѣе выразиться нельзя. Читатель низовъ оглушенъ машиной, сдавленъ со всѣхъ сторонъ всѣми рычагами фабричнаго абсолютизма. Но ему нужна вѣра, что это не все, что не должна быть жизнь такъ устроена. Печальна обстановка, въ которой приходится бороться за каждую мысль, за каждое слово правды, но еще печальнѣе рабочему человѣку, уже нащупавшему какую-то точку опоры, вдругъ потерять ее. «Я не знаю, что это со мною было, — пишетъ конторщикъ, — какъ я могъ ее (вѣру въ жизнь) потерять. Какъ была сильна и глубока моя вѣра. Вѣдь лучше было бы погибнуть, нежели потерять то, что выше жизни». Произведенія же Горькаго,—одинаково и перваго, и второго періода,—источникъ бодрости для читателя низовъ.

Какъ только рабочій уяснилъ себѣ, что не кабакъ, не кинематографъ, а рабочій театръ есть мѣсто, гдѣ труженикъ фабричнаго станка можетъ обрѣсти себѣ радость жизни, онъ прежде всего устремилъ свои взоры къ «великому и доброму» Максиму. Такъ, группа рабочихъ, членовъ рабочихъ артистическихъ труппъ, изъ Москвы послала ему письмо съ примѣрнымъ репертуаромъ, выработаннымъ на два года. Указывая на то, что рабочій театръ есть средство отвлеченія массы отъ гнета безпросвѣтности, группа просила писателя-друга намѣтить ей свой взглядъ на задачу театра, на его будущее, на выработанный ею репертуаръ.

Ни одного указанія на «двойственность» Горькаго, на «интеллигентскія натяжки». Чувствуется, что рабочій читатель и самъ переживалъ эволюцію, близкую эволюціи писателя. Усло-

жнялся психологически одинъ, усложнялся и другой, и они безъ словъ понимаютъ другъ друга. Былъ ли Горькій толстовцемъ, былъ ли ницшеанцемъ, водилъ ли компанію съ г. Луначарскимъ или съ г. Черновымъ, не все ли равно рабочему? Ибо близко, дорого ему въ писателѣ что-то неизмѣримо бо́льшаго значенія: не Ницше въ Горькомъ, не Луначарскій въ Горькомъ, а именно Горькій самъ съ его художественной индивидуальностью, довлѣющей себѣ и неизмѣнно окрыленной, съ его страстнымъ «дерзай», въ силу котораго его образы никогда не превратятся въ аргументы, его гнѣвъ, его пламя, его жажда бури—въ прокламацію. Въ этомъ направленіи дѣлаются попытки въ двухъ-трехъ рукописяхъ, попытки слить воедино Горькаго прежняго и Горькаго теперешняго. Такъ, приведя цитату изъ разсказа «Однажды осенью»: «вѣдь я въ то время серьезно былъ озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ», одинъ рабочій заключаетъ: значитъ, Горькимъ руководило иное «чувство», чѣмъ чувства его гереевъ. Другой указываетъ на то, что Горькій все «учится» — учился въ то время, учится и теперь, что это «особенно цѣнно въ наше время».

Таково второе пришествіе Горькаго. Оно не подлежитъ сомнѣнію. Горькій не изолированъ, не сотрясаетъ воздухъ. Если это казалось такъ, то лишь въ черные годы, пока не выяснился читатель. «Въ одинъ прекрасный день» сердца понеслись къ нему навстрѣчу съ такой силой, что біеніе ихъ пробивается и сквозь толщу льда. Онъ снова пріобрѣтаетъ ясность и значеніе, горитъ яркимъ свѣточемъ въ читающихъ массахъ. И если деревенскій читатель слишкомъ еще неподвиженъ, чтобы отразить это возбужденіе, слишкомъ практиченъ, чтобы прямо, осязательно слиться съ писателемъ, то фабрика есть поистинѣ тотъ храмъ, гдѣ Горькій живъ нетлѣнною красотою. Здѣсь «массы новаго грядящаго читателя», который не заробѣлъ, не затерялся въ толпѣ.

Л. Клейнбортъ.

СЕКТАНТЫ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА.

Начиная съ 1906 года, со времени открытія первой Государственной Думы, русскіе сектанты разныхъ исповѣданій, отказывающіеся по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ отъ военной службы и подвергающіеся за это разнымъ наказаніямъ, обращались къ представителямъ первыхъ трехъ Гос. Думъ съ просьбой о выработкѣ для нихъ, какъ и для нѣмецкихъ сектантовъ-меннонитовъ, живущихъ на югѣ Россіи, такого закона, который и имъ, какъ и меннонитамъ, давалъ бы возможность замѣнять военную службу работами мирнаго характера, хотя бы самыми тяжелыми и болѣе продолжительными, чѣмъ военная служба, дабы эта замѣна не могла соблазнять другихъ.

Члены всѣхъ первыхъ трехъ Гос. Думъ обѣщали сектантамъ поднять въ Гос. Думѣ вопросъ объ улучшеніи ихъ положенія, но къ несчастію, оно не только не улучшилось, но, напротивъ, еще болѣе ухудшилось. Вмѣсто ст. 125[1] воинскаго устава о наказаніяхъ, по которой отказывающіеся отъ военной службы судились раньше одинъ разъ и приговаривались прямо въ исправительныя арестантскія отдѣленія отъ 4 до 6 лѣтъ или въ каторжныя работы на тотъ же срокъ, съ 1911-го года введена новая статья, 127[1], по которой они теперь судятся два раза и заключаются сначала въ крѣпость или дисциплинарный баталіонъ, гдѣ твердость ихъ убѣжденій испытывается посредствомъ тѣлесныхъ наказаній; затѣмъ, если они остаются вѣрными своимъ убѣжденіямъ, ихъ судятъ вторично и, если время мирное, лишаютъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ

правъ и преимуществъ и отдаютъ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ 5 до 6 лѣтъ, а если время военное, то лишаютъ всѣхъ правъ состоянія и ссылаютъ въ каторжныя работы на время отъ восьми до 12 лѣтъ.

Такимъ образомъ тѣ, которыхъ, какъ увидимъ ниже, даже представитель прокурорской власти признаетъ людьми высокой нравственности, могутъ быть подвергнуты точно такому же наказанію, какъ и разбойники, судимые по 1634 ст. Улож. о нак. Противорѣчіе вопіющее! И законодателямъ, пекущимся о благѣ своего народа, слѣдовало бы поскорѣе разрѣшить это противорѣчіе и тѣмъ избавить этихъ людей отъ незаслуженныхъ ими наказаній и страданій.

Правда, въ 3-й Гос. Думѣ, при обсужденіи устава о воинской повинности, по иниціативѣ А. Н. Шингарева, былъ поднятъ вопросъ о выработкѣ новаго закона для отказывающихся отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ; но Гос. Дума ограничилась только выраженіемъ пожеланія, чтобы такой законопроектъ былъ выработанъ военнымъ министерствомъ и внесенъ въ Думу.

Намъ сообщаютъ, что военное вѣдомство уже приступило къ выработкѣ такого законопроекта и намѣрено внести его въ Гос. Думу въ нынѣшнюю ея сессіи.

Такъ какъ при выработкѣ закона о сектантахъ, отказывающихся отъ военной службы, потребуются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о нихъ, то я считаю своевременнымъ огласить тѣ данныя, которыя я собралъ во время послѣднихъ судебныхъ процессовъ въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ. Считаю нужнымъ замѣтить, что эти данныя были просмотрѣны предсѣдательствовавшими на засѣданіяхъ петербургскаго военно-окружнаго суда и найдены ими вѣрными, что и засвидѣтельствовано ихъ подписями на подлинныхъ записяхъ.

11-го іюня текущаго года въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, при открытыхъ дверяхъ, судился за отказъ отъ военной службы молодой солдатъ 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка, Алексѣй Адамовичъ Бирюля.

Онъ родился 21-го февраля 1888 года отъ бѣдныхъ, православныхъ родителей, мѣщанъ города Новгорода. Родители его умерли очень рано (матери своей онъ совсѣмъ не помнитъ), и ему, 5-лѣтнему мальчику, пришлось поступить въ пріютъ, гдѣ

онъ пробылъ до 12 лѣтъ. Выйдя изъ пріюта, онъ поселился у своего старшаго брата, начальника желѣзнодорожной станціи, и сталъ посѣщать школу, которую и окончилъ. Послѣ окончанія школы поступилъ телеграфистомъ сначала на станцію Дно, а потомъ на Царско-сельскій вокзалъ.

Живя въ Петербургѣ, онъ сталъ читать сочиненія Л. Н. Толстого. Они произвели на него сильное впечатлѣніе. Чувствуя себя сиротливымъ и заброшеннымъ въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, онъ оставилъ службу и уѣхалъ въ общину толстовцевъ близъ г. Ташкента.

Наступилъ 1911-ый годъ, а между тѣмъ еще въ 1909 г. ему надо было явиться въ Новгородъ для отбыванія воинской повинности. Не желая болѣе скрываться, онъ явился въ ташкентское полицейское управленіе и заявилъ, что онъ еще не отбывалъ воинской повинности. Его тотчасъ же арестовали и этапнымъ порядкомъ отправили въ Новгородъ, гдѣ 25-го февраля 1911 г. онъ и былъ признанъ годнымъ къ военной службѣ и въ тотъ же день препровожденъ въ 85-й пѣхотный Выборгскій полкъ, стоявшій въ Новгородѣ.

Здѣсь онъ заявилъ, что, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не можетъ нести военную службу. За это его посадили сначала въ темный карцеръ, гдѣ онъ провелъ 15 сутокъ, а затѣмъ—въ свѣтлый одиночный карцеръ, въ которомъ онъ просидѣлъ 4 мѣсяца; въ общій карцеръ, его не помѣщали, боясь его вліянія на солдатъ. Къ нему приходили офицеры и полковой священникъ, уговаривали его отказаться отъ своихъ убѣжденій и грозили ему еще большими наказаніями, но онъ остался непоколебимъ.

Лѣтомъ 1911-го года онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ преданъ военно-окружному суду. Въ своей защитительной рѣчи Бирюля просилъ судей освободить его отъ присяги и ношенія оружія и назначить его въ нестроевую часть. Судъ приговорилъ его въ дисциплинарный баталіонъ на 2 года.

Послѣ этого онъ былъ отправленъ въ село Медвѣдь, Новгородской губ., въ дисциплинарный баталіонъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ двухъ адвентистовъ, заключенныхъ въ дисциплинарный баталіонъ тоже за отказъ отъ военной службы, и подъ ихъ вліяніемъ сдѣлался адвентистомъ, какимъ остается и до настоящаго времени.

Въ дисциплинарномъ баталіонѣ за отказъ отъ ружья и работъ по субботамъ (адвентисты празднуютъ субботу вмѣсто воскресенья) его подвергли сѣченію розгами, но это не заставило его отказаться отъ своихъ убѣжденій.

5-го марта 1913-го года, по примѣненіи къ нему Высочайшаго манифеста 21 февраля, его вернули въ тотъ же 85-й пѣхотный полкъ, но и здѣсь ему пришлось сидѣть въ карцерѣ за отказъ отъ ружья и работъ въ субботы.

Въ апрѣлѣ онъ писалъ изъ полка одному своему другу, «Дорогой, если бы вы знали, сколько приходится испытывать тѣлесныхъ и духовныхъ страданій! Вотъ уже третій годъ, какъ я нахожусь въ заключеніи среди развратныхъ людей. Истинно скажу вамъ, что рѣшетки и замки меня мало тяготятъ, но окружающіе развратные люди ужасно отравляютъ радостныя мои чувства. Не могу вамъ высказать, какъ мнѣ надоѣлъ и опротивѣлъ этотъ окружающій развратъ. Нѣтъ въ людяхъ нисколько стремленія къ Богу. Никто не хочетъ потрудиться жить болѣе нравственно. А большинство изъ людей совершенно не вѣрятъ въ существованіе Бога».

Въ концѣ мая онъ былъ вмѣстѣ съ частью полка переведенъ въ Петербургъ, гдѣ 11-го іюня и былъ вторично судимъ въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ.

По словамъ обвинительнаго акта, командиръ 6-й роты 85-го пѣхотнаго Выборгскаго полка донесъ командиру 2-го баталіона того же полка, что рядовой ввѣренной ему роты Бирюля, отбывшій ранѣе наказаніе въ дисциплинарномъ баталіонѣ за отказъ отъ принятія присяги, вновь отказывается принимать ее. Четыре свидѣтеля показали, что Бирюля, въ силу своихъ религіозныхъ убѣжденій, отказывается принять присягу или даже дать торжественную клятву на вѣрность службы, такъ какъ та и другая повелѣваетъ употреблять въ дѣло оружіе, чего онъ дѣлать не будетъ; если бы его поставили на постъ съ оружіемъ, то онъ не сталъ бы защищаться, такъ какъ это запрещаетъ его ученіе; кромѣ того, онъ не можетъ работать по субботамъ, такъ какъ это запрещено его религіей. На этомъ основаніи Бирюля обвиняется въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 127[1] XXII кн. свода военныхъ постановленій.

На вопросъ предсѣдателя, признаетъ ли подсудимый себя виновнымъ, Бирюля отвѣчалъ утвердительно и далъ слѣдующее показаніе:

— Два года тому назадъ я былъ заключенъ въ дисциплинарный баталіонъ за отказъ отъ оружія, и просидѣлъ въ немъ два года. Но я и тамъ не становился на военныя занятія и меня за это сѣкли. Въ остальномъ я былъ исполнительнымъ и образцовымъ. Когда потомъ я возвратился въ полкъ, то отъ меня опять

потребовали присягу. Я опять отказался, сказавъ, что я не буду клясться разстрѣливать людей, что я не могу этого дѣлать, потому что Христосъ сказалъ, чтобы мы не противились злому, что если требуютъ отъ меня верхнее платье, то я долженъ отдать рубаху. Говоря это, я не отказывался отъ всей военной службы, я только просилъ дать мнѣ нестроевую службу, на которой мнѣ не приходилось бы употреблять оружія. И теперь я тоже прошу назначить меня на нестроевую службу, и я докажу свою вѣрность Государю и никого не развращу, потому что я думаю, что если человѣкъ можетъ защищаться оружіемъ, то онъ долженъ служить на военной службѣ съ оружіемъ. Но я не могу. Легче мнѣ наложить на себя руки, чѣмъ употреблять оружіе. Иначе я не могу разсуждать. Евангеліе учитъ, что я долженъ прощать всѣмъ и никого не наказывать. Жизнь въ этомъ мірѣ состоитъ только въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, хотя бы за это и пришлось страдать. Христіанинъ долженъ страдать даже до смерти, какъ дѣлали апостолы.

Помощникъ прокурора отказался отъ допроса подсудимаго.

Защитникъ заявилъ, что Бирюля находится подъ арестомъ съ 22 марта, и просилъ судъ огласить похвальные отзывы, выданные Бирюлѣ начальникомъ дисциплинарнаго баталіона и полковымъ начальствомъ. Судъ огласилъ ихъ. Въ нихъ говорится, что Бирюля, хотя и отказался отъ присяги, ношенія оружія и работъ по субботамъ, но во всемъ остальномъ былъ исполнителенъ, скроменъ и молчаливъ, своихъ идей никому не навязывалъ, и, вообще, былъ хорошаго поведенія.

Въ виду полнаго сознанія подсудимаго, свидѣтели не были допрошены, и начались пренія.

Помощникъ прокурора сказалъ:

— Мы здѣсь сталкиваемся съ извѣстнымъ религіозно-общественнымъ явленіемъ. Подсудимый далъ намъ справедливое и искреннее признаніе, которое производитъ на насъ даже впечатлѣніе. Но военная власть не можетъ итти по той дорогѣ, по которой пошелъ подсудимый, опираясь на религіозную почву. Проведеніе въ жизнь христіанскихъ завѣтовъ и ученія адвентистовъ немыслимо въ настоящее время и противорѣчитъ современному государственному строю. Поэтому, оставляя въ сторонѣ Св. Писаніе, мы должны оперировать на военномъ законѣ.

Подсудимый отказался отъ присяги. Но это не новость. Такіе отказы были и раньше и еще въ 1863 г. была введена въ наши законы статья, разрѣшающая замѣнять клятву торже-

ственнымъ обѣщаніемъ для лицъ, не могущихъ клясться. И строго стоя на формальной почвѣ воинскаго устава, подсудимый могъ бы дать торжественное обѣщаніе, нисколько не нарушая своихъ религіозныхъ убѣжденій: формула торжественнаго обѣщанія такова, что въ ней нѣтъ религіознаго элемента, даже самаго слова «клятва» нѣтъ, а если и говорится о пролитіи крови, то о пролитіи своей крови. Но подсудимый отказался дать и такое торжественное обѣщаніе.

Мало того. Подсудимый отказался не только отъ присяги и торжественнаго обѣщанія, но и отъ оружія и работъ по субботамъ. Онъ прямо заявилъ, что если его поставятъ на постъ, то онъ не будетъ защищаться. А если такъ, то онъ не годится не только для строевой, но и для нестроевой службы. Какъ адвентистъ 7-го дня, т. е. субботы, онъ не будетъ работать въ субботы и въ нестроевой службѣ. Если допустить въ войска адвентистовъ 7-го дня, то потомъ могутъ найтись адвентисты 6-го, 5-го дня и т. д., и это внесетъ полное разрушеніе въ армію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ государственную службу. Поэтому я думаю, что отказывающихся отъ военной службы надо совсѣмъ исключать изъ военнаго сословія. Но и оставлять ихъ безъ наказанія тоже нельзя. Но какъ же ихъ наказывать? Съ 1906 по 1911 гг. дѣйствовала 125[1] ст. воинскаго устава о наказаніяхъ, но въ ней былъ пробѣлъ: если подсудимый не отказывался отъ нестроевой службы, то его не наказывали и зачисляли въ нестроевую часть, а если онъ отказывался и отъ нестроевой части, то его отдавали въ исправительныя арестантскія отдѣленія. Но затѣмъ эта статья была признана негодной и въ 1911 г., приказомъ по военному вѣдомству, была замѣнена статьей 127[1], по которой виновный судится два раза и въ первый разъ заключается въ дисциплинарный баталіонъ, а во второй — въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Я считаю и эту статью неудачной, потому что нельзя судить человѣка два раза за одно и тоже преступленіе. Дисциплинарный баталіонъ, отбытый по этой статьѣ подсудимымъ, является какъ бы безплатнымъ приложеніемъ ко второму приговору. Поэтому, какъ ни высоки нравственныя качества подсудимаго, я, стоя на почвѣ политической необходимости, считаю необходимымъ исключить его изъ состава арміи, лишить его воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ исправительныя арестантскія отдѣленія.

Защитникъ, ссылаясь на искренность сознанія подсудимаго,

на то, что онъ просидѣлъ подъ арестомъ съ 22 марта, что о немъ дали похвальные отзывы военные начальники, просилъ судъ если не о полномъ прощеніи подсудимаго, то хотя о смягченіи приговора, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ ходатайствовать въ особомъ порядкѣ о смягченіи участи подсудимаго.

На предложеніе предсѣдателя сказать послѣднее слово, подсудимый Бирюля сказалъ:—Я желаю просить милости у суда и полагаюсь на волю Бога.

Судъ постановилъ: на основаніи 127[1] ст. заключить подсудимаго Бирюлю на $3^1/_2$ года въ исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и съ зачетомъ предварительнаго заключенія отъ 23 марта сего года.

Подсудимый спокойно выслушалъ приговоръ и подалъ прошеніе на Высочайшее имя о смягченіи своей участи. Въ настоящее онъ, Бирюля, находится въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ такъ называемомъ «Литовскомъ Замкѣ».

2-го іюля сего года въ томъ же военно-окружномъ судѣ, при открытыхъ дверяхъ, судили молодого солдата 198-го пѣхотнаго Александро-Невскаго полка (стоящаго въ г. Архангельскѣ), Яна Мерикана, за отказъ отъ воинскихъ занятій по субботамъ и отъ присяги.

Янъ Петровичъ Мериканъ родился отъ лютеранъ, эстонцевъ, крестьянъ Лифляндской губерніи, 16 апрѣля 1891 года и воспитывался въ лютеранской вѣрѣ, но потомъ, познакомившись въ г. Юрьевѣ съ адвентистами, заинтересовался ихъ вѣрой и сталъ посѣщать ихъ собранія. Узнавъ, что основаніемъ ихъ ученія является Библія, Мериканъ сталъ внимательно ее читать и изучать и, наконецъ, сдѣлался адвентистомъ.

7-го ноября 1912 года Мериканъ былъ принятъ на военную службу, но, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія, отказался отъ присяги и отъ воинскихъ занятій по субботамъ, за что и былъ преданъ суду.

Изъ обвинительнаго акта видно, что Мериканъ, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія, не исполнилъ приказаній своего учителя и фельдфебеля стать на занятія, а 12-го января, на томъ же основаніи, не исполнилъ приказанія стать на занятія, отданнаго ему непосредственно самимъ ротнымъ командиромъ.

На предварительномъ слѣдствіи Мериканъ, признавая себя виновнымъ, объявилъ, что, принадлежа къ сектѣ адвентистовъ, онъ, согласно этому вѣроученію, считаетъ себя обязаннымъ повиноваться Царю и начальству и согласенъ исполнять всѣ обязанности военной службы, за исключеніемъ производства какихъ-либо занятій или работъ отъ заката солнца въ пятницу до заката солнца въ субботу, такъ какъ такія работы запрещены четвертою заповѣдью. Кромѣ того, по прибытіи въ полкъ, онъ отказался присягать, говоря, что по Библіи и по Евангелію запрещено клясться.

На судѣ Мериканъ подтвердилъ свои показанія. Оглашено было удостовѣреніе, выданное Мерикану ротнымъ командиромъ Брагинымъ, въ которомъ сказано, что Мериканъ «отличался очень хорошимъ поведеніемъ, усердіемъ къ службѣ и ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ».

Помощникъ военнаго прокурора сказалъ, что онъ поддерживаетъ обвиненіе, тѣмъ болѣе, что самъ подсудимый призналъ себя виновнымъ.

Защитникъ сказалъ, приблизительно, слѣдующее:

— Какъ ни странно, гг. судьи, но защита, въ интересахъ подсудимаго, должна просить судъ о примѣненіи къ Мерикану высшей мѣры наказанія, т. е. трехъ лѣтъ дисциплинарнаго баталіона. Ходатайство это основывается на томъ соображеніи, что такое наказаніе дастъ Мерикану возможность отбыть весь свой трехлѣтній срокъ военной службы въ дисциплинарномъ баталіонѣ, гдѣ условія службы позволяютъ болѣе снисходительно, чѣмъ въ строю, относиться къ религіознымъ убѣжденіямъ, и не возвращаться въ строй, откуда онъ снова попадетъ подъ судъ за тотъ же отказъ работать по субботамъ. Въ случаѣ примѣненія къ Мерикану низшей мѣры наказанія, т. е. двухлѣтняго заключенія въ дисциплинарномъ баталіонѣ, онъ, по отбытіи наказанія, долженъ будетъ возвратиться въ строй, гдѣ, конечно, опять столкнется съ тѣми же условіями, которыя въ настоящее время привели его на скамью подсудимыхъ, и онъ вторично будетъ судимъ и вторично понесетъ наказаніе, но на этотъ разъ уже не три года, а отъ 5 до 6 лѣтъ заключенія, и не въ дисциплинарномъ баталіонѣ, а въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, согласно 127[1] ст. воинскаго устава о наказаніяхъ. Надѣяться, что Мериканъ, побывавъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, измѣнитъ свои убѣжденія, едва ли мы можемъ, потому что уже много примѣровъ прошло здѣсь, въ судѣ, ука-

зывающихъ на то, что люди съ такими убѣжденіями стойки въ нихъ. Похвальный отзывъ о подсудимомъ со стороны его начальства даетъ основаніе пожалѣть его, и потому я прошу васъ назначить ему самое суровое наказаніе, т. е. три года заключенія въ дисциплинарномъ баталіонѣ—наказаніе, которое будетъ, въ виду уменьшающихъ его вину обстоятельствъ, слишкомъ суровымъ только формально, по существу же дастъ ему возможность избѣжать въ будущемъ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій, т. е. будетъ, такимъ образомъ, по своимъ послѣдствіямъ, болѣе снисходительнымъ, чѣмъ низшая формально мѣра наказанія; снисхожденіе же ваше, гг. судьи, онъ заслужилъ».

Помощникъ военнаго прокурора, возражая защитнику, сказалъ, что судъ долженъ судить по совѣсти, а въ данномъ случаѣ нѣтъ основанія приговаривать обвиняемаго къ высшей мѣрѣ наказанія; напротивъ, есть обстоятельства, смягчающія его вину.

Обвиняемый въ своемъ послѣднемъ словѣ просилъ судъ дать ему возможность чтить день субботній согласно 4-й заповѣди.

Судъ на основаніи 127[1] и 105 ст. XXII кн. св. воен. пост., постановилъ: подсудимаго Мерикана перевести въ разрядъ штрафованныхъ, съ потерею нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, и отдать въ дисциплинарный баталіонъ на два года, безъ изъятія его отъ тѣлеснаго наказанія».

Мериканъ, какъ и Бирюля, подалъ прошеніе на Высочайшее имя о смягченіи своей участи.

Въ настоящее время Мериканъ находится въ дисциплинарномъ баталіонѣ, въ с. Медвѣдь Новгородской губ.

---

23 августа въ томъ же военно-окружномъ судѣ, при открытыхъ дверяхъ, слушалось дѣло о заключенномъ Медвѣдскаго дисциплинарнаго баталіона, молодомъ солдатѣ лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона Евгеніи Малкушѣ, преданномъ суду начальникомъ того же баталіона за отказъ отъ исполненія обязанностей военной службы.

Въ обвинительномъ актѣ говорится, что Евгеній Малкушъ родился 12 декабря 1890 года отъ православныхъ родителей, крестьянъ Волынской губ., Кременецкаго у., мѣстечка Почаева и, будучи принятъ на военную службу 8 ноября 1912 года, чрезъ нѣкоторое время заявилъ начальству, что по своимъ религіознымъ и нравственнымъ убѣжденіямъ не можетъ испол-

нять обязанностей военной службы и на самомъ дѣлѣ отказался отъ ихъ исполненія. За это онъ былъ преданъ петербургскому военно-окружному суду, который 12 марта сего года приговорилъ его къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ на 1 годъ и 4 мѣсяца. Но такъ какъ еще до вступленія этого приговора въ законную силу Малкушъ проявилъ непочтительное отношеніе къ своему начальнику изъ офицеровъ, то онъ за это вторично судился 1 мая с. г. въ томъ же судѣ и, по совокупности преступленій, былъ приговоренъ къ отдачѣ на 1 годъ и 8 мѣсяцевъ въ дисциплинарный баталіонъ.

Это наказаніе Малкушъ отбываетъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, находящемся въ с. Медвѣдь Новгородской губ., но онъ и здѣсь отказывался отъ выполненія обязанностей военной службы. Фельдфебель и командиръ 6-ой роты Медвѣдскаго дисциплинарнаго баталіона неоднократно приказывали Малкушу стать на занятія, но онъ не слушался ихъ приказаній и за это былъ наказанъ два раза (заключеніемъ въ карцерѣ и тѣлеснымъ наказаніемъ—30 ударами розогъ.

При допросѣ по этому дѣлу Малкушъ подтвердилъ все вышеприведенное и снова заявилъ, что по своимъ религіознымъ и нравственнымъ убѣжденіямъ онъ не можетъ быть солдатомъ и потому обучаться военному дѣлу не будетъ, такъ какъ, по его словамъ, всякое занятіе на военной службѣ направлено противъ ближняго.

На судѣ Малкушъ призналъ себя виновнымъ.—Я читалъ—сказалъ онъ,—сочиненія Л. Н. Толстого и пришелъ къ убѣжденію, что его ученіе о непротивленіи злому основано на Евангеліи, а военная служба имѣетъ въ виду не только противленіе злому, но и причиненіе вреда ближнему. Поэтому я и не могу быть солдатомъ.

Предупредивъ подсудимаго о правѣ не отвѣчать на вопросы, предсѣдательствующій спросилъ его:

— И что же ты думаешь, что государства могли бы существовать, если бы всѣ придерживались такихъ взглядовъ?

— Да, если всѣ будутъ придерживаться такихъ взглядовъ, то государства будутъ существовать, но тогда не будетъ ни убійствъ, ни войнъ, и насиліе исчезнетъ съ лица земли. Впрочемъ, теперь я нѣсколько иначе смотрю: раньше я отказывался не только отъ занятій съ оружіемъ, но и отъ всякихъ другихъ занятій, а теперь я готовъ исполнять все, что мнѣ прикажутъ, за исключеніемъ занятій съ оружіемъ. Употреблять оружія я ни въ какомъ случаѣ не могу.

— Ну, а какъ бы ты поступилъ, если бы на твою мать въ твоемъ присутствіи напали разбойники и намѣревались ее зарѣзать?

— Я сталъ бы убѣждать разбойниковъ не дѣлать зла моей матери, такъ какъ это грѣшно.

— Ну, а если бы не убѣдилъ?

— Тогда я подставилъ бы самого себя подъ ножъ разбойниковъ.

Помощникъ военнаго прокурора сказалъ, что онъ поддерживаетъ обвиненіе, въ виду сознанія подсудимымъ своей вины.

Защитникъ сказалъ слѣдующее:

— Гг. судьи, выслушанное вами подробное объясненіе подсудимаго полно грусти и печали. Передъ вами солдатъ, въ душѣ своей далеко не преступный, но вовлеченный въ преступленіе благодаря особаго рода сложившимся въ немъ убѣжденіямъ, происхожденіе которыхъ объясняется печально сложившимся для него воспитаніемъ. Онъ упорствуетъ въ своемъ преступленіи не по злой волѣ и не по злому умыслу, а по искреннему заблужденію. Въ силу всего этого я считаю своимъ служебнымъ и нравственнымъ долгомъ ходатайствовать передъ вами о смягченіи участи подсудимаго. Въ вашей власти наложить на него наказаніе отъ 5 до 6 лѣтъ. Я прошу наименьшаго, что возможно, т. е. 5 лѣтъ.

Подсудимый въ своемъ послѣднемъ словѣ заявилъ, что онъ къ словамъ защитника ничего добавить не можетъ.

Судъ постановилъ: лишить подсудимаго Малкуша воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и отдать его въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 5 лѣтъ, 7 мѣсяцевъ и 2 недѣли. 7 мѣсяцевъ и 2 недѣли прибавлены Малкушу для восполненія того времени, которое онъ не успѣлъ отбыть въ дисциплинарномъ баталіонѣ.

Подать кассаціонную жалобу или прошеніе о смягченіи своей участи Малкушъ не изъявилъ желанія.

Въ настоящее время Малкушъ содержится въ петербургской временной тюрьмѣ на Васильевскомъ островѣ.

---

17 сентября 1913 года въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, при открытыхъ дверяхъ, слушалось дѣло о служителѣ Казанскаго продовольственнаго магазина, рядовомъ Егорѣ Задохинѣ, преданномъ суду корпуснымъ интендантомъ 16 армей-

скаго корпуса за отказъ отъ исполненія обизанностей военной службы по субботамъ.

Егоръ Васильевичъ Задохинъ родился 28 января 1889 года отъ православныхъ родителей, крестьянинъ Тамбовской губ., Кирсановскаго у., деревни Сурки. Окончивъ земскую одноклассную школу, Задохинъ, въ поискахъ заработка, прибылъ въ Москву, гдѣ и поступилъ на мѣсто сторожа въ одномъ изъ почтовыхъ отдѣленій. Въ 1908 г. онъ познакомился съ московскими адвентистами и самъ сталъ адвентистомъ. Такъ какъ ученіе адвентистовъ запрещаетъ работы по субботамъ, а служба въ почтовомъ вѣдомствѣ требуетъ работъ и по субботамъ, то Задохинъ въ слѣдующемъ, году, оставилъ службу и сталъ заниматься поденно, копая канавы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ посѣщать религіозныя собранія адвентистовъ и усердно изучать Библію, которую и изучилъ настолько хорошо, что легко и быстро находитъ въ ней тексты для подтвержденія той или другой своей мысли.

29 октября 1910 г. онъ былъ принятъ въ г. Кирсановѣ на военную службу и, будучи опредѣленъ въ офицерскую кавалерійскую школу, прибылъ въ ноябрѣ въ Петербургъ, гдѣ заявилъ, что онъ, какъ адвентистъ, не можетъ работать по субботамъ и на самомъ дѣлѣ въ первую же субботу отказался стать на занятія. За это его начали сажать каждую субботу въ карцеръ, а затѣмъ предали за неповиновеніе начальству эскадронному суду офицерской кавалерійской школы, который 24 февраля 1911 годъ приговорилъ его въ дисциплинарный баталіонъ на три года.

Это наказаніе Задохинъ отбывалъ въ дисциплинарномъ батальонѣ, находящемся въ с. Медвѣдь, Новгородской губ. Здѣсь онъ также отказывался отъ работъ по субботамъ, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія. Но такъ какъ въ другихъ отношеніяхъ, какъ нравственныхъ, такъ и служебныхъ, онъ зарекомендовалъ себя идеальнымъ солдатомъ, то ротный командиръ освободилъ его отъ занятій по субботамъ.

Въ силу Высочайшаго манифеста отъ 21 февраля 1913 года Задохинъ пробылъ въ дисциплинарномъ батальонѣ не три, а два года. По выходѣ изъ дисциплинарнаго батальона онъ долженъ былъ отправиться на службу въ казанскій продовольственный магазинъ, согласно переводу его туда, состоявшемуся еще 10 мая 1911 года, но его привезли въ Петербургъ и временно зачислили въ ту самую школу, въ которой онъ уже ранѣе состоялъ на службѣ. Это было 8 марта 1913 года.

Вечеромъ того же дня Задохинъ самовольно прекратилъ

чистку лошадей, заявивъ, что наступила суббота и что въ субботу онъ чистить лошадей не станетъ.

На слѣдующій день, въ субботу, 9 марта, Задохинъ получилъ приказаніе встать въ строй для занятій сабельными пріемами. Онъ отказался исполнить это приказаніе и въ строй не сталъ, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія и заявляя, что работать въ субботу запрещено четвертой заповѣдью. Когда ему было разъяснено, что онъ нарушаетъ правила военной службы и навлекаетъ на себя тяжелую отвѣтственность, Задохинъ вновь отказался стать въ строй, говоря, что въ день субботній онъ не можетъ этого сдѣлать. Послѣ этого Задохинъ былъ позванъ къ командиру эскадрона, который также объяснилъ Задохину неправильность его поступковъ и трижды приказалъ ему немедленно становиться въ строй на занятія. Задохинъ упорно отказывался повиноваться этому приказанію, ссылаясь на свои религіозныя убѣжденія, за что былъ посаженъ въ карцеръ, гдѣ просидѣлъ недѣлю. По выходѣ изъ карцера его отправили въ Казань, и затѣмъ о немъ начали производить слѣдствіе.

На слѣдствіи Задохинъ призналъ себя виновнымъ въ неповиновеніи, заявляя, что заповѣди Божіи стоятъ выше распоряженія начальства. Онъ добавилъ, что онъ адвентистъ седьмого дня и такимъ же былъ въ дисциплинарномъ баталіонѣ, гдѣ его по субботамъ освобождали отъ занятій.

Въ судебномъ засѣданіи Задохинъ призналъ себя виновнымъ, но не въ томъ, что по гордости или вслѣдствіе противленія власти не работалъ по субботамъ.—Я знаю,—сказалъ онъ,—что необходимо подчиняться власти и ея закону, но и Богу и Его Закону также надо повиноваться, а четвертая Его заповѣдь запрещаетъ работать по субботамъ. Нарушить одну заповѣдь—значитъ нарушить весь Законъ Божій, какъ говоритъ апостолъ Іаковъ.

По просьбѣ защитника были оглашены три документа: 1) отзывъ о Задохинѣ начальника Казанскаго продовольственнаго магазина, 2) аттестація-характеристика Задохина, данная тѣмъ же начальникомъ и 3) выписка изъ отзыва о Задохинѣ начальника Медвѣдскаго дисциплинарнаго баталіона.

Въ первомъ документѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «Егоръ Задохинъ очень хорошаго поведенія, исполнителенъ и усерденъ къ службѣ. Если бы не религіозныя его убѣжденія и празднованіе имъ субботняго дня, то онъ былъ бы весьма рѣдкій въ наше время солдатъ».

Во второмъ документѣ говорится, что Задохинъ скроменъ и

религіозенъ до фанатизма; онъ все свободное время проводитъ въ чтеніи священнаго писанія и другихъ религіозно-нравственныхъ книгъ, не употребляетъ спиртныхъ напитковъ, не куритъ табаку, не ѣстъ мяса, безпрекословно подчиняется начальству и исполняетъ всѣ его приказанія, говоря,что «нѣтъ власти не отъ Бога».

Въ третьемъ документѣ говорится, что Задохинъ «отличнаго поведенія».

— Наказывало ли тебя твое начальство за отказъ отъ занятій по субботамъ и сидѣлъ ли ты за это подъ арестомъ?—спросилъ подсудимаго одинъ изъ судей.

— Такъ точно, сидѣлъ недѣлю въ Петербургѣ,—отвѣтилъ Задохинъ.

— А какъ ты исполнялъ субботу въ дисциплинарномъ баталіонѣ и какъ относилось къ тебѣ тамошнее начальство?

— Когда я прибылъ въ дисциплинарный баталіонъ, то я объяснилъ начальству баталіона, что я не могу заниматься по субботамъ, такъ какъ не могу преступить 4-ую заповѣдь. Начальникъ спросилъ меня, пью ли я водку. Я отвѣтилъ, что не пью. Тогда меня, какъ и другихъ адвентистовъ, находившихся со мною въ дисциплинарномъ баталіонѣ, освободили отъ работъ по субботамъ, съ замѣной работами по праздникамъ.

— А какъ ты исполнялъ субботу въ Казанскомъ продовольственномъ магазинѣ и какъ относилось къ тебѣ тамошнее начальство?

— Когда я прибылъ туда, то я и тамъ объяснилъ, что не могу нарушать 4-ую заповѣдь работами по субботамъ, и такъ какъ я былъ отличнаго поведенія, то меня освободили отъ работъ по субботамъ

Помощникъ прокурора ограничился словами: «Поддерживаю обвиненіе».

Защитникъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Гг. судьи, положеніе защитника въ настоящемъ дѣлѣ въ высшей степени тяжелое. Съ одной стороны, необходимый и неумолимый законъ требуетъ, чтобы подсудимый былъ наказанъ, а, съ другой, голосъ совѣсти диктуетъ теплое человѣческое отношеніе къ нему. Всѣ преступленія можно раздѣлить на три рода. Большинство преступленій идетъ отъ темноты, невѣжественности человѣческой. У насъ, въ военномъ судѣ, это особенно замѣтно на такъ называемыхъ «пьяныхъ дѣлахъ», гдѣ гибнутъ иногда люди, никогда до тѣхъ поръ ни въ чемъ предосудительномъ незамѣченные. Второй родъ преступленій—это сознательныя, обдуман-

ныя преступленія, совершаемыя людьми, знающими на что они идутъ, и учиняемыя ими ради корысти, выгоды, мести, наслажденія и другихъ низшихъ цѣлей. Это—преступленія наиболѣе возмущающія общественную совѣсть. И, наконецъ, есть еще третій родъ преступленій—это идейныя преступленія. Какъ ни оцѣнивать ихъ съ нравственной точки зрѣнія, но и ихъ мы также считаемъ вредными, опасными, такъ какъ они идутъ изъ враждебнаго намъ лагеря и преслѣдуютъ цѣли, нарушающія современный укладъ жизни. И такія, идейныя, преступленія можно раздѣлить также на три рода: во-первыхъ, преступленія противоправительственныя, революціонныя; во-вторыхъ, преступленія противообщественныя, анархическія; въ третьихъ, преступленія, если можно такъ выразиться, политико-религіозныя, въ основѣ которыхъ хотя и лежитъ религія, но которыя косвенно подрываютъ основы современнаго государства, такъ какъ совершающіе ихъ считаютъ грѣхомъ пролитіе крови и отрицаютъ войну и военную службу. И потому государство караетъ такія преступленія высшей мѣрой наказанія, и не можетъ не карать: иначе государство въ современной его формѣ очутится безъ войска и финансовъ и перестанетъ существовать. Среди преступныхъ сектъ этого рода адвентисты представляютъ собой наиболѣе слабо выраженный толкъ. Они празднуютъ субботу, а въ остальные дни готовы работать и исполнять всѣ государственныя обязанности и даже служить съ оружіемъ въ рукахъ. А, между тѣмъ, ст. 127[1] остается и по отношенію къ нимъ во всей своей силѣ, слѣдовательно полной мѣрой караетъ и подсудимаго Задохина. Является смутное сознаніе какой-то неправильности такого рѣшенія. Ваша судейская совѣсть открываетъ большія возможности и большія перспективы. Вы можете придти относительно подсудимаго къ выводу о его невиновности и, вернувъ его на службу, дать ему возможность дослужить срокъ своей службы съ замѣной субботы воскресеньемъ. Въ продовольственномъ складѣ онъ можетъ быть образцовымъ солдатомъ. Онъ не пропагандистъ, а исполнительный солдатъ, не пьющій, не курящій и высокорелигіозный. Не язвой, разлагающей тѣло воинской части, будетъ онъ въ нестроевой части, а примѣромъ и образцомъ честности и нравственности. Тамъ не можетъ онъ соблазняюще дѣйствовать на другихъ, потому что, будучи освобождаемъ отъ занятій по субботамъ, не менѣе трудную работу будетъ онъ нести во всѣ воскресенья и остальные праздники. Кто сочтетъ это за какую-нибудь льготу? Кто изъ его сослуживцевъ по складу позавидуетъ ему и захочетъ послѣдовать его примѣру? Поэтому не было бы кривизной души

и не было бы судебной поблажкой, если бы вы вынесли рѣшеніе о его невиновности. Вѣдь если бы онъ былъ отправленъ изъ дисциплинарнаго баталіона прямо въ Казанскій продовольственный магазинъ, то онъ не нарушилъ бы воинскаго устава и его не предали бы суду. Но случайно онъ попалъ въ офицерскую кавалерійскую школу—и вотъ онъ на скамьѣ подсудимыхъ. Если же вы признаете его виновнымъ, то онъ попадетъ въ арестантскія отдѣленія на 5—6 лѣтъ. Но исправляться ему не зачѣмъ, если принять во вниманіе его высокія нравственныя качества. А наказаніе будетъ слишкомъ строгимъ. Гг. судьи, считаясь съ нравственной личностью подсудимаго рѣшите вопросъ, можно ли его оправдать и вернуть дослуживать срокъ службы. У васъ есть выходъ: вы имѣете право сказать: нѣтъ, онъ невиновенъ.

Помощникъ прокурора поправляетъ защитника, говоря, что подсудимый судится по 1-ой, а не по 2-ой части 127[1] ст., т. е. ему грозитъ заключеніе не въ арестантскихъ ротахъ, а въ дисциплинарномъ баталіонѣ.

Отвѣчая на эту поправку, защитникъ говоритъ: «отдавать подсудимаго второй разъ въ дисциплинарный баталіонъ также не имѣетъ смысла, потому что, отбывъ въ немъ наказаніе, онъ опять попадетъ хотя бы временно въ какую-нибудь воинскую часть, гдѣ откажется служить въ субботу и слѣдовательно снова попадетъ подъ судъ, и вы обязаны будете тогда приговорить его къ исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіямъ. Единственный выходъ, который остается, если считать, что онъ примѣрный солдатъ—возвратить его дослуживать. Поэтому я ходатайствую предъ вами, гг. судьи, о его оправданіи.

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Задохинъ сказалъ слѣдующее:

— Я желаю сказать нѣсколько словъ. Я признаю, что всѣ, живущіе на этой землѣ, находятся подъ владычествомъ того или другого царства, и подданные должны повиноваться его закону. Но и въ вѣчномъ царствѣ есть свой законъ, которому также нужно повиноваться. И какъ нарушители закона царства земного наказываются, такъ и нарушители закона царства небеснаго также наказываются. Поэтому я и не могу нарушать его. Я не потому отказывался отъ занятій, что не желалъ служить. Напротивъ, я готовъ нести службу во всѣ дни, не исключая воскресныхъ и праздничныхъ, лишь бы только освободили меня отъ занятій по субботамъ. И пусть высчитаютъ всѣ тѣ субботы, въ которыя я не занимался, и прибавятъ мнѣ лишній годъ службы.

Судъ, послѣ совѣщанія, продолжавшагося около часу, вынесъ слѣдующій приговоръ: «Принимая во вниманіе искреннее

сознаніе подсудимымъ своей вины, его нравственныя качества и благопріятные отзывы начальства о его поведеніи, судъ, основываясь на 1 ч. 127[1] ст. XXII кн. С. В. П. 1869 г., изд. 4, постановилъ перевести его въ разрядъ штрафованныхъ и заключить въ дисциплинарный баталіонъ на одинъ годъ.

25 сентября Задохинъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе о смягченіи его участи.

Изъ всего выше изложеннаго видно, что за пять мѣсяцевъ, съ іюня по октябрь, въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ судились за отказъ отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ четыре солдата, изъ которыхъ трое были «адвентисты», одинъ—«толстовецъ».

Судя по газетнымъ извѣстіямъ, за это время и въ другихъ военныхъ округахъ были случаи отказа отъ военной службы по тѣмъ же причинамъ, при чемъ въ числѣ отказавшихся находились и такіе сектанты, какъ «баптисты» и «евангельскіе христіане», катехизисы и наставники которыхъ требуютъ исполненія воинской повинности.

Такъ 9 іюля въ «Рѣчи» и «Современномъ Словѣ» сообщалось, что въ Грайворонскомъ уѣздѣ Курской губерніи отказались отъ военной службы три баптиста, призванные къ отбыванію учебнаго сбора, а 15 сентября въ тѣхъ же газетахъ сообщалось, что въ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи отказался отъ военной службы «евангелистъ», крестьянинъ слободы Нижней Сыроватки, Ефимъ Стеценко, тоже призванный къ отбыванію учебнаго сбора.

Если отъ военной службы отказываются даже и такіе сектанты, какъ «баптисты», то это показываетъ не то, что эти сектанты перестали быть «баптистами», какъ недавно публично заявилъ баптистскій наставникъ В. А. Фетлеръ, а то, что сознаніе грѣховности человѣкоубійства чувствуется и нѣкоторыми «баптистами».

И если сектанты отказываются отъ исполненія тѣхъ или иныхъ обязанностей, сопряженныхъ съ военной службой, и тѣмъ самымъ являются невольными преступниками, то долгъ ихъ наставниковъ и христіанъ вообще заключается не въ томъ что бы трактовать ихъ какъ обыкновенныхъ преступниковъ и требовать наказанія ихъ по всей строгости законовъ. Необходимо ходатайствовать предъ законодателями о выработкѣ для тѣхъ, которые, какъ адвентисты, отказываются отъ воинскихъ занятій

только по субботамъ, такого закона, который разрѣшалъ бы имъ исполнять эти занятія не въ субботу, а въ воскресные и праздничные дни, а для тѣхъ, которые совсѣмъ отказываются отъ военной службы—такого закона, который давалъ бы имъ, какъ и меннонитамъ, возможность замѣнять военную службу работами мирнаго характера.

А пока сектанты безропотно несутъ всѣ послѣдствія своего отказа отъ военной службы, вплоть до жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, понимая, что судебная и исполнительная власть, судящая и карающая ихъ, иначе и не можетъ относиться къ нимъ, пока существуетъ законъ, требующій такого именно отношенія.

Ив. Трегубовъ.

КАРЬЕРА САНДИ.

Разсказъ С. Р. Кроккета.

I.

Яма, изъ которой Санди выбрался.

Санди лежалъ на невысокой травѣ на краю канавы и усердно жевалъ стебелекъ щавеля. Легкій привкусъ щавелевой кислоты въ полдюжинѣ листочковъ трилистника, еще раньше положенныхъ имъ себѣ въ ротъ, нравился Санди, былъ пріятенъ ему. Въ Галлоуэѣ трилистника сколько угодно, и ирландской крови тоже не мало, чѣмъ объясняется многое, ставящее въ тупикъ посторонняго, нездѣшняго жителя.

Откусывая по кусочку отъ стебелька щавеля, Санди Прайдъ думалъ о томъ, какой онъ великій человѣкъ. Вонъ тамъ его старшіе братья день-деньской трудятся, убирая сѣно, а ему, Санди, разрѣшается—даже, можно сказать: рекомендуется—цѣлыми днями бродить съ книгой, или валяться на травѣ, раздумывая о томъ, какое онъ удивительное существо.

Причина всего этого заключалась въ томъ, что на визитныхъ карточкахъ Санди, заказанныхъ имъ тотчасъ же послѣ полученія диплома, стояло: М-ръ А. А. Прайдъ, А. М. В. с. Эдинбургъ. Онъ хотѣлъ было еще прибавить: «Бывшій Предсѣдатель Логоматическаго Общества Культуры Индивидуальнаго Логоса.» Но, въ концѣ концовъ, отказался отъ этого. Ибо, хотя и прирожденный пропагандистъ, преисполненный воинствующаго рвенія въ распространеніи своихъ убѣжденій, Санди, все же, чув-

ствовалъ, что теперь, когда онъ идетъ походомъ на завоеваніе Лондона, подобный вызовъ можетъ повлечь за собою слишкомъ много объясненій и даже пререканій.

А такъ какъ Лондонъ надо было завоевать въ возможно болѣе короткій срокъ, Санди не хотѣлось терять времени даромъ.

Даже теперь, когда онъ лѣниво валялся на травѣ, въ немъ чувствовалась какая-то неопредѣленная мощь—и въ его косматой, песочнаго цвѣта львиной гривѣ, небрежно откинутой назадъ, и въ глазахъ, безстрашно смотрѣвшихъ на профессоровъ и экзаменаторовъ,—темноголубыхъ, чисто ирландскихъ—мы уже говорили, что примѣсь ирландской крови не рѣдкость въ Галлоуэѣ—мягкимъ свѣтомъ озарявшихъ лицо, высѣченное—надо сказать, довольно небрежно—изъ крэньерскаго гранита.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся домой, ему жилось очень весело, но въ душѣ, тайкомъ отъ другихъ, онъ постоянно предостерегалъ себя: Александръ Андрью Прайдъ, магистръ и баккалавръ, держи себя въ струнѣ. Помни о своей карьерѣ. Помни, что тебѣ необходимо пріобрѣсти навыкъ въ дебатахъ и хорошій акцентъ. (Онъ произносилъ: авксентъ). Смотри, чтобъ Фернилэндъ не сталъ для тебя Капуей. Нѣтъ, братъ Санди. Хотя бы даже, при желаніи, дѣвченки вѣшались тебѣ на шею—и даже помимо твоего желанія. Помни о своемъ будущемъ, Санди. О своихъ планахъ. А главное, Санди—помни о своей карьерѣ—она должна быть для тебя святыней.

Вотъ каковъ былъ Санди Прайдъ въ двадцать-два года. Лежа на травѣ, онъ сравнивалъ себя съ Цезаремъ, до того, какъ онъ открылъ, что вся Галлія дѣлится на три части, съ Александромъ Македонскимъ, обдумывающимъ планъ восточнаго похода, и былъ увѣренъ въ побѣдѣ не меньше Бонапарта, когда этотъ послѣдній, почуявъ дымъ картечи, обстрѣливавшей церковь св. Роха, рѣшилъ, что Европа уже принадлежитъ ему.

Нашъ Санди не былъ самомнителенъ. Онъ былъ только увѣренъ въ себѣ, спокоенъ, ровенъ и полонъ рѣшимости бороться съ враждебною судьбой. Но, еслибъ кто-нибудь намекнулъ ему, что онъ можетъ и не добиться желаемаго, Санди только засмѣялся бы, съ жалостью, но безъ гнѣва. Бѣдняга! гдѣ же ему понять!..

Прослышавъ объ его школьныхъ успѣхахъ, старая миссъ Глендиннингъ, изъ Лоджа, изъ знатнаго рода Глендовиновъ, пригласила его на послѣобѣденный чай и нашла его «очень милымъ». Она даже разрѣшила ему сопровождать на прогулки

двухъ своихъ племянницъ, пріѣхавшихъ погостить изъ Англіи, и Санди, магистръ и баккалавръ, чуть не прыгалъ отъ радости. Не потому, что племянницы эти были хорошенькія дѣвушки—въ то время это для Санди не имѣло значенія—и не потому, что онѣ были аристократки; а потому, что Санди, имѣя въ виду свое переселеніе въ Лондонъ, разсчитывалъ въ бесѣдѣ съ ними улучшить свое англійское произношеніе; а онѣ обращались съ нимъ, какъ вообще веселыя молоденькія барышни обращаются съ молодыми людьми, которыхъ онѣ помнятъ лохматымъ мальчишкой, носившимъ ихъ теткѣ яйца и молоко съ чернаго хода.

Но, если сестры и снисходили къ Санди, будьте увѣрены, что Санди этого не замѣчалъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ запоминаніемъ правильнаго произношенія словъ, обыкновенно искажаемыхъ въ Галлоуэѣ, съ такимъ усердіемъ и методичностью, какъ еслибъ завтра ему предстоялъ экзаменъ. Элиноръ и Лили Сайксъ, введенныя въ заблужденіе необычайной сосредоточенностью его взгляда, думали, что онѣ играютъ сердцемъ этого рослаго и неотесаннаго юноши; а онъ въ это время силился усвоить себѣ выговоръ труднаго слова, только что ими произнесеннаго.

Тетка предостерегала ихъ, совѣтовала быть осторожными. Такъ часто читаешь въ романахъ о бѣдныхъ молодыхъ людяхъ, хотя и образованныхъ, но изъ простонародья, безумно влюбляющихся въ знатныхъ дѣвицъ, недоступныхъ для нихъ—и въ результатѣ кончающихъ самоубійствомъ. Она сама когда-то была молода... Во всякомъ случаѣ, ей вовсе не желательно имѣть на рукахъ кровь Санди Прайда. Его семья достойна всякаго уваженія, въ особенности миссисъ Прайдъ. Правда, относительно цѣны яицъ у нихъ иной разъ выходили споры, но качество всегда было безукоризненное. Положительно, у миссисъ Прайдъ лучшій птичникъ въ Фернилэндсѣ. Мэри Прайдъ принесла съ собой въ приданое насѣдку и пѣтуха изъ Шиллингхилля, когда выходила замужъ за Давида. И т. д. и т. д. Въ Галлоуэѣ всѣ старыя благородныя дамы любятъ поговорить; и племянницы, остерегаясь прервать потокъ рѣчей тетушки, съ тоской и съ видомъ мученицъ слушали безконечную родословную курицы и пѣтуха, принесенныхъ съ собою въ приданое Мэри Прайдъ изъ Шиллингхилля.

— А я, знаете, думаю поселиться въ Лондонѣ,—неожиданно замѣтилъ Санди, въ теплый іюньскій вечеръ, возвращаясь

въ сумерки съ прогулки вмѣстѣ съ Элиноръ и Лили и неся ихъ рисовальныя принадлежности: кисти, краски и мольберты. Онъ надѣялся выудить отъ барышень полезныя свѣдѣнія объ этомъ заманчивѣйшемъ изъ всѣхъ городовъ для мужчины; что тамъ живутъ и женщины—объ этомъ онъ, пока, еще не думалъ.

Барышни обѣ повернули къ нему головки и какъ-то странно посмотрѣли на него. Неужто онъ намѣревается явиться къ нимъ съ визитомъ? Ну ужъ этотъ угловатый парень будетъ совершенно не у мѣста въ ихъ изящной гостиной, въ домѣ за Мраморной Аркой, гдѣ папаша ихъ отдыхалъ на покоѣ послѣ долгой адвокатской практики.

— О!—поспѣшили онѣ отвѣтить скороговоркой, перебивая одна другую: Мы, вѣдь, собственно, почти не живемъ въ Лондонѣ. То есть предполагается, что живемъ, но мы такъ часто уѣзжаемъ.—Да, вотъ именно, гостимъ въ разныхъ мѣстахъ—а осенью, ужъ обязательно, въ Шотландіи—у насъ столько друзей! А зиму ужъ всегда проводимъ на Ривьерѣ, такъ что въ Лондонѣ мы сами, какъ пріѣзжія...—чувствуемъ себя какъ бы затерянными...

— Да,—спокойно и благодушно отвѣтилъ Санди,—многіе такъ себя чувствуютъ; я читалъ объ этомъ въ книгахъ. Но я тамъ затеряться не намѣренъ. Наоборотъ, я хочу, чтобъ Лондонъ нашелъ меня.

Барышнямъ, натурально, захотѣлось фыркнуть, но, подтолкнувъ другъ друга локтемъ, онѣ удержались, отложивъ это до болѣе благопріятнаго момента. Скажите, пожалуйста! Какъ онъ воображаетъ о себѣ! Въ Лондонѣ выдвигаются только талантливые люди. И ужъ, конечно, не мальчишка съ фермы, еще недавно носившій молоко и яйца на кухню тетушки.

Онѣ были бы очень удивлены, еслибъ узнали, что Санди не могъ придумать, о чемъ съ ними говорить и умышленно не заговаривалъ ни о чемъ, дѣйствительно, интересномъ для него, и, вообще, избѣгалъ серьезныхъ разговоровъ, когда бывалъ въ ихъ обществѣ.

Онѣ, съ своей стороны, полагали, что въ Лондонѣ Санди нужнѣе всего адресъ хорошаго портного, у котораго онъ могъ бы сшить себѣ новый костюмъ, и хорошаго парикмахера, который бы остригъ его гриву.

Но, когда Санди приподнялъ свою шляпу и зашагалъ прямо, какъ пчела, къ Фернилэндской фермѣ, построенной, какъ низенькое укрѣпленіе на зеленой вершинѣ Фернихилля, пере-

скакивая черезъ канавы и обходя плантаціи, дѣвушки нахохотались вволю, глядя ему вслѣдъ. Но внезапно старшая, Элинoръ—которую всѣ звали: «Нора», остановилась:

— А все таки, у него красивые глаза. Не знаю, замѣтила ли ты это, Лили. И онъ такъ смотритъ!.. Она вздохнула.— Еслибъ только...

— Еслибъ онъ не разносилъ въ дѣтствѣ молока,—докончила насмѣшница Лили.—Даже ты, я думаю, не въ состояніи влюбиться въ человѣка, съ которымъ у тебя до конца жизни будетъ связываться воспоминаніе о стукѣ молочныхъ кувшиновъ у кухонной двери.

— Да, пожалуй,—сказала Нора, мечтательно глядя вдаль.— Ты видѣла, какъ онъ перескочилъ черезъ вонъ тѣ ворота?

— Фиглярничаетъ.

— Нѣтъ. Онъ думалъ, что мы уже ушли въ комнаты, какъ намъ и слѣдовало-бы. Тетя такая насѣдка—она, навѣрное, уже безпокоится за насъ.

— Нѣтъ, едва ли. Она, какъ и ты, увѣрена въ Санди—вѣдь у его матери такія чудесныя куры—какъ бишь зовется эта порода—Доркинги, что ли?

— Лили,—не безъ рѣзкости перебила ее Элинoръ,—я бы желала, чтобъ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ молодыхъ людей походили на него.

Лили вздрогнула въ преувеличенномъ испугѣ.

— Боже избави! Ты видѣла, какъ сидятъ въ колѣняхъ его брюки?

— Твоя молитва, безъ сомнѣнія, будетъ услышана,—сухо отвѣтила Элинoръ—но не потому, конечно, что у нашихъ друзей брюки сшиты лучше, чѣмъ у него.

— Элинoръ Глендовинъ Сайксъ!—воскликнула младшая сестра,—ты влюблена въ молочника!—И она начала импровизировать шуточное стихотвореніе:

«Where are you going, my bonny milk-boy?
«I'm going to London, Miss», he said... «Miss» he said.
«My eyes are my fortune, Miss» he said.
«My shoulders broad and my towsy head»
«Oh come and marry me gnick! she said» [1]).

— Лили, ты глупа!—торжественно заявила ей старшая сестра, и вошла въ домъ. Весь вечеръ она была неразговор-

[1]) „Куда вы идете, мой добрый молочникъ?“ — „Я ѣду въ Лондонъ миссъ“ сказалъ онъ.—„Все мое богатство—мои глаза“, сказалъ онъ—мои широкія плечи и кудрявая голова, сказалъ онъ.—„Ахъ, женитесь на мнѣ поскорѣе,“ сказала она.

чива, задумчива, и думала она о томъ, что и ея отецъ выросъ въ бѣдности и нуждался, прежде чѣмъ ему пришло въ голову жениться на миссъ Глендовинъ изъ Глендовина. Вотъ только случалось ли ему разносить по домамъ молоко—этого она не знала. Еслибъ не насмѣшница Лили, она бы спросила у него... Элиноръ вздохнула.

А Санди, тѣмъ временемъ, съ записной книжкой въ рукѣ, сидѣлъ на приступкѣ перелаза, ведущаго въ его собственный огородъ, и упражнялся въ произношеніи наиболѣе трудныхъ для него англійскихъ словъ.

II.

Личное сопровожденіе.

Санди явился на желѣзнодорожную станцію Кэрнъ Эдуардъ, когда на вокзалѣ никого еще не было. Онъ посмотрѣлъ на часы. Было половина десятаго утра. Въ половинѣ седьмого онъ уже будетъ на полѣ битвы. Лондонъ, безъ сомнѣнія, кишитъ народомъ. Санди представлялъ его себѣ вродѣ расширенной Княжеской улицы, съ Тоуэромъ вмѣсто помѣщичьяго «замка».

Всего страннѣе было думать, что тамъ никто не ждетъ его и не предчувствуетъ его прибытія, а черезъ нѣсколько лѣтъ о каждомъ его шагѣ будутъ писать въ газетахъ, какъ о передвиженіяхъ царствующихъ особъ. Передъ глазами Санди, непрошенная, отчетливо встала газетная замѣтка съ подобнымъ сообщеніемъ. Это съ нимъ часто бывало. Являлись непрошенныя мысли, образы: приходилось гнать ихъ... Напримѣръ:

«М-ръ Александръ Андрью Прайдъ, извѣстный авторъ популярнѣйшихъ романовъ: «Краса Іюня», «Опрометью» и удивительнаго юмористическаго произведенія: «Супруга его преподобія», вчера утромъ выѣхалъ изъ Кэрнъ Эдуарда въ Лондонъ. Какъ намъ извѣстно, дирекція Національнаго Театра ведетъ переговоры съ м-ромъ Прайдомъ относительно постановки его новой блестящей пьесы. Давно пора юному генію расправить свои крылья и въ области драмы».

Санди краснѣлъ, читая эти слова, начертанныя на невидимомъ освѣщенномъ экранѣ въ его мозгу такъ же отчетливо, какъ будто въ книгѣ передъ его глазами.

На станцію его привезъ старшій братъ Джонъ, дюжій парень, неторопливый въ движеніяхъ, медлительный въ рѣчахъ, но

добрый и любящій, надежный другъ. По дорогѣ они почти не разговаривали: Джонъ зналъ, что Санди передъ отъѣздомъ за овиномъ полчаса прощался съ матерью — значитъ, теперь ему было не до братскихъ разговоровъ. Высадивъ Санди на станціи, онъ даже не сталъ дожидаться поѣзда. Пони былъ пугливъ и не привыкъ къ свисткамъ локомотива. При томъ же, Джону особеннаго и нечего было сказать. Сердце его было полно черезъ край привязанности къ брату, нѣжной, какъ у женщины, но затаенной и безгласной, и чувства свои онъ вылилъ въ слѣдующей формѣ:

— Санди, голубчикъ, ты лучше не кури; но, если будешь курить, то—вотъ тебѣ трубка, съ которой не стыдно показаться въ люди.

Онъ сунулъ въ руку брату кожаный футляръ, — стоившій ему всѣхъ его сбереженій за два мѣсяца—повернулъ лошадь и укатилъ, даже не оглянувшись.

Ждать предстояло еще полчаса. Отъ нечего дѣлать Санди произвелъ смотръ своимъ вещамъ. Все въ порядкѣ. На деревянномъ сундучкѣ наклеена багажная этикетка съ надписью: «Лондонъ». Каждый разъ, проходя по платформѣ мимо сундучка, Санди взглядывалъ на эту надпись—не перемѣнили ли ее за время его отсутствія. Нѣтъ, все было, какъ раньше. И онъ самодовольно ощупывалъ въ карманѣ билетъ третьяго класса.

Кассиръ въ окошечко спросилъ его дѣловымъ тономъ:

— Туда только, или обратный?

На это Санди съ гордостью, не безъ оттѣнка укора въ голосѣ, отвѣтилъ:

— Разумѣется, только туда. Я тамъ живу.

— Одинъ — двѣнадцать — шесть, — невозмутимо объявилъ кассиръ, прощелкивая щипцами билетъ.

Санди думалъ про себя, что такая механическая работа, какъ выдача билетовъ и щелканье щипцами крайне суживаетъ горизонтъ. Кассиръ даже не поднялъ глазъ. Ему даже и въ голову не пришло, что онъ, Александръ Андрью Прайдъ, обладатель двухъ ученыхъ степеней (не считая свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса богословскихъ наукъ, прослушанныхъ, такъ сказать, между дѣломъ), ѣдетъ завоевывать міръ.

Онъ невольно пожалъ плечами и гордо выпрямился. На платформу вышли двѣ барышни. У бѣлыхъ воротъ станціи нарядный грумъ сдавалъ сундуки и чемоданы загорѣлому носильщику въ зеленой формѣ, укладывавшему ихъ на телѣжку.

— Батюшки! — подумалъ Санди. — Это я, значитъ, ѣду вмѣстѣ съ барышнями изъ Лоджа.

Фраза была произнесена вполнѣ правильно, но Санди не зналъ, что въ приличномъ обществѣ не принято говорить: барышни, а надо говорить: молодыя леди. Санди еще многому надо было научиться.

Но, все таки, у него хватило воспитанности снять шляпу, кланяясь, взять отъ барышень ихъ плащи и ручной багажъ и предложить:—Не могу ли я взять для васъ билеты? Машина сейчасъ придетъ.

Подъ *машиной* слѣдовало подразумѣвать поѣздъ изъ Думфрайза. Миссъ Элиноръ Сайксъ дала ему свой кошелекъ и Санди въ три прыжка очутился у кассы. Кассиръ, недавно только переведенный въ этотъ глухой уголокъ и не знакомый съ его патріархальными обычаями, уже запиралъ рѣшетку. Но могучая рука Санди просунулась въ окошечко и заградила путь спускавшейся гильотинѣ.

Кассиръ пробормоталъ:

— Уже поздно. Билеты больше не выдаются.

— Вздоръ!—рѣшительно заявилъ Санди, въ послѣдній разъ на мѣстномъ нарѣчіи.—Два билета, въ одинъ конецъ, и живѣй. Еще шиллингъ сдачи. Такъ—спасибо.

Санди зналъ теперь цѣну билета «въ одинъ конецъ» и съ удовольствіемъ «смазалъ» глупаго кассира, который не заинтересовался тѣмъ фактомъ, что онъ, Санди, живетъ въ Лондонѣ.

Сдачу онъ бережно положилъ въ маленькій золотой кошелечекъ—ненадежное хранилище для денегъ и, съ нравственной точки зрѣнія, даже грѣшно носить съ собой такія вещи, но кошелечекъ, все же, миленькій—какое глупое слово: «миленькій». Въ Логоматическомъ обществѣ за нимъ бы не признали права гражданства. Это той—высокой—миссъ Элиноръ.

Лили страшно изумилась, увидавъ билеты.—Какъ? Вы взяли третьяго класса?

— Ну, разумѣется.—А почему нѣтъ?

— Но мы въ жизнь свою не ѣздили въ третьемъ классѣ. Перемѣните ихъ—и поскорѣе.

— Если вы хотите послушать моего совѣта,—рѣшительно заявилъ Санди, видя, что Элиноръ улыбается, не то грустно, не то ласково,—вы пойдете сейчасъ же за мною, такъ какъ поѣздъ скоро тронется. Какой толкъ такъ швырять деньгами?

— Что скажетъ папочка!—воскликнула Лили, обращаясь за поддержкой къ сестрѣ.

— Онъ скажетъ, что вы очень благоразумныя молодыя дѣвицы. Однако, поторапливайтесь.—И Санди повелъ дѣвицъ навстрѣчу уже подходившему къ платформѣ поѣзду.—Въ передній вагонъ, пожалуйста. Лучшія купэ всегда ближайшія къ локомотиву.

Онъ усадилъ ихъ въ пустое купэ третьяго класса, уложилъ ручной багажъ и исчезъ, чтобы справиться о прочихъ вещахъ, сданныхъ въ багажъ, прежде чѣмъ Лили успѣла разсердиться, а Элинoръ отдать себѣ отчетъ въ странномъ чувствѣ безопасности и блаженнаго спокойствія, овладѣвшемъ ею. Лили была возмущена и открыто выражала свое недовольство.

— Нора, ради Бога! Что съ тобой? У тебя глаза, словно у котенка, передъ которымъ поставили блюдечко со сливками.

И вдругъ разсмѣялась.—Ахъ да, понимаю. Это оттого, что «*онъ*» приносилъ намъ не только молоко, но и сливки—къ земляникѣ. Въ Думфрайзѣ мы, во всякомъ случаѣ, можемъ перейти въ первый классъ и избавиться отъ него. А то Богъ знаетъ, что такое. Всю дорогу до Лондона въ его обществѣ!

— Тссъ!—сдѣлала Элинoръ, такъ какъ Санди вышелъ изъ телеграфной конторы.—Не оскорбляй его, Лиль.

— Ну вотъ еще. Нашла кого беречь. У этихъ мальчишекъ съ фермы кожа, какъ у носорога.

— Вовсе нѣтъ. Просто, онъ мало бывалъ въ женскомъ обществѣ. Сестеръ у него нѣтъ и, навѣрное, мы кажемся ему странными, какъ онъ намъ. Ну полно, Лиль. Не сердись. Право же, съ нимъ будетъ весело. Онъ такой забавный...

Но въ душѣ ея зарождалась надежда...

Въ теченіе часа до слѣдующей станціи никакихъ инцидентовъ не было, кромѣ того, что Санди заставилъ Элинoръ провѣрить сдачу.

— Чужія деньги всегда надо сдавать по счету,—наставительно замѣтилъ онъ.—Собственныя—это ужъ вы, какъ тамъ хотите: считайте или не считайте, а чужія надо.

Онъ разъяснялъ дѣвушкамъ значеніе странныхъ названій станцій, мимо которыхъ онѣ проѣзжали—Килливанъ, Киркгунцонъ, Дальбеаттикъ, Локанхэдъ. У него былъ товарищъ, изучавшій кельтическіе языки. И Санди, всѣмъ интересовавшійся, иногда вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на лекціи, а объ остальномъ разспрашивалъ его—все это между дѣломъ: тремя или четырьмя спеціальностями, которыя онъ изучалъ одновременно. У него всегда были стипендіи, и хорошія, но онъ всѣ деньги, до послѣдняго пенни, тратилъ на лекціи и на лабораторныя занятія. На жизнь, соб-

ственно, почти не оставалось денегъ. И онъ говорилъ себѣ: «Ну, братъ Санди, надо или заработать на прожитье, или голодать. Но, все-таки, прежде всего, надо оплатить ученіе».

Не даромъ въ Шотландіи есть поговорка, что голодная собака на охотѣ лучше сытой.

Въ Думфрайзѣ Санди представился барышнямъ въ новомъ свѣтѣ—сообразительный, заботливый, все предусматривающій. Въ ресторанѣ ихъ ждалъ скромный, но аппетитный и опрятно поданный завтракъ.

— Положимъ, сейчасъ еще немножко рано, — сказалъ Санди.—Но, видите ли, ждать придется долго и, хотя въ поѣздѣ есть вагонъ-ресторанъ, тамъ за ѣду я не поручусь, а здѣсь ручаюсь вполнѣ.

И дѣвушки отдали честь холодной баранинѣ, сыру и салату. Насчетъ напитковъ Санди былъ не увѣренъ, что можно пить молодымъ дѣвушкамъ и, когда онѣ отказались отъ вина, онъ втайнѣ былъ доволенъ. Насчетъ расплаты Санди не задумался предъявить счетъ.

— По шиллингу на брата. Благодарствуйте, миссъ Элиноръ.

Лили отвернулась, боясь расхохотаться, но Элиноръ, искренно довольная, сказала:—Благодарю васъ, м-ръ Прайдъ. Тетѣ бы это понравилось. Вы не можете себѣ представить, въ какое затруднительное положеніе иной разъ ставятъ женщинъ тѣ мужчины, которые не обладаютъ вашей прямотой.

— О, конечно,—сказалъ Санди. Но, въ сущности, не могъ уразумѣть, что она этимъ хотѣла сказать. Въ бытность свою въ университетѣ онъ въ свободное время нерѣдко сталкивался съ очень милыми дѣвушками — артистками, женщинами-врачами, сидѣлками, ученицами поваренныхъ курсовъ. Тѣ всегда сами платили за себя; это само собой разумѣлось. Когда всѣ трудятся и всѣ одинаково бѣдны—какъ же иначе? И сами дѣвушки всегда говорили ему, что такъ много удобнѣе.

Санди и въ Лондонѣ намѣревался поступать такъ же, съ тѣхъ поръ, какъ для него выяснилось, что этотъ литературный рай населенъ не одними только мужчинами.

Старшая сестра шопотомъ сдѣлала строгій выговоръ младшей, и обѣ очутились снова въ купэ третьяго класса. На немъ стояло: «*Занято*», и Санди торопливо бросилъ: «Спасибо, Робертъ!» красивому молодому человѣку въ кепи съ галуномъ, сдвинутомъ на затылокъ и съ пачкой газетъ въ рукахъ. Робертъ Джильстонъ былъ школьный товарищъ Санди, взявшій первую

награду по ариѳметикѣ въ тотъ достопамятный годъ, когда Санди получилъ всѣ остальныя награды.

— Позвольте, да это первый классъ!—вскричала Элинoръ, изумленная неожиданнымъ комфортомъ и сходствомъ этого купэ съ тѣми отдѣленіями перваго класса, въ которыхъ ей до сихъ поръ приходилось ѣздить.

— Нѣтъ,—сухо возразила Лили.—На дверяхъ стоитъ: «Третій». Но кто же оставилъ для насъ это купэ!

— Я телеграфировалъ товарищу,—просто сказалъ Санди. И, не видя причины стыдиться Роба Джильстона, который зналъ ариѳметику лучше его самого, пояснилъ:—Онъ тутъ служитъ клеркомъ-экспедиторомъ. Мы вмѣстѣ были въ школѣ. До свиданья, Робъ.

Ноздри Лили снова подозрительно дрогнули, но Санди, нимало не смущаясь, махалъ рукой изъ окна.

— Интересно знать, съ кѣмъ онъ еще насъ познакомитъ,—сердито шепнула Лили сестрѣ.— И, навѣрное, онъ будетъ курить всю дорогу.

— А вотъ я сейчасъ спрошу его,—серьезно сказаза Элинoръ.—Вы курите, м-ръ Прайдъ?

— О нѣтъ, не часто—больше папиросы. Это артисты меня научили. Но—онъ хотѣлъ добавить:—«но не въ дамскомъ обществѣ», но эта фраза показалась ему слишкомъ претенціозной, и онъ смущенно докончилъ:—Въ послѣднее время я почти бросилъ.

— А мнѣ показалось, какъ будто я видѣла у васъ въ карманѣ трубку въ то время, какъ вы искали въ карманѣ сдачи,—коварно вставила Лили.

Санди вдругъ сдѣлался серьезенъ.—Да. Это трубка. Вотъ она.

Онъ открылъ футляръ коричневой кожи, и, на зеленомъ бархатѣ, передъ ними предстала трубка, граціозно изогнутая, роскошная, изъ морской пѣны, серебра и янтаря — подарокъ Джона Прайда.

— Ну вотъ. Я же знала, что вы курите. И какая дорогая трубка! Я знаю, потому что кузенъ Китъ Сайксъ—другъ Элинoръ — говорилъ, что такая трубка стоитъ почти столько же, какъ пони.

Санди какъ будто соль попала въ глаза—они вдругъ замигали, и голосъ звучалъ такъ мягко, когда онъ отвѣтилъ:—Эта стоитъ дороже—много дороже—всего двухмѣсячнаго заработка взрослаго мужчины, который въ потѣ лица косилъ траву съ утра

до поздней ночи, а по ночамъ сидѣлъ и самъ раскрашивалъ вотъ эту трубку, чтобы приподнести ее мнѣ въ подарокъ.

Усмѣшка сбѣжала съ лица Лили Сайксъ. Она сама не знала, почему ее вдругъ тронули вздрагивающія нотки въ низкомъ грудномъ голосѣ Санди. Изъ-за чего онъ такъ волнуется? Изъ-за какой-то трубки! Она взглянула на сестру и поразилась. Элиноръ часто дышала и глаза ея были какъ-то странно затуманены. Что это—неужели она расплачется?

— Нора!—строго, предостерегающе бросила она.

Туманъ разсѣялся, и лицо Норы снова стало только серьезнымъ и нѣжнымъ, какъ всегда.

— Въ чемъ дѣло, Лили?

— Нѣтъ, я только хотѣла спросить тебя: ты не забыла о щитѣ для герба, который ты вышила въ подарокъ кузену Киту для его комнатъ въ Темплѣ?

— Ты, вѣдь, знаешь, что я отдала его вдѣлать въ рамку изъ цвѣтовъ нашего флага,—спокойно отвѣтила Элиноръ.—Его обѣщали скоро прислать.

— А онъ будетъ красиво выглядѣть—потомъ—въ нашей гостиной.—Лили лукаво засмѣялась.

Она хотѣла дать понять «мальчишкѣ отъ молочника», что я сестра все равно, что помолвлена съ кузеномъ Китомъ, будущимъ главою фирмы.

Но Санди думалъ совсѣмъ о другомъ.

— Гретна!—пробормоталъ онъ вполголоса.—Теперь, значитъ, будетъ мостъ...

— У-уфъ! — загрохоталъ поѣздъ, пробѣгая черезъ мостъ. Санди, довольный, откинулся на спинку сидѣнія.

— Вотъ мы и въ Англіи. — И онъ вздохнулъ протяжно, думая обо всемъ, что могло ждать его въ Англіи, но нимало не представляя себѣ, что съ нимъ будетъ на самомъ дѣлѣ.

Дѣвушки смотрѣли на его вдругъ просіявшее лицо, и Элиноръ стало безумно жаль его. О, конечно, это невозможно. Но она понимала, почему онъ радуется, что пріѣхалъ въ Англію. Потому, что она и Лили англичанки, и потому что она живетъ здѣсь.

Такъ пріятно было бы быть сестрою Санди, или—въ виду разницы ихъ общественныхъ положеній — лучше его ангеломъ-хранителемъ.

Да, ангелъ-хранитель—это лучше.

III.

Санди чиститъ оружіе.

На слѣдующей станціи произошелъ маленькій инцидентъ; молодой человѣкъ богатырскаго роста и сложенія ходилъ по коридору вагона съ зонтикомъ и саквояжемъ въ рукахъ, видимо, отыскивая себѣ мѣсто. Не выпуская трубки изъ рта, онъ вошелъ въ купэ, гдѣ сидѣли Элиноръ и Лили, и усѣлся. Санди обратилъ его вниманіе на то, что на дверяхъ купэ имѣется надпись: «*занято*».

— Я имѣю такое же право...—началъ было молодой человѣкъ, принявъ свирѣпый видъ.

— Другъ мой, вамъ нуженъ вагонъ для курящихъ,—перебилъ его Санди, схвативъ его зонтикъ и саквояжъ и выбѣгая изъ купэ.—Я вамъ найду его.

— Стойте!—кричалъ незнакомецъ, догоняя Санди на платформѣ.—Я вовсе не желаю...—Но Санди уже бесѣдовалъ съ величественнаго вида кондукторомъ.

— Конечно, сэръ. Вотъ сюда, пожалуйста. И торопитесь.—Кондукторъ вручилъ Санди ключъ.

— Не благодарите меня; не стоитъ,—сказалъ Санди, запирая дверь. И поспѣшилъ назадъ въ свое купэ, гдѣ обѣ дѣвицы были въ восторгѣ отъ его находчивости, даже Лили, не безъ удовольствія слушавшая мѣстныя легенды, которыя разсказывалъ имъ Санди.

Тѣмъ не менѣе, она перевела разговоръ на его прошлое, въ надеждѣ умалить этого юнаго героя въ глазахъ ея старшей, черезчуръ увлекающейся сестры.

— Да, говорилъ Санди,—мнѣ удалось сдѣлать кой-какія сбереженія. Я, вѣдь, всегда работалъ лѣтомъ—кромѣ этого, послѣдняго.

— Что вы дѣлали?—допытывалась Лили.

— О, что придется—былъ привратникомъ на фабрикѣ, служилъ кассиромъ на пароходѣ, писалъ въ газетахъ...

— О!—вскричала заинтересованная, наконецъ, Элиноръ,—я увѣрена, что это и есть ваше настоящее призваніе! Скажите, что же вы писали? Стихи?

— Да, пробовалъ, но скоро бросилъ...

— Понимаю. Вы не были довольны собой. Не умѣли вы-

разить свою мысль такъ ярко, какъ бы вамъ хотѣлось... Идеи были великія, а результаты скудные...

— Да, вотъ именно: результаты скудные. Стихи, говорятъ, не въ цѣнѣ. Мнѣ не платили больше чѣмъ по десять съ половиной за большое стихотвореніе и пяти шиллинговъ за сонетъ.

Лили бросила торжествующій взглядъ на Элиноръ, но та была въ восторгѣ.

— Какъ это, должно быть, прекрасно—быть бѣднымъ и существовать только силою своего генія!

— Я дѣлалъ, что могъ,—говорилъ Санди,—я просилъ, чтобъ мнѣ удвоили плату за стихи—но не могъ этого добиться.

— Я думаю, это должно быть очень пріятно—вродѣ какъ въ игрѣ ставить рискованныя ставки. Кузенъ Кристоферъ говоритъ, что это высшее удовольствіе въ жизни.

— Я не играю въ карты,—сказалъ Санди.—Я не говорю, это дурно. Но, по моему, это глупо. И со стороны вашего кузена, по моему, глупо говорить такъ.

— Не глупо, а легкомысленно,—поправила Элиноръ, слегка краснѣя.

— Разскажите намъ лучше, какъ вы были сторожемъ на фабрикѣ, на верфи—или гдѣ это вы были?—сказала Лили Сайксъ, видя смущеніе сестры и разсчитывая подложить Санди новую палку въ колесо.

— Это была тяжелая работа,—отвѣчалъ онъ.—Иной разъ доходило до драки. Однажды мою хибарку взяли приступомъ. У меня осталась памятка—вотъ эта.

Онъ указалъ на бѣлый рубецъ, шедшій наискось отъ угла лѣваго глаза внизъ до уха.

Элиноръ такъ и ахнула.—Боже мой! Вамъ было очень больно? да?.

— Да, мнѣ пришлось бы круто, еслибы полиція не подоспѣла—и солдаты. Пришлось изъ-за этого бросить мѣсто.

— Какой вы храбрый!—вскричала Элиноръ.—Какъ это было жестоко съ ихъ стороны расчитать васъ, когда вы такъ много для нихъ сдѣлали—я хочу сказать: для судостроителей.

— Да нѣтъ, я самъ ушелъ. Пожалѣлъ себя. Идешь, бывало, по двору—сверху сыплются на тебя мелкіе куски желѣза. А то и цѣлыя глыбы валятся со стѣнъ, когда идешь домой—какъ будто сами собой. Ну, я и рѣшилъ, что Тельфордъ-ярдъ вреденъ для моего здоровья. И предпринялъ маленькое путешествіе на рыбачьей шкунѣ въ качествѣ простого матроса. Три мѣсяца...

— Совсѣмъ какъ въ «Смѣлыхъ Мореплавателяхъ»!—Элиноръ захлопала въ ладоши.

— Нѣтъ, наша шкуна звалась не такъ. Она звалась «Добрымъ Намѣреніемъ». Мы ловили сельдей въ Сентъ-Андрью и въ Сѣверномъ Бервикѣ.

— Вы, кажется, и на бумажной фабрикѣ служили?—продолжала разспрашивать Лили.—Тамъ были и работницы?

— О, цѣлая куча! На бумажной фабрикѣ всегда найдетъ себѣ работу честная и порядочная дѣвушка, съ рекомендаціей...

— И вы, навѣрное, не записывали хорошенькихъ, когда онѣ опаздывали?—лукаво допытывалась Лили.

Санди укоризненно посмотрѣлъ на нее.

— Хорошенькія-то всегда являлись во время, чтобъ успѣть поболтать съ парнями. А вотъ неряхи, некрасивыя—тѣ, по большей части, были копуньи.

На этотъ разъ смѣялась Элиноръ.

Поѣздъ шелъ себѣ да шелъ. Въ купэ къ нимъ больше не вторгались. Въ вагонѣ-ресторанѣ они пообѣдали. Санди, никогда не отличавшійся застѣнчивостью, все время занималъ дѣвицъ разными анекдотами и забавными исторіями, причемъ иной разъ смѣялся вмѣстѣ съ ними, а иной разъ дивился—чему онѣ смѣются. Но не обижался. Онъ, вообще, не обижался, когда надъ нимъ смѣялись, тѣмъ болѣе, дѣвушки—развѣ ихъ разберешь, чего онѣ хихикаютъ? Порой и онъ смѣялся—такъ, просто, за компанію, отъ чего онѣ еще пуще заливались.

Словомъ, путешествіе было веселое. Никогда еще время въ дорогѣ не проходило такъ быстро для дѣвицъ: въ этомъ онѣ обѣ признавались.

— Я пришлю вамъ экземпляръ моей книги, когда она выйдетъ,—рискнулъ сказать Санди, когда поѣздъ съ грохотомъ нырнулъ въ одинъ изъ городскихъ тунелей.

— Нашъ адресъ вы всегда можете узнать въ конторѣ,—поспѣшно сообщила Элиноръ, не обративъ вниманія на то, что младшая сестра нахмурилась.—Я увѣрена, что папа...

— Мы скоро уѣзжаемъ за границу,—перебила ее Лили.

— Я, къ сожалѣнію, пока еще не могу дать вамъ своего адреса,—съ искреннимъ сожалѣніемъ молвилъ Санди.—Я еще не нашелъ себѣ (онъ хотѣлъ сказать квартиры, но, презирая ложь, мужественно сказалъ): помѣщенія, т. е. комнаты, гдѣ бы можно было переночевать. Этого съ меня будетъ достаточно, пока я не найду себѣ работы и пока не напечатаютъ мою книгу.

Но, когда она выйдетъ, я пришлю вамъ адресъ издателя, и по этому адресу письмо найдетъ меня.

На вокзалѣ они простились. Барышни нѣсколько смутились, когда Санди, которому все равно было, куда ѣхать, предложилъ имъ довести ихъ на извозчикѣ, а затѣмъ ужъ ѣхать самому разыскивать себѣ квартиру.

— Насъ ждетъ карета,—быстро возразила Лили, поправляя вуаль: она уже успѣла отправить платье и пригладить волосы.

— Благодарю васъ, храбро отвѣтила Элиноръ, протягивая руку Санди.—Я скажу папа, какъ вы были любезны и внимательны къ намъ, и какъ занимали насъ въ дорогѣ.

— Спасибо,—сказалъ Санди, приподнимая шляпу.— Да, и мнѣ дорога не показалась долгой, но впереди у меня болѣе долгій путь. Благослови васъ Боже!

Элиноръ очень хотѣлось сказать: «И васъ», но лакей, дожидавшійся ихъ, подошелъ взять изъ ея руки маленькій сакъ, и она пошла за нимъ, оглядываясь и любуясь ловкостью и проворствомъ Санди, который мигомъ разыскалъ въ толпѣ передъ багажнымъ вагономъ свой окованный мѣдью сундучекъ, взвалилъ его на плечи и, съ мѣшкомъ въ другой рукѣ, презирая носильщиковъ, храбро зашагалъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли извощики.

Лили очень остроумно разсказывала дома о томъ, какъ у нихъ былъ мужланъ провожатый, какія у него неуклюжія манеры, какъ онъ самоувѣренъ, первый смѣется, не понимаетъ насмѣшекъ и пр. и пр.

— А я нахожу —возразила Элиноръ,—что большей деликатности нельзя и требовать.

— Въ третьемъ классѣ—можетъ быть. Какъ бы то ни было, это было маленькое приключеніе.

— Такого рода,—вставила слово мать,—что я не желаю, чтобъ оно повторялось. На будущее время я попрошу вашу тетку присылать за вами горничную или сама буду посылать за вами Дженкинса.

— Вздоръ, душа моя, перебилъ м-ръ Сайксъ, который, хоть и закрылся газетой, но все время слушалъ. Даже изъ разсказовъ Лили я вижу, что этотъ молодой человѣкъ велъ себя какъ джентльменъ. Ѣздить въ третьемъ классѣ не преступленіе, а относительно всего прочаго онъ смотрѣлъ за ними не хуже, чѣмъ бы я самъ могъ это сдѣлать.

Элиноръ бросила отцу благодарный взгладъ, но м-ръ Сайксъ уже снова скрылся за газетой.

Весь вечеръ она думала о Санди и, ложась спать, тоже ду-

мала о немъ, и, когда, погасивъ свѣчу, читала молитву на сонъ грядущій, помолилась и о немъ.

А Санди тѣмъ временемъ думалъ о простой, съ грубоватымъ лицомъ старой женщинѣ, которая теперь лежитъ въ постели, но не спитъ, и думаетъ о сынѣ...

IV.

Въ поискахъ работы.

— Вначалѣ, — разсказывалъ Санди дѣвушкѣ, которая жила въ первомъ этажѣ, въ номерѣ съ отдѣльной гостиной,— я нигдѣ не попадалъ дальше «Справочнаго Бюро», куда меня приводила рука, указывавшая на молодого человѣка, вида не предвѣщающаго ничего хорошаго. И ничего хорошаго изъ этого не выходило. Потомъ, я уже не обращался въ «Справочное», а просто поднимался на лѣстницу и, когда меня спрашивали: куда я иду, я отвѣчалъ: «Въ Банкъ». И звонилъ у разныхъ дверей, пока не попадалъ на ту, которая была нужна мнѣ.

Дѣвушка, которая жила въ первомъ этажѣ, смѣялась. Она была не гордая. Ей даже пріятно было итти по тротуару рядомъ съ Санди, одѣтымъ въ лучшее свое платье. Онъ всегда надѣвалъ лучшій свой костюмъ, когда предпринималъ новую атаку на издателей. При немъ была и рукопись, но такъ тщательно спрятанная, что снаружи ея было не видать.

— Что же вы сегодня будете дѣлать? Снова чистить заднie дворы?—спросила миссъ Джонсъ, глядя на него съ усмѣшкой, но не безъ уваженія. Миссъ Джонсъ жила на окраинѣ города, въ Кентамъ-Вэлѣ, прежде всего, изъ экономіи. Санди, по той же причинѣ, перекочевалъ туда-же. Миссъ Джонсъ была молодая особа внѣшности незаурядной,—немножко блѣдная, на взглядъ деревенскаго жителя, съ короткими черными волосами, вьющимися отъ природы, что придавало ей видъ мальчика. Она подписывалась: «В. В. Джонсъ» и, какъ говорили, пѣла въ концертахъ. Утромъ она всякій день по нѣсколько часовъ подрядъ пѣла гаммы и экзерсисы, и въ это время Санди готовъ былъ послать къ черту и пѣвицу, и ея рояль. Въ концертахъ она пѣла всегда по вечерамъ и возвращалась очень утомленная.

Причиною ея знакомства съ Санди была ея собачка, фоксъ-терьеръ—Анди, попавшій подъ лошадей на улицѣ. Санди узналъ его по серебряному ошейнику и отнесъ къ себѣ домой.

Онъ уже успѣлъ промыть рану и перевязать ее, но еще не успѣлъ убрать со стола горячую воду и бинты, когда въ мансарду къ нему ворвалась миссъ Джонсъ. Она, вообще, была особа пылкая, порывистая.

Санди стоялъ подъ газовымъ рожкомъ, свертывая бинтъ, и насвистывалъ, какъ дроздъ. «Между дѣломъ» онъ выучился немножко и хирургіи. Поэтому, когда миссъ Джонсъ, вся въ бѣломъ, шумя шелковыми юбками, влетѣла къ нему, восклицая: «Анди! Анди! Бѣдненькій мой фоксикъ»! Санди повернулся къ ней и, не считая нужнымъ представляться, отвѣтилъ:

— Онъ отлично себя чувствуетъ. Но, все таки, на ночь вы лучше оставьте его у меня.

— О, нѣтъ! Мой милый песикъ не перенесетъ разлуки. Да и сама я не усну. Какъ это случилось? Гдѣ? Какъ вы нашли его?

— Какъ это случилось—право не знаю. Я замѣтилъ цѣлую толпу мальчишекъ около собаки. Мальчишекъ разогналъ, а собачку взялъ къ себѣ. Я зналъ, что это собака съ нашего двора.

— Такъ вы не знали, что Анди принадлежитъ мнѣ?— освѣдомилась дѣвушка; подобно дѣвицамъ Сайксъ, она боялась, что Санди, чего добраго, вообразитъ себѣ... а, въ виду ея профессіи, у нея было больше, чѣмъ у кого либо основаній бояться этого.

— Я думалъ, что это хозяйкина собачка,—сказалъ Санди, сося уколотый палецъ.

— О! Что вы! Такая породистая собака.

Несмотря на завѣренія его хозяйки, что Анди не перенесетъ разлуки съ ней, онъ не только остался на эту ночь у Санди, но и потомъ зачастилъ къ нему въ гости. Когда ему надоѣдали гаммы и рулады подъ аккомпаниментъ рояля, онъ скребся въ дверь мансарды Санди и, какъ только дверь отворялась, вскакивалъ къ нему на колѣни, весь дрожа отъ радости. Раны его быстро зажили—«первымъ натяженіемъ», какъ выразился Санди, завѣряя его хозяйку, что ея собачка, дѣйствительно, «чистокровная и хорошо воспитана».

— Онъ любитъ васъ чуть ли не больше, чѣмъ меня!— жаловалась миссъ Джонсъ.—О, Анди, Анди! ты разобьешь мнѣ сердце. А я-то лелѣяла тебя, растила, ухаживала за тобой, еще когда ты былъ несмысленнымъ щенкомъ!.. Ахъ, Анди, Анди!

Но Анди радостно дергалъ ее за платье, пытаясь объяснить ей, какъ пріятно и хорошо у Санди, гдѣ никто не кидается цѣловать его, когда ему хочется спать, не барабанитъ на рояли

и не терзаетъ его собачьихъ нервовъ балладами, отъ которыхъ взвоетъ всякій фоксъ-терьеръ. Тамъ ничего и не услышишь, кромѣ шелеста бумаги и стука пера о чернильницу.

Но, разумѣется, этого собачьяго языка миссъ Джонсъ не понимала.

Несмотря на это, миссъ Джонсъ и Санди быстро подружились. Въ Лондонѣ она ему нравилась больше всѣхъ. Даже объ Элиноръ Сайксъ онъ почти не вспоминалъ. Миссъ Джонсъ не стыдилась разговаривать съ нимъ и когда онъ былъ въ рабочемъ платьѣ. И Санди, по возвращеніи домой, любилъ поговорить съ ней, весело вышучивая свои неудачи въ поискахъ работы.

Разсказъ Санди о первомъ издателѣ, который принялъ его, положительно приводилъ въ восторгъ миссъ Джонсъ.

«Этотъ старый дуракъ попросилъ, чтобъ я ему прислалъ второй разсказъ,—потому что ему понравился первый; оба, разумѣется, были одинаковая дрянь, иначе ему и не понравились бы. Ну, я послалъ. Отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ. И я не знаю, возьметъ ли онъ разсказы, или нѣтъ. А деньги мнѣ нужны до зарѣзу. Пришелъ въ редакцію. Говорятъ: не принимаетъ. Ну думаю: дудки! И маршъ наверхъ. Конторщики за мной, съ полдюжины—бѣгутъ со всѣхъ ногъ, даже въ потъ я ихъ вогналъ. Ну да у меня ноги будутъ подлиннѣе—не догнали. Постучался и, не дождавшись отвѣта, сейчасъ же отворяю дверь. Я даже не вполнѣ увѣренъ, что я постучался.

«Не успѣлъ онъ опомнится—я ужъ тутъ какъ тутъ, сижу напротивъ него. Онъ говоритъ: это не годится—такъ врываться къ занятому человѣку. А я говорю: что же мнѣ дѣлать, когда вы не отвѣчаете, возьмете вы разсказы, или нѣтъ? Все равно, если не въ дверь, я бы къ вамъ въ окно влѣзъ, или черезъ трубу.

— Забирайте, говоритъ, вашъ хламъ и проваливайте—куда хотите—куда знаете—только съ глазъ моихъ долой. И чтобъ я никогда васъ больше не видалъ! Никакой работы у меня для васъ нѣтъ—и не будетъ.

— Ладно, говорю я, а вотъ дворъ-то у васъ такой грязный, что я еще такой грязи и не видывалъ. Прямо стыдно показывать его въ такомъ видѣ тѣмъ, кто смотритъ на него изъ окна свиной закуты, которую вы именуете вашимъ «салономъ». Стоитъ дать пять шиллинговъ, чтобы привести его въ приличный видъ—и, если желаете, я вамъ это сдѣлаю.

«Онъ выпучилъ на меня глаза, но предложеніе показалось

ему забавнымъ. И онъ согласился.—«Можетъ быть, вы дворы чистить умѣете лучше, чѣмъ писать разсказы».

«Только чуръ,—говорю я.—Деньги на столъ. Мнѣ эти пять шиллинговъ нужны сейчасъ, чтобы взять на прокатъ телѣжку. Если вы останетесь недовольны моей работой, можете вычесть ихъ изъ гонорара за разсказы».

«Я зналъ, что за телѣжку надо будетъ оставить залогъ. «Сколько?» спрашиваю. «Пять шиллинговъ». «Извольте». Ну, убралъ я имъ все въ два часа, вычистилъ всю грязь; а потомъ еще продалъ ящики и картонъ и цѣлую гору упаковочной бумаги тряпичнику за шиллингъ. И вернулся домой на трамваѣ за три пенса. Я знаю, что мнѣ слѣдовало прійти пѣшкомъ, но тогда я уже не засталъ бы васъ и не успѣлъ бы разсказать вамъ всего въ тотъ же вечеръ.

— А вамъ непремѣнно надо разсказать мнѣ?

— Ну конечно. Надо же мнѣ съ кѣмъ нибудь поговорить. Безъ этого ни одинъ чортъ не проживетъ. Особенно, если онъ шотландецъ.

Тѣмъ не менѣе, осада Лондона подвигалась впередъ медленно. Санди бомбардировалъ его романами, трагедіями, комедіями и иными восьмидесяти-пудовыми гранатами, направляя ихъ въ наиболѣе защищенныя литературныя твердыни. Но результатовъ почти не замѣчалось. Ему говорили: Ждите. Санди готовъ былъ ждать сколько угодно, но пока, въ ожиданіи, вѣдь надо же чѣмъ нибудь жить. А чѣмъ? Онъ спрашивалъ объ этомъ себя, миссъ В. В. Джонсъ. Спросилъ бы, пожалуй, и Элиноръ Сайксъ. Но туда онъ заходилъ дважды и ни разу не заставалъ дома. И во второй разъ—Санди отлично видѣлъ это—ливрейный лакей безцеремонно ухмылялся, когда онъ шарилъ въ карманѣ, разыскивая визитную карточку, и у Санди чесались кулаки отдуть его.

— Подлый халуй!—бормоталъ онъ про себя, выходя изъ подъѣзда.—Онъ знаетъ, что онѣ меня не желаютъ видѣть. Ну ладно-же. Настанетъ день, когда они сами будутъ искать общества Санди,—и этого недолго ждать.

Санди закалялъ свою душу такъ, чтобъ не чувствовать насмѣшекъ и щелчковъ. Это входитъ въ программу. Шекспиръ держалъ поводья лошадей; онъ чистилъ задніе дворы. Правда, Шекспиръ былъ моложе его, когда начиналъ, но зато, вѣдь, у Шекспира не было университетскаго образованія, и притомъ, Шекспиръ былъ женатъ.

Однако-же, инстинктъ шотландца—который говоритъ правду,

но ни въ какомъ случаѣ не всю правду—подсказалъ ему, что миссъ Джонсъ незачѣмъ разсказывать о своемъ визитѣ подъ Мраморную Арку.

«Morning Dawn» приняла—и сейчасъ же оплатила—нѣсколько мелкихъ, въ полстолбца, эскизовъ, посланныхъ ей Санди. Ободренный успѣхомъ, онъ началъ посылать въ редакцію статьи, замѣтки, картинки съ натуры, описанія небывалыхъ изобрѣтеній, но составленныя такъ правдиво, что это иной разъ вводило въ заблужденіе и избранныхъ—т. е. редакцію «Morning Dawn».

Но Санди не могъ отрицать, что такими случайными заработками кормиться трудно: ему нужно было иное занятіе—все равно, какое—но только постоянное и хорошо оплачиваемое. Онъ подумалъ день-другой и рѣшилъ, что чѣмъ скорѣй онъ добудетъ себѣ работу, тѣмъ будетъ лучше для него. И придумалъ нѣчто путное.

Изучая предмѣстье, гдѣ онъ поселился, населенное по преимуществу рабочими, Санди замѣтилъ, что ему недостаетъ перевозочныхъ средствъ. Правда, были большія агентства, доставлявшія что угодно и куда угодно на своихъ собственныхъ моторахъ. Въ булочной, въ мясной, въ молочной держали мальчиковъ разсыльныхъ. Но мелкимъ лавочникамъ некого было послать въ городъ за образцами, когда требовалось показать ихъ покупателю, и не съ кѣмъ было отослать покупки, если посылать надо было далеко. Самому хозяину «не пристало» быть на посылкахъ, да и некогда, а мальчишки большей частью ненадежны. Словомъ, Санди увидалъ пробѣлъ и рѣшилъ заполнить его.

Онъ зашелъ въ одну, въ другую лавку, гдѣ ему уже случалось покупать, или гдѣ забирала товаръ его квартирная хозяйка. Предложилъ свои услуги, разъяснилъ всю выгодность своего предложенія, сослался, въ подтвержденіе своей надежности, на свою квартирную хозяйку, на священника своего прихода, на снисходительнаго издателя, которому онъ чистилъ дворъ.

О послѣднемъ онъ былъ не увѣренъ, помнитъ ли тотъ его и потому предварительно написалъ ему письмо. И получилъ лаконическій отвѣтъ: «Все, что вамъ угодно, только чтобъ вы не приставали ко мнѣ».

Санди добродушно усмѣхнулся, думая о томъ днѣ, когда издатель самъ будетъ *приставать* къ нему, прося его разсказовъ. Когда настанетъ этотъ день, онъ не будетъ мстить зломъ за зло. Санди былъ незлопамятенъ. Ему было не до того. Въ велосипедномъ магазинѣ онъ примѣтилъ старый трехколесный

разъѣздной велосипедъ съ ящиками спереди и сзади. Онъ тяжеловатъ, но, вѣдь, Санди шести слишкомъ футовъ росту и косая сажень въ плечахъ. Онъ былъ грязенъ, но—Санди вычиститъ его. Съ него облѣзла краска, но Санди зналъ, сколько стоитъ фунтъ краски и гдѣ можно призанять пару кистей, одну для загрунтовки, другую для штриховки. Цвѣтъ онъ выбралъ яркій, почти такой же красный, какъ цвѣтъ почтовыхъ ящиковъ. А спицы рѣшилъ сдѣлать желтыми.

Къ счастью, шины были хорошія, изъ крѣпкаго каучука и не скользили. Цѣпь понадобится новая—это досадно, но зато, тормазъ помѣщается на самой оси и простымъ нажимомъ руки можно остановить машину даже на крутомъ подъемѣ. Только не сразу, чтобы самому не кувырнуться черезъ руль.

Какъ подобаетъ покупателю, Санди усомнился въ качествѣ продаваемаго товара, говоря, что его давно пора продать на ломъ. Продавецъ, какъ водится, доказывалъ, что товаръ отличный, хоть и старый, а идетъ за безцѣнокъ—два фунта—прямо курамъ на смѣхъ.

Санди возражалъ, что его и даромъ брать не стоитъ, но такъ какъ ему нужно скоро, тридцать шиллинговъ, такъ и быть, онъ дастъ—съ условіемъ, что торговецъ дастъ въ придачу новую цѣпь и позволитъ ему выбрать самому. Онъ выложилъ деньги, на столъ.

— Дайте тридцать-пять, а я вамъ дамъ лучшую цѣпь, какая у меня есть и еще въ придачу корзину, которая пристегивается спереди, съ серебряными поручнями.

Санди потребовалъ, чтобъ ему сперва показали цѣпь и корзину, остался доволенъ тѣмъ и другимъ и, уплативъ деньги, повезъ велосипедъ къ себѣ домой, просунувъ его въ калитку, черезъ которую выносили ведра съ золою.

Миссъ Джонсъ, только что поднявшаяся съ постели, украдкой слѣдила за нимъ изъ-за зеленыхъ жалюзи на окнѣ своей спальни. Санди, въ одной сорочкѣ и въ широкихъ короткихъ шароварахъ, подпоясанныхъ гимназическимъ ременнымъ поясомъ, мылъ купленный имъ велосипедъ. Предосторожность не лишняя, такъ какъ Санди забрызгался съ ногъ до головы и, пока сохъ велосипедъ, самъ онъ тоже сушился въ тѣни хромоногой теплички, обвитой чахоточнымъ хмелемъ. И, покуривая подаренную Джономъ трубку, обдумывалъ свой планъ.

Миссъ Джонсъ вышла на крыльцо и направилась къ нему. Въ рукахъ у нея была тоненькая тетрадка въ коричневой обложкѣ,

свернутая въ трубочку. При видѣ ея Санди поспѣшно вытряхнулъ пепелъ изъ трубки и положилъ ее обратно въ футляръ.

V.

Брошенная перчатка.

Санди инстинктивно всталъ. Миссъ Джонсъ, спускавшаяся по ступенькамъ, ведшимъ къ поросшему травой откосу, ошибочно именуемому садомъ, представляла собой на рѣдкость красивое зрѣлище. На ней было надѣто что-то необычайно легкое—свѣтлый индійскій шелкъ цвѣта свѣжаго меда, который одновременно и обрисовывалъ ея фигуру и окружалъ ее точно облакомъ. На головѣ у нея была лѣтняя шляпка фасона «Шарлоттъ», какъ будто случайно брошенная на нее вѣтромъ. Впервые Санди понялъ, что такое женщина и какъ она можетъ вліять на самыя серьезныя рѣшенія мужчины. Дѣвушка, поставивъ ножку на послѣднюю ступеньку, остановилась, посмотрѣла на него и улыбнулась. Удивительно она была ясная, милая и привлекательная, и въ то же время въ ней было что-то, отличавшее ее отъ всѣхъ прочихъ дѣвушекъ, видѣнныхъ имъ раньше. Что именно—онъ сказать не могъ. Пожалуй, оттѣнокъ томности, улыбающагося и вмѣстѣ грустнаго равнодушія, подъ стать его собственной самоувѣренности и въ то же время странно разрушавшаго ее.

Она подошла ближе, стала передъ нимъ, топнула ножкой, закинула назадъ головку и задорнымъ тономъ, отъ котораго ему хмель бросился въ голову, спросила:—Зачѣмъ вы отняли у меня все утро? Я все смотрѣла на васъ и не могла выучить своей роли. И что вы тутъ такое дѣлаете рядомъ съ моей любимой скамеечкой?

Слова были самыя обыкновенныя, но голосъ, улыбка, особая пѣвучесть интонаціи—Санди даже вздрогнулъ. Все вокругъ какъ-то вдругъ обновилось, красные кирпичные дома стали ярче, пыльная трава зеленѣе. Новый міръ открылся передъ нимъ—тотъ самый, надъ которымъ Санди такъ долго насмѣхался—населенный двумя полами вмѣсто одного. Небо стало такое голубое, облака такія бѣлыя. Самая пыль вилась ореоломъ вокругъ головки миссъ Джонсъ а нагрѣтые солнцемъ кирпичи бросали розоватый отблескъ на ея щечки и зажигали искорки въ ея глазахъ.

— Простите,—запинаясь выговорилъ Санди, овладѣвъ собой.—Я купилъ эту машину. Хочу, знаете, на ней развозить

покупки. Литература не очень-то сытно кормитъ, пока не доберешься до вершины.

— Развозить покупки?—недовѣрчиво переспросила дѣвушка.

Но когда Санди развернулъ передъ нею свой планъ, съ такой же гордостью и такъ же нимало не сомнѣваясь въ успѣхѣ, какъ когда онъ говорилъ о своихъ литературныхъ замыслахъ, миссъ Джонсъ одобрила его.

— Берите, пока, что попадаетъ подъ руку, а тамъ добьетесь своего,—сказала она, ласково улыбнувшись. И, странное дѣло, эта улыбка напомнила Санди его мать. Та тоже, бывало, такъ смотрѣла на него, когда онъ зубрилъ «на стипендію». Это было больше, чѣмъ ласка. Это была вѣра въ него.

— Ты принесешь ее домой въ карманѣ, Санди,—говорила мать и глаза ея радостно смѣялись, какъ будто деньги уже лежали у него въ карманѣ. И въ глазахъ миссъ Джонсъ онъ съ удивленіемъ подмѣтилъ то же выраженіе.

Онъ былъ слишкомъ молодъ даже для того, чтобъ удивиться. Онъ еще самъ не зналъ, какимъ онъ родился и каждую удачу принималъ, какъ хлѣбъ насущный, и въ случайной неудачѣ умѣлъ найти хорошее—или скоро позабыть о ней. Вдобавокъ, щелчки, полученные имъ на литературномъ поприщѣ, если не смирили его и не убили въ немъ вѣры въ себя, то, все же, сдѣлали его болѣе гибкимъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, болѣе терпимымъ. Но въ основѣ его нравственнаго міросозерцанія все же еще лежалъ катехизисъ и псалмы, которые поютъ въ шотландскихъ церквахъ и которые ему такъ усердно вдалбливали въ годы ученья.

Санди красилъ велосипедъ, а миссъ Джонсъ сидѣла въ тепличкѣ, на подушкѣ, принесенной для нея Санди изъ ея гостиной. Глаза ея бѣгали по строкамъ тетрадки, но то и дѣло отрывались, чтобы взглянуть на склоненную голову и занятыя руки Санди.

— Вы что это—Шекспира переписывали?—неожиданно спросилъ Санди.—Я когда-то такъ переписывалъ Омаръ-Хайяма. Онъ стоилъ полъ-гинеи, а у меня такихъ денегъ не было. Такъ я взялъ книгу у товарища и переписалъ.

Дѣвушка лѣниво потянулась и чуть-чуть покраснѣла.

— Это роль,—отвѣтила она.—Я, вѣдь, актриса.

Санди вскочилъ и выронилъ кисть, которую держалъ въ рукѣ.

— Актриса? Какъ: *актриса*? Я думалъ: вы поете въ концертахъ.

— Прежде пѣла—хозяйка такъ и говоритъ всѣмъ про меня. Но, когда представляется случай выступить на сценѣ, я играю—по большей части характерныя роли въ *мьюзикъ-холлахъ*. Мнѣ это больше нравится.

— Въ мьюзикъ-халахъ,—медленно повторилъ Санди (къ нему сразу вернулся его шотландскій акцентъ).—Да развѣ это прилично для васъ? Мнѣ думается, мьюзикъ-халъ не мѣсто...

— Это такое мѣсто, гдѣ дѣвушкѣ приходится много работать, чтобы заработать себѣ честный кусокъ хлѣба. Но заработать его и тамъ можно такимъ же честнымъ трудомъ, какъ развозя пакеты, или же чистя дворы издателей.

— Это немыслимо. Мнѣ говорили...—И Санди принялся доказывать ей безнравственность мьюзикъ-холловъ.

Миссъ Джонсъ не обидѣлась—она видѣла, что у него не было желанія ее обидѣть—она только посмотрѣла ему прямо въ глаза и неожиданно спросила:

— Вы ходите въ церковь по воскресеніямъ?

Она заложила руки за голову и откинулась назадъ; невысокая грудь подъ тонкимъ шелкомъ дышала ровно и спокойно.

— Я хожу въ кирку,—отвѣтилъ озадаченный Санди.

— Въ какую кирку?

— *Кирка* здѣсь только одна—пресвитеріанская, на углу Чатхэмъ-Родъ, недалеко отсюда—да и то не настоящая. Тамъ нѣтъ постояннаго священника, а все «исполняющіе должность», случайные проповѣдники.

М-съ Джонсъ такъ же мало поняла его, какъ еслибы онъ говорилъ по гречески, но тѣмъ не менѣе, продолжала:

— Я проходила мимо. Тамъ, у входа, стоятъ пожилые мужчины въ цилиндрахъ.

— Да, старѣйшины и діаконы. Они слѣдятъ за кружками.

Миссъ Джонсъ думала, что онъ говоритъ о священныхъ сосудахъ, но не хотѣла тратить времени на разспросы. Она торопилась расширить кругозоръ своего собесѣдника.

— Значитъ, та самая,—продолжала она.—Я раза два проходила мимо нея по пути въ паркъ. Одинъ изъ этихъ вашихъ старѣйшинъ—съ такими длинными бакенбардами, какъ у нотаріусовъ на сценѣ—пайщикъ въ Викторіи, гдѣ я играю. Ему принадлежитъ большая половина дѣла.

— Это, должно быть, старый Эбенъ Стоуэлль,—задумчиво молвилъ Санди.—Онъ мастеръ брать хорошіе проценты за свои деньги. А мьюзикъ-холлы, говорятъ, даютъ доходы.

— Вотъ именно: м-ръ Стоуэлль. Такъ онъ у васъ ста-

рѣйшина? Однако, это не мѣшаетъ ему благочестиво получать по 33% на сто.

— Пусть такъ. Но я-то тутъ при чемъ?

— Вы? Вы ни при чемъ. Но, можетъ быть, васъ заставитъ призадуматься, когда я скажу вамъ, что эти 33% ему даетъ не самый мьюзикъ-холлъ, т. е. не театръ въ немъ, а буфетъ—м-ръ Эбенъ Стоуэлль проповѣдуетъ воздержаніе и слыветъ крупнымъ дѣятелемъ въ этой области.

Санди обозлился, но сдержалъ себя.

— Кирка—это мѣсто, гдѣ проповѣдуется истинное Слово Божіе. Оно не имѣетъ ничего общаго съ тѣми, кто стоитъ у входа.

— Точно такъ же, какъ и мы, честно трудящіеся на сценѣ, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба, не имѣемъ ничего общаго съ тѣми, кто кормится отъ буфета.

— Это я допускаю,—принужденъ былъ согласиться Санди, въ свое время получившій медаль за логику.

— Допускаете! Еще бы не допускать, когда это правда!

— Слушайте,—перебилъ ее Санди.—Вамъ надо учить свою роль. Я не хочу мѣшать вамъ. А мнѣ надо выкрасить заново свой велосипедъ. Не будемъ спорить: все равно, мы не сговоримся, такъ какъ говоримъ на разныхъ языкахъ. Мы лучше такъ сдѣлаемъ: вы пойдете со мной въ слѣдующее воскресеніе въ Чатхэмскую кирку, а вечеромъ я пойду съ вами въ вашъ мьюзикъ-холлъ, посмотрѣть, какъ вы играете. Идетъ?

Миссъ Джонсъ поблѣднѣла, и Санди по своему истолковалъ ея волненіе.

— Никто васъ не узнаетъ. Тамъ все простой народъ, шотландцы; а, если и узнаютъ, не поставятъ вамъ въ вину—даже и тотъ старый бакенбардистъ-язычникъ, что стоитъ у входа.—Санди были дороги не гробы повапленные, а религія.—Ну, рѣшайтесь же, кирка за мьюзикъ-холлъ. Честный обмѣнъ. А потомъ поговоримъ. Нельзя же говорить о томъ, чего не знаешь.

— Хорошо,—сказала Джонсъ.—Если вы хотите, я согласна.

— Я-то хочу!—съ пафосомъ воскликнулъ Санди.

И, въ свою очередь, слегка покраснѣлъ, вспомнивъ, что у нихъ въ Шотландіи достаточно такого вотъ обмѣна фразъ, въ присутствіи свидѣтелей, чтобы мужчина и женщина считались состоящими въ законномъ бракѣ. И про себя вынужденъ былъ сознаться, что эта мысль не такъ ужъ непріятна ему.

VI.

Выручилъ.

Въ воскресенiе, I-го iюля, въ двадцать минутъ одиннадцатаго прелестнѣйшаго утра, когда-либо занимавшагося алыми огнями надъ домовыми трубами Кентамъ-Рода, Санди, въ своей парадной парѣ, съ цилиндромъ въ рукахъ, стоялъ въ гостиной миссъ Джонсъ, въ ожиданiи своей дамы.

Санди былъ весь въ черномъ; строгость наряда не смягчалась даже сѣрыми брюками, которые онъ рѣшилъ пріобрѣсти, какъ только дѣло развозки и доставки начнетъ давать доходъ. Онъ собственноручно тщательно выутюжилъ свое платье и отдалъ цѣлый шиллингъ за утюжку цилиндра. Ему недоставало только перчатокъ, но ими онъ, пока еще, пренебрегалъ.

Но вотъ и миссъ Джонсъ, тоже вся въ черномъ, въ черной шляпѣ съ темнымъ перомъ и съ молитвенникомъ въ обтянутой рукѣ. Въ дверяхъ своей спальни она остановилась и слегка присѣла Санди. Пожимая ей руку, онъ увидалъ молитвенникъ съ серебрянымъ крестомъ на обложкѣ.

— Тамъ, куда мы идемъ, этого не нужно,—сурово молвилъ онъ.—Ни молитвъ, ни проповѣдей по книгамъ не читаютъ. Даютъ говорить сердцу.

Дѣвушка даже не улыбнулась.

— Хорошо,—сказала она,—и взяла вмѣсто молитвенника черный кружевной зонтикъ съ ручкой чернаго дерева.

— Вы одобряете мой костюмъ?—смиренно спросила она, когда Санди обвелъ ее критическимъ взглядомъ отъ головы до кончика изящныхъ туфелекъ—мужскимъ взглядомъ, видящимъ только общiй эффектъ.

— Вы могли бы такъ пойти и къ причастiю въ нашу приходскую церковь въ Глендовинѣ.

Ви-Ви поблагодарила. Она знала, что въ его устахъ это—высшiй комплиментъ, и была рада ему больше, чѣмъ тысячѣ другихъ, которые ей доводилось слышать.

При видѣ этой парочки хозяйка была такъ изумлена, что бросилась внизъ отворять имъ дверь. Она скорѣе пропустила бы коронацiонную процессiю, чѣмъ такое зрѣлище.

— Мы идемъ въ церковь,—просто сказала ей м-съ Джонсъ.

Вернувшись въ кухню, хозяйка сказала столовавшемуся

у нея комми-вояжеру (Братья-Гиньеттъ, аптекарскіе товары), что она въ жизнь свою не была такъ удивлена. Комми-вояжеръ, немного недовольный тѣмъ, что ему пришлось ждать завтрака, фыркнулъ презрительно, и нѣсколько завистливо:

— Въ церковь? Какъ же! Держи карманъ! Ужъ, навѣрное, на поѣздъ, чтобы прокатиться по рѣкѣ. Держу пари, что вы ихъ сегодня больше не увидите.

Пріятная прогулка привела ихъ въ Чатгэмскую Пресвитеріанскую церковь—въ архитектурномъ смыслѣ совершенно неинтересное зданіе, зажатое между двумя другими.

Здѣсь Санди, видимо, хорошо знали. Нѣсколько молодыхъ людей съ серьезными лицами, стоявшихъ возлѣ церкви, поздоровались съ нимъ за руку, въ то же время учтиво приподнимая шляпы передъ его хорошенькой спутницей—кое-чему они уже успѣли научиться въ Лондонѣ. М-ръ Эбенъ Стоуэлль неожиданно вышелъ изъ ризницы, какъ разъ во время, чтобы услыхать, какъ одинъ изъ этихъ молодыхъ людей говорилъ Санди: «А я и не зналъ, что у васъ есть сестра въ Лондонѣ.»

— И я тоже,—отвѣтилъ Санди, направляясь къ первой же незанятой скамьѣ. Онъ посторонился, чтобы пропустить м-съ Джонсъ и былъ крайне удивленъ и скандализованъ, когда эта молодая дѣвица вдругъ упала на колѣни и закрыла лицо руками:

Санди осторожно подтолкнулъ ее локтемъ.

— Встаньте. Увидятъ. Зачѣмъ вы это?

Миссъ Джонсъ поднялась, сконфуженная.

— Я думала, это церковь,—пролепетала она.

— Нѣтъ, не церковь,—кирка. Это большая разница. Сидите прямо. Не вертитесь. Слѣдите за мухой, которая ползетъ по пюпитру.

— Но здѣсь, вѣдь, нѣтъ никакой мухи,—шепнула миссъ Джонсъ.

— А вы вообразите, что есть,—также шепотомъ отвѣтилъ Санди, причемъ губы его совершенно не шевелились, но шопотъ былъ слышенъ явственно.

Тѣнь улыбки скользнула по лицу дѣвушки.

Она все время чувствовала на себѣ чей-то взглядъ.—Нѣтъ, не Санди—тотъ былъ погруженъ въ созерцаніе воображаемой имъ мухи. Смотрѣлъ другой, пожилой джентльменъ, который взошелъ на клиросъ, о чемъ-то пошептался тамъ съ другимъ оффиціальнымъ лицомъ, и на обратномъ пути все время не сводилъ глазъ съ изящной, стройной фигуры въ черномъ платьѣ съ опущенными глазами. Эта фигура будила въ немъ какія-то смут-

ныя воспоминанія—какъ будто о другой женской фигурѣ, видѣнной имъ мелькомъ на уличныхъ афишахъ—въ блесткахъ, въ облакѣ газа и съ кружевнымъ вѣеромъ въ рукѣ.

Потомъ онъ отошелъ и сталъ сзади. Церковь медленно наполнялась. По большей части, это были мужчины, чисто одѣтые, съ строгими лицами, съ налетомъ профессіональности, все больше врачи и школьные учителя. Всѣ они сидѣли, недвижные, сосредоточенные на созерцаніи воображаемой мухи, не шевеля ни бровью, ни губами. Въ церкви царила глубокая тишина.

Миссъ Джонсъ изъ подъ опущенныхъ рѣсницъ видѣла молодаго человѣка, усѣвшагося за органъ. И, рядомъ, хоръ, человѣкъ двадцать, почти сплошь женщины; мужчинъ было только двое: приземистый, толстенькій человѣчекъ и мальчикъ-подростокъ, видимо смущенные своимъ одиночествомъ среди столькихъ женщинъ.

М-съ Джонсъ казалось, что этой торжественной тишинѣ не будетъ конца. Но минуты шли, пробили часы на колокольнѣ сосѣдней церкви Св. Іуды, и по скамьямъ пробѣжалъ ропотъ недовольства. Мужчина въ бѣломъ жилетѣ, раньше смотрѣвшій на дѣвушку, вышелъ на лѣвый клиросъ, откашлялся и громогласно заявилъ:

— Старѣйшинъ и діаконовъ этой конгрегаціи просятъ немедленно собраться въ ризницѣ.

Санди насупился.

Плохое начало. Опять, значитъ, нѣтъ священника. А онъ то хотѣлъ поразить и, можетъ быть, «обратить» м-съ Джонсъ. Лучше было бы взять извощика и свезти ее въ Риджентъ-скверъ, гдѣ она, ужъ навѣрное, услыхала бы хорошую проповѣдь. Ибо для Санди, какъ для всякаго истаго шотландца, самое главное была не «служба», а проповѣдь.

Изъ полуоткрытой двери ризницы тонкими струйками заползали въ церковь тягостныя сомнѣнія, волнуя и безъ того встревоженную конгрегацію. Теперь ужъ по всей церкви шелъ несомнѣнный шепотъ. Двое-трое — будемъ надѣяться, что это были не чистокровные пресвитеріанцы — оборачивались и оглядывались. «Опять нѣтъ священника!» перебѣгалъ шепотъ со скамьи на скамью. Очевидно, на этотъ церковный совѣтъ полагаться невозможно. Скоро общее собраніе. Надо будетъ выбрать другой совѣтъ.

Джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ снова поднялся на клиросъ. И сталъ возлѣ органиста, молодаго человѣка, относившагося ко всему происходившему съ большимъ спокойствіемъ.

— Друзья,—началъ онъ,—друзья, мнѣ прискорбно сообщить вамъ — столь многимъ вѣрнымъ — въ этотъ жаркій день пришедшимъ сюда издалека — чтобы собраться, какъ велитъ писаніе—что у насъ нѣтъ проповѣдника. Поэтому, старѣйшины, по очереди, прочтутъ вслухъ изъ Писанія, перемежая чтеніе молитвой...

— Если только, — перебилъ его старикъ, поднявшійся съ одной изъ боковыхъ скамей, гдѣ онъ сидѣлъ, приставивъ руку къ уху,—если только среди молящихся сегодня съ нами не найдется человѣка, который вправѣ былъ бы замѣнить отсутствующаго.

Къ этому времени Санди уже рѣшилъ, что миссъ Джонсъ невозможно отпустить, такъ сказать, съ пустыми руками. Онъ выбралъ неудачный день, но разъ на картѣ стоитъ спасеніе души дѣвушки... Онъ подтолкнулъ ее локтемъ:

— Сидите здѣсь, пока я не вернусь. Если не будете знать, что вамъ дѣлать, посмотрите на другихъ. Такъ нельзя. Санди Прайдъ не можетъ допустить этого.

Среди изумленнаго шепота онъ всталъ и направился къ залѣ засѣданій.

— Я лиценціатъ Богословской Коллегіи, — объявилъ Санди.—Вотъ мой дипломъ. Готовой проповѣди у меня нѣтъ—я пришелъ сюда въ качествѣ молящагося... Но, чѣмъ отпустить всѣхъ съ пустыми руками, лучше я отслужу обѣдню.

Старѣйшины кинулись на шею неожиданному своему спасителю, ибо отсутствіе проповѣдника грозило имъ потерей мѣстъ, или, по крайней мѣрѣ, значительнымъ подрывомъ ихъ вліянія въ общинѣ. И раньше бывали неудачи съ проповѣдниками, но не въ такой степени.

— Помните, — предупредилъ онъ ихъ, — я не посвященъ въ санъ пастыря и не могу крестить и причащать, но я могу проповѣдывать Слово Божіе согласно законамъ и уставу пресвитеріанской церкви.

Церковный сторожъ поспѣшилъ снять съ себя бѣлый галстухъ и повязать его на шею Санди. А затѣмъ, всѣ старѣйшины наперерывъ стали натягивать на него мантію.

— Не очень-то мнѣ въ ней удобно: тотъ проповѣдникъ, вѣрно, былъ поменьше ростомъ, говорилъ Санди,—но это ничего: сниму ее, когда начну говорить проповѣдь. Имѣйте въ виду, что это, собственно, не моя профессія—по профессіи я литераторъ, а, пока что, доставляю на домъ пакеты и покупки по дешевымъ цѣнамъ: извѣстно вамъ «Агентство А. А. Прайда»? Ну, такъ вотъ я и есть этотъ самый Прайдъ. Я это для того

говорю, чтобы не было какихъ-либо недоразумѣній. Но университетскій дипломъ у меня есть, и на пастора я учился тоже. А что касается проповѣди—это я, во всякомъ случаѣ, могу.

— Вы именно такой человѣкъ, какого намъ надо,—говорили старѣйшины. Они были люди практическіе и знали, что значитъ выбиваться на дорогу въ Лондонѣ человѣку, который родился и получилъ образованіе въ Шотландіи.

Сторожъ держалъ дверь каѳедры, пока Санди всходилъ по ступенямъ, и почтительно поклонился ему, когда онъ прошелъ. По церкви пронесся вздохъ облегченія. Очевидно, старѣйшины остались довольны свидѣтельствами, предъявленными юношей. Больше того, удовлетворенъ и сторожъ—Гью Макъ Кэй съ Чернаго Острова—а онъ человѣкъ серьезный, который шутить съ собою не позволитъ. Что-жъ, послушаемъ новаго проповѣдника, пусть покажетъ, чего онъ стоитъ. Слушатели были знатоки и люди опытные.

VII.

Проповѣдь его матери.

Никто изъ присутствовавшихъ въ церкви шотландцевъ, мужчинъ и женщинъ, нимало не былъ удивленъ, неожиданно обрѣтя среди молящихся дипломированнаго проповѣдника. Между шотландцами много такихъ, имѣющихъ право быть церковно-служителями, но почему либо занявшихся другимъ дѣломъ, болѣе подходящимъ для нихъ, или же просто случайно подвернувшимся. Но это не значитъ, чтобы при случаѣ, они не могли осуществить нѣкогда возлагавшихся на нихъ надеждъ.

Санди прочелъ псаломъ, которымъ начинается служба, спокойнымъ, ровнымъ голосомъ привычнаго священнослужителя. Заигралъ органъ; вѣрующіе поднялись съ мѣстъ и запѣли. Одинъ изъ сосѣдей миссъ Джонсъ, замѣтившій, что дѣвушка первый разъ въ киркѣ, любезно передалъ ей книгу псалмовъ. Миссъ Джонсъ просмотрѣла ноты и стала пѣть вмѣстѣ съ другими, почти покрывая своимъ голосомъ весь хоръ. Въ небольшой деревянной киркѣ былъ отличный резонансъ, и публика дивилась: кто это такъ хорошо поетъ, не зная даже, прилично ли это—пѣть такъ хорошо въ церкви. Большинство, вѣдь, только откашливались и подтягивали хору.

Но дѣвушка пѣла на совѣсть, и Санди казалось, что всѣ

прочіе голоса, одинъ за другимъ, умолкали, такъ что слышно было только ее. Мелодія была валлійская, миссъ Джонсъ въ дѣтствѣ нерѣдко пѣла ее соло въ часовнѣ Кальвинистовъ-Методистовъ въ Лланваэсѣ.

Затѣмъ, Санди началъ молиться. Миссъ Джонсъ казалось удивительнымъ, что взрослые люди могутъ молиться публично и вслухъ. И потомъ, Санди молился такъ странно—не обычными молитвенными фразами, а о томъ, что, очевидно, было нужно людямъ, сидѣвшимъ передъ нимъ со склоненными головами. Онъ молился — «о силѣ и мужествѣ на чужбинѣ, — не объ укрѣпленіи вѣры, но о томъ, чтобы она не умалялась въ насъ и поддерживала насъ день за днемъ—о здоровьѣ, но чтобы при этомъ мы не забывали о тѣхъ, кто боленъ—о силѣ, непрестанно памятующей, что въ любой моментъ она можетъ превратиться въ слабость — о деньгахъ и о томъ, чтобъ мы распоряжались ими по совѣсти—о сердцѣ радостномъ и терпѣливомъ, которое и въ бѣдности не завидуетъ богатымъ—о милости и смягчающемъ вліяніи на насъ Господа Нашего, доказавшаго свою любовь къ человѣку и заботу о немъ».

Особенно тронуло изгнанниковъ послѣднее прошеніе:—Помолимся за вашихъ матерей и мою мать, и за всѣхъ, кто намъ дорогъ и кого мы оставили за собой тамъ, далеко, на сѣверѣ!»

Въ этомъ мѣстѣ въ глубокомъ, бархатномъ голосѣ Санди зазвучали вздрагивающія нотки, на которыя откликнулось сердечко миссъ Джонсъ. Вначалѣ она только надѣялась, что Санди не ударитъ лицомъ въ грязь, выступивъ въ новой роли. Но это было совсѣмъ другое. Онъ не «игралъ». Она смутно помнила рѣчи извѣстныхъ проповѣдниковъ, слышанныхъ ею когда-то въ Уэльсѣ. Но Санди говорилъ какъ то по другому. Санди былъ единственный въ своемъ родѣ.

Хоръ запѣлъ антифоны, затѣмъ Санди поднялся и дважды, выразительно и громко, прочелъ текстъ изъ Евангелія: «На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ распятъ, былъ садъ».

Миссъ Джонсъ не слыхала шотландскихъ проповѣдей и не знала, съ какой точки зрѣнія надо судить о нихъ. Поэтому вначалѣ она слушала Санди съ чисто профессіональнымъ интересомъ. Да, голосъ у него хорошій, до извѣстной степени даже поставленный. Но что за странныя вещи онъ говоритъ! Онъ говорилъ о другомъ, райскомъ садѣ—о поэтической жизни въ Раю Адама и Евы и о томъ, какъ они были изгнаны изъ рая и вынуждены трудиться въ потѣ лица своего.

Затѣмъ, заговорилъ о Великой Жертвѣ, о Голгофѣ и о

Лобномъ Мѣстѣ, на которомъ тоже былъ разбитъ садъ—о трехъ крестахъ и о Немъ, Распятомъ между двумя разбойниками и взиравшемъ съ высоты креста на закапанныя кровью розы и лиліи этого Сада.

«Но пришла и ночь; на землю пала роса, разразилась буря, и растоптанные, осквернённые цвѣты, омытые дождемъ, подняли головки къ Тому, Кто былъ Розой Сарона и Лилеей Долинъ.

«Вы спросите: какое же это имѣетъ отношеніе къ намъ? А вотъ какое. (Санди возвысилъ голосъ). Мы, большинство изъ насъ—и я жалѣю тѣхъ, кто не принадлежитъ къ этому большинству—ведемъ трудовую жизнь, не рѣдко узкую и скудную. Наша юность отцвѣтаетъ слишкомъ быстро. Оставивъ за собою несбывшіяся надежды и обманувшія насъ честолюбивыя мечты, мы съ усиліемъ взбираемся на Холмъ Страданія, на нашу Голгофу, которая у каждаго своя,—въ терновомъ вѣнцѣ и съ избитыми въ крови ногами добираемся до вершины его—которая для каждаго изъ насъ, смертныхъ, становится Лобнымъ Мѣстомъ.

«Но, слушайте внимательно:—тамъ, наверху, есть Садъ—бесѣдки, тѣнистые уголки, росистая трава, цвѣты и звѣзды надъ нашими головами. Если мы не видимъ ихъ, это потому, что мы слѣпы. Оглянемся кругомъ, подумаемъ о другихъ, попробуемъ помочь имъ—и мы увидимъ цвѣты и почувствуемъ ихъ ароматъ. И, подобно разбойнику, услышимъ: «Нынѣ же будешь со Мною въ раю».

«Ибо Голгофа міра сего заключается въ томъ, что мы карабкаемся на гору успѣха, не думая ни о комъ, кромѣ себя, и Райскій Садъ, раскинувшійся около насъ, остается для насъ невидимымъ.

«Вы, можетъ быть, скажете, что это лишь поэзія,—заключилъ Санди, но я вамъ говорю, что это истинная правда Божья. Ступайте домой и подумайте объ этомъ».

Миссъ Джонсъ долго ждала Санди на Чатгэмской дорогѣ—такъ долго, что джентльменъ въ бѣломъ жилетѣ даже подошелъ къ ней и спросилъ, не можетъ ли онъ чѣмъ-нибудь служить ей. Миссъ Джонсъ молча покачала головой и пошла дальше.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе...—началъ было онъ,—но дѣвушка уже сбѣжала внизъ по скату. Только въ старомъ кентскомъ паркѣ Санди, наконецъ, нагналъ ее. Онъ бѣжалъ бѣгомъ и запыхался.

— Надѣюсь, вамъ не покажется это несовмѣстимымъ,—

началъ онъ, тяжело дыша,—но старѣйшины и діаконы нашей кирки просятъ меня, пока что, продолжать замѣщать отсутствующаго проповѣдника.

— Несовмѣстимымъ?—воскликнула Ви-Ви.—Я не знала—мнѣ и во снѣ не снилось, что вы можете—такъ говорить.

— Ахъ, это!—Санди думалъ совсѣмъ о другомъ.—Чего же мнѣ было бояться, когда у меня во рту языкъ, и передо мною библія? Моя мать въ десять разъ лучше моего говоритъ объ этомъ Садѣ. Это, собственно, ея проповѣдь, а не моя.

— Ваша мать?—вздохнула дѣвушка.—Хотѣла бы я познакомиться съ ней, если у нея такія мысли... У меня нѣтъ матери—я даже не помню своей...

— И познакомитесь,—горячо воскликнулъ Санди,—хотя бы мнѣ пришлось везти ее сюда всю дорогу, на себѣ, въ телѣжкѣ. Но я, вѣдь, сказалъ діаконамъ и старѣйшинамъ, что я, хоть и окончилъ богословскій факультетъ, но на недѣлѣ развожу покупки и, если они находятъ постыднымъ, что я честнымъ трудомъ зарабатываю себѣ кусокъ хлѣба, тогда я не гожусь для нихъ. Но они говорятъ, что это не составляетъ разницы, что большинство ихъ дѣлаютъ приблизительно то же. И я даже получилъ два-три выгодныхъ заказа—т. е. это ужъ на завтра. Я имъ сказалъ, что въ воскресный день не подобаетъ торговаться, но что меньше девяти пенсовъ въ часъ я не беру.

— Разумѣется, послѣ всего этого, вы не рѣшитесь пойти посмотрѣть меня въ Викторіи,—не безъ оттѣнка грусти въ голосѣ спросила дѣвушка. Санди остановился и посмотрѣлъ на нее.

— За кого вы меня принимаете?—строго спросилъ онъ.—Что же я, по вашему, не умѣю держать своего слова. Разумѣется, я пойду.

— Но, вѣдь, я танцую,—слабо возразила миссъ Джонсъ.

— И царь Давидъ плясалъ передъ Господомъ и, еслибъ онъ дѣлалъ только это, онъ избавилъ бы себя и свой народъ отъ многихъ непріятностей.

— И я пою...

— Знаю—сегодня я только одинъ голосъ и слышалъ—вашъ. Онъ-то и напомнилъ мнѣ о раѣ и объ ангелахъ, воспѣвающихъ Господу...

— О, Санди! — воскликнула скандализованная миссъ Джонсъ,—вы не должны говорить такихъ вещей—вы меня пугаете. Развѣ вы не знаете—не видите?

Набравшись храбрости, она неожиданно остановилась передъ большимъ объявленіемъ на столбѣ, въ золоченой рамкѣ:

«ВЕСТЪ-ЭНДИ. ОГРОМНЫЙ УСПѢХЪ! МИССЪ ВИВІЕНЪ ВИВИДЪ

выступитъ сегодня въ знаменитой музыкальной комедіи «*Мальчикъ и Бабочка*».

— Это я и есть—миссъ Вивіенъ Вивидъ. И я играю Мальчика,—смиренно пояснила она, — и о, Санди! я увѣрена, что вамъ это покажется ужаснымъ. На самомъ дѣлѣ, это не такъ, но *вы* можете Богъ знаетъ что подумать.

— Это мы увидимъ,—сказалъ Санди. И, чутьемъ угадывая, что опущенные глаза дѣвушки полны непролитыхъ слезъ, прибавилъ:—Вѣдь это у васъ таже развозка пакетовъ... Все это мы устроимъ современемъ иначе. Возьмите меня подъ руку, миссъ Джонсъ.

— А, если кто-нибудь изъ церковныхъ...

— Я вамъ говорю: возьмите меня подъ руку.

И дѣвушка съ благодарностью взяла его подъ руку, спрашивая себя мысленно: кто научилъ его, какъ обращаться съ женщинами—неужели тоже его мать?

VIII.

Санди—лирическій поэтъ.

— Да,—грустно продолжала миссъ Джонсъ,—я самая и есть эта Вивіенъ Вивидъ, и я не могу допустить, чтобы послѣ сегодняшняго утра—вы посмѣли...

— Почему же это я бы не посмѣлъ? Погодите, пока вы увидите меня въ рабочей курткѣ моего брата Джона и въ короткихъ кожаныхъ штанахъ, развозящимъ покупки. Можетъ быть, вы и разговаривать со мной не захотите, когда увидите меня въ рабочемъ платьѣ.

— Ну вотъ еще! Я пойду съ вами гулять въ паркъ и буду гордиться, что у меня такой кавалеръ.

— Такъ за что же вы меня-то обижаете? Завтра же я пойду въ вашъ кабакъ, смотрѣть васъ—слышите вы, миссъ Вивіенъ Вивидъ. Но что за странное имя вы себѣ избрали. По моему, и миссъ В. В. Джонсъ звучало бы отлично, а ужъ просто

«Ви-Ви», съ точки зрѣнія рекламы, затмило бы все прочее. Ежели, напримѣръ, подписать внизу такіе стихи:

«Who are you going to see, to see?
Who but the lovely lass, V. V.!
Who are you going to hear, to hear?
Who but V. V. my dear, my dear!
Erect as a lance and light in the dance,
Ye'll neser see the like in France, in France» [1]).

Миссъ Вивіенъ смотрѣла на Санди восхищенными глазами, изумляясь, какъ это у него все моментально дѣлается.

— Вы что же это—раньше сочинили—или когда? Экспромтомъ?

— Это такъ, бездѣлка,—скромно отвѣтилъ Санди.—Еслибъ сегодня не воскресеніе, я показалъ бы вамъ свои стихи.

— Такъ вы поэтъ?

— Ничуть не бывало. Я—развозчикъ пакетовъ. Съ поэзіей мы подождемъ до тѣхъ поръ, пока цѣны на нее повысятся для Санди.

— Слушайте,—по-дѣтски попросила дѣвушка: — скажите мнѣ еще что-нибудь.

Но Санди рѣшительно покачалъ головой.

— Я же вамъ говорю: сегодня воскресеніе. Мнѣ просто это пришло въ голову, какъ образчикъ того, что можно было бы вставить въ объявленіе. Смѣю васъ увѣрить: это было бы гораздо лучше вашей: «миссъ Вивіенъ Вивидъ».

— Можетъ быть, вы и правы,—вздохнула дѣвушка:— даже, навѣрно, правы. Но, еслибъ вы знали, какъ мнѣ трудно выговорить и это. Они прежде писали: «миссъ Вивіенна Вивидъ», и это на заборахъ имѣло такой ужасный видъ, что меня бросало въ жаръ и холодъ. Но, какъ вы вѣрно говорите: «Ви-Ви» было бы много лучше.

— Ну, разумѣется,—кивнулъ головой Санди.

— А пѣсни вы умѣете писать?—спросила она.

— Ну, можетъ быть, не такъ, какъ Бернсъ, но, даже когда издатели не платили за нихъ, дѣвушки любили распѣвать мои пѣсенки.

— Ахъ, вотъ какъ! Онѣ нравятся дѣвушкамъ. Какого сорта

---

[1]) Кого вы идете смотрѣть?—Кого же, какъ не милую дѣвочку Ви-Ви!—Кого вы идете слушать?—Кого же, голубчикъ, какъ не Ви-Ви!—Стройна, какъ копье, и въ пляскѣ легка, ничего подобнаго во Франціи вы не увидите.

дѣвушкамъ? — Въ голосѣ Джонсъ слышались какъ будто недовольныя нотки.

— А я почемъ знаю? Всякимъ. *Я не умѣлъ отличить одну дѣвушку отъ другой, пока не встрѣтилъ васъ...*

Миссъ Джонсъ онѣмѣла отъ этой дерзости. Но разсердиться не могла. Въ голосѣ Санди было что-то покоряющее. Ни одна женщина, рожденная отъ женщины, не могла долго сердиться на Санди. Когда онъ говорилъ, ему хотѣлось вѣрить, и Джонсъ вѣрила, какъ и другія, хотя чувствовала, что, съ ея опытомъ, ей слѣдовало бы быть осмотрительнѣе. Но, Санди, не подчеркивая своей побѣды, уже разсказывалъ ей о Фернилэндсѣ, о своей матери и о томъ, какъ онъ воровалъ молоко, не снимая сливокъ съ большихъ кувшиновъ въ прохладной молочной. Онъ вставлялъ съ краю соломинку и сосалъ. И мать не могла сообразить въ чемъ дѣло, видѣла только, что уровень молока въ кувшинахъ понизился на добрый вершокъ и, на всякій случай, взяла палку и отдула Санди—рѣшивъ, что на такія хитрости въ семьѣ некому было пуститься, кромѣ него. Миссъ Джонсъ возмутилась такой несправедливостью, но Санди поддерживалъ родительскій авторитетъ.

— Она поступила совершенно правильно. Уличить меня на этотъ разъ ей не удалось, но внутреннее чутье вѣрно ей подсказывало, кто виновникъ, и она не напрасно вѣрила своему чутью. Зато она спускала мнѣ такія вещи, гдѣ вина была ужъ на-лицо, напримѣръ, то, что я билъ баклуши. Потому что знала, что я научусь большему, лежа на брюхѣ у канавы и уткнувъ носъ въ Шекспира, чѣмъ въ школѣ въ жаркій день, когда я все равно ничего не дѣлалъ, и только подстраивалъ всякія штуки своимъ сосѣдямъ по скамьѣ.

Они превесело болтали весь этотъ день въ маленькомъ такъ называемомъ садикѣ, и бесѣдка, обвитая жиденькимъ хмелемъ, осталась въ памяти миссъ Джонсъ почти такимъ же радостнымъ воспоминаніемъ, какъ ея родныя горы и тихія воды Карнавона.

Странное дѣло!—Санди почему-то такъ живо напомнилъ миссъ Джонсъ ея дѣтство, что она невольно стала напѣвать шутливую пѣсенку, оканчивающуюся припѣвомъ: «Ахъ, Дженни Джонсъ такъ мила, такъ мила»! Поймала себя на этомъ и вдругъ, безъ всякихъ основаній къ тому, обругала себя дурой.

Около шести часовъ Санди снова отправился на Чатгэмъ-Родъ—узнать, не понадобится ли онъ еще разъ въ киркѣ, или же старѣйшины подыскали кого-либо, болѣе достойнаго званія проповѣдника, чѣмъ простой развозчикъ покупокъ. Но на этотъ

разъ ни за что не хотѣлъ взять съ собой миссъ Джонсъ, увѣряя, что «для непривычнаго человѣка одинъ разъ на день вполнѣ достаточно». И, несмотря на ея предложеніе сопутствовать ему, пошелъ одинъ. Но для развлеченія оставилъ сосѣдкѣ тетрадку стиховъ, рукописныхъ и вырѣзанныхъ изъ разныхъ журналовъ и газетъ.

Санди вернулся успокоенный. Правда, старѣйшины бесѣдовали съ странствующимъ баптистомъ-проповѣдникомъ, но такъ какъ правовѣрность его была подъ сомнѣніемъ, а отсутствіе у него гарантій внѣ всякихъ сомнѣній, то Санди снова проповѣдывалъ. Онъ далъ бы подзатыльника тому, кто сказалъ бы о немъ: «исполнялъ обязанности священника». Потому что «служба» нужна только филистерамъ-англичанамъ. А въ киркѣ нужна проповѣдь, и Санди сказалъ проповѣдь.

Миссъ Джонсъ въ бесѣдкѣ онъ ужъ не засталъ. Она ушла къ себѣ, а возлѣ теплички онъ нашелъ валявшуюся на землѣ свою тетрадку со стихами—очевидно, брошенную умышленно.

Санди поднялъ ее, заботливо отряхнулъ съ нея пыль и, сунувъ ее подъ мышку, отправился наверхъ, въ аппартаменты миссъ Джонсъ. Постучался въ дверь гостиной—разъ, другой, и третій...

Только по третьему разу сердитый голосъ отвѣтилъ: «Войдите». Она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ, прямая, чопорная. Даже не обернулась на звукъ его шаговъ.

— Ну что?—освѣдомился Санди, продолжая сдувать пыль со своихъ тщательно собранныхъ, хотя и не напечатанныхъ произведеній.—Плохенькіе стишки—правда?

— Когда вы смѣли... какъ вы посмѣли сказать мнѣ то, что вы сказали?!—воскликнула дѣвушка, неожиданно вскакивая съ мѣста.—Всѣ эти стихи написаны разнымъ дѣвицамъ. Кто онѣ?

— Это зависѣло отъ того, какую виньетку мнѣ присылали,—былъ спокойный отвѣтъ.—Если на картинкѣ была блондинка въ косахъ, я писалъ: «Маргаритѣ». А если жгучая брюнетка, я писалъ пылкіе стихи Джульеттѣ. Но все равно, и за блондинокъ, и за брюнетокъ, за Маргаритъ и за Джульеттъ бралъ одинаково—полсоверена.

Миссъ Джонсъ недовѣрчиво вглядывалась въ лицо Санди.—Вы хотите сказать, что всѣ эти красавицы, которыхъ вы воспѣвали въ стихахъ, были только воображаемыя?

— Ну, конечно. А то какъ же? Что же вы думаете, что, проходя заразъ три факультета и сдавая каждую недѣлю по экзамену, я имѣлъ еще время путаться съ дѣвчонками? Писалъ стихи къ картинкамъ, которыя мнѣ присылали—тутъ впору было римфы правильныя подобрать, а не то что...

— Простите. — Миссъ Джонсъ была очень смущена.—Надѣюсь, ваша книга не испорчена?

— Еслибъ наступили на нее ногой, мнѣ это было бы еще пріятнѣе.

Она вдругъ расхохоталась, показавъ свои бѣленькіе зубки.

— Я таки наступила.

IX.

Санди въ роли рыцаря Роланда, защитника обиженныхъ красавицъ.

На другой день Санди сдержалъ свое слово и отправился въ «Викъ» смотрѣть миссъ Джонсъ въ «Мальчикѣ и Бабочкѣ».

Миссъ Вивіенъ Вивидъ купила ему хорошее мѣсто въ партерѣ. Но Санди, не желавшій, чтобъ она сразу замѣтила его, предпочелъ отдать билетъ хозяйкѣ и пойти въ театръ на свой счетъ.

Этотъ понедѣльникъ былъ для него особенно труднымъ днемъ. Онъ разыскалъ всѣхъ шотландцевъ, съ которыми познакомился давеча въ киркѣ, долго и упорно торговался съ ними и выполнилъ множество порученій. Сразу у него привалило работы, что называется, по горло. Д-ръ Джирмори пригласилъ его четыре раза въ день заѣзжать въ его амбулаторію и развозить лѣкарства. Докторъ былъ врачъ стараго закала, новшествъ не терпѣлъ и самъ приготовлялъ свои лѣкарства. Онъ прежде и разносилъ ихъ самолично, въ карманахъ, которые дѣлалъ нарочито широкими и длинными; но быстро увеличивавшаяся практика и женитьба на молоденькой женщинѣ, находившей, что это «ниже его», заставили его съ удовольствіемъ прибѣгнуть къ услугамъ Санди.

Другимъ его кліентомъ былъ нѣкій Алекъ изъ Перта, агентъ по распространенію красильныхъ веществъ и всякаго рода способовъ чистки всевозможныхъ матерій, отъ тончайшаго кружева до грубаго брезента. Здѣсь Санди на большую поживу не разсчитывалъ (агентство было не изъ доходныхъ), но зато научился драпировать окна и убирать витрины, придавая имъ за грошъ заманчивый и яркій видъ. «Совсѣмъ, какъ рецензенты», думалъ Санди. Тѣ тоже изъ набора пустыхъ фразъ умѣютъ сдѣлать какъ будто что-то путное.

Но самымъ серьезнымъ и выгоднымъ кліентомъ Санди оказался не коммерсантъ, а просто обыватель, помѣшанный на томъ, что англичане—потомки Двѣнадцати Колѣнъ Израилевыхъ. Не зная, куда дѣвать деньги, доставшіяся ему по наслѣдству, онъ писалъ и издавалъ книги, роскошно иллюстрированныя, съ картами и цифровыми выкладками, убѣдительно и чрезвычайно логично доказывавшими, что постепенно, одно племя за другимъ, вторгалось въ Британію съ сѣвера, съ востока, съ юга—но никогда съ запада: это онъ подчеркивалъ. Ибо евреи, хоть и странствовали по всему свѣту, никогда не приходили съ запада.

— Вотъ вы, мой юный другъ, принадлежите къ племени Иссахара,—заявилъ онъ Санди.

— Ахъ вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ,—рѣшилъ про себя Санди—я, братъ, тебѣ набавлю цѣну до полутора шиллинга въ часъ. Не за тѣмъ я, Санди Прайдъ, кончалъ богословскій факультетъ, чтобы меня ругали за девять пенсовъ въ часъ.

И Санди надписывалъ конверты, заключавшіе въ себѣ удивительныя книжечки, «имѣвшія цѣлью пробудить Британію отъ ея глубокаго сна равнодушія и поставить ее на тропу ея высокихъ пророческихъ судебъ», и доставлялъ ихъ по адресамъ, черезъ недѣлю заѣзжая справляться, не желаютъ ли прочитавшіе брошюру подписаться на «Полное Иллюстрированное Откровеніе» (цѣна 12 шиллинговъ) Иссахара Бернарда Бернсайда (слѣдовалъ адресъ).

— Вамъ я довѣряю,—говорилъ м-ръ Бернсайдъ.—Вы человѣкъ надежный, хотя, подобно всѣмъ молодымъ людямъ съ университетскимъ образованіемъ, предубѣждены и незнакомы съ фактами. Вотъ вамъ книжечка для васъ самихъ. Прочтите ее внимательно, и, можетъ быть, современемъ вы сдѣлаетесь первымъ моимъ миссіонеромъ на нашей общей родинѣ.

— А пока, я буду развозить ваши книги. Боюсь только, что подписка на полное «Откровеніе» пойдетъ неважно.

— Увы, да, — вздохнулъ энтузіастъ. — До сихъ поръ мои расходы еще не окупились.

Санди вернулся домой усталый. А до спектакля еще предстояло вычистить велосипедъ, чтобы завтра утромъ уже не возиться.

Миссъ Джонсъ уже ушла въ театръ, но оставила ему записку:

«Пожалуйста, зайдите ко мнѣ въ уборную до девяти. Пройдите прямо на сцену. Я предупредила привратника. Не запаздывайте. В. В.».

Весь день Санди, одною половиной мозга сосредоточиваясь на пакетахъ, другую посвящалъ вопросу, какъ ему вечеромъ одѣться. У него была сюртучная пара, правда, стариннаго покроя, но вполнѣ приличная. Но для маленькаго театра Варьетэ на окраинѣ города, пожалуй, это черезчуръ строго. Онъ рѣшилъ устроить компромиссъ: взять брюки отъ сюртучной пары (съ тесьмою на боку, смягчающей строгость) и къ нимъ черный пиджакъ и жилетъ, сорочка съ отложнымъ воротничкомъ и вязаный шелковый галстухъ, спеціально для этого пріобрѣтенный.

Передъ тѣмъ, какъ одѣться, онъ принялъ ванну, наскоро перекусилъ чего-то—онъ самъ не зналъ, чего, и отправился въ театръ «Викторія».

Билетъ онъ взялъ «стоячій».

— Если вы малый ловкій, мѣста сколько угодно: свободныхъ стульевъ, разумѣется, не будетъ, такъ какъ сегодня выступаетъ миссъ Вивидъ: это наша звѣзда, и во всемъ театрѣ не будетъ свободнаго мѣстечка; спектакль идетъ съ аншлагомъ: «Всѣ билеты проданы».

Такъ говорилъ кассиръ, тономъ собственника по отношенію къ миссъ Вивидъ, чрезвычайно непріятнымъ Санди.

О театрахъ-варьетэ и мьюзикъ-холлахъ Санди имѣлъ очень смутное понятіе. Всѣ запреты и проповѣди, громившія такого рода развлеченія, скорѣе вызывали въ немъ интересъ и желаніе увидѣть запретныя мѣста, гдѣ такъ свѣтло и весело, но упорность, присущая каждому кальвинисту, всѣ эти годы удерживала его отъ искушенія заглянуть въ нихъ. А вотъ миссъ Джонсъ этимъ живетъ. И самъ онъ окунется въ эту жизнь. Что только изъ этого выйдетъ?

Никакого волненія и трепета Санди не испытывалъ и совершенно спокойно встрѣтилъ насмѣшливый взглядъ привратника, который былъ отвѣтомъ на его вопросъ о миссъ Вивидъ.

— Ужъ не желаете ли вы повидать ее? Проваливайте-ка по добру, по здорову. Много васъ тутъ такихъ ходитъ.—Привратникъ ожидалъ получить на чай, по крайней мѣрѣ, полсоверена и не получилъ ихъ—и потому былъ особенно грубъ съ молодымъ человѣкомъ, позволившимъ себѣ явиться въ театръ въ пиджакѣ — не возбуждай, молъ, напрасныхъ надеждъ. Но угроза, неожиданно засвѣтившаяся въ глазахъ Санди, въ движеніи его могучихъ плечъ и внезапно выдвинувшемся впередъ подбородкѣ, сразу заставила привратника перемѣнить свое обращеніе. Онъ вылѣзъ изъ рѣшетки, проклиная свою собачью должность, обязывающую его быть вѣжливымъ, тѣмъ болѣе, что

дюжій парень, состоявшій при театрикѣ въ должности выпибалы, опять заньянствовалъ.

— Извините, — хмуро выговорилъ онъ, — но тутъ мальчишки такъ шумятъ, и электрическій свѣтъ такъ слѣпитъ глаза, что я сразу не разглядѣлъ... кто вы такіе будете.

— Я пришелъ къ миссъ Вивидъ — она просила меня зайти,—сказалъ Санди, стоя въ дверяхъ и колоссальной фигурой своей загораживая проходъ.

— Войдите, пожалуйста, сюда, сэръ.—Онъ поднялъ деревянную палку, служившую барьеромъ, и ввелъ Санди въ швейцарскую.

— Миссъ Вивіенъ говорила, что къ ней придутъ—написала даже фамилію—куда это я дѣвалъ записку?—ахъ, вотъ она. Дайте взглянуть—я плохо вижу...

Санди подалъ ему визитную карточку.

— Ну да, конечно,—м-ръ Прайдъ—такъ, такъ—навѣрно, изъ газеты? Ну, конечно, она приметъ васъ. Слушай ты, чертенокъ (это относилось къ мальчику-разсыльному), если я еще разъ поймаю тебя на томъ, что ты пробуешь пиво м-ра Элькина, я на тебя пожалуюсь дирекціи. Бѣги сейчасъ же въ уборную миссъ Вивидъ и спроси ее, можетъ ли она принять вотъ этого господина.

Онъ отдалъ визитную карточку Санди мальчишкѣ съ кружкой пива, дѣйствительно, похожему на дьяволенка, и предложилъ Санди присѣсть. Но тотъ по прежнему стоялъ.

Въ швейцарской было еще трое молодыхъ людей, всѣ гладко выбритые и безукоризненно одѣтые. Всѣ они, видимо, были незнакомы другъ съ другомъ и всѣ сидѣли молча, устремивъ задумчивый взоръ на рѣшетку камина или же въ щели пола. Казалось, проказникъ-случай занесъ ихъ сюда помимо ихъ воли. Одинъ сидѣлъ возлѣ камина, нетопленнаго, полнаго золы и грязи, положивъ ноги на холодную рѣшетку. Лицо его носило выраженіе трагической скуки. Какъ только на лѣстницѣ слышались шаги, всѣ они, словно заводные, мигомъ поворачивали головы. Глаза ихъ загорались—и мгновенно гасли, какъ только они убѣждались, что это—не та, кого они ждутъ.

— Пожалуйте, сэръ,—сказалъ вернувшійся мальчишка.—Миссъ Вивіенъ просятъ васъ.

Санди пошелъ за нимъ, а швейцаръ за Санди, все еще не теряя надежды получить на чай.

— Везетъ вамъ, газетчикамъ! — Вы видите вонъ тѣхъ троихъ — онъ нагло ткнулъ пальцемъ черезъ плечо назадъ: —

Тоже, вѣдь, ея дожидаются. Цѣлый вечеръ, вѣдь, такъ будутъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, словно имъ усыпительныхъ капель дали—и еще платятъ хорошо за это удовольствіе. Ну, а вы, я вижу, не изъ тѣхъ, что платятъ.

— Нѣтъ, не изъ тѣхъ, — подтвердилъ Санди, продвигая свое большое тѣло въ узенькую дверь, ведущую въ тотъ чуждый ему міръ, гдѣ жила миссъ Джонсъ. Швейцаръ окончательно проникся къ нему уваженіемъ.

— Она красивенькая барышня,—началъ Теодоръ, въ свою очередь разсчитывавшій получить на чай,—общая любимица у насъ въ театрѣ.

— Слушай-ка ты, — сказалъ Санди. — Если ты еще разъ позволишь себѣ заговорить о миссъ Вивидъ такимъ тономъ, я разстегну твои штанишки и...—понимаешь?

Онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Извините, сэръ, вы изъ газеты?

— Да. А тебѣ что?

— О! ничего!—Вотъ и уборная миссъ Вивіенъ.

Санди былъ удивленъ и нѣсколько разочарованъ, найдя дверь уборной открытой настежь и самую уборную залитой свѣтомъ.

— Можно войти?—спросилъ онъ, такъ оглянувшись черезъ плечо на неизвѣстно чего дожидавшагося Теодора, что этотъ юный джентльменъ кубаремъ скатился съ лѣстницы и возвѣстилъ внизу, что у миссъ Вивидъ завелся покровитель—нѣтъ, не покровитель, а дружокъ, изъ газетчиковъ—такой, что съ нимъ не шути—спуску не дастъ.

— Это вы, Санди?—спросилъ голосъ невидимой дѣвушки.— Подождите минутку.

На дальнемъ концѣ уборной (если только могъ быть дальній конецъ въ этой крохотной комнаткѣ) изъ-за ширмы высунулась рука, сдѣлавшая ему привѣтственный жестъ.

Санди оглядѣлъ уборную—большое зеркало, безъ рамы, на стѣнахъ фотографіи товарокъ, съ надписями, на столѣ ящикъ съ красками—назначеніе ихъ Санди смутно угадывалъ—нѣсколько стульевъ, полочка съ книгами—въ томъ числѣ двѣ его собственныхъ, тщательно обвернутыхъ въ коричневую бумагу, чтобъ оберечь ихъ отъ пыли и жира.

Изъ-за ширмы вышелъ стройный юноша, въ изящной шапочкѣ съ пером, въ черномъ костюмѣ съ алымъ поясомъ и такими же алыми нашивками.

Санди сразу не сообразилъ даже, что передъ нимъ сама миссъ Джонсъ.

— Я отказалась отъ блестокъ,—пояснила она,—ради васъ. Это самое приличное, что они могли мнѣ дать, не портя пьесы. И то едва отвоевала. И костюмъ пришлось сдѣлать на свой счетъ—какъ вамъ это нравится?

— Зато—вы въ немъ... шикарная. — Не находя нужнаго слова, Санди невольно употребилъ излюбленный эдинбургскій терминъ.—Страшно шикарная...

X.

Санди—усмиритель.

— Садитесь, Санди, — сказала дѣвушка, отдавая себя въ распоряженіе вышедшей вслѣдъ за нею строгой дамы въ черномъ, съ виду сердитой, и съ корсажемъ, утыканнымъ булавками. Дама эта явно была равнодушна ко всему, кромѣ костюма Вивидъ, и все время поправляла и прикалывала. Санди съ изумленіемъ разглядывалъ ее. Миссъ Джонсъ улыбнулась.

— Это моя камеристка, Элиза—она говоритъ только по-французски.

— Часъ отъ часу не легче,—подумалъ Санди, но тутъ же выругалъ себя дуракомъ:—Не все ли равно?—лучше миссъ Джонсъ онъ не встрѣтитъ дѣвушки.

— Ну, садитесь же, — сказала она: — Времени у насъ немного, но я хотѣла, чтобъ вы увидали меня здѣсь, прежде чѣмъ увидите на сценѣ. Теперь я буду дѣлать нѣчто такое, что вамъ не понравится, но—иначе невозможно.

Она усѣлась передъ зеркаломъ и стала подводить глаза.

— Съ нашимъ освѣщеніемъ это необходимо. Здѣсь, вѣдь, рампа страшно яркая, не то, что въ обыкновенныхъ театрахъ.

На глазахъ Санди она «дѣлала свое лицо». Для него она всегда была образцомъ непорочности и чистоты. Каждое утро онъ самъ приготовлялъ ей ванну, и это было его радостью. Измѣрялъ температуру воды, слѣдилъ за чистотою губки, за тѣмъ, чтобъ полотенца были сухія и нагрѣтыя. Потомъ подходилъ къ двери и говорилъ спокойно, но властно:—Пожалуйте, миссъ,—ванна для васъ готова.

— Спасибо, Санди,—отвѣчалъ юный голосъ, иной разъ заспанный, иной разъ звонкій, какъ колокольчикъ. И Санди

скрывался въ свою комнату, продолжая, впрочемъ, слѣдить за лѣсенкой, ведущей въ ванну, — какъ бы какой-нибудь коммивояжеръ не присвоилъ себѣ ванны, приготовленной для нея.

И теперь Санди казалось святотатствомъ пачкать гримомъ эту кожу, для которой онъ такъ заботливо приготовлялъ омовеніе сегодня утромъ, тратя на это цѣлыхъ полчаса своего драгоцѣннаго времени. Но, разъ это необходимо... Онъ ничего не говорилъ, только слѣдилъ за искусными пальчиками, которые проворно втирали кремъ, накладывали румяна, подводили кисточкою брови.

— Сегодня что-то какъ будто очень шумно въ залѣ, — сказала Вивидъ Элизѣ по-французски. При звукѣ чужого языка Санди вздрогнулъ, но все же понялъ и, прежде чѣмъ каменная женщина успѣла отвѣтить, отвѣтилъ за нее:

— Гринвичскія скачки. Всю эту недѣлю у васъ здѣсь будетъ много темныхъ личностей.

— Надѣюсь, они будутъ вести себя смирно во время «Мальчика и Бабочки»,—сказала Вивидъ съ легкой дрожью въ голосѣ.—Я помню разъ...

— Разъ я здѣсь, можете быть спокойны—никакихъ скандаловъ не будетъ.

Однако, изъ залы доносился шумъ: свистки и топотъ ногъ.

— Вамъ пора уходить,—сказала Вивидъ.—Но послѣ спектакля вы подождите меня—у входа для актеровъ—на улицѣ—мы вернемся вмѣстѣ.

Санди удалился и, обойдя кругомъ, вошелъ съ улицы. Навстрѣчу ему хлынула толпа веселой, шумной молодежи, едва не сбившая его съ ногъ. Однакожъ, усердно работая локтями, онъ протиснулся въ залу. «Стоячихъ» мѣстъ тамъ, дѣйствительно, было сколько угодно, и Санди помѣстился удобно за колонной, невдалекѣ отъ входа.

Занавѣсъ только что взвился надъ «Мальчикомъ и Бабочкой», когда живой потокъ, встрѣченный Санди, отхлынувшій было, хлынулъ обратно въ залу. Респектабельная публика, сидѣвшая въ ложахъ и партерѣ, недовольно переглядывалась. Вошедшіе громко болтали между собою, заглушая голоса на сценѣ.

— Тссъ, тссъ! — тише вы тамъ! — крикнулъ пожилой джентльменъ, явно холерическаго темперамента.

— Сами вы тише, а то мы вамъ такъ портретъ распишемъ!—грозно прикрикнулъ на него юноша съ птичьимъ но-

сомъ и на журавлиныхъ ногахъ, тряхнувъ огромнымъ кулакомъ передъ самымъ носомъ пожилого джентльмена.

— Желаете попробовать вотъ этого. Послѣдній, кого я смазалъ, когда онъ вздумалъ было затормозить меня, еще и по сейчасъ лежитъ въ больницѣ.

Пожилой джентльменъ, весь багровый отъ негодованія, поднялся на ноги.

— Я состою на службѣ Ея Величества...

— Тссъ! Заткни глотку. Вотъ малютка Вивви. Ура, Вивви!— Молодой человѣкъ шумно апплодировалъ.

Вивидъ на сценѣ была такая хорошенькая въ своемъ черномъ съ краснымъ костюмѣ — настоящій мальчикъ, тоненькій, стройный...

— У Вивви новый костюмъ!— крикнулъ задорный юноша.— Кто тебѣ купилъ этотъ костюмъ, малютка?

Одинъ изъ служащихъ въ театрѣ, запыхавшись, весь потный, пробирался къ буяну.

— Уходите. Если вы не можете вести себя прилично, убирайтесь вонъ изъ залы,— а не то васъ выведутъ.

— Кто жъ это меня посмѣетъ вывести? А ну-ка покажите мнѣ его — фыркнулъ юноша.— Ужъ не ты ли? Гдѣ тебѣ, жалкій ты сальный пузырь!

— Гдѣ Бенъ?—кричалъ служащій. — Вотъ мы покажемъ, какъ кричать здѣсь.

— Хоть десять Беновъ —насъ тутъ много — какъ я тебѣ наставлю фонарей—я на это мастакъ.

Капельдинеръ шепнулъ что-то на ухо служащему.

— А, чортъ!.. Ну, разумѣется. Какъ разъ, когда онъ нуженъ. Завтра же я его разсчитаю.

Онъ поспѣшилъ ретироваться, а буянъ продолжалъ отпускать шуточки по адресу актеровъ и актрисъ, обращаясь главнымъ образомъ къ Вивидъ. Теперь, когда членъ дирекціи удалился, онъ былъ увѣренъ въ своей безопасности, такъ какъ Викторія полиціи не приглашала и обходилась въ случаѣ скандала своими средствами, держа для этого спеціальнаго вышибалу. Фигурировать въ полицейскихъ отчетахъ невыгодно для мьюзикъ-холла.

Но въ этотъ вечеръ вышибала запьянствовалъ, у капельдинеровъ было достаточно своего дѣла, и зрительный залъ былъ во власти буяна и его товарищей.

Публика въ ложахъ и партерѣ пугливо ерзала на своихъ мѣстахъ: дамы испуганно оглядывались.

Вивидъ только что кончила свою любимую пѣсенку о солнечномъ закатѣ, когда неунимающійся юноша крикнулъ ей черезъ весь залъ:

— Молодецъ, Вивви! Ты помнишь меня? Желаешь ужинать сегодня? Устрицы и портеръ, какъ прошлый разъ. Не говори: нѣтъ, Вивви, душка. Сегодня вечеромъ, въ одиннадцать. А, Вивви? Мужчины въ креслахъ негодующе шикали на него, но онъ только нахально скалилъ зубы и показывалъ свои кулачищи всѣмъ желающимъ отвѣдать ихъ. Неожиданно его кто-то схватилъ сзади за шиворотъ. И стукнулъ головой о стѣну—разъ, другой, и третій.

Одинъ изъ товарищей бросился ему на выручку, но у Санди еще оставались въ запасѣ свободная рука и колѣно, и мигъ спустя оба крикуна уже мчались «форсированнымъ маршемъ» по узкому коридору, а Санди бѣжалъ за ними, добросовѣстно стукая обоихъ головами объ стѣну. Юношѣ съ птичьей физіономіей пришлось хуже другого, такъ какъ его стѣна была наружная.

Въ заключеніе они были вышвырнуты на улицу, совершенно обалдѣлые и, когда оправившись, попытались было снова ворваться въ залу, дверь оказалась запертой.

Режиссеръ вызвалъ къ себѣ Санди.—Надѣвайте скорѣе эту форму,—иначе васъ, чего добраго, укокошатъ. Притомъ же, если вы возьметесь исполнять обязанности вышибалы вообще, это каждый вечеръ—соверенъ въ карманѣ.

— А работа какъ—постоянная? И, значитъ, только вечеромъ?—День у меня свободенъ?

— Конечно. На утреннихъ спектакляхъ вы намъ не нужны—только по вечерамъ—вотъ въ такіе дни. Ну, одѣвайтесь-же—живѣе. Времени терять нельзя.

Такимъ образомъ Санди, за изрядную плату, по золотому въ вечеръ, взялъ на себя обязанности блюстителя порядка въ театрѣ Варьетэ Викторія, въ Кентамъ-Вэлѣ.

Онъ такъ и пошелъ встрѣчать миссъ Джонсъ, въ мундирѣ, синемъ съ золотыми галунами. Ничего необычайнаго онъ въ томъ не видѣлъ.

— А я здѣсь поступилъ на должность,—объяснилъ онъ.—Мое собственное платье вотъ въ этомъ саквояжѣ. Я провожу васъ домой по долгу службы. Режиссеръ приказалъ взять извощика. Вотъ онъ, дожидается.

— Санди!—вскричала скандализованная миссъ Джонсъ.—А въ воскресеніе вы проповѣдывали въ церкви.

— Ну такъ что же? Я и здѣсь являюсь въ роли успокоителя—тутъ никакого грѣха нѣтъ. Почитайте-ка Евангеліе. Если эти буяны, которыхъ я выставилъ изъ залы, придутъ въ кирку, я буду проповѣдывать имъ Слово Божіе. Ну, а если они опять здѣсь учинятъ скандалъ—не прогнѣвайтесь: я вздую ихъ на совѣсть.

Миссъ Джонсъ ничего не отвѣтила. Но она знала жизнь лучше Санди и знала, что совмѣстить такія двѣ «службы» невозможно.

У Санди, наоборотъ, на душѣ никакихъ сомнѣній не было. Это такой же честный трудъ, какъ и проповѣдывать. Онъ только изгоняетъ злыхъ и, чѣмъ больше пьяницъ онъ вышвырнетъ на улицу, на свѣжій воздухъ, откуда имъ легче попасть домой, тѣмъ больше услугъ окажетъ обществу и нравственности.

Миссъ Джонсъ, конечно, не могла опровергнуть доводовъ президента Логоматическаго Общества, но у нея были свои сомнѣнія. Тѣмъ временемъ вѣсть о мужествѣ Санди и объ его готовности вздуть обидчика уже разнеслась по театру, и не одна дѣвушка вздыхала, дѣлая ему глазки. Его даже показывали гастролирующимъ «звѣздамъ». И столько было желающихъ видѣть его, и столько визитныхъ карточекъ ему передавалось, что, въ концѣ концовъ, директоръ театра запретилъ пускать къ нему посѣтительницъ.

Въ Викторіи Санди очень дорожили, въ особенности послѣ того, какъ уволенный прежній вышибала, Бенъ Мирсъ, вздумалъ было подраться съ нимъ на улицѣ, потерпѣлъ жестокое пораженіе, послѣ котораго ему пришлось лѣчиться и, по выздоровленіи—по совѣту Санди же—былъ водворенъ на хорахъ, въ качествѣ дополнительнаго блюстителя порядка. Теперь уже самъ Бенъ Мирсъ открыто заявлялъ, что кто посмѣетъ тронуть Санди, будетъ имѣть дѣло съ нимъ. И теперь онъ, какъ говорится, дѣлалъ въ «Викѣ» «дождь и хорошую погоду.».

Но однажды въ воскресеніе, передъ обѣдней, Санди пригласили на собраніе старѣйшинъ и діаконовъ. И онъ сразу понялъ, что случилось то, чего такъ опасалась миссъ Джонсъ.

Главный акціонеръ «Викторіи» былъ налицо и еще чопорнѣе, чѣмъ всегда; рубашка его была накрахмалена туже обыкновеннаго, жилетъ безукоризнѣйшей бѣлизны, въ цилиндръ можно было глядѣться, какъ въ зеркало. Но началъ разговоръ не онъ, а фабрикантъ автомобилей, заявившій Санди, что имъ, при всемъ желаніи, невозможно долѣе пользоваться его услугами.

— Почему же?—освѣдомился Санди, ждавшій этого.—Вы недовольны содержаніемъ моихъ проповѣдей?

— Напротивъ,—былъ отвѣтъ,—вашими проповѣдями всѣ довольны. Къ намъ даже больше народу стало ходить и сборы обильнѣе, чѣмъ были ранѣе. То и другое мы приписываемъ вамъ.

— Въ особенности, послѣднее,—добавилъ казначей, сокрушавшійся о предстоящемъ, въ виду связаннаго съ нимъ уменьшенія доходовъ.

— Но, — продолжалъ фабрикантъ автомобилей, м-ръ Шильдхилль,—до нашего свѣдѣнія дошло, что вы посѣщаете ежедневно мьюзикъ-холлъ и даже сами исполняете въ немъ обязанности «вышибалы». Вы сами понимаете, оставить это безъ вниманія или смотрѣть сквозь пальцы мы не можемъ.

— Въ нашей конгрегаціи есть нѣсколько молодыхъ полисменовъ,—нимало не смутившись, логически возразилъ Санди.—Что же ихъ всѣхъ исключить изъ общины и лишить благодати за то только, что они дѣлаютъ то же самое, что дѣлаю я—поддерживаютъ порядокъ и спокойствіе—и въ такихъ же точно мѣстахъ? Вы думаете, я сталъ бы ходить туда ради собственнаго удовольствія?

— Это не одно и то же, м-ръ Прайдъ. Вы учились логикѣ и должны признать это. Мы пригласили васъ проповѣдывать по воскресеніямъ въ нашей церкви, предполагая, что въ теченіе недѣли вы будете вести себя такъ, чтобы не подавать нашимъ врагамъ никакихъ поводовъ придираться къ вамъ, или къ намъ.

— Я вѣдь вамъ говорилъ,—что въ теченіе недѣли я развожу покупки. Здѣсь имѣется нѣсколько моихъ кліентовъ—пусть скажутъ, добросовѣстно ли я исполняю порученія.

— О, безусловно — безусловно!—послышалось нѣсколько голосовъ заразъ.

— Да, но это опять-таки другое дѣло,—перебилъ господинъ въ бѣломъ жилетѣ, чувствовавшій, что собраніе черезчуръ симпатизируетъ Санди.—Мнѣ достовѣрно извѣстно, что м-ръ,—что этотъ человѣкъ каждый вечеръ провожаетъ домой изъ театра «Викторія» молодую женщину, которая тамъ служитъ—пѣвицу и танцовщицу—по имени, если не ошибаюсь...

— Сегодня День Господень,—сдержанно возразилъ Санди—и я чту его. Но, если жизнь вамъ дорога — кромѣ васъ, она никому дорога быть не можетъ — совѣтую вамъ быть осторожнѣе въ выраженіяхъ, когда вы говорите объ этой молодой леди.

Тутъ вмѣшался м-ръ Шильдхилль, спокойный и выдержанный, какъ и Санди.

— Мы не судимъ вашего образа жизни, м-ръ Прайдъ. Я думаю—я даже знаю, что вы славный юноша, честно работающій, чтобы пробить себѣ дорогу въ этомъ Вавилонѣ. Но, поймите же, есть вещи, которыхъ совмѣстить нельзя. Если вы сейчасъ еще этого не можете понять—поживете съ мое—поймете. Мы всѣ здѣсь искренно расположены къ вамъ, м-ръ Прайдъ, и, что касается дѣловыхъ нашихъ отношеній, я увѣренъ, что это нимало ихъ не измѣнитъ—по крайней мѣрѣ, я лично остаюсь вашимъ кліентомъ.

Онъ протянулъ руку, которую Санди отъ души пожалъ. А Санди, сказавъ: «Прощайте, господа. Всего хорошаго» вернулся въ церковь и спокойно усѣлся возлѣ миссъ Джонсъ, въ качествѣ просто члена конгрегаціи, оставивъ старѣйшинъ и діаконовъ въ сомнѣніи, правильно ли они поступили.

— Я вамъ потомъ скажу,—шепнулъ онъ ей.—Передайте дальше эту книгу псалмовъ.

Санди не былъ огорченъ, такъ какъ онъ не чувствовалъ за собой вины. Когда онъ зналъ, что поступилъ, какъ слѣдуетъ, чужія мнѣнія мало его интересовали.

Старѣйшины по очереди читали отрывки изъ Священнаго Писанія. Затѣмъ м-ръ Шильдхилль сказалъ «нѣсколько словъ» объ апостолѣ Павлѣ, основателѣ и первомъ наставникѣ церкви. Прихожане украдкой поглядывали на Санди, но онъ, непроницаемый, какъ сфинксъ, не отрывалъ глазъ отъ лица оратора. Когда всѣпѣли, и они съ миссъ Джонсъ тоже пѣли, причемъ Санди такъ громко, что ей приходилось дергать его за рукавъ. Благоговѣйно склонивъ голову, онъ подошелъ подъ благословеніе, и вышелъ изъ церкви рядомъ съ миссъ Джонсъ, высоко неся голову, съ лицомъ невозмутимо яснымъ и спокойнымъ.

Церковный Совѣтъ, можетъ быть, и правъ, съ своей точки зрѣнія, но, вѣдь, и онъ, Санди, также правъ.

XI.

Финалъ.

На слѣдующій день, въ понедѣльникъ утромъ, Санди поднялся чуть свѣтъ и тотчасъ же взялся за работу. Ему надо было повидать м-ра Шильдхилля. Его предпріятіе—развозка па-

кетовъ—такъ быстро разросталось, что оказывалось необходимымъ взять себѣ помощниковъ и завести центральную контору.

Онъ зналъ, что м-ръ Шильдхилль недавно только перевелъ свой магазинъ автомобилей изъ угловой лавки, выходившей окнами на Тентерденъ Хилль. Окна въ ней были заложены огромными безобразными досками съ надписями на нихъ: «*Нанимается*». Уже по этимъ надписямъ Санди зналъ, что помѣщеніе пока еще въ шотландскихъ рукахъ—по всей вѣроятности, въ рукахъ самого м-ра Шильдхилля. Англичанинъ написалъ бы иначе: «*Отдается внаймы*».

Ни единая тѣнь вчерашнихъ огорченій не омрачала бѣлой утренней страницы въ жизни Санди и его дѣловыхъ бесѣдъ. Вначалѣ м-ръ Шильдхилль боялся, что Санди пришелъ ходатайствовать объ отмѣнѣ приговора. Но скоро успокоился. Санди даже не упоминалъ о вчерашнемъ.

— М-ръ Шильдхилль,—началъ Санди,—мнѣ думается, что вы считаете меня честнымъ человѣкомъ. И вы не ошибаетесь, но и честнѣйшій человѣкъ можетъ иной разъ ошибиться въ своихъ разсчетахъ. Не сдадите ли вы мнѣ внаймы вашъ магазинъ, что на верхнемъ углу Тентерденъ-хилля? Я буду платить помѣсячно, или понедѣльно, какъ желаете. Но гарантій никакихъ представить не могу.

— У васъ, вѣдь, если не ошибаюсь, есть семья на сѣверѣ, м-ръ Прайдъ? Мнѣ говорили, что отецъ нашъ—фермеръ въ Фернилэндсѣ—и человѣкъ со средствами.

— Да, но когда вы начинали сами, развѣ вы обращались къ вашимъ близкимъ съ просьбой—ручаться за васъ, въ дѣлахъ, въ которыхъ они ничего не смыслятъ?

М-ръ Шильдхилль улыбнулся своимъ воспоминаніямъ.

— Н-нѣтъ—не припомню.

— Конечно, нѣтъ. Свои обязательства вы брали на себя—и въ видѣ ручательства показывали только свои десять пальцевъ—то же самое, что и я могу представить вамъ.

— Можно узнать, каковъ вашъ оборотный капиталъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Лондонѣ, я скопилъ полтораста фунтовъ. Изъ этихъ денегъ я расплатился съ отцомъ и съ братомъ Джономъ, но я не скажу, чтобъ это былъ весь мой капиталъ. Если я захочу, мнѣ дадутъ и больше. Мнѣ уже предлагали.

М-ръ Шильдхилль задумчиво пощипывалъ свой толстый, бритый, синеватый подбородокъ и пристально вглядывался въ лицо Санди.

— Вы ничего не имѣете противъ того, чтобъ сообщить мнѣ, откуда вы можете получить еще деньги на ваше дѣло?

Санди колебался, и глаза его блестѣли какъ-то подозрительно.

— Я живу въ Лондонѣ уже давно,—пояснилъ м-ръ Шильдхилль,—и, думается мнѣ, могъ бы посовѣтовать вамъ.—Онъ хотѣлъ сказать: «помочь», но во время спохватился, сообразивъ, что такіе люди, какъ Санди, не очень-то охотно принимаютъ непрошенную помощь.

— Одна...дама,—рѣшился, наконецъ, отвѣтить Санди.—Ее зовутъ миссъ Джонсъ, но имя тутъ ея ни при чемъ, и оно должно остаться между нами.

— А!—М-ръ Шильдхилль задумчиво перевелъ свой взоръ съ башмаковъ Санди на потолокъ.—Почему вы не женитесь на ней?

Санди вскочилъ съ мѣста. Онъ былъ ошеломленъ. Въ первый разъ въ жизни онъ не сразу нашелъ слова.

— Эта дама — настоящая леди. Она и богаче, и моложе меня. Она не захочетъ и глядѣть на такого бѣдняка, какъ я.

Глаза м-ра Шильдхилля продолжали разсѣянно бродить по потолку.

— Молодыя женщины, готовыя ссудить молодымъ людямъ деньги, обыкновенно не прочь и выйти за нихъ замужъ.—Онъ говорилъ съ спокойствіемъ опытнаго человѣка, знающаго жизнь.

— О! Но я самъ не думаю о женитьбѣ.

— Тѣмъ хуже для васъ. Какъ же вамъ не стыдно?—вдругъ разсердился м-ръ Шильдхилль.—Васъ всѣ видятъ вмѣстѣ. Она даже въ церковь ходитъ вмѣстѣ съ вами.

— Но, вѣдь, это потому, что я доказалъ ей превосходство пресвитеріанскаго ученія,—былъ неожиданный отвѣтъ.

— Такъ вотъ почему она каждое воскресеніе бываетъ въ церкви вмѣстѣ съ вами. Дѣйствительно, это неожиданное обращеніе, если вѣрить м-ру Стоуэллю.

Брови Санди сдвинулись, и между ними залегла вертикальная складка. Нижняя челюсть выдвинулась впередъ, и, когда онъ заговорилъ, въ его внезапно охрипшемъ голосѣ звучала угроза.

— Скажите вашему м-ру Стоуэллю, что въ первый же разъ, какъ онъ осмѣлится сказать хоть слово противъ... дамы, о которой мы только что говорили, подъ его бѣлоснѣжнымъ жилетомъ останется только то, что остается на дорогѣ, когда вы наступите ногой на жабу.

— Отлично,—сказалъ м-ръ Шильдхилль,—но—да какъ же вы не понимаете, что именно поэтому вамъ и слѣдуетъ на ней жениться? Это лучшій способъ заткнуть ротъ вотъ этакимъ скотамъ.

— Она не захочетъ и смотрѣть на меня,—увѣрялъ Санди.—Да я самъ счелъ бы ее дурой, еслибъ она захотѣла.

— Женщина, вообще, дѣлаетъ глупость, выходя замужъ, за кого бы то ни было. Не большая сласть жить съ нашимъ братомъ. Но, все же, вы можете постараться устроить такъ, чтобъ она не очень жалѣла о сдѣланной ею глупости. Со мною лично было то же, и я стараюсь...

— Спасибо,—сказалъ Санди,—я подумаю.

— Подумайте. А что касается до помѣщенія, то берите его на здоровье. Если два фунта въ недѣлю не дорого для васъ, я согласенъ. Хотите, заключимъ контрактъ, но лучше мѣсяца три попробуйте, не связывая себя — посмотрите, какъ у васъ пойдетъ дѣло.

Санди пожалъ ему руку и направился къ двери, но м-ръ Шильдхилль еще разъ окликнулъ его.

— Подумали ли вы о томъ, что это недобросовѣстно и по отношенію къ дѣвушкѣ?

— Э!—что такое?—изумился Санди.

— Вчера я говорилъ, какъ сановникъ церкви. Сейчасъ я говорю, какъ свѣтскій человѣкъ. Я навелъ справки, молодая леди оказалась особой, достойной всяческаго уваженія.

— Чортъ бы васъ побралъ! Конечно, да,—воскликнулъ Санди, въ противность своему обыкновенію: никогда не ругаться.—Я съ самаго начала это зналъ. Мнѣ не нужны ваши дурацкія свидѣтельства.

— Не нужны? Это хорошо. Это мнѣ нравится. Но въ Лондонѣ мы мало что принимаемъ на вѣру. Однако, въ данномъ случаѣ, вы не ошиблись. Долженъ сознаться, что вы не ошиблись.

— Еще бы! Послушайте, милостивый государь,—если вы начнетете вынюхивать и подсматривать за миссъ Джонсъ, я, Александръ Прайдъ, приду сюда, съ вашего разрѣшенія, или безъ оного, и разобью вамъ голову.

— Не придется,—усмѣхнулся м-ръ Шильдхилль.—Я всецѣло на сторонѣ этой молодой леди. Я только хочу, чтобы *вы* исполнили свой долгъ по отношенію къ ней, и поскорѣе.

Санди осмотрѣлъ помѣщеніе и убѣдился, что здѣсь можно поставить дѣло на широкую ногу. Онъ выпишетъ брата Джона,

толковаго, молчаливаго, зоркаго хозяина, и поручитъ весь надзоръ ему. Вначалѣ, по всей вѣроятности, придется развозить на лошадяхъ, хотя душа его жаждала болѣе быстрыхъ способовъ передвиженія—мотора. Онъ всесторонне обдумывалъ свой планъ, но нѣтъ-нѣтъ, да и вспоминалъ совѣтъ Шильдхилля. Правда, онъ ни разу не спросилъ миссъ Джонсъ... Но, вѣдь, онъ еще не сталъ на ноги—какъ же можетъ онъ жениться? Не станетъ же онъ, Санди Прайдъ, жить на счетъ своей жены.

И, тѣмъ не менѣе, слова ясноглазаго компатріота уязвили его въ самое сердце. «Это недобросовѣстно по отношенію къ дѣвушкѣ». Неужели это правда? Онъ вдругъ весь облился горячей краской, а на лбу у него выступилъ холодный потъ, — совсѣмъ какъ въ тотъ день, когда ему сказали, что онъ получилъ дипломъ баккалавра съ похвальнымъ отзывомъ — никогда въ жизни онъ не былъ такъ взволнованъ.

У себя дома, на столѣ, Санди нашелъ письмо изъ дому, очевидно, нарочно подсунутое Судьбой въ такой моментъ, когда у него и безъ того было тяжко на душѣ отъ этой фразы м-ра Шильдхилля. Судьба, вѣдь, любитъ уязвить въ больное мѣсто и подставить ножку какъ разъ тогда, когда мы и такъ не чувствуемъ твердой почвы подъ ногами.

Письмо было отъ матери, и Санди искренно обрадовался ему. Отъ конверта такъ славно пахло засушеннымъ жасминомъ. Онъ зналъ, гдѣ его держитъ мать—внутри кожанаго переплета фамильной Библіи—тамъ же, гдѣ и почтовую бумагу.

Однако, содержаніе письма было далеко не успокоительно.

«Мой милый сынъ, — писала мать, — пишу тебѣ, чтобы сказать, что мы всѣ здоровы тѣломъ, но духомъ очень смущены, по крайней мѣрѣ, твой отецъ и я, потому что Джонъ ничего не говоритъ, а когда онъ не говоритъ, и прочіе не смѣютъ.

«Очень огорчительныя вѣсти о тебѣ пришли сюда къ намъ, сынъ мой. Старшая миссъ Сайксъ писала теткѣ, миссъ Глендиннингъ, въ замокъ, и та вчерашній день принесла намъ прочесть письмо. Она говорила, что тебя назначили пасторомъ въ хорошую кирку, и ты отлично проповѣдовалъ, пока не связался съ какой-то дѣвченкой изъ театра. И за это съ тебя сложили санъ.—О, Санди! скажи мнѣ, что это неправда. Но я боюсь—боюсь, что правда. Потому ей сказывалъ одинъ изъ старѣйшинъ кирки — м-ръ Стоуэлль, или Стюиль — что-то въ этомъ родѣ. Ты, навѣрно, знаешь его.

«И вотъ миссъ Элиноръ (хотя я понять не могу: ей-то какое до этого дѣло) написала намъ по добротѣ, чтобы пре-

дупредить насъ—не можемъ ли мы вырвать тебя изъ когтей этой женщины. Охъ, Санди, какъ мнѣ страшно за тебя!—я помню, какъ твой дѣдъ спутался такъ разъ съ дѣвченкой, которая плясала на проволокѣ въ балаганѣ. И, еслибъ моя мать не вздула его, какъ слѣдуетъ, ухватомъ, онъ бы, навѣрное, ушелъ изъ дому и скитался бы вслѣдъ за скоморохами, словно бездомный песъ какой, прости Господи. Я всегда находила, что ты удался въ него. Красивый былъ мужчина.

«У тебя тамъ, на чужой сторонѣ, нѣту никого, сыночекъ, кто бы могъ тебѣ посовѣтовать, такъ ужъ ты не разсердись—прими отъ матери совѣтъ. Еслибъ ты женился на подходящей дѣвушкѣ и доброй пресвитеріанкѣ, твоя старуха-мать только радовалась бы, глядя на васъ. Но миссъ Глендиннингъ говоритъ, что ты даже не женатъ на ней, такъ живешь... О, Санди, Санди!—я тебя выпянчила на своихъ рукахъ, выкормила своей грудью—я могу только молиться за тебя Господу, чтобъ Онъ помиловалъ тебя, сыночекъ ты мой бѣдный.

«Не сокрушай ты моего сердца, милый, дорогой мой Санди. Что бы ты ни дѣлалъ—помни о твоей бѣдной старой матери...»

Съ минуту Санди стоялъ блѣдный, хмурый; изумленіе и злоба волновали его душу. Наконецъ, оно вырвалось наружу безпорядочными восклицаніями:

— Бѣдная мамка!—Чего лѣзетъ эта старая дура?—Сидѣла бы себѣ въ своемъ замкѣ.—Что за подлая дѣвченка! Ей то какое дѣло? А этотъ Стоуэлль — ну погоди же ты у меня, старый лицемѣръ—попадись ты мнѣ въ руки!..

Гнѣвъ душилъ его. Схвативъ перо, онъ прежде всего написалъ отвѣтъ матери. Но, написавъ четыре строчки, разорвалъ листокъ. Нѣтъ, въ такомъ состояніи писать нельзя. *Не такъ* долженъ писать сынъ матери—по крайней мѣрѣ, *такой* матери. Онъ убѣжалъ изъ дому и долго бродилъ по улицамъ, придумывая подходящія выраженія для отвѣта на письмо и тотчасъ же отбрасывая ихъ. Наконецъ, вернулся домой. Дома его ждала телеграмма.

«Согласны ли взять четыреста впередъ и 20% чистой прибыли за вашу книгу «Сѣдѣющее золото». Подъ условіемъ отдать намъ и слѣдующій вашъ романъ. Братья Бунгэй, Патерностеръ-Роу, отвѣтъ уплоченъ».

Прежде чѣмъ послать отвѣтъ, хотя телеграмма была спѣш-

ная, Санди счелъ долгомъ отвѣтить матери. Это не отняло у него много времени.

«Дорогая матушка, — писалъ онъ, — не думалъ я, что ты повѣришь всему, что тебѣ могутъ наплести про меня. Этотъ мерзавецъ Стоуэлль солгалъ. Миссъ Глендиннингъ напрасно мѣшается не въ свое дѣло — а причемъ тутъ миссъ Сайксъ, я не знаю, но, если увижу ее, то спрошу.

«Никогда я не былъ священникомъ. Никогда съ меня не слагали сана. Просто я нѣсколько воскресеній подрядъ проповѣдывалъ въ одной здѣшней киркѣ, за отсутствіемъ настоящаго священника, чтобы выручить Совѣтъ. Я дѣйствительно женюсь, на дѣвушкѣ изъ Уэльса, убѣжденной пресвитеріанкѣ, которая сидитъ въ церкви на одной скамьѣ со мною. Ея имя Джэретъ Джонсъ, и, если хочешь знать о ней побольше, спроси м-ра Шильдхилля (онъ родомъ изъ Думфрайза). Онъ первый старѣйшина нашей кирки и очень уважаетъ и цѣнитъ миссъ Джонсъ. Это онъ и посовѣтовалъ мнѣ жениться на ней. Его адресъ: Чатгэмъ-Хилль, Истъ—Лондонъ.

«Скажи Джону, чтобъ онъ сейчасъ же собирался въ путь и ѣхалъ сюда ко мнѣ. У меня теперь два дѣла на рукахъ (помимо того, что я женюсь) и мнѣ одному не справиться. Придется покупать лошадей, и я безъ Джона не рѣшусь —онъ въ этомъ лучше меня понимаетъ. Прими мою любовь, дорогая матушка, и не вѣрь никому и ничему—кромѣ твоего любящаго сына, Санди».

Затѣмъ, Санди сходилъ на телеграфъ, отвѣтилъ братьямъ Бунгэй, предлагая имъ обращаться относительно заключенія договора и всѣхъ прочихъ дѣловыхъ соглашеній, къ г.г. Лонджевити и сынъ, его друзьямъ и повѣреннымъ. Тутъ же кстати опустилъ въ ящикъ письмо матери, и сразу почувствовалъ себя лучше.

На обратномъ пути онъ узрѣлъ что-то бѣлое и выпуклое, скользившее взадъ и впередъ по противоположному тротуару. Голова, возвышавшаяся надъ этимъ бѣлымъ, была обращена въ сторону оконъ перваго этажа дома № 151.

Санди почти молился, чтобъ это былъ Стоуэлль. И это, дѣйствительно, былъ Стоуэлль.

Онъ струсилъ и попробовалъ было улизнуть, но Санди мигомъ загородилъ ему дорогу.

— Полиція! — крикнулъ было онъ, но тяжелая рука мигомъ зажала ему ротъ.—Помогите!—послѣднее слово вырвалось у него уже хрипомъ.

Вдали показался полицейскій, направлявшійся въ ихъ сторону.

— Слушайте, вы,—злобно прошипѣлъ Санди,—если вы только пикнете, я разскажу всѣмъ о томъ, сколько вы наживаете на буфетѣ въ «Викторіи», и еще кое о чемъ. Общее собраніе нашего прихода назначено на слѣдующую пятницу. Я буду на немъ вмѣстѣ съ моей женой — урожденной миссъ Джонсъ—вы слышите?

— Что тутъ такое?—вопросилъ констэбль, останавливаясь передъ нами.—Никакъ кто-то изъ васъ звалъ на помощь.

— И не думали,—поспѣшилъ отвѣтить Санди.—Мы тутъ бесѣдуемъ о нашихъ церковныхъ дѣлахъ, промежъ себя.

— Да—о церковныхъ дѣлахъ, — хрипло подтвердилъ Стоуэлль, чувствуя на своемъ плечѣ тяжелую десницу Санди.

— А мнѣ было показалось, будто кто-то зоветъ—должно быть, мальчишки кричали,—лѣниво молвилъ блюститель порядка и зашагалъ дальше, монументальный и невозмутимый.

— А теперь слушайте вы, лжецъ и лицемѣръ.—Санди нагнулся и свирѣпо заглянулъ прямо въ глаза перепуганному главному акціонеру мьюзикъ-холла «Викторія».—И поймите— разъ навсегда. Шея ваша останется цѣла—руки объ нее марать не хочется—да и съ полиціей женатому человѣку связываться не слѣдъ. Но, помните, что насъ тутъ трое знаютъ, что вы за птица—знаютъ о васъ достаточно для того, чтобы васъ выставили изо всякаго сколько-нибудь порядочнаго общества. Я, та леди, подъ окнами которой вы шпіоните, и м-ръ Арчибальдъ Шильдхилль. Слыхали? А теперь, ступайте и повѣсьтесь гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. А мнѣ еще надо вымыть руки, которыя дотрогивались до васъ.

Намыливая руки, Санди вспомнилъ, что, все-таки, не мѣшало бы и миссъ Джонсъ сказать о предстоящемъ бракѣ. И онъ постучался въ дверь ея гостиной.

— Миссъ,—началъ онъ, входя,—завтра наша свадьба.

— О!—Сама не зная, зачѣмъ, она невольно встала.

— Да. Я уже всѣмъ сказалъ и написалъ домой, матери.

— Мнѣ кажется, — слабо возразила она, — вы могли бы сказать объ этомъ первой мнѣ.

— Вообще, да, но, видите ли, я очень торопился. Мнѣ приходилось отвѣчать нѣсколькимъ лицамъ заразъ, а относительно васъ я зналъ, что на васъ я могу разсчитывать.

Послѣдовала пауза, во время которой Санди безъ словъ увѣрилъ дѣвушку, что иначе ему поступить было нельзя.

— Но вы, надѣюсь, не свернули ему шеи? — спросила она, опомнившись и, къ удивленію своему, замѣтивъ, что она неизвѣстно какъ очутилась на колѣняхъ у Санди—и что ноги ея не касаются земли.

— Театръ теперь по боку,—сказалъ Санди.

— Что же я буду дѣлать? — удивилась она, оставляя главный вопросъ, который такъ и не былъ ей предложенъ.

— Я хотѣлъ было поселиться на Суррей Хилльсѣ, но такъ какъ у меня два дѣла на рукахъ, пока, я думаю, лучше будетъ взять хорошенькую удобную квартирку на Блакхэзъ-уэй. Я уже смотрѣлъ тамъ сегодня одинъ домикъ.

— Но откуда же?..—съ напускнымъ негодованіемъ начала было миссъ Джонсъ—и оборвала начатую фразу восклицаніемъ: — Ахъ, вы—удивительное существо!

Въ первый разъ рука ея обвилась около его шеи—и это сразу помогло имъ понять другъ друга.

— Но, если я брошу театръ, чѣмъ же мы будемъ жить?

Санди показалъ ей телеграмму отъ братьевъ Бунгэй.

— Ну, хорошо. Но *я*-то что же буду дѣлать? Вѣдь должно же быть какое-нибудь раздѣленіе труда. Я всю жизнь работала. Я не умѣю сидѣть сложа руки.

— О,—сказалъ Санди,—этому горю нетрудно помочь. Я буду писать великія произведенія, а вы—вы будете переписывать ихъ на машинѣ и править корректуру.

Съ англ. пер. З. Журавская.

СОНЕТЪ.

Еще въ поляхъ не водятъ нимфы пляски,
И въ домъ спѣшатъ съ полей стада овецъ,
Но надъ рѣкой—зеленыхъ вербъ вѣнецъ,
Сошла вода нѣтъ камышей и ряски.
Еще пути и въ храмъ и въ городъ вязки,
Но встрѣчи есть, и громче стукъ сердецъ.
Конецъ зимѣ... Дождались наконецъ:
Я—у тебя, земля у солнца—ласки.
Съ утра въ поляхъ и крики и звонки.
Изъ первыхъ травъ и пролѣсковъ вѣнки
Сплету и въ храмъ, забывъ овецъ, снесу я,
Ты будешь ждать на камнѣ у моста...
Веселый Панъ, храни мои стада,
Покамѣстъ съ нимъ, счастливая, въ лѣсу я.

Т. Ефименко.

ОЧЕРКИ ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ [1]).

(Окончаніе).

IV.

Современныя тенденціи переселенческой политики.

До послѣдняго времени переселенческое движеніе было стихійнымъ процессомъ: то опускаясь до десятковъ, то поднимаясь до многихъ сотенъ тысячъ, перескакивая изъ района въ районъ, оно отражало всѣ переживанія мятущейся, ищущей выхода изъ-подъ невыносимаго гнета нужды массы малоземельныхъ. Такой же стихійной, не планомѣрной, не объединенною одною центральной идеей была и правительственная политика въ переселенческомъ дѣлѣ, отражающая, какъ въ зеркалѣ, всѣ колебанія въ высшихъ сферахъ и въ самомъ народѣ.

Со второй половины 1890-хъ г.г. бюрократическій центръ утвердился, впрочемъ, на благосклонномъ отношеніи къ переселенію, но зачастую онъ встрѣчалъ противодѣйствіе на периферіи со стороны мѣстныхъ властей. На глазахъ пишущаго эти строки тогда происходили между центромъ и военными генералами, властителями степныхъ окраинъ, ожесточенныя схватки. Генералы грудью отстаивали интересы киргизъ: тогдашніе степные самовольцы (а другихъ не было, потому что степи еще не открывались для колонизаціи) люди дошлые, прошедшіе огонь и воду, задорные, крикливые, сравнительно съ приниженными киргизами, сулили мѣстной

1) См. ноябрь, стр. 273.

Въ 1900-хъ г.г. съ появленіемъ первыхъ признаковъ народнаго
администраціи много лишнихъ хлопотъ и непріятностей.
движенія, благосклонность начинаетъ переходить въ поощреніе; воинствующія мѣстныя власти смиряются и сами идутъ навстрѣчу новому курсу. Наконецъ, послѣ революціи, правительство начинаетъ смотрѣть на переселеніе какъ на серьезное средство для рѣшенія аграрнаго вопроса мирно и тихо, безъ потрясенія основъ. Положеніе 10 марта 1906 г. открыло широкій доступъ въ Азію всѣмъ желающимъ; земскіе начальники и другіе мѣстные чины стали прямо зазывать переселенцевъ, и подавленные, растерянные, потерявшіе надежду на прирѣзку земли, крестьяне отозвались на этотъ призывъ. Въ 1905 г. прошло 39 тыс. переселенцевъ и 5 тыс. ходоковъ, въ 1906 г.—138 и 76 тыс., въ 1907 г.—427 и 150 тыс. Казалось бы, чего лучше: но уже въ 1906 г. 27% ходоковъ вернулось, не найдя участковъ, въ 1907 г. неудачныхъ ходоковъ оказалось 43%. Спросъ на землю рѣзко опередилъ всѣ заготовительныя работы. Въ Государственной Думѣ главноуправляющій землеустройствомъ открыто призналъ въ 1907 г., «что правительство не въ силахъ справиться даже съ тѣмъ движеніемъ, которое естественно возникаетъ, и не только не озабочено созданіемъ какихъ-либо соблазновъ для его увеличенія, но, напротивъ того, вынуждено принимать мѣры лишь къ тому, чтобы направить это движеніе въ русло планомѣрности».

Введеніе въ русло планомѣрности, на первыхъ порахъ, заключалось въ закрытіи нѣкоторыхъ районовъ для переселенцевъ. Одинъ за другимъ районы колонизаціи подвергались запрету, но это вызвало только небывалый притокъ самовольцевъ, скоплявшихся въ Западной Сибири — ихъ некуда было дѣвать, тогда какъ на востокѣ сотни тысячъ нарѣзанныхъ долей пустовали.

Съ 1909 г. правительство пробуетъ урегулировать движеніе посредствомъ распредѣленія долей по губерніямъ выхода и организованнаго ходачества, порученнаго землеустроительнымъ коммиссіямъ и нѣсколькимъ земствамъ, объединившимся для этой цѣли на югѣ Россіи. Если земства достигли кое-какихъ результатовъ, то землеустроительныя коммиссіи, стоявшія далеко отъ народа, ознаменовали свою дѣятельность лишь раздачей весьма большого количества долей въ распоряженіе почаевскаго союза истинно-русскихъ людей. Хотя переселенческое движеніе съ 1909 г. стало сильно падать, но процентъ ходоковъ-неудачниковъ поднялся въ 1911 г. до 60%. Общая вѣрность взятаго курса продолжала быть спорной; въ 1911 г. прекращено предварительное распредѣленіе долей и возстановлена свобода ходачества.

Широко открытыя двери ничего, кромѣ дезорганизаціи, въ переселенческое дѣло не внесли; нарѣзанныхъ участковъ не хватало, заготовка земельныхъ долей производилась наспѣхъ, безъ необходимаго оборудованія участковъ, безъ колодцевъ, дорогъ, иногда въ непроходимыхъ горныхъ трущобахъ; переселенцы не шли на востокъ, гдѣ было много свободныхъ земель, а скоплялись на западѣ; попытка урегулировать движеніе не удалась; всякое запрещеніе вызывало лишь ростъ самовольцевъ и ухудшало положеніе дѣла. Чтобы распутать эту путаницу, грозящую тягостными послѣдствіями, два министра отправились въ Сибирь и послѣ ихъ поѣздки правительство создаетъ совершенно новый планъ переселенческой политики.

«*Не переселеніе, а колонизація*», «не выселеніе трудовыхъ массъ съ родины, а заселеніе окраинъ русскими людьми»—таковъ принципъ, положенный въ основу послѣдней правительственной программы по переселенческому вопросу. Окончательно отказываясь отъ мысли разрѣшить переселеніемъ, хотя бы частично, аграрный вопросъ, правительство теперь, повидимому, рѣшило послѣдовать совѣту А. А. Кауфмана—«разсматривать переселеніе исключительно, какъ *фактъ*»: оно не намѣрено ни стѣснять, ни поощрять переселенческое движеніе, предоставивъ каждому желающему, черезъ посылку ходоковъ, или лично, отыскивать въ Азіатской Россіи подходящіе участки. Ходокамъ и семьямъ, переселяющимся на зачисленныя ходоками участки, выдаются свидѣтельства на льготный проѣздъ; самовольцамъ, ѣдущимъ на свой страхъ и рискъ, безъ предварительнаго зачисленія участковъ, такихъ свидѣтельствъ не выдается, и они получаютъ землю изъ казны во вторую очередь, только послѣ устройства легальныхъ переселенцевъ. Несомнѣнно, такой порядокъ является, при существующихъ условіяхъ, самымъ разумнымъ: единственное, что можно бы было требовать въ дополненіе къ нему — это широкое освѣдомленіе всѣхъ желающихъ переселиться, на мѣстахъ выхода, черезъ особыя переселенческія бюро, или черезъ уѣздныя земства, или, еще лучше черезъ будущія мелкія земскія единицы и кооперативныя учрежденія, о наличности свободнаго фонда и вообще объ условіяхъ колонизаціи въ разныхъ районахъ Азіатской Россіи. Такая организація, нужда въ которой, въ виду описаннаго нами раньше состоянія колонизаціоннаго фонда, стала чрезвычайно настоятельной и стоила бы недорого, а при ея помощи въ народномъ карманѣ сохранялись бы ежегодно милліоны: десятки тысячъ самовольцевъ-неудачниковъ избѣгали бы разоренія. «Устами переселенцевъ—говорятъ харьковскіе земскіе дѣятели—утверждается необхо-

димость предварительнаго широкаго и всесторонняго ознакомленія съ условіями жизни въ колонизуемыхъ мѣстностяхъ».

При строгомъ нейтралитетѣ въ переселенческомъ движеніи роль правительства, какъ культурнаго колонизатора, должна была бы свестись лишь къ облегченію условій переселенія и водворенія, къ наилучшей подготовкѣ участковъ и къ проведенію агрикультурныхъ и экономическихъ мѣропріятій, способствующихъ развитію производительныхъ силъ страны.

Но цѣлый рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ импульсовъ, руководившихъ правительствомъ при составленіи его плана, настолько запуталъ и осложнилъ эту простую, по существу, задачу, что при конкретной формулировкѣ этого плана въ немъ оказалось множество непримиримыхъ противорѣчій, искажающихъ смыслъ и цѣль переселенческаго движенія и тормозящихъ поступательный ходъ развитія производительныхъ народныхъ силъ.

Какъ мы сказали, центральной задачей новой правительственной программы является изысканіе способа регулировать колонизацію нашихъ окраинныхъ областей, въ зависимости отъ ихъ емкости. Такой способъ уже придуманъ и съ нынѣшняго года приводится въ исполненіе. Направленіе колонизаціи отнынѣ регулируется не мѣрами пресѣченія и запрещенія, настолько вошедшими въ привычку бюрократически-полицейскаго государства, что оно, до послѣдняго момента, не съумѣло отказаться отъ нихъ, несмотря на доказанную многолѣтнимъ опытомъ полную непригодность ихъ въ переселенческомъ дѣлѣ, а впервые —мѣрами *экономическаго* воздѣйствія. Въ № 6 «Изв. Гл. Упр. Землеуст.“ за 1913-ый годъ опубликованъ списокъ мѣстностей, въ которыхъ переселенцамъ, въ зависимости отъ степени трудности водворенія, а также по соображеніямъ внѣшней политики, будутъ выдаваться ссуды различныхъ размѣровъ. Въ первую группу помѣщены части степныхъ и западно-сибирскихъ областей, лучшія по почвѣ и климату, наиболѣе излюбленныя переселенцами, наиболѣе заселенныя и лежащія близко отъ желѣзной дороги. Тутъ, вмѣсто полученія ссудъ, переселенцы, по новому «распоряженію» министерства, уже распубликованному Сенатомъ и, слѣдовательно, вошедшему въ законную силу, сами платятъ за пользованіе казенной землей аренду, а послѣ принятія Гос. Думой и Совѣтомъ законопроекта о продажѣ земель должны будутъ выкупать свои арендованные участки непосредственно у казны или черезъ посредство Крестьянскаго Банка.

Во II-ой группѣ мѣстностей, лежащей отчасти въ Западной Сибири, отчасти въ степной полосѣ Восточной и въ 2-хъ уѣздахъ Семирѣчья, переселенцы получаютъ по 100 руб. на семью; въ

III-й, въ центрѣ и на югѣ киргизскихъ степей—150 руб.; въ IV-ой, въ отдаленныхъ отъ желѣзной дороги мѣстностяхъ Восточной Сибири и въ заселенной киргизами части Туркестана—по 165 руб.; въ V-й, на югѣ степей и въ подтаежной полосѣ Сибири—по 200 руб.; въ VI-й, на крайнемъ югѣ степей и на крайнемъ сѣверѣ колонизуемой части Сибири въ тайгѣ—по 250 руб.; наконецъ, въ VII-ой, въ Пріамурьи и пограничной съ Китаемъ полосѣ Туркестана—по 400 руб., причемъ 200 рублей изъ этой суммы, въ наиболѣе близкихъ къ границѣ или въ трудныхъ для колонизаціи таежныхъ и заболоченныхъ мѣстностяхъ, выдаются въ качествѣ безвозвратнаго пособія. Мотивировка такого распредѣленія ссудъ приведена въ другомъ мѣстѣ названнаго журнала. «Выдача ссудъ должна сообразоваться съ различными условіями поселенія въ лучшихъ и худшихъ районахъ Азіатской Россіи. Тамъ, гдѣ земли отличаются плодородіемъ, гдѣ имѣются заработки, существуютъ пути сообщенія и гдѣ давно живутъ старожилы, у которыхъ можно арендовать землю, тамъ совсѣмъ нѣтъ необходимости выдавать ссуду. Въ другихъ районахъ, гдѣ условія жизни тяжелы и переселенцы въ большей степени нуждаются въ посторонней помощи, тамъ, напротивъ, необходимо выдавать ссуды всѣмъ переселенцамъ, и, притомъ, въ увеличенномъ размѣрѣ».

Мы лично ничего не можемъ возразить противъ самаго принципа выдачи ссудъ различныхъ размѣровъ, сообразно со степенью трудности водворенія и устройства. Замѣтимъ только, что для урегулированія колонизаціи, этого одного недостаточно; необходимы еще *различные размѣры надѣловъ*. Въ легкихъ, гуще заселенныхъ районахъ достаточны надѣлы, покрывающіе только насущныя нужды средняго крестьянскаго хозяйства, т. е. въ предѣлахъ потребительныхъ нормъ. Въ болѣе тяжелыхъ для заселенія районахъ, въ видахъ привлеченія туда болѣе работоспособныхъ или сравнительно зажиточныхъ семействъ—наиболѣе нужный здѣсь элементъ колонистовъ—размѣры надѣловъ должны быть повышены; это явится извѣстной преміей, наградой за большій трудъ.

Однако, одно дѣло—правильный принципъ, другое—его реализація. Въ опубликованной схемѣ ссудъ—которая, впрочемъ, можетъ быть измѣняема ежегодно—допущены, по нашему мнѣнію, двѣ неправильности: слишкомъ незначительная разница въ размѣрахъ ссудной помощи въ сравнительно легкихъ и трудныхъ районахъ и слишкомъ большой, относительно, размѣръ ссуды для пограничныхъ областей Пріамурья и Семирѣчья. Мы видѣли, какъ трудно устроить хозяйство въ лѣсной полосѣ: чтобы завести $3^1/_2$ дес. посѣва, нужно убить 5 лѣтъ на разработку тайги, на созданіе пашни въ лѣс-

ныхъ трущобахъ, вдали отъ крупныхъ поселеній, а слѣдовательно и отъ сторонникъ заработковъ. Трудъ и капиталъ, затрачиваемые на эту многолѣтнюю борьбу съ дѣвственной природой, и экономическія потери, происходящія отъ изолированности таежныхъ поселенцевъ, во много разъ превосходятъ, по стоимости, ту сотню или полторы рублей, которыя составляютъ разницу между размѣрами ссуды въ легкихъ и трудныхъ районахъ. Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ удвоить эту разницу, т. е. довести ссуду въ трудныхъ мѣстностяхъ до 400 р. — размѣра, установленнаго для пограничныхъ районовъ.

Нѣкоторые писатели относятся отрицательно къ высокимъ ссудамъ. А. А. Кауфманъ приводитъ въ своей книгѣ рядъ неблагопріятныхъ отзывовъ различныхъ авторовъ, начиная съ Рошера и кончая Ф. Ф. Буссе. Г. Шлимкевичъ подтверждаетъ ихъ относительно Пріамурья: «Наблюденія послѣднихъ лѣтъ въ Пріамурьѣ и общія единодушныя впечатлѣнія дѣятелей переселенческаго дѣла указываютъ, что помощь, оказываемая переселенцамъ въ большомъ размѣрѣ, часто достигаетъ противоположныхъ результатовъ: зарегистрирована масса случаевъ ухода переселенцевъ на родину, тотчасъ же по полученіи ссуды въ 100 200 и болѣе рублей. Съ тѣмъ меньшей увѣренностью можно полагать, что переселенецъ не уйдетъ, получивши денегъ или имущества на бо́льшую сумму» [1]). Что это вполнѣ возможно—показываетъ анкета Г. Казанскаго, обнаружившаго во Владивостокскомъ участкѣ 40% дворовъ, опустѣвшихъ, главнымъ образомъ, послѣ получки ссуды.

Какъ же быть? Давать малую ссуду нельзя, вслѣдствіе трудности водворенія, а большую—давать опасно. Выдавать по частямъ, по кусочкамъ—опытъ показываетъ, что такія раскрошенныя ссуды проѣдаются и пропиваются, а не идутъ на хозяйственныя нужды: все равно, молъ, на эти крохи ничего не сдѣлаешь. По нашему мнѣнію, самый правильный выходъ изъ этого затрудненія—производство необходимыхъ меліорацій на участкѣ, за счетъ ассигнованной суммы, трудомъ самого колониста. Выдавая сразу рублей 200—250 на первоначальное обзаведеніе скотомъ, орудіями и постройками, остальную часть слѣдуетъ давать не въ видѣ ссуды, а въ качествѣ заработной платы по улучшенію участка.

Эта мысль мелькаетъ у нѣкоторыхъ оффиціозовъ, кое-гдѣ она приводится въ исполненіе; нужно возвести ее въ принципъ и примѣнять всюду, гдѣ необходимы частичныя меліораціи, осуществимыя силами переселенческой семьи. Крупныя меліораціи, непосильныя для переселенцевъ, казна должна производить за свой

[1]) Труды Амурск. Эксп., вып. V, стр. 107.

особый счетъ. Максимальную 400-рублевую ссуду или пособіе необходимо выдавать только въ трудныхъ для колонизаціи районахъ. Правительство, при выдачѣ такой ссуды, преслѣдуетъ совершенно иную цѣль — укрѣпленіе пограничныхъ земель русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ. Мы уже доказывали, что въ Пріамурьи наши крестьяне сталкиваются съ непривычной для нихъ природной обстановкой; приспособлять къ ней свое хозяйство очень трудно. Поэтому, русское земледѣліе въ краѣ — чужеядное растеніе, питающееся казенными соками и настолько при этомъ хилое, недоразвитое, что до сихъ поръ оно не можетъ прокормить своими продуктами нѣсколько сотъ тысячъ горожанъ и войска. Большое количество хлѣба и особенно скота привозится изъ Манчжуріи; ввозъ скота настолько великъ, что онъ во много разъ превышаетъ вывозъ его по всей имперіи [1]). Старожилы и переселенцы ведутъ экстенсивное зерновое хозяйство, мало обращая вниманія на скотоводство. Въ Манчжуріи цѣны на хлѣбъ и скотъ значительно ниже. Мы выяснили также, что большого количества переселенцевъ Пріамурье вмѣстить не можетъ, если не затрачивать сотни милліоновъ на меліораціи; а отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ никакого укрѣпленія границъ, тянущихся на тысячи верстъ, не получится. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, здравая экономическая политика должна основываться на колонизаціи края не русскимъ, а *туземнымъ* элементомъ, свыкшимся съ его природой, достаточно культурнымъ, трезвымъ, способнымъ легко и быстро, безъ большихъ затратъ со стороны казны, увеличить производительность сельскаго хозяйства до такихъ размѣровъ, чтобы, безъ заграничнаго импорта, безъ искусственной поддержки, оно могло удовлетворить продовольственныя нужды не-земледѣльческаго населенія области.

Если китайцы кажутся правительству опасными, то мы все-таки не понимаемъ, зачѣмъ гнать и преслѣдовать корейцевъ? Былъ моментъ, когда правительство однимъ пальцемъ поманило корейцевъ, принимало ихъ въ русское подданство и надѣляло 15-ти десятинными надѣлами на семью. Корейцы толпами повалили въ Пріамурье, перебѣгая границу подъ выстрѣлами своихъ же соплеменниковъ. Надо еще сказать, что корейцы, не въ примѣръ китайцамъ, берущимся за всякую работу—коренные землеробы; они неохотно идутъ на промыслы и не будутъ конкуррировать съ русскими рабочими, которыхъ старается привлечь сюда правительство.

---

[1]) См. І. М. Гольдштейнъ. «Русско-Германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть колоніей Германіи», М. 1913, стр. 30—31.

Попытка регулировать колонизацію при помощи ссуднаго аппарата хотя и можетъ вызвать еще другія возраженія, но все-таки она хороша уже тѣмъ, что не портитъ самаго дѣла. Этого нельзя сказать относительно законопроекта о *продажѣ* земли въ излюбленныхъ переселенцами районахъ. Завѣщанный покойнымъ премьеромъ, законопроектъ этотъ уже реализованъ послѣднимъ правительственнымъ распоряженіемъ о сдачѣ въ аренду лучшихъ участковъ. Онъ выкачиваетъ изъ тощаго кармана переселенцевъ денежныя средства, столь необходимыя на продуктивныя траты по оборудованію ихъ собственнаго хозяйства, и противорѣчитъ, по существу, именно той основной цѣли—регулированію колонизаціи различныхъ областей,—для которой онъ придуманъ.

На западѣ Сибири скопляются сотни тысячъ неустроенныхъ самовольцевъ, уповающихъ на нарѣзку новыхъ переселенческихъ участковъ, такъ какъ заготовленные уже разобраны. На востокѣ сотни тысячъ душевыхъ долей пустуютъ въ ожиданіи неохотно идущихъ туда засельщиковъ. Правительство разсчитываетъ отпугнуть наиболѣе оскудѣлые элементы переселенческой массы отъ запада необходимостью платить аренду и выкупъ за землю и привлечь ихъ на востокъ повышенными ссудами. На западѣ же отведенные для продажи лучшіе участки предполагается сдавать въ аренду и продавать крѣпкимъ крестьянамъ, «вполнѣ надежнымъ въ хозяйственномъ отношеніи».

Этотъ проектъ строится наперекоръ природнымъ и экономическимъ условіямъ заселенія разныхъ областей Сибири. Колонизація удаленныхъ отъ метрополіи, лѣсныхъ, гористыхъ и заболоченныхъ восточныхъ областей, съ рѣдкимъ разбросаннымъ населеніемъ—очень трудное дѣло. Оно требуетъ отъ переселенцевъ не только большого запаса физическихъ силъ и выносливости, но и болѣе значительныхъ денежныхъ средствъ. Лишнія тысячи верстъ въ пути, большая дороговизна орудій производства, другихъ необходимыхъ меліорацій и скота, раскорчевка пашни изъ-подъ лѣса, наконецъ, отсутствіе заработковъ—все это приводитъ къ убѣжденію, что было бы гораздо раціональнѣе построить систему мѣропріятій, способныхъ привлечь наиболѣе сильныя физически и имущественно семьи въ отдаленные и трудные районы, западныя же степи и лѣсо-степи, съ ихъ черноземными и суглинистыми почвами, съ болѣе мягкимъ климатомъ оставить на поправку самымъ малоземельнымъ, но все же работоспособнымъ переселенцамъ-бѣднякамъ, которые необходимыя для ихъ устройства денежныя средства могутъ здѣсь пріобрѣсти заработкомъ у сосѣдей. Эти магниты—сравнительная близость отъ родины, подходящія къ европейскимъ природныя условія,

знакомыя и привычныя черноземнымъ переселенцамъ, возможность пополнить недостатокъ наличныхъ средствъ заработками— будутъ всегда притягивать на западъ бѣднѣйшихъ переселенцевъ, особенно самовольцевъ, идущихъ пристраиваться къ уже водворенным своимъ землякамъ. Болѣе зажиточные переселенцы шли въ Сибирь въ очень маломъ количествѣ тогда, когда земля отдавалась даромъ; неужели правительство серьезно думаетъ, что передача участковъ за плату можетъ ихъ привлечь только однимъ магическимъ словомъ «собственность?» Да и «собственность» богатые крестьяне могутъ отыскать возлѣ своего дома, не затрачивая сотенъ рублей на проѣздъ, не ломая укрѣпившагося хозяйства!

Исходя изъ такихъ соображеній, мы убѣждены, что проданные участки, какъ и даровые, будутъ разбираться, въ силу необходимости, бѣдняками, самовольцами и другими переселенцами, которымъ некуда дѣваться. Платятъ же они старожиламъ за пріемные приговоры, снимаютъ у нихъ землю въ аренду—будутъ платить и казнѣ, пока могутъ, если казна заставитъ ихъ платить угрозой моментальнаго выселенія. Но что станется съ ихъ хозяйствомъ—можно видѣть на примѣрѣ хозяйства самовольцевъ-арендаторовъ старожильческихъ земель. Двѣ десятины посѣва, по одной лошади у половины дворовъ, другая половина безлошадныхъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жестокой борьбы съ нуждой—вотъ тотъ подъемъ экономическаго благосостоянія переселяющихся, вотъ развитіе производительныхъ силъ страны, которыя готовитъ новый законъ для западно-сибирскихъ областей.

Надо еще добавить, что отрубные и хуторскіе участки, на которые разрѣзается значительная часть приготовленнаго къ продажѣ земельнаго фонда, вѣроятно по техническимъ причинамъ, будутъ сравнительно крупныхъ размѣровъ (до 75 дес.). Сладить съ такимъ участкомъ, выплачивать аккуратно требуемые взносы, малозажиточный переселенецъ не въ состояніи; если онъ не съумѣетъ обойти законъ, передавая тайкомъ часть участка какому-нибудь самовольцу-горемыкѣ,—его черезъ годъ два сгонятъ за неплатежъ взносовъ. Вообще, непроизводительная растрата маленькихъ запасовъ денежныхъ средствъ у переселенцевъ, которую создаетъ новое правительственное «распоряженіе», поведетъ къ образованію кадровъ оскудѣвшихъ пауперовъ въ Азіатской Россіи. И каждый рубль, взятый казной съ арендованныхъ и проданныхъ участковъ. ей же придется оплатить вдвойнѣ, въ ближайшіе годы, въ видѣ «продовольственныхъ» и иныхъ пособій обнищавшему населенію.

«Завѣщаніе» П. А. Столыпина съ самаго начала реализуется въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Такъ, въ аренду, а потомъ въ

продажу переселенцамъ пускается 500 тыс. десятинъ лучшихъ земель въ Тобольской губерніи, Тургайской и Акмолинской областяхъ. Предполагая, что они будутъ распроданы участками по 30 дес. на семью (а есть по оффиціальнымъ отчетамъ отруба и въ 70 дес.), на нихъ можетъ устроиться не болѣе 16—17 тыс. дворовъ «крѣпкихъ и сильныхъ»; если же эту землю раздать даромъ слабымъ, примѣрно, по 15 дес. на дворъ, то на всѣхъ 500 тыс. дес. поселилось бы вдвое большее количество населенія, которое черезъ нѣсколько лѣтъ произвело бы, вѣроятно, тоже вдвое большее количество хлѣба и скота. Пусть судитъ читатель, какой способъ ликвидаціи этого фонда будетъ скорѣе способствовать развитію производительныхъ силъ страны.

Разсмотрѣнные сейчасъ пункты правительственной программы представляютъ попытки разрѣшить вопросы, поставленные на очередь самой жизнью, насущной нуждой въ упорядоченіи дѣла колонизаціи. Но слѣдующій пунктъ этой программы—землеустройство старожиловъ и инородцевъ—связанъ съ переселеніемъ лишь постольку, поскольку отрѣзка «излишковъ» послѣ землеустройства образуетъ новый земельный фондъ. Между тѣмъ, правительство вводитъ, при отграниченіи землевладѣнія мѣстнаго населенія, начала закона 14 іюня 1910 г., уничтожающія и въ Сибири только еще зарождающійся уравнительно-передѣльный механизмъ общины.

Въ уничтоженіи общины для переселенческаго дѣла нѣтъ рѣшительно никакой надобности, и правительство вовсе не думало объ этомъ, пока упреки правыхъ, постоянно коловшихъ глаза представителямъ власти за то, что въ коренной Россіи они уничтожаютъ общину, а въ Сибири ее насаждаютъ—не возымѣли своего дѣйствія.

Находящееся сейчасъ на разсмотрѣніи Государственной Думы «положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ и инородцевъ на казенныхъ земляхъ сибирскихъ губерній и областей» несомнѣнно произведетъ болѣе широкое и глубокое разрушеніе общины, чѣмъ въ Европейской Россіи произвели указъ 9 ноября и законъ 14 іюня. Сибирская община находится сейчасъ въ стадіи переходнаго процесса отъ вольнаго захвата къ земельному поравненію, а въ этотъ моментъ частные передѣлы, «свалки-навалки», игнорируемые дѣйствующимъ закономъ, какъ доказательство жизненности общины, преобладаютъ надъ общими передѣлами. Въ объяснительной запискѣ къ проекту положенія прямо говорится, что случаи сохраненія общины въ Сибири «будутъ весьма рѣдки, такъ какъ для этого требуется, чтобы общество раньше производило

передѣлъ [1]), а такихъ обществъ очень мало» (стр. 19). Перепись 1911-1912 г. подтверждаетъ эти слова фактическимъ матеріаломъ относительно переселенцевъ: хотя больше половины описанныхъ поселковъ съ общинной формой землевладѣнія и производили раздѣлы угодій по душамъ, но «коренные передѣлы были въ единичныхъ случаяхъ... Въ большинствѣ поселковъ, по недавности ихъ образованія, время для коренныхъ передѣловъ еще не наступило».

Въ Сибири, какъ и всюду, на просторѣ, безъ посторонняго вмѣшательства, община развивалась органически, проходя послѣдовательно этапы «вольнаго», ничѣмъ не ограниченнаго землепользованія, затѣмъ, основаннаго на захватномъ правѣ, съ пожизненнымъ и даже наслѣдственнымъ владѣніемъ захваченными участками; еще позднѣе, когда масса уже почувствовала нѣкоторое стѣсненіе въ землѣ, начинается періодъ отвоевыванія излишне захваченныхъ «крѣпкими» хозяевами земель, посредствомъ частичныхъ переверстокъ—періодъ, происходившій на европейскомъ сѣверѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. и подробно описанный В. В. въ его книгѣ: «Къ исторіи общины».

Этотъ періодъ заканчивается переходомъ къ общему поравненію земли путемъ коренныхъ передѣловъ, при чемъ въ Сибири, тамъ, гдѣ эти передѣлы уже вошли въ общинную практику преобладаютъ еще примитивные способы разверстки: по надѣльнымъ душамъ, по платежамъ, по «бойцамъ» (работникамъ) и т. п. Въ разныхъ мѣстахъ община достигала различныхъ ступеней развитія; въ однѣхъ и тѣхъ же общинахъ, въ зависимости отъ количества того или другого вида угодій, пашни разверстываются по одному способу, сѣнокосъ—по другому, лѣсъ—по третьему. Въ общемъ, по словамъ одного изъ сотрудниковъ полуоффиціознаго органа «Вопросы колонизаціи», создающееся колонизаціей и развитіемъ общинно-передѣльнаго механизма—земельное ограниченіе влечетъ за собой не обезземеленіе части населенія, вслѣдствіе захвата земель болѣе состоятельными членами общины, а болѣе *равномѣрное*, соотвѣтствующее видамъ и нуждамъ хозяйства распредѣленіе земли между отдѣльными хозяевами» [2]). Равномѣрное распредѣленіе земли развивалось бы все шире и быстрѣе, вслѣдствіе колонизаціи и стѣсненія землепользованія послѣ отрѣзки «излишковъ», если бы Сибирская община, при землеустройствѣ, была предоставлена самой себѣ. Теперь она будетъ уни-

---

[1]) Здѣсь разумѣется, конечно, передѣлъ *общій*.

[2]) В. В. Солдатовъ, «Измѣненія формъ общиннаго землепользованія въ Сибири». («Вопр. колонизаціи» № 7, стр. 52).

чтожена «положеніемъ», которое—въ этомъ сомнѣваться трудно,—пройдетъ благополучно черезъ всѣ законодательныя инстанціи.

Въ оправданіе законопроекта г. Кривошеинъ въ 1911 г. приводилъ тотъ фактъ, что сибирскіе крестьяне сами стремятся къ единоличному землеустройству. «Можно считать почти установленнымъ,—подтверждаетъ его слова г. Литвиновъ (управляющій земскимъ отдѣломъ),—что община въ Сибири доживаетъ послѣдніе дни, такъ какъ само населеніе стремится освободиться отъ нея. Это стремленіе выражается въ томъ, что и частныя землемѣрныя бюро, и казенныя учрежденія завалены просьбами крестьянъ о землеустройствѣ». Но *о какомъ*? Въ этомъ вся суть.

Сибиряки ходатайствовали объ уничтоженіи междуселенной чрезполосицы, о размежеваніи на поселенныя владѣнія огромныхъ общихъ волостей, пережитковъ той глубокой старины, которую у насъ знала еще Кіевская Русь. Иные, особенно переселенцы, просили о раздѣлѣ пашень на три поля, а полей—на ярусы или коны, какъ у себя дома. Только немногіе «имѣли дѣйствительное намѣреніе ввести хуторскую или подворную форму замлепользованія въ ихъ чистомъ видѣ» [1]). Если эти немногіе и ходатайствовали о переходѣ къ личной собственности, то это объясняется разношерстностью состава переселенцевъ: въ одномъ мѣстѣ водворяются малороссы, бѣлоруссы, великороссы центра, сѣвера и юга, съ различными обычаями, разнообразнымъ хозяйственно-бытовымъ укладомъ, которые не могутъ отыскать иной почвы для примиренія своихъ интересовъ, кромѣ перехода къ единоличному землевладѣнію.

Какъ бы то ни было, Сибирская община обречена на разрушеніе. Разрушительный процессъ распространяется и на земли, вновь отводимыя переселенцамъ, и на арендуемыя у казны по только что опубликованному «распоряженію», согласно которому даже при арендѣ товариществомъ замельный пай каждаго участника долженъ быть строго опредѣленъ. Къ чему приведетъ это повальное разрушеніе?

Въ Европейской Россіи одно голое «землеразстройство», укрѣпленіе въ личную собственность разбросанныхъ по общинному полю отдѣльныхъ полосъ-дѣлянокъ, безъ сверстки и выдѣла ихъ въ хутора и отруба, производитъ серьезныя пертурбаціи въ хозяйственномъ строѣ деревни, порождая отчаянную узко-и мелко-полосицу, заграждая доступъ къ отдѣльнымъ полосамъ, задерживая коммассацію

[1]) Такъ говорится въ оффиціальномъ отчетѣ: «Обзоръ работъ по внутринадѣльному межеванію на переселенческихъ участкахъ за Ураломъ въ 1908-1909 г.»

(сверстку узкихъ полосъ въ широкія), необходимую для перехода къ болѣе интенсивному хозяйству и многопольному сѣвообороту, и затрудняя пользованіе житвомъ, какъ пастбищемъ. Между тѣмъ, только шестая часть «укрѣпленцевъ»-общинниковъ выходитъ на хутора и отруба, а пять шестыхъ остаются при старой чрезполосицѣ, ухудшенной еще тѣмъ, что община потеряла возможность ее регулировать.

Въ Сибири «землеразстройство» будетъ гораздо болѣе ощутительнымъ. Въ коренной Россіи уравнительно-передѣльная община сама постаралась произвести необходимое размежеваніе, разбивая надѣльную землю на «столбы», «коны», «ярусы», раздѣленные межами и дорогами, и разрѣзая каждый «конъ» на соотвѣтственное число геометрически правильныхъ полосъ, концы которыхъ упираются въ дороги и межи. Сибирская вольно-захватная община не знаетъ такого землемѣрія. Надѣлъ каждаго хозяина разбросанъ въ видѣ отдѣльныхъ безформенныхъ кусковъ въ разныхъ мѣстахъ, пашня еще не «отпочковалась» отъ переложнаго сѣнокоса и выгона, въ лѣсахъ засѣваются отдѣльныя поляны и «гари». Пестрота почвъ еще усиливаетъ эту безпорядочную раскиданность угодій, которая напоминаетъ груды камней, оставшихся послѣ города, разрушеннаго землетрясеніемъ. Послѣ землетрясенія уцѣлѣвшіе люди приходятъ на старое мѣсто, собираютъ камни и воздвигаютъ изъ нихъ новыя жилища. Но раскиданные въ безпорядкѣ клочки угодій у сибирскихъ крестьянъ, послѣ закрѣпленія ихъ въ собственность, на десятки лѣтъ сохранятъ свои уродливыя очертанія, потому что «попытка поставить все дѣло землеустройства на почву выдѣла отрубныхъ участковъ отдѣльнымъ домохозяйствамъ, чрезвычайно замедлила бы работу размежеванія» [2]). Правительство сознается, что техническихъ силъ и средствъ на дѣйствительное, а не бумажное единоличное землеустройство у него не хватаетъ, и проектируетъ «пока» заняться лишь отмежеваніемъ поселенныхъ надѣловъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣсколько селеній владѣютъ сообща какимъ-нибудь участкомъ. Внутри поселенныхъ надѣловъ землевладѣніе отдѣльныхъ дворовъ останется въ такомъ же хаотическомъ состояніи, какъ теперь. Хаосъ этотъ закрѣпится «священной» собственностью и съ каждымъ переходомъ по наслѣдству будетъ все усиливаться, вслѣдствіе дробленія полосъ.

Къ такому положенію приведетъ «могучая сила собственности» хозяйство старожиловъ и переселенцевъ, уже устроенныхъ на казенныхъ земляхъ. На участкахъ, заготовляемыхъ вновь для пере-

[1]) Объяснительная записка къ «Положенію», стр. 11.

селенцевъ, вѣдомство старается нарѣзать какъ можно больше хуторовъ и отрубовъ. Въ 1913 г. $^3/_5$ всей земельной заготовки намѣчается для «единоличнаго пользованія». Размѣры земельныхъ заготовокъ съ 1912 г., т. е. съ начала эры хуторизаціи переселенческаго фонда, рѣзко сократились: въ шестилѣтіе 1906-11 г.г. ежегодно заготовлялось 4560 тыс. дес., въ 1912 г.—1275 тыс., а въ 1913 г. предположено заготовить всего 800 тыс., не смотря на ростъ числа переселенцевъ, который вѣдомство предвидѣло заранѣе. Такое сильное паденіе заготовокъ вызывается не только сокращеніемъ удобныхъ незанятыхъ земель Сибири, но и техническими трудностями и дороговизной размежеванія на хутора и отруба. Изъ объяснительной записки къ смѣтѣ на 1913 г. видно, что заготовка участковъ для общаго поселеннаго пользованія обходится *втрое* дешевле, чѣмъ заготовка единоличныхъ участковъ, не считая гидротехническихъ и дорожныхъ сооруженій; между тѣмъ хуторскіе участки требуютъ вдесятеро больше колодцевъ и другихъ водовмѣстилищъ и во много разъ больше дорогъ, чѣмъ поселковые. Въ той же запискѣ говорится о необходимости «обезпечить участки единоличнаго пользованія хотя бы простѣйшими подъѣздными дорогами къ существующимъ уже магистралямъ», а для этого требуется «сильно развить изысканія и значительно усилить дорожное «строительство», (стр. 111). При казенномъ хозяйничаньи одинъ колодецъ обходится въ 275 руб., верста дороги—болѣе 1000 руб.

Дороги, колодцы—сами по себѣ полезныя предпріятія, хотя, удорожая заготовку земель, они тѣмъ самымъ сокращаютъ ея размѣры. Но единоличное устройство переселенческаго фонда приноситъ безусловный вредъ дѣлу колонизаціи, въ виду сильной разнокачественности, пестроты почвъ въ Сибири. При поселенномъ размежеваніи и болѣе, и менѣе плодородные куски земли будутъ заняты и такъ или иначе использованы; при единоличномъ—никому нѣтъ охоты занимать плохіе отруба, и переселенцы не соблазняются ни «поддачей» земли—прибавкой лишняго количества десятинъ, ни даже денежнымъ вознагражденіемъ. Поэтому, худшіе по качеству почвы хутора и отруба рискуютъ остаться незаселенными еще долгое время. Единоличное размежеваніе убавляетъ, такимъ образомъ, переселенческій фондъ, и безъ того не особенно значительный.

Итакъ, введеніе начала земельной собственности въ Сибири и единоличное землеустройство затормозятъ колонизацію и повредятъ развитію производительныхъ силъ страны, потому что, во 1-хъ, при этомъ надолго будетъ закрѣплена та земельная неурядица, которая наблюдается обычно при переходѣ отъ вольно-захватнаго къ уравнительно передѣльному общинному землепользованію; во 2-хъ, вслѣд-

ствіе техническихъ трудностей, сократится размѣръ земельныхъ заготовокъ для переселенцевъ; въ 3-хъ, единоличное землеустройство обходится гораздо дороже поселеннаго; въ 4-хъ, переселенцы обходятъ и будутъ обходить неудобные въ почвенномъ отношеніи хутора и отруба. Вслѣдствіе разнокачественности земель, по признанію оффиціальныхъ отчетовъ, на одинъ дворъ отводится по 2 или 3 отруба, т. е. все таки, создается черезполосица.

Послѣдній изъ наиболѣе крупныхъ параграфовъ современной переселенческой программы—насажденіе *крупнаго землевладѣнія*. Попытки создать сибирскихъ помѣщиковъ дѣлаются уже давно—съ 1822 г., когда, ради привлеченія на службу лучшаго состава чиновниковъ и для того, чтобы привязать ихъ къ Сибири, было дано имъ право получать землю въ собственность. Законы и указы, расширяющіе и дополняющіе это право, издавались въ 1832, 1840 и 1860 г.г., но не дали почти никакого результата, потому что и въ Европейской Россіи земля легко доставалась помѣщикамъ. Съ 1868 г. образуются въ казачьихъ войскахъ такъ называемые «офицерскіе» участки, составляющіе и понынѣ главные кадры частно-владѣльческихъ земель въ Азіатской Россіи. Извѣстный Сипягинскій циркуляръ 1901 г. опять остался безрезультатнымъ. Въ настоящее время частныя владѣнія въ Азіатской Россіи занимаютъ площадь всего въ 1,2 мил. дес., изъ которыхъ 590 тыс. находятся на казачьихъ земляхъ въ степномъ краѣ, 430 тыс. въ Западной Сибири (почти исключительно въ Тобольской губ.), 101 тыс.—въ восточной и 63 тыс. въ Пріамурьи; въ Туркестанѣ такихъ земель почти нѣтъ. Казачьи офицерскіе участки занимаютъ лучшія «поемныя» земли по Иртышу и другимъ рѣкамъ: «войсковая старшина», при выборѣ земель для себя, охулки на руку не положила. Но, не смотря на это, офицеры совсѣмъ не занимаются хозяйствомъ. До XX вѣка они сдавали земли въ аренду киргизамъ и переселенцамъ, а съ 1900-хъ г.г. стали усиленно ихъ распродавать разному пришлому люду: кубанскимъ овцеводамъ, нѣмцамъ-колонистамъ, разнымъ земельнымъ спекулянтамъ и, изрѣдка, богатымъ переселенцамъ. Общая сумма поземельныхъ сдѣлокъ, совершенныхъ у нотаріусовъ степного края, поднялась съ 4,9 мил. р. въ 1901 г. до 27 мил. въ 1909 г. Сильно увеличилась также мобилизація частныхъ земель въ Тобольской губерніи, гдѣ ихъ скопилось около 400 тыс. дес.; въ лучшихъ уѣздахъ за $3^1/_2$ года (1 янв. 1908—1 мая 1911 г.) нотаріальнымъ порядкомъ утверждено 170 сдѣлокъ на площади въ 143 тыс. дес., при чемъ имѣнія, при переходѣ изъ рукъ въ руки, сильно дробятся, что наблюдается и въ степномъ краѣ. Изъ 407 владѣльцевъ въ настоящее время 296 крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ, 101 чиновниковъ и военныхъ и

только семь потомственныхъ дворянъ. Дворянское и офицерско-чиновничье земледѣліе ликвидируется въ Сибири гораздо скорѣе, чѣмъ въ коренной Россіи. При первыхъ же слухахъ объ открытіи отдѣленій крестьянскаго банка, со всѣхъ сторонъ сыплются предложенія о продажѣ.

И вотъ, при такихъ условіяхъ, правительствомъ еще разъ дѣлается попытка насадить крупное землевладѣніе, подъ видомъ поощренія «культурнаго скотоводства». По распоряженію главноуправляющаго землеустройствомъ, наряду съ переселенческими участками нарѣзываются, для надобностей этого скотоводства, «оброчныя статьи», и 300 тыс. дес. этихъ «статей» въ лучшихъ областяхъ уже пущены въ аренду, а, по утвержденіи проекта о продажѣ, будутъ проданы безъ торговъ, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, которыя произведутъ своего рода «искусственный отборъ» г.г. «скотоводовъ», нужныхъ правительству въ виду неизбѣжнаго, въ ближайшемъ будущемъ, *введенія земства* въ азіатскихъ областяхъ. Вотъ тутъ-то и разгадка дѣла. Правительство, ясно сознавая эту неизбѣжность, старается разными оттяжками выиграть время, чтобы, тѣмъ или инымъ путемъ внѣдрить крупныхъ собственниковъ-цензовиковъ въ демократическую толщу сибирскаго населенія. По словамъ г. Гинса, «заявили желаніе занять земли 15 извѣстныхъ коневодныхъ хозяевъ» (г.г. Новосильцевъ, князь Касаткинъ-Ростовскій, графъ Медемъ, князь Кочубей и другіе). Съ полнымъ сочувствіемъ отнеслось также къ этому начинанію Главное Управленіе по дѣламъ коннозаводства и Управленіе по ремонтированію арміи, ассигновавъ піонерамъ даже извѣстныя субсидіи» [1]).

Если вѣдомство будетъ нарѣзывать «оброчныя статьи» въ лучшихъ мѣстахъ, если чиновники станутъ сдавать въ аренду и продавать землю безъ торговъ, по сепаратному соглашенію съ сіятельными «скотоводами», за дешевую цѣну, а центральная бюрократія напутствуетъ ихъ въ дальнюю дорогу не только благими пожеланіями, но и казенными субсидіями—отчего этимъ послѣднимъ и не пріобрѣсти лишнихъ имѣній. Оброчныя статьи уже начали пріобрѣтаться и сіятельными, и простыми чиновниками; на землю набросились разные спекулянты - хищники, но мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что, за рѣдкими исключеніями, это расхищеніе и безъ того небольшого колонизаціоннаго фонда не создастъ ни культурнаго скотоводства, ни образцоваго полеводства. Если, какъ иногда стараются увѣрить насъ оффиціозы, «частной предпріимчивости»

[1]) Г. Гинсъ, «Переселеніе и колонизація». «Вопросы Колонизаціи», №12, стр. 96.

будутъ предоставляться площади, непригодныя для переселенцевъ, то вѣдь въ пустынныхъ степяхъ, гдѣ ростутъ горькая полынь да соленый камышъ, и новоявленные помѣщики не станутъ разводить англійскихъ скакуновъ и тонкорунныхъ овецъ, просто потому, что это не возможно. Если же, что гораздо вѣроятнѣе, крупные владѣльцы получатъ разные лакомые куски земли, отрѣзываемые бокъ о бокъ съ крестьянскими надѣлами, то и тамъ не разовьется ни скотоводство, ни улучшенное земледѣліе, уже потому, что оно будетъ *невыгодно*: гораздо выгоднѣе окажется сдача земли въ аренду самовольцамъ и прочимъ переселенцамъ-неудачникамъ, кадры которыхъ будутъ возрастать вслѣдствіе истощенія переселенческаго фонда и надвигающагося новаго подъема переселенческой волны. Недаромъ г. Гинсъ мечтаетъ, что съ введеніемъ собственности на землю «пойдетъ неизбѣжный и необходимый процессъ обезземеленія части населенія». Еще проще и выгоднѣе будетъ продажа имѣній черезъ крестьянскій банкъ, по хорошимъ цѣнамъ...

Такова, въ основныхъ очертаніяхъ, послѣдняя правительственная программа по переселенческому вопросу. Въ ней есть зерно здравой экономической политики, но это зерно закопано глубоко въ каменистую, безплодную почву побочныхъ націоналистическихъ, бюрократическихъ, анти-демократическихъ и анти-хозяйственныхъ тенденцій; поэтому, оно не принесетъ даже средняго урожая. Отказываясь отъ полицейскихъ традицій запрещенія и пресѣченія, регулируя колонизацію только посредствомъ ссуднаго аппарата, правительство хоть отчасти вноситъ извѣстную планомѣрность въ стихійное переселенческое движеніе. Но оно испортило эту положительную сторону своей программы, внесло дезорганизацію въ трудное и безъ того безпорядочно поставленное дѣло колонизаціи. Три пункта программы неизбѣжно повлекутъ за собой такую дезорганизацію: продажа земель на западѣ Сибири, разрушеніе общины единоличнымъ землеустройствомъ и насажденіе никчемнаго, съ хозяйственной точки зрѣнія, и потому инстинктивно стремящагося къ самоупраздненію крупнаго землевладѣнія.

Продажа земель переселенцамъ не привлечетъ, а оттолкнетъ отъ запада зажиточныхъ крестьянъ, но не оттолкнетъ бѣдняковъ, которымъ некуда дѣваться и которымъ арендные и выкупные платежи подрѣжутъ подъ корень ихъ слабые рессурсы именно тогда, когда они закладываютъ фундаментъ своего хозяйства, когда каждый лишній десятокъ рублей стоитъ сотни, добытой въ иное время. Непроизводительный расходъ на земельные платежи задержитъ, обезсилитъ поступательный ходъ эволюціи переселенческаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развитія производительныхъ силъ страны.

Разрушеніе едва слагающейся сибирской общины приведетъ въ хаотическое состояніе распредѣленіе угодій и полосъ въ крестьянскихъ надѣлахъ именно въ тотъ моментъ, когда надвигающійся кризисъ экстенсивнаго земледѣлія показываетъ, что и для Сибири настаетъ пора перехода къ улучшеннымъ системамъ земледѣлія. Въ этотъ моментъ раціональная распланировка угодій и пахотныхъ полей, все равно, производится ли она общиной или спеціалистами-землемѣрами, столь же необходима, какъ необходимъ архитектурный планъ для постройки зданія. Правительство изгоняетъ одного архитектора—самъ народъ, но не желаетъ и не можетъ дать другого—ученыхъ землемѣровъ и агрономовъ. И сибирская деревня, столкнувшись съ земледѣльческимъ кризисомъ, окажется еще гораздо менѣе подготовленной, чѣмъ деревня коренной Россіи, до сихъ поръ еще не вышедшая побѣдительницей изъ этой борьбы.

Единоличное землеустройство уменьшитъ использованность переселенческаго фонда, удорожитъ въ нѣсколько разъ и сократитъ, этимъ самымъ, земельныя заготовки. Урѣжетъ переселенческій фондъ и насажденіе крупнаго землевладѣнія, которое, сверхъ того, вызоветъ непроизводительныя траты изъ народнаго кармана на покупку и аренду земель у новоявленныхъ помѣщиковъ. Будемъ надѣяться, что ихъ не удастся насадить ихъ въ большомъ числѣ: слишкомъ было бы обидно, если бы у насъ въ двадцатомъ вѣкѣ повторилась въ Сибири исторія восемнадцатаго, когда десятки милліоновъ десятинъ разбрасывались направо и налѣво придворнымъ фаворитамъ.

При теперешнемъ политическомъ режимѣ всѣ эти вредные, съ экономической точки зрѣнія, законопроекты могутъ пройти въ жизнь. Насколько хватитъ силъ у бюрократіи, она поможетъ имъ продѣлать свою разрушительную работу. Слѣды неурядицы, хаоса, пауперизаціи населенія не изгладятся и при нѣкоторомъ просвѣтлѣніи политическаго горизонта Россіи. Потребуется много милліоновъ, много народнаго труда, чтобы возстановить разрушенное, чтобы направить колонизацію и хозяйственное развитіе нашихъ окраинъ на правильный путь. Но, даже и при вполнѣ раціональной постановкѣ переселенческаго дѣла, независимой отъ случайностей политическаго режима, переселеніе, какъ факторъ, поглощающій избыточное населеніе деревенской Россіи, особенно многаго дать не можетъ. Колонизаціонная емкость Азіи, если не затрачивать сотенъ милліоновъ на мелioраціи, измѣряется приблизительно 250—300 тыс. колонистовъ земледѣльческаго типа въ годъ. Къ нимъ, со временемъ, прибавится сто-полтораста тысячъ душъ, поглощаемыхъ ростущими городами, горно-заводской и всякой другой внѣ-городской промышленностью, для которой Сибирь представляетъ широкую арену. Въ общемъ,

при всей своей необъятности, и большихъ природныхъ богатствахъ, наши азіатскія колоніи не смогутъ вмѣстить болѣе пятой или шестой части двухмилліоннаго прироста крестьянъ коренной Россіи. Это—максимумъ возможной колонизаціи при какомъ угодно режимѣ. Затрачивать же сотни милліоновъ на меліораціи для расширенія даннаго природой готоваго земельнаго фонда, за исключеніемъ Туркестана, гораздо цѣлесообразнѣе въ Европейской Россіи, гдѣ десятки милліоновъ десятинъ болотъ, песковъ, овраговъ, неорошенныхъ, но пригодныхъ для земледѣльческой культуры земель, еще ждутъ своей очереди.

Второе, еще болѣе дѣйствительное средство для расширенія крестьянскаго землевладѣнія—правильная постановка современной мобилизаціи владѣльческихъ и внутринадѣльныхъ земель. Тотъ милліонъ (или около того) ежегоднаго прироста деревенскаго населенія, который не можетъ устроиться ни въ городахъ, ни въ Азіатской Россіи, долженъ быть размѣщенъ, при помощи этихъ и другихъ способовъ, на территоріи Европейской Россіи. Въ противномъ случаѣ, какъ мы указали въ первомъ очеркѣ, у насъ уплотненіе населенія всегда будетъ опережать эволюцію земледѣлія, будетъ ростать малоземелье, голодъ, нужда, а съ ними вмѣстѣ и паденіе производительныхъ силъ.

Н. Огановскій.

АРМЯНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Рано или поздно истина все же выступаетъ наружу. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и только что состоявшееся рѣшеніе дѣла Бейлиса, и «всеподданнѣйшій отчетъ за восемь лѣтъ управленія Кавказомъ» генералъ-адъютанта гр. Воронцова-Дашкова. Наконецъ мы прочли въ правительственномъ сообщеніи то, на что уже давно наводило насъ безпристрастное изученіе фактовъ. «Никакого сепаратизма среди кавказскихъ армянъ не существуетъ, позволялъ я себѣ свидѣтельствовать передъ вами, Государь, въ 1907-мъ году, когда не утихла еще смута»—пишетъ намѣстникъ Кавказа графъ Воронцовъ-Дашковъ.—«И снова я смѣло подтверждаю это въ настоящее время, когда протекшіе годы доказали правоту приведеннаго свидѣтельства...—Уже шесть лѣтъ тому назадъ я доказывалъ вамъ, Государь, съ полной откровенностью, что армянскій вопросъ въ предѣлахъ Имперіи мы

сами создали неосторожнымъ обращеніемъ съ религіозными и національными воззрѣніями армянъ». Графъ Воронцовъ-Дашковъ болѣе опредѣленно выясняетъ свою мысль, говоря: «вспышка національнаго движенія среди русскихъ армянъ, сопровождавшаяся террористическими актами противъ представителей власти, была вызвана отобраніемъ имущества армянской церкви въ казенное управленіе... Но это движеніе сразу пало, ...какъ только Вашему Величеству угодно было проявить монаршее милосердіе возвращеніемъ церкви ея имущества... Всякая попытка обвинить въ сепаратизмѣ армянскую народность разбивается о реальные факты, доказывающіе, наоборотъ, преданность армянской народности Россіи. Поэтому, намѣченный въ недостаточно освѣдомленномъ С.-Петербургѣ, вопреки моимъ представленіямъ, грандіозный процессъ партіи Дашнакцютюнъ, долженствовавшій доказать революціонность цѣлаго народа, и начатый, безъ освѣдомленія меня, арестомъ почти тысячи армянъ, съ видными капиталистами и общественными дѣятелями во главѣ,—окончился пуфомъ въ видѣ приговора особымъ присутствіемъ сената группы около 30-ти армянъ къ разнымъ видамъ наказанія. Это очевидно было бы достигнуто и при предложенномъ мною нормальномъ способѣ веденія судебныхъ дѣлъ этого рода, не сбиваемыхъ въ громоздкіе процессы».

Всеподданнѣйшій отчетъ намѣстника края приводитъ одно весьма убѣдительное доказательство тому, что преданность много столѣтій существующей церкви, народному языку и стариннымъ традиціямъ нимало не подавляетъ въ армянахъ желанія войти въ тѣсное общеніе съ русской культурой и пользоваться защитой русской власти отъ несравненно болѣе численнаго на мѣстахъ мусульманскаго населенія. «Представители всѣхъ народностей—пишетъ графъ Воронцовъ-Дашковъ,—стремятся учить своихъ дѣтей по-русски, цѣня въ то же время подготовку на материнскомъ языкѣ ребенка. Доказательствъ этому сколько угодно. И наоборотъ, нельзя указать на случай противодѣйствія преподаванію русскаго языка. Яркій примѣръ—армянскія церковныя школы, гдѣ преподаваніе русскаго языка вовсе не обязательно, но гдѣ онъ тѣмъ не менѣе входитъ въ составъ обученія».

Читая это, мнѣ вспомнилось слышанное тридцать три года тому назадъ отъ нѣмцевъ-колонистовъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Законы страны обезпечиваютъ имъ право устраивать нѣмецкія школы: они дорожатъ и пользуются этой возможностью изъ желанія доставить своимъ дѣтямъ всѣ блага нѣмецкой культуры. Но въ то же время въ этихъ школахъ преподается и англійскій языкъ—языкъ большинства населенія, языкъ государственный. Мы слишкомъ по-

нимаемъ—сказалъ мнѣ одинъ изъ такъ называемыхъ людей 48-го года самъ участвовавшій въ революціонномъ движеніи, охватившемъ въ то время Германію, которой постыла ея политическая раздѣльность, шедшая въ разрѣзъ съ культурнымъ единствомъ,—мы слишкомъ хорошо понимаемъ, что борьба за существованіе будетъ облегчена нашимъ дѣтямъ при совершенномъ знакомствѣ ихъ съ англійскимъ языкомъ.—Несомнѣнно тѣ же мотивы побуждаютъ армянъ отказаться отъ всякой исключительности и даже настаивать, какъ сообщаетъ намѣстника, чтобы учителя сельскихъ школъ переводили преподаваніе на русскій языкъ. «Русскій языкъ для кавказскихъ народностей—продолжаетъ графъ,—является языкомъ культуры. Русская литература оказываетъ сильное вліяніе на мѣстныхъ жителей, на ней воспитавшихся, а русскіе люди въ глазахъ кавказца являются носителями той культуры, къ которой онъ всей душой желалъ бы пріобщиться; персидская и турецкая культуры, подъ вліяніемъ которыхъ онъ когда-то находился, ему стали чужды и потребности его не удовлетворяютъ». Графъ указываетъ, какими средствами можно избѣжать въ будущемъ нежелательныхъ треній съ мѣстнымъ населеніемъ. Не нужно задѣвать его національнаго самолюбія, держа туземцевъ вдалекѣ отъ службы въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Представители всѣхъ народностей Кавказа стремятся поступать на государственную службу какъ военную, такъ и гражданскую, и, поступая на нее, становятся хорошими исполнителями служебнаго долга. Нѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній отказываться отъ пріема мѣстныхъ уроженцевъ на государственную службу. Отказы отъ пріема или даже увольненія отъ службы воспринимаются единоплеменниками кандидата или уволеннаго всегда остро, затрагивая національное самолюбіе». Поэтому, необходимо предъявлять одинаковыя требованія при замѣщеніи мѣстъ ко всѣмъ безъ различія національностямъ, имѣя въ виду только интересы службы.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ обращаетъ также вниманіе на невозможность настаивать на томъ, чтобы въ первый же годъ поступленія дѣтей въ школу преподаваніе велось исключительно на русскомъ языкѣ. «Въ годы упраздненія намѣстничества—пишетъ онъ,—такая система вызвала недовольство населенія. Оно сказалось уменьшеніемъ числа учащихся, закрытіемъ отдѣльныхъ старыхъ школъ и противодѣйствіемъ открытію новыхъ». Съ тѣхъ поръ, какъ по предложенію намѣстника вернулись къ тѣмъ порядкамъ, которые еще въ 1881 г. введены были великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, съ тѣхъ поръ какъ преподаваніе въ первомъ учебномъ году ведется на материнскомъ языкѣ учащихся — всякое недовольство исчезло. Число школъ и учащихся быстро возросло. Первыхъ стало

больше на 30%, вторыхъ на 50%; и все это случилось за послѣднія 8-мь лѣтъ возстановленія намѣстничества».

Представитель высшей власти на Кавказѣ справедливо указываетъ на причину ошибки, имъ исправленной. Трудно — какъ онъ выражается, — не будучи освѣдомленымъ въ мѣстныхъ потребностяхъ управлять изъ Петербурга народнымъ просвѣщеніемъ Кавказа. Настаиваетъ графъ и на томъ, что колонизація изъ внутреннихъ губерній Россіи, весьма желательная въ интересахъ усиленія русскаго элемента на Кавказѣ, должна быть направляема съ умѣньемъ въ тѣ мѣстности, въ которыхъ пустопорожняя земля впервые призвана къ культурѣ благодаря устроенному по иниціативѣ правительства искусственному орошенію степей. «Неудачные опыты колонизаціи—пишетъ онъ,—на образованныхъ на скорую руку и гдѣ попало переселенческихъ участкахъ, нерѣдко вызывали уходъ переселенцевъ обратно... Не слѣдуетъ возвращаться къ опытамъ заселенія русскимъ элементомъ уже перегруженныхъ мѣстнымъ населеніемъ центральныхъ частей Кавказа. Имѣющійся въ этомъ раіонѣ ничтожный запасъ свободныхъ земель нуженъ для самого туземнаго населенія. Для русской колонизаціи могутъ быть использованы лишь пустующія нынѣ въ ожиданіи орошенія степи и въ нѣкоторой мѣрѣ Черноморское побережье. Задача лежитъ въ прямой колонизаціи края, а не въ выбрасываніи на него огромныхъ массъ народа, ищущихъ свободныхъ земель на Кавказѣ въ такой же степени, какъ и въ Сибири».

Мнѣ вспомнились, при чтеніи этихъ строкъ, горестныя встрѣчи на Кавказѣ съ харьковскими и полтавскими крестьянами, возвращавшимися на родину пѣшкомъ и жаловавшимися мнѣ и моимъ товарищамъ, въ томъ числѣ покойному Иванюкову, на то, что въ центральномъ Кавказѣ нѣтъ больше земель для русскихъ людей. И дѣйствительно, какая возможность получить имъ за дешевую плату земли, которыя въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ оцѣниваются такимъ образомъ: сколько станетъ головъ скота на опредѣленномъ участкѣ, столько и надо заплатить головъ за землю. А между тѣмъ при умѣломъ направленіи колонизаціоннаго движенія получаются такіе результаты: въ Муганской степи на орошенныхъ 70-ти тысячахъ десятинахъ имѣются уже 49 поселковъ съ 20,000 человѣкъ русскихъ переселенцевъ. «Дальнѣйшее орошеніе степи—читаемъ мы во всеподданнѣйшемъ отчетѣ,—позволитъ года черезъ два-три водворить здѣсь 100,000 русскихъ людей, а въ будущемъ предстоитъ еще устройство орошеній въ Мильской степи въ 160,000 десятинъ и Ширванской, которая въ будущемъ году уже будетъ обводнена въ размѣрѣ 33,000 десятинъ».

Графъ Воронцовъ-Дашковъ справедливо заканчиваетъ свой отчетъ словами: «вопросы политическаго характера, вызванные исключительно ошибочной оцѣнкой мѣстныхъ отношеній, пристрастнымъ отношеніемъ къ армяно-григоріанской церкви и къ языку преподаванія въ народной школѣ—всѣ эти вопросы теперь вошли въ спокойное русло, и для мирнаго теченія ихъ не слѣдуетъ только ставить вновь лишнихъ загражденій, способныхъ снова создать вновь бурные потоки».

Въ настоящее время, когда само правительство убѣдилось въ томъ, что никакого армянскаго сепаратизма не существуетъ, оно снова вернется, по всей вѣроятности, къ своей миссіи—защиты православнаго населенія въ предѣлахъ Турціи, безъ всякаго отношенія къ тому, какого оно происхожденія, славянскаго или нѣтъ. Вѣдь мы участвовали въ освобожденіи не однихъ сербовъ и болгаръ, но также грековъ и румынъ. Не всегда они платили намъ за то признательностью, но великая держава, какъ Россія, не можетъ руководствоваться въ своей политикѣ соображеніями о томъ, насколько отзывчивымъ окажется то или другое племя къ пожертвованіямъ, понесеннымъ нами при исполненіи нашей исторической миссіи—заступничества за страждущія христіанскія народности Востока.

Несомнѣнно, что въ числѣ тѣхъ, которые поминали насъ добрымъ словомъ и отблагодарили за оказанную имъ помощь своевременными услугами въ годины испытаній, надо считать и армянское населеніе Малой Азіи. Развѣ крестьяне армянскихъ селеній, которыми покрыта область, размѣрами своими превышающая Францію, не заслуживаютъ нашей искренней благодарности за то, что во время русско-турецкой войны выведенныя изъ Кавказа войска наши всегда находили въ немъ радушный пріемъ и готовность получать расплату за доставляемый провіантъ русскими бумажными деньгами? Кому неизвѣстно, что доброжелательное отношеніе ихъ къ православному воинству обострило ненависть къ нимъ ихъ сосѣдей курдовъ и до нѣкоторой степени вызвало тѣ ужасные погромы, которые, къ стыду человѣчества, обагрили кровью вилайеты Эрзерума, Вана, Гекъяри и Муша, гдѣ до массовыхъ истребленій 1894 — 1896 гг. жило до трехъ милліоновъ армянъ? И за этими предѣлами, въ такъ называемой Великой Арменіи, въ Киликіи, въ вилайетѣ Адана, какъ и въ вилайетѣ Алеппскомъ, живетъ не мало армянъ — въ послѣднемъ болѣе 230,000.

Погромы въ сентябрѣ 1894-го года начались въ Сосунѣ и съ перерывами продолжались до 1896-го года. Въ августѣ этого года они заливали кровью цѣлые кварталы Константинополя; въ сентябрѣ и въ ноябрѣ они повторились въ Эгинѣ и въ Эвэрэкѣ. Но

всѣмъ этимъ погромамъ предшествовали еще тѣ, которые на болѣе близкомъ разстояніи отъ русско-турецкой войны распространились, по сообщенію патріарха Нерзеса (сообщеніи оффиціальномъ, сдѣланномъ Высокой Портѣ въ 1876 г.) на 258 селеній, 32 монастыря и три города и ознаменовались истребленіемъ посѣвовъ и захватомъ земель сосѣдними беями. Ни для кого не осталось тайной, что нѣкоторыя статьи берлинскаго договора, которымъ закончилась наша война съ Турціей, въ извѣстной степени подсказали правительству Абдулъ-Гамида мысль не только не противодѣйствовать погромамъ, но скрытно оказывать имъ поддержку. Вѣдь по этому договору Турція обязывалась терпѣть христіанскихъ губернаторовъ въ вилайетахъ съ преобладающимъ христіанскимъ населеніемъ. Для нея было не безразлично понизить численно армянскій элементъ. Тѣхъ, кто не оказалъ своевременно достаточной прозорливости въ обнаруженіи скрытыхъ мотивовъ турецкой политики, продолжаютъ считать и понынѣ нравственными виновниками бѣдствій перенесенныхъ въ эти годы армянскимъ народомъ. Я недавно слышалъ открыто высказанное обвиненіе по адресу французскаго министра Ганото и получилъ письма, ставившія мнѣ на видъ, что объ этомъ мною напрасно не было сказано ни слова въ статьѣ, посвященной прошлому армянскаго вопроса (въ «Русскомъ Словѣ» за іюнь мѣсяцъ текущаго года). Такія же обвиненія мнѣ когда-то пришлось слышать и по адресу нашего посла, князя Лобанова-Ростовскаго. Я не умѣю читать въ душѣ людей и къ тому же достаточно знаю одного изъ обвиняемыхъ—Ганото, чтобы объяснять себѣ его поведеніе скорѣе чрезмѣрнымъ довѣріемъ къ торжественнымъ обязательствамъ, принятымъ правительствомъ Абдулъ-Гамида, чѣмъ какой-то совершенно непонятной черной ненавистью къ армянскому народу. Во всякомъ случаѣ надо признать, что Европа не добилась до сихъ поръ осуществленія обязательствъ, принятыхъ на себя Турціей до и послѣ погрома, и поэтому погромы продолжаются и по настоящій день. Въ общемъ очеркѣ, посвященномъ армянскому вопросу Марселемъ Леаромъ и вышедшемъ въ теченіе текущаго года въ Парижѣ, отмѣченъ тотъ фактъ, что впервые армянскій вопросъ поставленъ былъ въ 1867-мъ году по случаю возстанія въ Цейтунѣ, вызвавшемъ французское вмѣшательство. Шестьсотъ лѣтъ армяне провели подъ игомъ турокъ и за это время—пишетъ авторъ,—ихъ исторія представляетъ сплошной мартирологъ. Многіе, чтобы спасти жизнь, принуждены были принять исламъ. Другіе эмигрировали въ Россію въ 1830, 56, 78 г. г. Послѣ провозглашенія Оттоманской конституціи нимало не пріостановился этотъ исходъ; онъ принялъ только иное направленіе—не въ Россію, въ это время начавшую враждовать съ ар-

мянствомъ, а во Францію и въ Соединенные Штаты направились эмигранты-армяне. Отливъ ихъ во Францію былъ особенно великъ съ 1878 по 1905 годъ. Въ Соединенные Штаты переселеніе началось въ 1878-мъ году и продолжается по настоящій день. Но покинуло родину сравнительно небольшое число армянъ. Главная масса ихъ по прежнему живетъ среди мусульманскаго населенія въ вилайетахъ Вана, Битлиса, Діарбекира, въ восточной части вилайета Сивасъ, въ вилайетѣ Адана и въ сѣверной части Алепскаго вилайета. Населеніе это далеко не исключительно торговое. Ошибочныя представленія на этотъ счетъ напоминаютъ тѣ, которыя существуютъ въ Россіи и съ которыми борется въ своемъ всеподданѣйшимъ докладѣ графъ Воронцовъ-Даликовъ. «Армяне — читаемъ мы въ этомъ докладѣ,— населеніе исключительно сельское, занимающееся съ выдающимся трудолюбіемъ земледѣліемъ. Только около $^1/_5$ армянъ живутъ внѣ мѣста рожденія, занимаясь преимущественно торгово-промышленными предпріятіями и создавая среди народностей, между которыми они живутъ, то же ложное представленіе, какое мы имѣемъ о грекахъ на основаніи однихъ лишь греческихъ торговцевъ».

Въ томъ же смыслѣ въ 1904-мъ году писалъ о турецкихъ армянахъ хорошо знакомый съ ихъ бытомъ французскій поэтъ Квильяръ, одно время занимавшійся педагогической дѣятельностью въ Турціи. «Изъ того обстоятельства — заявлялъ онъ, — что армяне въ большихъ городахъ обнаруживаютъ значительную способность къ торговлѣ и мѣняльному дѣлу, поверхностные наблюдатели вынесли впечатлѣніе, что всѣ они какіе-то базарные посредники» (saraf). Да и въ городахъ эти «сарафы» представляютъ лишь меньшинство армянъ. Большинство — служители или переносчики грузовъ. Такіе переносчики или «hamal» въ Константинополѣ почти всѣ армяне. Армяне также булочники, портные, столяры, золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы, мясники, землекопы; армяне также тѣ оружейники, ножовщики и опять таки золотыхъ дѣлъ мастера, которыхъ мы находимъ въ Ванѣ, Діарбекирѣ, Сивасѣ, Ангорѣ. Немало между ними ткачей, кузнецовъ, котельщиковъ. Не они ли также первые въ Турціи спасли шелковую промышленность Бруссы примѣненіемъ Пастеровскаго метода? Ими созданы кожевенный промыселъ Эрзинджана и его красильныя заведенія. Но внутри страны, гдѣ встрѣчаются ихъ наиболѣе численныя поселенія, армяне по преимуществу сельскіе хозяева. Они винодѣлы въ Ванѣ, въ Ангорѣ, въ Бруссѣ, пчеловоды въ томъ же Ванѣ и Ангорѣ, а на протяженіи всей страны—по преимуществу земледѣльцы и пастухи. Въ вилайетѣ Сивасъ они примѣняютъ къ земледѣлію требованія современной техники, а въ Гафикѣ и Кочери пользуются самыми усовершенствованными земледѣльческими

машинами. Теперь, какъ и столѣтія тому назадъ, армяне въ Азіи лучшіе пропагандисты западной культуры. Народъ трудолюбивый, разумный и кроткій, народъ, который европейскія власти торжественно обѣщали защитить отъ европейскаго варварства, былъ оставленъ на произволъ судьбы тѣми, кто присвоилъ себѣ опеку надъ нимъ! Съ 1894-го по 1896-й годъ, среди мира, которымъ пользовалась турецкая имперія, армянъ стали систематически вырѣзывать. Ихъ изводятъ и по настоящій день, пуская въ ходъ методы болѣе хитрые и скрытные, но несомнѣнно столь же вѣрные» [1]).

Армянамъ, очевидно, мстили—скажемъ мы отъ себя—за ихъ поведеніе на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ они рѣшились домогаться автономіи. На этомъ конгрессѣ армянская делегація представила готовый проектъ органическаго регламента для Турецкой Имперіи. Онъ предлагалъ ввѣрить управленіе вилайетами Эрзерума и Вана, сѣверною частью вилайета Діарбекирскаго и другими вилайетами, входящими въ составъ Великой Арменіи, армянскому генералъ-губернатору, съ пребываніемъ въ Эрзерумѣ. Губернаторъ этотъ назначался бы Великою Портою съ согласія великихъ державъ. Ему ввѣрялась исполнительная власть, сборъ налоговъ, назначеніе чиновниковъ и судей, предсѣдательство на земскомъ собраніи и контроль надъ всѣми отраслями управленія провинціи. Назначенный на 5 лѣтъ, онъ, согласно проекту, не могъ быть отрѣшенъ отъ должности Портою иначе, какъ съ согласія тѣхъ же державъ. Проектъ заключалъ въ себѣ, наряду съ этимъ, и постановленіе о созывѣ представительнаго собранія, избираемаго всѣми жителями провинціи, достигшими 25-тилѣтняго возраста, владѣющими какой-либо недвижимой собственностью или платящими прямую подать. Особыя статьи обезпечивали всѣмъ жителямъ, безъ различія національности и религіи, свободу культа [2]).

Державы не поддержали этого проекта, исходившаго отъ патріарха, и удовольствовались редактированіемъ 61-й статьи Берлинскаго договора, гласящей буквально слѣдующее: «Верховная Порта обязуется произвести немедленно въ провинціяхъ, занятыхъ армянами, тѣ усовершенствованія и реформы, какія отвѣчаютъ мѣстнымъ нуждамъ. Она берется также обезпечить безопасность армянъ отъ черкесовъ и курдовъ. Отъ времени до времени въ періодическомъ порядкѣ Верховная Порта будетъ доводить до свѣдѣнія державъ о реформахъ, ею предпринятыхъ. Державы же будутъ слѣдить за ихъ примѣненіемъ».

---

1) См. парижскій сборникъ: Pour l'Arménie. (Пар., 1904, стр. X и XI).

2) См. въ приложеніи къ упомянутому уже сочиненію Леара текстъ этого проекта (стр. 28—30).

Прошли годы—и ничего Турціей не было предпринято для осуществленія этой статьи. Броженіе курдовъ и черкесовъ въ армянскихъ провинціяхъ приняло устрашающій характеръ и побудило шесть великихъ державъ направить къ Верховной Портѣ совмѣстную ноту, настаивавшую на проведеніи реформъ. Порта оставила эту ноту безъ отвѣта. И снова армянскій вопросъ не сходитъ съ мертвой точки и продолжается жестокое угнетеніе родственнаго намъ по вѣрѣ и родственнаго всей Европѣ по своей христіанской культурѣ армянскаго народа.

Чѣмъ вызываются эти постоянныя тренія между мусульманскимъ населеніемъ указанныхъ провинцій и армянами? Съ турецкой стороны указываютъ на экономическую зависимость, въ которой нехристіанское населеніе якобы стоитъ отъ армянъ. Такое утвержденіе можетъ быть принято на вѣру тѣми, кто у насъ въ Россіи, какъ указано было выше, считаетъ армянъ исключительно занятыми торговлею и кредитными сдѣлками. Но вѣдь мы видѣли, что всего пятая часть занята не земледѣліемъ, а другими промыслами. Обыкновеннымъ поводомъ столкновеній являются попытки беевъ и курдскихъ аговъ присвоить себѣ армянскія земли. Въ донесеніи, представленномъ отъ имени армянскаго патріарха Оганеса Архаруни Верховной Портѣ, прямо говорится о преступленіяхъ, совершенныхъ феодальными начальниками подъ благожелательнымъ взглядомъ чиновниковъ, забывшихъ о своихъ обязанностяхъ. Этихъ феодальныхъ начальниковъ обвиняютъ въ томъ, что они провозглашаютъ себя собственниками домовъ, земель, нивъ и виноградниковъ какъ тѣхъ армянъ, которые принуждены были эмигрировать заграницу, такъ и тѣхъ, которые не думали покидать своихъ очаговъ. Мѣстныя власти, пренебрегая велѣніями законовъ, одобряли эти захваты; подъ предлогомъ выморочности, они конфисковали извѣстное количество земель и, не обращая ни малѣйшаго вниманія на жалобы потерпѣвшихъ, хитростью заставили ихъ скрѣпить своими подписями нѣкоторые акты передачи имуществъ и ихъ регистраціи. Земли, разъ отобранныя, розданы были новымъ колонистамъ-мусульманамъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ послѣднихъ очутились на правахъ собственности земли, зависѣвшія ранѣе отъ церквей и монастырей, земли, пріуроченныя къ кладбищамъ, а рядомъ съ ними усадебныя постройки, ранѣе занятыя армянами. И тысячи армянъ оказались лишенными имущества и потерявшими унаслѣдованныя ими отъ предковъ жилища. Такіе захваты, очевидно, произошли не безъ вѣдома правительственной власти, иначе турецкій Государственный Совѣтъ постановленіемъ отъ 1 сентября 1326 г. (считая отъ «геджиры») не утвердилъ бы произведен-

ныхъ распоряженій по отношенію къ землямъ и жилищамъ, временно покинутымъ армянами. «Доступные подкупу чиновники,—жалуется патріархъ,—воспользовались этимъ постановленіемъ и стали поддерживать тѣхъ, кто производилъ новые захваты, придавая имъ тѣмъ самымъ какъ бы законномѣрный характеръ. Мѣстное отдѣленіе Земельнаго банка также немало содѣйствовало такому переходу армянскихъ земель въ руки мусульманъ. Заложенныя крестьянскія имущества сплошь и рядомъ продавались банкомъ за пустякъ феодальнымъ начальникамъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда армянамъ удавалось добиться кассаціи рѣшенія въ свою пользу, приговоры Верховнаго Суда о возвращеніи имъ земель оставались безъ исполненія». Земельный вопросъ патріархъ признаетъ источникомъ всего зла. Захваты продолжаются. Лицамъ, виновнымъ въ нихъ, выдаются акты укрѣпленія имуществъ. Въ теченіи 1907-го года, новые колонисты поселены были на земляхъ армянъ подъ предлогомъ выморочности.

Рядомъ съ этимъ идетъ оживленіе крѣпостного права. Феодализмъ, создающій, по выраженію патріарха, «государство въ государствѣ», находитъ поощреніе и упрочивается. Армянскіе крестьяне призваны къ несенію барщины и къ поголовному платежу извѣстныхъ взносовъ, съ которыми связывается понятіе о крѣпостномъ состояніи. Земельные захваты и обложенія крестьянъ поборами сплошь и рядомъ производятся бродячими племенами (tribus nomades). Вопреки всякому праву и закону они переносятъ свои палатки на земли, заселенныя мирными жителями, и предаются грабежамъ и насиліямъ. До сихъ поръ они не встрѣтили противодѣйствія. Этимъ объясняется, почему въ окрестностяхъ Вана и Битлиса они захватили земли, стали травить поля своими стадами, обезземеливая мирное населеніе. Въ вилайетахъ Битлиса и Діарбекира, какъ и въ окрестностяхъ Муша и Вана, главы этихъ бродячихъ племенъ присваиваютъ себѣ право облагать поборами, какъ своихъ вассаловъ, не только армянъ, но также курдовъ и турокъ. Эти поборы носятъ разныя названія, гдѣ кафирлика, улама, гдѣ кабала и зойра. Одно изъ этихъ названій, «ангаріа», вызываетъ въ нашей памяти порядки, унаслѣдованные еще отъ Рима и извѣстные всей средневѣковой Европѣ. Это своего рода общественныя помочи, оказываемыя крестьянами помѣщику во время уборки и пахоты. Они могутъ быть замѣнены выкупомъ, и въ такомъ случаѣ носятъ характеръ поборовъ. Такъ какъ армяне лишены права носить оружіе, то они не имѣютъ возможности оказывать серьезнаго сопротивленія, и имъ остается только ходатайствовать, но, повидимому, безуспѣшно, о томъ, чтобы обра-

зованы были отряды жандармеріи, наблюдающіе за горцами и препятствующіе ихъ набѣгамъ на мирныхъ жителей.

Въ другомъ посланіи, направленномъ тѣмъ же армянскимъ патріархомъ къ великому визирю и министру юстиціи и культовъ, болѣе обстоятельно изображены тѣ притѣсненія, жертвой которыхъ являются армяне-землевладѣльцы. Съ скрытой цѣлью извести христіанское населеніе въ Малой Азіи, армянъ,—пишетъ патріархъ,—стали обвинять въ намѣреніи возстать противъ султана и образовать независимое армянское государство. Этимъ вызваны были въ Анатоліи и въ самой столицѣ кровавые погромы и организованныя истребленія. Тысячи армянъ должны были для спасенія своей жизни выселиться изъ Турціи. Все это происходило при старомъ порядкѣ, т. е. до провозглашенія турецкой конституціи. Служители Абдулъ-Гамида рѣшили продолжать борьбу съ армянами, начатую мечемъ, административными мѣрами, направленными къ тому, чтобы удалить ихъ изъ прежнихъ очаговъ. Обнародовано было правительственное сообщеніе, гласившее, что желающіе покинуть страну будутъ призваны подписывать обязательство не возвращаться въ Турцію послѣ перемѣны ими подданства. Эти мѣры строгости были усилены со временемъ, и армянамъ запрещенъ былъ не только отъѣздъ въ Европу, но и переходъ изъ одной области въ другую. Въ такихъ условіяхъ имъ не осталось другого средства, какъ бѣжать тайно, подкупая чиновниковъ. Послѣ ихъ ухода чиновники, феодальные старшины и даже простонародье, настаивая на томъ, что армяне перешли въ другое подданство, стали захватывать ихъ земли подъ предлогомъ выморочности. Тѣхъ же армянъ, которымъ не удалось эмигрировать, они всякими правдами и неправдами лишали возможности обрабатывать землю въ теченіе трехъ лѣтъ—а по мусульманскому праву «тотъ, кто трудомъ оживитъ землю, пролежавшую впустѣ въ теченіе трехъ лѣтъ, пріобрѣтаетъ на нее право собственности». Другіе прибѣгали ко всякаго рода дозволеннымъ и недозволеннымъ средствамъ, чтобы помѣшать армянамъ обжаловать мусульманскіе захваты въ теченіе 10-ти лѣтъ, т. е. давностнаго срока.

Чтобы дать приблизительное понятіе о тѣхъ утратахъ, какія потерпѣли армяне, патріархъ приводитъ слѣдующія данныя: въ Анатоліи 13 монастырей и 27 церквей были частью обращены въ конюшни, частью сдѣлались мѣстами поселенія для мусульманъ, частью, наконецъ, были разрушены, при чемъ полученный такимъ образомъ матеріалъ пошелъ на новыя постройки. Одновременно 16 кладбищъ и 18 помѣстій, входившихъ въ составъ имущества армянской церкви, подверглись конфискаціи. Число ото-

бранныхъ участковъ, принадлежавшихъ въ частную собственность армянамъ, превышающихъ размѣрами 100 гектаровъ и представляющихъ цѣнность въ 100 и болѣе турецкихъ ливровъ, равняется 7000. Въ счетъ не идутъ участки меньшаго размѣра и меньшей цѣнности. Независимо отъ этого, земельный банкъ поспѣшилъ устроить продажу съ публичныхъ торговъ земель, заложенныхъ ему армянами-эмигрантами. Земли эти въ силу торговъ за цѣну въ три, въ пять и даже въ десять разъ меньшую противъ настоящей, присуждены были, какъ выражается патріархъ, феодальнымъ воробчикамъ (hobereaux) изъ мусульманъ. Въ свою очередь, частные кредиторы заставили выселившихся армянъ продать свои земли для окончательной расплаты съ ними. Эмиграція коснулась приблизительно 40 тысячъ армянъ, выселившихся въ Россію. Русское правительство, по словамъ патріарха, приняло обязательство воспрепятствовать обратному возвращенію армянъ въ Турцію или переходу ихъ въ Персію и съ этою цѣлью потребовало немедленнаго принятія ими русскаго подданства. Взамѣнъ этого оно выговорило у Турціи обязательство не давать концессіи на постройку извѣстныхъ, весьма значительныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Анатоліи, помимо русскихъ капиталистовъ. Когда несчастные армяне, не зная объ этомъ соглашеніи, вздумали, разорвавъ русскіе паспорта, снова перейти границу Турціи, они встрѣчены были пулями столько же русскихъ, сколько турецкихъ и персидскихъ солдатъ.

Независимо отъ аграрнаго вопроса, призваннаго къ жизни только что описанными событіями, столкновенія армянъ съ мѣстнымъ населеніемъ вызываются всякаго рода актами произвола, проходящими почти безнаказанно. Въ числѣ ихъ далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ захваты женщинъ курдами, насильственное обращеніе въ мусульманство уведенныхъ армянокъ. Кровавыя расправы, вызываемыя отдѣльными актами не только убійства, но и пораненія, объясняются держащейся въ средѣ курдскихъ племенъ кровной местью. Эти насилія не встрѣчаютъ достаточной репрессіи со стороны мѣстныхъ властей и порождаютъ длящіяся междоусобія.

Послѣ ряда представленій Высокой Портѣ, не вызвавшихъ со стороны турецкаго начальства ничего, кромѣ попытки оффиціальнаго опроверженія самыхъ фактовъ на основаніи пристрастныхъ сообщеній губернаторовъ Вана и Битлиса, патріархъ Арчаруни не счелъ возможнымъ оставаться болѣе на своемъ посту и послалъ національному собранію армянъ мотивированное заявленіе о своей отставкѣ. Въ его посланіи значится между прочимъ: «начиная съ 12-го іюня текущаго 1908-го года, постоянно совершаются преступленія, направленныя противъ армянъ въ вилайетахъ Вана, Битлиса, Діарбекира.

Всѣ наши заявленія и ходатайства оказались безплодными. Преступники не задержаны и не подвергнуты наказанію. Въ бездѣйствіи и скрытой поддержкѣ мѣстныхъ властей они находятъ новое поощреніе къ своей преступной дѣятельности. Армянское населеніе, какъ лишенное оружія, не имѣетъ возможности само справиться съ вооруженными бандитами. Наши соплеменники, разсѣянные по всему міру, отовсюду шлютъ свои протесты; возбужденіе растетъ и положеніе становится все болѣе и болѣе труднымъ и опаснымъ. Не желая далѣе брать на себя отвѣтственности за дальнѣйшій ходъ событій и лишенный возможности исполнять, какъ онъ выражается, самую существенную часть своихъ обязанностей, патріархъ турецкихъ армянъ поставленъ въ тяжелую необходимость сложить съ себя свои полномочія».

Съ этого времени и по настоящій день преемникамъ патріарха приходится обращаться все съ новыми и новыми заявленіями о непрекращающихся насиліяхъ и погромахъ. Вотъ, напримѣръ, заявленіе, сдѣланное министру юстиціи 25 іюля 1909-го года. Епископъ Муша въ вилайетѣ Битлисъ доноситъ о томъ, что захвачено было нѣсколько женщинъ, которыхъ насильно заставили принять магометанство. 3-го марта 1910 года министру внутреннихъ дѣлъ доносятъ отъ имени патріарха, что курды собираются произвести новое истребленіе армянъ. Акты насилія уже начались. Двѣнадцать армянъ изъ селенія Мусонъ, отправляясь на свои пастбища, задержаны были солдатами, избиты, связаны и въ этомъ видѣ доставлены обратно въ селеніе. Въ другой деревнѣ солдаты нападаютъ на свадьбу подъ предлогомъ, что изъ среды свадебной толпы раздались выстрѣлы. Священникъ ищетъ убѣжища въ церкви. Солдаты вламываются въ нее. Они проникаютъ также силою въ частныя жилища, нанося побои и причиняя раненія. Вся тревога вызвана соблюденіемъ армянами стародавняго обычая, по которому привозъ невѣсты въ домъ жениха ознаменовывается выстрѣлами изъ ружей. Въ мартѣ 1910 г. въ меморандумѣ, представленномъ великому визирю, мы читаемъ: по сообщенію съ мѣстъ въ Баязетѣ и его окрестностяхъ, въ Діарбекирѣ, Ванѣ, Мушѣ, Битлисѣ и Чарсанджакѣ готовятся трагическія событія, подобныя тѣмъ кровавымъ погромамъ, которые ранѣе произошли въ Адана и Алеппо. Патріархъ ходатайствуетъ объ обузданіи курдовъ и о роспускѣ той военной стражи, которая создана была еще султаномъ Абдулъ-Гамидомъ и извѣстна подъ названіемъ полковъ Гамидіе. Въ октябрѣ слѣдуетъ новое представленіе, поводъ къ которому даетъ насильственный уводъ женщинъ и обращеніе ихъ въ исламизмъ. Перешедшіе въ магометанство во время прежнихъ погромовъ исключи-

тельно ради спасенія своей жизни желали бы, въ числѣ 118-ти человѣкъ, воспользоваться обѣщанной свободой совѣсти, чтобы вернуться въ вѣру отцовъ, но не смѣютъ сдѣлать этого изъ страха передъ беями и курдскими агами. Они ходатайствуютъ, поэтому, о томъ, чтобы ихъ жизнь, честь и имущество были поставлены подъ защиту. Въ апрѣлѣ и маѣ 1911-го года новыя жалобы на уводъ женщинъ, на убійство курдами священника и семи армянъ, а въ іюлѣ въ новомъ донесеніи министру юстиціи и культовъ говорится, что повсюду въ Анатоліи армяне являются жертвой вымогательствъ, убійствъ и т. д.; ихъ дома и поля захвачены, невинная кровь льется рѣкою—однимъ словомъ, все происходитъ по старому, какъ будто бы и не наступило перемѣны въ государственныхъ порядкахъ со времени обнародованія конституціи. Никакихъ мѣръ не принято противъ убійцъ священника и семи человѣкъ, на которое жаловались ранѣе, и можно ждать только повторенія такихъ же насилій. Въ августѣ того же года изъ Битлиса приходитъ извѣстіе, что всѣ дороги въ провинціи попали въ руки курдовъ, что передвиженіе по нимъ для армянъ не безопасно, что ежедневно происходятъ убійства, что тѣ, кто указываютъ на убійцъ, въ свою очередь подвергаются насиліямъ.

Намъ пришлось бы впадать въ постоянныя повторенія, если бы мы вздумали исчерпать весь богатый матеріалъ, собранный составителями отдѣльныхъ тетрадей изданія, озаглавленнаго «La situation des Arméniens en Turquie». Цѣлая тетрадь посвящена изображенію самаго ужаснаго изъ всѣхъ погромовъ, въ Аданѣ. Тетрадь заключаетъ въ себѣ докладъ, сдѣланный 7 іюня 1909 г. депутатомъ Адріанополя Бабигіяномъ Эффенди. По заявленію покойнаго депутата, какъ сами армяне, такъ и корреспонденты иностранныхъ журналовъ, опредѣляютъ число жертвъ въ 25—30 тысячъ. Турецкое правительство остановилось сперва на цифрѣ 1500 христіанъ и 1900 мусульманъ. Позднѣе оно повысило цифру тѣхъ и другихъ вмѣстѣ до 6000. Погромъ отличался особенной жестокостью. Жгли живыми больныхъ и раненыхъ. Насиловали дѣвочекъ 12-ти и даже 8-ми лѣтъ. Погромъ вызванъ былъ недовольствомъ нотаблей-мусульманъ конституціоннымъ переворотомъ, происшедшимъ въ Константинополѣ. Армянъ обвиняли въ ближайшемъ участіи въ немъ. Слѣдуетъ длинный перечень событій, указывающихъ какъ постепенно былъ подготовляемъ и отчасти выполненъ проектъ поголовнаго истребленія христіанъ въ Аданѣ. Къ докладу приложенъ списокъ жертвъ, счетомъ до 21 тысячи человѣкъ. Въ послѣднихъ по времени выхода тетрадяхъ печатаются списки всѣхъ насилій, какія въ теченіе одного года причинены

были армянамъ въ разныхъ вилайетахъ. Такіе итоги подведены за 1909-й и 1910-й годы.

Европейскія правительства не могутъ болѣе ссылаться на недостаточную освѣдомленность. Кровь армянская вопіетъ къ нимъ и настоятельно требуетъ осуществленія того заступничества, которое было обѣщано угнетаемой въ теченіе вѣковъ христіанской народности. Но счеты между самими державами, группирующимися въ два союза, одинаково направленными, повидимому, къ охраненію мира и въ то же время борющимися между собою изъ-за сферъ вліянія, парализуютъ дѣятельность европейскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ. Германія считаетъ себя заинтересованной стороною, такъ какъ затѣваемая ею желѣзнодорожная цѣпь проходитъ черезъ мѣстности Малой Азіи, надъ которыми въ стратегическомъ отношеніи господствуетъ армянское плоскогорье—область, населенная армянами. Она противилась бы, поэтому, одностороннему выступленію Россіи въ роли предстателя за армянъ. Англія и Франція, въ свою очередь, отступаютъ передъ мыслью объ очень дѣятельномъ представительствѣ, не желая вызвать недовольства среди мусульманскаго населенія своихъ колоній, для котораго султанъ по прежнему остается главою правовѣрныхъ.

Въ серединѣ іюля новаго стиля засѣдала особая конференція по вопросу о реформахъ въ армянскихъ провинціяхъ Турціи. Французскій и англійскій уполномоченные поддерживали русское предложеніе объединить шесть вилайетовъ, въ составъ которыхъ въ значительномъ числѣ входятъ армяне, подъ властью одного христіанскаго генералъ-инспектора. Германскій уполномоченный, а за нимъ и австрійскій, на это не соглашались, полагая, что такая автономія не въ интересахъ Турціи и что населеніе названныхъ вилайетовъ болѣе чѣмъ на половину мусульманское. Они настаивали на предпочтительности такихъ порядковъ, при которыхъ обѣ половины населенія имѣли бы, въ лицѣ правительства, радѣтеля о своихъ нуждахъ, а для этого слѣдовало бы высшему административному лицу по назначенію Порты имѣть двухъ помощниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ бы христіанинъ, а другой мусульманинъ. Тоже равновѣсіе христіанъ и мусульманъ должно быть сохранено и въ составѣ совѣта при генеральномъ комиссарѣ. Три члена въ этомъ совѣтѣ должны бы принадлежать къ числу христіанъ, три — къ мусульманамъ. При генеральномъ комиссарѣ и его совѣтѣ имѣется въ виду созданіе особаго представительнаго собранія, составленнаго одинаково изъ курдовъ и армянъ. Проектируется учрежденіе особаго коллегіальнаго органа въ Константинополѣ для осуществленія контроля надъ дѣятельностью генеральнаго

комиссара и особой военной команды при комиссарѣ для приведенія въ исполненіе силою предписанныхъ имъ мѣръ.

Во время преній весьма опредѣленно выступала солидарность правительствъ Германіи, Австріи и Италіи въ отстаиваніи суверенитета Турціи и возможнаго невмѣшательства европейскихъ державъ въ ея внутреннюю политику. Столь же опредѣленно представители Англіи и Франціи поддерживали заявленіе русскаго делегата, клонившееся къ возможно полному осуществленію обѣщаній, содержащихся въ 61 статьѣ Берлинскаго договора, безъ чего положеніе армянъ продолжало бы оставаться беззащитнымъ по отношенію къ курдамъ и всему вообще мусульманскому населенію.

Комиссія разошлась, не достигнувъ соглашенія. Въ концѣ лѣта и началѣ осени возникли переговоры членовъ нашего правительства посѣтившихъ Берлинъ,—министра иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ,—съ членами нѣмецкаго правительства, не исключая и канцлера. Происходили ли эти переговоры вопреки желанію нашихъ союзниковъ? Предположить это трудно. Не разъ дѣлаемо было недавно отъ имени французскаго правительства заявленіе, что рѣдко когда существовало большее согласіе взглядовъ между обоими кабинетами, чѣмъ въ настоящее время. Весьма вѣроятно, что правительства Англіи и Франціи, одинаково заинтересованныя въ томъ, чтобы не вызвать недовольства между своими магометанскими подданными, охотно уступили Россіи руководящую роль въ переговорахъ съ правительствами тройственнаго согласія по вопросу, такъ или иначе связанному съ ограниченіемъ державныхъ правъ Порты и вмѣшательствомъ въ ея внутренныя дѣла.

Многія изъ лицъ, внимательно слѣдящихъ за нашей политикой на Ближнемъ Востокѣ, отрицательно относятся къ попыткѣ рѣшенія армянскаго вопроса совмѣстно германскимъ и русскимъ правительствами. Но если поставить на первый планъ интересы какъ общаго мира Европы, такъ и обезпеченія армянскаго населенія Азіатской Турціи отъ возможности новыхъ погромовъ, то этотъ путь можетъ быть и есть наиболѣе желательный.

Со времени балканской войны вліяніе Германіи въ Константинополѣ, и ранѣе весьма значительное, еще болѣе упрочилось. Имѣть ее на своей сторонѣ—это лишній шансъ успѣха. Турція относится къ ней съ довѣріемъ и въ то же время едва ли рѣшится вызвать ея неудовольствіе явнымъ неисполненіемъ данныхъ обѣщаній.

Будемъ надѣяться, что русской дипломатіи удастся отстоять возможно большее число предложенныхъ ею мѣръ. Въ интересахъ самой Турціи показать Европѣ, что грубое неисполненіе

разъ принятыхъ ею обязательствъ, которымъ на весь міръ прославился Абдулъ-Гамидъ, не унаслѣдовано отъ него правительствомъ конституціонной державы, какою слыветъ и желаетъ слыть Имперія Османовъ со времени насажденія въ ней болѣе или менѣе европейскихъ порядковъ. Если великія державы будутъ дѣйствовать согласно въ настоящемъ вопросѣ, Портѣ придется уступить хотя бы изъ страха возстановить противъ себя общественное мнѣніе всѣхъ культурныхъ народовъ.

Вѣдь Порта должна же понять, наконецъ, что никакіе погромы немыслимы при желаніи слыть «правовымъ государствомъ», что равная защита всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣры и языка, составляетъ необходимое требованіе, предъявляемое ко всякому правительству, желающему принимать участіе въ такъ называемомъ «европейскомъ концертѣ», что иначе немыслимо для Турціи ждать отъ великихъ державъ тѣхъ услугъ, въ которыхъ необходимо нуждается всякая страна, подвергшаяся такимъ испытаніямъ, какія недавно перенесла Имперія Османовъ, что безъ этого ей трудно будетъ возстановить свое экономическое и финансовое благосостояніе.

Телеграфъ передалъ намъ, нѣсколько недѣль тому назадъ, извѣстіе, что соглашеніе державъ относительно реформъ въ Арменіи состоялось. Сообщенія на этотъ счетъ сдѣланы были оффиціальному представителю армянъ-католиковъ въ Парижѣ предсѣдателемъ нашего совѣта министровъ.

Глава англійскаго министерства Асквитъ выступилъ 29 октября съ заявленіемъ, что Британское правительство намѣрено поддерживать суверенитетъ Блистательной Порты въ ея азіатскихъ владѣніяхъ и полагаетъ, что лучшей гарантіей для поддержанія statu quo были бы широкія внутреннія реформы въ Азіатской Турціи. Эти реформы не могутъ быть проведены безъ содѣйствія великихъ державъ. Великобританское правительство будетъ радо оказать Турціи помощь, о которой она проситъ; но «оно не упуститъ изъ виду интересовъ другихъ державъ». Это значитъ, что оно не отдѣлится отъ нихъ при обсужденіи армянской проблемы. По словамъ «Новаго Времени», Турція, повидимому, желала бы изолировать въ этомъ отношеніи Англію. Въ январѣ текущаго года Махмудъ Шефкетъ-Паша обратился къ Великобританіи съ предложеніемъ оказать содѣйствіе проведенію армянскихъ реформъ. Формальнымъ поводомъ къ тому была такъ называемая Кипрская конвенція 1878-го года. Въ первой статьѣ этого договора, какъ напоминаетъ сотрудникъ «Новаго Времени», было выговорено, что Великобританія будетъ дѣйствовать за одно съ сул-

таномъ и отразитъ силою всякія другія претензіи Россіи на Малоазіатскія владѣнія, признанныя за Турціей Берлинскимъ трактатомъ, Турція же взамѣнъ обязывается внести необходимыя реформы въ управленіе малоазіатскими христіанами, т. е. армянами. Предложеніе Махмуда-Шефкета состояло въ томъ, чтобы англичане назначили въ армянскіе вилайеты двухъ генералъ-инспекторовъ. Послѣ долгихъ колебаній министръ иностранныхъ дѣлъ Грэй согласился на это предложеніе; но правительство медлило съ его выполненіемъ и въ концѣ концовъ не разрѣшило Роберту Грэвсу, занимающемуся въ настоящее время реформой турецкихъ финансовъ и долгое время бывшему консуломъ въ армянскихъ провинціяхъ Турціи, принять на себя обязанности армянскаго генералъ-инспектора, какъ о томъ ходатайствовало турецкое правительство.

Если данныя, сообщаемыя «Новымъ Временемъ» точны, то въ рѣчи Асквита нужно видѣть подтвержденіе догадки, что и Англія намѣрена принять участіе въ совмѣстномъ выступленіи державъ въ Константинополѣ въ пользу армянъ. Политика незаинтересованности, которой руководились кабинеты европейскихъ державъ во время недавнихъ событій на Балканахъ, повидимому, и на этотъ разъ дастъ возможность дѣйствовать за одно Тройному Союзу съ Тройнымъ Согласіемъ. Свѣдѣнія, опубликованныя въ номерѣ 599-мъ «Вечерняго Времени» отъ 31 октября поднимаютъ завѣсу надъ причинами, которыя недавно еще тормозили дѣло предстательства за армянъ. Выработанный въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ проэктъ реформъ въ Арменіи встрѣтилъ, по сообщенію газеты, живой отпоръ со стороны Германіи.

Представители европейскихъ державъ въ Константинополѣ остановились на мысли избрать нѣчто среднее между русскимъ и германскимъ предложеніями. Когда переговоры завершились редакціей такого смѣшаннаго проекта, Порта сдѣлала заявленіе, что она сама намѣрена выработать текстъ реформы, которая кореннымъ образомъ измѣнитъ положеніе жителей въ армянскихъ вилайетахъ. Долгое время турки не давали затѣмъ никакого отвѣта на запросъ великихъ державъ, въ какомъ положеніи находится дѣло переустройства Арменіи. Наконецъ, великій визирь сообщилъ, что Турція намѣрена провести реформы, предположенныя въ 1880-мъ году. Въ этомъ наше правительство увидѣло намѣреніе Порты продолжать систему проволочекъ и нашло нужнымъ войти въ сношеніе съ Берлинскимъ на счетъ неотложности армянскихъ реформъ.

Во время пребыванія С. Д. Сазонова въ Берлинѣ между нимъ и канцлеромъ Бетманомъ-Гольвегомъ и временно-управляющимъ нѣмецкимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ происходили перего-

воры. Германія обѣщала поддерживать Россію въ ея стремленіи достигнуть коренныхъ реформъ въ армянскихъ вилайетахъ въ Турціи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ германскій посолъ въ Константинополѣ бар. Вагенгеймъ настойчиво рекомендовалъ великому визирю заняться армянскимъ вопросомъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, русскіе и германскіе дипломаты съ самаго начала удѣлили особое вниманіе вопросу о генералъ-инспекторахъ для армянскихъ вилайетовъ и о способѣ ихъ назначенія.

Рядомъ съ этимъ Россія и Германія одинаково настаиваютъ на необходимости назначенія вали для армянскихъ вилайетовъ изъ числа оттоманскихъ подданныхъ, какъ христіанъ, такъ и мусульманъ, извѣстныхъ своимъ уваженіемъ къ законности и добросовѣстному выполненію инструкцій центральнаго правительства, такъ какъ отъ этихъ лицъ, въ сущности, и будетъ зависѣть осуществленіе реформъ.

Первоначально предполагалось, что генералъ-инспекторы армянскихъ вилайетовъ (независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія), будутъ назначаться Портой съ утвержденія державъ. Но, въ виду возраженій турецкой дипломатіи, вопросъ этотъ рѣшенъ, повидимому, въ томъ смыслѣ, что оба генералъ-инспектора назначаются Турціей только при «благожелательномъ отношеніи великихъ державъ».

Въ Константинополѣ будетъ учреждена постоянная контрольная комиссія для наблюденія за точнымъ выполненіемъ намѣченныхъ реформъ. Въ составъ этой комиссіи должны войти шесть высшихъ сановниковъ имперіи,—трое христіанъ и трое мусульманъ. Комиссія будетъ въ правѣ принимать петиціи и жалобы отъ мѣстнаго населенія и всякаго рода доклады отъ представителей общинъ. Въ эту комиссію великодержавныя посольства въ Константинополѣ и будутъ направлять свои объясненія и сообщенія относительно армянскихъ вилайетовъ.

Невыясненнымъ остается только вопросъ, будутъ-ли привлечены въ составъ этой комиссіи также и иностранные совѣтники съ правомъ совѣщательнаго голоса. Комиссія обязана передавать Высокой Портѣ всѣ доклады мѣстныхъ властей и облечена правомъ сообщаться непосредственно съ мѣстными вали. Назначеніе вали въ армянскихъ областяхъ предоставлено Портѣ. Ихъ помощники, (моавины) назначаются съ соблюденіемъ слѣдующей системы: если вали даннаго вилайета мусульманинъ, то его помощникъ долженъ быть христіаниномъ и наоборотъ.

Особое вниманіе русская и германская дипломатія удѣляютъ способу назначенія мутесарифовъ (губернаторовъ, стоящихъ во главѣ санджаковъ) и каймакамовъ (исправниковъ). Въ каждомъ

отдѣльномъ вилайетѣ опредѣленное число мутесарифовъ, въ зависимости отъ численности христіанскаго населенія должно быть назначено изъ христіанъ. Принято, какъ правило, что христіане-мутесарифы назначаются обязательно въ тѣхъ санджакахъ, гдѣ преобладаетъ христіанскій элементъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ санджакѣ опредѣленное число каймакановъ также должно быть назначено изъ христіанъ. Въ основу этого предложенія, подобно проекту 1895-го года, положено правило, что число христіанскихъ мутесарифовъ и каймакановъ въ армянскихъ вилайетахъ должно составлять не меньше трети общаго числа этихъ администраторовъ. Такъ какъ дѣйствительное примѣненіе реформы на мѣстахъ зависитъ преимущественно отъ лицъ, которыя будутъ стоять во главѣ управленія въ армянскихъ вилайетахъ, то Портѣ вмѣняется въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы эти лица обладали соотвѣтствующимъ цензомъ.

По примѣру 1895-го года, Портѣ предложенъ рядъ реформъ судебнаго и экономическаго свойства.

Въ основу проекта русской и германской дипломатіи, что особенно важно, положенъ принципъ постояннаго контроля посольствъ надъ способомъ примѣненія намѣченныхъ реформъ. Признано необходимымъ, чтобы этотъ контроль былъ дѣйствительнымъ и осуществлялся при помощи особыхъ органовъ.

Недавнія событія,—сближеніе Турціи съ Болгаріей и Австріей, повидимому, снова усилили въ Константинопольскомъ правительствѣ желаніе отсрочить проведеніе реформъ. И вотъ почему предсѣдателю нашего совѣта министровъ пришлось воспользоваться своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, чтобы подвинуть нѣсколько этотъ вопросъ обмѣномъ мыслей съ нѣмецкимъ правительствомъ. Газеты сообщаютъ, что недавно посѣтившій Петербургъ турецкій дѣятель, исполнявшій роль министра внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Мухтаръ-паши, будто бы высказывался противъ возможности реформъ въ Турецкой Арменіи, ссылаясь на то, что въ занятыхъ армянами провинціяхъ они составляютъ всего 15%, при 85% курдовъ. Если такія заявленія были сдѣланы, то они воспроизводятъ только, да и то въ нѣсколько искаженномъ видѣ, тѣ данныя, которыя въ 1880-мъ году были обнародованы турецкимъ правительствомъ. Оно указывало, что въ 9-ти вилайетахъ, въ которыхъ живутъ армяне, мусульманъ 3,619,625, армянъ же 726,750, а прочихъ христіанъ—283,000. По статистическимъ даннымъ, собраннымъ патріархатомъ въ 1882 г., число армянъ въ Турціи опредѣлено въ 2,600,000, а въ вышеуказанныхъ 6-ти вилайетахъ Малой Азіи—въ 1,680,000. Другими словами, оно болѣе чѣмъ въ два раза превышаетъ

цифру, показанную турецкимъ правительствомъ. Армяне настаиваютъ на назначеніи европейскаго губернатора или вали, на допущеніи ихъ къ несенію служебныхъ должностей и на широкой системѣ децентрализаціи. Въ этомъ смыслѣ высказывается и ихъ заступникъ—Марсель Леаръ.

Будемъ надѣяться, что, дѣйствуя солидарно, европейскія правительства добьются отъ Турціи исполненія ея давнишнихъ обѣщаній и что устранено будетъ, такимъ образомъ, важнѣйшее препятствіе къ сохраненію мира на Ближнемъ Востокѣ.

Максимъ Ковалевскій.

ПОДЪЕМЪ НИЗОВЪ.

(Съѣздъ швейцарскихъ профессіональныхъ союзовъ).

Перейдя мостъ черезъ мутно-зеленую и мелкую рѣчку Зиль въ Цюрихѣ, вы попадаете въ рабочее предмѣстье Ауссерзиль.

Какая огромная разница сравнительно съ фабричными предмѣстьями нашихъ большихъ городовъ! Ни грязи, ни вони, ни мрачныхъ рабочихъ казармъ, ни жалкихъ развалюшекъ-домишекъ между ними. Нѣтъ, правда, и яркаго блеска огромныхъ вывѣсокъ и выставокъ, какъ въ торговомъ центрѣ Цюриха—на Вокзальной улицѣ или на набережныхъ озера и рѣки Лиммать, но въ остальномъ—все тотъ же обычный уличный комфортъ большого европейскаго города. Такія же изящныя мостовыя изъ каменныхъ кубиковъ, хитро уложенныхъ вѣерами; такіе же чистые, гладкіе тротуары, такой же непрерывный строй новыхъ, 6-ти этажныхъ домовъ, такіе же уютные скверы съ цвѣточными коврами и песчаными аллеями, такое же пріятное глазу газокалильное освѣщеніе по ночамъ. Конечно, пролетарію, обитающему въ этихъ домахъ, живется все же далеко не такъ привольно и беззаботно, какъ буржуазіи тамъ, въ окрестностяхъ свѣтлаго Цюрихскаго озера, но какъ-никакъ «низы» здѣсь уже сжились съ культурой, какъ улитка со своею раковиною. Не выгонишь!

Въ то же время Ауссерзиль сейчасъ пестритъ солдатскими мундирами. Происходятъ осенніе сборы (на $1^1/_2$ мѣсяца) рекрутовъ швейцарской милиціи. И передъ желѣзной рѣшеткой обширнаго

двора кантональнаго цейхгауза русскій глазъ радуетъ рѣдкостная здѣсь картина: весь дворъ занятъ взводами безусыхъ юношей, почти мальчиковъ, одѣтыхъ въ форму и повзводно обучающихся маршировкѣ рядами, гуськомъ, «равненію направо», прыжкамъ съ ружьемъ въ рукахъ и прочимъ тонкостямъ военнаго искусства. Вотъ мальчуганъ-унтеръ, съ шеврономъ на рукавѣ, въ очкахъ, замѣтилъ вдругъ неаккуратно сидящій помпонъ на киверѣ своего подначальнаго и серьезно, собственноручно поправляетъ недостатокъ, заодно поправляетъ и себѣ. Рядовые смѣются, смѣется и онъ. Такъ же почти непринужденно ведутъ себя и съ офицеромъ, костюмъ котораго отличается отъ солдатъ только жгутами на плечахъ.

Но солдаты, солдаты, солдаты, пѣшіе, конные, съ походными фурами, на всѣхъ улицахъ предмѣстья—это начинаетъ угнетать даже привычный къ тому русскій духъ. Спѣшишь развлечь свое зрѣніе чѣмъ-либо другимъ. Какія затѣйливыя вывѣски пивныхъ на углахъ улицъ: то тяжеловѣсный горецъ откалываетъ пляску за руку съ крутобокой дѣвицей—надпись: «У стараго Фрица»; то черный пеликанъ питаетъ кровью своей груди птенцовъ— надпись: «Пиво Pelikanbräu». Тамъ и сямъ зіяютъ таинственные проходы подъ ворота или вглубь корридора, и указательные персты приглашаютъ васъ въ «электро-театры», «свѣтовыя сцены», словомъ—въ эти неизбѣжные, какъ болѣзнь и смерть, кинематографы. И художественно исполненная картина тутъ же иллюстрируетъ проходящимъ пролетаріямъ ждущее ихъ наслажденіе и ужасъ. Культура—съ ея, такъ сказать, вопіющей стороны...

Вотъ высокая католическая церковь съ большущими часами на башнѣ; пройдя немного дальше на площади Гельвеціи, «Безалкогольный Народный Домъ», 4-хъ этажное зданіе, выходящее на три улицы и вмѣщающее въ себѣ безалкогольный ресторанъ, обширную, безплатную библіотеку-читальню, ванны съ душами для рабочихъ и залы собраній. Зданіе—новое, построено лишь года три назадъ, стараніями, въ особенности, извѣстнаго профессора-гигіениста Ф. Ф. Эрисмана. Здѣсь мнѣ пришлось 13—15 сентября нов ст. побывать на съѣздѣ швейцарскихъ профессіональныхъ союзовъ.

Построенный на городской землѣ и съ крупной субсидіей отъ города, Народный домъ успѣлъ сдѣлаться не только настоящимъ культурнымъ центромъ для всего пролетарскаго населенія Цюриха, но и своего рода историческимъ мѣстомъ. Здѣсь лѣтомъ прошлаго года происходили бурныя пренія рабочихъ союзовъ по поводу поддержки бастовавшихъ слесарей и маляровъ, и провозглашена была всеобщая забастовка, оставшаяся столь памятной для всей Швей-

царіи. И здѣсь же стояло тѣло покойнаго Бебеля передъ его сожженіемъ.

Я вошелъ въ залъ засѣданій съѣзда, «Большой залъ» во 2-омъ этажѣ дома, съ необычнымъ ощущеніемъ. Дѣйствительность заслонялась сперва передъ моими глазами двумя несходными между собой картинами — воспоминаніями, которыя словно боролись, смѣняя другъ друга, какъ мѣняются отливы «двуличневой» ткани. То мерещились мнѣ въ этомъ залѣ шумъ и движеніе, блѣдныя, раздраженныя лица рабочихъ, ихъ громкіе крики по адресу своихъ упорствующихъ вождей: «Довольно холодныхъ словъ! Пусть сегодня говоритъ дѣло!»... То непреклонное лицо Бебеля молчаливо глядѣло изъ массы алыхъ цвѣтовъ, подъ навѣсомъ пальмовыхъ листьевъ, и слышенъ былъ тихій плачъ проходящихъ по залу вереницею женщинъ, дѣтей, да иногда странно-неумѣлое, сдержанное рыданіе мужчины...

Въ дѣйствительности засѣданіе имѣло совершенно будничный видъ. Длинные столы, за ними—сотня делегатовъ и гостей; всѣ одѣты «по чистому», т. е. въ воротничкахъ, въ свѣжихъ, нерѣдко изящныхъ (молодежь) костюмахъ и галстухахъ. Эти делегаты соціальныхъ «низовъ» не желаютъ соблюдать той смиренной внѣшности, которая, казалось бы, свойственна ихъ низкому положенію. Да и рѣчи ихъ тоже — не вполнѣ приличествующія этому положенію: говорятъ хорошимъ литературнымъ языкомъ Шиллера и Гете, а не какимъ либо Schweitzer-dütsch'емъ (народнымъ швейцарскимъ діалектомъ), и термины политико-экономическіе, юридическіе, изрѣдка даже философскіе, наряду съ статистическимъ матеріаломъ, то и дѣло вкрапливаются въ сухо-дѣловое, по большей части, краснорѣчіе. Лишь нѣкоторыя, рѣзко-народныя фигуры, да иныя изможденныя трудомъ лица напоминаютъ вамъ о происхожденіи этихъ дѣтей народа.

Я не намѣренъ здѣсь подробно излагать работы съѣзда въ той послѣдовательности, какъ онѣ шли. Моя задача скорѣе въ томъ, чтобы, въ связи съ разными выдающимися пунктами работъ съѣзда, показать, какую роль онъ играетъ въ швейцарской современности вообще. Въ этомъ смыслѣ особенно ярка была именно послѣдняя схватка на съѣздѣ: по вопросу о всеобщей стачкѣ. Докладъ прочитанъ былъ секретаремъ всего Союза [1]) профессіональныхъ

[1]) Русскій языкъ удивительно бѣденъ терминами, относящимися къ *союзной*, общественной дѣятельности. Между тѣмъ по нѣмецки для разныхъ степеней и видовъ „союзности“ употребляются особые термины. Такъ, весь національный союзъ зовется здѣсь Bund, Центральный союзъ одной отдѣльной профессіи — Verband, мѣстный союзъ даннаго города — Verein. Union — особая, специфически-швейцарская организація, отдѣльная отъ

союзовъ Гугглеромъ, человѣчкомъ черненькимъ, маленькаго роста, но по развиваемой имъ дѣятельности подобнаго, право, сторукому гиганту Бріарею. И докладъ его о всеобщей стачкѣ тоже необычайно разностороненъ. Тутъ и исторія вопроса во всѣхъ странахъ, доказывающая, по его мнѣнію, что всеобщія стачки «лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ приводили къ прямому успѣху»; тутъ и попытка опредѣлить понятіе всеобщей стачки съ различеніемъ ея разновидностей, и подробная исторія Цюрихской забастовки 1912 г., и изложеніе преній на засѣданіяхъ Gewerkschafts-Ausschuss'a (расширеннаго комитета Союза), и сводка нарочито-произведенной въ союзахъ анкеты. Наконецъ, собственное мнѣніе Гугглера о данномъ вопросѣ носитъ явные слѣды желанія удовлетворить всѣ союзы: какъ «боевыхъ» маляровъ-штукатуровъ и рабочихъ по дереву, такъ и «мирныхъ» типографщиковъ, и «среднихъ» металлистовъ. Поэтому, относясь, повидимому, весьма несочувственно къ данной формѣ протеста, какъ болѣе тяжелой, обыкновенно, для рабочихъ, чѣмъ для ихъ противниковъ, Гугглеръ, съ другой стороны, объявляетъ всеобщую забастовку явленіемъ стихійнымъ, force majeure, передъ которой—когда она нагрянетъ—останется только покорно преклониться.

Замѣчательно, что такое сугубо объективное отношеніе къ своей задачѣ не спасаетъ многосторонняго секретаря отъ признанія безуспѣшности его добросовѣстныхъ усилій. Свой докладъ онъ объявляетъ, въ заключеніе, своимъ личнымъ мнѣніемъ, а къ принятію рекомендуетъ совершенно иную, весьма опредѣленную резолюцію Комитета Союза, выработанную по соглашенію съ Комитетомъ рабочей партіи. Признаюсь, слушая Гугглера, я начиналъ постигать, что существуетъ на свѣтѣ особый типъ людей-секретарей, въ своемъ родѣ и на своемъ мѣстѣ нерѣдко весьма цѣнныхъ, даже, быть можетъ, незамѣнимыхъ. Такой секретарь долженъ умѣть, какъ въ собирательномъ зеркалѣ, отражать въ себѣ, въ своихъ докладахъ, во всей своей дѣятельности всю многогранность окружающей его среды. Подвергаясь всесторонней шлифовкѣ, его мнѣнія получаютъ пріятную круглоту, не становясь поперекъ ни одному частному мнѣнію и, слѣдовательно, не мѣшая ни одному изъ нихъ побѣдить при голосованіи. Въ тоже время секретарь успѣваетъ съ невѣроятной работоспособностью собрать и сгруппировать матеріалъ,

---

с.-д. союзовъ; при смѣшанномъ экономически-политическомъ характерѣ, она обнимаетъ рабочихъ разныхъ партій, религій и т. д. По русски для всего служитъ одно и то же слово „союзъ“.

полезный для *каждаго* мнѣнія. Таковъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, секретарь Гугглеръ.

Резолюція Комитета, поставленная на обсужденіе, состояла изъ 3-хъ частей: въ 1-ой съѣзду предлагается категорически отвергнуть «революціонную всеобщую стачку», въ смыслѣ синдикалистовъ—т. е. всеобщую стачку, какъ постоянную тактику рабочихъ, какъ ежедневно примѣняемое, стѣнобитное орудіе для скорѣйшаго разбитія стѣнъ капиталистическаго Іерихона. Резолюція не только отвергаетъ эту тактику, которую считаетъ вредною иллюзіею, «не могущею замѣнить нормальную дѣятельность, практикуемую до сихъ поръ», но и призываетъ рабочихъ прямо бороться съ «анархо-синдикалистскими» попытками этого рода. Во 2-ой части опредѣляются виды массовой стачки, какіе единственно могутъ итти въ разсчетъ: это—чисто экономическія забастовки одной вѣтви промышленности (профессіи), забастовки изъ солидарности въ группѣ близкихъ другъ къ другу вѣтвей; изъ политическихъ же—только стачки оборонительнаго характера противъ возможныхъ попытокъ со стороны господъ положенія стѣснить рабочимъ пользованіе ихъ «жизненными» правами (свободой союзовъ, собраній, печати и проч.). Стачка же, какъ оружіе для завоеванія новыхъ политическихъ правъ, въ демократической республикѣ признается излишней. 3-я часть указываетъ, что для подобной цѣли единственный путь—дальнѣйшая, безостановочная организація массъ, путь гораздо болѣе вѣрный и испытанный, «чѣмъ даже самая справедливая и наилучше подготовленная всеобщая стачка».

Резолюція эта стоитъ передъ всѣми ораторами, какъ рѣшеніе довѣренныхъ лицъ союзовъ. Можно быть заранѣе увѣреннымъ въ ея одобреніи и съѣздомъ союзовъ. Однако рядъ ораторовъ—маляровъ и рабочихъ по дереву—выступаетъ противъ нея. Маляръ Штауде, плотный, лысый человѣкъ, солидно жестикулируя, краснорѣчиво отстаиваетъ всеобщую стачку, къ которой-де, какъ къ необходимой ступени, приводитъ неизбѣжный ходъ вещей. И онъ выставляетъ противъ резолюціи комитета свою резолюцію, впрочемъ, надо признаться, тоже весьма солидно-осторожную. Вѣдь тутъ—не пламенные итальянцы, не любители «жеста» французы, а спокойные швейцарцы, притомъ, въ большинствѣ, нѣмецкой крови. Поэтому въ резолюціи Штауде мы находимъ и меланхолическое признаніе, что «организаціи еще слишкомъ слабы» для всеобщей стачки, и призывъ лишь *на всякій случай* заняться *обсужденіемъ* вопроса. И столяръ Вурмъ, обличая новыя реакціонныя попытки швейцарской буржуазіи, убѣждаетъ собраніе въ недостаточности обычной тактики, въ необходимости *также* и генеральной стачки. Словомъ,

если это и анархо-синдикализмъ, то, конечно, изъ самыхъ робкихъ. Робость его легко объясняется послѣднимъ опытомъ Цюрихской стачки, которая отразилась довольно чувствительнымъ образомъ на числѣ членовъ и особенно на кассахъ профессіональныхъ союзовъ города. Легко, конечно, проповѣдывать всеобщую стачку въ бѣдныхъ романскихъ «синдикатахъ», ибо тамъ всеобщая стачка всегда значитъ помощь *нашей* пустой кассѣ со стороны; но здѣсь, какъ разъ наоборотъ, *наша* зажиточная касса терпитъ отъ преувеличенной готовности поддерживать движеніе другихъ: кассовый эгоизмъ, если можно такъ выразиться, дѣйствуетъ какъ хорошее отрезвляющее средство и заставляетъ обращаться къ менѣе скорострѣльнымъ, упорно-систематическимъ путямъ.

Какъ тяжелая артиллерія этого арсенала «нѣмецкихъ» средствъ, выступаетъ противъ «радикальности» маляровъ и столяровъ старикъ Грейлихъ, присутствующій здѣсь какъ делегатъ отъ общинныхъ и государственныхъ служащихъ, соратникъ и другъ, въ теченіе 50 лѣтъ, покойнаго Бебеля. Можно подумать, право, что передъ нами—просто швейцарское воплощеніе самого Бебеля, хотя, правда, внѣшній обликъ Грейлиха куда тяжеловѣснѣй и его рокочущій басъ куда грузнѣе звонкихъ нотъ Бебелева тенора. По мнѣнію Грейлиха, всеобщая стачка—тактика вовсе «не профессіоналистская»; моральный результатъ ея, на которомъ всегда настаиваютъ ея «идеалисты»-адвокаты, всегда споренъ, его не учтешь наглядным образомъ. Но что рядъ послѣдовательныхъ всеобщихъ стачекъ быстро сведетъ на нѣтъ и самые богатые союзы, — это безспорно. Слѣдовательно, для профессіональнаго союза эта тактика — всегда самоубійство. Конецъ тогда страхованію отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ, какъ и страхованію отъ безработицы — этимъ главнымъ отраслямъ дѣятельности союзовъ въ Швейцаріи; конецъ всякой возможности проводить обыденныя, болѣе или менѣе частныя стачки, которыми, однако, и подняты рабочіе низы къ источникамъ живой воды культуры. Нѣтъ, чѣмъ развитѣе профессіональные союзы, тѣмъ менѣе могутъ они признать такъ наз. «солидарность дѣла» своею тактикой.

Все больше сердится сѣдой Грейлихъ на юныхъ (впрочемъ по сравненію лишь съ его восьмымъ десяткомъ лѣтъ) сторонниковъ генеральной стачки. Басъ его гремитъ; онъ потрясаетъ узловатой кистью руки въ направленіи Штауде и Вурма. «Наша резолюція должна разъ навсегда положить рѣшительный предѣлъ этой болтовнѣ, этой игрѣ въ генеральную стачку! Наши союзы и такъ достаточно пострадали отъ пропаганды синдикализма въ романскихъ кантонахъ—въ Женевѣ, въ Ваадтѣ. Всѣ наши организаціи тамъ почти разрушены.

Предоставимъ доктору Брупбахеру эту легкую задачу—волновать рабочую молодежь на собраніяхъ красивыми фразами». И сердитый старикъ отпрядываетъ назадъ, какъ отпрядывалъ, вѣроятно, встарь, вслѣдъ за патетическими моментами рѣчи; только теперь ноги не легко слушаются его, колѣни подгибаются.

Докторъ Брупбахеръ — довольно интересная фигура въ современномъ Цюрихѣ. Занимаясь медицинской практикой въ бѣдныхъ кварталахъ города, онъ успѣлъ пріобрѣсти немалую популярность, которую затѣмъ еще расширилъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ синдикалистскаго характера. Дѣйствуютъ на умы также и его литературныя произведенія, напр. книга: «Марксъ и Бакунинъ», въ которой авторъ старается навѣять читателю пессимизмъ по отношенію къ «научному соціализму». Между прочимъ я слыхалъ, что докторъ Брупбахеръ питаетъ склонность ко всему революціонно-русскому (онъ и женатъ на русской) и въ пропагандѣ своей то и дѣло прибѣгаетъ къ иллюстраціи «русскими фактами», часто едва ли не убѣдительными... въ обратномъ смыслѣ. Такъ или иначе, его пропагандѣ принадлежала, повидимому, извѣстная роль въ прошлогодней Цюрихской забастовкѣ. Еще бо́льшую роль, конечно, сыграли здѣшніе предприниматели, выписавшіе изъ Германіи кочующую труппу профессіоналовъ-штрейкбрехеровъ изъ уголовныхъ вольноотпущенниковъ. Немаловажная роль принадлежала и мѣстному кантональному правительству: оно столь усердно охраняло гастролеровъ, что тѣ, осмѣлѣвъ,стали рѣзать мирныхъ людей среди бѣла дня. Естественно, что послѣ этого не могли удержать рабочихъ ни комитетъ профессіональныхъ союзовъ, ни партійный с.-д. комитетъ. Стачка была рѣшена 6.200 голосовъ противъ 800... И только на дняхъ ликвидированы послѣдніе счеты по этому возмутительному подстрекательству: Цюрихская судебная палата отвергла, за отсутствіемъ всякихъ основаній, обвинительный актъ кантональнаго прокурора, привлекавшаго къ суду множество мирныхъ забастовщиковъ по обвиненію—въ возстаніи!

Какъ видите, и въ культурныхъ странахъ люди толстой мошны и большого кулака не стѣсняются въ выборѣ средствъ для покоренія пролетаріевъ, стремящихся къ культурѣ. Хорошо, что послѣднихъ охраняютъ противъ грубой силы и хитрости первыхъ, зоркій глазъ и трезвая голова сѣдыхъ вождей. Поэтому врядъ ли можно ожидать скораго повторенія стихійной Цюрихской забастовки. По крайней мѣрѣ съѣздъ поддержалъ Грейлиха и резолюцію Комитета 46 голосами противъ 25 (за Штауде) и подтвердилъ свое рѣшеніе, отвергнувъ, 41 голосомъ противъ 33, формулу бернскаго металлиста Дюрра, не находившаго надобности въ какой бы то ни было

резолюціи. Съѣздъ не пожелалъ неопредѣленности, удобной для пропаганды, хотя бы потихоньку, синдикалистскихъ идей. Ясные и твердые завѣты Бебеля восторжествовали.

Тѣ же завѣты нашли голосъ и въ вопросѣ о новомъ швейцарскомъ фабричномъ законопроектѣ. Исторія развитія этого законопроекта наглядно отразила въ себѣ ту же слѣпую реакціонность господъ положенія. Дѣйствующій въ Швейцаріи фабричный законъ насчитываетъ уже болѣе 35 лѣтъ существованія и крайне отсталъ отъ жизни. Взять хотя бы одно то, что длина рабочаго дня фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ по этому закону 11 часовъ, между тѣмъ какъ, путемъ неустанной профессіональной борьбы, уже 70% этихъ рабочихъ добились фактически рабочаго дня въ 10 часовъ или менѣе: положеніе, очевидно, обязывающее къ перемѣнѣ въ законодательной оболочкѣ живыхъ данныхъ хозяйственной жизни. И вотъ уже 10 лѣтъ скрипучая многоэтажная государственная машина въ Бернѣ, со вздохами и стонами, нехотя вырабатываетъ соотвѣтствующій проэктъ. 6 мая 1910 г. появилось на свѣтъ торжественное посланіе Союзнаго Совѣта съ новорожденнымъ проектомъ. И тутъ-то проявила себя во всей красѣ упомянутая реакція.

Настоящимъ авторомъ проекта былъ знаменитый «отецъ Дейхеръ», человѣкъ, котораго, при всей умѣренности его политическаго облика, швейцарская рабочая печать все же не обвинуясь зоветъ «истиннымъ другомъ рабочихъ». Хотя въ теченіе десятковъ лѣтъ онъ былъ безсмѣннымъ министромъ и руководителемъ всей политики, слѣдовательно—излюбленнымъ человѣкомъ, прежде всего, здѣшней буржуазіи, тѣмъ не менѣе, по старинному, по патріархальному, онъ какъ-то успѣлъ сохранить искреннюю симпатію къ людямъ труда, бытъ которыхъ ему знакомъ близко и въ совершенствѣ. Проектъ фабричнаго закона, благополучно имъ проведенный черезъ всѣ канцелярскія инстанціи, признавался всѣми рабочими организаціями если не увѣнчаніемъ ихъ требованій, то прекраснымъ, честнымъ юридическимъ орудіемъ для защиты, по крайней мѣрѣ, уже добытыхъ правъ. Главныя черты проекта: 10-часовый рабочій день, въ субботу — 9-часовый; категорическое запрещеніе какихъ бы-то ни было штрафовъ; окончательное отнятіе отъ хозяевъ права вычетовъ изъ получки рабочихъ въ уплату за доставляемые натурой жизненные припасы; предоставленіе замужнимъ женщинамъ свободнаго полудня послѣ 12 часовъ въ субботу; запрещеніе подросткамъ 16—18 лѣтъ всякихъ сверхъурочныхъ работъ. Самою цѣнною для организованныхъ рабочихъ была ст. 15-ая проекта, содержавшая безусловное, подъ страхомъ уголовнаго наказанія, запрещеніе хозяевамъ увольнять рабочихъ изъ-за осуществленія послѣд-

ними своихъ *конституціонныхъ правъ*, т. е. прежде всего, конечно, права союзовъ. Это означало отнятіе отъ хозяевъ ихъ главной, хотя и незаконной, опоры въ борьбѣ съ профессіональными союзами.

Проектъ «отца Дейхера» показался предпринимательской аристократіи до того «соціалистическимъ», что она рѣшила убрать во что бы то ни стало неудобнаго министра. «Друзья» по радикальной партіи не отступили и передъ грубою выходкой противъ больного въ то время старика, что тутъ же свело его въ могилу [1]). Послѣ его смерти постъ министра торговли и промышленности перешелъ къ Шультгессу, прямому ставленнику крупныхъ капиталистовъ, бывшему директору машиностроительнаго предпріятія Броунъ, Бовери и К°, въ Баденѣ (швейцарскомъ). Подъ охраной новаго «превосходительства» порожденіе Дейхера быстро измѣнило свою рабочелюбивую физіономію. Проектъ пошелъ въ парламентскую комиссію, гдѣ изъ 21 члена только трое могли считаться представителями рабочихъ. Большинство комиссіи камня на камнѣ не оставило отъ всѣхъ безъ исключенія перечисленныхъ выше сторонъ проекта. Такъ, одинъ изъ пунктовъ теперь отсрочиваетъ фактически введеніе максимальнаго 10-часового рабочаго дня на десятокъ лѣтъ, замѣняя его $10^1/_2$-часовымъ; другой пунктъ отказываетъ рабочимъ въ защитѣ права союзовъ на томъ основаніи, что такую защиту «юридически провести невозможно». Шультгессъ, вмѣсто отстаиванія правительственнаго проекта, старался придать реакціоннымъ «поправкамъ» пріятно-туманный видъ и юридическое, якобы, оправданіе. Въ результатѣ новый фабричный законопроектъ, по многимъ пунктамъ, знаменуетъ собою ухудшеніе даже прежняго закона! Какъ будто стремились убѣдить пролетарія, что тщетны всѣ его самыя скромныя претензіи на справедливость въ нынѣшнемъ обществѣ.

Съѣздъ союзовъ, однако, не впалъ въ отчаяніе, и намъ не пришлось слышать ни громкихъ декламацій по адресу буржуазія, ни призывовъ къ крайнимъ дѣйствіямъ. И маляры, и столяры молчали. Предсѣдателемъ съѣзда былъ Шнеебергеръ, онъ же предсѣдатель самаго большого союза въ Швейцаріи—союза металлистовъ. Статная фигура, красивое лицо съ большими, русыми усами, быстрые, синіе глаза и вся сноровка умѣлаго капельмейстера эффектно оттѣняютъ у этого человѣка безпредѣльное хладнокровіе и, такъ сказать, неумолимость къ увлекающимся ораторамъ. Предложеніе его по фабричному законопроекту заключалось въ томъ, чтобы безъ всякихъ преній, просто демонстрировать національному парламенту

[1]) Исторія эта была разсказана въ газетахъ буржуазнаго лагеря и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

стойкость рабочихъ въ требованіи необходимаго для нихъ минимума правъ. И, повинуясь лозунгу своего предсѣдателя, съѣздъ единогласно принялъ соотвѣтствующую коротенькую резолюцію, осуждающую такъ наз. «согласительный» проектъ (такъ оффиціально именуется этотъ продуктъ якобы добровольнаго соглашенія всѣхъ заинтересованныхъ общественныхъ группъ). Лишь въ концѣ прибавлены, будто сдержанное рычаніе оскорбленнаго класса, двѣ строчки: «Союзъ оставляетъ за собой право, послѣ голосованія проекта въ Союзномъ Собраніи, предпринять соотвѣтствующіе результату обсужденій шаги». Кому приходилось наблюдать Швейцарію, тотъ поймётъ, что здѣсь подразумѣваются «шаги» чисто конституціонные, т. е., на первомъ планѣ, требованіе референдума. И если при нынѣшнемъ, вообще не слишкомъ благопріятномъ настроеніи большинства швейцарскихъ «голосовъ» къ соціальному законодательству (большинство голосовъ обыкновенно принадлежитъ крестьянамъ собственникамъ и мелкимъ капиталистамъ), референдумъ тоже не даетъ особыхъ надеждъ на сегодняшній успѣхъ, то вѣдь всѣ большія реформы въ Швейцаріи проходятъ не сразу, а лишь при второмъ либо третьемъ референдумѣ. Да и не въ одномъ референдумѣ и не въ существующей формѣ демократіи рабочіе видятъ свою главную надежду—если также и не въ генеральныхъ стачкахъ. Какъ они давно установили фактически въ странѣ 10-ти часовой рабочій день помимо закона, въ силу своего рода обычнаго права, какъ они осуществили въ странѣ, задолго до закона, страхованіе отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ въ своихъ кассахъ, такъ и фабричный законъ придетъ въ свое время во всей полнотѣ, по согласію ли скупой на справедливость буржуазіи, или безъ ея согласія. Поэтому «безобидная» резолюція съѣзда отнюдь не указываетъ на безсиліе швейцарскихъ рабочихъ въ данномъ случаѣ, а какъ разъ напротивъ: на сознаніе своей неистребимой и все растущей силы.

Сила эта, какъ бы сжатая въ стѣнахъ залы съѣзда, чувствовалась сквозь прозаически-дѣловую атмосферу преній. Мнѣ снова и снова вспоминался великій мастеръ, виртуозъ этой силы, здѣсь недавно почившій. Въ воскресенье, 14 сентября, когда члены съѣзда, въ видѣ антракта и отдыха, отправились послѣ обѣда на пароходѣ по Цюрихскому озеру, меня потянуло на кладбище, гдѣ могила Бебеля. Не то, чтобы хотѣлось поклониться могилѣ—я хорошо зналъ, что тамъ осталось отъ живого Бебеля не больше, чѣмъ во всякомъ иномъ мѣстѣ пространства, — но, мнѣ казалось, тамъ онъ долженъ всего живѣе вспоминаться. Трамвай довезъ меня до послѣдней остановки передъ кладбищемъ, на самой границѣ рабочаго Ауссерзиля. Мальчишка указалъ мнѣ дорогу къ «кладбищу Бебеля».

Видны были въ той сторонѣ уже загородная желѣзная дорога и темные откосы Ютлиберга, вершина котораго закрыта была тучами. Тучи быстро надвигались на городъ, громъ злобно сотрясалъ небо, когда я входилъ въ монументальныя ворота кладбища. Поднялся страшный вихрь съ дождемъ и рвалъ у меня изъ рукъ мой зонтикъ, пока я стоялъ у окна сторожки и разспрашивалъ о мѣстѣ погребенія Бебеля.

— А, Бебель!—словно съ досадой сказалъ сторожъ: должно быть, таки надоѣли ему посѣтители этой могилы. — Вонъ тамъ ищите, налѣво, около могилы президента Песталоцци.

«Президентъ» означаетъ въ нѣмецкой Швейцаріи городского голову, Песталоцци же—не извѣстный всему человѣчеству педагогъ, а извѣстный всему Цюриху дѣятель XIX в. Но, сколько я ни глядѣлъ «около президента», буря такъ хлестала меня дождемъ и слѣпила глаза, что я долженъ былъ бѣжать назадъ, подъ защиту каменной колоннады воротъ. И только черезъ часъ, когда успокоилась свирѣпая стихія, я вернулся на мокрыя песчаныя аллеи и при солнечномъ сіяніи нашелъ два низкихъ обелиска чернаго камня съ коротенькими надписями: «Юлія Бебель», «Докторъ Симонъ» (жена и зять Бебеля). Тутъ же зарыли и прахъ Бебеля, и меня поразило, какъ мало мѣста занимаютъ вмѣстѣ три человѣка, ушедшихъ изъ жизни: изъ моей памяти какъ-то нечаянно ускользнуло, что всѣ они сожжены, и зарыто здѣсь лишь по щепоткѣ пепла, съ остатками костей...

Грустное и красивое мѣсто—это Цюрихское кладбище. Строгая арка его воротъ, его бѣлый крематорій, самые его памятники выдержаны въ простомъ, классически-трезвомъ стилѣ. И яркіе цвѣты и сумрачная зелень остро-верхихъ туй—все вмѣстѣ будто поетъ о молчаніи и концѣ. Мягкій, умиротворяющій аккордъ къ исполнившей свой шумный кругъ силѣ жизни.

Я сорвалъ листьевъ барвинка съ незатѣйливо-украшенной могилы, гдѣ одинъ только металлическій пальмовый вѣнокъ «Отъ Германскаго союза металлистовъ» напоминалъ еще о «царской» процессіи похоронъ Бебеля,—и ушелъ, чтобы съ утра опять со вниманіемъ слѣдить, какъ новая смѣна тружениковъ продолжаетъ полувѣковую работу въ низахъ. Бебель ожилъ, воскресъ въ моей памяти—воскресли его печальные, *знающіе* жизнь глаза и его неутомимая воля въ такомъ простомъ и вдохновенномъ, такомъ стремительномъ и вмѣстѣ естественномъ жестѣ руки!

Всеобщая стачка, фабричный законопроектъ — два наиболѣе яркіе пункта съѣзда, наиболѣе связанные съ злобою дня. Раны генеральной забастовки еще не зажили, а фабричный законъ стоитъ

главнымъ пунктомъ въ порядкѣ дня ближайшей сессіи парламента и вызываетъ сильнѣйшее броженіе въ рабочихъ массахъ. Менѣе ярко, но, можетъ быть, не менѣе внушительно та же сжатая сила отразилась въ другихъ, сѣренькихъ моментахъ съѣзда.

Однимъ изъ сѣренькихъ пунктовъ былъ, напримѣръ, докладъ Лоренца, адъюнкта при рабочемъ секретаріатѣ [1]), о ремесленномъ законодательствѣ. Ремесленное законодательство въ Швейцаріи почти отсутствуетъ, ибо и рабочее движеніе въ области ремесла относительно слабо. Въ ремесленныхъ заведеніяхъ господствуютъ нерѣдко еще всѣ прелести хозяйской патріархальности. Естественно, что въ моментъ, когда обсуждаются фабричные законы, выдвигается и вопросъ о ремесленныхъ законахъ. Другое дѣло — много ли надеждъ на проведеніе сколько-нибудь сносныхъ правилъ, когда и фабричный то законопроектъ застрѣваетъ въ парламентскихъ шестерняхъ? Тѣмъ не менѣе Лоренцъ, человѣкъ обстоятельный и усердный къ своему дѣлу, разработалъ вопросъ съ величайшими тонкостями. Онъ излагаетъ на каѳедрѣ необходимость правительственной анкеты и 5-ти отдѣльныхъ законопроектовъ: 1) для мелкихъ производствъ, 2) для «домашнихъ» рабочихъ, 3) для торговыхъ предпріятій, 4) для отельной и ресторанной промышленности, 5) для разсыльныхъ,— всего, въ общемъ, для 200.000 непризнанныхъ закономъ рабочихъ и 180.000 предпріятій. Такое раздѣленіе и осторожное проведеніе законопроектовъ поочередно, по мнѣнію дипломата-адъюнкта, позволитъ легче обойти враждебность хозяевъ въ случаѣ референдума.

Я слушаю ровный, «академическій» голосъ адъюнкта, гляжу въ его безстрастные, черные глаза, на его «интеллигентскую» черную бороду и—признаюсь—мало чувствую довѣрія и симпатіи къ его ученымъ выкладкамъ. Гораздо больше симпатіи вызываютъ во мнѣ возраженія докладчику со стороны Грейлиха и извѣстнаго въ Швейцаріи предсѣдателя союза паровозныхъ служащихъ, Риматэ. Оба они критикуютъ прекраснодушную вѣру Лоренца въ правительственныя анкеты, въ единоспасающее средство «законодательной охраны труда». — «Да знаете ли вы, что въ нашей двухпалатной парламентской машинѣ простой законъ о воскресномъ отдыхѣ проводился 6 лѣтъ? А ваши 5 законовъ потребуютъ, конечно, не менѣе 30 лѣтъ!»—говоритъ Грейлихъ и стоитъ за одинъ общій реме-

1) Дѣло идетъ тутъ не о секретаріатѣ проф. союзовъ, а объ оффиціальныхъ, оплачиваемыхъ изъ казны рабочихъ секретаряхъ, и ихъ помощникахъ, избираемыхъ тоже самими рабочими. На обязанности секретаріата лежитъ статистика труда, юридическая помощь рабочимъ. Рабочихъ секретарей—три на всю Швейцарію. Первымъ изъ нихъ былъ Грейлихъ.

сленный законопроэктъ. Робкій реформистъ Лоренцъ тутъ же соглашается и на такое рѣшеніе. Я понялъ, что Грейлихъ предвидитъ для даннаго проекта общую судьбу съ фабричнымъ, почему и не видитъ пользы въ самой утонченной тактикѣ. Не законодательству вѣрятъ низы, а своей собственной, такъ сказать, натуральной способности къ законотворчеству. Поэтому напряженное вниманіе было приковано къ другому, на первый взглядъ не менѣе спеціально-дѣловому и длинному докладу о «тарифныхъ договорахъ,»— этихъ, если можно такъ выразиться, *частныхъ законахъ*, создаваемыхъ снизу, почти непримѣтно, какъ бы заодно съ прочими продуктами производительнаго труда рабочихъ—съ печенымъ хлѣбомъ, тканями, одеждой, домами, машинами, съ кипами газетъ и грудами книгъ.

Докладъ о тарифныхъ договорахъ читалъ тоже человѣкъ «интеллигентскаго» вида, профессіи, весьма близкой къ печати, къ книгѣ: типографщикъ Шлумпфъ изъ Берна, онъ же и вице-предсѣдатель съѣзда. Въ немъ не было и слѣда ученаго безстрастія адъюнкта. Голубые его глазки, очки, то метали искры гнѣва на упрямыхъ хозяевъ, противящихся заключенію тарифнаго договора, то радостно улыбались, когда онъ повѣствовалъ о торжествѣ тарифной правды. Тогда клочки волосъ на головѣ Шлумпфа и бородка побѣдоносно топорщились и губы складывались язвительно; кулакъ то и дѣло молотилъ по каѳедрѣ, будто по черепу врага. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно распространеніе этой коллективной формы отношеній найма въ странѣ Жанъ-Жака Руссо, съ его «общественнымъ договоромъ». Кромѣ огромнаго количества тарифныхъ договоровъ, простирающихся на одно предпріятіе, на группу одинаковыхъ предпріятій, либо на цѣлую мѣстность (рабочіе питательныхъ продуктовъ, напр., имѣютъ 59 договоровъ, металлисты—64, домашніе рабочіе—24 договора, большею частью мѣстныхъ), нѣкоторыя профессіи, напр., книгопечатники, литографщики, жестянщики, обладаютъ договорами, гдѣ всѣ условія труда, на протяженіи всей страны, подробно регламентированы. Не безсильнымъ ли окажется противъ такого самопроизвольнаго экономическаго факта какое угодно реакціонное большинство въ парламентѣ или хотя бы даже на аренѣ всенароднаго референдума?

Радикальный маляръ Штауде и тутъ пытался спорить. Цѣнность тарифнаго договора представляется ему сомнительной, ибо у него есть и весьма опасная сторона: устраняя на цѣлые годы стачку, онъ усыпляетъ «боевую» способность рабочихъ массъ. Грейлихъ обратилъ противъ самого Штауде этотъ истинно синдикалистскій аргументъ, указавъ, что именно тарифный дого-

воръ — наилучшее орудіе борьбы въ рукахъ профессіоналистовъ: вѣдь договоръ обнимаетъ, заодно съ организованными рабочими, создавшими договоръ, и всѣхъ неорганизованныхъ; заключенный въ городѣ, онъ проникаетъ лучше всякаго агитатора въ глухіе сельскіе закоулки, всюду свидѣтельствуя *дѣломъ* о пользѣ организаціи. Съѣздъ также присоединился къ резолюціи Шлумпфа, рекомендующей, въ видѣ общей директивы, добиваться общенаціональныхъ договоровъ, по возможности, по всѣмъ профессіямъ.

Чѣмъ больше развертывались дебаты съѣзда, тѣмъ больше выяснялась основная линія, по которой движется вся тактика союзовъ, или, лучше сказать, выяснялось ихъ основное преимущество, историко-географическое. Швейцарцы могутъ сколько угодно жаловаться на засиліе реакціи въ ихъ парламентѣ и въ странѣ вообще, но всю свою работу швейцарскіе союзы все же ведутъ или черезъ парламентскія залы, или на широкомъ поприщѣ свободы союзовъ, слова, собраній. Они уже и сами подчасъ не замѣчаютъ, эти пресыщенные Вильгельмы Телли, что дышатъ чистымъ воздухомъ свободы! Нѣтъ, попробовали бы... впрочемъ это уже, какъ говорится, будетъ изъ «другой оперы».

Глубокій интересъ представляли два тоже «сѣренькихъ» доклада Грейлиха о «Юношеской организаціи» и объ «Организаціи найхудше оплачиваемыхъ рабочихъ и работницъ тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ центральные союзы еще не существуютъ». Второй докладъ былъ представленъ Грейлихомъ совмѣстно съ секретаремъ для работницъ Маріей Вальтеръ-Гюни. Интересъ докладовъ именно въ той тягѣ «къ глубокимъ массамъ», къ широкимъ пластамъ низовъ, которая всегда одушевляла и Бебеля, и его соратника Грейлиха.—«Я—старый человѣкъ,—говорилъ послѣдній съѣзду,—недолго мнѣ еще жить на свѣтѣ, и я вамъ говорю: вотъ направленіе, въ которомъ всегда нужно двигать работу». Что касается перваго доклада, то дѣло шло лишь о техническомъ усовершенствованіи юношеской организаціи. Въ виду направленной также и на нее пропаганды синдикализма, Грейлихъ настоялъ на твердомъ заявленіи, что организація эта строится на почвѣ соціалистической программы; поэтому въ составъ ея комитета вводятся представители партіи и Союза; зато предлагается приглашать молодежь на разныя собранія той и другого. Горячія рѣчи посвящены были Грейлихомъ и Маріей Вальтеръ расширенію дѣятельности союзовъ среди наиболѣе отсталыхъ рабочихъ массъ. Мнѣ, русскому наблюдателю, эти призывы отдаленно напоминали былой русскій девизъ: «итти въ народъ». Только здѣсь провозглашался онъ не «кающимися» сословіями, а самимъ же народомъ. «Нѣтъ у насъ врага хуже отсталости, невѣжества, умст-

венной тупости, малодушія темныхъ слоевъ массы. Мертвымъ камнемъ повисли они на нашей работѣ и тормозятъ прогрессъ нашихъ организацій. Дальнѣйшее сокращеніе у насъ рабочаго времени остановилось потому именно, что, кромѣ крестьянъ собственниковъ и мелкихъ хозяевъ, нашими противниками—и это для меня величайшее горе! — выступаютъ и темные, несознательные слои рабочихъ массъ. Въ эту сторону надо сконцентрировать maximum нашихъ усилій». Грейлихъ и М. Вальтеръ призываютъ къ «усиленнымъ жертвамъ» на пропаганду въ этихъ слояхъ и предлагаютъ издавать спеціально приспособленную къ ихъ тугому пониманію литературу.

Серьезность этого вопроса иллюстрируется слѣдующими данными. Изъ 900 тыс. наемныхъ рабочихъ въ Швейцаріи организованы въ центральные, мѣстные и христіанско-соціальные союзы не болѣе 135 тыс. чел. или 14%. 300.000 изъ числа остальныхъ считаются, впрочемъ, вообще «неспособными къ организаціи» (это—слишкомъ изолированные батраки у крестьянъ, затѣмъ — служащіе-родственники хозяевъ и проч.); но и наиболѣе отсталая масса, подлежащая сейчасъ спеціальному, сугубому воздѣйствію насчитываетъ болѣе 200 тыс. Въ особенности, эта «мертвая тяжесть» замѣтна въ средѣ текстильныхъ рабочихъ, портныхъ и портнихъ, а также въ области торговли, путей сообщенія и «промысла иностранцевъ» (гостиницы). Болѣе всего тутъ играютъ роль—женщины. Вотъ почему въ докладѣ приняла участіе и женщина-секретарь. Изъ ея части доклада видно, до чего въ Швейцаріи въ наши дни дошла тенденція капиталистовъ къ вытѣсненію мужской рабочей силы, слишкомъ дорогой и несговорчивой, рабочею силою безотвѣтныхъ женщинъ и подростковъ. По даннымъ швейцарской фабричной статистики, въ 1911 г. на 211.077 фабричныхъ рабочихъ-мужчинъ въ Швейцаріи приходилось 117.764 женщины, т. е. на каждыхъ 2 рабочихъ мужчинъ — 1 женщина. Отношеніе огромное! Число подростковъ 14—18 лѣтъ среди фабричныхъ рабочихъ Швейцаріи было 21.038 мужского пола и 27.686 женскаго. Марія Вальтеръ выдѣляетъ 28.332 фабричныхъ работницъ, у которыхъ на рукахъ находится домашнее хозяйство. «Эта группа,—говоритъ она,—составляетъ $^1/_4$ числа всѣхъ фабричныхъ работницъ, $^1/_{12}$ всѣхъ фабричныхъ рабочихъ рукъ вообще и, вмѣстѣ съ группою работницъ «домашней промышленности», въ два раза болѣе многочисленной, это люди самые отсталые, самые несчастные среди всего рабочаго класса, организація которыхъ должна составлять нашу первѣйшую заботу». Организованныхъ работницъ въ 1912 г. было 8.487, противъ

77.826 мужчинъ [1]); отсюда видна степень неорганизованности женщинъ. Но и организація отсталыхъ рабочихъ мужчинъ представляетъ, конечно, еще широкое поле для подъема «нови». Видъ этого поля вызываетъ всегда новую и новую охоту къ его вспашкѣ у дѣятелей школы Бебеля-Грейлиха. На съѣздѣ, однако, призывъ ихъ встрѣтился съ эгоистической инерціей нѣкоторыхъ союзовъ. Своеобразныя двѣ формы показывала эта единая и несомнѣнная матушка-инерція: одни ораторы говорили, что «у насъ и у самихъ денегъ нѣтъ на свои нужды, гдѣ ужъ намъ?..» Другіе—маляры и столяры—«принципіально» находили вреднымъ это хожденіе въ глубь массъ: каждая профессія должна сама организоваться, а не ждать толчка отъ другихъ. Только *самоорганизація* спасительна.—Явно, что и «самоорганизація», подобно всякому принципу, проводимому безъ оглядки, прямолинейно и абсолютно, можетъ попасть въ волчью яму самоотрицанія, привести къ своей противоположности. Чутье истины подсказало большинству другое рѣшеніе: докладъ былъ принятъ.

Тѣми же принципами одушевлено и новѣйшее стремленіе союза осуществить въ странѣ въ широкихъ размѣрахъ страхованіе безработныхъ. Докладъ по этому поводу секретаря Союза Гугглера тоже встрѣтилъ критику Штауде, находившаго, что требуемая докладомъ финансовая поддержка государства и общинъ для страхованія безработныхъ, проводимаго союзами, золотою цѣпью свяжетъ союзы съ казной и, слѣдовательно, понизитъ опять таки благую силу сопротивленія. Но Штауде въ этомъ насущномъ дѣлѣ почти не встрѣтилъ сочувствія въ залѣ и, въ заключеніе, согласился съ необходимостью страхованія.

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ ораторы отмѣчали огромное повышеніе «способности къ вербовкѣ новыхъ членовъ» въ тѣхъ союзахъ, которые уже ввели у себя это страхованіе. Оно *гонитъ* въ организаціи самыхъ равнодушныхъ и опасливыхъ рабочихъ, т. е. какъ разъ именно тѣхъ, о которыхъ говорили въ своемъ докладѣ Грейлихъ и женщина-секретарь. А разъ такіе «равнодушные» очутились въ союзѣ, сама жизнь превращаетъ ихъ мало-помалу въ интересующихся и дѣятельныхъ членовъ. Насколько подвинулось въ Швейцаріи дѣло страхованія безработныхъ, видно изъ того факта, что застрахованныхъ въ союзахъ болѣе 100.000. Страхованіе это существуетъ именно въ слѣдующихъ центральныхъ союзахъ (13 союзовъ изъ 21): у переплетчиковъ, парикмахеровъ, рабочихъ по дереву, шапочниковъ, у рабочихъ питательныхъ про-

[1]) Цифры относятся только къ *центральнымъ* союзамъ.

дуктовъ, у кожевниковъ, литографщиковъ, маляровъ и штукатуровъ, металлистовъ, портныхъ и портнихъ, каменщиковъ, текстильныхъ. рабочихъ и плотниковъ. Издержали на него [1]) эти союзы въ 1906—1911 г.г. всего 458.401 фр., а за одинъ 1912-ый годъ—131.651 франкъ. Конечно, значеніе этого учрежденія чрезвычайно возрастетъ при поддержкѣ государства и коммунъ, которая предполагается по проекту до 50%, а въ годы острой безработицы—и до 100% (т. е. франкъ на франкъ союзныхъ взносовъ). Надо прибавить, что соотвѣтствующая «моція» с.-д. депутата Говарда Эйгстера (онъ же, какъ многолѣтній представитель текстильныхъ рабочихъ С.-Галлена, сидитъ и въ бюро настоящаго съѣзда) уже принята въ принципѣ національнымъ парламентомъ лѣтомъ нынѣшняго года. Надо ожидать, что вскорѣ и въ Швейцаріи; вслѣдъ за Англіей и Даніей, будетъ дѣйствовать т. наз. «Гентская система» страхованія отъ безработицы, т. е. система, основанная на субсидіи казны профессіональнымъ союзамъ. Такая система, исключаетъ всякій оттѣнокъ благотворительности, столь противный душѣ труженика-пролетарія, и Грейлихъ подчеркивалъ, что здѣсь, въ концѣ концовъ, «рабочій самъ себѣ помогаетъ». Это несомнѣнное примѣненіе принципа самопомощи и «самоорганизаціи».

Предсѣдатель Союза Шнеебергеръ предложилъ повышеніе взносовъ отдѣльныхъ союзовъ въ главную кассу Союза. До сихъ поръ каждый профессіональный союзъ вносилъ по 3 сантима съ каждаго мужчины и по 1 сантиму съ женщины; предложено повысить эти взносы до 5 и до $2^1/_2$ сант. Только при такомъ повышеніи Комитетъ Союза считаетъ возможнымъ выбраться изъ «тѣснаго финансоваго сюртука». Въ самомъ дѣлѣ, требованія, предъявляемыя къ центру, все растутъ. Въ особенности дорого обходятся ему агитація въ отсталыхъ массахъ, женскій секретаріатъ, профессіональная газета на итальянскомъ языкѣ «Operaio». Послѣдняя стала необходимой въ виду все растущаго прилива въ страну итальянскихъ рабочихъ, часто пребывающихъ во мракѣ глубочайшей некультурности и невѣжества или же захваченныхъ еще у себя на родинѣ пропагандою «боевого» синдикализма. Послѣдній вступилъ, въ силу своей нетерпимости, въ жестокую войну съ швейцарскимъ профессіонализмомъ, въ особенности внутри той главной профессіи, гдѣ особенно работаютъ итальянцы—профессіи строительныхъ рабочихъ. Строительный союзъ до того пострадалъ отъ этой войны, что пришлось основывать упомянутую газету «Operaio», редакторъ которой

[1]) И на примыкающую сюда же помощь по переселеніямъ.

является и спеціально-итальянскимъ профессіональнымъ секретаремъ, совершаетъ поѣздки съ рефератами, улаживаетъ конфликты между организаціями, выступаетъ въ экстренныхъ случаяхъ посредникомъ въ переговорахъ съ хозяевами и т. п. Вся эта будничная дѣятельность нужна и неизбѣжна, и докладъ о повышеніи взносовъ принятъ единогласно. Теперь бюджетъ Комитета будетъ составлять, вмѣсто 29.100 фр.—43.000 фр. въ годъ, считая въ томъ числѣ и субсидію германскихъ и итальянскихъ профессіональныхъ Союзовъ, на изданіе «Orgaio», въ размѣрѣ 5.800 фр. Отсюда уже видно, какъ хорошо, въ общей массѣ, союзы понимаютъ необходимость матеріальныхъ жертвъ въ интересахъ національной и интернаціональной рабочей солидарности. Еще лучше это видно изъ отчета секретаря о доходахъ отдѣльныхъ центральныхъ союзовъ за 1912 г. Секретарь повѣсилъ на стѣнѣ залы крайне наглядную ихъ діаграмму. Взносъ каждаго члена изображенъ столбикомъ опредѣленной толщины[1]), и съ уваженіемъ видишь, какъ съ 1906 по 1912 годъ стремительно толстѣютъ столбики почти во всѣхъ союзахъ: въ среднемъ счетѣ цыфры повышаются почти вдвое, съ 12 фр. 82 сант. (въ годъ, съ головы) до 22 фр. 94 сант. Прибавлю, что нѣкоторые, лучше оплачиваемые рабочіе, вносятъ гораздо больше: такъ, рабочіе по дереву—по 32 фр. въ годъ, металлисты—по 34 фр., переплетчики—по 39 фр., литографы—по 70 фр. и типографы—по 85 фр. каждый. Есть изъ чего и жертвовать въ общую кассу! Общій доходъ всѣхъ союзовъ превысилъ въ 1912 г. *2 милліона франковъ*, а стоимость ихъ имущества достигла 3.247.789 франковъ (въ1908 г. 1.357.998 фр.).

А между тѣмъ на съѣздѣ можно было часто слышать жалобы на плохое состояніе дѣлъ, даже на «застой» въ дѣлахъ союзовъ. Такъ, самъ секретарь вычислилъ, что, ежели, напр., смотрѣть на профессіональные союзы съ бухгалтерской точки зрѣнія,—какъ на страховое предпріятіе по обезпеченію членамъ извѣстнаго уровня условій труда,—то запасный фондъ (имущество) союзовъ, по всей строгости страховой теоріи, долженъ бы достигать 100—120 фр. на голову, «а у насъ большинство союзовъ располагаетъ только 30—50 фр. на голову». Бѣдные союзы! Тратятъ они въ годъ всего 1.600 тысячъ (1912 г.), изъ нихъ на стачки 366 тысячъ, на страхованіе отъ болѣзни—390 тыс., отъ безработицы—131 тыс., помощь неспособнымъ къ труду и на случай смерти — 110 тыс., профессіональную печать, образованіе, агитацію — 240 тыс. И это — въ странѣ, по пространству и по числу населенія, подходящей ближе всего къ нашей Кіевской губерніи!

Конечно, извѣстное, относительное право на жалобы у швей-

[1]) Высота столбиковъ изображала число членовъ съ 1906 по 1912 г.

царскихъ союзовъ имѣется. Если принять во вниманіе, что число членовъ ихъ составляетъ, какъ мы ранѣе видѣли, не больше 14% рабочаго населенія, тогда какъ въ Германіи, напр., этотъ % значительно больше, затѣмъ—что число членовъ послѣ 1907-го года, года кризиса, нѣсколько лѣтъ не только не расло, но даже падало (сейчасъ оно опять быстро растетъ), то блескъ стѣнной таблицы нѣсколько потускнѣетъ. Но возьмемте-ка число членовъ: въ 1902/3 г. ихъ было 25.975, а сейчасъ 92.000 — ростъ на 275% за 10 лѣтъ. Въ 1892/3 г. было 9.495 членовъ: за 20 лѣтъ ростъ почти въ 10 разъ. Понятно, что Швейцаріи, съ ея сравнительно небольшимъ капиталомъ и многочисленными мелкими предпріятіями, нечего и мечтать въ ростѣ рабочей солидарности поспѣть за богатырскими шагами Германіи. Но, въ мѣру выпавшихъ на долю Швейцаріи историческихъ возможностей, ея профессіональные союзы не лѣнились и сдѣлали все, что только можетъ дать превосходная профессіональная тактика ея вождей, «испытанныхъ трудами бури боевой». Тѣ же вожди ведутъ союзы къ еще болѣе широкимъ перспективамъ, къ подъему *всѣхъ* низовъ, до конца. Ибо, какъ выразился Грейлихъ,—«Только вся масса пролетаріевъ вмѣстѣ сомкнутыми рядами, можетъ достичь государства будущаго».

А. Дивильковскій.

Польскія политическія партіи и дѣло Бейлиса.

Кіевскій процессъ, внесшій сильное оживленіе въ русское общество, отразился и въ настроеніи общественныхъ элементовъ Польши. Но здѣсь рабочія забастовки и протесты интеллигенціи и студенчества не охватили столь многочисленныхъ слоевъ населенія, и отношеніе періодической печати къ процессу носитъ своеобразный характеръ. Это объясняется причинами мѣстнаго свойства: репрессіями со стороны бюрократіи, развитіемъ націонализма и въ частности антисемитизма, кризисомъ, переживаемымъ нынѣ польскими политическими партіями.

Въ теченіе крайне тяжелаго періода военнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ подвергались преслѣдованіямъ, часто безъ точной мотивировки съ точки зрѣнія закона, всѣ проявленія общественной самодѣятельности. Административныя и судебныя кары приняли грандіозные размѣры. Въ промежутокъ времени съ 1 января

по 1 іюля 1908 г. число каторжанъ, ссыльно-поселенцевъ и административно-ссыльныхъ за такъ назыв. государственныя преступленія достигло громадной цифры: 55.632. Было закрыто 20 профессіональныхъ рабочихъ союзовъ, насчитывавшихъ около 50.000 членовъ. Репрессіи продолжались и послѣ отмѣны военнаго положенія. Открытіе новыхъ союзовъ тормозилось администраціей; въ теченіи 3 лѣтъ не былъ зарегистрированъ ни одинъ союзъ, хотя уставы, представлявшіеся на утвержденіе, были строго согласованы съ буквой закона 4 марта. Преслѣдовались рабочіе кооперативы и просвѣтительныя общества. Закрывались не только просвѣтительныя общества прогрессивнаго направленія, но и консервативныя, часто имѣвшія клерикальный характеръ, напр. «Польская Школьная Матица», насчитывавшая 781 отдѣленій съ 163.000 членовъ, общество распространенія начальной грамоты, общество попеченія объ учащихся дѣтяхъ. Подвергался преслѣдованіямъ польскій языкъ. Преслѣдованія печати приняли чудовищные размѣры. Въ теченіе одного года одинъ и тотъ же журналъ перемѣнилъ 7 разъ названіе, уплатилъ 1900 руб. штрафа, имѣлъ 5 судебныхъ дѣлъ, 9 его №№ были конфискованы, 7 редакторовъ подверглись аресту. Въ самое послѣднее время были привлечены къ отвѣтственности столь далекія отъ революціонныхъ сферъ лица, какъ депутатъ Свѣнцицкій, какъ редакторъ газеты «Ziemia Lubelska».

Рядомъ съ общероссійской шла національная реакція, носительницею которой явилась націоналъ-демократическая партія. Дѣйствія послѣдней, какъ на это открыто указалъ ея вождь Р. Дмовскій въ своихъ знаменательныхъ статьяхъ «Анахронизмы» [1]), опредѣлялись главнымъ образомъ борьбою, съ одной стороны, съ рабочей демократіей, съ другой—съ революціонными національными тенденціями.

Однимъ изъ средствъ борьбы служилъ бойкотъ евреевъ, для котораго нашлись благопріятныя условія въ экономическихъ интересахъ буржуазіи польскаго происхожденія. Въ настоящее время бойкотъ явно клонится къ упадку, что отмѣчаетъ даже органъ радикаловъ ноціоналистовъ—«Tygodnik Polski».

Репрессіи со стороны бюрократіи, направленныя противъ всего населенія страны, не исключая сторонниковъ польской реакціи, съ одной стороны дѣйствовали подавляюще и дезорганизующе, съ другой—возстановляли общественные элементы противъ угнетателей и противъ націоналъ-демократовъ за ихъ дѣятельность на мѣстѣ и за ихъ оппортюнизмъ въ Госуд. Думѣ. Бойкотъ нѣсколько поддер-

[1]) См. «Gtos Warszwaski» 1909 г. май—рядъ полемическихъ статей противъ Э. Пильца, подъ названіемъ «Анахронизмы» (Anachronizmy).

жалъ авторитетъ партіи, но лишь временно, ибо въ общемъ и цѣломъ ея политическая линія не отвѣчаетъ стремленіямъ и интересамъ народныхъ массъ. Теперь неудача бойкота возбуждаетъ недовольство даже въ собственныхъ рядахъ партіи.

Возникшая изъ среды «угодовцевъ»—эпигоновъ извѣстнаго маркиза Велепольскаго — партія Реальной Политики, отличавшаяся всегда, несмотря на свою лойяльность по отношенію къ правительству, выдержаннымъ, строго принципіальнымъ характеромъ, оказалась болѣе, чѣмъ Н.-Д., чуткой къ запросамъ историческаго момента и уже съ 1909 г. стала обнаруживать все большій интересъ и сочувствіе русской оппозиціи. И когда Н.-Д. стала терять свой авторитетъ, къ П. Р. П. въ виду этихъ ея особенностей, стали переходить недовольные Н.-Д. элементы изъ среды зажиточныхъ классовъ. Буржуазный радикализмъ оказался, къ сожалѣнію, менѣе жизнеспособенъ, чѣмъ консерватизмъ.

Прогрессивно-демократическая партія, политическая программа которой вполнѣ учитываетъ нужды капитализма, въ виду принадлежности къ ней мелкобуржуазныхъ элементовъ, распалась на двѣ группы, изъ которыхъ одна, представляемая газетой Prawda, приняла антисемитскій характеръ. Это помѣшало радикальнымъ элементамъ использовать кризисъ въ средѣ Н.-Д. Между тѣмъ цѣлый рядъ группъ — «Фронда», съ Т. Гружевскимъ во главѣ, «Національный Рабочій Союзъ», небольшіе кружки интеллигенціи и крестьянъ оставили знамя Н.-Д. Крестьянскіе элементы въ настоящее время начинаютъ все больше группироваться въ такъ наз. «Кружкахъ имени С. Сташица».

Репрессіи заставили часть интеллигенціи и крестьянъ вступить на путь политики отчаянія. Въ Галиціи эмигранты изъ революц. фракціи П. П. С., Польская С.-Д. партія Галиціи и Силезіи, двѣ фракціи Крестьянскаго Союза и прогрессивно-демократическая партія Галиціи создали блокъ сторонниковъ независимости Польши или такъ наз. «австрійской оріентаціи», во главѣ котораго стала избранная этими группами «временная комиссія». Блокъ поставилъ себѣ задачей, въ случаѣ войны Австріи съ Россіей, организовать въ русской Польшѣ національное возстаніе, съ цѣлью оказать содѣйствіе присоединенію ея къ Австріи, видя въ этомъ ближайшій путь къ возстановленію независимости Польши. Этотъ блокъ привлекъ на свою сторону нѣкоторые элементы изъ среды интеллигенціи и крестьянъ русской Польши.

Рядъ національныхъ юбилеевъ: возстанія 1863 г., Городельской Уніи, битвы подъ Лейпцигомъ еще болѣе усилили сепаратистскія стремленія.

Настоящій моментъ—моментъ ожесточенной борьбы слабѣющей Націоналъ-демократіи и другихъ вышеуказанныхъ группъ за вліяніе на народныя массы, моментъ отсутствія въ странѣ авторитетныхъ партій, могущихъ организовать народныя выступленія.

Кризисъ замѣчается и среди рабочей демократіи. Здѣсь онъ обусловливается не столько ростомъ націонализма, сколько недостаточной приспособленностью старой руководительницы польскаго классоваго рабочаго движенія — Соціалъ-демократіи Польши и Литвы — къ новымъ условіямъ: въ открытой, легальной дѣятельности, а равно противорѣчіемъ между формально гарантированными правами и постоянными нарушеніями ихъ администраціей. С.-Д. П. и Л., строго придерживаясь традицій подполья, идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Переставъ удовлетворять потребностямъ движенія, она испытываетъ внутреннее разложеніе и въ настоящее время состоитъ изъ двухъ сильно враждующихъ другъ съ другомъ группъ. Лѣвица П. П. С. въ большинствѣ случаевъ обнаруживаетъ много чуткости и политическаго такта, но, по сравненію съ С.-Д., не обладаетъ достаточно крѣпкой традиціей, что въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ ей сгруппировать подъ своимъ знаменемъ сознательные элементы рабочаго класса.

Вслѣдствіе всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ дѣло Бейлиса внесло въ польское общество гораздо меньше оживленія, чѣмъ въ русское. Новсе же оно и здѣсь сыграло важную роль, какъ нельзя лучше выяснивъ политическую несостоятельность польскаго націонализма. Въ моментъ, когда русскому націонализму нанесенъ сильный ударъ, представители значительной части польскаго общества занимаютъ позицію, родственную злѣйшимъ врагамъ польскаго народа. Разница лишь въ томъ, что Н.-Д. еще болѣе придаетъ своимъ выступленіямъ болѣе культурную форму. Въ общемъ ея отношеніе къ кіевскому процессу реакціонно, чѣмъ отношеніе къ нему польскаго римско-католическаго духовенства.

Органъ, руководящій бойкотомъ евреевъ—«Gazeta Poranna—заявляетъ въ № отъ 8 октября н. ст., что она малаго ожидаетъ отъ суда, ибо суду ни разу не удалось вполнѣ выяснить, существуетъ ли у евреевъ обычай ритуальнаго убійства и составляетъ ли онъ аттрибутъ всего еврейства или какой-либо одной секты. Впрочемъ, весь этотъ вопросъ, по ея мнѣнію, имѣетъ для поляковъ лишь научный интересъ. «Евреи,—говоритъ газета,—представляютъ элементъ столь чуждый намъ нравственно, столь вредный для нашаго общества и наше отношеніе къ нимъ такъ прочно установилось, что вопросъ о томъ, существуетъ ли обычай ритуальнаго убійства, не можетъ отразиться на нашей позиціи». Центральный органъ партіи, «Gazeta

Warszawska», перепечатываетъ почти цѣликомъ статью «Gazety Porannej», выражая свою солидарность съ ея содержаніемъ. Въ № 279 «Gaz. Warszawska» редакція, въ статьѣ: «Проговорились», изъ факта участія одного виднаго сторонника «временной комиссіи» въ созванномъ во Львовѣ митингѣ протеста противъ дѣла Бейлиса дѣлаетъ выводъ, что вся дѣятельность этой комиссіи является еврейской интригой. Въ № 282 той же газеты письмо за подписью: «Малый архитекторъ» силится опровергнуть историческія данныя, приведенныя консервативной газетой «Slowo» противъ легенды о ритуальномъ убійствѣ. Авторъ письма ссылается на извѣстнаго Петра Скаргу, признавшаго въ «Житіяхъ Святыхъ» наличность приписываемаго евреямъ обычая, и на хранящуюся въ Ленчицкомъ костелѣ икону, изображающую ритуальное убійство. Открыто высказавъ свое убѣжденіе въ правдивости средневѣковой легенды, «Малый архитекторъ» пишетъ; «Возбужденіе страстей вызываетъ тѣхъ, кто маскируетъ свои идеи и стремленія, на откровенность. Проговорились руководители временной комиссіи, проговорились нѣкоторыя чешскія группы,протестовавшія во имя «славянскаго человѣчества», обнаружилось вліяніе всемірнаго еврейскаго союза, какъ во время дѣла Дрейфуса; выступили открыто, не прикрываясь фиговымъ листомъ, русскіе націоналисты, проговорились русскія рабочія организаціи, устроившія демонстративную забастовку, проговорятся еще многія политическія и общественныя группы». «Nowa Gazeta» по поводу этого письма замѣчаетъ: «мы не станемъ обсуждать вопросъ, вытекаетъ ли всеобщій интересъ къ дѣлу Бейлиса изъ солидарности евреевъ, какъ утверждаетъ Gaz. Warsz.. Но одно, думается намъ, не подлежитъ сомнѣнію: позиція, занятая «Малымъ Архитекторомъ», составляетъ неопровержимое доказательство солидарности разныхъ категорій фанатизма».

Немногимъ отличается отъ націоналъ-демократической печати отношеніе къ интересующему насъ вопросу органа радикаловъ-націоналистовъ — «Tygodnik Polski». Онъ находитъ возможнымъ существованіе обычая ритуальнаго убійства, ибо «мыслимы всякіе ужасы на почвѣ общаго вырожденія, особенно въ атмосферѣ религіознаго психоза», вѣдь «ужасами всякаго рода изобилуетъ внутренняя жизнь русскихъ сектантовъ и польскихъ маріавитовъ». «Tygodnik Polski» рѣзко осуждаетъ органъ Р. Дмовскаго за то, что онъ обвиняетъ «временную комиссію» въ сочувствіи евреямъ и съ воодушевленіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, защищаетъ ее отъ обвиненія въ этомъ «преступленіи». Антисемитская «Prawda» и органъ «Фронды», «Goniec», не помѣстили принципіальныхъ статей о кіевскомъ процессѣ, но въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ, ихъ замѣтно довѣріе къ обвиненію.

Не высказался принципіально органъ крупной буржуазіи—«Kurjer Warszawski». Органъ католическаго духовенства—«Prseglad Katolicki»—обсуждаетъ кіевскій процессъ спокойнѣе и объективнѣе, чѣмъ націоналъ-демократическая и вообще націоналистическая печать. Это въ значительной мѣрѣ объясняется установившимся въ католической церкви отрицательнымъ отношеніемъ къ легендѣ о ритуальномъ убійствѣ. Ксендзъ Гнатовскій пишетъ по этому поводу: «противъ предположенія о существованіи у евреевъ обычая ритуальнаго убійства говорятъ два важныхъ аргумента: запрещеніе Моисеемъ употребленія въ пищу крови животныхъ и отсутствіе доказательствъ такого обычая со стороны лицъ перешедшихъ изъ іудаизма въ христіанство». Далѣе, однако, авторъ высказываетъ предположеніе, что если нельзя обвинять все еврейство въ употребленіи христіанской крови, то все же оно «мыслимо на почвѣ сектантскаго вырожденія».

Въ печати Партіи Реальной Политики ясно отрицательное отношеніе къ процессу, хотя въ нѣкоторыхъ статьяхъ ея органа, «Stowo» замѣтны проявленія оппортунизма по отношенію къ бюрократіи, присущаго тактикѣ этой партіи. Въ статьѣ: «Безсмертный предразсудокъ» авторъ ея—покойный нынѣ Л. Страшевичъ—рѣшительно осуждаетъ легенду о ритуальномъ убійствѣ, заявляя: «Русскіе націоналисты уже радостно потираютъ руки: для нихъ это—находка, имъ уже мерещатся погромы... Для насъ, католиковъ-поляковъ, въ этомъ вопросѣ недопустимы какія либо сомнѣнія; для насъ онъ разъ навсегда разрѣшенъ руководителями нашей совѣсти — папами». При этомъ Л. Страшевичъ указываетъ на буллы папъ: Иннокентія IV, Григорія X, Мартина V, Николая V, Павла III, Сикста IV, Бенедикта XIV, запрещающія католикамъ распространеніе легенды о ритуальномъ убійствѣ, подъ угрозой лишенія св. тайнъ. Онъ приводитъ также соотвѣтствующія распоряженія германскихъ императоровъ и польскихъ королей. Стефанъ Баторій угрожалъ смертной казнью каждому, кто осмѣлится обвинить еврея передъ судомъ въ этомъ преступленіи.

Изъ всѣхъ польскихъ буржуазныхъ органовъ въ Россіи только «Kuryer Litewski», выходящій въ Вильнѣ, гдѣ антисемитизмъ распространенъ слабо, оцѣнилъ все значенье Кіевскаго процесса. Въ № 221 этой газеты мы читаемъ: «Благодаря стараніямъ крайнихъ правыхъ русскихъ партій дѣло объ убійствѣ Ющинскаго раздуто до размѣровъ дѣла принципіальнаго значенія. Этимъ мы обязаны той крайней правой, которая старается сдѣлать Россію реакціонной страной, избравъ къ этому средствомъ племенную рознь. Эти сферы ухватились за искусственно, съ трудомъ созданное обвиненіе про-

тивъ еврея Бейлиса, какъ за орудіе опороченія всего еврейскаго. Мы должны помнить, что въ глазахъ русской реакціи еврейскимъ является прежде всего тамъ называемое «освободительное движенье», въ которомъ Дубровины и Замысловскіе охотно видятъ еврейскую интригу, обвиняя евреевъ въ стремленіи къ ослабленію Россіи... Фатальный для евреевъ исходъ дѣла Бейлиса—заключаетъ авторъ статьи—вызвалъ бы крайне печальныя послѣдствія для развитія этическихъ и политическихъ взглядовъ во всемъ государствѣ». Позиція консервативнаго органа «Dziennik Kijowski» въ общемъ тожественна съ позиціей «Slowo». Отрицая существованіе обычая ритуальныхъ убійствъ и осуждая человѣконенавистничество націоналистовъ, онъ горячо привѣтствуетъ поворотъ «Кіевлянина», но въ то же время выражаетъ негодованіе по поводу дѣйствій евреевъ и частныхъ лицъ, ведшихъ разслѣдованіе дѣла, находя, что они лишь осложнили его.

Въ лагерѣ прогрессистовъ наиболѣе опредѣленную позицію заняли марксистскіе еженедѣльники «Kuznia» и «Zycie Wazsrawskie», за что послѣдній былъ закрытъ.

Мы приведемъ здѣсь взглядъ «Kuzni», какъ органа, пользующагося широкимъ распространеніемъ среди рабочихъ и молодежи. Маститый польскій публицистъ Тарскій въ № 22 этого еженедѣльника пишетъ: «Всякій, кто обладаетъ хотя бы минимальной дозой политическаго и общественнаго сознанія, пойметъ, что процессъ является крупной ставкой, что онъ является дѣломъ первостепенной важности... Суть вопроса въ томъ, получитъ ли предразсудокъ санкцію судебнаго приговора, исполнятся ли желанія тѣхъ, которые считаютъ разжиганіе расовыхъ и національныхъ антагонизмовъ однимъ изъ средствъ къ достиженію ихъ темныхъ цѣлей».

Констатируя разложеніе въ рядахъ реакціи, проявившееся въ поворотѣ «Кіевлянина», авторъ продолжаетъ: «Прогрессивная Россія, прогрессивная въ самомъ общемъ значеніи этого слова, выступила со всей энергіей и самопожертвованіемъ противъ чудовищной, поддерживаемой авторитетными элементами версіи кіевскаго убійства, вполнѣ ясно отдавая себѣ отчетъ въ его политическомъ значеніи и высказывая при этомъ гражданское мужество, чуткость къ вопросамъ общественной жизни и сознаніе гражданскаго долга. Ей можетъ позавидовать наше современное мѣщанство, пораженное политическимъ маразмомъ, терроризуемое и проституируемое «двугрошевой» бандой [1]), работающей надъ лишеніемъ польской культуры

[1]) Намекъ на органъ Н.-Д.—«Gaseta Poranna», номеръ которой стоитъ два гроша, т. е. одну копѣйку.

всѣхъ ея благороднѣйшихъ элементовъ». Тожественную позицію занимаетъ органъ крестьянскихъ организацій.

Прогрессивно-демократическая «Nowa Gazeta», органъ буржуазнаго радикализма, слабо развивающагося въ тяжелой атмосферѣ національстической реакціи, сохраняетъ принципіальную выдержку въ отчетахъ о процессѣ, но въ спеціальной статьѣ принципіальнаго характера черпаетъ аргументы изъ арсенала «Slowa», абсолютно ничего не прибавляя отъ себя и не давая того всесторонняго освѣщенія дѣла, какое мы находимъ въ органахъ «Kuznia» и «Kuryer Litewski».

Провинціальный органъ направленія близкаго къ «Nowa Gaseta», «Kuryer Lubelski», отмѣтивъ въ началѣ процесса свое отрицательное отношеніе къ обвиненію Бейлиса и къ легендѣ о ритуальномъ убійствѣ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ помѣщаетъ замѣтку, отнюдь не гармонирующую съ идеями прогресса и демократіи. Авторъ этой замѣтки, полемизируя съ петербургскимъ «Днемъ», упрекнувшимъ польское общество въ равнодушіи къ дѣлу Бейлиса, заявляетъ съ поразительной душевной простотой, что у поляковъ много своихъ собственныхъ дѣлъ, болѣе близкихъ имъ, чѣмъ это дѣло.

Вполнѣ естественно, что въ атмосферѣ репрессій и національзма протесты, вызванные дѣломъ Бейлиса, не могли принять въ Польшѣ такихъ размѣровъ, какъ въ остальной Россіи. Все же, благодаря главнымъ образомъ стараніямъ Лѣвицы П. П. С., выступающей въ соглашеніи съ еврейскими рабочими организаціями, число забастовщиковъ было въ Польшѣ на самомъ дѣлѣ гораздо больше, чѣмъ зарегистрировано въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Достаточно прочитать названія бастовавшихъ фабрикъ, чтобы убѣдиться, что не одни лишь еврейскіе рабочіе участвовали въ протестѣ, ибо среди этихъ фабрикъ попадаются такія, на которыхъ работаютъ исключительно поляки.

Въ тѣхъ частяхъ бывшей Польши, которыя развиваются въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, обнаружилось нѣсколько иное отношеніе къ процессу Бейлису. Въ Галиціи, правда, органъ Н.-Д.—«Slowo Polskie»—выступило вполнѣ солидарно съ Н.-Д. русской Польши, Консервативный краковскій «Czas» дипломатически воздержался отъ принципіальной постановки вопроса, ограничиваясь лишь помѣщеніемъ телеграфныхъ извѣстій. За то демократическіе элементы единодушно осудили позицію реакціи въ кіевскомъ процессѣ. Въ прусской Польшѣ общество отнеслось къ нему индиферентно, что объясняется отсутствіемъ тамъ условій для рѣзкаго конфликта между еврейской буржуазіей и польской, обладающей образцовою экономическою организаціею. Итакъ дѣло Бейлиса выяснило

степень политической зрѣлости разныхъ общественныхъ группъ польскаго народа. Отношеніе ихъ къ этому дѣлу лишній разъ показало, что задача обновленія государственнаго строя Россіи можетъ найти откликъ въ Польшѣ только въ средѣ элементовъ, стоящихъ на точкѣ зрѣнія интересовъ рабочаго класса и крестьянства, а равно тѣхъ немногочисленныхъ нынѣ приверженцевъ буржуазнаго радикализма, которые освободились отъ націоналистическихъ тенденцій. На правомъ крылѣ польскаго общества, русская оппозиція скорѣе можетъ расчитывать на сочувствіе ея дѣятельности со стороны консерваторовъ изъ партіи Реальной Политики, чѣмъ Націоналъ-демократіи. Откровенныя выступленія послѣдней, заставляя задуматься наиболѣе жизнеспособные ея элементы, ускорятъ, быть можетъ, перегруппировку политическихъ партій.

Кіевскій процессъ обнаружилъ въ Польшѣ несостоятельность націонализма съ неменьшей яркостью, чѣмъ въ Россіи.

К. Залевскій.

Изъ деревенскихъ настроеній.

Ив. Коноваловъ. Очерки современной деревни.

И беллетристы, и публицисты, и простые наблюдатели народной жизни не перестаютъ трактовать вопросъ о современныхъ настроеніяхъ деревни, отмѣчая преимущественно ту или другую ихъ сторону, захватывая предметъ болѣе или менѣе глубоко, но сосредоточиваясь преимущественно на самыхъ замѣтныхъ, если не самыхъ поверхностныхъ, и притомъ отрицательныхъ явленіяхъ крестьянской жизни, окрещенныхъ мало разъясняющимъ дѣло именемъ хулиганства. Эти отрицательные, проявляющіеся въ мелкихъ и крупныхъ агрессивныхъ дѣйствіяхъ признаки смутнаго состоянія народной психики выдвигаются въ послѣднее время на первый планъ, потому что разгулъ полицейскаго произвола дѣлаетъ невозможнымъ всякія другія выраженія тѣхъ состояній мысли и чувства крестьянъ, которыя зародились въ нихъ въ бурное время средины истекшаго десятилѣтія и развивались далѣе на почвѣ обманутыхъ надеждъ, непрекращающихся репрессій, возрожденія помѣщичьей власти и новѣйшихъ аграрныхъ мѣропріятій.

«Очерки современной деревни» безвременно погибшаго молодого писателя, составленные изъ журнальныхъ и газетныхъ статей и основанные на личныхъ наблюденіяхъ, рисуютъ яркую картину деревенскихъ настроеній черноземной Россіи въ первые годы послѣ крушенія свѣтлыхъ надеждъ народа на землю и волю и въ разгаръ усердія казенныхъ землеустроителей. Главная часть его книги посвящена замѣшательству въ крестьянской средѣ, вызванному энергичнымъ проведеніемъ дворянской аграрной программы, но самый ранній очеркъ, отъ 1909-го года, рисуетъ отношенія, установившіяся между помѣщиками и крестьянами тотчасъ послѣ того, какъ крупные землевладѣльцы, бѣжавшіе въ 1905—1906 гг. изъ своихъ усадебъ, вернулись обратно и, опираясь на прямую и косвенную поддержку власти, принялись за возстановленіе своего, утраченнаго было значенія.

Наиболѣе мѣста въ книгѣ Коновалова отведено Петровскому уѣзду Саратовской губерніи—раіону съ ярко-выраженнымъ крестьянскимъ малоземельемъ и высокимъ процентомъ такъ назыв. дарственниковъ, получившихъ отъ помѣщиковъ, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, безплатно $^1/_4$ часть надѣла и ведущихъ хозяйство частью на купленной, преимущественно-же на арендуемой землѣ, и находящихся такимъ образомъ въ полной зависимосиь отъ собственниковъ снимаемыхъ ими угодій. Жизнь такихъ крестьянъ—по словамъ стариковъ—хуже, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. «Ни на минуту—передаетъ Коноваловъ свои наблюденія—не было увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Ничтожное обстоятельство,—какъ ругань пьянаго мужика или шалость дѣтишекъ, стащившихъ яблоко изъ барскаго сада,—могло повести къ тому, что «обиженный» баринъ откажетъ въ землѣ, и придется итти «по кусочки». — Съ землей, арендуемой у сосѣднихъ землевладѣльцевъ, такихъ крестьянъ связываетъ не только современная хозяйственная необходимость, сознаніе, что утрата этой земли равносильна разрушенію ихъ хозяйства. Крестьяне связаны съ обрабатываемыми ими помѣщичьими землями исторически. Эти земли воздѣлывались еще ихъ отцами и дѣдами и лишь по какому-то недоразумѣнію, вытекшему изъ невѣжества съ одной стороны, завлеченія и обмана съ другой,—земли эти изъяты были изъ пользованія крестьянъ и переданы помѣщикамъ. Крестьяне не могли примириться съ утратой этой земли, и государству естественно было-бы позаботиться объ обезпеченіи имъ, тѣмъ или другимъ путемъ, постояннаго пользованія отошедшими отъ нихъ по его же винѣ, но необходимыми для нихъ угодьями. Но государство объ этомъ не думало, несмотря на то, что съ каждымъ годомъ,—вслѣдствіе естественнаго размноженія населенія и перемѣнъ въ об-

ласти помѣщичьяго землевладѣнія и хозяйства—доставать необходимую для нихъ площадь малоземельнымъ крестьянамъ становилось труднѣе и дороже, опасность утраты возможности веденія самостоятельнаго хозяйства дѣлалась все болѣе грозной, и вопросъ о томъ, какими рѣшительными средствами предотвратить надвигающееся разореніе, вырисовывался въ сознаніи крестьянъ болѣе и болѣе настоятельно. При доконституціонныхъ нашихъ порядкахъ, при той пропасти, какая существовала между народомъ и правительствомъ, коллективная народная мысль не могла принимать фактическаго участія въ разрѣшеніи этого вопроса; смягченіе крестьянскаго малоземелья могло быть результатомъ лишь индивидуальныхъ усилій, путемъ пріобрѣтенія недостающихъ угодій въ собственность, которое дѣйствительно и наблюдалось, между прочимъ, въ средѣ крестьянъ-дарственниковъ. Но это средство не имѣло, конечно, рѣшительнаго и общаго значенія, и въ умахъ крестьянъ не только сохранялась, но и обострялась старая мысль о принудительномъ отчужденіи въ ихъ пользу помѣщичьихъ земель. Попыткой осуществить это насильственно было аграрное движеніе 1905—06 гг., а мирный путь къ тому лежалъ въ избраніи государственной думы подъ лозунгомъ: земля и воля. Обѣ эти попытки не имѣли успѣха; вмѣсто земли и свободы крестьяне получили дворянско-столыпинскую земельную реформу, быстро двинувшую впередъ обезземеленіе крестьянъ, и полицейско-помѣщичій произволъ, политическое и моральное угнетеніе крестьянскихъ массъ. Въ первой статьѣ книги Коновалова и описываются тѣ отношенія, которыя стали устанавливаться въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за крушеніемъ надеждъ крестьянъ и исчезновеніемъ мрачныхъ опасеній ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Годы эти, прежде всего, принесли крестьянамъ ужасъ расплаты за содѣянное ими. Репрессіи слѣдовали за разгромомъ помѣщичьихъ усадебъ, совершившимися не изъ личной ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ (уничтоженію подвергалось имущество и добрыхъ помѣщиковъ), а потому, что «всѣхъ помѣщиковъ порѣшили выкурить». И поставленная крестьянами цѣль, и средства ея достиженія естественно озлобили помѣщиковъ, отнесшихся къ происшедшимъ событіямъ, какъ къ насилію враждебной имъ стороны— и они выразили это, принимая непосредственное участіе въ истязаніяхъ уже умиротворенныхъ крестьянъ. Каждый помѣщикъ – сообщаетъ Коноваловъ,— проявилъ себя въ этихъ случаяхъ «съ особой жестокостью... во многихъ мѣстахъ помѣщики и ихъ управляющіе собственноручно сѣкли крестьянъ» (с. 10).

Начатое подъ вліяніемъ чувства озлобленія и мести первоначально пострадавшей, а затѣмъ восторжествовавшей стороны, ре-

прессивное отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ было затѣмъ, такъ сказать, оформлено и обосновано принципіально. «Крестьянамъ нужно показать, что теперь сила—мы, что время всякихъ ихъ фантазій прошло, и чтобы они объ этотъ думать перестали—объясняли помѣщики Коновалову.—Нужно подчеркнуть, что всѣ ихъ движенія принесли одинъ вредъ, и попытка возобновить ихъ принесетъ еще большій вредъ... За эти годы крестьяне слишкомъ понабрались спѣси — вотъ мы ее и сбиваемъ. Пусть поймутъ, что лучше для нихъ смириться». Крестьяне, правда, не совсѣмъ смирились, и помѣщики живутъ, по ихъ собственному выраженію, «на военномъ положеніи». Но это — думаютъ они — потому, что «духъ самовольства глубоко засѣлъ въ крестьянъ и правительство не принимаетъ достаточныхъ мѣръ. «Если-бы теперь нагнать на крестьянъ еще большій трепетъ—они стали-бы шелковыми... Что подѣлаете? На войнѣ, какъ на войнѣ. А съ крестьянами мы ведемъ войну». (с. 12).

Болѣе прозорливые владѣльцы разсчитываютъ, впрочемъ, не на однѣ мѣры устрашенія, но и на соціальное превращеніе, идея котораго вдохновляла иниціаторовъ аграрной реформы 9-го ноября. «Мы побѣдимъ—говорили они,—потому что каждый день даетъ намъ новыхъ союзниковъ: всѣ крестьяне, которые, выдѣляясь изъ общества, пріобрѣтаютъ землю въ личную собственность, теперь наши союзники... Часть ненависти крестьянъ обрушится на нихъ, и за такимъ прикрытіемъ можно долго продержаться». А пока образуется достаточно толстый слой «новыхъ помѣщиковъ», «будемъ вести свою линію, и чуть кто зашевелится — въ тюрьму или подъ нагайку... Что подѣлаете: мы или они, здѣсь борьба за существованіе». (с. 13).

Нечего удивляться откровенному признанію помѣщиковъ о политикѣ устрашенія, возвращающей насъ къ идеямъ того времени, когда крестьяне были собственностью владѣльцевъ, которые могли и карать ихъ, и миловать. Объ этомъ громко вопіютъ ихъ дѣянія, объявляемыя, такъ сказать, во всеуслышаніе. Помѣщики окружили себя казаками и черкесами, вооружили лѣсниковъ, объѣздчиковъ и даже простыхъ пастуховъ ножами и двухстволками и, точно средневѣковые феодалы, дали имъ «власть распоряжаться крестьяниномъ, какъ рабомъ» (с. 13). «Сапарю!—вотъ обычный крикъ кавказскихъ хищниковъ,—говоритъ Коноваловъ. Достаточно мужику поднять прутъ въ барскомъ лѣсу, пройти барской межей, недостаточно низко поклониться барину, чтобы быть избиту до полусмерти» (с. 11).

Не мягче того дѣйствуетъ и русская часть помѣщичьей охраны. Весь почти штатъ помѣщичьихъ экономій — объѣздчики, лѣсники,

ключники, старосты—спеціализировались на своемъ дѣлѣ, отстали отъ всякаго другого и съ прекращеніемъ помѣщичьяго хозяйства остаются безъ куска хлѣба. Ихъ неспособность къ другому занятію кромѣ того, какое они имѣютъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ, находитъ подтвержденіе, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что въ такое «военное» время, какъ описываемый Коноваловымъ 1908-ой годъ, лѣсники, объѣздчики и другой мелкій служащій въ экономіяхъ людъ довольствовались желованьемъ въ 6—12 р. въ мѣсяцъ (и опредѣленный «паекъ»). Въ Аплечеевской экономіи, напр., «лѣсники (семейные) буквально голодали» (с. 15).

Этотъ-то мелкій служащій людъ ухватился зубами за имѣющійся, хотя и скудный, заработокъ въ экономіяхъ; онъ готовъ всячески поддерживать налаженное теченіе вещей и отвращать всѣ обстоятельства, могущія побудить его принципаловъ прекратить хозяйство. А такъ какъ главной причиной ликвидаціи помѣщичьихъ хозяйствъ въ описываемое время были волненія крестьянъ, то въ послѣднихъ экономическіе служащіе видятъ главнаго своего врага и, оберегая имущество своего патрона, защищаютъ свое личное благополучіе. Они служатъ хозяину по истинѣ за страхъ, за самый страшный шкурный страхъ и «удесятеряютъ свои придирки къ крестьянамъ, собратіямъ по нищетѣ»... «Лѣсникъ золъ, какъ чортъ, и барину вѣренъ, какъ песъ»—говорятъ крестьяне. «И ничѣмъ ты его не проймешь — ни добромъ, ни худомъ... Запорю! Застрѣлю! только и кричитъ. Вѣдь у насъ лѣсовъ нѣтъ, а они за возъ хворосту полтину дерутъ. А возьми изъ лѣсу палку — застрѣлитъ... Права-то имъ больно велики даны: убьютъ и суда нѣтъ» (с. 15).

Кто-же далъ «права» лѣсникамъ и объѣздчикамъ убивать бѣдняка, пойманнаго съ возомъ хвороста? Не фантазія-ли крестьянская такъ разукрасила мирную, хотя и строгую фигуру простого частнаго служащаго? Отвѣтомъ на это служитъ опубликованная Коноваловымъ еще въ 1909 г. и повторенная въ отдѣльномъ изданіи его сочиненій инструкція лѣсникамъ и объѣздчикамъ управляющаго имѣніемъ Московскаго, Лѣсопромышленнаго Товарищества. «Увидите, кто рубитъ лѣсъ — стрѣляйте въ него безъ разсужденій... Въ самого не попадете — стрѣляйте въ лошадь... Не убьешь или такъ осилишь связать — лупи нагайкой до полусмерти... Останется живъ—вези на хуторъ!» (с. 11). «Правительство не принимаетъ достаточныхъ мѣръ... Мало помогаетъ намъ»—жалуются помѣщики той мѣстности, которую описываетъ Коноваловъ. Они не довольствуются тѣмъ, что не встрѣчаютъ со стороны власти препятствій къ изданію инструкцій въ родѣ приведенной выше убивать и калѣчить крестьянъ. Они желали бы прямаго участія въ этомъ

власти. Въ описываемое время, однако, до этого дѣло, повидимому, еще не доходило.

Убійства крестьянъ помѣщичьими служащими встрѣчались, нужно полагать, рѣдко. Приказъ управляющаго Московскаго Лѣсопромышленнаго Товарищества начинать защиту принадлежащаго послѣднему имущества съ разстрѣла служащими не выполняется. «Пороть—поремъ, а стрѣляемъ рѣдко... Выпоремъ и ведемъ къ самому, а онъ—какъ знаетъ». «Самъ» тоже оставляетъ мужику жизнь; а лишь содравъ рукою объѣздчика, безъ непосредственнаго для себя прибытка, одну съ него кожную шкуру, онъ принимается за другую, уже не столь тѣсно сросшуюся съ мужицкимъ мясомъ, и могущую быть перетянутою на другаго.

— Ты срубилъ дерево? (У крестьянъ, окружающихъ имѣніе товарищества, нѣтъ ни прута лѣса).

— Виноватъ... Помилуйте.

— Двѣ съ половиной десятины вспахать, засѣять и убрать... Иначе въ тюрьму!

— Согласенъ...

«Мужикъ закрѣпощаетъ себя на цѣлый годъ» (с. 12).

Землевладѣльцы претендуютъ на правительство, «не съумѣвшее во время принять достаточныя мѣры и теперь заставляющее ихъ тратить крупныя суммы на казаковъ и объѣздчиковъ. Расходъ этотъ долженъ быть отнесенъ на счетъ правительства—говорятъ они. «Мы—полноправные русскіе граждане, и неприкосновенность наша должна быть обезпечена правительствомъ». Изъ приведеннаго краткаго діалога между управляющимъ имѣніемъ и мужикомъ видно, что помѣщиками и помимо казенныхъ денегъ найденъ источникъ для покрытія ихъ экстренныхъ расходовъ.

Каковъ-же, спрашивается, результатъ предупредительной политики помѣщиковъ? Удалось ли имъ навести на крестьянъ спасительный страхъ, обезпечивающій неприкосновенность помѣщичьей собственности не только въ настоящемъ, но и въ ближайшемъ будущемъ? Объ этихъ результатахъ предупредительныхъ мѣропріятій помѣщиковъ мы судить не беремся. Но каковы были ближайшія психологическія послѣдствія такой политики — скажетъ намъ тотъ-же Коноваловъ.

Крестьянскія волненія средины истекшаго десятилѣтія не носили печати личной ненависти къ помѣщикамъ. «Отдѣльныхъ лицъ для крестьянъ не существовало: былъ классъ помѣщиковъ, и крестьяне вели борьбу лишь поскольку они помѣщики... Насилій надъ личностью помѣщиковъ, за небольшими исключеніями, не было. Жгли имѣнія, развозили хлѣбъ, но людей не трогали». Теперь

настроеніе крестьянъ рѣшительно измѣнилось. «Къ озлобленности противъ класса присоединилась ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ... скрытая до времени, но готовая проявиться при всякомъ удобномъ случаѣ».

«При погромѣ насъ никто пальцемъ не тронулъ—говорилъ Коновалову управляющій крупнымъ имѣніемъ.—Крестьяне даже предупреждали: «уведите куда-нибудь ребятъ, неровенъ часъ—напугаются... А что стало съ ними теперь; вы не можете себѣ представить; ни одного дня не проходитъ безъ какой-нибудь шалости: то собаку отравятъ, то лошадь испортятъ, то окна выбьютъ... Вы скажете—мелочи! Но вѣдь они повторяются ежедневно, они жизнь отравляютъ» (с. 10).

Крупные землевладѣльцы описываемаго Коноваловымъ раіона надѣются, какъ мы видѣли, на то, что «новые помѣщики» отвлекутъ на себя часть ненависти крестьянъ, всецѣло обращаемой теперь на старыхъ, и послужатъ для нихъ нѣкоторымъ прикрытіемъ. На сколько правильно послѣднее заключеніе, основанное на предположеніи, что старые и новые помѣщики будутъ совмѣстно защищать частную собственность отъ крестьянскихъ притязаній,—мы теперь рѣшить не беремся. Скажемъ только, что новые помѣщики въ массѣ составляютъ классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, благополучіе которыхъ основано на личномъ трудѣ и что организуемое ими на собственныхъ участкахъ земледѣльческое хозяйство принадлежитъ по существу къ типу хозяйства трудового, хотя-бы и привлекающаго къ работѣ наемный трудъ. Этотъ слой новыхъ «помѣщиковъ» существенно, такимъ образомъ, отличается отъ класса крупныхъ землевладѣльцевъ, чего не могутъ не понять ни они сами, ни обездоленная часть крестьянъ. Они могутъ признать соотвѣтствующимъ своимъ интересамъ не защиту отъ посягательствъ крестьянъ принципа частной собственности вообще, а направленіе крестьянскихъ вожделѣній на земли крупныхъ землевладѣльцевъ. Вотъ какъ разсуждаетъ одинъ изъ выведенныхъ Коноваловымъ представителей этого типа, понимающій, что тяга крестьянъ къ чужой землѣ является неизбѣжнымъ результатомъ ихъ положенія и исчезнетъ лишь съ исчезновеніемъ самаго типа малоземельныхъ крестьянъ.

«Плохое время—говоритъ онъ.—Нешто я не понимаю! Приперты они теперь къ стѣнѣ вплотную и некуда имъ податься... Такъ ты съ тѣхъ и требовай, кто на тебѣ сидитъ, ихъ и безпокой. Вонъ у герцога въ нашемъ уѣздѣ 25 тысячъ десятинъ. Насѣдай на него, коли думаешь чего добиться. А здѣсь человѣкъ тридцать лѣтъ по копѣйкѣ собиралъ, купилъ какихъ-нибудь 80 десятинъ — всѣ и загалдѣли». «Нападаютъ на того, кто поближе, да послабѣе» (с. 106). Такъ раз-

суждаетъ зажиточный хуторянинъ. О хуторской-же бѣднотѣ (которой тоже не мало) крестьяне-общественники прямо говорятъ: «вся эта бѣднота съ нами пойдетъ—не бѣда, что хуторяне» (с. 273).

Надежда крупныхъ землевладѣльцевъ на защиту «новыхъ помѣщиковъ»— что, въ сущности, и составляло главный мотивъ новѣйшей аграрной реформы — можетъ, слѣдовательно, и не оправдаться; но ссылка на ненависть крестьянъ къ этимъ помѣщикамъ въ настоящее время не есть плодъ фантазіи. Зажиточные крестьяне, пріобрѣвшіе землю въ Петровскомъ уѣздѣ черезъ Крестьянскій Банкъ, съ великимъ опасеніемъ принимаются за устройство на ней своего хозяйства.

«Ужъ и не знаю, почему на меня такъ взъѣлись,—жаловался одинъ изъ нихъ Коновалову.—Грозятъ и грозятъ... Разорятъ вѣдь въ конецъ, что съ ними подѣлаешь!» Вотъ еслибы «какъ побольше половины разъѣхались, кто куда... Остальнымъ работа нашлась-бы». Иначе «народъ будетъ блажить, и всегда отъ него можно ожидать всякой пакости. Ужъ и теперь—чуть что, такъ и осыпятъ тебя, какъ волки... Какой-нибудь пащенокъ, еще отъ земли не видать, а тоже оретъ: живодеръ. А какъ еще пуще животы подведетъ—то-ли можетъ быть?.. Отъ цѣлаго міра не убережешься, на всѣхъ жаловаться не пойдешь».

«Плохого мы имъ ничего не сдѣлали, а они все грозятъ—жаловался другой, третій хуторянинъ и т. д.—Не даютъ брать изъ деревенскаго колодца воды; не позволяютъ ѣздить по деревенскимъ дорогамъ; «не то что въ школу—въ церковь не хотятъ пускать» и «прямо говорятъ: въ случаѣ чего—на васъ раньше помѣщиковъ пойдемъ!»... «Землю эту они раньше снимали»—поясняетъ жалующійся, и въ этомъ фактѣ надо искать главную причину ненависти крестьянъ къ «новымъ помѣщикамъ» въ мѣстностяхъ, подобныхъ описываемой Коноваловымъ.

Аренда помѣщичьихъ земель составляетъ жизненную необходимость для всей категоріи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, владѣющихъ на правѣ собственности только отведенными имъ при освобожденіи надѣлами. Происходитъ это и потому, что надѣлы обнимаютъ не всѣ тѣ земли, которыми крестьяне пользовались въ крѣпостномъ состояніи, и по причинѣ значительнаго прироста земледѣльческаго населенія. Но особенно важную роль помѣщичьи угодья играютъ въ описываемой Коноваловымъ мѣстности, гдѣ отрѣзки при освобожденіи крестьянскихъ земель были очень значительны, а многіе крестьяне получили даже только $^1/_2$ часть надѣла. Подобныя мѣстности и были въ срединѣ истекшаго десятилѣтія главными очагами крестьянскихъ волненій, сопровождавшихся разрушеніемъ

владѣльческихъ усадебъ, въ разсчетѣ на то, что изгнанные такимъ образомъ изъ имѣній помѣщики не пожелаютъ возстановлять разрушенное хозяйство, и ихъ земля, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, перейдетъ въ постоянное и обезпеченное пользованіе крестьянскихъ массъ.

Ожиданіе крестьянъ до извѣстной степени оправдались. Многіе помѣщики дѣйствительно отказались отъ мысли о возстановленіи хозяйствъ и предложили свои земли въ продажу мѣстнымъ крестьянамъ или Крестьянскому Банку, который предлагалъ ее крестьянамъ-же. Но условія, на которыхъ можно было пріобрѣсти эти земли, совсѣмъ не соотвѣтствовали ожиданіямъ крестьянъ; и они не могли примириться съ мыслью, что въ этомъ именно и заключается то разрѣшеніе аграрнаго вопроса, къ которому они такъ страстно стремились и за которое жестоко поплатились при репрессіяхъ, слѣдовавшихъ за прекращеніемъ крестьянскихъ волненій. Предложенія купить помѣщичьи земли вызывали, поэтому, сильное возбужденіе среди крестьянъ и безконечныя обсужденія вопроса на большихъ и малыхъ сходахъ. Возбужденіе не ограничивалось взрослой мужской частью населенія. Оно охватило женщинъ и дѣтей. Женщины вмѣшивались въ обсужденіе вопроса на сходахъ или составляли особые сходы. Обсужденію подлежалъ и принципіальный вопросъ—покупать землю или нѣтъ,—и конкретный вопросъ о томъ, какъ ее покупать—міромъ или отдѣльными лицами, въ общинное или въ подворное владѣніе.

Изъ предыдущихъ событій, когда крестьяне выступали самостоятельно, какъ классъ и входили въ соприкосновеніе съ партійными людьми, они вынесли нѣкоторое политическое развитіе: они уже не питаютъ вѣры въ благодѣтельную внѣшнюю силу, пекущуюся о нихъ и обѣщающую разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ духѣ, имъ желательномъ. Утративъ вѣру въ эту силу и понимая, что прочное разрѣшеніе аграрнаго вопроса не можетъ быть результатомъ разрозненныхъ частныхъ сдѣлокъ, селенія крестьянъ не рѣшались предпринять что-либо на свой страхъ, ожидая, что рѣшеніе вопроса выработается какъ-то само собой, что дѣло будетъ лучше рѣшено другими, что рѣшеніе подготовляется гдѣ-то въ центрахъ и имъ будутъ даны на этотъ счетъ опредѣленныя директивы.

«Въ какую деревню ни приду, вездѣ одно и тоже»,—разсказывалъ одинъ изъ искателей, въ частности, раціональнаго рѣшенія земельнаго вопроса вообще и, вопроса о томъ, какъ быть съ предлагаемыми къ продажѣ помѣщичьими землями. «Житья, говорятъ, нѣту, надо что-нибудь дѣлать! А что дѣлать? Никому неизвѣстно... Ждемъ, говорятъ, какъ другіе, потому что мы всегда готовы под-

держать»... «Да чего вы ждете—спрашивалъ разсказчикъ въ другомъ мѣстѣ.—Какъ чего? Какое ни на есть измѣненіе должно быть! Будетъ извѣстіе—вотъ и поступимъ».

Направился, наконецъ, посланный міромъ человѣкъ къ Усышинцамъ. «Усышинцы, говорятъ, всегда впереди шли; имъ и теперь надо дать команду».—«Дѣйствительно, есть у нихъ мужички разсуждающіе, понимаютъ все очень хорошо. Тѣ прямо мнѣ и заявили: одно говорятъ, дѣло большое; а другое поменьше. Большое дѣло только вся Россія разработать можетъ, а земельная часть — это, говорятъ, дѣло наше. Въ этомъ дѣлѣ надо столковаться: коли покупать землю, такъ покупать всѣмъ, кому она требуется; а коли не брать, то держаться крѣпко и другимъ не позволять».—Какъ-же, спрашиваю, можетъ совершиться этотъ уговоръ?—«А это, говорятъ, когда городскіе со всей Россіи свѣдѣнія соберутъ и всѣмъ по одинаковому объявятъ. Пока-же надо крѣпиться, не соглашаться и не отказываться; въ случаѣ пріѣдетъ чиновникъ—говорить: «дѣло не шуточное, подумаемъ». А если изъ другихъ мѣстъ пріѣдутъ покупатели—нужно ихъ добромъ образумливать, а не послушаютъ — немного и попугать можно». — А городскіе, спрашиваю, бываютъ у васъ? — «Раньше, наѣзжали часто, а теперь давно не были» (с. 146).

Считая аграрный вопросъ общимъ, а не частнымъ дѣломъ, крестьяне, естественно, ожидали его рѣшенія отъ тѣхъ незнакомцевъ, пребываніе коихъ относилось ими къ городу, какъ мѣсту центральному, сосредоточію образованія и политики и источнику новыхъ мыслей, Одни крестьяне ждали объ этомъ «извѣстіи», «объявленія»; другіе сами отправлялись въ городъ за совѣтомъ, или приглашали оттуда свѣдущее лицо. А болѣе искусившіеся въ политикѣ обращались къ партійнымъ дѣятелямъ.

Крестьяне одного селенія, не приходившіе ни къ какому соглашенію относительно пріобрѣтенія предлагаемой имъ земли, призвали изъ города двухъ интеллигентовъ. «Сходки были необычайно многолюдны. Отъ пріѣзжихъ ожидали очень многаго. Но пріѣзжіе разочаровали крестьянъ. Сказали, правда, много интереснаго, но при рѣшительномъ вопросѣ: «какъ-же теперь быть» — замялись. Одинъ заявилъ: «рѣшайте сами, вамъ виднѣе», а другой посовѣтовалъ «не покупать самимъ и другимъ не позволять» (с. 22).

А вотъ разсказъ крестьянина, отправившагося за директивами въ городъ къ партійнымъ людямъ.

«Такъ и такъ, молъ, товарищи—говоритъ онъ имъ—деревня наша хорошо вамъ извѣстна; народъ хорошій, стойкій, а, главное дѣло, придерживается къ партіи; скажете слово—и по вашему будетъ исполнено». Слушаетъ, папироску покуриваетъ... Походилъ, похо-

дилъ по комнатѣ, сѣлъ около меня. Говорилъ, говорилъ про крестьянъ, про землю, все хорошо, понятно, а на счетъ дѣла ничего не высказалъ.—А какъ же, говорю, о нашемъ-то дѣлѣ: покупать намъ землю или нѣтъ?—Опять началъ ходить, а потомъ подходитъ ко мнѣ. «Этотъ вопросъ, говоритъ, у насъ еще не обсуждался, но такъ какъ мнѣ извѣстны взгляды товарищей, то могу сказать, что земли покупать не надо. — Не надо? Ни въ какомъ случаѣ! Заявите прямо, что покупать не желаете и другимъ купить не позволите... Потому что если никто этой земли покупать не будетъ, то должна она отойти къ вамъ даромъ въ самомъ скоромъ времени». Крестьяне выполнили этотъ совѣтъ только на половину. «Хотя, говорятъ, дѣло это намъ и не совсѣмъ подходяще (они думали купить землю), но разъ вся Россія пойдетъ, какъ одинъ человѣкъ, то обособляться намъ нѣтъ смысла». Отъ покупки они, однако, формально не отказались. Они только заявили банковскому чиновнику: «какъ будутъ другіе, такъ и мы. А впередъ другихъ не сунемся». Черезъ нѣсколько дней въ деревнѣ получено было письмо съ извѣщеніемъ, что, разсудивъ земельное дѣло, партія рѣшила, что очень малоземельные крестьяне покупать землю могутъ. Доложено было это крестьянамъ. «Загалдѣли, зашумѣли, начали ругаться... Это, говорятъ, подвохъ какой-то: то не покупай, то покупай». Въ концѣ концовъ крестьяне землю купили. «Всѣ видимъ, что въ петлю лѣземъ, да дѣло такое, что нѣтъ иного выхода».

Черезъ нѣкоторое время разсказчикъ встрѣтился съ партійными и крайне удивился, услыхавъ, что партія не можетъ брать на себя устройство крестьянскихъ сдѣлокъ, объѣзжать деревни и толковать, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ... «Что вы скажете на эти слова? То не покупай, то покупай, то дѣлай, какъ знаешь, а мы въ сторонѣ». «О чемъ теперь пишутъ — спрашивалъ онъ позже.—Привезли вотъ вы мнѣ листочки о Думѣ, а по моему одинъ это смѣхъ и никому не нужно. Знали же вы, что принятъ къ примѣру земельный законъ, и должны были намъ его растолковать, на всѣ вопросы отвѣтить: выдѣляться изъ міра или нѣтъ; покупать землю или обождать; если покупать, то какъ: черезъ банкъ, всѣмъ міромъ, товариществами?... А то что же это такое? Одинъ мужикъ говоритъ такъ, другой по своему, а вы стоите да помалкиваете: разбирайтесь, молъ, мужички, а мы пока что пообождемъ... Посмотритъ, посмотритъ мужикъ, что нѣтъ ему ни откуда выясненія, никто теперь въ трудную минуту къ нему не идетъ, да и отшатнется отъ васъ на вѣки вѣчные» (с. 119—125).

Но и безъ этого обстоятельства аграрная политика Крестьянскаго Банка не отвѣчала жизненной потребности земледѣльческаго

хозяйства крестьянскихъ массъ. Единичные участки, назначаемые имъ къ продажѣ въ одни руки, состояли (въ Саратовской губерніи) изъ 15-25 десятинъ—площади, ранѣе арендовавшейся 7—10 домохозяевами; и тѣ 2-3-4 десятины, которыя попадали путемъ аренды въ руки одного крестьянина, въ совокупности съ его надѣломъ, позволяли ему кое-какъ сводить концы съ концами и удерживаться при землѣ. Утрата же этихъ десятинъ, составлявшихъ $^1/_3$—$^1/_2$, а у дарственниковъ—и большую часть, если не всю запашку, подрывала хозяйство почти всѣхъ прежнихъ малоимущихъ арендаторовъ и совершенно разстраивала хозяйство многихъ изъ нихъ. Образованіе изъ помѣщичьихъ земель одного хутора сопровождается, поэтому, экспропріаціей нѣсколькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, и ликвидація какого-либо имѣнія является настоящей драмой въ жизни одного или нѣсколькихъ селеній, критическимъ моментомъ, совершенно переворачивающимъ сложившіеся отношенія.

«Земля эта вотъ какъ необходима, что только ну! Безъ нея намъ капутъ». «Прямо надо говорить, если земля эта уйдетъ изъ нашихъ рукъ—ложись и помирай». Такъ разсуждали крестьяне нѣсколькихъ деревень, обсуждая вопросъ о пріобрѣтеніи имѣнія Огаревка, площадью въ 2000 десятинъ. «Гробъ намъ сколачиваютъ» говорили они, когда земля эта размежевывалась на участки, пріобрѣтенные товариществомъ болѣе зажиточныхъ домохозяевъ.

Такъ неудачны были первыя попытки крестьянъ опереться на организованныя партіи для положительной работы по важнѣйшему для нихъ вопросу. Въ концѣ концовъ крестьянамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что общаго рѣшенія земельнаго вопроса въ ближайшемъ будущемъ не предвидится и что каждому селенію предстоитъ самому находить выходъ изъ затруднительнаго положенія, соотвѣтственно обстоятельствамъ даннаго случая.

Это было бы еще, впрочемъ, полгоря; цѣлое же горе заключается въ томъ, что, разрѣшить аграрный вопросъ въ интересахъ массы мелкихъ хозяевъ при данныхъ обстоятельствахъ оказывается невозможнымъ. Такое разрѣшеніе требовало бы перевода необходимыхъ крестьянамъ чужихъ угодій въ постоянное пользованіе или въ собственность цѣлаго общества—и это теоретически представляется возможнымъ въ случаѣ продажи земли крестьянамъ самимъ владѣльцемъ. Но непосредственныя сдѣлки крестьянъ съ помѣщиками встрѣчались сравнительно рѣдко, да и здѣсь опасными конкурентами общества являлись товарищества зажиточныхъ домохозяевъ. Большая же часть земель тѣхъ помѣщиковъ, которые не желали продолжать хозяйства послѣ разгрома ихъ усадьбъ или прекращали неразгромленное хозяйство, первоначально попадала въ руки Крестьянскаго Банка и имъ

перепродавалась крестьянамъ. Крестьянскій же Банкъ не только не воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы исправить ошибку реформы 19 февраля и передать на тѣхъ или другихъ условіяхъ поступившую къ нему землю обществамъ крестьянъ, державшихъ ее въ арендѣ, но сдѣлался однимъ изъ главныхъ орудій разрушенія того типа крестьянскаго хозяйства, какой сложился послѣ реформы и созданія на его костяхъ новаго типа «сильныхъ» домохозяевъ. Онъ лишалъ крестьянъ арендуемыхъ ими угодій, отказывалъ въ продажѣ земли обществамъ, создавалъ крупные участки, продавалъ ихъ въ частную собственность отдѣльныхъ лицъ, обставляя притомъ продажу условіями, обременительными для неимущей массы, но легко выполнимыми для зажиточныхъ покупщиковъ. Естественными покупателями черезъ Крестьянскій Банкъ помѣщичьихъ земель являлись, поэтому, уже нынѣ сильные домохозяева, собравшіе кое-какіе запасы; для нихъ пріобрѣтеніе земли съ разсрочкой платежа на нѣсколько десятковъ лѣтъ было очень выгодной операціей. Эти хозяева старались захватить нѣсколько участковъ, расписывая ихъ на своихъ сыновей и другихъ родственниковъ. На продаваемой землѣ, кромѣ того, сплошь и рядомъ поселялись пришлые крестьяне и площадь, подлежащая распредѣленію, на тѣхъ же условіяхъ, между нуждающимися мѣстными земледѣльцами, сокращалась еще болѣе.

«Кто это тамъ въ Петербургѣ распоряжается? У него и такъ 80 десятинъ, а ему еще два отруба.—При чемъ же теперь мы? Вѣдь жить нельзя!»

Ближайшіе результаты такого положенія дѣлъ рисуются въ сознаніи крестьянъ такъ: «продать все и въ городъ—одинъ конецъ. Въ городѣ какъ ни на есть все же можно устроиться». Но русскій городъ и слабо развитая наша фабрично-заводская промышленность отказываются поглотить всю массу рабочихъ рукъ, выбрасываемыхъ изъ деревень затѣянной помѣщиками аграрной революціей. «Оставшіеся безъ земли деревенскіе пролетаріи—говоритъ Коноваловъ,—послѣ долгихъ попытокъ устроиться въ городѣ, снова бѣгутъ въ деревню, нанимаются въ работники къ людямъ, купившимъ ихъ землю, или ходятъ «день не ѣмши—два дня такъ», разоренные, озлобленные, «готовые на все».

Легко себѣ вообразить недоумѣніе, отчаяніе и злобу крестьянской массы въ виду такихъ послѣдствій недавнихъ выступленій, за которыя ею понесены жестокія наказанія. И эта злоба обрушивается прежде всего на лицъ, купившихъ землю, которою они пользовались быть можетъ съ момента крестьянской реформы и съ которою сроднились. Въ покупщикахъ помѣщичьей земли,—говоритъ Коноваловъ,—крестьяне видятъ «людей, продавшихъ міръ, ради свое-

корыстныхъ цѣлей перебѣжавшихъ на сторону врага». «Мы кровь за нее лили, а землю богачамъ, пузанамъ отдали».

Не всѣ, впрочемъ, крестьяне, пріобрѣвшіе отруба, принадлежатъ къ зажиточному слою. Можно выразиться даже болѣе рѣзко: наряду съ богачами, обычными кліентами Крестьянскаго Банка, являются именно наиболѣе бѣдные крестьяне. Коноваловъ считаетъ даже себя въ правѣ, по крайней мѣрѣ относительно начала землеустройства, высказать, что оно затрагиваетъ «два крыла деревни: богачей, извлекающихъ отъ хуторовъ наибольшую выгоду, и умирающихъ съ голоду бѣдняковъ, которые ищутъ хоть какого нибудь исхода». Если средній крестьянинъ затрагивается землеустройствомъ, то «отрицательно—ликвидаціей арендуемыхъ имъ земель». Впрочемъ разрядъ бѣдняковъ, охотно покупающихъ отруба,—это большей частью бывшіе дворовые, страстно мечтающіе о самостоятельномъ хозяйствѣ. Имъ тоже очень трудно выполнять всѣ принятыя на себя передъ банкомъ обязательства, но они по крайней мѣрѣ осуществляютъ мечту всей жизни. Гораздо тяжелѣе приходится тѣмъ крестьянамъ, которые пріобрѣли хутора, отчаявшись прочно устроиться инымъ способомъ. Такіе хуторяне на первыхъ порахъ (что будетъ дальше—неизвѣстно) очень бѣдствуютъ, не имѣя средствъ засѣять достаточную площадь своего участка и сбереженій для своевременной уплаты того, что слѣдуетъ Банку и—при безжалостномъ отношеніи послѣдняго къ недоимщикамъ—живутъ подъ страхомъ быть изгнанными съ своего участка. Коноваловъ встрѣчалъ множество такихъ хуторянъ въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской, Ливенскомъ уѣздѣ Орловской и въ Тульской губерніяхъ, хуторянъ по неволѣ, хуторянъ съ отчаянія, неустающихъ жаловаться на свое положеніе.

«Лучше тебѣ на хуторѣ?»—Нѣтъ, хуже!—«Зачѣмъ же перешелъ сюда?»—Мало своей земли, чуть-чуть не вышелъ въ нищіе; а тутъ денегъ обѣщали. Ну, свою землю по боку и на отрубъ. Только далъ я маху: выдали мнѣ полторы сотни рублей, и чуть-чуть я на нихъ построился». Другой бѣдствующій хуторянинъ рѣшилъ пріобрѣсти отрубъ, потерпѣвъ неудачу на иныхъ поприщамъ и отсидѣвъ два года въ тюрьмѣ за торговлю въ дни свободы книжками, признанными потомъ запрещенными. «Пока держали его тамъ—разсказываетъ его жена,—здѣсь (въ деревнѣ) все разорилось... хоть шаромъ покати... Ну, и рѣшили осѣсть на землю!» Третій, бывшій дворовый, долго голодалъ съ своей семьей, перебиваясь перепиской, займами, попрошайничествомъ. «Думали—пропадемъ. Глядь, эти участки и обозначились. Хуже не будетъ—думаешь. Скопировали задатокъ и перешли сюда.» «Голодъ, голодъ—объясняетъ кре-

стьянинъ Степановъ,—а какъ продалъ надѣлъ—совсѣмъ были несчастны. Ну, и перешли на хуторъ.» Крестьянинъ Зотовъ, совершенно разоренный продажей его имущества за недоимки, началъ пить «и такъ закрутилъ, что спустилъ все, что осталось отъ расхищенія.» А какъ пошли хутора, онъ и записался. Землю продалъ, избу продалъ, живетъ теперь въ ригѣ, да и оттуда не нынче-завтра турнутъ.—«Отъ хорошей жизни развѣ поѣхалъ-бы я сюда? объясняетъ шестой хуторянинъ.—Что здѣсь хорошаго? Въ лучшій годъ кусокъ хлѣба можетъ быть; ну, а въ деревнѣ и этого не было.» «Раззоръ! Что дѣлать?—разсуждали крестьяне Тульской губерніи, потерпѣвшіе отъ неурожая 1909 г. Не иначе, какъ въ Сибирь или на хуторъ придется податься». Мотивомъ: «хоть какъ нибудь» руководствуется вся деревенская бѣднота, замѣчаетъ Коноваловъ. «И этотъ мотивъ—если некуда, то хоть на хутора—характеренъ.» Вотъ взялъ отрубъ, продержитъ годикъ-другой, и перейдетъ этотъ отрубъ тому-же Фомичеву (зажиточному хуторянину)—какъ бы продолжаетъ развивать мысль Коновалова одинъ наблюдатель, крестьянинъ-общинникъ.—Лѣтъ черезъ пять останутся отъ этихъ сорока дураковъ человѣкъ десять, и вся земля будетъ ихняя, а остальные пойдутъ ручку протягивать». Это пессимистическое предсказаніе не совсѣмъ неосновательно.

Пріобрѣтеніе хутора связано съ обязательствомъ ежегоднаго платежа Банку 100—120 р. Уплатить эту сумму, при надлежащемъ использованіи всего участка — не трудно, почему состоятельные крестьяне охотно и пріобрѣтаютъ хутора. Иное дѣло—бѣдный покупатель, садящійся на хуторъ съ очень скудными запасами. Не имѣя часто полнаго хозяйственнаго обзаведенія и достаточной рабочей силы, не имѣя права сдачи купленной земли въ аренду, такой хуторянинъ не всегда въ состояніи надлежащимъ образовать использовать весь свой отрубъ, и потому, даже при нормальномъ теченіи дѣлъ, съ трудомъ собираетъ сумму для очереднаго платежа. Положеніе его значительно ухудшается при одной изъ многочисленныхъ грозящихъ ему несчастныхъ случайностей (недородъ хлѣба, падежъ или болѣзнь скотины, пожаръ, заболѣваніе взрослаго члена семьи) такъ часто посѣщающихъ нашу деревню. При этомъ хуторянинъ находится еще подъ дѣйствіемъ правила, запрещающаго увозить съ поля и, слѣдовательно, продавать урожай до уплаты Банку очереднаго взноса. Неудивительно, если нерѣдки времена, когда хуторянинъ продаетъ «за что ни попало все, что возможно, и тащитъ деньги въ Банкъ» (с. 186); если при болѣе благопріятныхъ условіяхъ на платежи Банку идутъ всетаки «не избытки дохода, а весь доходъ, включая и значительную часть того, что необходимо для про-

кормленія» (с. 198); если, подводя итогъ своего бюджета въ урожайномъ, 1909-мъ году, громадное большинство хуторянъ Ливенскаго уѣзда «въ одинъ голосъ говорили, что на зиму ничего не остается и придется либо лѣзть въ долги кулакамъ, либо просить ссуду». Всеобщее мнѣніе хуторянъ этого уѣзда: «невозможно при нашихъ дѣлахъ свести концы съ концами» (с. 205).

Еще слава Богу, если всѣ эти недостатки отразятся лишь на житьѣ-бытьѣ хуторянина, если только онъ «ѣсть станетъ вдвое хуже» (с. 215); но сплошь и рядомъ ему выпадаетъ на долю лишиться купленнаго участка и погрузиться опять въ пространство. «Бѣднѣйшій крестьянинъ (Ливенскаго уѣзда), Новиковъ, вложилъ въ землю все что могъ, продалъ и заложилъ послѣднее, остался безъ корки хлѣба, и всетаки у него не хватило пятнадцати рублей, и участокъ былъ отобранъ. «Въ раззоръ меня разорили—плачетъ мужикъ.—Что я теперь буду дѣлать?» «Всю жизнь маюсь—жалуется хуторянинъ Алферовъ.—Свѣтлой минуты не припомню. Взялъ участокъ—думалъ вздохну, анъ дѣло еще хуже пошло. Самъ день не ѣмши, два дня такъ, а туда носи. Носилъ, носилъ—силъ не стало... Какъ есть въ чистую разорился. Послѣдній разъ не хватило десяти рублей. Побѣжалъ туда, побѣжалъ сюда — нѣтъ. Продать нечего, занять негдѣ».—И что-же?.. «Согнали! Не извѣстили даже. Пришелъ въ контору, а тамъ объявляютъ: участокъ твой проданъ!.. Законы!.. Богъ ихъ знаетъ, какіе у нихъ законы... Сманили, а потомъ—законъ!»

Крестьянинъ д. Александровки, Ливенскаго уѣзда, Мурашкинъ «кинулся къ участку» вслѣдствіе безземелья и хроническаго голоданія большой семьи. «Кряхтѣлъ, голодалъ, но пока были силы—несъ. Что было, все продалъ. Не хватило пустякъ. Нельзя ли, говорю, дать отсрочку?—Нельзя. Продай корову.—«А ребятишки-то какъ?»—«Какъ знаешь!» Пока Мурашкинъ возился съ коровой—прошелъ срокъ уплаты. «Денегъ въ конторѣ не приняли, участокъ отобрали; ни хутора, ни коровы.—Вѣдь вы, говорю, меня разорили! «Законъ!—Но какой же это законъ, что пускать людей по міру? «Ну это, говоритъ, дѣло не твое... Вотъ когда ты будешь законы писать—пиши хорошіе» (с. 214).

«Приведенные примѣры типичны для согнанныхъ—замѣчаетъ Коноваловъ,—поэтому я не буду перечислять другихъ крестьянъ, съ которыми мнѣ пришлось бесѣдовать. Всѣ они объясняютъ недоимку нищетой, поспѣшную продажу ихъ участковъ—«придиркой». Примѣры эти прекрасно подтверждаютъ мысль, которую то и дѣло высказываютъ хуторяне: «на волосѣ висимъ, чуть что—и сковырнутъ; все всаживаемъ, съ каждымъ днемъ все больше нищаемъ, а чуть чуть натягиваемъ». «Эта постоянная боязнь, что «сковырнутъ»

изъ-за пустяка, рождаетъ угнетенное, подавленное настроеніе. Этимъ объясняется полное отсутствіе у хуторянъ жизнерадостности и веселья... Всѣ они хмурые, задумчивые... Характерно, что и болѣе зажиточные хуторяне, и тѣ всегда «побаиваются» (с. 215). «Не съ того конца они начинаютъ—высказалъ о землеустроителяхъ одинъ хуторянинъ, стоящій въ принципѣ на ихъ же точкѣ зрѣнія.—Все что говорятъ — вѣрно, а дѣлаютъ насупротивъ. Коли хотятъ они сдѣлать изъ насъ хозяевъ — дай подняться! Вылѣзть бы хоть немножко, вздохнуть полегче, а тогда и платить можно!.. Повременили бы годковъ пять дошибать-то!» (с. 198).

Но вѣдь поступать такимъ образомъ—значило бы поддерживать слабыхъ и помогать имъ стать средними; а современная аграрная политика есть ставка на сильныхъ, въ руки которыхъ и переходятъ отобранные у первыхъ участки. «Все для богатыхъ! Такое сѣтованіе—говоритъ Коноваловъ,—слышится и отъ общественниковъ, и отъ большинства собственниковъ и хуторянъ. И каждый шагъ землеустройства подтверждаетъ, что этотъ выводъ создался не безъ основаній» (с. 260) «У землестроителей есть среди хуторянъ любимчики, которыхъ «награждаютъ» въ первую очередь; есть люди на замѣчаніи, которыхъ «не нынѣ-завтра спихнутъ»; есть и шпіоны, докладывающіе, кто и въ чемъ преступаетъ землеустроительные законы и наказы» (с. 274). Все это ведетъ къ взаимной ненависти въ средѣ крестьянъ. «Внутренняя вражда въ средѣ крестьянъ—замѣчаетъ Коноваловъ,—отвлекаетъ ихъ вниманіе отъ такъ называемый высшей политики» (с. 236).

Современное землеустройство двумя путями подводитъ къ выигрышу «ставку на сильныхъ». Оно прямо приглашаетъ сильныхъ на землю, и сажаетъ рядомъ съ ними бѣдняковъ («дураковъ», по энергичному выраженію орловскаго крестьянина), участки которыхъ рано или поздно перейдутъ къ нимъ-же. Неизвращенный умъ крестьянина не въ состояніи оцѣнить «высшій» смыслъ такой политики. «Полная безвыходность и безнадежность хоть какъ нибудь осмыслить то, что творится въ деревнѣ, рождаетъ въ бѣднякахъ злобу и противъ законовъ, и противъ тѣхъ богатыхъ, которыхъ эти законы лелѣютъ и холятъ» (с. 265). «На глазахъ крестьянъ совершаются такія явленія, которыя представляются имъ вопіющимъ нарушеніемъ всякой справедливости. И все дѣлается подъ покровомъ закона, такъ что, по выраженію одного крестьянина, самый глупый, наконецъ, скажетъ: да что же у насъ за законъ!..» и поймѣтъ, «что надѣяться на что-то, ждать что кто-то облагодѣтельствуетъ—безсмысленно... И начинается лихорадочная работа ума, попытка отвѣтить на вопросъ: что дѣлать?» (с. 256). «Незыбле-

мымъ и прочнымъ осталось убѣжденіе, что всегда такое положеніе продолжаться не можетъ, что это лишь временный, недолгій кошмаръ» (с. 100). Но какъ достигнуть перемѣны? Попытка разрѣшить аграрный вопросъ революціоннымъ путемъ не привела ни къ чему. «Значитъ — говорятъ крестьяне,—начали не съ того конца». Съ какого конца слѣдуетъ начинать — крестьяне не знаютъ, но пытаются узнать. Они «часто собираются, много говорятъ о создавшемся положеніи», обсуждаютъ всевозможные планы, ищутъ отвѣта въ книгахъ, въ исторіи другихъ странъ. «Это послѣднее явленіе—единственное отрадное въ современной деревнѣ», заключаетъ Коноваловъ (с. 27). Къ сожалѣнію, крестьянамъ приходится разбираться въ этихъ сложныхъ вопросахъ почти безъ участія интеллигенціи.

Найдутъ-ли крестьяне раціональное рѣшеніе жизненныхъ для нихъ вопросовъ, или нѣтъ—во всякомъ случаѣ «смѣшно думать», скажемъ словами Коновалова, что земельный вопросъ въ Россіи рѣшенъ указомъ 9 ноября. Указъ этотъ могъ бы претендовать на такое значеніе, если-бы переселеніе крестьянъ—съ одной стороны, развитіе фабрично-заводской промышленности и городской жизни—съ другой, уносили изъ деревень все излишнее населеніе. При отсутствіи этихъ коррективовъ законъ 14 іюня—слѣдуетъ признать актомъ, отодвинувшимъ, но не разрѣшившимъ важнѣйшій вопросъ не столько экономическаго, но и связаннаго съ нимъ политическаго быта страны.

Мы далеко не исчерпали богатаго матеріала «Очерковъ современной деревни». Наблюденія Коновалова и найдутъ многочисленныхъ читателей и помогутъ имъ составить правильное понятіе о современномъ значеніи, по крайней мѣрѣ для черноземнаго раіона Россіи, такъ энергично проводимыхъ аграрныхъ законовъ.

В. В.

„МІРОВОЙ“ ПРОЦЕССЪ.

Въ глубинѣ длиннаго, узкаго, высокаго — въ два свѣта — зала, гдѣ происходили засѣданія суда по дѣлу Бейлиса, позади судейскаго стола, у самой стѣны, на которой виситъ огромный, во весь ростъ, портретъ царствующаго Императора, бѣлѣетъ красивый, въ античномъ стилѣ, бюстъ Царя-Освободителя, даровавшаго Россіи новый судъ. Памятный всѣмъ знаменитый указъ, которому черезъ годъ исполнится полвѣка, вводя этотъ судъ, «скорый, правый, милостивый, равный для всѣхъ», стремился «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». Судебная реформа, по своему значенію въ русской государственной и общественной жизни, занимаетъ второе мѣсто послѣ освобожденія крестьянъ. Теперь уже немного осталось живыхъ свидѣтелей великой эпохи, участниковъ въ осуществленіи великихъ реформъ. Думая о нихъ, мы невольно спрашиваемъ себя: могли ли они, молодые энтузіасты, пережившіе медовый мѣсяцъ судебной реформы, бывшіе очевидцами того, какъ Россія «въ судахъ черна неправдой черной», сбросила съ себя путы приказной кривды и вывела правосудіе на свѣтъ и воздухъ,— могли-ли они представить себѣ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ эта кривда воскреснетъ подъ новой оболочкой, что судъ общественной совѣсти попытаются использовать въ интересахъ озлобленной и дикой политической борьбы, жертвуя безпристрастіемъ, попирая справедливость?

Нерѣдко, сидя въ залѣ, гдѣ судили Бейлиса, я мысленно вводилъ въ этотъ залъ славныхъ корифеевъ той славной эпохи. Что бы сказали, что бы почувствовали они? Повѣрили ли бы они своимъ глазамъ и ушамъ, если бы оказались неожиданно свидѣтелями того униженія, того паденія, до котораго довели высокое дѣло отправленіе правосудія? И не захотѣли ли бы они набросить покрывало на мраморный ликъ творца Судебныхъ Уставовъ, дабы не глядѣлъ онъ на эту тяжелую, мучительную картину?...

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что въ теченіе минувшаго полувѣка годъ за годомъ, шагъ за шагомъ шла послѣдовательная работа подрыванія основныхъ началъ, заложенныхъ въ Судебные Уставы. Сперва походъ открытый, яростный противъ суда присяжныхъ, и въ результатѣ съуженіе ихъ компетенціи, созданіе раз-

ныхъ гибридныхъ формъ суда съ суррогатами представителей общества—сословными представителями. Одновременно походъ противъ судебной независимости, приведшій къ закону 1885-го года, къ созданію высшаго дисциплинарнаго присутствія, глубоко поколебалъ начало несмѣняемости. Институтъ земскихъ начальниковъ, основанный на идеѣ усиленія административной власти, внесъ начало разложенія въ область мѣстной юстиціи. Муравьевская комиссія вслѣдъ затѣмъ на много лѣтъ закрѣпила statu quo. Постепенно падало значеніе судебнаго вѣдомства, падалъ авторитетъ судебныхъ органовъ. Къ отправленію функцій уголовнаго правосудія все больше примѣшивалось служеніе видамъ правительства. А потомъ наступили бурные года, и реакція, восторжествовавшая послѣ крушенія первой Думы, обратила судъ въ послушное орудіе подавленія политическихъ враговъ. Появились своеобразные, невиданные до той поры представители юстиціи, чьи имена сдѣлались нарицательными для обозначенія худшихъ, наиболѣе пристрастныхъ формъ неправосудія. И образъ судебнаго слѣдователя по дѣлу Дашнакцутюнъ, совершавшаго «въ запальчивости и раздраженіи» рядъ подлоговъ, выдѣляясь на фонѣ общей картины, завершаетъ ее...

Вся эта гангрена до послѣдняго времени не касалась суда присяжныхъ. Оно и понятно. Политическіе процессы стоятъ внѣ ихъ компетенціи. Подавленіе революціоннаго движенія прибѣгло къ военнымъ и военно-полевымъ судамъ. Судъ присяжныхъ продолжалъ свою малозамѣтную дѣятельность въ области повседневныхъ уголовныхъ дѣлъ нормальнаго — если можно такъ сказать — характера. И здѣсь все шло — по крайней мѣрѣ на первый взглядъ, — сравнительно благополучно. Дѣло Бейлиса показало, однако, что зло глубже, чѣмъ можно было думать. И когда понадобились для обыкновеннаго уголовнаго дѣла, инсценированнаго какъ политическое событіе, люди новѣйшей формаціи, готовые ни передъ чѣмъ не отступить при исполненіи своей задачи—такіе люди нашлись.

Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ и впервые, 6 октября, явился въ судъ, шелъ двѣнадцатый день засѣданія. Мои коллеги-журналисты, дѣлясь со мною впечатлѣніями первыхъ одиннадцати дней, очень рѣзко отзывались объ образѣ дѣйствій предсѣдателя. Они упрекали его въ очень неравномѣрномъ отношеніи къ защитѣ и прокуратурѣ, въ придирчивости и пристрастіи. Я долженъ сказать, что первыя мои впечатлѣнія не соотвѣтствовали этому строгому отзыву. Мнѣ показалось, что г. Болдыревъ проявляетъ въ достаточной мѣрѣ и спокойствіе, и терпѣніе, и я не могъ не отмѣтить выгоднаго кон-

траста между нимъ и прокуроромъ, не скрывавшимъ своего раздраженія, поддерживавшимъ обвиненіе не только словами, но и всей своей манерой, интонаціями, жестами, мимикой. Я долженъ сказать, что еслибы не два капитальныхъ момента процесса, это мое первое впечатлѣніе осталось бы въ общемъ безъ большихъ измѣненій. Да, конечно, была неравномѣрность, предсѣдатель иначе реагировалъ на кажущіеся эксцессы защиты, чѣмъ на эксцессы со стороны обвиненія. Да, обвинительная тенденція чувствовалась все время, и предсѣдатель нерѣдко прибѣгалъ къ своему праву допроса для того, чтобы подорвать создающееся выгодное для защиты впечатлѣніе. Но все это не выходило изъ обычныхъ рамокъ, а съ другой стороны хладнокровіе и самообладаніе до конца не покидали предсѣдателя. И можно легко себѣ представить другого на его мѣстѣ, передъ кѣмъ защита почувствовала бы себя въ несравненно худшемъ положеніи. Былъ «нажимъ», былъ наклонъ, но не было капитуляціи суда, не было злоупотребленія большою властью, предоставляемой закономъ предсѣдателю.

И вотъ—эти два момента. Первый—когда рѣшался вопросъ о томъ, какіе документы подлежатъ оглашенію на судѣ. Второй—заключительное напутствіе присяжнымъ засѣдателямъ. И тутъ, и тамъ произошло нѣчто безконечно тягостное и прискорбное. И тутъ, и тамъ съ неумолимой ясностью, съ безспорной очевидностью *почувствовалось*, что судъ сошелъ со своего высокаго мѣста, что его совлекли на арену, гдѣ бушуютъ политическіе страсти и разсчеты. И тутъ, и тамъ задачи правосудія были оттѣснены на задній планъ во имя опредѣленной, кому-то угодной цѣли. И тутъ, и тамъ это было сдѣлано предсѣдателемъ. Недаромъ послѣ окончанія процесса онъ, въ качествѣ «защитника христіанской крови», удостоился благодарственной телеграммы отъ предсѣдателя «Двуглаваго орла», пресловутаго студента Голубева и—неслыханный фактъ!—благодарилъ отъ имени своего и своихъ товарищей за эту телеграмму...

Былъ, впрочемъ, еще одинъ моментъ: «экспертиза» проф. Сикорскаго. Пройдутъ года, поблекнутъ воспоминанія о дѣлѣ Бейлиса, исчезнетъ острота впечатлѣній, но отчеты, сухіе и безстрастные стенографическіе отчеты останутся. И сколько бы лѣтъ ни прошло, будущій историкъ нашего суда, нашей общественной жизни, когда развернетъ страницы этихъ отчетовъ и прочтетъ въ нихъ «экспертизу», безпрепятственно допущенную предсѣдателемъ, — прочтетъ эти бредни, эти увѣренія, добытыя изъ антисемитской литературы самаго послѣдняго разряда и преподнесенную подъ флагомъ научнаго авторитета профессора психіатріи,—онъ въ изумленія спроситъ: какъ могло случиться, что предсѣдатель не остановилъ эксперта?

Правда, предсѣдатель неоднократно просилъ Сикорскаго обратиться къ дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго. Но эти просьбы не имѣли рѣшительно никакого дѣйствія, экспертъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ свое изложеніе такъ-же, какъ началъ его.

Но, конечно, изъ всѣхъ трехъ указанныхъ моментовъ самымъ ужаснымъ было предсѣдательское резюме. Въ другомъ мѣстѣ я подробно коснулся этого резюме и указалъ рядомъ выдержекъ, что оно было по существу настоящей обвинительной рѣчью. Правда, были сказаны всѣ тѣ трафаретныя слова, безъ которыхъ были бы не соблюдены даже *внѣшнія* требованія, предъявляемыя закономъ къ предсѣдательскому резюме. Но это только отягчаетъ вину предсѣдателя. Соблюденіе чисто внѣшнихъ требованій только мѣшало разглядѣть истинный характеръ, истинное значеніе рѣчи; оно вводило присяжныхъ въ заблужденіе, возбуждая въ нихъ довѣріе къ безпристрастію и объективности предсѣдателя. А то, что произошло послѣ окончанія резюме, дѣйствительно безпримѣрный фактъ въ лѣтописяхъ русскаго суда. Г. Замысловскій назвалъ «неслыханнымъ» ходатайство защиты о возвращеніи присяжныхъ для выслушанія дополнительныхъ объясненій. Эта квалификація была сдѣлана *послѣ* того, какъ состоялось распоряженіе предсѣдателя о приглашеніи присяжныхъ въ залу суда,—и распоряженіе было тотчасъ отмѣнено. И это только чистая случайность, что г. Болдыревъ не нашелъ нужнымъ въ данномъ случаѣ вновь утѣшить защиту, свидѣтельницу совершаемаго беззаконія, сказавъ ей въ третій разъ: «Вы объ этомъ можете написать въ вашей кассаціонной жалобѣ!..»

Ритуальные процессы бывали и до дѣла Бейлиса. Тѣмъ не менѣе, та постановка, которая была дана обвиненію противъ Бейлиса—единственная, впервые встрѣчающаяся,—по крайней мѣрѣ, въ новой исторіи. И постановка эта неминуемо должна была привести къ тому морю недоразумѣній и противорѣчій, въ которомъ судъ то и дѣло тонулъ.

Какъ извѣстно, обвинительный актъ, по которому обвинялся Бейлисъ, былъ уже вторымъ. Первый актъ былъ составленъ въ началѣ 1912-го года. Въ немъ нѣтъ ни слова ни о ритуальныхъ убійствахъ, ни объ обезкровленіи. Нѣтъ въ немъ и версіи объ учиненіи убійства Чеберяковой и ея бандой. Улики противъ Бейлиса исчерпываются одной страницей, на которой приведены показанія Жени Чеберякова, Шаховскихъ и Захаровой-Волкивны, всѣ крайне сбивчивыя и противорѣчивыя, возбуждающія по самому своему существу сильнѣйшее сомнѣніе. Слѣдующая страница посвящена показа-

ніямъ арестанта Козаченка,—показаніямъ, истинный характеръ которыхъ, тогда уже совершенно ясный, теперь можетъ считаться установленнымъ. Вотъ и все. Этотъ обвинительный актъ былъ утвержденъ и дѣло было уже назначено къ слушанію на май 1912 г. Затѣмъ, послѣ того, какъ въ маѣ Бразуль-Брушковскій подалъ свое второе заявленіе (первое, поданное въ январѣ и указывавшее на Приходько, Нѣжинскаго, двухъ братьевъ Мифле и Назаренко, было оставлено безъ послѣдствій)—заявленіе, приписывавшее совершеніе убійства Вѣрѣ Чеберяковой и членамъ ея шайки, дѣло было направлено къ дослѣдованію. Въ результатѣ дослѣдованія, второй обвинительный актъ оказался во много разъ длиннѣе перваго, такъ какъ въ него вошли многочисленныя данныя, собранныя частнымъ разслѣдованіемъ Бразуля и Красовскаго, при участіи Караева и Махалина. Всѣ эти данныя касались только Чеберяковой и ея шайки, не имѣя никакого отношенія къ Бейлису. Противъ Бейлиса дослѣдованіе не дало ни одной новой улики. Но къ тому времени поняли, что въ томъ видѣ, въ какомъ обвиненіе было сперва поставлено, оно слишкомъ безсмысленно. Уликъ противъ Бейлиса не было. Была только вѣра въ ритуалъ. Въ 1912 г. еще не рѣшались сослаться на эту вѣру; теперь рѣшились. И во второмъ обвинительномъ актѣ мы уже находимъ рѣшительныя экспертизы проф. Сикорскаго и патера Пранайтиса. Что должны были доказать эти экспертизы? Онѣ должны были установить, что убійство Ющинскаго было совершено по побужденіямъ религіознаго изувѣрства для обрядовыхъ цѣлей. Но для того, чтобы это установить, приходилось идти дальше Бейлиса. И вотъ, проф. Сикорскій и Пранайтисъ прямо выдвигаютъ «кровавый навѣтъ».

Профессоръ Сикорскій, «исходя изъ соображеній историческаго и антропологическаго характера», призналъ убійство Ющинскаго «типичнымъ въ ряду подобныхъ убійствъ, время отъ времени повторяющихся какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ государствахъ». Психологической основой типа такого рода убійствъ является расовое мщеніе и вендетта сыновъ Іакова къ субъектамъ другой расы, причемъ типическое сходство въ проявленіи этого мщенія во всѣхъ странахъ объясняется тѣмъ, что народность, поставляющая это злодѣяніе, будучи вкраплена среди другихъ народностей, вноситъ съ собою и черты своей расовой психологіи». Что касается патера Пранайтиса, то онъ, основываясь на изученіи всѣхъ источниковъ еврейскаго вѣроученія, пришелъ къ заключенію, что «у евреевъ существуетъ такъ называемый догматъ крови, повелѣвающій убивать не евреевъ, причемъ такое убійство совершается опредѣленнымъ каббалистическимъ способомъ, установленнымъ въ мистической книгѣ Зогаръ».

Во время процесса предсѣдатель не разъ заявлялъ: «здѣсь никто не обвиняетъ еврейства, здѣсь идетъ рѣчь объ отдѣльныхъ изувѣрахъ». Однако, приведенные отрывки изъ экспертизы Сикорскаго-Пранайтиса совершенно опровергаютъ такое утвержденіе. И тотъ, и другой говорятъ—и говорили на судѣ—именно о еврействѣ, о еврейскомъ вѣроученіи. Прокуроръ пытался ставить вопросъ у́же. Въ своемъ заключеніи, предшествовавшемъ богословской экспертизѣ, онъ заявилъ: «здѣсь происходитъ изслѣдованіе о томъ, есть ли среди евреевъ секта, гдѣ существуетъ убійство съ цѣлью добыванія человѣческой крови». На самомъ дѣлѣ, если обратиться къ экспертизѣ, происходившей на судѣ, мы увидимъ нѣчто совершенно безбрежное, и притомъ такое, что было абсолютно недоступно и непонятно для присяжныхъ. И затѣмъ—въ предсѣдательскомъ резюме вся эта сложная работа надъ библіей, Талмудомъ, Каббалой, Зогаромъ, Хассидами пропала совершенно. Единственный существенный вопросъ, который можно было поставить именно съ точки зрѣнія ритуалистовъ, остался незатронутымъ. Никто и не заикнулся о томъ, доказано ли, что Бейлисъ—изувѣръ. Психіатрической экспертизы надъ нимъ произведено не было. Духовный его міръ остался вовсе неизслѣдованнымъ. Обвинительный актъ упоминаетъ его собственное показаніе о томъ, что «отецъ его былъ хассидомъ, однако самъ онъ человѣкъ нерелигіозный и работаетъ по субботамъ». Это показаніе не только не было опровергнуто судебнымъ слѣдствіемъ, но даже вовсе и не провѣрялось. Казалось бы, необходимо было установить, что Бейлисъ, которому приписывалось такое отвратительное злодѣяніе—фанатикъ, изувѣръ. Но, какъ сказано, даже и попытки не было сдѣлано въ этомъ направленіи. Остался во всей своей обнаженности силлогизмъ: еврейское вѣроученіе допускаетъ или даже требуетъ кровавыхъ жертвъ; Бейлисъ—еврей, и слѣдовательно Бейлисъ могъ участвовать въ принесеніи *этой* кровавой жертвы. Безсмысліе, лживость этого силлогизма ясны. Тѣмъ не менѣе, именно онъ легъ въ основу всего процесса. И притомъ самыя условія процесса не давали возможности довести до конца борьбу съ его большой посылкой.

На дѣлѣ Бейлиса развернулось два процесса. Одинъ обвиняемый сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ. Его оправдали. Другихъ обвиняемыхъ нельзя было ни осудить, ни оправдать: они занимали мѣста на скамьяхъ свидѣтелей. Ихъ обвиняли и защищали, но судьба ихъ отъ этого нисколько не зависѣла—по крайней мѣрѣ непосредственно...

Эти обвиняемые—Вѣра Чеберякова, ея братъ Сингаевскій, при-

веденный изъ тюрьмы, Рудзинскій, доставленный съ каторги. Четвертаго—Латышова—нельзя было привести: онъ кончилъ самоубійствомъ. Всѣ эти лица фигурировали въ процессѣ благодаря «частному разслѣдованію». Оно заняло въ немъ центральное мѣсто, наряду съ экспертизами судебно-медицинской, психіатрической и богословской. Оно вызвало самыя ожесточенныя нападки, самые враждебные комментаріи, не щадившіе его авторовъ и участниковъ. А между тѣмъ, если оно и не привело къ безспорнымъ и несомнѣннымъ результатамъ—что при данныхъ условіяхъ было едва-ли возможно,—то все же оно пролило свѣтъ на дѣло и дало ключъ къ его пониманію.

Припоминая всю исторію возникновенія дѣла Бейлиса и постановки его на судъ, приходится признать, что съ конца іюля 1911-го года власти добровольно надѣли на глаза повязку, укрѣпившись въ одномъ, отчасти навязанномъ убѣжденіи. Все то, что противорѣчило этому убѣжденію, бралось подъ подозрѣніе. Попытки частныхъ лицъ вести разслѣдованіе и раскрыть тайну убійства разсматривались какъ покушенія на правосудіе. И такъ продолжалось до конца. Создалась фантастическая теорія «невидимой руки, заметающей слѣды преступленія», безграничнаго подкупа. Въ своей обвинительной рѣчи прокуроръ дошелъ въ этомъ отношеніи до геркулесовыхъ столбовъ. Выходило такъ, что чуть ли не съ перваго дня послѣ обнаруженія убійства возникъ заговоръ, отвлекавшій судебную и полицейскую власти отъ вѣрнаго слѣда, причемъ центромъ этого заговора была редакція «Кіевской Мысли»...

На самомъ дѣлѣ, конечно, ничего подобнаго не было. Въ мотивахъ, руководившихъ Бразулемъ и другими, разобраться нетрудно. Весьма вѣроятно, что помимо стремленія раскрыть правду и снять обвиненіе съ невиннаго, они думали и о своихъ личныхъ интересахъ. Бразуль могъ мечтать о прославленіи своего имени, Красовскій—о возстановленіи своей репутаціи искуснаго и ловкаго сыщика. Но во всякомъ случаѣ, всѣ участники частнаго разслѣдованія должны были понимать, что все, ими собранное, будетъ подвергнуто самому тщательному изслѣдованію со стороны власти. Уже по одному этому для нихъ должно было быть ясно, что всякія попытки инсценировать мнимыхъ виновниковъ потерпятъ крушеніе. Какого ни быть мнѣнія о нравственной личности Красовскаго и его помощниковъ, все же нужно сперва доказать, что они были безнадежно глупыми людьми; тогда только можно повѣрить, что они искали *подставныхъ* убійцъ. Обвинители много иронизировали надъ разсказами свидѣтельницъ Дьяконовой и Малицкой, удивляясь легковѣрію тѣхъ, кто придалъ имъ значеніе. Но сами они хотѣли заставить повѣрить разсказу Вѣры Чеберяковой о сорока

тысячахъ, предложенныхъ ей—по ея словамъ—А. А. Яблоновскимъ, за принятіе ею вины на себя...

Во всемъ этомъ дѣлѣ, въ каждой его подробности ядъ антисемитизма произвелъ самое разрушительное дѣйствіе. Онъ сказался во всей атмосферѣ процесса, отравивъ ее ненавистью, подозрительностью, ложью. Были пущены въ ходъ всѣ средства для того, чтобы судъ надъ Менделемъ Бейлисомъ, обвиняемымъ въ убійствѣ Андрюши Ющинскаго, превратить въ судъ надъ «еврейской націей», надъ евреями, которые «погубятъ Россію», какъ выразился прокуроръ, цитируя Достоевскаго. И если судъ присяжныхъ въ концѣ концовъ не поддался дѣйствію этого яда, если совѣсть его устояла и удержала его отъ приговора, который былъ бы при данныхъ условіяхъ не просто судебной ошибкой, а настоящимъ преступленіемъ (не присяжныхъ, конечно),—то можно смѣло сказать, что во всей исторіи русскаго суда не было случая, когда бы судейская совѣсть подверглась такому соблазну.

Влад. Набоковъ.

ПАМЯТИ ВСЕВОЛОДА ѲЕДОРОВИЧА МИЛЛЕРА.

Однимъ изъ счастливѣйшихъ обстоятельствъ моей жизни я считаю встрѣчу съ Всеволодомъ Ѳедоровичемъ Миллеромъ. Это было въ самомъ началѣ моей преподавательской дѣятельности. Я видѣлъ Миллера раньше, но только мелькомъ, въ Парижѣ. По прибытіи въ Москву для магистерскаго экзамена я сталъ бывать у него часто и мы скоро сошлись въ одномъ желаніи издавать сообща «Критическое Обозрѣніе». Миллеръ въ это время напечаталъ, но, насколько помню, еще не защитилъ, свою магистерскую диссертацію объ Асвинахъ-Діаскурахъ. Первая глава этой книги заключала въ себѣ попытку нарисовать картину древне-арійской культуры эпохи Ведъ. Всѣ тѣ вопросы этнологіи, которые за послѣднія сорокъ лѣтъ такъ лихорадочно изучаются прежде всего въ Англіи и Америкѣ, а затѣмъ и на континентѣ Европы, поднимались и такъ или иначе рѣшались Миллеромъ въ этой книгѣ. Еще до моего пріѣзда въ Россію я захваченъ былъ полемикой сторонниковъ и противниковъ теоріи материнства, группового родства, первобытнаго коммунизма, позднѣйшаго происхожденія частной собственности на землю, смѣны эндогамическихъ порядковъ экзогамическими и т. д. Въ лекціяхъ по исторіи права, которыми я открылъ свою препо-

давательскую дѣятельность въ Москвѣ, я старался заинтересовать этими вопросами и свою аудиторію. Въ это время едва ли кто въ Москвѣ, за исключеніемъ В. Ѳ. Миллера, не считалъ праздным и ненаучнымъ занятіе подобными вопросами. Но Миллеръ не только сочувствовалъ работамъ этнологовъ: онъ ясно сознавалъ возможность использовать для осуществленія ихъ задачъ неизвѣстный Западу и богатѣйшій матеріалъ русской этнографіи. Этотъ матеріалъ становился доступнымъ, благодаря прекрасной библіографіи, только что начинавшей выходить въ это время. Я разумѣю работу Е. И. Якушкина, сына декабриста. По совѣту Миллера я сталъ заниматься, съ библіографіей Якушкина въ рукахъ, въ Чертковской библіотекѣ и собирать матеріалъ для древнѣйшей исторіи семьи, брака, отношенія родителей и дѣтей, родовыхъ и племенныхъ порядковъ, родовой и сельской общины. Эта полоса въ моей преподавательской дѣятельности оставила по себѣ слѣдъ въ весьма несовершенныхъ, конечно, и въ настоящее время устарѣлыхъ томикахъ о первобытной семьѣ и первобытномъ родѣ, а также объ общинномъ землевладѣніи, причинахъ, ходѣ и послѣдствіяхъ его разложенія. Въ то же время я печаталъ уже на столбцахъ издававшагося мною вмѣстѣ съ Миллеромъ «Критическаго Обозрѣнія» статью о томъ сравнительно-историческомъ методѣ, котораго я старался держаться въ моихъ работахъ. При выборѣ самыхъ пріемовъ изслѣдованія бесѣды съ Миллеромъ принесли мнѣ величайшую пользу. Онъ былъ для меня кладезем премудрости по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ древнеарійской и иранской культурой, которыми онъ спеціально занимался въ это время. Для меня же, незнакомаго съ языкомъ ни Ведъ, ни Авесты, эта культура оставалась книгой за семью печатями. «Критическое Обозрѣніе» сблизило меня также со многими товарищами Миллера по занятію филологіей и исторіей. Миллеръ читалъ въ это время въ университетѣ не одинъ санскритъ, но также лекціи по исторіи Древняго Востока (за исключеніемъ, кажется, Египта). Благодаря ему я познакомился и съ извѣстнымъ англійскимъ изданіемъ: «Священныя книги Востока» и со всей тою литературой, какую вызывали быстро слѣдовавшія одно за другимъ открытія клинообразныхъ надписей, ихъ чтеніе и истолкованіе. Въ Миллерѣ не я одинъ, но каждый, кто обращался къ нему за указаніями, могъ всегда найти необыкновенно доступнаго руководителя въ занятіяхъ, готоваго поставить въ его распоряженіе массу фактовъ, кропотливо собираемыхъ имъ во время долгихъ вечернихъ часовъ, проводимыхъ за письменнымъ столомъ. Какъ разнообразна была съ самаго начала его начитанность, какъ широки научныя заданія—объ этомъ можно судить по тому, что въ концѣ 70-хъ годовъ онъ уже отпечаталъ

свою монографію: «О словѣ о полку Игоревѣ». А въ этой монографіи впервые, если не ошибаюсь, указано было вліяніе византійской письменности—сказанія объ Александрѣ Македонскомъ—сперва на Болгарію, а затѣмъ, чрезъ ея посредство, и на Россію. Миллеръ доказывалъ, что эти сказанія извѣстны были автору Слова о полку Игоревѣ и что онъ пользовался ими какъ образцомъ. Вышедшій изъ школы Буслаева, Миллеръ въ то же время съ живымъ интересомъ слѣдилъ за распустившейся такимъ яркимъ цвѣтомъ научной дѣятельностью Александра Веселовскаго, несомнѣнно проникался его мыслями и методомъ и отражалъ его вліяніе въ первыхъ своихъ работахъ по народной словесности, древней русской письменности и фольклору. Другой русскій начинатель, В. В. Стасовъ также наложилъ на него свою печать: Миллеръ началъ съ критики его теоріи о восточныхъ вліяніяхъ на нашъ народный эпосъ, а кончилъ принятіемъ нѣкоторыхъ изъ его взглядовъ.

Говорю объ этомъ съ цѣлью показать, что Миллеръ въ полномъ смыслѣ слова былъ всегда искателемъ научной истины. Онъ не упорствовалъ въ защитѣ разъ высказанныхъ взглядовъ, если имѣлъ возможность убѣдиться въ ихъ спорности. Но для этого ему нужно было непосредственное знакомство съ источниками, раскрытіе новыхъ фактовъ, которые могли бы навести его на счастливыя сопоставленія и смѣлыя, подчасъ рискованныя гипотезы. Область этнологіи и фольклора ставила въ его распоряженіе такіе факты; они наводили его, какъ ранѣе Макъ-Леннана или Моргана, на неожиданныя мысли при толкованіи памятниковъ старины арійскихъ и семитическихъ народовъ, въ томъ числѣ славянъ и русскихъ. Надо сказать, что сфера возможностей для Миллера была широко открыта, благодаря раннему изученію имъ не только классическихъ языковъ и санскрита, но также и мало кому доступнаго древне-литовскаго языка. Въ совмѣстной работѣ съ Филиппомъ Ѳедоровичемъ Фортунатовымъ, онъ собралъ и обнародовалъ произведенія народнаго творчества литовцевъ. Былинный эпосъ уже тогда привлекалъ его вниманіе. Мнѣ приходилось нерѣдко встрѣчать у него Шеина, въ то время послѣдняго по времени собирателя нашихъ эпическихъ сказаній, продолжателя работы Рыбникова, Сахарова, Кирѣевскаго и Гильфердинга. Часто я заставалъ Миллера за чтеніемъ былинъ. Лекціи, которыя онъ читалъ на женскихъ курсахъ, касались, между прочимъ, народной поэзіи. Онъ поддерживалъ очень близкія и дружескія отношенія съ Буслаевымъ, который уже тогда смотрѣлъ на него, какъ на продолжателя своей научной работы. Но, зная Миллера спеціалистомъ по санскриту и сравнительному языкознанію, я далекъ былъ отъ мысли, что Миллеръ свяжетъ свое имя такъ прочно съ

изученіемъ нашихъ былинъ, что за его смертью останется незанятое мѣсто, и въ Петербургѣ спеціалисты по русскому языку и древнерусской литературѣ будутъ открыто заявлять, что Миллеру нѣтъ преемника.

При широкой научной и педагогической дѣятельности, Миллеръ находилъ время заниматься и затѣяннымъ нами двухнедѣльнымъ изданіемъ. Моя работа болѣе сводилась къ писанію статей критико-библіографическаго характера изъ области обществовѣдѣнія, исторіи права и права государственнаго. Миллеръ завѣдывалъ обширной областью филологіи, лингвистики древней исторіи, исторіи литературы и исторіи искусства. Ему «Критическое Обозрѣніе» обязано напечатаніемъ извѣстной статьи Буслаева о русскомъ искусствѣ, статьи, которая пережила самый журналъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми необходимо считаются всѣ, кого интересуетъ наше древнее художественное творчество. Изданіе «Критическаго Обозрѣнія» соединило въ тѣсный кружокъ ближайшихъ его сотрудниковъ, принадлежавшихъ къ двумъ факультетамъ. Мы стали сходиться по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, совмѣстно опредѣляли содержаніе ближайшихъ книжекъ и обмѣнивались мыслями по вопросамъ академической и общественной жизни. Кружокъ сталъ пріобрѣтать вліяніе и въ университетѣ, и въ разныхъ ученыхъ обществахъ. Въ числѣ его заслугъ несомнѣнно было проведеніе на каѳедру русской исторіи В. О. Ключевскаго. Когда онъ сталъ печататься на страницахъ «Критическаго Обозрѣнія», его работы были извѣстны немногимъ спеціалистамъ. «Боярская Дума» еще не появлялась и для большой публики Ключевскимъ ничего еще не было написано. Но его блестящіе критическіе разборы, между прочимъ, сочиненій незадолго предъ тѣмъ скончавшагося Ю. Самарина, вызвали сразу къ нему восторженное отношеніе. И когда Ключевскій вошелъ въ совѣтъ университета, онъ былъ принятъ дружными рукоплесканіями. Это на моей памяти единственный примѣръ тріумфальной встрѣчи университетскою семьею будущаго ея члена. «Критическое Обозрѣніе» просуществовало недолго—всего полтора года. Число его подписчиковъ немного превышало тысячу, и оба издателя понесли денежные убытки. Въ виду моего отъѣзда за границу В. Ѳ. не рѣшился продолжать его одинъ, и оно исчезло, оставивъ по себѣ замѣтный слѣдъ: съ этого времени въ нашихъ толстыхъ журналахъ заведенъ былъ критико-библіографическій отдѣлъ. Онъ разросся, въ частности, въ «Русской Мысли», куда перешли многіе изъ сотрудниковъ «Критическаго Обозрѣнія».

Послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Москвы я возобновилъ мое тѣсное общеніе съ Миллеромъ въ 1883 г. Я засталъ его всецѣло ушедшимъ въ изученіе языковъ арійскихъ народностей нашего Кавказа. Онъ подготовлялъ матеріалъ для своихъ знаменитыхъ «Осетинскихъ этюдовъ». И на этотъ разъ онъ увлекъ меня своимъ примѣромъ. Отъ занятій средневѣковой исторіей Италіи и американскими учрежденіями, на что ушли два года моего пребыванія за границей, я перешелъ къ знакомству съ «Сборникомъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», подготовляясь къ совмѣстному путешествію на Кавказъ съ Всеволодомъ Ѳедоровичемъ. Лѣтомъ мы осуществили эту поѣздку, начавъ ее съ Нальчика, гдѣ Миллеръ записывалъ говоръ евреевъ, которые до сихъ поръ держатся въ своемъ разговорномъ языкѣ средневѣковаго персидскаго; затѣмъ мы продолжили наши этнографическія странствованія въ области горскихъ татаръ и осетинъ, живущихъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа. Лучшаго товарища въ путешествіи нельзя было пожелать. Выносливость и непритязательность Миллера были удивительны. Когда не было дороги, мы входили въ русла горныхъ потоковъ и по нимъ поднимались до перевала. Лошадь перескакивала съ камня на камень или временно погружала насъ съ собою въ прохладныя волны. Ночь мы проводили въ лучшихъ условіяхъ—на бревнахъ, а въ худшихъ—и прямо на землѣ, закутавшись въ бурки. Питались мы сухарями и консервами, къ которымъ иногда прибавлялась пойманная нашимъ проводникомъ Дунаемъ форель. За отсутствіемъ иныхъ приспособленій, онъ ловилъ ее руками, стоя одной ногой на одномъ берегу, другой—на другомъ и устраивая естественную запруду. Когда попадали въ аулы, ѣли шашлыкъ и кислое молоко, а иногда и кефиръ, который незадолго передъ тѣмъ именно въ татарскихъ обществахъ Кабарды былъ испробованъ Керномъ и прославленъ на весь міръ.

Въ Болкарахъ мы сдѣлали съ Миллеромъ раскопку кургана и нашли слѣды культуры несравненно болѣе старинной, чѣмъ та, которую мы искали. Искали же мы слѣдовъ возможнаго проѣзда черезъ эту мѣстность знаменитаго венеціанца Марко Поло, который въ своемъ путешествіи въ Китай двинулся изъ Таны — теперешняго Азова—къ болгарамъ, а оттуда уже далѣе на востокъ. У Миллера зародилась мысль, которая продолжаетъ казаться мнѣ вѣрной и по настоящій день, что Марко Поло не было ни малѣйшаго основанія подниматься до области волжскихъ болгаръ, чтобы затѣмъ спуститься въ Китай, и что болгары, имъ упоминаемые, могутъ быть именно поселенцы древнѣйшаго аула, издавна слывущаго подъ ихъ именемъ. Это далеко не единственный примѣръ небольшихъ колоній, оставленныхъ проходившими черезъ Кавказъ народностями Азіи. На томъ

же сѣверномъ Кавказѣ лежитъ аулъ Маджары, въ которомъ венгерецъ графъ Зичи нашелъ вскорѣ послѣ нашей поѣздки, при производствѣ раскопокъ, слѣды культуры, сходной съ древне-венгерской. Горскіе татары занимали площадь несравненно большую противъ той, на какой они сидятъ нынѣ. Когда кабардинцы прочно устроились на сѣверномъ Кавказѣ, они загнали ихъ въ горы. Но ни кабардинцы, ни татары не были первыми насельниками края. Гораздо раньше ихъ онъ былъ занятъ осетинами, которые сами или родственныя имъ племена тянулись далеко на сѣверъ — въ южныя степи Россіи. Не даромъ названія нѣкоторыхъ рѣкъ хранятъ въ этихъ мѣстностяхъ еще память объ осетинахъ; Донъ, напр., значитъ по осетински вода. Однимъ изъ интересныхъ открытій Миллера было доказательство той мысли, что многія слова въ надписяхъ изъ древней Ольвіи могутъ быть поняты только при знаніи осетинскаго языка.

Въ эту нашу поѣздку мы побывали и у кабардинцевъ. Князь Атажухинъ, одинъ изъ четырехъ нѣкогда державныхъ «пше» или князей, принялъ насъ, сидя на высокомъ деревянномъ креслѣ въ родѣ трона, окруженный почтительно стоявшими вокругъ него узденями; тономъ, не допускавшимъ возраженій, объявилъ намъ, что по его приказу изъ нашихъ дорожныхъ сумокъ взяли для него бутылки бенедиктина и замѣнили ихъ двойнымъ количествомъ «араку»—сивухи, имъ же изготовляемой. Придворные князя жаловались намъ, что управителю Терской области, извѣстному графу Лорисъ-Меликову, удалось вовлечь князей въ невыгодную сдѣлку; за отказъ считать всю Кабарду княжескимъ достояніемъ, «пше» получили по три тысячи десятинъ казенныхъ земель въ Ставропольской губерніи. На житье ихъ туда, разумѣется, не тянетъ. Попробовалъ было Атажухинъ устроить образцовое хозяйство въ Кабардѣ, завелъ хорошихъ малороссійскихъ коровъ—и долженъ былъ вскорѣ отказаться отъ этой затѣи. Унаслѣдованный отъ предковъ обычай требуетъ, чтобы князь довелъ свою обходительность съ посѣщающими его узденями до того, чтобы отдавать имъ въ даръ все то, что они станутъ расхваливать ему изъ его же достоянія. Князь, правда, можетъ вернуть часть забраннаго, предпринявъ поѣздку по своимъ узденямъ; поѣздка можетъ длиться цѣлые мѣсяцы, и за все это время князь живетъ на счетъ своихъ вассаловъ. Вообще кабардинскіе порядки во многомъ схожи съ тѣми картинами ранняго средневѣковья, которыя встаютъ передъ глазами при чтеніи, скажемъ, Огюстена Тьери и его извѣстныхъ «Разсказовъ изъ эпохи Меровинговъ». Пока я интересовался этой стороною кабардинскаго быта, Миллеръ, при посредствѣ переводчиковъ, записывалъ сказанія

объ участіи кабардинцевъ въ походѣ Петра на Азовъ. Въ этихъ сказаніяхъ часто заходила рѣчь о крестахъ—новое подтвержденіе тому, что населеніе Кабарды въ 17 и началѣ 18-го вѣка было еще христіанскимъ. Я не останавливаюсь подробнѣе на описаніи всего видѣннаго и слышаннаго нами въ осетинскихъ селеніяхъ. Все это было использовано частью Миллеромъ въ позднѣйшихъ выпускахъ его «Осетинскихъ этюдовъ», частью мною—въ «Современномъ обычаѣ и древнемъ законѣ».

Нужно ли говорить, что въ позднѣйшіе годы моего пребыванія въ Москвѣ, при составленіи моей книги, я постоянно пользовался цѣнными указаніями Всеволода Ѳедоровича. Когда онъ сдѣлался предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія Московскаго общества естествознанія, антропологіи и этнографіи, я, по его желанію, согласился быть выбраннымъ въ вице-предсѣдатели, секретаремъ же отдѣленія былъ Гондатти, теперешній генералъ-губернаторъ Восточной Сибири. Не мало докладовъ сдѣлано было нами обоими—Миллеромъ и мною—по Кавказовѣдѣнію; нѣкоторые изъ нихъ были отпечатаны въ изданіяхъ общества. Въ 1887 г. я принужденъ былъ оставить службу и переѣхать на жительство за границу. Въ теченіе восемнадцати лѣтъ, проведенныхъ мною на Западѣ, я только изрѣдка, при посѣщеніи Москвы, имѣлъ случай видѣться съ Миллеромъ. Мы неизмѣнно встрѣчались друзьями и по цѣлымъ часамъ дѣлились нашими впечатлѣніями. Я съ удовольствіемъ могъ убѣдиться въ томъ, что извѣстность Миллера растетъ, что его дѣятельность сказывается и въ педагогикѣ, и въ преподаваніи исторіи русской литературы, и въ изданіи имъ основаннаго «Этнографическаго Обозрѣнія». Занимая каѳедру, прославленную Буслаевымъ, Миллеръ имѣлъ возможность приложить свою разностороннюю начитанность по филологіи, и лингвистикѣ, этнографіи, и фольклору, свое знаніе санскрита, языковъ древне-персидскаго, литовскаго, осетинскаго, иранскихъ нарѣчій, не говоря уже о латинскомъ, греческомъ и всѣхъ европейскихъ языкахъ, въ томъ числѣ славянскихъ—къ использованію не только произведеній народной поэзіи, но и древней письменности. Приглашенный стать во главѣ Лазаревскаго Института, онъ съ любовью слѣдилъ за воспитаніемъ, въ числѣ другихъ, и кавказскихъ уроженцевъ, которыхъ такъ много поступаетъ въ учрежденіе, созданное на армянскія деньги. На высшихъ курсахъ института онъ самъ читалъ исторію Древняго Востока. Но Лазаревскій Институтъ заставилъ его пережить и много тяжелаго. Во время вооруженнаго возстанія Институтъ этотъ сдѣлался перевязочнымъ пунктомъ для всѣхъ раненыхъ. Миллеръ самъ наблюдалъ за оказаніемъ имъ помощи. Дѣло не обошлось безъ того, чтобы въ революціонную пропаганду не были вовлечены и

нѣкоторые изъ учениковъ Института. Миллеръ тщетно ходатайствовалъ за нихъ передъ московскимъ начальствомъ и нерѣдко считалъ себя лично задѣтымъ получаемыми въ отвѣтъ письмами.

Единогласный выборъ В. Ѳ. въ члены Академіи наукъ—явленіе рѣдко повторяющееся въ ея лѣтописяхъ—позволило мнѣ снова видѣться съ Миллеромъ въ послѣдніе годы. Но мы оба были такъ заняты, что посѣщали другъ друга рѣдко. Въ прошломъ году наши свиданія участились, такъ какъ мы оба были задѣты славянскими событіями и старались привлечь къ нимъ вниманіе широкихъ круговъ. Я видѣлъ Миллера не только на устроенныхъ у меня собраніяхъ профессоровъ, академиковъ, журналистовъ и общественныхъ дѣятелей, но и на лекціи, читанной мною по сербскому вопросу.

Незадолго передъ его смертью мы снова сошлись на собраніи Географическаго Общества, привѣтствовавшемъ Нансена. Я былъ дня за три до рокового момента на его квартирѣ и день спустя получилъ утѣшительное извѣстіе о возстановленіи его здоровья по телефону. Онъ настолько поправился, что потребовалъ сообщенія ему вновь поступившихъ книгъ. Послѣ одного только припадка грудной жабы онъ скончался на 67-мъ году жизни, сохраняя и въ гробу внѣшній обликъ молодого человѣка.

Съ Миллеромъ исчезъ, какъ говоритъ проф. Архангельскій, старѣйшій представитель исторіи древне-русской письменности, народной поэзіи и фольклора. Съ нимъ сошелъ въ могилу также самый выдающійся изъ нашихъ этнологовъ, человѣкъ, отсутствіе котораго долго и долго будетъ чувствоваться въ этнографическомъ отдѣленіи и Московскаго общества естествознанія и въ Петербургскомъ Географическомъ Обществѣ. Осиротѣли съ его потерей и «Этнографическое Обозрѣніе», и Восточное Отдѣленіе археологическаго общества. Они чувствуютъ эту утрату и намѣрены устроить соединенное засѣданіе, чтобы почтить его память. Я имѣлъ высокую честь быть приглашеннымъ ими къ участію въ этихъ поминкахъ. Не имѣя возможности сдѣлать это по разнообразію занятій и неотложности нѣкоторыхъ изъ нихъ, я въ этой летучей замѣткѣ пытался воскресить образъ покойнаго друга. Всеволодъ Ѳедоровичъ долго, если не всегда, будетъ жить въ памяти знавшихъ его людей. Они не забудутъ ни его свѣтлаго ума, ни высокихъ нравственныхъ качествъ. Онъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ области кавказовѣдѣнія, изученія народной литературы, этнологіи и фольклора нашего обширнаго отечества. Онъ научилъ рядъ поколѣній умѣлому пользованію сравнительно-историческимъ методомъ съ цѣлью раскрытія нашего отдаленнаго прошлаго. Его ученики разсѣяны по всей Россіи и продолжатъ его дѣло.

Максимъ Ковалевскій.

Меліораціонное дѣло въ Россіи въ освѣщеніи сѣверно-русскаго съѣзда.

Закончившійся 30 октября въ Москвѣ первый сѣверно-русскій съѣздъ по меліораціонному дѣлу, послѣдній изъ серіи съѣздовъ этого года, такъ или иначе прикосновенныхъ къ аграрному вопросу, оказался многолюднымъ, разнообразнымъ по составу членовъ и весьма содержательнымъ, какъ по количеству прочитанныхъ докладовъ, такъ и по важности постановленныхъ резолюцій. 478 членовъ, 93 обсужденныхъ съѣздомъ докладовъ показываютъ, что, несмотря на узкое наименованіе съѣзда, онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ широкое общественное вниманіе. Какъ у нашей заокеанской сосѣдки—республики Соединенныхъ Штатовъ, такъ и у насъ, меліораціонное дѣло въ XX вѣкѣ становится очереднымъ вопросомъ соціальной политики, и это совпаденіе далеко не случайно.

Земледѣльческое населеніе, стремясь къ полученію наибольшихъ результатовъ при наименьшихъ затратахъ, обрабатываетъ сначала наиболѣе удобныя, годныя для непосредственной культуры территоріи и оставляетъ безъ вниманія тѣ земли, которыя требуютъ предварительной подготовки и болѣе или менѣе крупныхъ расходовъ для приведенія ихъ въ культуроспособное состояніе. Если удобныхъ земель вблизи не оказывается—земледѣльцы переселяются дальше, и въ Россіи до XX вѣка происходило непрерывное передвиженіе населенія съ запада на востокъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—съ востока на западъ. Пока удобныя земли въ данной странѣ не вошли въ сельско-хозяйственный оборотъ, до тѣхъ поръ земли, доступныя культурѣ лишь послѣ меліорацій, остаются неприкосновеннымъ запаснымъ фондомъ и время эксплоатаціи этихъ послѣднихъ наступаетъ лишь послѣ болѣе или менѣе полнаго использованія удобнаго фонда. Такой моментъ насталъ теперь и въ Соединенныхъ Штатахъ, и у насъ. У насъ азіатская колонизація натолкнулась на огромныя пространства заболоченныхъ дремучихъ лѣсовъ сѣвера и на безводныя пустыни юга, непригодныя для заселенія безъ предварительныхъ меліорацій. Отсюда родился вполнѣ естественный выводъ, что разъ расширеніе сельско-хозяйственной площади теперь крайне затруднительно безъ коренныхъ улучшеній земельнаго фонда, то гораздо раціональнѣе и для казны, и для народа производить эти улучшенія, въ первую очередь, на территоріи *Европейской Россіи*, гдѣ по самымъ скромнымъ разсчетамъ, от-

брасывая архангельскій сѣверъ, мы находимъ 32 милліона десятинъ болотъ, песковъ, безводныхъ пустырей, доступныхъ, по большей части, мелioраціямъ.

Вотъ первая причина, возбудившая въ правительствѣ интересъ къ мелioраціонному дѣлу. Второй причиной явилось землеустройство. Главной цѣлью землеустройства, по признанію самого П. А. Столыпина, является не разрушеніе общины — это только средство,— а *разселеніе* крестьянъ по хуторамъ и отрубамъ, немыслимое безъ созданія предварительной гидротехнической сѣти: крестьянина не загонишь на хуторъ, если на немъ или вблизи его не будетъ воды для питья людей и скота; его не посадишь на болото. Поэтому въ Западной Европѣ, какъ выразился на съѣздѣ г. Хауке, землеустройство превратилось въ *водоустройство*. Къ тому же дѣло идетъ и у насъ. Второй съѣздъ инженеровъ-гидротехниковъ (8-15 января 1913 г.) самымъ энергичнымъ образомъ настаивалъ на томъ, чтобы во 1-хъ всѣ проэкты землеустроительныхъ работъ разсматривались въ землеустроительныхъ коммиссіяхъ не иначе, какъ въ присутствіи инженеровъ-гидротехниковъ, во 2-хъ, чтобы гидротехническія изысканія и, по возможности, самыя работы, производились *до* разбивки на хутора. Конечно, благодаря этому, тенденція коммиссій къ нарѣзкѣ хуторовъ «числомъ поболѣе, цѣною подешевле», будетъ сильно ограничена, но отъ такого ограниченія землеустраиваемое населеніе только выиграетъ.

Третья причина обостреннаго вниманія правительства къ мелioраціямъ—неудачи общественныхъ работъ при продовольственной помощи. Нашъ юго-востокъ, переживающій кризисъ экстенсивнаго земледѣлія, въ послѣднія десятилѣтія приблизительно черезъ годъ поражается недородами и разъ въ три года—крупными неурожаями, вызывающими огромныя затраты на продовольственныя ссуды изъ средствъ государственнаго казначейства, изъ которыхъ въ 1881—908 гг. было выдано 495 милліоновъ и въ 1911—12 гг.—еще 132 милліона. Такъ какъ часть средствъ возвращалась въ общеимперскій продовольственный капиталъ и вновь тратилась, то общая сумма расходовъ на голодающихъ была гораздо выше. Съ 1891 г. по 1908 г. пять губерній средняго и нижняго Поволжья — Самарская, Саратовская, Казанская, Симбирская и Уфимская—получили 236 милліоновъ ссудъ и пособій. За послѣдніе годы правительство находитъ болѣе цѣлесообразнымъ оказывать голодающему населенію помощь не продовольственными ссудами, а въ видѣ общественныхъ работъ: въ 1911—12 г. на эти работы израсходовано 50 милліоновъ, опять таки, главнымъ образомъ, въ поволжскихъ губ. Еще ранѣе, въ 1891—1892 гг., былъ произведенъ широкій опытъ организаціи обществен-

ныхъ работъ, на которыя экспедиціей генерала Анненкова израсходовано около 15 мил.; въ періодъ 1901—10 гг. опять израсходовано 16,3 милліона—но отъ всѣхъ этихъ работъ (кромѣ дорожныхъ) въ настоящее время, какъ показали повторныя обслѣдованія, сохранились лишь жалкіе остатки. Очень часто общественныя работы приводили не къ меліораціи, а къ детеріораціи — ухудшенію данной площади. Дороги безъ боковыхъ канавъ, изрытыя и неутрамбованныя, превращались въ кочковатыя болота; «плотины на большихъ водосборахъ оставались безъ искусственныхъ водосливовъ, лишь съ временными копанными каналами и быстро разрушались, покрывая оврагами окружающую мѣстность. Все это происходило потому, что мѣстности не были первоначально обслѣдованы въ гидротехническомъ отношеніи; работы велись безъ составленнаго заранѣе плана мало подготовленнымъ персоналомъ, не хватало времени и средствъ на ихъ окончаніе, а потомъ онѣ оставались безъ надзора и разрушались водой, атмосферой и некультурнымъ, не умѣющимъ оцѣнить ихъ значенія населеніемъ. Затративъ на работы почти сотню милліоновъ—цифру, во много разъ превышающую ассигнованія на земельныя улучшенія по общей смѣтѣ казны,—а на непосредственное продовольствіе—около милліарда, правительство, наконецъ, поняло, что для раціональнаго веденія общественныхъ работъ необходимы предварительныя изысканія, тщательно выработанные планы гидротехническихъ сооруженій, что цѣлью этихъ изысканій и плановъ должно быть приданіе *устойчивости* экстенсивному юго-восточному земледѣлію — т. е. предотвращеніе засухъ посредствомъ искусственнаго орошенія. Если этого не будетъ сдѣлано, нашъ юго-востокъ станетъ по прежнему требовать сотенъ милліоновъ на помощь голодающимъ, а населеніе будетъ бѣднѣть все больше и больше. И только теперь, послѣ тридцатилѣтнихъ мытарствъ съ голодовками, образованы двѣ изыскательныя партіи для средняго и нижняго Поволжья, которыя съ нынѣшняго года приступили къ своимъ дѣйствіямъ и руководитель которыхъ, Р. П. Спарро, прочелъ на съѣздѣ весьма интересный докладъ. Въ этомъ докладѣ приводится масса данныхъ, показывающихъ насколько неустойчиво и бездоходно наше юго-восточное земледѣліе въ настоящій моментъ, и какое огромное значеніе для него имѣетъ регулированіе атмосферной и почвенной влаги при помощи гидротехническихъ сооруженій. Астраханская губернія сейчасъ—полная пустыня: въ ней 50% неудобныхъ земель, но значительная часть этихъ неудобій—съ плодородной почвой (за исключеніемъ 19% песковъ), которой не хватаетъ лишь воды, чтобы производить не только пшеницу, но и виноградъ, южные фрукты, овощи и даже, по-

видимому, хлопокъ. Теперешнее «сухое» земледѣліе ведется населеніемъ себѣ въ убытокъ: урожаи все понижаются, равняясь, въ среднемъ въ послѣднее 30-лѣтіе, 15 пудамъ на десятину. Въ 1912-мъ, средне-урожайномъ году, съ десятины собрано 12 пудовъ; между тѣмъ, всѣ расходы по обработкѣ земли. посѣву и уборкѣ покрываются урожаемъ въ *25 пудовъ*. Недовыручка урожая въ 13 пудовъ, приноситъ на всю посѣвную площадь (630 тыс. дес.) убытокъ въ *8,2 милліона рублей* въ годъ. Между тѣмъ, на Танчутинскомъ орошенномъ участкѣ, въ неурожайный 1911 г., сборы хлѣбовъ превышали такіе же сборы на неполивныхъ земляхъ въ 6—17 разъ. Этотъ результатъ былъ полученъ на земляхъ т. наз. «лиманнаго» орошенія (пользующагося весеннимъ паводкомъ), стоимость котораго настолько незначительна, въ сравненіи съ повышеніемъ доходности орашаемыхъ земель, что окупается въ 2—3 года.

Кромѣ средне и нижне-волжской изыскательной партіи, съ 1914 г. будетъ функціонировать верхне-волжская—въ области промышленнаго центра; еще ранѣе образованы полѣсская и крымская. Это распредѣленіе партій указываетъ на разбросанность интересовъ правительства въ меліораціонномъ дѣлѣ. Если юго-восточныя партіи имѣютъ главной цѣлью сдѣлать затраты правительства наиболѣе продуктивными для *народнаго хозяйства* даннаго раіона, а косвенно и для всей Россіи—ибо на юго-востокѣ имѣется большой запасъ казенныхъ земель, могущихъ служить фондомъ для колонизаціи — то полѣсская партія преслѣдуетъ больше всего казенные интересы, ведя работы, въ значительной мѣрѣ, съ цѣлью повышенія доходности казеннаго лѣсного хозяйства и лишь косвенно воздѣйствуя на улучшеніе земель у окрестнаго населенія. Крымская же партія озабочена упорядоченіемъ воднаго дѣла въ городахъ и на курортахъ и лишь часть своего вниманія удѣляетъ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ населенія.

Вотъ и всѣ изыскательныя партіи, которыя правительство организовало до сихъ поръ. Нашъ оскудѣлый земледѣльческій центръ, гдѣ населеніе пьетъ гнилую воду изъ прудовъ, зараженныхъ экскрементами людей и животныхъ, гдѣ засухи—также весьма частое явленіе, гдѣ овраги и пески съ каждымъ годомъ расползаются по мужицкимъ полосамъ, въ конецъ обездоливая крестьянъ [1]); югозападъ, гдѣ цѣны на землю выросли до 400—500 руб. за десятину

[1]) Пишущій эти строки производилъ въ 1902 г. повторное общинное изслѣдованіе въ Павловскомъ у. Воронежской губ. Въ этомъ уѣздѣ за 12 лѣтъ (съ 1890 г.) площадь овраговъ у крестьянъ выросла съ 9,7 тыс. дес. до 19,2 тыс. дес., песковъ — съ 11,1 тыс. дес. до 16,4 тыс., а вся площадь неудобной земли—съ 10,1% до 15,1% крестьянскихъ надѣловъ.

и гдѣ все-таки еще много неудобныхъ земель; сѣверо-западъ, гдѣ подъ Петербургомъ лежатъ моховыя болота, не говоря уже о сѣверѣ и сѣверо-востокѣ—все это осталось пока внѣ поля приложенія правительственныхъ гидротехническихъ силъ. Зато преимущественнаго вниманія удостоились наши хлопковые районы — Туркестанъ и Закавказье, на гидротехническія работы въ которыхъ, по смѣтѣ 1914 г., ассигновано 5 слишкомъ милліоновъ, потомъ Сибирь — свыше $1^1/_2$ мил., тогда какъ на всю Европейскую Россію (за исключеніемъ землеустроительныхъ расходовъ = 2,1 милл.) — —2,4 милліона. На сколько непропорціональны ассигновки отдѣла земельныхъ улучшеній дѣйствительнымъ потребностямъ разныхъ областей Россіи и разныхъ элементовъ населенія, видно изъ того, что въ пособіе земствамъ всей Россіи удѣлено 114 тыс., а на земскія работы въ гибломъ Нарымскомъ краѣ, нецѣлесообразность колонизаціи котораго была выяснена предыдущими экспедиціями, — 277 тысячъ.

Все это показываетъ, что у правительства еще нѣтъ строго продуманнаго плана меліорацій, что во всѣхъ его операціяхъ царитъ элементъ случайности при организаціи меліораціоннаго дѣла, далеко не всегда ставятся на первый планъ народно-хозяйственные интересы и въ особенности интересы трудовой массы земледѣльческаго населенія. Смѣта отдѣла земельныхъ улучшеній выросла съ 2,4 милл. р. въ 1910 г. до 13,5 мил. въ 1914 г., но почти весь приростъ ассигнованій упалъ на Азіатскую Россію и на 600 тысячъ землеустроенныхъ дворовъ, а вся остальная многомилліонная масса населенія Европейской Россіи по прежнему лишена гидротехнической помощьи. На сѣверно-русскомъ съѣздѣ отстаиваніе народныхъ интересовъ взяла на себя многочисленная группа представителей *земскихъ* учрежденій, и нельзя не признать, что именно благодаря ей, многія резолюціи съѣзда пріобрѣли большое общественное значеніе.

За послѣдніе годы земства тоже заинтересовались меліораціоннымъ дѣломъ. Главнымъ толчкомъ къ этому послужилъ происходящій передъ ихъ глазами переворотъ въ земледѣліи — массовый переходъ отъ экстенсивной къ интенсивной формѣ сельскохозяйственной эволюціи. На съѣздѣ собрались, преимущественно, предстивители земствъ нечерноземной полосы, — главнымъ образомъ центральной и западной ея частей, въ которыхъ происходитъ теперь трансформація крестьянскаго хозяйства изъ трехпольно-зернового типа, съ навознымъ скотоводствомъ, въ многопольное, съ травосѣяніемъ и продуктивнымъ молочнымъ скотомъ. При прежней системѣ главнымъ продуктомъ крестьянскаго производства

былъ зерновый хлѣбъ, для собственнаго пропитанія; скотъ крестьяне держали лишь для работы, навоза и отчасти для кормленія дѣтей молокомъ. Теперь они развиваютъ травосѣяніе, заводятъ скотъ для сбыта молочныхъ продуктовъ и мяса, но для широкаго развитія скотоводства имъ не хватаетъ *луговъ*. Подъ бокомъ у нихъ лежатъ торфяныя и иныя болота, которыя, съ относительно небольшими затратами, могутъ быть превращены въ очень хорошіе луга. Въ Новгородской губерніи болота, по устарѣлымъ свѣдѣніямъ, занимаютъ 19,3% территоріи, въ Тверской—12,1%; также много болотъ въ дугѣ, образуемой Окой восточнѣе Рязани, въ частяхъ Московской, Владимирской, Рязанской губ.; въ Нижегородской губ. 45 тыс. дес. прекрасныхъ торфяниковъ. На западѣ, въ Бѣлоруссіи и Литвѣ—болотъ еще больше—напр., въ Минской губерніи до 22% всей территоріи. Общая площадь неудобныхъ, главнымъ образомъ болотистыхъ земель въ нечерноземныхъ губерніяхъ (безъ Архангельской), по даннымъ 80-хъ годовъ, опредѣлялась въ 18 мил. дес., но теперь она выросла, т. к., по выраженію одного изъ участниковъ съѣзда, «болотный мохъ съѣдаетъ пашню». Въ Нижегородской губ. во время генеральнаго межеванія было 8,981,000 дес. удобныхъ земель, а теперь 8,279,000; 702,000 дес. удобныхъ земель въ теченіе столѣтія превратилось въ болото. Гидротехническія меліораціи необходимы тутъ не только какъ средство облегчить *интенсификацію* крестьянскаго хозяйства, но и въ видахъ *самозащиты* противъ надвигающагося природнаго бѣдствія—постепенной заболоченности края, явленія болѣе или менѣе всеобщаго, въ чистомъ видѣ наблюдаемаго у насъ въ Пріамурьѣ.

Если на сѣверѣ намъ грозитъ затопленіе пашень болотами, то на югѣ мы стоимъ передъ опасностью распространенія овраговъ и песковъ, сдѣлавшаго грандіозные успѣхи за послѣднія 30—40 лѣтъ, вслѣдствіе разрыхленія почвы и уничтоженія травянаго покрова земледѣліемъ. По даннымъ 80-хъ годовъ, неудобныхъ земель на югѣ было 14 мил. дес.; теперь ихъ, несомнѣнно, гораздо больше. Но на съѣздѣ черноземная половина Россіи почти не имѣла представителей, и мы не будемъ касаться въ дальнѣйшемъ изложеніи этой стороны меліораціоннаго дѣла въ Россіи.

Кромѣ агрикультурныхъ задачъ, возникшихъ въ послѣдніе годы, кромѣ неотложной необходимости пріостановить дальнѣйшее разростаніе неудобныхъ земель за счетъ удобныхъ, земства *всей* Россіи привлекались уже давно къ меліораціонному дѣлу во имя санитарно-гигіеническихъ и антипожарныхъ цѣлей. На съѣздѣ указывали, что въ Нижегородской губерніи 20% селеній имѣетъ только по одному колодцу, что въ одномъ уѣздѣ 22% селеній пьютъ воду изъ

прудовъ вмѣстѣ со скотомъ, что недавно тамъ сгорѣло большое село только потому, что вода находилась на большой глубинѣ. Понятно, что пока не устраненъ коренной источникъ эпидемій и пожаровъ—недостатки водоснабженія и дурное качество воды,—до тѣхъ поръ вся земская медицина и антипожарная дѣятельность являются лишь палліативами.

Одинъ изъ докладчиковъ на съѣздѣ, г. Хонинъ, сообщилъ, что, согласно произведенной имъ анкетѣ, 14 земствъ затратили въ 1912 г. на меліораціи свыше 700 тыс. руб. По смѣтѣ на 1914 г., 9 губернскихъ и 3 уѣздныхъ земства предполагаютъ израсходовать 230 тыс. руб. Нѣкоторыя земства уже много лѣтъ ведутъ гидротехническія изысканія и работы: Нижегородское съ 1897 г. затратило всего 360 тыс., Черниговское—375 тыс. (казенное пособіе), Новоузенское уѣздное — 450 т. (изъ продовольственнаго капитала); но въ подавляющемъ большинствѣ не только уѣздныхъ, а и губернскихъ земствъ нѣтъ еще правильно функціонирующихъ гидротехническихъ и культуръ-техническихъ бюро, и вообще меліораціонное дѣло находится въ зачаточномъ состояніи. Всѣ эти сотни тысячъ кажутся ничтожными въ сравненіи въ грандіозной цифрой въ $2^1/_2$ милліарда, которою правительство опредѣляетъ стоимость главныхъ земельныхъ улучшеній въ одной Европейской Россіи. Составъ земствъ, втянувшихся въ меліораціонную работу, — случаенъ: оказались въ наличности свободныя средства, или явилась возможность получить субсидію отъ казны — создается нужная организація, производятся изысканія; нѣтъ средствъ — нѣтъ и меліорацій, хотя бы въ нихъ чувствовалась наиболѣе острая потребность. Пособія отъ казны получаются тоже случайно: какъ объяснилъ представитель земельныхъ улучшеній, г. Максимовъ, чтобы получить пособіе по смѣтѣ 1915 г. нужно въ декабрѣ или январѣ провести черезъ земскія собранія соотвѣтствующія ходатайства и смѣты—а сдѣлать это не всегда возможно. Случайны и разнородны цѣли, преслѣдуемыя различными земствами при меліораціяхъ: въ Московской губ. на первомъ планѣ стоитъ водоснабженіе въ санитарныхъ цѣляхъ, въ Харьковской — въ антипожарныхъ, въ другихъ—меліораціи для агрикультурныхъ надобностей. Наконецъ, всякое болѣе или менѣе солидное гидротехническое сооруженіе — все равно, правительственное или земское,—требуетъ постояннаго надзора и ремонта; иначе, во многихъ случаяхъ, оно подвергается быстрому разрушенію. Нѣкоторыя земства тратятъ на разъѣзды своего гидротехническаго персонала до третьей части ассигновокъ на меліораціи и все-таки не предохраняютъ сооруженій отъ упадка. Надзоръ за сооруженіями—больное мѣсто меліораціон-

наго дѣла въ Россіи: здѣсь можетъ помочь лишь созданіе недостающаго звена въ цѣпи земскихъ учрежденій—*мелкой земской единицы*, которая одна способна осуществить дѣйствительный контроль на мѣстахъ.

Изъ этого краткаго очерка видно, что земская постановка меліораціоннаго дѣла еще болѣе слаба и разрознена, чѣмъ правительственная. Но развѣ земства въ этомъ виноваты? Правительство, при своемъ трехмилліардномъ бюджетѣ, давно бы могло поставить дѣло достаточно широко и планомѣрно, если бы хотѣло: но земства, при своихъ скудныхъ средствахъ, волей-неволей принуждены ихъ затрачивать на самыя неотложныя нужды текущаго момента, и на коренныя меліораціи, требующія большихъ расходовъ и окупающіяся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, свободныхъ суммъ у него не остается. Вотъ почему земства обращаются за пособіями къ казнѣ, но при выдачѣ пособій земствамъ «въ качествѣ руководящаго начала установлено, что во главѣ земскихъ бюро должны находиться лица, командируемыя отдѣломъ земельныхъ улучшеній». Въ докладѣ Саратовской уѣздной земской управы приводится дальнѣйшее разъясненіе этого «руководящаго начала»: «земскій гидротехническій составъ долженъ оставить земскую службу и поступить на службу отдѣла земельныхъ улучшеній, который откомандируетъ ихъ уже въ качествѣ правительственныхъ должностныхъ лицъ въ полное административное распоряженіе земства, съ подчиненіемъ отдѣлу лишь въ техническомъ отношеніи».

Ознакомившись съ предположеніями отдѣла земельныхъ улучшеній, представленными на утвержденіе законодательныхъ учрежденій, но не получившими еще силы закона, представители земства пришли къ заключенію, что съ переходомъ земскаго гидротехническаго персонала на службу правительству не только будетъ разрушена существующая земская гидротехническая организація, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при неясности и неопредѣленности взаимныхъ отношеній между земствомъ и отдѣломъ, легко могутъ возникнуть недоразумѣнія, которыя едва ли послужатъ на пользу дѣла. «*Въ отведенной ему области земство должно быть совершенно самостоятельно*». Вопросъ о разграниченіи сферъ дѣятельности и предѣловъ власти правительства и земства на съѣздѣ былъ едва ли не первенствующимъ. Правительство находитъ, что весь гидротехническій персоналъ «въ цѣляхъ объединенія его дѣятельности» долженъ быть сосредоточенъ въ однѣхъ рукахъ; представители земства также находятъ этотъ принципъ правильнымъ. И дѣйствительно, теперь, когда дѣятельность правительственныхъ и земскихъ органовъ не объединена, наблюдается на мѣстахъ «*черезполосица*»

меліоративныхъ предпріятій, понижающая ихъ плодотворность и приводящая къ безплодной растратѣ средствъ и силъ.

Эта черезполосица возникаетъ особенно часто при землеустройствѣ. Меліоративныя работы, по большей части, таковы, что прямо или косвенно затрагиваютъ интересы не одного, а обычно цѣлой группы хозяйствъ даннаго раіона. Если, напримѣръ, въ видахъ осушки болота у хуторянина или у общины проводится канава для стока воды въ сосѣднюю рѣчку, ее приходится вести черезъ смежныя владѣнія. «Выходя за предѣлы отдѣльныхъ владѣній, осушительныя работы, въ большинствѣ случаевъ, затрагиваютъ интересы цѣлой группы лицъ и требуютъ ихъ общаго соглашенія» (Тр. II съѣзда инженер. гидротехн., стр. 90). При антагонизмѣ общинниковъ и хуторянъ, при несогласіяхъ между правительственными и земскими агентами, необходимыя меліораціи либо вовсе не выполняются, либо выполняются не такъ, какъ слѣдуетъ, и, по требованію землеустроительныхъ комиссій, часто въ интересахъ хуторянъ и въ ущербъ общинникамъ. Вообще, при чисто *мѣстныхъ* меліораціяхъ, меліораціяхъ «малаго раіона», какъ ихъ называли на съѣздѣ, разграничить сферу дѣятельности трехъ сталкивающихся между собою вѣдомствъ — отдѣла земельныхъ улучшеній, землеустроительныхъ комиссій и земства—невозможно. Въ видахъ планомѣрности и продуктивности работы, необходимо ихъ сосредоточить въ однѣхъ рукахъ, и съѣздъ цѣлымъ рядомъ постановленій подчеркнулъ, что эти руки должны принадлежать *земству*.

Земства блюдутъ интересы *всего* населенія даннаго раіона — какъ хуторянъ, такъ и общинниковъ; они заинтересовались теперь меліораціями, главнымъ образомъ благодаря новымъ задачамъ, возникшимъ передъ общественной агрономіей, цѣлью которой является содѣйствіе всей массѣ хозяйствъ къ переходу на высшую ступень сельскаго хозяйства. Точно также и оздоровленіе мѣстности имѣетъ значеніе для всего населенія — безразлично, какъ для общинниковъ, такъ и для хуторянъ. Землеустроительныя коммиссіи преслѣдуютъ интересы немногочисленной пока группы хуторянъ; чины отдѣла земельныхъ улучшеній зачастую на первую очередь выдвигаютъ интересы казны. Въ юго-восточной и полѣсской партіяхъ меліораціи производятся прежде всего на казенныхъ земляхъ. Поэтому, изъ всѣхъ учрежденій, занятыхъ въ настоящій моментъ меліораціями, земства являются болѣе другихъ способными отнестись объективно и внимательно къ нуждамъ всей массы мѣстнаго населенія, не отдавая предпочтенія той или другой его категоріи.

Другое преимущество земской организаціи — ея близость къ населенію, освѣдомленность, гибкость и быстрота дѣйствій. Земскіе

агенты разъѣзжаютъ по деревнямъ, гдѣ они — не только гидротехники, но еще больше агрономы — пропагандируютъ необходимость меліорацій. Тутъ же составляются приговоры, которые, если только у земства имѣются въ наличности денежныя средства и техническія силы, быстро приводятся въ исполненіе. Правительственная машина громоздка: на съѣздѣ приводились случаи, когда (въ Волоколамскомъ у.) крестьяне постановили осушить болото, собрали даже между собой деньги, осушили часть, а затѣмъ обратились къ земству за ссудой. Земство просило отдѣлъ сельской экономіи о ссудѣ; черезъ 5 мѣсяцевъ изъ отдѣла пришелъ отвѣтъ, требующій подробныхъ разъясненій плана меліорацій.

Наконецъ, къ сосредоточенію меліорацій «малаго раіона» въ рукахъ земствъ ведетъ тѣсная ихъ зависимость отъ агрикультурныхъ мѣропріятій земской агрономіи. По отношенію къ этимъ послѣднимъ меліораціи играютъ подчиненную роль, и на съѣздѣ было высказано пожеланіе, чтобы гидротехническая и агрономическая дѣятельность были согласованы между собой при помощи культуръ-техническихъ бюро или другихъ учрежденій при земствахъ.

Высказываясь за объединеніе меліорацій «малаго раіона» въ рукахъ земствъ, съѣздъ проводилъ демаркаціонную линію между дѣятельностью земствъ и правительства, отводя послѣднему сферу меліорацій «большого раіона», напримѣръ, регулированіе русла рѣкъ и вообще рѣчное хозяйство, захватывающее крупныя области изъ цѣлаго ряда губерній. Впрочемъ, на съѣздѣ былъ прочитанъ г. Зиминымъ докладъ о рѣчныхъ союзахъ въ Германіи, изъ котораго видно, что сложная задача рѣчного хозяйства можетъ разрѣшаться и особыми муниципальными союзами, каковыхъ въ Германіи образовалось пока два. Эти союзы, одинъ изъ которыхъ охватываетъ двухмилліонное населеніе, обладаютъ широкими правами самоуправленія и самообложенія, производятъ многомилліонныя сооруженія (стоимость сооруженій этого союза — 80 милл. марокъ) и даже, въ случаяхъ надобности, принудительно отчуждаютъ земли у частныхъ владѣльцевъ. Намъ до такихъ союзовъ, конечно, еще очень далеко.

Кромѣ рѣчного хозяйства, къ функціямъ правительственныхъ организацій могутъ быть отнесены гидротехническія изысканія и работы, касающіяся одновременно нѣсколькихъ губерній; но при этомъ, по мнѣнію съѣзда, было бы весьма желательно участіе представителей земствъ въ выработкѣ плана такихъ крупныхъ меліорацій.

Какъ видно изъ предыдущаго, одна изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ настоящаго момента—приведеніе въ пригодный для

колонизаціи видъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи, такъ какъ свободный фондъ удобныхъ земель въ Азіи близокъ къ истощенію. Это—неотъемлемое право и прямая обязанность правительственныхъ мелiоративныхъ учрежденій.

Послѣдней задачей правительства является подготовка спеціалистовъ по мелiораціонному дѣлу; пока ихъ нѣтъ—всѣ самыя широкія начинанія, заманчивые проекты не будутъ имѣть подъ собой твердой почвы. Въ докладѣ проф. Иверонова, касавшемся инженернаго отдѣленія Московскаго сел.-хоз. института, указывалось на быстрый ростъ числа студентовъ въ этомъ отдѣленіи: въ 1898 г. ихъ было всего 17, въ 1913 г.—215. Между тѣмъ, учебно-вспомогательныя учрежденія еще не поставлены на должную высоту; для этого необходимы крупныя единовременныя ассигнованія. Представитель вѣдомства, г. Максимовъ, по этому поводу сообщилъ, что правительство, понимая необходимость подготовки въ теченіе пяти ближайшихъ лѣтъ 1—$1^1/_2$ тысячъ гидротехниковъ съ высшимъ спеціальнымъ образованіемъ, готово удѣлить изъ 150 милліоннаго Романовскаго фонда нѣсколько десятковъ милліоновъ на созданіе и оборудованіе высшихъ и среднихъ школъ требуемаго типа.

Итакъ, съѣздъ съумѣлъ довольно точно разграничить сферы приложенія правительственныхъ и земскихъ силъ къ мелiоративному дѣлу. Но этого одного недостаточно: при отсутствіи собственныхъ средствъ, земства должны обращаться къ правительству за субсидіями, а финансовая зависимость естественно влечетъ за собой и зависимость въ сферѣ распоряженія полученными средствами. Вотъ почему, усиленное вниманіе съѣзда привлекъ докладъ З. С. Каценеленбаума, содержавшій въ себѣ проектъ организаціи Центральнаго Банка мелiоративнаго кредита. Капиталъ Банка составляется изъ единовременнаго ассигнованія 50 милліоновъ рублей изъ государственныхъ средствъ и расширяется при помощи выпуска спеціальныхъ мелiоративныхъ облигацій. Авторъ предполагаетъ, что выгодность мелiоративныхъ операцій привлечетъ къ Банку капиталы не только въ Россіи, но и изъ-за границы. Главное назначеніе Банка—выдавать за самый дешевый процентъ ссуды, преимущественно трудовому земледѣльческому населенію, черезъ посредство земствъ и кооперативныхъ союзовъ, которые, являясь отвѣтственными за исправные взносы по ссудамъ, получаютъ право взимать ихъ съ населенія на началахъ налога. Убытки Банка, неизбѣжные при взиманіи болѣе низкаго процента по ссудамъ, чѣмъ онъ будетъ выплачивать самъ по облигаціямъ, покрываются частью доходомъ отъ основнаго капитала, частью изъ государственнаго бюджета. Этотъ проектъ обсуждался въ особой комиссіи съѣзда, затѣмъ въ ею прези-

діумѣ, при чемъ подвергся нѣкоторой переработкѣ: съ одной стороны, было внесено добавленіе, что въ совѣтѣ Банка должны принимать участіе представители земствъ и кооперативовъ, съ другой—былъ исключенъ пунктъ, разрѣшавшій выдачу ссудъ подъ залогъ крестьянскихъ надѣльныхъ и купчихъ земель. Съѣздъ нашелъ себя некомпетентнымъ для рѣшенія столь сложнаго и важнаго вопроса и передалъ его, также какъ и нѣкоторые другіе вопросы на разработку организаціоннаго комитета, для внесенія ихъ на слѣдующіе съѣзды. Между прочимъ, во время обсужденія проекта въ комиссіи, А. А. Мануиловымъ было высказано пожеланіе о созывѣ особаго «аграрнаго» съѣзда, крайне необходимаго въ виду радикальныхъ измѣненій въ земельныхъ отношеніяхъ деревни.

Мелiоративный Банкъ могъ бы, въ значительной степени, освободить земства отъ подчиненія правительству въ финансовомъ отношеніи, но все-же извѣстную долю средствъ земствамъ и при немъ придется заимствовать у правительства—именно на тѣ мелiораціи, которыя, будучи совершенно бездоходными, имѣютъ санитарное, антипожарное и т. п. значеніе. Средства нужны и на организацію гидротехническихъ и культуръ-техническихъ бюро, и средства не малыя, если, какъ предлагалось нѣкоторыми, создавать ихъ не только въ губерніяхъ, но и въ уѣздахъ. Вопросъ о финансированіи земствъ не разрѣшается вполнѣ проектомъ З. С. Каценеленбаума; на съѣздѣ онъ былъ слегка лишь затронутъ докладомъ А. М. Дмитріева, но не подвергся детальному обсужденію—а между тѣмъ, какъ видно изъ предыдущаго, съ нимъ тѣсно связанъ вопросъ о большей или меньшей самостоятельности земствъ въ мелiораціонномъ дѣлѣ; отъ него, слѣдовательно, зависитъ судьба пожеланій съѣзда объ объединеніи дѣятельности «малаго района» въ земскихъ рукахъ. Вопросъ этотъ будетъ рѣшаться уже въ законодательныхъ учрежденіяхъ: тогда мы и увидимъ, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ». За недостаткомъ времени, съѣздъ не коснулся и нѣкоторыхъ другихъ важныхъ вопросовъ, напр., о водныхъ и вообще о мелiоративныхъ товариществахъ, о привлеченіи существующихъ кооперацій къ мелiоративному дѣлу. Между тѣмъ, въ литературѣ имѣются указанія на факты самостоятельной инаціативы кредитныхъ товариществъ въ этомъ дѣлѣ: с. Синія Липяги (Нижнедѣвицкаго у., Воронежской губ.) устраиваетъ у себя буравный колодецъ на ссуду изъ Синелипягинскаго кредитнаго товарищества. Серьезнымъ препятствіемъ является опять-таки недостатокъ средствъ у кредитныхъ кооперативовъ. Пока нѣтъ мелiораціоннаго банка, товариществамъ кредитоваться негдѣ; казна на мелiораціи кооперативамъ не выдаетъ ссудъ, а у земствъ и безъ того средствъ не хватаетъ на другія нужды.

Съѣздъ назывался «сѣвернымъ»: тѣмъ не менѣе при немъ существовала и энергично работала многолюдная «хлопковая» секція, внесшая часть своихъ докладовъ на обсужденіе пленарнаго засѣданія съѣзда. Это были доклады А. И. Кузнецова: «Наше отечественное хлопководство» и члена Государственной Думы Н. Н. Щепкина: «Мелiоративная политика въ хлопковыхъ районахъ», расходящіеся между собой въ существенныхъ пунктахъ. А. И. Кузнецовъ—организаторъ частной компаніи для орошенія 250 тыс. дес. въ Ферганской области,—стоялъ на точкѣ зрѣнія всемѣрнаго поощренія частной предпріимчивости. Въ Государственную Думу правительствомъ внесенъ уже проэктъ закона о производствѣ за счетъ частныхъ средствъ оросительныхъ работъ въ Туркестанѣ, а также разработанъ проэктъ концессіоннаго договора на орошеніе 250 тыс. дес. въ Ферганѣ, по которому на 27 февраля 1914 г. назначено «соревнованіе» частныхъ предпринимателей. Согласно проэкту договора, предприниматели получаютъ въ собственность до половины орошенной ими казенной земли, т. е. въ данномъ случаѣ 125 тыс. дес., стоимость которыхъ, по словамъ Н. Н. Щепкина, достигаетъ 125 мил. руб. [1]), тогда какъ стоимость оросительныхъ сооруженій не превыситъ 50 мил. Но и помимо этого, передача права распоряженія оросительной водой и орошаемой землей въ частныя руки, по мнѣнію Н. Н. Щепкина, равносильна фактическому установленію крѣпостной зависимости туземнаго и пришлаго русскаго населенія на экономической основѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, никто иной, какъ г. Главноуправляющій землеустройствомъ указываетъ, что «культура хлопка—*не дѣло крупныхъ хозяевъ*, въ виду того, что хлопокъ требуетъ слишкомъ бережной и внимательной обработки, которой наемный рабочій дать почти не можетъ. Хлопковая плантація лучше всего, поэтому, ведется хозяйствомъ *мелкимъ, трудовымъ*». Оросивъ землю, капиталисты скорѣе всего сами не будутъ ее обрабатывать, а сдадутъ въ аренду мелкимъ хлопководамъ, преимущественно изъ русскихъ переселенцевъ. Эти послѣдніе, бѣжавшіе отъ земельной кабалы изъ Россіи, могутъ попасть, такимъ образомъ, въ такую же кабалу въ Туркестанѣ, ибо на неорошенной землѣ тамъ вести земледѣліе почти невозможно, а орошенная помимо частной предпріимчивости земля принадлежитъ туземцамъ. Предприниматели явятся, поэтому монополистами, взимающими съ переселенцевъ за право пользованія вновь орошенной землей такую ренту, какая имъ заблагоразсудится. Поэтому, не

[1]) По словамъ извѣстной „записки“ г. Главноуправляющаго землеустройствомъ, цѣна одной орошенной десятины колеблется въ предѣлахъ 600—1000 руб., часто даже превышаетъ эту цифру.

отрицая извѣстной пользы въ привлеченіи частной предпріимчивости къ оросительному дѣлу, Н. Н. Щепкинъ считаетъ совершенно недопустимой передачу орошенной земли въ личную собственность предпринимателей. Земля должна быть сохранена за государствомъ, а оросительныя компаніи могутъ лишь взимать плату за пользованіе водой до тѣхъ поръ, пока казна или мелкіе землевладѣльцы не выкупятъ оросительныхъ сооруженій. Далѣе авторъ доклада доказывалъ, что правительство (г. Кривошеинъ), въ оправданіе своей идеи привлеченія частной предпріимчивости къ оросительному дѣлу, неправильно ссылается на недостатокъ средствъ у казны. Средства, несомнѣнно, найдутся, или ихъ можно добыть займомъ. Какъ разъ теперь правительство заканчиваетъ весьма удачное орошеніе Муганской степи въ Закавказьѣ на свои средства. Для главной цѣли меліораціонной политики въ хлопковыхъ районахъ—увеличенія добычи хлопка на тѣ 12 милліоновъ пудовъ, которые наша мануфактурная промышленность ввозитъ изъ-за границы—вовсе не требуется, притомъ, орошенія новыхъ площадей; достаточно урегулировать водопользованіе на орошенной теперь территоріи и интенсифицировать культуру хлопка, чтобы достигнуть требуемаго увеличенія сбора. Созданіе новыхъ оросительныхъ системъ, по признанію самого А. И. Кузнецова, крайне затрудняется отсутствіемъ гидрологическихъ изслѣдованій края. До окончанія этихъ изысканій было бы болѣе раціонально ограничиться улучшеніемъ существующаго орошенія и подъемомъ агрикультуры. Всѣ положенія доклада Н. Н. Щепкина были одобрены съѣздомъ.

Таковы главные пункты меліораціоннаго дѣла и меліораціонной политики въ Россіи въ освѣщеніи сѣверно-русскаго съѣзда. Съѣздъ выяснилъ, что моментъ для серьезнаго приступа къ сложной работѣ надъ земельными улучшеніями давно наступилъ. Двѣ главныя причины вызываютъ необходимость коренныхъ меліорацій: сокращеніе удобнаго колонизаціоннаго фонда въ Азіатской Россіи и переходъ массы земледѣльческаго населенія отъ экстенсивнаго трехполья къ болѣе высокимъ системамъ сельско-хозяйственной культуры. Малоземелье, тормозящее развитіе производительныхъ силъ, и низкій уровень агрикультуры приводятъ къ колоссальному несоотвѣтствію между рыночными цѣнами на землю и уровнемъ ея производительности: цѣна десятины въ центрѣ и на западѣ дошла во многихъ мѣстахъ до 300—400—500 рублей, а урожайность не свыше 40—50 пудовъ, что, при трехпольѣ, даетъ на десятину пашни не болѣе 30 пудовъ. Въ такихъ условіяхъ земледѣліе приноситъ большинству мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ чистый убытокъ, а это вредно отражается на всемъ народномъ хозяйствѣ страны. Корен-

ныя меліораціи—одно изъ самыхъ могучихъ средствъ для подъема производительности почвы—особенно необходимы въ Европейской Россіи, заболоченной на сѣверѣ, безводной на югѣ; безъ нихъ, агрикультура не въ состояніи справиться съ препятствіями, поставленными землевладѣльцу природой, а высокія цѣны на землю доказываютъ, что въ большинствѣ случаевъ эти меліораціи будутъ выгодными экономически.

На съѣздѣ обнаружилась неподготовленность правительства, земствъ и другихъ общественныхъ учрежденій къ этому большому дѣлу, разбросанность, случайность первыхъ начинаній, отсутствіе ясно намѣченныхъ цѣлей, огромные пробѣлы въ гидрологическихъ и другихъ изысканіяхъ, необходимыхъ для производства меліорацій, недостатокъ спеціалистовъ, непланомѣрное расходованіе средствъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, у насъ все начинаютъ дѣлать съ конца: прежде, чѣмъ осушили полѣсскія болота, принялись за пріамурскія, прежде чѣмъ приступили къ изысканіямъ на юго-востокѣ, затратили тамъ сотню милліоновъ на случайныя общественныя работы, отъ которыхъ черезъ нѣсколько лѣтъ не осталось и слѣда; прежде чѣмъ отыскать воду и осушить болота на хуторахъ, сажаютъ крестьянъ на хуторскіе участки; наконецъ, прежде чѣмъ собрать всероссійскій меліораціонный съѣздъ, который бы могъ установить общій планъ меліораціоннаго дѣла въ Россіи, а затѣмъ уже создавать раіонные съѣзды для обсужденія деталей этого плана въ предѣлахъ областныхъ территорій, созываютъ сначала раіонные съѣзды, поневолѣ занимающіеся общими вопросами, поневолѣ затрагивающіе не подлежащіе ихъ компетенціи раіоны—какъ въ данномъ случаѣ Туркестанъ и юго-востокъ, не имѣя возможности ни обсудить, ни разрѣшить проблемы меліораціоннаго дѣла съ точки зрѣнія нуждъ всей Россіи.

Собственно говоря, и всероссійскій меліораціонный съѣздъ не можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ учрежденіемъ для выработки общаго плана меліорацій. Меліораціонная политика весьма близко соприкасается съ другими сторонами аграрной политики, и сѣверный съѣздъ поступилъ правильно, отклонивъ отъ себя вопросъ о разрѣшеніи залога надѣльныхъ земель при выдачѣ ссудъ на меліораціи. Но и помимо этого частнаго, хотя и важнаго вопроса, общее направленіе меліораціоннаго дѣла должно исходить изъ соображеній объ интересахъ народнаго хозяйства Россіи въ его цѣломъ и крестьянскаго класса, какъ элемента наиболѣе жизнеспособнаго въ сельскомъ хозяйствѣ, въ особенности. Поэтому, хотя при современныхъ политическихъ условіяхъ и мало надежды на то, что высказанное А. А. Мануиловымъ пожеланіе о созывѣ всероссійскаго

аграрнаго съѣзда осуществится, но мы не можемъ не сказать, что только такой съѣздъ способенъ разрѣшить вопросы аграрной политики вообще и меліораціонной политики въ частности, во всей ихъ широтѣ.

Н. Огановскій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Разговоры о повышающемся общественномъ настроеніи. — Ненапрасныя надежды на него. — Настроеніе и положительные факты. — Оживленіе въ земской средѣ.—Характерныя уѣздныя земскія собранія въ Черниговской, Нижегородской, Полтавской и Тамбовской губерніяхъ. — Энергичная дѣятельность новаго земства. — Возбужденія вопроса о земской реформѣ. — „Настроеніе“ и „революція“.

Оттого-ли, что реакціонный мракъ, висящій надъ Россіей, сдѣлался почти для всѣхъ классовъ населенія нестерпимымъ и всѣмъ захотѣлось поскорѣе увидѣть хоть какіе-нибудь просвѣты (чувство, само по себѣ, уже близкое къ активности), или, дѣйствительно, что-то стало перестраиваться въ психикѣ общества, подготовляя новыя значительныя и дружныя требованія,—но только нынѣшней осенью повсюду съ большой охотой и съ большими надеждами заговорили о подъемѣ «настроенія».

Много и часто стали писать объ этомъ провинціальныя и столичныя газеты, съ большимъ оживленіемъ разсказываютъ о томъ-же депутаты Государственной Думы (лѣвые, к.-д., октябристы, націоналисты и даже правые), побывавшіе за лѣто въ разныхъ мѣстахъ провинціи. О подъемѣ настроенія поговариваютъ и разные провинціалы, время отъ времени наѣзжающіе въ Петербургъ.

Что-то, слѣдовательно, есть. Если даже оговориться, что «настроеніе»—вещь смутная, трудно уловимая и почти неопредѣлимая и что нерѣдко желаніе этого настроенія заставляетъ наблюдателя видѣть его въ обществѣ тогда, когда его, можетъ быть, и нѣтъ,—все-же настроеніе—такое цѣнное и важное условіе общественно-политической жизни, что малѣйшее его повышеніе слѣдуетъ привѣтствовать, какъ добрый признакъ. Настроеніе—кислородъ для общественнаго дыханія, и не даромъ всѣ оживляются, заслыша вѣсти о подъемѣ настроенія.

Въ сущности, настроеніе какъ будто не вполнѣ даже зави-

ситъ отъ положительныхъ фактовъ. Факты эти могутъ иногда совершаться въ жизни при полномъ угнетеніи общественнаго духа, нисколько не поднимая общаго настроенія. Такъ напримѣръ, въ послѣдніе мрачные годы шла довольно большая земская работа, давшая большой расцвѣтъ, между прочимъ, агрономіи и народному образованію; за это-же время выросла до громадныхъ размѣровъ кооперація,—но, хотя объ этомъ не могли не знать общественные круги, настроеніе оставалось пригнетеннымъ.

И наоборотъ: не рѣдко повышенное, бодрое настроеніе является какъ будто безъ видимыхъ причинъ, само, затѣмъ, порождая видимые положительные факты.

Откуда, напримѣръ, явилось необычайное настроеніе недавняго освободительнаго періода? Японскую войну, съ ея стыдомъ для насъ и ужасами, никакъ нельзя отнести къ положительнымъ фактамъ, окрыляющимъ общественный духъ. Подобныя національныя катастрофы скорѣе-бы должны порождать безвыходное уныніе или, въ крайнемъ случаѣ, негодованіе, гнѣвъ, злобные протесты.

Послѣднее и было въ значительной степени послѣ несчастной войны. Но откуда рядомъ съ этимъ выросло свѣтлое настроеніе, полное бодрости, неожиданныхъ надеждъ, преувеличенной вѣры въ близкое и скорое очищеніе жизни? А среди всѣхъ тогдашнихъ грѣховъ—тактическихъ и программныхъ промаховъ, непростительнаго раздробленія общественныхъ силъ—это настроеніе осталось въ памяти, какъ незапятнанная заря утренняго неба.

И вотъ, когда перечисляютъ бодрые факты нынѣшняго лѣта (на первомъ планѣ, кіевскіе съѣзды), остается все-же спорнымъ, эти-ли факты подняли общественное настроеніе или, наоборотъ, возродившееся снова настроеніе породило эти факты, обѣщая сверхъ того новые и новые. Послѣднее, въ сущности, цѣннѣе, такъ какъ оно намекаетъ на новую возможную полосу обновленія общественнаго духа, которое естественно должно выявиться и въ обновленіи общественно-государственныхъ формъ жизни.

Формы вообще мертвы безъ духа. «Настроеніе»—первый признакъ, первое дыханіе возвращающагося къ формамъ жизни общественнаго духа.

Съ этой точки зрѣнія хочется взглянуть и на уѣздныя земскія собранія, недавно закончившіяся по разнымъ мѣстамъ Россіи. Газеты съ удовольствіемъ отмѣчаютъ нѣкоторое, довольно значительное обновленіе въ земской области, больше, повидимому, въ смыслѣ повышающагося настроенія, которое, однако, сказывается уже на тѣхъ или другихъ фактахъ.

Взять для примѣра хотя-бы слѣдующую корреспонденцію

Рѣчи» изъ Чернигова. «Вчера окончилось наше уѣздное земское собраніе. Составъ его значительно лѣвѣе того, который дали первые, кассированные администраціей, выборы,—но администрація, повидимому, уже примирилась съ неизбѣжнымъ: гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Общихъ, большихъ вопросовъ не было въ собраніи. Оно было чисто дѣловымъ. Но, по сравненію съ собраніемъ предыдущаго трехлѣтія, протекавшимъ вяло и отбывавшимъ только повинность, какъ и подобаетъ крайнимъ правымъ, весьма мало интересующимся земскимъ дѣломъ, — настоящее собраніе прошло чрезвычайно оживленно. Преній было довольно, но рѣшенія постановлялись очень дружно. Выборы также отличались рѣдкимъ единодушіемъ. Предсѣдатель управы А. И. Товстолѣсъ, извѣстный своимъ весьма консервативнымъ направленіемъ, отказался отъ баллотировки. Въ этомъ же собраніи произведены и выборы мировыхъ судей и одного запасного. Избранными оказались: одинъ земскій начальникъ, но безъ специфическихъ особенностей, свойственныхъ большинству этихъ должностныхъ лицъ, одинъ городской судья и три молодыхъ человѣка съ юридическимъ образованіемъ. Двухъ судей не добрали».

Явно оптимистическій тонъ этой корреспонденціи, отражающій, несомнѣнно, подбодрившееся настроеніе земскихъ людей, намекаетъ на большой, важный, цѣнный, хотя и невѣсомый фактъ: къ полупарализованнымъ формамъ земской дѣятельности возвращается живой духъ.

Такимъ-же бодрымъ духомъ пропитана коротенькая корреспонденція «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Н.-Новгорода.

Нужно припомнить, что Нижегородская губернія въ общественномъ смыслѣ была значительно разгромлена во время властвованія губернатора Хвостова. Дѣятельность земства была сдавлена, нѣкоторые прогрессивные работники были извергнуты, кое-гдѣ были водворены на земской службѣ угодныя начальству лица, и, наконецъ, при выборахъ въ четвертую Думу была какъ будто одержана администраціей значительная побѣда: прогрессивные кандитаты: А. А. Савельевъ, представлявшій Нижегородскую губернію во всѣхъ трехъ Думахъ, Г. Р. Килевейнъ и другіе были или вычеркнуты изъ избирательныхъ списковъ, или даже отданы съ этой цѣлью подъ судъ, а въ Думу прошли ставленники губернатора, во главѣ съ его чиновникомъ, г. Барачемъ. Въ довершеніе эффекта и самъ г. Хвостовъ прошелъ въ Думу (хотя и по другой губерніи).

Казалось-бы, послѣ такихъ неудачъ не было причинъ повышаться общественному настроенію. Но дальнѣйшее показало, что всѣ успѣхи г. Хвостова были эфемерны, случайны, поверхностны.

Гдѣ-то въ глубинѣ назрѣвало «настроеніе», и вотъ оно даетъ замѣтные плоды. «Уже въ 8-ми уѣздахъ,—пишетъ нижегородскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—земскія собранія закончились. Отличительная черта закрывшихся земскихъ собраній—полное пораженіе бывшихъ «хвостовцевъ». Въ балахнинскомъ и горбатовскомъ земствахъ управы были назначены г. Хвостовымъ или выбраны были по его указанію. Теперь земскія управы выбраны новыя, прогрессивнаго или умѣренно-прогрессивнаго состава. Знаменитый хвостовскій сподвижникъ по Балахнинскому уѣзду, предсѣдатель балахнинской земской управы г. Обтяжновъ даже не баллотировался въ предсѣдатели управы. Въ г. Горбатовѣ предсѣдателемъ земской управы избранъ прогрессистъ В. П. Шаламаевъ, видный мѣстный земскій дѣятель, котораго Хвостовъ въ прошлое трехлѣтіе не утвердилъ въ члены управы. Составъ управы избранъ прогрессивный».

Въ другой губерніи, Тамбовской, подвергшейся не меньшему, а можетъ быть и большему разгромленію, чѣмъ Нижегородская, при воздѣйствіи бывшаго губернатора Муратова, подмѣчаются сходныя явленія, освѣжающія земскую атмосферу. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Усмани, Тамбовской губерніи, сообщаетъ: «Недавно закончившееся земское собраніе отличалось дѣловитостью и щедростью ассигнованій на культурныя мѣропріятія. Характернымъ явился возвратъ къ прежнимъ линіямъ въ земской работѣ. Благодаря присутствію среди гласныхъ члена Государственной Думы А. И. Шингарева было поднято нѣсколько вопросовъ принципіальнаго характера. Это обнаружилось, напримѣръ, въ вопросѣ о пособіи церковно-приходскимъ школамъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ это пособіе ежегодно вносилось въ смѣту. Теперь, несмотря на энергичную защиту пособія представителемъ епархіальнаго вѣдомства, упрекавшимъ А. И. Шингарева въ незнакомствѣ со смѣтами синода и министерства народнаго просвѣщенія и старавшимся убѣдить гласныхъ-крестьянъ въ необходимости пособія, собраніемъ была отклонена выдача пособія по чисто принципіальнымъ соображеніямъ. Единогласно отклонило собраніе и ходатайство духовной консисторіи объ увеличеніи жалованья законоучителямъ, настоящій окладъ которыхъ, по выраженію консисторіи, не соотвѣтствуетъ достоинству этихъ послѣднихъ и является единственной причиной признаваемой и консисторіею неудовлетворительной постановки преподаванія Закона Божія въ школахъ. По народному образованію принято постановленіе о постройкѣ въ 1915-мъ году 13 школьныхъ зданій. Всеобщее обученіе въ уѣздѣ осуществляется по плану. Въ прошломъ году собраніе въ видѣ опыта ассигновало 600 р., по

иниціативѣ гласныхъ-крестьянъ, на изданіе періодическаго земскаго органа: «Вѣстника Усманскаго Земства». За отсутствіемъ средствъ до сего времени было выпущено лишь пять нумеровъ «Вѣстника». Несмотря на это оказалось, что «Вѣстникъ» встрѣтилъ среди крестьянской массы такое сочувствіе и интересъ, что въ этомъ собраніи гласные-крестьяне заявили о крайней желательности дальнѣйшаго развитія земскаго изданія. Между прочимъ, по ихъ заявленіямъ оказалось, что только изъ «Вѣстника» большинство населенія узнало, «что такое земство». Собраніе ассигновало на изданіе «Вѣстника» въ 1915 г. 1,700 руб.».

Весьма значительна фраза корреспондента: «явился возвратъ къ прежнимъ линіямъ въ земской работѣ». Церковныя школы, земскій журналъ и прочіе факты—все это детали, характерныя, но будничныя, сѣрыя мелочи, неспособныя, сами по себѣ, вызвать ни капли энтузіазма. Но вотъ этотъ «возвратъ къ прежнимъ линіямъ», т. е. возрожденіе стараго общаго земскаго направленія, это позволяетъ думать, что возвращается къ полупарализованнымъ земскимъ формамъ былой духъ, живой, бодрый, энергичный.

Интересны и убѣдительны въ этомъ-же смыслѣ впечатлѣнія земскаго гласнаго Полтавской губерніи, который описалъ ихъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ пишетъ: «Въ истекшую сессію очередныхъ земскихъ собраній мнѣ пришлось въ качествѣ гласнаго близко столкнуться съ работой уѣздныхъ земствъ Полтавской губерніи, и мои впечатлѣнія вполнѣ подтвердили идущія съ мѣстъ сообщенія о томъ, что за послѣднее время земство сдвинулось съ той мертвой точки, на которой оно застыло въ годы реакціи. Прежнихъ «ликвидаторскихъ» тенденцій на послѣднихъ земскихъ собраніяхъ уже не было замѣтно. Всюду чувствовалось оживленіе и сознаніе необходимости идти навстрѣчу растущимъ культурнымъ потребностямъ населенія. Если еще недавно въ земство былъ закрытъ доступъ прогрессивнымъ элементамъ, то теперь среди гласныхъ мы снова встрѣчаемъ ярко выраженныхъ прогрессистовъ. Политическая рознь, столь характерная для настроенія земствъ въ послѣдніе годы, уступаетъ теперь мѣсто все растущему стремленію къ совмѣстной работѣ на общественномъ поприщѣ. Это стремленіе къ независимой отъ всякаго воздѣйствія «начальства» культурной работѣ чрезвычайно рѣзко проявилось въ истекшую сессію какъ въ выступленіяхъ отдѣльныхъ гласныхъ, такъ и въ постановленіяхъ земскихъ собраній. Многія земства, гдѣ еще такъ недавно всякій новый расходъ встрѣчалъ протесты, теперь безпрепятственно дѣлали огромныя ассигнованія на развитіе р ономіи, школьнаго дѣла и на поддержку кооперативовъ. Земскимъ собраніямъ пришлось, между

прочимъ, столкнуться съ вопросомъ объ отношеніи земства къ кооперативному движенію, развитіе котораго приняло въ Полтавской губерніи чрезвычайно широкій характеръ. И всюду земскія собранія признали необходимымъ поддержать кооперативное движеніе, оказать ему матеріальную и моральную помощь. Даже такое отсталое земство, какъ зеньковское, рѣшаетъ теперь организовать планомѣрное субсидированіе кооперативовъ изъ средствъ земской кассы мелкаго кредита. Въ земскихъ кругахъ Гадячскаго уѣзда возникаетъ даже мысль создать первый въ Россіи кооперативный свеклосахарный заводъ, объединивъ съ этой цѣлью мѣстные кооперативы въ одинъ уѣздный союзъ. Всюду принимаются мѣропріятія, способствующія поднятію сельскохозяйственной культуры,—создаются прокатные пункты, элеваторы и сельскохозяйственные курсы для крестьянъ. Денегъ не жалѣютъ, и повышеніе земельнаго обложенія, связанное съ расходами на удовлетвореніе культурныхъ потребностей населенія, не пугаетъ уже, какъ раньше, земцевъ. Любопытно, что въ этомъ подъемѣ земской дѣятельности далеко не послѣднюю роль играютъ тѣ элементы, которые послѣ событій 1905—1906 гг. такъ энергично боролись со всякимъ стремленіемъ возродить дѣятельность земствъ. Многіе предсѣдатели и члены управъ, избранные въ свое время для ликвидаціи прежняго де-революціоннаго земства, оказались теперь вынужденными пойти навстрѣчу требованіямъ жизни и проводить реформы, о которыхъ прежнее земство и не мечтало. На ряду съ ростомъ самодѣятельности въ полтавскомъ земствѣ, замѣчается и упадокъ прежняго націоналистическаго настроенія. Многія земскія собранія вовсе отклоняютъ ассигнованія на церковно-приходскія школы и организацію «потѣшныхъ»; въ другихъ они проходятъ незначительнымъ числомъ голосовъ. Стремленіе къ развитію земской дѣятельности повсемѣстно сопровождается ростомъ оппозиціоннаго настроенія. Политика послѣднихъ лѣтъ, съ ея безконечнымъ топтаніемъ на мѣстѣ въ вопросѣ о земской реформѣ и подавленіемъ всякаго проявленія самодѣятельности провинціальнаго общества, отшатнула отъ себя даже «благонамѣренные» слои населенія. Это, конечно, не могло не отразиться на настроеніи земскихъ собраній. Такимъ образомъ, та тишина и успокоеніе, которыя были такъ характерны въ послѣдніе годы для полтавскаго земства, прошли безвозвратно, и мы стоимъ теперь передъ новымъ подъемомъ земской дѣятельности».

Интересно, что и новое земство, введенное недавно въ нѣсколькихъ губерніяхъ и встрѣченное справедливыми сомнѣніями, какъ будто заражается оживленіемъ земскихъ традицій и какъ бы начинаетъ соревновать съ дѣятельностью старыхъ земствъ. Корреспондентъ

изъ Ставрополя-губернскаго, напримѣръ, пишетъ: «Наше молодое земство работаетъ очень усердно. Почти во всѣхъ уѣздахъ происходятъ совѣщанія земскихъ управъ съ третьимъ элементомъ—врачами, агрономами, инженерами. Благодаринская уѣздная управа на совѣщаніи съ врачами выработала медицинскую сѣть, причемъ оказалось, что число врачей должно быть по меньшей мѣрѣ увеличено втрое, чтобы достигнуть общеземской нормы центральныхъ губерній. Врачи предложили управѣ организовать врачебно-санитарный совѣтъ, въ которомъ приняли бы участіе и представители низшаго медицинскаго персонала. Ставропольская управа выработала доклады о школьной сѣти уѣзда. Сейчасъ въ уѣздѣ всего 64 начальныхъ школы; предполагается въ теченіе 8-ми лѣтъ открыть 144 новыхъ школы, съ 252 комплектами при нихъ. Расходъ земства выразится въ суммѣ 84,540 руб., при пособіи отъ министерства въ 140.310 руб. Новыхъ школьныхъ зданій предполагается воздвигнуть 154, которыя обойдутся въ 2,041,785 руб.; изъ нихъ расходъ земства выразится въ 408,357 руб., отъ министерства народнаго просвѣщенія пособіе—526,000 руб. и ссудъ—1,107,428 руб. Въ ближайшую смѣту 1914 года вносится на школьное строительство 281,745 руб., изъ нихъ земскихъ—56,349 руб., пособія отъ министерства—72,000 руб. и ссуда—153,396 руб. Докладъ предлагаетъ предложить губернскому земству устроить конкурсъ на лучшіе учебники и учебныя пособія, а также устроить школьную анкету. Агрономическія мѣропріятія выразятся въ учрежденіи 6-ти агрономическихъ участковъ и приглашеніи уѣзднаго агронома, устройствѣ прокатныхъ станцій, земскаго склада сельскохозяйственныхъ орудій, въ организаціи показательныхъ полей, приглашеніи земскаго инструктора-садовода. Предполагается устроить земскія кассы мелкаго кредита и намѣчаются широкія мѣры по содѣйствію кооперації. Предполагается также приступить къ статистическому обслѣдованію уѣзда».

Отъ всѣхъ этихъ предположеній и цифръ вѣетъ явной жизненной бодростью. Начинаетъ, дѣйствительно, казаться, что земскій корабль потихоньку снимается съ той унылой отмели, на которую прибилъ его реакціонный шквалъ.

Но увлекаться и преувеличивать не слѣдуетъ. Какъ бы ни оживлялась земская дѣятельность, остаются въ земскомъ дѣлѣ такіе изъяны, которые требуютъ радикальнаго государственнаго лѣченія. Нѣтъ, во первыхъ, людей, вслѣдствіе нынѣшней укороченной и сдавленной системы выборовъ земскихъ гласныхъ: во-вторыхъ, чрезмѣрно съужена административными путами земская инициатива. Оттого въ передовыхъ старыхъ земствахъ съ первыми же признаками повышающагося настроенія поднимаются рѣчи о земской реформѣ.

Ярославскій «Голосъ» въ обстоятельной корреспонденціи сообщаетъ о постановкѣ этого серьезнаго вопроса въ костромскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи.: «На земскомъ собраніи былъ заслушанъ слѣдующій докладъ гласнаго А. П. Преображенскаго: «Многими земствами въ разное время, въ томъ числѣ и костромскимъ губернскимъ земствомъ, неоднократно указывались желательныя измѣненія въ земскомъ положеніи, да и само правительство не разъ обращалось къ земствамъ съ запросами относительно измѣненія отдѣльныхъ статей земскаго положенія, но измѣненій въ положеніи къ лучшему все-таки до сего времени не послѣдовало. Со времени ходатайствъ прошло уже нѣсколько лѣтъ; съ теченіемъ времени несомнѣнно жизнь и практика подскажутъ г.г. гласнымъ высказать еще новыя пожеланія. Съ своей стороны считаю долгомъ сказать, что земское положеніе 1890 г., какъ извѣстно, проникнуто недовѣріемъ правительства къ общественнымъ учрежденіямъ. Поэтому слѣдовало бы указать: 1) на необходимость отмѣны тѣхъ узаконеній, которыя являются плодомъ недовѣрія къ земству и служатъ тормазомъ для правильнаго развитія земской дѣятельности. Недовѣріе это, какъ извѣстно, выразилось въ излишней административной опекѣ, въ изъятіи изъ вѣдѣнія земства нѣкоторыхъ отраслей хозяйства, какъ, напримѣръ, продовольственнаго дѣла; 2) на необходимость общей земской реформы на началахъ всесословности; 3) на расширеніе правъ земства, которое бы отвѣчало условіямъ настоящей жизни; 4) на увеличеніе числа гласныхъ; 5) учрежденіе болѣе равномѣрнаго представительства въ земскомъ собраніи отъ владѣльцевъ разныхъ родовъ имущества и приведеніе ихъ въ большее соотвѣтствіе съ оплачиваемыми въ пользу земства сборами; 6) о пересмотрѣ нормъ имущественнаго ценза, опредѣляющихъ право участія въ избирательныхъ собраніяхъ и съѣздахъ; желательно, чтобы въ земскомъ собраніи отъ крестьянскихъ обществъ, каждая волость имѣла по крайней мѣрѣ одного своего представителя-крестьянина; 7) земельный цензъ, а равно и неземельный, дающій право участвовать въ выборахъ гласныхъ и быть избираемыми гласными, значительно понизить. По моему мнѣнію, земельный цензъ назначить не болѣе 50 десятинъ, а неземельный до 1000 рублей. Для лицъ же съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, проживающихъ въ уѣздѣ не менѣе двухъ лѣтъ, предоставить право участія въ выборахъ по достиженіи 25 лѣтъ безъ имущественнаго ценза; 8) предоставить избирательныя права и быть избираемыми въ гласные на одинаковыхъ условіяхъ съ мужчинами—женщинамъ съ среднимъ и высшимъ образованіемъ. Въ настоящее время женщины, получившіе среднее и высшее образованіе, допущены правительствомъ до

занятій по разнымъ должностямъ съ большою отвѣтственностью; онѣ состоятъ врачами, техниками, агрономами и юристами и съ честью несутъ эти обязанности. Смѣло можно надѣяться, что женщины, допущенныя и на выборныя должности, будутъ также дѣятельны, какъ и на занимаемыхъ ими разныхъ должностяхъ». Выслушавъ это заявленіе, уѣздное земское собраніе постановило: «возбудить ходатайство предъ правительствомъ о необходимости скорѣйшаго измѣненія положенія о земскихъ учрежденіяхъ на началахъ: 1) ограниченія административнаго надзора лишь наблюденіемъ за законностью дѣйствій органовъ земскаго управленія, при чемъ разрѣшеніе вопросовъ этого рода должно принадлежатъ власти правительствующаго сената. 2) измѣненія земскаго избирательнаго закона на основахъ всесословности, пониженія имущественнаго ценза, увеличенія числа гласныхъ и болѣе равномѣрнаго представительства отъ разнаго рода имуществъ и 3) расширенія компетенціи, дѣйствительно обнимающей всю сферу мѣстныхъ пользъ и нуждъ въ широкомъ смыслѣ этого слова».

Костромское земство не осталось одинокимъ. Нѣкоторыя уѣздныя земства также поспѣшили выдвинуть вопросъ о земской реформѣ. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ изъ Коврова (Владимірской губерніи): «Въ очередномъ земскомъ собраніи гласнымъ Д. М. Шорыгинымъ сдѣлано заявленіе о необходимости земству высказаться по вопросу о земской реформѣ. Гласный Шорыгинъ указалъ, что въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается законопроектъ о земской реформѣ, и было бы ненормально, если бы земства не высказались по вопросу о реформѣ. Земская реформа давно назрѣла. Преобразованіе является вопіющей необходимостью. Далѣе гласный указалъ тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу реформы: это—уничтоженіе сословности въ избирательной системѣ, пониженіе имущественнаго ценза, уничтоженіе административной опеки, стѣсняющей дѣятельность земства, увеличеніе финансовыхъ рессурсовъ, введеніе мелкой земской единицы, уничтоженіе предѣльности обложенія. Гласный Н. И. Дербеневъ (представитель группы фабрикантовъ и заводчиковъ) возражалъ противъ нѣкоторыхъ положеній, выдвинутыхъ гласнымъ Шорыгинымъ. Пренія были отложены. Собраніе избрало особую комиссію для составленія доклада по вопросамъ земской реформы, для разсмотрѣнія котораго будетъ созвано экстренное земское собраніе».

Конечно, и всѣмъ другимъ земствамъ слѣдовало-бы пойти по тому-же пути: дружно поставить на очередь земскую реформу. Въ сущности даже правые земскіе элементы, возобладавшіе въ по-

слѣдніе годы на земскихъ выборахъ, не разъ принуждены были признавать, что земства искусственно оскудѣли людьми и дѣлами.

Разумѣется, скептики могутъ сказать: «Все сначала и сначала! Сколько уже разъ ставился и рѣшался вопросъ о земской реформѣ, сколько разъ возбуждались ходатайства, сколько разъ дѣлались въ земствахъ такія-же постановленія, сколько разъ засѣдали всяческія земскія и междувѣдомственныя комиссіи! Сказка про бѣлаго бычка!».

Все это правда. Но не напрасно повышающееся общественное настроеніе сказывается, между прочимъ, въ стремленіи пробовать все сначала и сначала. Безнадежно отмахиваться рукой, говорить: «пробовали, толку все равно не будетъ», и бездѣйствовать—свойственно при подавленномъ состояніи. Жизнь—подлинная, вѣчно творящая жизнь,—не стѣсняется и не боится повторять безъ конца необходимые опыты, и, въ концѣ концовъ, обычно достигаетъ успѣха.

Хорошій признакъ для нынѣшняго «настроенія», что снова и снова общественные дѣятели пробуютъ занять тѣ первыя ступеньки прогресса, съ которыхъ приходилось неоднократно въ безсиліи отступать.

Любопытна также та тревога, которая подмѣчается теперь въ правыхъ кругахъ и реакціонныхъ органахъ печати. Тамъ уже съ испугомъ и злобой кричатъ о «новой революціи».

Конечно, бываетъ, что первыя дуновенія вѣтра переходятъ впослѣдствіи въ грозный ураганъ. Но сейчасъ, говоря о «настроеніи» и радуясь ему, чувствуютъ именно первыя вѣянія пробужденія общественнаго духа, первыя вѣянія, освѣжающія застоявшуюся атмосферу. И не будетъ основанія «настроенію» переходить въ грозу и бурю, если оно не встрѣтитъ противодѣйствія, не встрѣтитъ отказа въ естественнѣйшихъ, житейскихъ требованіяхъ, направленныхъ къ водворенію государственнаго и общественнаго правопорядка.

И. Жилкинъ.

Предметные уроки.

Въ лѣтопись русской жизни вносятся одинъ за другимъ, въ послѣднее время, совершенно своеобразные, неслыханные прежде эпизоды. Сколько ихъ было въ одномъ дѣлѣ Бейлиса, начиная съ различныхъ перипетій предварительнаго слѣдствія и до отмѣны, въ угоду гражданскимъ истцамъ, только что состоявшагося судебнаго постановленія—это слишкомъ еще всѣмъ памятно. Не успѣли отзвучать

впечатлѣнія небывалаго процесса, какъ пронеслась вѣсть о предстоящемъ назначеніи одного изъ членовъ Госуд. Совѣта московскимъ городскимъ головою. Но всего дальше въ области неожиданностей пошла комиссія Госуд. Совѣта, разсматривавшая законопроектъ о волостномъ земствѣ. Что правые ея члены вели дѣло къ отклоненію проекта, ненавистнаго «объединенному дворянству» и опостылѣвшаго, повидимому, самому внесшему его кабинету—это еще болѣе или менѣе понятно; но выходящимъ за всѣ предѣлы является предложеніе поставить дальнѣйшій ходъ дѣла въ зависимость отъ доброй воли министра—и, тѣмъ болѣе, принятіе этого предложенія. Комиссія, большинствомъ 16 голосовъ противъ 11, рѣшила спросить министра внутреннихъ дѣлъ, не мѣшаетъ ли обсужденіе ею проекта о волостномъ земствѣ разработкѣ министерствомъ общеземской реформы, и до полученія отвѣта остановить занятія комиссіи (продолжавшіяся около $2^1/_2$ лѣтъ). Здѣсь все одинаково удивительно: и упорное нежеланіе приступить къ рѣшенію вопроса, поставленнаго на ближайшую очередь девять лѣтъ тому назадъ, Высочайшимъ указомъ 12-го декабря 1904 года, и готовность повиноваться мановенію властной руки, и неумѣнье найти сколько-нибудь благовидную форму для своихъ стремленій. Не ясно ли, въ самомъ дѣлѣ, что законъ о волостномъ земствѣ, еслибы онъ прошелъ, наконецъ, черезъ всѣ законодательныя инстанціи, могъ бы только облегчить, а отнюдь не затруднить составленіе новаго земскаго положенія? Не ясно ли, что, имѣя передъ собою завершенное устройство мелкой земской единицы, министерство внутреннихъ дѣлъ могло бы принять его за исходную точку своей работы, согласовавъ съ нимъ слѣдующія ступени земскаго самоуправленія? Не ясно ли, наконецъ, что для министерства внутреннихъ дѣлъ удобнѣе было бы даже прямое отклоненіе законопроекта о волостномъ земствѣ, чѣмъ тотъ «замедляющій отводъ» (exception dilatoire), который принятъ большинствомъ комиссіи? Отъ министерства зависѣло бы тогда пополнить приготовляемый имъ проектъ общеземской реформы тѣми или другими постановленіями о волостномъ земствѣ—постановленіями, проведеніе которыхъ для него обязательно, пока не отмѣненъ указъ 12-го декабря. Что мѣшало, притомъ, министерству самому, по собственному почину, сообщить комиссіи о затрудненіяхъ, возникающихъ для него изъ ея работы? Если представители его, присутствуя въ засѣданіяхъ комиссіи, ничего ей по этому предмету не заявляли, то какимъ же образомъ могла возникнуть мысль о существованіи такихъ затрудненій? Какъ ни «уклончиво» отвѣчалъ товарищъ министра на вопросъ одного изъ членовъ меньшинства комиссіи, онъ, однако, вынужденъ былъ при-

знать, что у него нѣтъ прямыхъ указаній на «тормозящій» характеръ работъ комиссіи. Что же означаетъ, затѣмъ, рѣшеніе большинства комиссіи, съ такимъ самоотреченіемъ идущаго на встрѣчу директивамъ министра? Быть можетъ, комиссія желала сложить съ себя отвѣтственность за гибель реформы, нетерпѣливо ожидаемой не только широкими общественными кругами, но и народной массой, сознающей или чувствующей всю несправедливость, всю тягость дѣйствующаго порядка? Это желаніе ни въ какомъ случаѣ исполнено не будетъ; возможно только *раздѣленіе* отвѣтственности, отнюдь не уменьшающее ея для каждой стороны. А что, если министръ поспѣшитъ отвѣтить комиссіи, что ея работа вовсе ему не мѣшаетъ? Въ какомъ положеніи очутится тогда ея большинство?.. Мы думаемъ, впрочемъ, что эпизодъ еще не законченъ; такъ или иначе предстоитъ еще высказаться общему собранію Госуд. Совѣта. Комиссіи выбираются законодательнымъ собраніемъ не для того, чтобы вести дипломатическіе переговоры съ министрами и ожидать ихъ bon plaisir для окончанія своихъ занятій. Прервать свою работу или отложить продолженіе ея на неопредѣленное время комиссія можетъ только съ согласія своихъ избирателей. И если постановленіе комиссіи не будетъ представлено ею самою на утвержденіе общаго собранія, то найдутся, конечно, другіе способы вызвать его вмѣшательство. Трудно допустить, чтобы Госуд. Совѣтъ, in corpore, вступилъ на путь, избранный его комиссіей; правому крылу и его союзникамъ едва ли удастся уклоненіе отъ рѣшительнаго слова. Мы говоримъ о «союзникахъ» праваго крыла, потому что въ комиссіи большинство составилось не изъ однихъ правыхъ; къ нимъ присоединились, повидимому, не только «нейдгардтцы», но и нѣкоторые члены центра, въ томъ числѣ предсѣдатель комиссіи, А. С. Ермоловъ. Пускай же противники волостного земства выступятъ открыто и прямо: не въ первый разъ—и не въ послѣдній, пока остается неизмѣннымъ ея составъ—обнаружится, такимъ образомъ, значеніе и роль верхней палаты въ нашемъ обновленномъ строѣ. Пускай воспослѣдуетъ также постоянно откладываемое рѣшеніе Госуд. Совѣта относительно городской реформы въ царствѣ Польскомъ; пускай станетъ ясно, до чего можетъ дойти противодѣйствіе самымъ умѣреннымъ, самымъ неотложнымъ преобразованіямъ. У насъ теперь очень много говорятъ о *государственности*, избѣгая точнаго ея опредѣленія; пускай оно сложится само собою изъ предметныхъ уроковъ, преподаваемыхъ властными лицами и учрежденіями.

Къ числу такихъ уроковъ, умножающихся съ каждымъ днемъ, принадлежитъ образъ дѣйствій министра внутреннихъ дѣлъ по

отношенію къ выборамъ московскаго городского головы. Въ самомъ дѣлѣ, что лежитъ въ основаніи троекратнаго отказа представить къ утвержденію избранныхъ городскою думою кандидатовъ? Безъ сомнѣнія—своеобразное пониманіе государственности. Это оно требуетъ, чтобы во главѣ города стояла persona grata—лицо, пріятное власти, солидарное съ нею или по крайней мѣрѣ не чуждое ея стремленіямъ. Это оно отодвигаетъ на задній планъ интересы населенія, служить которому должно городское общественное управленіе, и ставитъ политическую «благонамѣренность» гораздо выше дѣловой способности и подготовленности. Правда, въ числѣ мотивовъ отказа приводятся иногда соображенія, заимствуемыя изъ этой послѣдней сферы; но не трудно убѣдиться, что не отъ нихъ зависитъ склоненіе вѣсовъ на ту или другую сторону. Когда была поставлена кандидатура кн. Г. Е. Львова, противъ него оффиціозно выдвигалось незнакомство его съ городскими дѣлами вообще и московскими въ частности—но для кандидатуры г. Штюрмера препятствія въ такомъ знакомствѣ усмотрѣно не было. Говорилось, что онъ могъ изучить вопросы мѣстнаго самоуправленія, будучи предсѣдателемъ губ. земской управы и губернаторомъ; но вѣдь предсѣдателемъ губ. управы былъ и кн. Львовъ—гораздо дольше, чѣмъ г. Штюрмеръ,—и въ этомъ качествѣ работалъ въ губернскомъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіи, какъ естественный защитникъ городскихъ интересовъ (обычнымъ противникомъ которыхъ является губернаторъ). Слагалась со счетовъ вся громадная, плодотворная дѣятельность кн. Львова, какъ предсѣдателя общеземской организаціи—дѣятельность, сопряженная съ преодолѣніемъ такихъ трудностей и преградъ, въ сравненіи съ которыми незначительными могутъ показаться даже подводные камни и мели муниципальнаго плаванія. Выше этой дѣятельности цѣнилось, по видимому, многолѣтнее бездѣйствіе на правыхъ скамьяхъ Государственнаго Совѣта. Ни во что не ставилось единеніе между избирателями и избираемыми, столь важное для успѣшнаго хода общественнаго дѣла; до крайности, по видимому, переоцѣнивался престижъ виднаго служебнаго положенія—престижъ, никогда не стоявшій у насъ особенно высоко, а теперь окончательно подорванный новыми условіями. И московское дѣло—только самое крупное изъ тѣхъ многихъ, въ которыхъ отражается модный принципъ, примѣняемый къ мѣстной жизни. Никогда, кажется, не было еще такъ велико число неутвержденныхъ земскихъ и городскихъ должностныхъ лицъ—неутвержденныхъ исключительно потому, что они принадлежали къ «нелегализованной» партіи, или были заподозрѣны въ такой принадлежности, или просто стояли вдали отъ «пріятныхъ и полезныхъ», съ извѣ-

стной точки зрѣнія, организацій. Воскресли съ удвоенной силой преданія временъ И. Н. Дурново или В. К. Плеве, когда къ занятію должности предсѣдателя земской управы не допускались Ѳ. И. Родичевъ или Д. Н. Шиповъ. А между тѣмъ тогда эти преданія все же имѣли бо́льшую raison d'être, чѣмъ теперь. Тогда земскія собранія и городскія думы были единственными возможными мѣстами, гдѣ могло проявиться нѣчто похожее на оппозицію, ничѣмъ никому не грозившую, но все же нарушавшую общее, обязательное затишье; теперь оппозиція хотя и далеко не безпрепятственно, но все же внушительно и громко возвышаетъ свой голосъ въ Государственной Думѣ. Тогда открыто выраженное несогласіе не только съ требованіями, но и со взглядами правительства считалось недопустимымъ, особенно со стороны носителей какихъ бы то ни было общественныхъ функцій; теперь съ нимъ во всякомъ случаѣ приходится считаться, и подавить его нельзя самымъ широкимъ примѣненіемъ дискреціонной власти. Предупредить уклоненіе земскихъ и городскихъ учрежденій въ область политики можно только однимъ путемъ: устраненіемъ въ этой области всего того, что мѣшаетъ правдивому и полному освѣщенію народныхъ нуждъ, свободному выраженію народныхъ желаній. Но отъ этого пути далеки наши правительственныя сферы: имъ понятнѣе и ближе старые, привычные пріемы, какъ понятно и близко старое представленіе о государственности. Государственность, въ современной оффиціальной Россіи—это тоже, что raison d'état, которую исповѣдывалъ старый режимъ во Франціи. La raison d'état—сказалъ наиболѣе крупный ея теоретикъ и практикъ, кардиналъ Ришелье,—doit passer avant la nature, la justice et l'humanité. Голосъ природы заставляетъ дорожить роднымъ языкомъ, защищать его права въ школѣ, въ мѣстномъ самоуправленіи, въ общественныхъ организаціяхъ; эти права оспариваются во имя raison d'état, не допускающей никакихъ ограниченій господства государственнаго языка. Голосъ справедливости говоритъ за равноправность національностей, вѣроисповѣданій, сословій, за вниманіе къ голосу населенія; изъ raison d'état выводится рядъ ничѣмъ не оправдываемыхъ, въ сущности безрезультатныхъ стѣсненій, выводится ученіе объ «ограниченномъ умѣ подданныхъ», служащее основой для игнорированія ихъ воли. Голосъ человѣчности взываетъ къ уваженію личности, къ охранѣ ея достоинства, къ искорененію всего жестокаго и гнетущаго въ законодательствѣ и управленіи; raison d'état считаетъ все это сантиментальнымъ прекраснодушіемъ, несовмѣстнымъ съ истинною мудростью... Въ своемъ новомъ видѣ доктрина государственности стоитъ отнюдь не выше, чѣмъ въ ста-

ромъ. Въ лучшемъ случаѣ «государственность» (государственность въ кавычкахъ)—пустая форма безъ опредѣленнаго содержанія, въ худшемъ—оправданіе стремленій, одинаково вредныхъ для народа и для государства.

Стоять за государственность—т. е. за тотъ комплексъ понятій и представленій, который принято теперь означать этимъ словомъ—значитъ поднимать ея носителей высоко надъ уровнемъ обыкновенныхъ смертныхъ. Для послѣднихъ могутъ быть полезны совѣты, указанія, предостереженія; для власти они излишни и могутъ служить только помѣхой. Съ большою опредѣленностью эта точка зрѣнія была высказана на дняхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ думской комиссіи о печати. «Правительство, въ своей предварительной дѣятельности»—сказалъ Н. А. Маклаковъ,—«не нуждается въ контролѣ публики и печати. Дѣятельность правительства, поскольку она выливается въ извѣстныя рѣшенія, опубликовывается и служитъ предметомъ свободной оцѣнки со стороны печати, общественнаго мнѣнія и Думы. Опубликованіе же свѣдѣній о предварительной стадіи правительственныхъ работъ вызвало бы лишь разладъ внутри правительственнаго механизма, а превратное изображеніе этой дѣятельности породило бы неосновательные слухи. Всѣ засѣданія правительственныхъ мѣстъ и учрежденій, кромѣ суда, не публичны и выносить на судъ общественный ихъ работу нѣтъ никакой надобности. Такой порядокъ, при которомъ меньшинство можетъ злоупотреблять, оказывая путемъ опубликованія свѣдѣній въ печати давленіе на большинство, могъ бы расшатать самыя основы государственнаго строительства и противорѣчилъ бы основамъ государственной службы. Пошли бы кривотолки, сплетни, съ которыми правительство не смогло бы бороться путемъ опроверженій... Правительство хочетъ оградить и себя, и законодательныя учрежденія отъ сужденій и мнѣній неосвѣдомленной публики. Спокойная работа правительственныхъ учрежденій не должна зависѣть отъ всплесковъ бушующаго моря общественнаго мнѣнія... Нельзя всѣ засѣданія правительственныхъ учрежденій дѣлать публичными—вѣдь тогда будутъ опрокинуты всѣ устои, на которыхъ покоится государственная работа».

Итакъ, обсуждать позволительно только состоявшіяся правительственныя мѣры. Другими словами, критика допускается (и допускается, конечно, лишь со множествомъ оговорокъ) только тогда, когда она, сплошь и рядомъ, должна оказаться запоздалой. Одно дѣло—остановиться съ принятіемъ мѣры возбуждающей серьезныя возраженія; совершенно другое—отмѣнить мѣру уже осуществленную или оглашенную во всеобщее свѣдѣніе. Сознаніе ошибки, од-

нажды сдѣланной, никому не дается легко—и особенно труднымъ оно является для тѣхъ, кто расположенъ вѣрить въ собственную непогрѣшимость. Какъ часто критика, даже самая авторитетная и по своему существу, и по источнику, изъ котораго она исходитъ, остается фактически безплодной—объ этомъ можно судить по судьбѣ запросовъ, принимаемыхъ Государственной Думой: многіе ли изъ нихъ привели къ устраненію тѣхъ золъ, противъ которыхъ они были направлены?.. Закрыть дорогу *своевременнымъ* указаніямъ, горделиво отвергнуть всякій «контроль» именно тогда, когда онъ можетъ быть особенно полезенъ—значитъ забыть историческій опытъ, сравнительно недавній. Непроницаемой была тайна, окружавшая администрацію въ до-реформенной Россіи, невозмутимо было спокойствіе, которымъ пользовалось, подъ ея покровомъ, чиновничество всѣхъ ранговъ и всѣхъ вѣдомствъ—но какою цѣною оплачивало его населеніе? И развѣ не отмѣна тайны въ судебной сферѣ подняла судъ на ту высоту, которой онъ достигъ въ первые годы послѣ судебной реформы? Министръ внутреннихъ дѣлъ говоритъ о «кривотолкахъ» и «сплетняхъ»; но развѣ лучшей для нихъ почвой не служитъ именно безгласность? И развѣ наиболѣе трудной не является именно борьба съ молвою, анонимною и неуловимою? Да, съ сплетнями и кривотолками нельзя справиться путемъ опроверженій; но вѣдь господство гласности ведетъ не къ закулиснымъ шушуканьямъ, не къ намекамъ, «неизвѣстно отъ кого исходящимъ», а къ опредѣленнымъ, открытымъ сообщеніямъ, допускающимъ столь же опредѣленное и открытое возраженіе. Передатчикъ слуховъ, предупредить которые безсиленъ самый строгій законъ, легко ускользаетъ отъ отвѣтственности; органъ печати, дающій мѣсто извѣстію изъ оффиціальнаго міра, прямо идетъ ей на встрѣчу... Какимъ образомъ, далѣе, сообщеніе, появившееся въ печати, можетъ *произвести* «разладъ внутри правительственнаго механизма»? *Отразить* разладъ уже существующій оно можетъ, но вѣдь острѣе онъ отъ этого не станетъ. Допустимъ, что меньшинство пыталось бы оказать, путемъ печати, давленіе на большинство; но что же могло бы помѣшать большинству прибѣгнуть къ тому же пріему и въ свою очередь оказать, путемъ печати, давленіе на меньшинство? Во всякомъ случаѣ борьба велась бы, при этомъ, равными орудіями, чего нельзя сказать о средствахъ, которыя могутъ быть пускаемы въ ходъ тайно, за спиною противника... Въ правительственныхъ сферахъ много и часто говорятъ о твердыхъ «основахъ государственнаго строительства», о незыблемыхъ «устояхъ, на которыхъ покоится государственная работа». И что же? Эти основы, эти устои оказываются теперь настолько непрочными, что

ихъ могутъ поколебать «сужденія неосвѣдомленной публики», расшатать «всплески бушующаго моря общественнаго мнѣнія!» Если они такъ слабы, то неужели ихъ можетъ укрѣпить ограниченіе гласности? Если они обладаютъ достаточною твердостью, то чѣмъ можетъ быть оправдана излишняя предосторожность?.. Неудивительно, что въ данномъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ не встрѣтилъ поддержки не только со стороны представителей оппозиціи, но и со стороны октябристовъ и даже націоналистовъ.

Далеко не всѣ постановленія законопроекта, направленныя противъ печати, встрѣтили со стороны думской комиссіи достаточно рѣшительный и единодушный отпоръ. Сколько нибудь удовлетворительная редакція статьи, относящейся къ печатанію стенографическихъ отчетовъ о засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, принята только большинствомъ 14 противъ 12. Рѣшительнымъ шагомъ назадъ новый законъ о печати явится неизбѣжно, если Дума, согласно съ комиссіей, установитъ обязательное сообщеніе органамъ надзора *первыхъ* экземпляровъ журнала или газеты и допуститъ просмотръ ими печатаемаго въ самой типографіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такой порядокъ окажется весьма близкимъ къ предварительной цензурѣ. Пробѣжавъ въ типографіи первый отпечатанный листокъ, агентъ надзора можетъ немедленно наложить арестъ на все изданіе—а что значатъ для газеты часто повторяемые аресты, особенно при недостаточной скорости судопроизводства, это не требуетъ объясненія. Поддержка, въ этомъ отношеніи оказанная проекту представителями союза 17-го октября, сводитъ на нѣтъ всѣ громкія фразы, сказанныя во время послѣдней октябристской конференціи.

Во имя своеобразно понятой «государственности» происходилъ, конечно, и тотъ безпримѣрный административный «нажимъ», которымъ ознаменованы выборы 1912-го года въ Государственную Думу. О немъ до сихъ поръ еще не сказано послѣднее слово; только на дняхъ Дума приступила, наконецъ, къ обсужденію запросовъ по этому предмету, внесенныхъ около года тому назадъ. Въ засѣданіи 22-го ноября успѣли высказаться только представители правительства; но уже въ ихъ рѣчахъ можно найти признанія, бросающія яркій свѣтъ на событія предвыборнаго періода. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ подтвердилъ, что священникамъ, примыкавшимъ къ лѣвымъ организаціямъ, епископъ не давалъ благословенія на участіе въ выборахъ, т. е. устранялъ ихъ отъ пользованія избирательнымъ правомъ; что священникъ-выборщикъ былъ вызванъ къ епископу въ самый часъ производства выборовъ, на которые онъ,

поэтому, и не могъ явиться; что неоповѣщеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродненской губерніи, уполномоченныхъ отъ волостей и мелкихъ землевладѣльцевъ о днѣ выборовъ было дѣйствіемъ неправильнымъ со стороны губернатора; что въ Вологдѣ губернаторъ запретилъ упоминаніе въ выборныхъ плакатахъ о партіи, къ которой принадлежитъ кандидатъ; что въ Ставрополѣ избирательное собраніе не было допущено въ виду существованія въ городѣ эпидеміи. Изъ объясненій товарища министра юстиціи видно, что если губернаторъ требуетъ отъ должностнаго лица, подъ угрозой увольненія отъ должности, отказа отъ званія выборщика, то это, по мнѣнію прокуратуры и министерства юстиціи, не можетъ считаться преступнымъ давленіемъ на свободу избирателя; что ничего преступнаго нѣтъ и въ удержаніи начальствомъ подчиненнаго отъ своевременной явки къ исполненію обязанностей выборщика; что жаловаться на злоупотребленія власти по поводу выборовъ могутъ только тѣ, кто непосредственно отъ нихъ пострадалъ (напримѣръ—выборщикъ, котораго лишили возможности явиться на выборы). Мы думали до сихъ поръ, что выборныя злоупотребленія принадлежатъ къ числу преступленій, преслѣдуемыхъ ex officio; оказывается, что ихъ относятъ къ разряду преступленій, преслѣдуемыхъ только по частной жалобѣ. Но развѣ кругъ этихъ послѣднихъ преступленій не очерченъ съ достаточною ясностью закономъ? Развѣ допустимо произвольное его расширеніе обвинительною властью?.. Что бы ни принесло дальнѣйшее обсужденіе запросовъ, очень мало обоснованной кажется намъ надежда товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ оправдательный вердиктъ Государственной Думы...

К. Арсеньевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Le matérialisme actuel. Par M. M. Bergson, Poincaré, Ch. Gide etc. Bibliothèque de philosophie scientifique. Paris. 1913. E. Flammarion.

Новая книга о «теперешнемъ матеріализмѣ», вышедшая въ извѣстной «красной» библіотекѣ Фламмаріона, представляетъ собой сборникъ изъ лекцій и рефератовъ, устроенныхъ на тему о матеріализмѣ журналомъ «Foi et vie». Бергсонъ прочелъ здѣсь интересный, какъ всегда у него, докладъ о душѣ и тѣлѣ, въ которомъ онъ излагалъ свои излюбленныя идеи и въ которомъ онъ сдѣлалъ

новый шагъ впередъ навстрѣчу спиритуализму (именно въ вопросѣ о загробномъ существованіи, которое онъ считаетъ настолько вѣроятнымъ, что возлагаетъ на противниковъ его бремя доказательства ихъ отрицанія). Пуанкарэ принадлежитъ изящно написанный рефератъ о «Новыхъ теоріяхъ матеріи», въ которомъ онъ доказываетъ, что наука обречена на вѣчныя колебанія отъ атомизма къ «континуизму» (ученію о непрерывности матеріи) и что въ настоящее время мы опять идемъ къ атомизму (свидѣтельства этого: работы Перрена по брауновскому движенію, ученіе о распадѣ радія, теорія квантъ Планка, и т. д.). Статьи Бергсона и Пуанкарэ наиболѣе цѣнныя во всемъ сборникѣ. Большинство другихъ или безсодержательно (какъ, напримѣръ, статья Ж. Фриделя о «Матеріализмѣ и теперешнихъ данныхъ наукъ о жизни») или просто пошло (какъ статья Ш. Жида о «Матеріализмѣ и политической экономіи»). Впрочемъ, слѣдуетъ еще отмѣтить интересную и живо написанную статью Г. Ріу «Отъ натурализма къ идеализму въ литературѣ», въ которой намѣчены нѣкоторые главные этапы литературной эволюціи Франціи за послѣднія 30 лѣтъ. Франція, указываетъ Ріу, возрождается теперь къ вѣрѣ. «Страна Св. Людовика и Кальвина, Паскаля и Ламеннэ, лежавшая долгое время подъ паромъ, снова раскрывается на всемъ своемъ протяженіи подъ плугомъ Божіимъ» (с. 152). Молодая Франція, какъ говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, находится въ поискахъ истиннаго Бога (с. 188).

Книга о «Теперешнемъ матеріализмѣ» характерна именно, какъ показатель «богоискательства» французской интеллигенціи, показатель того антиматеріалистическаго и анти-интеллектуалистическаго настроенія ея, которое констатируютъ почти всѣ наблюдатели французской жизни и которое такъ наглядно обнаруживается въ исключительной популярности бергсоніанства.

Не совсѣмъ неправъ поэтому П. Думергъ, главный редакторъ Foi et vie, пишущій въ предисловіи къ книгѣ, что «Франція въ настоящее время, можетъ быть, первая страна въ мірѣ, въ которой проблема духовной жизни особенно занимаетъ всѣ сознанія. Люди ищутъ—и поиски ихъ становятся все тревожнѣе, все болѣе пылкими—идей, вѣрованій, позволяющихъ человѣческой личности развить всѣ возможности, которые содержатся въ ней и которыя матеріализмъ, «механизмъ», уничтожалъ (с. 5).

Духовная жизнь французскаго общества развивается теперь въ видѣ ряда противорѣчій: страна раціонализма и логики по преимуществу увлекается теперь интуитивной метафизикой Бергсона; съ одной стороны антиклерикальная политика правительства, отдѣленіе церкви отъ государства, съ другой—культъ Орлеанской Дѣвы;

съ одной стороны торжественное оффиціальное празднованіе двухсотлѣтія дня рожденія Дидро, съ другой—расцвѣтъ «богоискательства»; и т. д. и т. д. Книга о «Теперешнемъ матеріализмѣ» и есть одинъ изъ многочисленныхъ симптомовъ того крупнаго метафизико-религіознаго броженія, которое происходитъ въ современной Франціи.

П. Юшкевичъ.

— Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изд. Т-ва „Міръ". Москва, 1913 г. Стр. 223.

Новое изданіе III тома «Силуэтовъ» г. Айхенвальда открывается статьею о Бѣлинскомъ. Это изумительный примѣръ, въ какія дебри искаженія исторической правды можно забрести безобиднымъ примѣненіемъ въ корнѣ ложнаго метода изученія. Г. Айхенвальдъ, какъ извѣстно, принципіально является противникомъ изученія писателя въ свѣтѣ данныхъ его біографіи и исторической обстановки дѣятельности. Онъ требуетъ непосредственнаго обращенія только къ слову писателя, разсмотрѣнія его внѣ пространства и времени. Если этотъ импрессіонистическій методъ даетъ нѣчто въ примѣненіи къ писателямъ исключительнаго художественнаго значенія, то въ отношеніи къ людямъ, связаннымъ тѣснѣйшею связью съ эпохою, приводитъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Г. Айхенвальдъ опирается на одни писанія Бѣлинскаго и не желаетъ разбираться въ послѣдовательности его развитія. Наталкиваясь на многочисленные противорѣчія и ошибки, которыя не возможно понять внѣ связи всей жизни Бѣлинскаго и его эпохи, г. Айхенвальдъ обрушился на Бѣлинскаго цѣлымъ потокомъ укоризнъ и обвиненій Это—«литературный силуэтъ» въ кривомъ зеркалѣ, настоящій разносъ, обвинительный актъ, составленный съ пристрастіемъ, съ подборомъ всякаго лыка въ строку. «Бѣлинскій, это—легенда,—съ мѣста въ карьеръ объявляетъ г. Айхенвальдъ.—То представленіе, какое получаешь о немъ изъ чужихъ прославляющихъ устъ, въ значительной степени рушится, когда подходишь къ его книгамъ непосредственно».

Къ сожалѣнію, г. Айхенвальдъ подошелъ къ Бѣлинскому вовсе не непосредственно, а съ предвзятой цѣлью. Предвзятость и въ потокѣ укоровъ, и въ способахъ подкрѣпленія ихъ. «Никто изъ нашихъ писателей не сказалъ такъ много праздныхъ рѣчей, какъ онъ»... «У него шаткій умъ и перебои колеблющагося вкуса». «У него не міросозерцаніе, а міросозерцанія»... «Неровный маятникъ его легкомысленныхъ мыслей (sic!) описывалъ чудовищные круги;

учитель убѣжденій компрометировалъ убѣжденія—тѣмъ, что хронически и безъ явной трагедіи отъ нихъ отступался. Только въ письмахъ къ друзьямъ этотъ Виссаріонъ-Отступникъ иногда сокрушается о своей измѣнчивости въ своихъ «прыжкахъ»... «Человѣкъ безъ духовной собственности», «нищій студентъ», «всегдашняя tabula rasa, онъ никогда не былъ умственно-взрослымъ»... и т. д., и т. д. Каждая страница пестритъ подобными «оцѣнками» и эпитетами.

Для оцѣнки Бѣлинскаго имѣется громадный и вовсе не легендарный матеріалъ его писемъ и достовѣрныя свидѣтельства множества лицъ, его знавшихъ, Тургенева, Кавелина, Герцена, Гончарова, Панаева, Лажечникова, И. Аксакова и др. Къ личности Бѣлинскаго можно подходить съ очень разнообразныхъ сторонъ. Психологическій анализъ ея г. Айхенвальдомъ не сдѣланъ, а есть лишь множество догматически заявленныхъ и слабо подкрѣпленныхъ упрековъ его нравственному характеру.

Въ особенности поразило насъ обвиненіе Бѣлинскаго въ отсутствіи настоящаго «органическаго либерализма, тѣхъ предчувствій и влюбленныхъ чаяній свободы, которые такъ обязательны для высокой души, и особенно для души молодой». Это—требовательно. Но забытъ «Дмитрій Калининъ» Бѣлинскаго-юноши. Не говоримъ о періодѣ «примиренія». Разберемъ только злостный попрекъ Бѣлинскому за то, что онъ, послѣ революціоннаго, если угодно, письма къ Гоголю, въ 1848-мъ году, будто опять въ печати славилъ самодержавіе: «въ отношеніи къ внутреннему развитію Россіи» онъ объявлялъ царствованіе Николая I «самымъ замѣчательнымъ послѣ царствованія Петра Великаго». Подумаешь, дѣйствительно, какая отталкивающая неустойчивость! Но г. Айхенвальдъ умалчиваетъ, чѣмъ эта фраза, находящаяся въ рецензіи на книгу четвертую «Сельскаго Чтенія» (точныхъ ссылокъ у г. Айхенвальда нигдѣ нѣтъ), была вызвана. Статья написана, дѣйствительно, послѣ письма къ Гоголю въ концѣ 1847 или началѣ 1848 года. Но о существѣ статьи г. Айхенвальдъ совершенно умолчалъ. «Старыя основы общественной жизни, которыя уже заржавѣли отъ времени и могли бы только затормазить колеса великой государственной машины и остановить ея движеніе впередъ, мудро отстраняются мало по малу безъ всякаго сотрясенія въ общественномъ организмѣ,—читаемъ мы здѣсь.—Обращено особенное вниманіе на положеніе и бытъ народа и сдѣланы попытки, обѣщающія прекрасные результаты, на его, такъ сказать, воспитаніе. Вотъ истинное продолженіе великаго дѣла Петра. Это именно самое, за что бы теперь взялся самъ Великій Преобразователь Россіи, если бы онъ могъ возстать изъ гроба, и о чемъ не только въ его время, но и долго послѣ нельзя было и ду-

мать. Не говоря о многомъ другомъ, мы, въ доказательство сказаннаго нами, укажемъ только на учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ». Далѣе Бѣлинскій ставитъ значительное многоточіе, очень понятное его современникамъ и которое слѣдовало бы понять и г. Айхенвальду, все-таки историку литературы. Въ это время носился слухъ объ освобожденіи крестьянъ. Министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, считался въ числѣ завѣдомыхъ сторонниковъ освобожденія, и ему именно въ этотъ моментъ со стороны Николая I были оказаны особые знаки вниманія, перетолкованные, какъ одинъ изъ признаковъ крестьянской реформы (см. письмо Бѣлинскаго П. В. Анненкову, написанное въ декабрѣ 1847 года, то есть передъ появленіемъ цитированной статьи). Вся статья написана, повидимому, лишь ради радостнаго намека на предстоящую реформу. Такимъ образомъ, никакого этическаго противорѣчія между письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю, съ требованіемъ въ этомъ письмѣ освобожденія крестьянъ, и данною замѣткою, привѣтствовавшею освобожденіе, въ противность ядовитому подчеркиванію свободолюбиваго г. Айхенвальда, рѣшительно нѣтъ. Чѣмъ распространяться о «внутреннемъ мѣщанствѣ», о «прирожденной ограниченности», объ «отсутствіи нравственнаго изящества и благородства» у Бѣлинскаго, слѣдовало-бы доказать свое право на такой судъ хоть осмотрительностью въ упрекахъ и цитатахъ. Незамѣтно для себя авторъ впалъ въ ту самую бранчивую запальчивость въ спорѣ, за которую отъ него Бѣлинскому особенно достается.

Обращаясь къ Бѣлинскому, какъ къ критику, г. Айхенвальдъ находитъ, что, въ сферѣ философіи и критики, Бѣлинскій съ годами обнаружилъ только паденіе отъ разумныхъ философскихъ взглядовъ къ публицистическимъ. Объ этомъ «паденіи» можно было-бы повести особый разговоръ, и здѣсь г. Айхенвальдъ, вынужденно роняя, что «психологическая самостоятельность у него (Бѣлинскаго) была», не пытается даже опредѣлить, въ чемъ-же она состояла, а расплывается въ упрекахъ «незнанію», «безвкусію», «отсутствію цѣльности». «Онъ писалъ о чемъ угодно, и, кажется, ему было все равно, о какой книгѣ отозваться, хоть бы даже о бумагѣ». Ни слова о тѣхъ мукахъ, которыми сопровождалось для Бѣлинскаго (см. его письма и разсказы о немъ) это многописаніе о вздорныхъ иногда книжонкахъ, вынужденное самой обнаженной нуждою.

Не весьма удачны и приводимыя г. Айхенвальдомъ доказательства «поражающаго непониманія», которое будто-бы проявлялъ Бѣлинскій даже въ оцѣнкѣ Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя и Лер-

монтова, въ особенности ему, по общему мнѣнію, обязанныхъ утвержденіемъ своей славы.

Г. Айхенвальдъ упрекаетъ, относительно Лермонтова, Бѣлинскаго за то, что въ рецензіи на «Одесскій Альманахъ» 1840 года онъ высказалъ надежду, что два стихотворенія Лермонтова («Ангелъ» и «Отворите мнѣ темницу») не войдутъ въ собраніе его стихотвореній, какъ самые первые его опыты. Г. Айхенвальдъ возмущенъ, предлагается выкинуть «то, безъ чего Лермонтовъ не Лермонтовъ!» Согласны: безъ «Ангела» Лермонтовъ не Лермонтовъ, хотя нельзя сказать того же объ «Отворите». Но дѣло то въ томъ, что Бѣлинскій, во-первыхъ, все-таки совершенно точно угадалъ, что стихотворенія очень раннія (1831—1832 г.г.), во-вторыхъ, онъ всегда былъ противникомъ собраній, предназначенныхъ для широкой публики, но обнимающихъ каждую строчку даннаго писателя. Главное же, объ этихъ стихотвореніяхъ Бѣлинскій вовсе не отзывается дурно, наоборотъ: «эти два стихотворенія недурны, даже хороши, но только не превосходны, а безъ этого не могутъ быть и хороши, когда подъ ними подписано имя г. Лермонтова». Весь отзывъ Бѣлинскаго, цитируемый ему на позоръ, такимъ образомъ, есть только выраженіе очень понятной требовательности критика къ исключительному по дарованію поэту-современнику.

Пушкина, по мнѣнію г. Айхенвальда, Бѣлинскій, помимо частныхъ грубо ошибочныхъ сужденій—«вообще не дооцѣнилъ», что составляетъ «тяжкій, незамолимый грѣхъ». Въ дѣйствительности, Бѣлинскій, конечно, необычно высоко поставилъ Пушкина, какъ великаго національнаго поэта, не даромъ же называлъ великимъ подвигомъ его «Евгенія Онѣгина» и т. д. Въ частности Татьяну, которую Бѣлинскій, по мнѣнію Айхенвальда, только унижалъ, критикъ на дѣлѣ причислялъ къ глубокимъ и сильнымъ натурамъ, и, какъ типъ русской женщины, ставилъ ея образъ очень высоко. «Любитель просвѣщенія, Бѣлинскій»—опять своеобразно цитируетъ Бѣлинскаго г. Айхенвальдъ—«грубыми, вульгарными предразсудками» находитъ то, что «Татьяна вѣрила преданьямъ простонародной старины, и снамъ, и карточнымъ гаданьямъ, и предсказаніямъ луны». Такъ отозваться на эти восхитительныя пушкинскія слова—можно-ли себѣ представить со стороны критика болѣе постыдную непонятливость?» У Бѣлинскаго сказано такъ, да не совсѣмъ такъ. «Татьяна возбуждаетъ не смѣхъ, а живое сочувствіе... ея глубоко страстная натура заслонила въ ней собою все, что есть смѣшного и пошлаго въ идеальности (рѣчь объ «идеальныхъ романтическихъ дѣвахъ»). Татьяна осталась естественно простой въ самой искусственности и уродливости формы, которую сообщила ей окружаю-

щая ее дѣйствительность... Это дивное соединеніе грубыхъ, вульгарныхъ предразсудковъ съ страстью къ французскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ глубокому творенію Мартына Задеки возможно только въ русской женщинѣ». Это не «постыдная непонятливость», а восхищенное любованіе дѣвушкою, въ которой получала неожиданную прелесть и дань предразсудкамъ.

Конечно, г. Айхенвальдъ далѣе упрекаетъ Бѣлинскаго за то, что онъ «не понялъ» сказокъ Пушкина, повѣстей Бѣлкина, Капитанской дочки, въ чемъ критикъ повиненъ, развѣ тѣмъ, что все это было заслонено въ его глазахъ болѣе крупнымъ, болѣе важнымъ, что нужно было отстаивать отъ враждебной Пушкину критики. Конечно, г. Айхенвальдъ перечисляетъ всѣ такіе грѣхи Бѣлинскаго, какъ умаленіе Баратынскаго, объявленіе «геніальнымъ» Купера, отрицаніе малороссійской литературы и т. д., и т. п., что все давно указано изслѣдователями Бѣлинскаго, не отрицавшими его критической геніальности. За то г. Айхенвальдъ ни словомъ не упоминаетъ о положительной, напр., роли Бѣлинскаго въ установленіи художественной славы Гоголя, и т. п., и вотъ еще примѣръ все той же непомѣрной придирчивости: «въ исторіи нашей литературной жестокости и несправедливости нѣтъ болѣе печальной страницы, чѣмъ его (Бѣлинскаго) безпощадная травля Полевого». Но вѣдь «травили» Полевого, если здѣсь умѣстно это слово, за то, что онъ во второй половинѣ дѣятельности примкнулъ къ позорному въ исторіи русскаго общества союзу Булгарина и Греча, Бѣлинскому же принадлежитъ не только извѣстная общая, глубоко сочувственная, посмертная оцѣнка Полевого въ отдѣльной статьѣ о немъ, но подобная же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оцѣнка дана также и при жизни Полевого въ отзывѣ объ «Очеркахъ русской литературы».

Въ заключеніе, послѣ немалаго количества поклеповъ, г. Айхенвальдъ снисходительно роняетъ тамъ и сямъ нѣсколько похвальныхъ словъ Бѣлинскому, въ особенности какъ журналисту, другу и ревнителю книги, ея читателю и оцѣнщику. И на томъ спасибо. Стремительный натискъ въ отворенныя двери промаховъ и недосмотровъ Бѣлинскаго и ослѣпленный наборъ неточныхъ и недоказательныхъ цитатъ, однако, «легенды» не разбилъ. Что Бѣлинскій не миѣъ, а съ нимъ приходится считаться, какъ съ живой силой, показываетъ и статья г. Айхенвальда, напомнившая худшіе пріемы писаревской критики Пушкина. Г. Айхенвальдъ «сосчиталъ на солнцѣ пятна и проглядѣлъ его лучи».

Новымъ въ новомъ изданіи III выпуска «Силуэтовъ» являются еще очерки о Герценѣ, Карамзинѣ, Жуковскомъ, Бальмонтѣ, Мин-

скомъ и Викторѣ Гофманѣ. Нѣкоторые изъ старыхъ очерковъ передѣланы и расширены, впрочемъ, не по существу. Новые и старые очерки обильно уснащены утомительнымъ множествомъ изысканныхъ, цвѣтистыхъ фразъ, оборотовъ, образовъ и метафоръ, безъ которыхъ никогда не обходится сладко-журчащая, но по временамъ ядовитая и пристрастная рѣчь г. Айхенвальда.

Ч. В-ій.

— Харьковское Медицинское Общество. 1861—1911 гг. Очерки его пятидесятилѣтней дѣятельности. Составлены подъ редакціей С. Н. Игумнова. Харьковъ, 1913.

Въ послѣдніе дни судьба Харьковскаго Медицинскаго Общества привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе вслѣдствіе той изумительной даже для насъ, потерявшихъ какъ будто способность удивляться, легкости, съ какой мѣстный администраторъ рѣшилъ въ 24 часа покончить съ Обществомъ, имѣющимъ полувѣковое прошлое, цѣлый рядъ просвѣтительныхъ, ученыхъ, учебныхъ и лѣчебныхъ учрежденій, сдѣлавшимся необходимымъ жизненнымъ факторомъ не только Харькова и харьковской губерніи, но и всего Юга Россіи.

Исторія Харьковскаго Медицинскаго Общества въ высокой степени поучительна, какъ рѣдкій у насъ примѣръ проявленія общественной самодѣятельности. Скромное при возникновеніи въ своемъ 1861 г. Общество, поставившее себѣ цѣлью «способствовать коллегіальнымъ отношеніямъ врачей касательно изученія, усовершенствованія и полезнаго примѣненія всѣхъ отраслей медицины», ко дню своего юбилея располагало цѣлымъ рядомъ учрежденій, изъ которыхъ каждое представляетъ огромную и культурную и матеріальную цѣнность. Вскорѣ по открытіи своей дѣятельности Общество, въ виду безпомощности бѣдныхъ слоевъ населенія города въ медицинскомъ отношеніи—ни больница приказа общественнаго призрѣнія, находившаяся за городомъ, ни бѣдныя университетскія клиники, закрывающіяся на лѣто и къ тому же преслѣдующія свои цѣли, не могли удовлетворить нуждъ населенія—рѣшило открыть свою лечебницу, хотя бюджетъ Общества доходилъ всего до 300 руб. въ годъ. Въ 1863 г. лечебница была открыта и оказалась, конечно, жизненно-необходимой. На очевидно полезное дѣло стали поступать пожертвованія, и въ 1872 г. лѣчебница помѣщается уже въ собственномъ домѣ. Въ 70-хъ же годахъ при лѣчебницѣ учреждается больница на 10 кроватей для внезапно заболѣвшихъ. Какъ справедливо замѣчаетъ С. Н. Игумновъ, Общество въ этомъ отношеніи взяло на себя обязанность городского управленія, предупредивъ его на много лѣтъ.

Въ 1887 г. Общество открываетъ Пастеровскій институтъ для лѣченія укушенныхъ бѣшеными животными. По мѣрѣ роста числа кліентовъ института явилась необходимость устройства пріюта для укушенныхъ.

Открытіе въ 1894 г. Беринтомъ и Ру противодифтерійной сыворотки побудило Общество взяться за правильную постановку бактеріологическаго дѣла. Въ настоящее время бактеріологическая станція Общества является самой большой въ Россіи. Почти одновременно съ Пастеровскимъ институтомъ возникъ при Обществѣ химико-микроскопическій кабинетъ.

Однимъ изъ послѣднихъ и крупнѣйшихъ созданій Общества являются высшіе женскіе медицинскіе курсы. Въ Харьковѣ были частные медицинскіе курсы, имѣвшіе къ 1910 г. нѣсколько сотъ слушательницъ. Дѣло велось настолько неудовлетворительно, что часть профессоровъ вынуждена была выйти изъ состава преподавателей, а курсистки проявляли крайнее неудовольствіе. Курсы переживали тяжелый кризисъ. По общему мнѣнію, спасти курсы могло только Медицинское Общество. Оно взялось за это дѣло и осенью 1911 г. былъ открытъ женскій медицинскій институтъ съ тремя курсами и 1000 курсистокъ.

Къ числу пока не осуществленныхъ, но имѣющихъ специфически-отечественную исторію учрежденій Общества надо отнести «пріютъ имени В. А. Франковскаго для неизлѣчимыхъ больныхъ безъ различія званія, вѣроисповѣданія и состоянія при Харьковской городской больницѣ». Популярность д-ра Франковскаго, врача-идеалиста, всего себя отдавшаго городской бѣднотѣ, свыше 50 лѣтъ проработавшаго въ Харьковѣ, привела къ тому, что на пріютъ его имени довольно скоро была собрана немалая сумма. Послѣ долгихъ перипетій пріютъ былъ готовъ къ 1911 г.; требовалось только утвердить уставъ. Вотъ тутъ-то сказала свое вѣское слово администрація, пожелавшая внести въ уставъ ограниченіе для евреевъ и потребовавшая внесенія въ уставъ указанія, что въ пріютъ принимаются лишь лица, имѣющія право жительства въ Харьковѣ. Включить въ уставъ пріюта имени Франковскаго такое недостойное этого имени правило Общество не рѣшилось. И вотъ, «совсѣмъ готовый къ открытію памятникъ врачу врачу-гуманисту стоитъ задернутый занавѣской печали въ ожиданіи болѣе свѣтлаго времени, лучше соотвѣтствующаго имени чествуемаго».

Въ цифрахъ дѣятельность Общества выражается такъ: въ лѣчебницѣ перебывало 419.102 больныхъ, сдѣлавшихъ 1.739.233 посѣщенія; бактеріологическій институтъ выпустилъ съ 1895 г. 2.263.332 флакона одной лишь противодифтерійной сыворотки; въ институтѣ

сдѣлано 12.671 изслѣдованій, въ Пастеровскомъ институтѣ оказана помощь 39.439 укушеннымъ бѣшеными животными; въ химико-микроскопическомъ кабинетѣ сдѣлано 232.447 анализовъ. Женскій медицинскій институтъ, съ собственными клиниками, имѣетъ 1.660 слушательницъ. И бѣгло здѣсь указаннаго достаточно, чтобы понять, какую силу представляетъ собой Харьковское Медицинское Общество, съ какимъ уваженіемъ и съ какой бережностью надо относиться къ подобной организаціи. Но, можетъ быть, главнѣйшая заслуга Общества не въ практической работѣ его учрежденій, не въ созданіи разсадника высшихъ медицинскихъ знаній, не въ дѣятельности его лабораторій, не въ многочисленныхъ научныхъ докладахъ въ засѣданіяхъ секцій и общихъ собраній, не въ цѣнномъ журналѣ Общества, не въ его библіотекѣ, насчитывающей 18.000 томовъ и т. д.: главная красота и сила этой организаціи — въ ея морально-общественномъ значеніи, не поддающемся цифровому учету. Зародившись въ Харьковѣ, когда городъ не имѣлъ желѣзной дороги и только что получилъ телеграфъ, Общество стало, на ряду съ университетомъ, центромъ мѣстнаго просвѣщенія. Въ немъ сосредоточилось все, что было лучшаго въ городѣ. Постановленія Общества по разнымъ вопросамъ не только медицинскаго характера считались выраженіемъ мнѣнія лучшихъ мѣстныхъ людей. На первыхъ порахъ Общество занималось разработкой общественно-санитарныхъ вопросовъ, стремясь собственными силами заполнить пробѣлы въ работѣ городского управленія и непосредственно обслуживать нужды широкихъ слоевъ населенія. Авторитетъ Общества былъ—и остается такимъ до настоящаго дня — такъ значителенъ, что не только городское управленіе обращалось къ его помощи по разнымъ вопросамъ санитаріи, но даже представители администраціи прибѣгали къ его услугамъ въ моменты, когда на городъ или губернію надвигалась какая-нибудь эпидемія.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, жизнь и дѣятельность Харьковскаго Медицинскаго Общества за истекшія 50 лѣтъ.

На одномъ изъ учрежденій Общества, гдѣ красуется надпись: «устроено академикомъ Бекетовымъ», нѣкій обыватель, какъ сообщаютъ газеты, написалъ: «а разрушено г. Кошура-Мосальскимъ».

В. Б—ъ.

— *Пирлингъ.* Не умеръ ли католикомъ Александръ I? Историческая загадка. Москва. 1914 г.

Этотъ небольшой этюдъ извѣстнаго историка-іезуита займетъ свое мѣсто въ богатой и пестрой литературѣ, посвященной попыткамъ разгадать психологическую загадку личности имп. Александра.

Исходный пунктъ своеобразнаго вопроса о «католицизмѣ» имп. Александра—посылка имъ къ папѣ Льву XII въ 1825 г. своего генералъ-адъютанта, графа Александра Мишо де-Боретура, съ особой и тайной миссіей—не политическаго, а личнаго характера. Мишо поѣхалъ въ Римъ съ Ракети, генеральнымъ секретаремъ министерства вѣроисповѣданій и народнаго просвѣщенія Царства Польскаго; русскій посолъ Италинскій представилъ ихъ папѣ въ оффиціально испрошенной аудіенціи. Затѣмъ ген. Мишо былъ принятъ Львомъ XII особо, въ аудіенціи секретной. Единственный источникъ, который долженъ былъ содержать полный отчетъ объ ихъ бесѣдѣ—письмо, написанное Мишо передъ смертью, въ 1841 г., имп. Николаю I. Это письмо было, повидимому, уничтожено адресатомъ. Гр. Гаэтано Мишо, братъ Александра, и другія лица, получившія свѣдѣнія либо отъ него, либо отъ лицъ папской куріи, передаютъ дѣло такъ, что Мишо преклонился передъ папой, какъ передъ главой церкви, отъ имени имп. Александра, и передалъ просьбу своего государя прислать ему, негласно, довѣренное лицо духовнаго сана, для переговоровъ о соединеніи церквей. Левъ XII возложилъ эту миссію на г. Оріоли (впослѣдствіи—кардинала), но тотъ не успѣлъ собраться въ путь, какъ получено было извѣстіе о кончинѣ имп. Александра.

Въ книгѣ Пирлинга собраны всѣ упоминанія объ этомъ эпизодѣ, какія ему удалось собрать изъ разныхъ источниковъ. Съ большой критической осторожностью ведетъ авторъ ихъ обслѣдованіе, и выводы его мало соотвѣтствуютъ заключительнымъ строкамъ этюда, гдѣ авторъ утверждаетъ, что «въ душѣ Александръ принадлежалъ къ истинной церкви», т. е. былъ католикъ.

Нѣсколькими строками выше данъ болѣе вѣроятный отвѣтъ: Пирлингъ, принимая во вниманіе «утопическій строй ума Александра, допускаетъ предположеніе, что въ основѣ всей исторіи лежали «химерическія сдѣлки и непріемлемыя комбинаціи».

Интересъ этюда—не только въ изложеніи любопытнаго эпизода. Авторъ вообще вдумался въ религіозныя исканія Александра и даетъ мѣткую ихъ характеристику, опираясь, главнымъ образомъ, на сообщенія и сужденія о нихъ Жозефа де-Местра. Графъ де-Местръ записалъ бесѣду свою съ имп. Александромъ по поводу Акта Священнаго Союза. На вопросъ же Местра—не стремится ли этотъ Союзъ къ «смѣшенію всѣхъ вѣроисповѣданій», Александръ отвѣтилъ отрицательно, даже рѣзко осудилъ тѣхъ, кто мѣняетъ свою религію, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ мысль, что «въ христіанствѣ есть нѣчто болѣе важное, чѣмъ всѣ вѣроисповѣдныя различія» и надежду, что когда-нибудь всѣ вѣроисповѣданія соединятся. Присматриваясь къ колебаніямъ религіозныхъ симпатій

Александра, Пирлингъ признаетъ ихъ основной чертой «склонность къ эклектизму». «Безпокойный и нерѣшительный умъ императора не хотѣлъ запереться въ какую-либо догму. Поочередно то мистикъ, то теософъ, то аскетъ, то квіетистъ, то спиритуалистъ, то оккультистъ, то сторонникъ внутренней церкви, Александръ прекрасно чувствуетъ себя въ этомъ удивительномъ смѣшеніи принциповъ». И лишь эпизодами пестраго «эклектизма» его настроеній надо признать, какъ «католическія» его симпатіи, такъ и его посѣщенія православныхъ схимниковъ въ ту самую пору, когда ген. Мишо отправлялся на поклонъ къ папѣ Льву XII. Пирлингъ вполнѣ обосновалъ такой выводъ, хотя уклонился отъ опредѣленной его формулировки. Къ сожалѣнію, книга издана крайне неряшливо, съ множествомъ грубѣйшихъ опечатокъ.

А. Прѣсняковъ.

— Законы гражданскіе (Св. Зак. т. X, ч. I). Практическій и теоретическій комментарій подъ редакціей присяжнаго повѣреннаго А. Э. Вормса и профессора В. Б. Ельяшевича. Выпуски первый и второй.

Полувѣковой юбилей судебныхъ уставовъ вызвалъ оживленіе въ нашей юридической литературѣ. Почти одновременно появилось и появляется нѣсколько интересныхъ трудовъ въ области права и процесса. Два изъ нихъ ведутся коллективными усиліями, третій, покуда, единолично, но всѣ они задуманы по одной, болѣе или менѣе сходной системѣ. Такъ, группа виднѣйшихъ русскихъ криминалистовъ—Таганцевъ, Кони, Муравьевъ и др.—рѣшила выпустить систематическій комментарій къ уставу уголовнаго судопроизводства. Профессоръ Демидовскаго лицея Яблочковъ издалъ первый томъ практическаго комментарія на уставъ гражданскаго судопроизводства (ст. 1—28), стараясь дать въ сжатомъ и ясномъ изложеніи воззрѣнія Сената по основнымъ вопросамъ процесса и пояснить ихъ свѣдѣніями изъ теоріи.

Почти ту же задачу поставили себѣ составители комментарія къ первой части X тома законовъ гражданскихъ. Давно уже назрѣла потребность улучшить изученіе сенатской практики по гражданскому матеріальному праву. Группа русскихъ цивилистовъ—Винаверъ, Вормсъ, Гордонъ, Громогласовъ, Каминка и др.—рѣшили привести весь сенатскій матеріалъ въ научную систему и освѣтить его критически съ точки зрѣнія теоріи права, такъ какъ необходимость критическаго отношенія къ сенатскимъ разъясненіямъ давно сознается всѣми русскими юристами. «Русскіе юристы—говоритъ редакція этого изданія,—ощущаютъ потребность въ подробномъ, воз-

можно полномъ комментаріи къ законамъ гражданскимъ. Крайняя неполнота послѣднихъ восполняется почти исключительно практикой высшихъ судовъ, почему послѣдняя имѣетъ для русскаго гражданскаго права едва-ли не большее значеніе, чѣмъ для любой другой кодификаціи... Предлагаемый комментарій ставитъ себѣ главной задачей дать по возможности полныя указанія на сенатскую практику по вопросамъ гражданскаго права». Въ тоже время изданіе стремится «уложить матеріалъ судебной практики въ научную систему». Критически освѣщая судебную практику, редакція сопоставляетъ ее съ рѣшеніями германскихъ и французскихъ судовъ. Считаясь съ тѣмъ, что изъ проекта Гражданскаго Уложенія прежде попадаетъ на разсмотрѣніе законодательныхъ установленій обязательственное право, составители особенно внимательно отнеслись къ этой части проекта. Комментарій построенъ по слѣдующему плану. Каждой главѣ предпосылаются предварительныя замѣчанія, въ которыхъ намѣчаются главнѣйшіе общіе вопросы. Дальше, подъ отдѣльными статьями помѣщены указанія на литературу, историческія свѣдѣнія объ источникахъ данной статьи и систематическій обзоръ сенатской практики. Изданіе должно составить 10 довольно объемистыхъ томовъ. Первый томъ вышелъ въ октябрѣ 1912-го, второй—въ октябрѣ 1913-го года. Оба тома являются очень цѣннымъ пособіемъ для юриста-практика. Жаль, что изданіе такъ растягивается. Со дня на день приходится ждать проведенія въ жизнь Гражданскаго Уложенія. Сенатская практика какъ бы явочнымъ порядкомъ переноситъ въ свои рѣшенія нормы Гражданскаго Уложенія по разнымъ вопросамъ, и поздній выходъ въ свѣтъ настоящаго комментарія можетъ нѣсколько понизить цѣнность этого научнаго и серьезнаго изданія.

А. Т—ій.

— Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій (1793—1795). Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ. С.-Петербургъ, 1913.

Матеріаломъ для только что вышедшей статьи профессора Карѣева послужили документы, до сихъ поръ почти не использованныя историками французской революціи. Это—архивный матеріалъ по исторіи парижскихъ секцій. Ими не пользовались ни Тэнъ, ни Оларъ, ни Жоресъ. Сохранились они только отчасти. Многіе изъ нихъ погибли во время революціи, еще большая часть сгорѣла въ Архивѣ префектуры во время пожара 1871 г. Предшественникомъ профессора Карѣева въ его работѣ былъ Мелье, съ которымъ авторъ во многомъ согласенъ и на работу котораго онъ часто ссылается.

Революціонные комитеты возникли для борьбы съ врагами отечества. Комитеты должны были собираться для пріема доносовъ на всѣхъ недруговъ революціи и для производства обысковъ и арестовъ. Н. И. Карѣевъ опровергаетъ мнѣніе Кропоткина, который полагалъ, что въ нихъ преобладали буржуа и прежніе чиновники; всего больше въ нихъ было рабочихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ и безграмотность комитетскихъ протоколовъ. Авторъ даетъ краткую исторію комитетовъ и расходится съ мнѣніемъ, которое поддерживали такіе различные по своимъ взглядамъ историки, какъ Тэнъ и Оларъ, ставящіе въ вину комитетамъ произволъ, злоупотребленія властью, насилія, тиранію и т. д. Н. И. Карѣевъ, вмѣстѣ съ Мелье, находитъ, что особой жестокости комитеты не обнаружили. Содержаніе ихъ постановленій—чисто дѣлового характера; иногда даже встрѣчается заботливость о гарантіяхъ безпристрастія.

Конечно, въ нихъ царилъ духъ подозрительности. «Прочитывая въ секціонныхъ регистрахъ одинъ за другимъ протоколы засѣданій, только и наталкиваешься на записи о доносахъ, о взятіи подъ подозрѣніе, объ отдачахъ подъ надзоръ, объ обыскахъ, объ опечатаніи квартиръ или бумагъ, объ арестахъ, объ обезоруженіи, о допросахъ, о сношеніяхъ съ другими комитетами по поводу тѣхъ или другихъ подозрительныхъ гражданъ, объ отправкѣ задержанныхъ по подозрѣнію въ Комитетъ общей безопасности». Эта дѣятельность то ослабѣвала, то усиливалась и достигла расцвѣта, когда Конвентомъ былъ изданъ законъ 17 сентября о подозрительныхъ людяхъ. Въ протоколахъ встрѣчаются иногда имена извѣстныхъ дѣятелей революціи, но не они занимаютъ первое мѣсто; иногда записи настолько обстоятельны, что рисуютъ любопытныя бытовыя сцены.

Кромѣ ссылки комитеты были заняты пропитаніемъ парижскаго населенія, главнымъ образомъ съ того момента, какъ былъ объявленъ законъ о максимумѣ цѣнъ на жизненные припасы. Продовольствіе больныхъ составляло особую заботу комитетовъ.

Они должны были также добывать предметы необходимые для арміи (селитру, обувь) и заботиться о ихъ производствѣ.

Въ приложеніи къ книгѣ даны выдержки изъ протоколовъ революціонныхъ комитетовъ.

А. Т.

— Проф. П. И. Люблинскій. Конституціонная или административная гарантія? Цѣна 1 рубль.

Вопросъ о предѣлахъ и порядкѣ отвѣтственности членовъ Государственной Думы, которому посвящено интересное изслѣдованіе г. Люблинскаго, представляетъ злободневный интересъ и понынѣ,

хотя русская доктрина склонна считать его разрѣшеннымъ постановленіями основныхъ законовъ 23 апрѣля 1906 года. Обиліе содержательныхъ работъ по этому вопросу (проф. А. А. Жижиленко, А. А. Шалланда, А. К. фонъ-Резона) въ небогатой монографіями литературѣ русскаго публичнаго права объясняется именно практическимъ значеніемъ проблемы иммунитета.

Помимо крупнаго теоретическаго интереса, который представляетъ работа П. И. Люблинскаго, неоспоримое достоинство ея заключается въ томъ, что она даетъ детальный анализъ разъясненія Общаго Собранія Перваго и Кассаціонныхъ департаментовъ Сената 15 октября 1912 года, пробивающаго серьезную брешь въ принципѣ депутатской неприкосновенности. Указывая на отсутствіе подобной разъяснительной дѣятельности высшаго суда во всѣхъ иностранныхъ государствахъ авторъ находитъ, что отечественная практика противорѣчитъ съ теоретической точки зрѣнія новому государственному строю, а практически и вноситъ неустойчивость въ постановленія дѣйствующаго права. Въ частности толкованіе Сената, опредѣляющее порядокъ направленія дѣлъ о клеветѣ со стороны депутатовъ и исключающее возможность примиренія по такимъ дѣламъ, стоитъ, по мнѣнію автора, въ открытомъ противорѣчіи съ дѣйствующимъ законодательствомъ. Авторъ настаиваетъ на томъ, чтобы преслѣдованіе членовъ Государственной Думы за клевету или опозореніе было возбуждаемо не иначе, какъ съ разрѣшенія Государственной Думы.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Люблинскаго, допускающимъ возможность изъятій изъ принципа безотвѣтственности депутатовъ. По самому своему существу парламентская дѣятельность требуетъ преобладанія государственнаго интереса надъ частнымъ, и самая природа народнаго представительства извращается даже добросовѣстными попытками установленія въ этой средѣ уголовной репрессіи. О безпристрастномъ арбитражѣ перваго департамента Государственнаго Совѣта, при косвенномъ участіи Совѣта Министровъ, не можетъ быть и рѣчи.

Переходя вмѣстѣ съ авторомъ къ обсужденію вопроса de lege ferenda, мы думаемъ, что даже въ томъ случаѣ, если бы дисциплинарная власть предсѣдателя являлась единственнымъ средствомъ для охраны добраго имени частныхъ лицъ, поведеніе которыхъ не затрагиваетъ государственнаго интереса,—пришлось бы меньшее зло предпочесть большему: tertium non datur. Но дѣло въ томъ, что въ этой области возможны добавочныя гарантіи (созданіе парламентскаго суда, требованіе повторенія клеветы за предѣлами парламентской залы), которыя достигаютъ бо́льшихъ

результатовъ съ меньшими неудобствами. Собственно говоря, даже съ точки зрѣнія заботы объ охранѣ незапятнанной чести частныхъ лицъ, столь ревностно преслѣдуемой Сенатомъ и Совѣтомъ министровъ, эти способы представляютъ большее удобство, чѣмъ внѣсудебное прекращеніе обвиненія противъ депутата, косвенно подтверждающее справедливость его разоблаченій и всегда возможное при вновь установленномъ порядкѣ.

Борисъ Шацкій.

— М. А. Штромбергъ. Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе. Москва. 1913.

Эта книга—одинъ изъ выпусковъ трудовъ семинарія по политической экономіи при московскомъ университетѣ, секціи проф. Гольдштейна. Начавъ съ изложеніи того, какъ росли города въ главнѣйшихъ цивилизованныхъ государствахъ, какъ затѣмъ обнаружился отливъ населенія изъ центральныхъ частей городовъ на ихъ окраины и въ пригороды и какую роль играютъ въ этомъ явленіи городскія желѣзныя дороги, г. Штромбергъ подробно излагаетъ исторію перехода въ руки московскаго городского управленія сѣти конно-желѣзныхъ дорогъ, эксплоатировавшихся акціонерными обществами. Эта, вступительная, такъ сказать, часть изслѣдованія занимаетъ около $^2/_3$ книги. Остальная ея треть посвящена желѣзнодорожной политикѣ московскаго городского управленія, при чемъ особо выдѣленъ вопросъ о тарифѣ на сѣти электрическихъ трамваевъ г. Москвы. Книга составлена на основаніи печатныхъ источниковъ и рукописныхъ матеріаловъ, почерпнутыхъ въ архивахъ московской городской управы и у лицъ, завѣдывавшихъ трамваями, когда они эксплоатировались частными обществами, и отличается обиліемъ (чтобъ не сказать излишествомъ) статистическихъ данныхъ. По существу разсматриваемыхъ вопросовъ, авторъ развиваетъ мысль, что русскіе города, которымъ еще предстоитъ обзаводиться желѣзными дорогами, не должны соглашаться на выгодныя, казалось-бы, предложенія частныхъ концессіонеровъ, а эксплоатировать за свой счетъ это доходнѣйшее, вообще говоря, городское предпріятіе, являющееся вмѣстѣ съ тѣмъ, важнымъ средствомъ соціальной политики. Сѣть городскихъ трамваевъ должна служить не источникомъ пополненія городской казны, а средствомъ удовлетворенія потребности населенія въ передвиженіи и орудіемъ разселенія жителей города изъ центра на его окраины. Достиженіе послѣдней цѣли, вызываемой непомѣрнымъ ростомъ квартирныхъ платъ и зависящимъ отъ того антисанитарнымъ состояніемъ жилищъ

неимущихъ классовъ, не можетъ быть достигнуто единственно путемъ цѣлесообразнаго проведенія трамвайныхъ линій, а требуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, развитія за счетъ города или подъ его руководствомъ планомѣрнаго сооруженія жилищъ. Въ ожиданіи благопріятныхъ условій для широкаго примѣненія этого послѣдняго средства, наши города, по примѣру западно-европейскихъ, должны накоплять свой собственный, по возможности обширный земельный фондъ. Составляя почти единственное въ своемъ родѣ сочиненіе по данному вопросу, трудъ г. Штромберга не можетъ не представлять живого интереса для нашихъ городовъ, уже выступающихъ на путь обезпеченія удобными путями сообщенія, и для всѣхъ интересующихся вопросами муниципальнаго хозяйства вообще и вопросами муниципализаціи различныхъ хозяйственныхъ предпріятій въ частности.

— Д-ръ М. Монтессори. Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Москва. 1913.

Эта книга женщины-врача и профессора педагогической антропологіи въ римскомъ университетѣ, появившаяся въ русскомъ переводѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, успѣла вызвать у насъ горячія похвалы и порицанія. Уже это обстоятельство,—не говоря объ одобреніи системѣ Монтессори со стороны преподавателей и ученыхъ Англіи и Америки, можетъ служить показателемъ того, что книга не принадлежитъ къ числу заурядныхъ. Система Монтессори основана на двухъ главныхъ принципахъ: полной свободы ребенка и примѣненіи къ воспитанію различныхъ чувствъ зрѣнія, слуха и т. п. и способностей дѣтей (въ возрастѣ отъ 3 до 6 лѣтъ) пріемовъ и аппаратовъ, примѣняющихся къ отсталымъ дѣтямъ, съ соотвѣтствующимъ, конечно, ихъ измѣненіемъ и умноженіемъ. Если первое изъ этихъ началъ получаетъ въ послѣднее время все большее распространеніе независимо отъ пропаганды Монтессори, то второе составляетъ ея несомнѣнную заслугу. Книга г-жи Монтессори заключаетъ въ себѣ описаніе (поясняемое рисунками) примѣняемыхъ ею апаратовъ и моделей. Каждый воспитатель, даже тотъ, кто отрицательно относится ко всей системѣ, установленной въ руководимомъ ею «Домѣ ребенка», можетъ заимствовать изъ нея ту или другую серію пріемовъ и аппаратовъ для систематическаго воспитанія тѣхъ органовъ и чувствъ, отъ остроты и правильной дѣятельности которыхъ зависитъ объемъ, качество и отчетливость впечатлѣній, образующихъ основной ма-

теріалъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и эстетическихъ переживаній. Обыкновенно эти органы и чувства развиваются въ дѣтскомъ возрастѣ, такъ сказать, сами собой, въ обыденныхъ столкновеніяхъ ребенка съ внѣшнимъ міромъ, во время игръ и занятій (напр., въ дѣтскихъ садахъ), имѣющихъ болѣе или менѣе сложный, синтетическій характеръ. Монтессори занимаетъ ребенка пріемами и аппаратами, назначенными спеціально для развитія воспринимающихъ органовъ и способностей человѣка. Ребенокъ, вышедшій изъ ея дома, въ одномъ по крайней мѣрѣ отношеніи, окажется лучше подготовленнымъ къ дальнѣйшей предстоящей ему работѣ, въ научной и практической дѣятельности.

Книга Монтессори заключаетъ не только описаніе отдѣльныхъ пріемовъ воздѣйствія на ребенка, которые могутъ быть заимствованы и нашими воспитателями. Пріемы эти примѣняются въ учрежденіи, гдѣ дѣти (рабочихъ) остаются въ теченіе цѣлаго дня и почти всецѣло находятся, поэтому, въ сферѣ воспитательнаго вліянія, вырабатывающаго опредѣленную систему всесторонняго воспитанія. Эта система вырисовывается въ разсматриваемой книгѣ не совсѣмъ ясно и въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ можетъ вызывать возраженія и недоумѣнія. Можно, напр., находить недостаточнымъ отведеніе въ Домѣ ребенка на вольныя игры дѣтей всего одного часа въ день; можно считать односторонностью то вниманіе, какое удѣляется въ немъ воспитанію чувствъ въ ущербъ развитію творчества. Нужно, однако, помнить, что Домъ ребенка существуетъ лишь немного лѣтъ, и система Монтессори находится еще въ періодѣ развитія. Къ ея книгѣ слѣдуетъ относиться, какъ къ сборнику, изъ котораго можно заимствовать нѣкоторыя общія и частныя начала и методы ихъ осуществленія для самостоятельной комбинаціи съ другими принципами. Такъ смотритъ на эту книгу горячо ее рекомендующій профессоръ Гарвардскаго университета Генри Гольмсъ, статья котораго приложена къ англійскому и русскому переводамъ «Дома ребенка». Такъ, безъ сомнѣнія, отнесутся къ этой книгѣ и русскіе воспитатели.

В. В.

— I. Novicow La critique du darwinisme social. (Парижъ. 1910). Ц. 7 фр. 50 с.

Въ наше время стремительнаго и некритическаго распространенія идей т. наз. «соціальнаго дарвинизма», книга г. Новикова весьма желательна и полезна по своему вдумчивому, научно-критическому характеру. Собственно говоря, она идетъ въ разрѣзъ со всѣми идеями господствующаго ученія о «борьбѣ за существованіе» и

систематически вскрываетъ поверхностное усвоеніе соціологами, политиками и широкой публикой подлинныхъ идей «дарвинизма». Неумѣло, некритически перенесенныя изъ области біологіи въ сферу соціологіи и механически примѣненныя къ соціальной жизни, идеи Дарвина, сами по себѣ благотворныя, могутъ привести къ нежелательнымъ результатамъ. Между тѣмъ, догматическій «соціальный дарвинизмъ» пустилъ уже глубокіе корни какъ въ наукѣ, такъ и въ воззрѣніяхъ широкой публики. Цѣлая школа идетъ подъ флагомъ «соціальнаго дарвинизма»; достаточно назвать имена Герберта Спенсера, Гумпловича, Лестера Уорда, Ратценгофера, чтобы убѣдиться въ той крѣпкой позиціи, которую она занимаетъ. Даже юриспруденція не свободна отъ этого ученія; идеи одного изъ вліятельнѣйшихъ юристовъ прошлаго вѣка—Рудольфа Іеринга—находятся въ тѣсной зависимости отъ ученія о борьбѣ за существованіе. Пониманіе Іерингомъ «борьбы за право» есть ничто иное, какъ перенесеніе идей «соціальнаго дарвинизма» въ область юриспруденціи и примѣненіе ихъ къ правовой жизни. Въ сферѣ практики такое направленіе является въ наше время почти труизмомъ; чѣмъ-то, само собой разумѣющимся; внѣшняя, международная, политика, напр., прямо признаетъ за аксіому принципъ bellum omnium contra omnes. А въ нѣкоторыхъ государствахъ и внутренняя политика еще не чужда отголосковъ «соціальнаго дарвинизма», и націоналистическо-политическая и даже религіозная «борьба за существованіе» жива въ нихъ и понынѣ...

Книга г. Новикова состоитъ изъ трехъ частей, подраздѣленныхъ на 20-ть главъ. Часть первая озаглавлена: «Ошибки біологическаго характера», часть вторая—«Общія ошибки соціологическаго характера», часть третья—«Спеціальныя ошибки соціологическаго характера».

Въ мірѣ все движется, все течетъ, какъ выражался еще древній греческій мудрецъ Гераклитъ; но лишь въ XIX столѣтіи выяснилась и распространилась идея міровой *эволюціи*. Не мало способствовалъ усвоенію этой идеи и Дарвинъ. Въ своей знаменитой книгѣ: «*О происхожденіи видовъ*» Дарвинъ очень осторожно, но послѣдовательно провелъ мысль, что въ жизни органическаго міра происходитъ медленная борьба за существованіе, путемъ неизбѣжнаго вымиранія неприспособленныхъ къ жизни породъ. Самый принципъ «борьбы за существованіе» Дарвинъ заимствовалъ у Мальтуса, но выдвинулъ на мѣсто междучеловѣческой борьбы борьбу міровую. Идея, родившаяся въ сферѣ соціологіи, была перенесена въ біологію и затѣмъ снова возвратилась въ лоно соціологіи, но не въ концепціи Дарвина, какъ идея борьбы съ *природой* за

жизнь, а именно, въ концепціи Мальтуса, какъ идея *междучеловѣческой* борьбы за существованіе. Такое некритическое и неправильное перенесеніе біологической идеи Дарвина въ соціологію и породило то направленіе, которое извѣстно подъ названіемъ «*соціальнаго дарвинизма*».

Противъ этого направленія и возстаетъ Новиковъ. Съ первыхъ же страницъ книги онъ начинаетъ систематически вскрывать ошибки, противорѣчія и софизмы «соціальнаго дарвинизма».« Соціальный дарвинизмъ», по словамъ автора, можетъ быть опредѣленъ такъ: это есть ученіе, которое разсматриваетъ коллективное человѣкоубійство, какъ причину прогресса человѣческаго рода. Это опредѣленіе съ перваго взгляда кажется парадоксальнымъ, но въ подтвержденіе его авторъ приводитъ множество доказательствъ. «Въ нашу эпоху—говоритъ онъ,—утверждать, что борьба есть жизнь, что конкуренція есть источникъ всѣхъ соціальныхъ улучшеній, короче, что безъ грубой силы и человѣкоубійства не было бы цивилизаціи, становится труизмомъ, и этотъ предполагаемый труизмъ и есть то, что называется соціальный дарвинизмъ»... Конечно, борьба за существованіе есть универсальный и вѣчный законъ въ жизни природы», но отсюда вовсе [не вытекаетъ, что такимъ же закономъ является и вѣчная война въ жизни человѣчества. Надо ясно различать борьбу за существованіе *съ окружающей природой* отъ борьбы *человѣка съ человѣкомъ*. Такого закона въ природѣ не существуетъ. Ни одинъ видъ живыхъ существъ не знаетъ войны между *себѣ подобными*, и лишь одинъ homo sapiens ведетъ эту страшную и вредную для человѣческаго рода борьбу, *научно* оправдываемую «соціальнымъ дарвинизмомъ». На самомъ дѣлѣ *соціальная* борьба покоится не только на общебіологическихъ фактахъ, неправильно понятыхъ «соціальными дарвинистами», но и на фактахъ *психологическихъ*, не имѣющихъ ничего общаго съ человѣкоубійствомъ и взаимоистребленіемъ. Не война, не конкуренція, не разъединеніе и дезорганизація, а сотрудничество, ассоціація и солидарность—вотъ, по мнѣнію автора, истинные стимулы и факторы борьбы за существованіе. «Можно сказать — таковы заключительныя слова книги,—что если біологическая эволюція, приведшая живыя существа отъ монеръ до человѣка, продолжаетъ свою восходящую кривую, то и нашъ разумъ будетъ все возрастать. И тогда, несомнѣнно, придетъ тотъ день, когда *всѣ* поймутъ то, что нынѣ понимаютъ еще лишь нѣкоторыя отдѣльныя личности, а именно, что ассоціація, богатство жизни и общее благополучіе суть синонимы. Распространить эту идею въ жизни, показать, что коллективное убійство никогда не создавало и никогда не будетъ создавать цивилизаціи

человѣчества, показать, что соціальный дарвинизмъ есть океанъ ошибокъ разнаго рода, освободить людей отъ кошмара, въ которомъ онъ заставляетъ ихъ жить,—такова миссія соціологіи»

П. Е. Михайловъ.

Karl Helferich. Deutschlands Volkswohlstand 1888—1913. Берлинъ. 1913.

Исполнившееся въ текущемъ году двадцатипятилѣтіе правленія Вильгельма II вызвало многочисленные обзоры успѣховъ Германіи за этотъ періодъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ государственной и народной жизни. Среди этихъ обзоровъ, ярко освѣщающихъ поразительные успѣхи молодой имперіи за послѣднюю четверть вѣка, однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ является очеркъ талантливаго экономиста Карла Гельфериха, директора самаго значительнаго финансоваго института современной Германіи—Deutsche Bank. Картина, развертывающаяся въ этомъ очеркѣ, переполняетъ сердце автора восторгомъ и гордостью; но она порадуетъ и всякаго друга прогресса, какъ документъ прогресса и краснорѣчивое свидѣтельство того, чего можно достигнуть въ короткое время культурнымъ трудамъ, техническимъ прогрессомъ, развитіемъ наукъ и искусствъ, разумнымъ использованіемъ силъ природы и работы мысли.

На пространствѣ нынѣшней германской имперіи жили 100 лѣтъ тому назадъ всего около 25 милліоновъ душъ, жили очень бѣдно, едва удовлетворяя самыя насущныя нужды. Часть населенія вынуждена была искать средствъ къ жизни на чужбинѣ, не находя ихъ на родинѣ. Въ настоящее время населеніе имперіи составляетъ 66 милліоновъ душъ—и работниковъ не хватаетъ, приходится еще привлекать ихъ изъ другихъ странъ. Еще въ десятилѣтіе 1881—1890 г.г. изъ Германіи эмигрировало 1.342.000 человѣкъ; въ 1912-мъ году всѣхъ германскихъ эмигрантовъ было только 18500, а изъ-за границы пришло въ Германію больше милліона рабочихъ. Въ то же время интенсивность труда значительно увеличилась. Кромѣ живыхъ работниковъ промышленность имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромную армію «желѣзныхъ рабовъ», одаренныхъ гигантскими силами и притомъ крайне малотребовательныхъ, охотно принимающихъ вмѣсто хлѣба камень, питаясь каменнымъ углемъ. Въ 1907-мъ году въ Германіи насчитывалось 124000 паровыхъ машинъ, обладавшихъ 7.587.000 лошадиныхъ силъ, изъ которыхъ фактически использованы были 5185000 лош. силъ. Такъ какъ лошадиная сила равна, въ среднемъ, десяти человѣческимъ силамъ, то «желѣзные

рабы» могли замѣнить около 52 милліоновъ рабочихъ! Послѣ 1907 г. число паровыхъ машинъ еще значительно возросло, но точныхъ цифръ пока не имѣется. Главное поле дѣятельности желѣзныхъ рабовъ лежитъ въ промышленности, но и сельское хозяйство уже пользуется ими въ значительной мѣрѣ; въ 1907 г. 488.867 хозяйствъ пользовались паровыми молотилками (противъ 75,690 въ 1882 г.). Благодаря этимъ силамъ, Германія обнаруживаетъ чрезвычайную производительность во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Въ сельскомъ хозяйствѣ ростъ производительности не столь значителенъ, но также весьма высокъ. Такъ напр., за четырехлѣтіе 1883—87 гг. собрано было въ среднемъ въ годъ: ржи 5.867,800 тоннъ, пшеницы 2.585.200 тоннъ, картофеля 25.459.200 т., а въ четырехлѣтіе 1908—1912: 11.012.171 тоннъ ржи, 3.962.390 т. пшеницы и 44.220.213 тоннъ картофеля. Средняя производительность ржи на гектаръ поднялась за 25 лѣтъ на 77,7%, съ 20 центнеровъ до 35,6 ц.

На грустныя размышленія наводитъ русскаго читателя приведенное авторомъ сравненіе производительности сельскаго хозяйства Германіи и Россіи. Средній урожай на гектаръ составлялъ въ 1912 г. въ двойныхъ центнерахъ (dz=106 килограммамъ, т. е. 6 пудамъ).

	пшеница	рожь	ячмень	овесъ	картофель
Въ Германіи	22,6	18,5	21,9	19,4	150,3
Въ Россіи	6,9	9,0	8,7	8,5	81,7

Въ промышленности достигнуты успѣхи прямо головокружительные. За послѣднія 25 лѣтъ добыча угля поднялась съ 76,2 милліона тоннъ до 259,4 милл. тоннъ, т. е. больше чѣмъ *утроилась*, производство чугуна увеличилось въ *четыре раза*, производство стали въ—*пятнадцать разъ* (съ 954,600 тоннъ въ 1886 г. до 15019300 тоннъ въ 1911 г.)!

Благодаря колоссальному росту промышленности Германіи, чрезвычайно развилась ея внѣшняя торговля; цѣнность ввоза и вывоза поднялась за 25 лѣтъ съ 6246 милліоновъ марокъ до 19648 милліоновъ, изъ коихъ 10694,4 милл. падаютъ на ввозъ и 8956,8 милл. марокъ на вывозъ.

Въ то же время значительно возросло и внутреннее потребленіе, увеличившееся, по разсчетамъ автора, по меньшей мѣрѣ, *въ три раза*. Послѣднее, конечно, возможно было только при соотвѣтственномъ ростѣ народнаго благосостоянія. Трудъ Гельфериха даетъ и въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересныя цифры. На полную точность онѣ, правда, претендовать не могутъ; онѣ добыты посредствомъ сложныхъ приблизительныхъ вычисленій. Но авторъ, весьма

компетентный въ этомъ вопросѣ, крайне остороженъ въ своихъ предположеніяхъ и всегда отдаетъ предпочтеніе наиболѣе скромнымъ цифрамъ.

По этимъ разсчетамъ годовой доходъ всего населенія Германіи составлялъ въ 1896 г. $21^1/_2$ милліардовъ марокъ, а въ 1912 г.—40 милліардовъ, увеличившись за 16 лѣтъ на $80^0/_0$. Эта огромная сумма, конечно, распредѣляется крайне неравномѣрно между различными классами населенія; львиная доля ея попадаетъ въ руки тонкаго слоя «высшихъ классовъ». Но несомнѣнно, что и благосостояніе рабочаго класса значительно поднялось въ Германіи. На это имѣются безспорныя данныя, относящіяся къ самой крупной изъ союзныхъ странъ Германіи—къ прусскому королевству. Прусская подоходная статистика показываетъ, что съ 1896 г. до 1912 г. количество лицъ съ годовымъ доходомъ менѣе 900 марокъ *уменьшилось* съ 8.604.000 до 8.158.000, а число лицъ съ доходомъ болѣе 900 м. въ годъ *увеличилось* съ 2.859.000 до 7.542.000. Наибольшее увеличеніе падаетъ на категорію отъ 3.000 до 6500 марокъ годового дохода, увеличившуюся въ $2^1/_2$ раза. Сумма народныхъ сбереженій составила въ 1912 г., по разсчетамъ автора, около 8—$8^1/_2$ милліардовъ марокъ. Все народное состояніе Германіи въ настоящее время Гельферихъ оцѣниваетъ въ 290—320 милліардовъ марокъ, или, считая рубль равнымъ 2,16 м., въ 134—150 милліардовъ рублей. На душу населенія въ 1912 г. это составляетъ въ среднемъ отъ 4500 до 4900 марокъ, на семью въ 5 душъ—отъ 22500 до 24500 марокъ, т. е. болѣе 10.000 рублей.

О причинахъ этихъ великихъ успѣховъ авторъ не распространяется; это не входило въ его задачу. Обычныя изъявленія признательности по адресу Вильгельма II, конечно, въ счетъ не идутъ. Совпаденіе съ юбилеемъ—совершенно случайное. Тутъ дѣйствовали другіе факторы, мощные не внѣшними эмблемами, внутренней силой тихой, но глубокой культурной работы. Если блестящія военныя побѣды Германіи приписываются въ значительной мѣрѣ скромной работѣ школьнаго учителя, то тѣмъ болѣе значительны заслуги послѣдняго въ области мирнаго культурнаго труда. Маленькая это величина—школьный учитель,—только скромная молекула огромнаго, сложнаго общественнаго организма. Но вселенная вся построена изъ молекулъ.

Б.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Международное положеніе съ точки зрѣнія Австро-Венгріи.—Объясненія и намеки графа Берхтольда.—Неопредѣленность свѣдѣній о русской политикѣ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, во Франціи и въ Италіи.—Событія въ Мексикѣ и мексиканскій вопросъ.

Въ Австро-Венгріи существуетъ хорошее обыкновеніе—разъ въ годъ давать слово министру иностранныхъ дѣлъ для обстоятельныхъ парламентскихъ объясненій о внѣшней политикѣ. Эти ежегодные «exposé» руководителей австрійской дипломатіи всегда внимательно выслушивались Европою и часто давали поводъ къ дѣйствительному выясненію общаго международнаго положенія. Конечно, графъ Берхтольдъ не можетъ претендовать на авторитетъ, связанный съ именами такихъ его предшественниковъ, какъ графъ Юлій Андраши, Кальноки или Эренталь, но въ качествѣ выразителя политическихъ взглядовъ и стремленій вѣнскаго кабинета онъ несомнѣнно является теперь однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ современной европейской дипломатіи. На этотъ разъ австрійскій министръ имѣлъ предъ собою особенно трудную и щекотливую задачу: ему предстояло изложить результаты крупныхъ перемѣнъ, совершившихся на Балканахъ, и коснуться вновь сложившихся отношеній не только съ Сербіею и Болгаріею, но и съ Россіею и съ другими державами тройственнаго согласія.

Графъ Берхтольдъ прочиталъ свой политическій обзоръ 19 (6)-го ноября сначала въ комиссіи венгерской делегаціи на венгерскомъ языкѣ, потомъ въ комиссіи австрійской делегаціи—на нѣмецкомъ. Упомянувъ о всегдашнемъ сочувствіи Австро-Венгріи къ идеѣ свободнаго и самостоятельнаго развитія балканскихъ народовъ, онъ не безъ гордости указываетъ на дѣло австрійскихъ рукъ—на недопущеніе Сербіи къ Адріатическому морю и на созданіе новаго самостоятельнаго государства Албаніи. «Непріязненное отношеніе къ нашимъ притязаніямъ, проявленное какъ на Балканахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ,—говорилъ графъ Берхтольдъ,—заставляло опасаться, что сношенія между великими державами могутъ быть разстроены и мирная развязка окажется неосуществимою»; это и побудило лондонскій кабинетъ предложить созваніе конференціи пословъ, которая въ первомъ засѣданіи, 17-го декабря 1912 года, удовлетворила Австро-Венгрію относительно албанской автономіи. Обширныя военныя приготовленія монархіи, по словамъ министра, вызывались «враждебнымъ поведеніемъ южныхъ сосѣдей, которые, рае-

полагая побѣдоносными арміями, считали себя въ правѣ разсчитывать на полную политическую и военную поддержку могущественной группы европейскихъ державъ». Въ виду усиленія состава русскихъ войскъ на австрійской границѣ, были приняты австрійцами соотвѣтственныя мѣры, которыя однако «нисколько не вытекали изъ совершенно корректныхъ и дружественныхъ отношеній съ Россійской имперіей». Если Австро-Венгрія успѣла обезпечить свои жизненные интересы на Ближнемъ Востокѣ безъ войны, то этимъ она прежде всего обязана испытанной непоколебимой прочности тройственнаго союза, возобновленнаго на дальнѣйшій срокъ въ концѣ 1912-го года. Полная солидарность съ Италіею еще болѣе укрѣпилась во время совмѣстныхъ съ нею дѣйствій на Балканахъ и у Адріатики, а Германія вновь доказала, что вѣнскій кабинетъ «можетъ безусловно положиться на ея вѣрность союзу въ трудные моменты». Графъ Берхтольдъ хвалитъ также «строго объективное веденіе англійской внѣшней политики, способствовавшее устраненію безчисленныхъ возникавшихъ затрудненій безъ серьезнаго разлада между заинтересованными сторонами». Оффиціальная дружба съ Россіею не нарушалась, и во многихъ случаяхъ даже обнаруживалось согласіе воззрѣній и интересовъ, которое «должно оказать самое лучшее вліяніе на взаимныя отношенія обѣихъ державъ». Относительно Франціи не существуетъ «осязательной противоположности интересовъ», и, если въ республикѣ раздаются иногда мало дружескіе къ намъ голоса,—продолжалъ министръ,—то едва ли возможно найти этому объясненіе; къ счастью, нѣтъ основанія предположить, что эти голоса выражаютъ настроеніе руководящихъ круговъ». На Балканахъ Австро-Венгрія стремится по возможности поддерживать экономическіе интересы отдѣльныхъ государствъ и подготовить на этой почвѣ желательное политическое сближеніе съ сосѣдней Сербіею.

Рѣчь графа Берхтольда была вообще проникнута тѣмъ духомъ самодовольнаго оптимизма, который составляетъ обычную характерную черту оффиціальныхъ представителей дипломатіи. Въ его «exposé» ничего не было сказано ни объ огромныхъ и въ сущности безплодныхъ затратахъ на мобилизацію, ни о систематическомъ возбужденіи вражды сербовъ противъ Австро-Венгріи путемъ ненужныхъ угрозъ и ультиматумовъ, ни о неудачной политикѣ заигрыванія съ Болгаріею, ни о преобладающей фактической роли Италіи въ албанскомъ вопросѣ. При обсужденіи министерскаго отчета въ засѣданіяхъ австрійской делегаціи, 25 (12) и 27 (14)-го ноября, высказаны были разныя критическія замѣчанія, болѣе или менѣе рѣзкія, по поводу нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ внѣшней политики кабинета. Наиболѣе обстоятельную рѣчь произнесъ депутатъ Крамаржъ,

который, впрочемъ, не осуждалъ лично графа Берхтгольда за допущенныя имъ ошибки. «Министръ—по мнѣнію оратора—не съумѣлъ въ эти историческіе моменты повернуть австрійскую политику на новый путь, найти дорогу къ сердцамъ возрождающихся балканскихъ народовъ и провести тѣ же новые принципы искренняго доброжелательства по отношенію къ славянству внутри имперіи. Онъ долженъ былъ бы преодолѣть старую мадьярскую политику, зловредную и опасную для самихъ мадьяръ, отбросить традиціи мелочной придирчивой правительственной тактики и отречься отъ канцелярской рутины своего собственнаго министерства. Онъ не обладалъ этой исполинской силой, хотя, быть можетъ, не было у него недостатка доброй воли и вѣрнаго взгляда на вещи». Въ подробныхъ отвѣтныхъ объясненіяхъ графъ Берхтольдъ оправдывалъ австрійскую дипломатію по всѣмъ пунктамъ, и, въ концѣ концовъ, большинство обѣихъ делегацій высказалось въ его пользу. Оппозиція отлично понимала, что за политику кабинета не можетъ считаться отвѣтственнымъ одинъ графъ Берхтольдъ, что она во многомъ зависитъ отъ высшихъ придворныхъ сферъ и особенно отъ наслѣдника престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда, около котораго сосредоточивается военная партія, расположенная къ энергическимъ внѣшнимъ предпріятіямъ. Положеніе самого министра иностранныхъ дѣлъ было не настолько прочно и самостоятельно, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ бороться противъ могущественныхъ закулисныхъ вліяній, и ему слѣдуетъ вмѣнить въ заслугу именно то обстоятельство, что, вопреки всѣмъ воинственнымъ порывамъ высокопоставленныхъ честолюбцевъ, онъ все-таки отстоялъ сохраненіе мира.

Что Европѣ дѣйствительно угрожала опасность войны изъ-за кроваваго балканскаго кризиса—это ясно видно теперь изъ обнародованнаго недавно текста сербско-болгарской военной конвенціи, заключенной въ Варнѣ 19-го іюня 1912 года. Въ третьемъ параграфѣ этого договора сказано, что «въ случаѣ нападенія Австро-Венгріи на Сербію Болгарія обязана немедленно объявить Австро-Венгріи войну и направить въ Сербію не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ, которые въ соединеніи съ сербской арміей будутъ дѣйствовать, частью наступательно, частью оборонительно, противъ Австро-Венгріи». Такое же обязательство лежитъ на Болгаріи по отношенію къ Сербіи, «если Австро-Венгрія подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, по соглашенію съ Турціею или безъ ея согласія, займетъ своими войсками Новобазарскій санджакъ, вслѣдствіе чего Сербія объявитъ войну Австро-Венгріи или направитъ свои войска въ санджакъ для защиты своихъ интересовъ и этимъ вызоветъ столкновеніе съ Австро-Венгріей». Въ другой статьѣ того же до-

говора предусмотрѣно вмѣшательство Румыніи: «въ случаѣ нападенія Румыніи на Болгарію, Сербія обязана немедленно объявить Румыніи войну и послать свои войска, въ количествѣ не менѣе ста тысячъ человѣкъ, на Дунай или на театръ войны въ Добруджѣ». Такъ какъ въ союзномъ сербско-болгарскомъ договорѣ 29 февраля 1912 г. предусмотрѣно обращеніе къ третейскому суду Россіи, то изъ этого дѣлается выводъ, что секретные планы балканскаго союза были хорошо извѣстны нашему министерству иностранныхъ дѣлъ и что руководящая роль въ исполненіи ихъ предназначалась Россіи. Графъ Берхтольдъ въ своемъ политическомъ обзорѣ весьма опредѣленно намекаетъ на то, что союзныя балканскія государства имѣли основаніе разсчитывать на поддержку Россіи въ случаѣ своего столкновенія съ Австро-Венгріею. Возможно-ли допустить,—спрашиваютъ австрійскіе публицисты,—чтобы Сербія и Болгарія серьезно условливались между собою насчетъ войны съ Австро-Венгріею, если бы за ихъ спиною не стояла Россія? Поэтому вѣнскій кабинетъ былъ безусловно правъ съ своей точки зрѣнія, когда поставилъ себѣ задачей расторженіе балканскаго союза и вырвалъ Албанію изъ сербскихъ рукъ; потеря Албаніи именно и обострила ту роковую распрю между союзниками, которая столь трагически окончилась для Болгаріи. Новѣйшія болгарскія разоблаченія также указываютъ на дѣятельное участіе русской дипломатіи въ подготовкѣ событій и рѣшеній, которыя прямо или косвенно были направлены противъ Австро-Венгріи. Съ другой стороны, мы видимъ, что Россія во всѣхъ существенныхъ спорахъ уступала вѣнскому кабинету и смиренно подчинялась его настойчивымъ требованіямъ даже въ такихъ вопросахъ, относительно которыхъ она имѣла свои особыя права и обязанности, какъ, напр., въ дѣлѣ принудительнаго отнятія Скутари отъ Черногоріи для присоединенія его къ будущему албанскому государству, создаваемому во вредъ жизненнымъ интересамъ славянства. Россія имѣла бы полное право отказаться отъ участія въ этой враждебной черногорцамъ кампаніи, и никто не могъ бы за это быть на нее въ претензіи. Для чего же дѣлались ничѣмъ не оправдываемыя уступки австрійцамъ, если онѣ все таки не устраняли недовѣрія и опасеній Австро-Венгріи относительно Россіи?

Для русскаго общества было бы въ высшей степени важно знать, какова была дѣйствительно политика нашей дипломатіи во время послѣдняго кризиса на Ближнемъ Востокѣ, а между тѣмъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ упорно хранитъ молчаніе, отсылая насъ иногда къ какимъ-то сомнительнымъ оффиціознымъ разсужденіямъ, печатаемыхъ въ мало распространенной казенной

газетѣ. Наши министры почему-то избѣгаютъ открытыхъ объясненій предъ русскою публикою по интересующимъ или даже волнующимъ ее вопросамъ внѣшней и внутренней политики; они предпочитаютъ сообщать свои свѣдѣнія и взгляды иностраннымъ корреспондентамъ, при чемъ нерѣдко высказываются въ пренебрежительномъ тонѣ о русской печати и русскомъ общественномъ мнѣніи. Мы думаемъ, что русское общество и русскій народъ имѣютъ законное право знать, въ какомъ направленіи движется политическая дѣятельность правительства и какія цѣли преслѣдуются имъ во внѣшнихъ дѣлахъ. При существованіи народнаго представительства въ видѣ Государственной Думы, можно считать обязательнымъ для министровъ періодическое ознакомленіе русскаго общества съ положеніемъ текущихъ международныхъ вопросовъ, въ которыхъ такъ или иначе приходится участвовать Россіи. Нельзя же намъ узнавать изъ иностранныхъ газетъ о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ русскаго правительства, непосредственно касающихся Россіи и русскаго народа. Довольствоваться въ этомъ отношеніи какими-то жалкими газетными статьями, на которыя указываетъ намъ «освѣдомительное бюро», немыслимо; въ этихъ случаяхъ ничѣмъ не можетъ быть замѣнено личное выступленіе министра, дающее матеріалъ для своевременной критической оцѣнки и для живого обмѣна мнѣній въ публичномъ законодательномъ собраніи. Безъ такого минимальнаго вниманія къ голосу общественнаго мнѣнія и къ доводамъ разумной критики не можетъ быть и рѣчи о цѣлесообразной внѣшней политикѣ, соотвѣтствующей реальнымъ потребностямъ и интересамъ государства; неизбѣжно замѣчаются странныя противорѣчія, колебанія и отступленія, зависящія отъ случайныхъ перемѣнъ въ составѣ дипломатическаго персонала и отъ отсутствія руководящихъ идей въ центральномъ управленіи. Необходимость выработать и опредѣлить эти руководящія идеи становится безусловно настоятельною при современномъ государственномъ строѣ. Было бы, конечно, несправедливо требовать отъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, чтобы онъ дѣйствовалъ съ такой сознательною свободою и авторитетомъ, какъ его британскій коллега, сэръ Эдуардъ Грей, привыкшій высказывать и защищать публично свои взгляды; но можно было бы, по крайней мѣрѣ, слѣдовать болѣе скромному примѣру австрійскихъ министровъ, выступающихъ хоть разъ въ годъ съ своими обстоятельными отчетами передъ делегаціями австрійскаго и венгерскаго парламентовъ.

Въ Германіи общественное мнѣніе взволновано происшествіями, разыгравшимися въ эльзасскомъ городкѣ Савернѣ (нѣмецкое Ца-

бернъ) по поводу страннаго образа дѣйствій нѣсколькихъ юныхъ поручиковъ, съ двадцатилѣтнимъ фонъ-Форстнеромъ во главѣ. Лейтенантъ фонъ-Форстнеръ при обученіи мѣстныхъ новобранцевъ обозвалъ ихъ обиднымъ мѣстнымъ словомъ «wakes», смыслъ котораго толкуется различно; тотъ же презрительный терминъ онъ примѣнялъ вообще къ мѣстнымъ жителямъ; наконецъ, при тѣхъ же новобранцахъ онъ позволилъ себѣ оскорбительно отозваться о французскомъ знамени. Новобранцы разсказали объ этомъ роднымъ и знакомымъ; сообщенныя имъ свѣдѣнія попали въ печать и обыватели стали относиться къ фонъ-Форстнеру враждебно, дѣлали свои замѣчанія при встрѣчахъ съ нимъ, высмѣивали его, или ему казалось, что надъ нимъ смѣются. Для огражденія чести мундира лейтенантъ фонъ-Форстнеръ появлялся на улицахъ городка не иначе какъ въ сопровожденіи четырехъ солдатъ; онъ заходилъ съ этимъ конвоемъ въ частные магазины для мелкихъ покупокъ, останавливалъ и арестовывалъ смѣявшихся или непочтительно смотрѣвшихъ на него прохожихъ, приказывалъ солдатамъ разогнать слѣдовавшихъ за нимъ мальчиковъ и попалъ вообще въ такое положеніе, при которомъ долженъ быть постоянно дѣйствовать оборонительно или наступательно противъ мѣстныхъ жителей. Группы офицеровъ съ вызывающимъ видомъ обходили городъ и задерживали людей, позволявшихъ себѣ какіе-либо насмѣшливые возгласы; арестованные отводились въ казармы и отпускались на свободу послѣ составленія протокола; мѣстныя гражданскія власти протестовали противъ этихъ незаконныхъ арестовъ, и городское управленіе постановило предоставить задержаннымъ лицамъ нужныя средства для взысканія убытковъ съ отвѣтственнаго командира полка, фонъ-Рейтера. Конфликты офицеровъ съ обывателями повторялись почти ежедневно; раздраженіе возростало въ мирномъ населеніи Саверна, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло едва не доходило до употребленія оружія. Городской совѣтъ послалъ телеграммы съ жалобами на дѣйствія гарнизона намѣстнику Эльзаса-Лотаргиніи графу Веделю, имперскому канцлеру, рейхстагу и военному министру. Отъ военнаго министра полученъ отвѣтъ, что телеграмма передана въ Страсбургъ военному начальству, которому предстоитъ «безусловно устранить всякія нарушенія законовъ». Канцлеръ отвѣтилъ, что сообщилъ содержаніе телеграммы намѣстнику, и что «въ случаѣ обнаруженія чего-либо незаконнаго при строгомъ разслѣдованіи будутъ приняты надлежащія мѣры».

Въ имперскій сеймъ былъ внесенъ запросъ, который возбудилъ горячія пренія. Не только оппозиціонные депутаты, но и національ-либералы и представители центра возмущались поведеніемъ воен-

ныхъ властей, допустившихъ распространеніе въ краѣ неудовольствія противъ арміи изъ-за безтактныхъ поступковъ отдѣльныхъ юныхъ офицеровъ. Въ засѣданіи 3-го декабря (20-го ноября) канцлеръ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ пытался по обыкновенію доказать свою объективность совмѣщеніемъ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны онъ признавалъ, что военная дисциплина должна быть безусловно поддерживаема, что мирные обыватели должны уважать армію и не имѣютъ права оскорблять или высмѣивать офицеровъ, каковы бы они ни были, т. е. онъ признавалъ то, противъ чего никто не спорилъ въ принципѣ; съ другой стороны, онъ утверждалъ, что необходимо ограждать авторитетъ закона такъ же точно, какъ и авторитетъ власти. Канцлеръ отчасти оправдывалъ дѣйствія офицеровъ, объясняемыя поведеніемъ обывателей, и въ то же время требовалъ сдержанности и спокойствія отъ населенія, раздраженнаго самовольными и явно незаконными арестами; но, разумѣется, для органовъ власти всегда обязательно сохраненіе спокойствія и самообладанія, связанное съ соблюденіемъ законности, и потому мѣстные жители могли ожидать, что военное начальство своевременно ограничитъ лейтенанта фонъ-Форстнера и съумѣетъ заставить его уважать мирное населеніе края, гдѣ проходитъ его служба. Еслибы съ самаго начала этотъ юный поручикъ, возставившій противъ себя безобидныхъ бюргеровъ Саверна, былъ переведенъ, съ соотвѣтственными наставленіями, въ другую мѣстность, то не было бы всей этой тревоги, которая охватила Эльзасъ и болѣзненно отозвалась въ значительной части Германіи. Казалось, что мирная политическая жизнь наладилась въ Эльзасѣ-Лотарингіи послѣ введенія либеральной мѣстной конституціи; населеніе постепенно привыкало къ установившемуся порядку вещей и мирилось съ культурнымъ нѣмецкимъ режимомъ—и вдругъ всѣ достигнутые политическіе результаты этой нѣмецкой коллективной работы разрушаются по произволу молоденькихъ офицеровъ, прикрываемыхъ и поощряемыхъ начальствомъ во имя огражденія чести мундира. Почему достоинство двадцатилѣтняго лейтенанта пострадало бы отъ признанія его ошибокъ и почему его офицерское самолюбіе важнѣе достоинства и спокойствія сотенъ и тысячъ гражданъ Эльзаса-Лотарингіи—этого не могутъ понять даже благонамѣреннѣйшіе нѣмецкіе патріоты. Бетманъ-Гольвегъ ставилъ вопросъ такъ, точно все дѣло—въ поведеніи мирныхъ жителей, а не въ поступкахъ офицеровъ; онъ обращался съ своими упреками и напоминаніями только къ населенію, которое, однако, ничѣмъ не нарушало уваженія къ арміи до появленія лейтенанта фонъ-Форстнера. Рѣчь канцлера по своему тону и содержанію произвела крайне непріят-

ное впечатлѣніе на значительное большинство палаты. Еще менѣе удачно говорилъ прусскій военный министръ, генералъ фонъ-Фалькенгайнъ, который почти исключительно направилъ свои стрѣлы противъ людей, не понимающихъ значенія военнаго мундира и стремящихся возстановить населеніе противъ арміи путемъ газетной и уличной агитаціи изъ-за такихъ пустяковъ, какъ ошибочныя или неправильныя дѣйствія неопытнаго лейтенанта. Странныя заявленія генерала фонъ-Фалькенгайна были прерываемы рѣзкими возгласами и протестами оппозиціи, причемъ особенно энергично нападалъ на него соціалистъ Ледебуръ. Въ слѣдующемъ же засѣданіи, 4-го декабря, имперскій сеймъ большинствомъ 293 противъ 54 голосовъ выразилъ свое порицаніе канцлеру фонъ-Бетманъ-Гольвегу. Произошелъ настоящій политическій кризисъ, съ которымъ не скоро справится императоръ — ибо затронутъ милитаризмъ, составляющій основу современнаго политическаго положенія Германіи.

Предъ нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ вновь раскрылась ненормальность положенія арміи, какъ самостоятельной вооруженной силы, поставленной внѣ и выше націи; многіе вспомнили по этому поводу два эпизода—знаменитую эпопею сапожника, переодѣтаго капитаномъ и завладѣвшаго отъ имени высшаго начальства городскою ратушей и кассою Кепеника, при помощи встрѣченной имъ и покорно послѣдовавшей за нимъ роты солдатъ,—и не менѣе знаменитую фразу реакціоннаго депутата Ольденбурга, что одного лейтенанта съ десятью солдатами достаточно для закрытія имперскаго сейма. Военные въ Пруссіи твердо вѣрятъ, что офицерскій мундиръ всесиленъ въ глазахъ нѣмецкаго бюргерства, что военный классъ долженъ держаться въ сторонѣ отъ остального населенія и обязанъ заботиться о своемъ авторитетѣ и престижѣ при всякихъ вообще обстоятельствахъ. Командиръ полка, гдѣ служитъ Форстнеръ, вполнѣ одобрялъ его поведеніе и находилъ унизительнымъ дѣлать какую-либо уступку простымъ обывателямъ; такъ-же смотритъ на вещи корпусный командиръ въ Страсбургѣ, генералъ фонъ-Даймлингъ, и наконецъ, въ томъ-же духѣ высказывается въ парламентѣ военный министръ, который также устанавливаетъ какой-то принципіальный антагонизмъ между арміей и мирнымъ населеніемъ. Можно было опасаться, что императоръ Вильгельмъ II, находившійся въ это время въ замкѣ князя Фюрстенберга, въ Донаушингенѣ, приметъ точку зрѣнія военнаго министра и потребуетъ отъ эльзасцевъ покорности прусскимъ офицерамъ; но этого не случилось, и вопреки ожиданіямъ военнаго класса принято радикальное рѣшеніе, благопріятное для Саверна и для всего

Эльзаса,—рѣшеніе о немедленномъ переводѣ полка съ неуживчивыми офицерами въ другую мѣстность. Такимъ образомъ военный вопросъ разрѣшенъ благополучно, но положеніе канцлера отъ этого не поправилось. Бетманъ-Гольвегъ на этотъ разъ оказался ниже своей репутаціи; онъ взглянулъ на происшедшіе инциденты не какъ государственный человѣкъ, а какъ оффиціальное лицо, призванное смягчать и перетолковывать факты для оправданія и извиненія виновныхъ.

Для насъ во всей этой исторіи любопытно одно: въ сущности провинившіеся офицеры не успѣли совершить никакого непоправимаго зла, не убили ни одного человѣка, не приказывали солдатамъ стрѣлять или идти въ штыки противъ враждебно настроенной толпы, а ограничивались только задержаніемъ отдѣльныхъ лицъ, казавшихся имъ участниками демонстрацій. Между тѣмъ вся Германія взволновалась, канцлеру выражено порицаніе въ парламентѣ, оппозиція требуетъ отставки военнаго министра, и недовольному населенію дано удовлетвореніе косвеннымъ признаніемъ неумѣлости и безтактности мѣстныхъ военныхъ властей. Въ то-же время производится энергичное судебное слѣдствіе для опредѣленія законной отвѣтственности замѣшанныхъ должностныхъ лицъ. Въ другихъ странахъ случались повальные безпричинные разстрѣлы десятковъ и сотенъ людей—и не вызывали никакихъ чувствительныхъ послѣдствій для виновныхъ; не производилось никакого суда, и правительство не подвергалось изъ-за этого никакому кризису и не обнаруживало никакого особеннаго безпокойства. Лейтенантъ Форстнеръ нехорошо отзывался объ эльзасскихъ рекрутахъ и этимъ поднялъ въ странѣ столько шуму, что даже судьба Эльзаса была какъ будто поставлена на карту; что-же было-бы, если-бы онъ заставилъ солдатъ употребить оружіе противъ преслѣдовавшихъ его демонстрантовъ? Савернскія «событія», при всей видимой незначительности ихъ, взбудоражили общественное мнѣніе именно потому, что въ нихъ усмотрѣны были признаки беззаконія. Чувствительность къ малѣйшему отступленію отъ установленнаго законнаго порядка въ общественной и національной жизни является лучшимъ доказательствомъ здороваго политическаго состоянія и развитія страны, не смотря на существованіе односторонняго милитаризма и связанныхъ съ нимъ недуговъ. Способность реагировать на всякую неправильность дѣйствій военной и гражданской администраціи обезпечиваетъ нѣмецкое общество отъ злоупотребленій, прочно вошедшихъ въ практику и возведенныхъ даже въ систему въ нѣкоторыхъ странахъ Европы.

Во Франціи произошло паденіе министерства, но это событіе гораздо меньше волнуетъ французовъ, чѣмъ занимаетъ нѣмцевъ саверпская исторія. Перемѣна кабинета при республикѣ не означаетъ ни перемѣны въ общей политикѣ правительства, ни измѣненія въ составѣ правительственнаго большинства. Министерство Барту, призванное къ власти президентомъ Пуанкаре послѣ удаленія Бріана, съ самаго начала не имѣло подъ собою надежной почвы и осуждено было на лавированіе между разными республиканскими группами; притомъ и имена министровъ не пользовались большимъ авторитетомъ и достаточно широкою популярностью.

Главнымъ противникомъ Барту былъ бывшій премьеръ и министръ финансовъ, ловкій дѣлецъ, участникъ крупныхъ промышленныхъ и банковыхъ предпріятій, и въ тоже время передовой радикалъ-соціалистъ—Кальо. По вопросу о крупномъ займѣ въ полтора милліарда франковъ, понадобившемся для нуждъ военнаго вѣдомства и для покрытія бюджетнаго дефицита, возникла оживленная полемика о допустимости или недопустимости освобожденія новой государственной ренты отъ общаго налога на проценты съ капитала. Это освобожденіе входило въ условія займа по проекту правительства; но оппозиція, руководимая Жоресомъ и Кальо, горячо и убѣдительно доказывала, что предположенная мѣра находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ принципами подоходнаго налога, о которомъ еще не закончены пренія въ сенатѣ. Заранѣе отказываться отъ примѣненія этого налога къ извѣстнымъ формамъ постояннаго дохода значило бы, по мнѣнію оппозиціи, создавать особую группу привилегированныхъ гражданъ, свободныхъ отъ платежей съ принадлежащихъ имъ капиталовъ, и эта привилегія давалась бы именно богатымъ владѣльцамъ процентныхъ бумагъ, въ отличіе отъ менѣе состоятельныхъ обывателей. На этой почвѣ не трудно было возбудить неудовольствіе противъ министерства Барту, и въ засѣданіи палаты 2-го декабря большинство 290 голосовъ противъ 265 отвергло поправку, съ которою кабинетъ связалъ свою судьбу. Съ паденіемъ министерства откладывается на нѣкоторое время разсмотрѣніе поставленныхъ имъ на очередь финансовыхъ вопросовъ, а тѣмъ временемъ состоится вѣроятно компромиссъ между парламентскими партіями относительно возникшихъ принципіальныхъ разногласій.

Въ Италіи министерства мѣняются не такъ часто, какъ во Франціи. Кабинетъ Джолитти держится уже третій годъ—съ марта 1911 года—и до сихъ поръ не проявляетъ признаковъ слабости; напротивъ, онъ пріобрѣлъ новую силу и авторитетъ послѣ произведенныхъ имъ крупныхъ преобразованій, изъ которыхъ наибольшее

значеніе имѣетъ избирательная реформа. Новый избирательный законъ увеличилъ число избирателей съ 3½ милліоновъ до 8.572.000, и послѣдніе октябрьскіе выборы представляли первый опытъ примѣненія новой системы всеобщаго народнаго голосованія въ Италіи. Большинство вновь избранныхъ депутатовъ принадлежитъ къ сторонникамъ правительства; усилилась также партія соціалистовъ и появилась новая группа скрытыхъ и явныхъ клерикаловъ, обязанныхъ своимъ избраніемъ содѣйствію духовенства, которое прежде принципіально устранялось отъ какого бы то ни было участія въ парламентскихъ выборахъ. При открытіи засѣданій парламента 27 (14)-го ноября была прочитана королемъ тронная рѣчь, въ которой выражены весьма оптимистическіе взгляды на настоящее положеніе Италіи. Джолитти—далеко не заурядный политическій дѣятель; онъ имѣетъ опредѣленную программу, построенную на широкой соціальной основѣ, и проводитъ свои идеи съ сознательною послѣдовательностью и съ большимъ практическимъ искусствомъ. Онъ умѣетъ подчинять себѣ людей не только своимъ ораторскимъ талантомъ и твердою убѣжденностью своихъ рѣчей, но и силою своего характера и своей воли. Какъ государственный человѣкъ, Джолитти остается пока единственнымъ въ своемъ родѣ, и у него нѣтъ равносильныхъ соперниковъ въ современной Италіи.

Въ Мексикѣ давно уже происходятъ кровавыя междоусобія, принимающія въ послѣднее время все болѣе ожесточенный характеръ. Вооруженные отряды, начальники которыхъ называютъ себя конституціоналистами, нападаютъ на мирные города, грабятъ и избиваютъ жителей, выжигаютъ окрестныя села и дѣйствуютъ вообще какъ шайки разбойниковъ; не лучше поступаютъ и правительственныя войска, подчиняющіяся сторонникамъ нынѣшняго временнаго президента, генерала Хуэрты. Въ охваченныхъ волненіями областяхъ водворяется анархія, и ни откуда не видно спасенія; иностранные поселенцы, владѣльцы крупныхъ предпріятій, промышленники и торговцы взываютъ о помощи къ мѣстнымъ консульствамъ, но тѣ даютъ и могутъ давать только одинъ совѣтъ—бросать все и уѣзжать поскорѣе. Правительство сосѣдней великой республики, наиболѣе заинтересованной въ возстановленіи порядка въ Мексикѣ, соблюдаетъ принципъ невмѣшательства и въ то же время заявляетъ офиціально, что не признаетъ генерала Хуэрту законнымъ президентомъ и требуетъ возстановленія и правильнаго дѣйствія мексиканской конституціи. Генералъ Хуэрта разогналъ прежній конгрессъ и арестовалъ большинство его членовъ по обвиненію ихъ въ солидарности съ революціонерами;

онъ формально отказывался ставить свою кандидатуру на предстоявшихъ президентскихъ выборахъ и обѣщалъ поддержку другимъ кандидатамъ—своему министру иностранныхъ дѣлъ Гамбоа и генералу Феликсу Діацу, племяннику знаменитаго Порфиріо Діаца, бывшаго безсмѣннымъ правителемъ Мексики съ 1876-го года, въ теченіе тридцати четырехъ лѣтъ.

Генералъ Хуэрта дѣлалъ видъ, что подчиняется требованіямъ Соединенныхъ Штатовъ; но, какъ и слѣдовало ожидать, предположенное избраніе новаго президента не состоялось, и онъ остался фактически единственнымъ представителемъ власти въ странѣ. Октябрьскіе парламентскіе выборы дали ему послушное большинство, и новый конгрессъ, въ первомъ своемъ засѣданіи 20-го ноября, съ восторгомъ привѣтствовалъ президентское посланіе, проникнутое духомъ самоувѣреннаго оптимизма. Какъ видно изъ описаній немногихъ заграничныхъ корреспондентовъ, преимущественно англійскихъ, населеніе города Мексики встрѣчало проѣзжавшаго президента шумными овваціями; между тѣмъ вождь «конституціоналистовъ», генералъ Карранца, продолжаетъ воевать и грозитъ смертною казнью всѣмъ «измѣнникамъ», приверженцамъ и единомышленникамъ генерала Хуэрты. Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Вильсонъ по прежнему стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что главный врагъ конституціи въ Мексикѣ—генералъ Хуэрта, и что пока онъ не устраненъ, нельзя и думать о возстановленіи законнаго порядка вещей; этимъ, конечно, поощряются военныя дѣйствія генерала Карранцы и его сподвижниковъ, которымъ безпрепятственно доставляются американцами оружіе и боевые припасы. Въ своемъ посланіи, прочитанномъ при открытіи американскаго конгресса 2-го декабря (19-го ноября), президентъ Вильсонъ вновь подтверждаетъ, что миръ не можетъ быть возстановленъ въ Мексикѣ, пока генералъ Хуэрта не сложитъ съ себя присвоенной имъ власти, и что незаконныя правительства такого рода не будутъ признаваться Соединенными Штатами, которые не станутъ вступать съ ними ни въ какія сношенія. Онъ надѣется на скорое паденіе диктатуры генерала Хуэрты, и это паденіе должно совершиться безъ всякаго активнаго участія Соединенныхъ Штатовъ; тогда—говоритъ президентъ Вильсонъ—въ «несчастной Мексикѣ возстановится законный порядокъ, благодаря согласію и энергіи тѣхъ ея вождей, которые ставятъ свободу своихъ согражданъ выше своего личнаго честолюбія». Бѣда только въ томъ, что такихъ безкорыстныхъ конституціонныхъ вождей не существуетъ въ Мексикѣ и что главный изъ нихъ, генералъ Карранца, повидимому, гораздо хуже генерала Хуэрты; а главное—послѣдній все-таки пользуется наибольшимъ авторитетомъ и популярностью, и дѣятельность

его формально одобряется единственнымъ существующимъ въ странѣ законнымъ учрежденіемъ — мексиканскимъ конгрессомъ, хотя и избраннымъ при исключительныхъ условіяхъ. Требовать отъ мексиканцевъ избранія новаго президента, взамѣнъ генерала Хуэрты — значитъ, очевидно, вмѣшиваться во внутреннія дѣла Мексики, а подобное вмѣшательство отвергается въ принципѣ американскимъ правительствомъ. Политика президента Вильсона ставитъ передъ Мексикою неразрѣшимую диллему—или отдаться въ руки кровожадныхъ сподвижниковъ генерала Карранцы, или отказаться отъ надежды на установленіе какого бы то ни было законнаго правительства, которое могло бы быть признано Соединенными Штатами. Среди этихъ международныхъ пререканій и споровъ забываются какъ будто всѣ ужасы и бѣдствія мексиканскихъ междоусобій,—и однако эти ужасы и бѣдствія вполнѣ оправдывали бы то сочувственное, безкорыстное активное вмѣшательство, отъ котораго открещивается до сихъ поръ правительство могущественной сѣверо-американской республики.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

«Разоблаченія» В. Н. Коковцова.—Эволюція стародавней формулы.—На чемъ покоится оффиціальный оптимизмъ?—Рѣчь А. И. Гучкова.—Что онъ сказалъ и чего не договорилъ?—Расправа съ дипломатомъ.

Въ Берлинѣ В. Н. Коковцовъ одновременно, (судя по телеграммамъ—даже въ одинъ и тотъ же день), имѣлъ бесѣды съ представителями русскихъ газетъ и съ редакторомъ нѣмецкой. Первымъ онъ высказалъ удовольствіе по поводу ликвидаціи конфликта между министрами и Думой и заявилъ, что «совмѣстная дѣятельность правительства и Думы составляетъ коренное условіе въ дѣлѣ правильнаго развитія нашего законодательства». А передъ вторымъ онъ съ изумительной для главы русскаго правительства откровенностью низвергъ Думу съ конституціоннаго пьедестала. Въ томъ ли заключается внутренняя политика Россіи—спросилъ себя въ присутствіи иностраннаго журналиста В. Н. Коковцовъ,—«что подъ нею подразумѣваютъ депутаты Думы и пресса?» И отвѣтъ онъ далъ рѣшительно отрицательный: «это можетъ быть вѣрно для большихъ городовъ, но на разстояніи ста километровъ отъ крупныхъ центровъ и въ 30 километрахъ отъ губернскихъ городовъ уже ничего не знаютъ обо всей этой политикѣ».

Что депутаты четвертой Государственной Думы, собранные по закону 3 Іюня и путемъ «подготовки» выборовъ, коснувшейся, главнымъ образомъ, крестьянства, не могутъ трактоваться какъ

вѣрные выразители политическаго настроенія Россіи и того, что понимаютъ подъ внутренней политикой «на разстояніи ста километровъ отъ крупныхъ центровъ и въ тридцати километрахъ отъ губернскихъ городовъ»—объ этомъ никто слѣва, зато собою разумѣется, не станетъ спорить съ В. Н. Коковцовымъ. Что русская пресса лишена возможности правильно отражать политическія переживанія уѣздовъ и деревни—тоже отрицать невозможно. Возможно и то, что многое изъ происходящаго внутри Таврическаго дворца не долетаетъ до уѣздной и деревенской глуши. Но почему все это было сказано иностранному журналисту, т. е. для свѣдѣнія Запада? И почему для свѣдѣнія Россіи В. Н. Коковцовъ говорилъ нѣчто прямо противоположное — о «совмѣстной дѣятельности правительства и Думы?» Зачѣмъ, какъ остроумно и зло отмѣтилъ членъ Думы Чхеидзе, самъ В. Н. Коковцовъ произноситъ въ Таврическомъ дворцѣ длиннѣйшія рѣчи, если онъ сознаетъ, что голоса съ думской трибуны слышны только въ большихъ городахъ?

Не только министръ иностранныхъ дѣлъ,—дипломатъ по профессіи,—но каждый министръ и даже каждый политическій дѣятель, хотя бы принадлежащій къ оппозиціи, разъ онъ находится за-границей, не можетъ не быть дипломатомъ. Быть дипломатомъ—значитъ имѣть двоякія мысли: одни для себя и другія для заграничнаго, такъ сказать, экспорта. И если бы, предположимъ, германскій канцлеръ или англійскій первый министръ, находясь въ Петербургѣ, вели бесѣды съ германскими или англійскими журналистами и съ русскимъ, то они навѣрное бы не сказали второму всего того, что первымъ. Полагаемъ, однако, что отзыва о законодательномъ учрежденіи чужой страны, подобнаго тому, какой далъ нѣмецкому журналисту В. Н. Коковцовъ, русскій журналистъ, и къ тому же въ Петербургѣ, никогда не услыхалъ бы ни отъ германскаго канцлера, ни отъ англійскаго, французскаго, японскаго и т. д. премьеровъ, не исключая болгарскаго и сербскаго.

Уколы русскому національному достоинству сыплются со всѣхъ сторонъ. За сотнями подписей людей, извѣстныхъ всему культурному человѣчеству своей научной, литературной и общественной дѣятельностью, редакціями русскихъ газетъ получено воззваніе-протестъ по поводу положенія политическихъ преступниковъ, содержащихся въ тюрьмахъ и ссылкѣ въ Россіи. Люди разныхъ политическихъ убѣжденій, отъ соціалистовъ до консерваторовъ, священники и артисты, философы и поэты, подняли голосъ противъ «ужасныхъ условій» русской ссылки и тюрьмы. Они приглашаютъ гражданъ всѣхъ странъ «разбудить общечеловѣческую совѣсть». Они обращаются съ просьбой придти морально и матеріально на помощь рус-

скимъ политическимъ заключеннымъ. И мы должны молчать! Мы не можемъ протестовать. Протестъ, пришедшій съ Запада, мы должны были встрѣтить съ надеждой... Зачѣмъ понадобилось В. Н. Коковцову подчеркивать для свѣдѣнія заграничной прессы, что русская Дума оторвана отъ страны, что русская внутренняя политика совсѣмъ не въ томъ, что подразумѣваютъ подъ нею «депутаты Думы»? Зачѣмъ было все это покрывать передъ иностранцами авторитетомъ предсѣдателя совѣта министровъ? Неужели только затѣмъ, чтобы «Berliner Tageblatt» могъ напечатать статью подъ заглавіемъ: «Революціи не предстоитъ»?..

Въ своихъ «разоблаченіяхъ» нашихъ политическихъ условій даннаго момента В. Н. Коковцовъ былъ до конца послѣдователенъ. «Для большихъ политическихъ реформъ Россія—говорилъ В. Н. Коковцевъ — еще не готова. Возможно, что когда-нибудь реформы осуществятся, но для этого нужно время»... «Задачею момента является созданіе хорошаго административнаго аппарата, а не такъ называемыхъ политическихъ законовъ».. «Я стремлюсь къ хорошему управленію, поступающему справедливо, дабы каждый чувствовалъ себя подъ защитой и видѣлъ благожелательное къ себѣ отношеніе»...

Для правильнаго уясненія заключающихся въ этихъ словахъ мыслей нельзя забывать сказаннаго русскимъ журналистамъ: «совмѣстная дѣятельность правительства и Думы составляетъ коренное условіе въ дѣлѣ правильнаго развитія нашего законодательства». В. Н. Коковцовъ ничего не имѣетъ противъ Думы, которая не отражаетъ собою страны и голосъ которой до страны не доходитъ. Не отрицаетъ онъ необходимости текущаго законодательства. «Вермишель» неизбѣжна, и пусть Дума помогаетъ правительству въ ней разбираться. Болѣе того: пусть Дума увеличиваетъ число сенаторовъ административныхъ департаментовъ и удваиваетъ ихъ оклады, — конечно не касаясь условій дѣятельности сената, — пусть конкурируетъ съ министерствомъ въ созданіи новыхъ ограниченій для инородцевъ. Но то, во имя чего Государственная Дума восемь лѣтъ назадъ получила жизнь—гражданская свобода, правовой строй, созидательная, при участіи народнаго творчества, законодательная работа,—на всемъ этомъ, по утвержденію главы правительства, если не поставленъ, то долженъ быть поставленъ крестъ. Послѣ роспуска народныхъ представителей, входившихъ въ составъ первой и второй Думы, П. А. Столыпинъ, подъ аплодисменты «послушной»третьей Думы, провозгласилъ: «сперва успокоеніе—потомъ реформы». Успокоеніе шло—реформы отдалялись. Успокоеніе наступило—въ необходи-

мости реформъ явились сомнѣнія. Но то были лишь сомнѣнія, и мысль правительства колебалась: возможность новаго революціоннаго взрыва еще не отвергалась. «Революціи—сказалъ въ Берлинѣ В. Н. Коковцевъ—не будетъ». И рядомъ съ этимъ утвержденіемъ заявилъ: «Для большихъ политическихъ реформъ Россія не готова». Такъ говорилось долгіе, долгіе годы при старомъ строѣ. Такъ сказано въ итогѣ восьми лѣтъ практики новаго. «Такъ называемые» политическіе законы не нужны. Нуженъ «хорошій административный аппаратъ». Нуженъ утирающій слезы плачущихъ обывателей жандармскій штабъ-офицеръ, нужна «справедливая» властная рука, нуженъ «благожелательный» защитникъ, покровитель и опекунъ... Какъ все это старо. Какъ все это испытано и переиспытано...

Революціи, по словамъ В. Н. Коковцова, не будетъ, во-первыхъ, потому, что экономическіе интересы отодвинули политическіе на задній планъ; во-вторыхъ, потому, что движеніе 1905 года было возможно только какъ результатъ неудачной войны; въ-третьихъ, потому, что для революціи нѣтъ никакихъ основаній; въ-четвертыхъ, потому, что революціи въ Россіи болѣе не желаютъ. Кто, когда и гдѣ желалъ революціи для революціи? Вотъ «большихъ политическихъ реформъ» и «такъ называемыхъ политическихъ законовъ» люди могутъ желать и всегда желаютъ. Революція же вездѣ и всюду бывала средствомъ, а не цѣлью. Стремленіе къ свободѣ составляетъ свойство человѣческой природы и изъ сознанія человѣка никогда нельзя вытравить желанія улучшить и облегчить условія своего существованія. Если же человѣкъ рѣшается силою завоевать себѣ свободу и улучшенныя условія существованія, то болѣе чѣмъ странно объяснять это революціоннымъ озорствомъ. Правда, въ странѣ могутъ быть извѣрившіеся элементы, въ сознаніи которыхъ революція, какъ средство, заслонила цѣль революціонныхъ выступленій. Но можно ли то движеніе, которымъ такъ недавно была охвачена вся Россія, относить всецѣло на счетъ этихъ элементовъ? Равнымъ образомъ, можно ли видѣть начало и конецъ движенія 1905-го года въ неудачной войнѣ? И можно ли, далѣе, отвергать, что въ этомъ движеніи экономическіе интересы сыграли даже бо́льшую роль, нежели политическіе?.. Напомнимъ слова А. И. Гучкова. «Пусть — говоритъ онъ—не заблуждаются относительно народныхъ настроеній, пусть не убаюкиваются внѣшними признаками спокойствія. Никогда еще революціонныя организаціи, добивающіяся насильственнаго переворота, не были въ такомъ состояніи разгрома и безсилія — и никогда еще русское общество и русскій народъ не были такъ глубоко революціонизированы дѣйствіями самой власти, ибо съ каждымъ днемъ все болѣе теряется

вѣра въ эту власть, а съ ней и вѣра въ возможность нормальнаго, мирнаго выхода изъ кризиса».

Думѣ и прессѣ, В. Н. Коковцовъ противопоставилъ народъ. Между правительствомъ и народомъ, по его словамъ, «нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія во взглядахъ на внутреннюю политику. Въ Россіи есть лишь отдѣльные политики, несогласные съ правительствомъ, — но это не народъ». Не знаемъ, какъ отнесся къ этой заключительной фразѣ редакторъ нѣмецкой газеты. Но намъ ясно, что ее никогда бы не рискнулъ сказать В. Н. Коковцовъ русскимъ журналистамъ. Ибо они естественно его спросили бы: если такъ, то почему 3 іюня 1907-го года правительство П. А. Столыпина лишило девять десятыхъ «народа» избирательныхъ правъ и почему въ 1912-мъ году правительство его, В. Н. Коковцова, приложило на выборахъ поистинѣ героическія усилія, дабы и сохранившая избирательныя права одна десятая «народа» не послала въ Думу тѣхъ, кого хотѣла? Русскій «народъ» уже пересталъ быть сфинксомъ и ссылаться на «народъ» должно съ осторожностью. У правительства въ данный моментъ есть одинъ несомнѣнный союзникъ: «объединенное» дворянство.

Въ рѣчи А. И. Гучкова на конференціи октябристовъ не было словъ покаянія, но, въ сущности, она имѣла ясно выраженный покаянный характеръ. Оглядываясь на «русскую историческую драму истекшаго десятилѣтія», глава октябристовъ говорилъ, что «вся исторія этихъ годовъ есть одна цѣпь неудачъ и пораженій». «Эти» годы суть, главнымъ образомъ, годы третьей Думы—т. е. то пятилѣтіе, отвѣтственность за которое падаетъ на октябристовъ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ на правительство. И не ощущать этого теперь, когда, по его собственному утвержденію, «съ каждымъ днемъ все болѣе теряется вѣра въ возможность нормальнаго выхода изъ кризиса»,—А. И. Гучковъ, само собою разумѣется, не можетъ. Руководимые имъ октябристы въ 1907-мъ году, мало сказать, протянули П. А. Столыпину руку: они создали для него реальную опору въ Думѣ. Они согласились забыть манифестъ 17 октября. Они все поставили на карту,—вплоть до согласія, чтобы въ лицѣ ихъ была инсценирована воля того яко-бы миѳическаго «народа», желанія и мысли котораго В. Н. Коковцовъ нынѣ сливаетъ со взглядами правительства уже безъ всякаго посредствующаго звена. Они неразрывно связали себя съ исполнительной властью и цѣлыхъ пять лѣтъ были вѣрны обѣту послушанія. И если въ итогѣ А. И. Гучковъ выну-

женъ констатировать, что исторія «этихъ» годовъ «есть одна цѣпь неудачъ и пораженій», то онъ тѣмъ самымъ констатировалъ свои «неудачи» и «пораженія». Если онъ счелъ себя въ правѣ и обязаннымъ «въ дни безумія власти сказать этой власти серьезное слово предостереженія»,—то онъ тѣмъ самымъ осудилъ себя за то, что не говорилъ этого слова ранѣе.

Непосредственно послѣ рѣчи А. И. Гучкова говорилъ одинъ изъ наиболѣе экспансивныхъ внѣдумскихъ октябристовъ, П. С. Чистяковъ. Онъ потребовалъ измѣненія программы союза. «Нужно—заявилъ онъ—выставить требованіе отвѣтственнаго министерства; нужно требовать установленія парламентскаго режима». Его словамъ, правда, апплодировали немногіе. Большая часть собранія ихъ встрѣтила «холоднымъ молчаніемъ». Но самый тотъ фактъ, что на октябристскомъ собраніи раздались слова объ отвѣтственномъ министерствѣ, достаточно характеренъ. Слова П. С. Чистякова явились, быть можетъ, еще не сознаннымъ и, пожалуй, самимъ А. И. Гучковымъ еще не признаннымъ, но неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ изъ его рѣчи. Они засвидѣтельствовали, что не только тактическіе пріемы политики октябристовъ подлежатъ рѣшительному пересмотру, но что даже идейный октябризмъ, въ средѣ октябристовъ сталъ вызывать сомнѣнія. И можетъ ли быть иначе, если другой октябристъ, В. К. фонъ-Анрепъ, въ томъ же собраніи—и подъ «бурныя, продолжительныя рукоплесканія»—говорилъ: «Я не думаю, чтобы можно было сейчасъ достигнуть результатовъ, чтобы законы, проведенные въ Думѣ, увидѣли свѣтъ»... Въ дни второй Думы такъ не говорили даже кадеты; такъ говорили тогда крайніе лѣвые. Теперь такъ говорятъ октябристы. И имъ никто не возражаетъ, съ ними никто не споритъ. Предсѣдатель совѣта министровъ объявилъ: «для большихъ политическихъ реформъ Россія не готова», «такъ называемые» политическіе законы не нужны... Гдѣ же почва для идейнаго октябризма?

Идейный октябризмъ есть конституціонный консерватизмъ. А. И. Гучковъ совершенно правъ, что октябризмъ, въ моментъ возникновенія союза 17 октября, «исторической ошибкой не былъ». Манифестъ 17 октября, конечно, не сказалъ въ конституціонализмѣ послѣдняго слова. А потому вполнѣ естественно, что прогрессивно-конституціонныя теченія общественной мысли, съ изданіемъ манифеста, не замерли. Но столь же естественно, что конституціоналисты должны были тогда расколоться и что параллельно съ прогрессивно-конституціоннымъ теченіемъ, должно было опредѣлиться и вылиться въ партійную форму теченіе охранительно-конституціонное.

ціонное. Въ первые дни послѣ 17 октября никому и въ голову не приходило, что слова манифеста въ одной части останутся вовсе не реализованными, а въ другой — получатъ то реальное выраженіе, которое они получили. Это былъ, во всякомъ случаѣ, конституціонный актъ съ совершенно опредѣленнымъ содержаніемъ. Однимъ его содержаніе могло представляться недостаточнымъ. Для другихъ манифестъ сталъ объектомъ охраны и именно въ конституціонномъ смыслѣ. Эти другіе и объединились въ союзъ 17 октября подъ главенствомъ графа П. А. Гейдена, Д. Н. Шипова, М. А. Стаховича, А. И. Гучкова и Н. А. Хомякова.

«Первые дни» послѣ манифеста продолжались, однако, слишкомъ короткое время. Революція развивалась и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явились жестокіе эксцессы въ пріемахъ ея подавленія. Тѣ правые, которые теперь распредѣлились между «объединенными» дворянами и націоналистами, тогда какъ-то вдругъ исчезли. Тогда правѣе прогрессивно-конституціонныхъ теченій были только контръ-революціонная черная сотня, представляемая «истинно-русскими» чайными, и октябристы. Подъ флагъ союза 17 октября пошли люди, совершенно чуждые идейному октябризму. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ людей, отчасти въ силу охватившаго идейныхъ октябристовъ испуга, союзъ чрезвычайно быстро изъ конституціонно-консервативной партіи обратился въ партію борьбы съ революціей, — не той борьбы, которую вели докторъ Дубровинъ, Б. Никольскій и наемные убійцы, а той, которую вела власть. Эта эволюція октябризма вполнѣ опредѣлилась со времени созыва первой Думы. Когда правительственная декларація, служившая отвѣтомъ на адресъ первой Думы, формально если еще не разрушила, то надолго отдалила надежды, связывавшіяся съ манифестомъ 17 октября, то для идейнаго октябризма въ условіяхъ дѣйствительности не стало мѣста. И лучшіе октябристы это сознали. Еще до роспуска первой Думы, гр. П. А. Гейденъ, М. А. Стаховичъ и Д. Н. Шиповъ вышли изъ союза и вмѣстѣ съ Н. Н. Львовымъ и княземъ Е. Н. Трубецкимъ, одновременно оставившими ряды партіи народной свободы, образовали партію мирнаго обновленія. Наименованіемъ партіи партіею «обновленія» они ясно показали, что примыкаютъ къ прогрессивному конституціонализму, т. е. что въ ихъ глазахъ слова манифеста 17-го октября служатъ объектомъ требованій, а не охраны.

А. И. Гучковъ за ними не послѣдовалъ. Напротивъ того, онъ дальше и дальше повелъ октябристовъ по пути эволюціи отъ партіи, охраняющей конституцію, къ партіи борьбы съ революціей. Въ эпоху всеобщаго возмущенія военно-полевыми судами онъ говорилъ о «гадкой» революціи. Всѣ мѣры, принятыя въ первое междудумье,

встрѣчали въ немъ одобреніе. Онъ уже тогда ставилъ цѣлью октябризма примиреніе общества съ властью и оправданіе въ глазахъ общества всего, что дѣлала власть. Онъ принялъ формулу П. А. Столыпина: «сперва успокоеніе—потомъ реформы». Противоположеніе идеи права идеѣ государственной необходимости, возведенное П. А. Столыпинымъ въ принципъ управленія, нашло въ немъ полную поддержку. Въ день роспуска второй Думы и изданія въ порядкѣ coup d'état новаго положенія о выборахъ, октябристы въ томъ самомъ клубѣ общественныхъ дѣятелей, гдѣ теперь А. И. Гучковъ говорилъ свою рѣчь, пили шампанское. Въ этой рѣчи онъ нѣсколько разъ съ негодованіемъ возвращался къ условіямъ выборовъ въ четвертую Думу. «Правительствомъ—говорилъ онъ—былъ составленъ и приведенъ въ исполненіе грандіозный планъ фальсификаціи выборовъ». Мы не позволяемъ себѣ думать, что нынѣшнее негодованіе А. И. Гучкова подсказано только тѣмъ, что, по его словамъ, «нерѣдко именно противъ октябристовъ было направлено остріе административныхъ воздѣйствій», что «сводились счеты съ партіей и съ отдѣльными ея членами». Мы видимъ въ послѣднихъ словахъ лишь иллюстрацію. Если же такъ, то вѣдь не можетъ же А. И. Гучковъ отнимать отъ преемниковъ П. А. Столыпина права по своему понимать въ чемъ состоитъ государственная необходимость, разъ для иниціатора правилъ 3-го іюня онъ допускалъ противоположеніе такой необходимости праву. Въ томъ именно и дѣло, что въ понятіе государственной необходимости всякій воленъ вкладывать желательное ему содержаніе. Въ томъ и вина П. А. Столыпина, что онъ ставилъ государственную необходимость выше права. Въ томъ и вина А. И. Гучкова, что онъ аплодировалъ П. А. Столыпину въ моменты самыхъ рискованныхъ экспериментовъ надъ правами гражданъ.

Въ другомъ мѣстѣ рѣчи А. И. Гучковъ говорилъ: «Въ характеристикѣ правительства не доставало только элемента комическаго. И этотъ смѣшной штрихъ оно умудрилось прибавить, вызвавъ общій хохотъ всей Россіи—трагическій хохотъ»... «Осуществилась дѣйствительно какая-то административная децентрализація, но въ каррикатурной формѣ. Мѣстныя власти, въ расчетѣ на безнаказанность, довели свой произволъ до невѣроятныхъ предѣловъ, переходя подчасъ въ озорство». Да, вѣрно: раскатывается трагическій хохотъ. Подъ смѣхъ всей Думы давалъ объясненія товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ по вопросу и незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ во время выборовъ въ четвертую Думу. Но хохочущимъ октябристамъ можно сказать словами гоголевскаго городничаго: «надъ собою смѣетесь!..» Что другое, какъ не ихъ пониманіе госу-

дарственной необходимости, руководило генераломъ Думбадзе, когда онъ жегъ дачу или отказывался представить сенату объясненія, г. Хвостовымъ—во всей его губернаторской дѣятельности, епископомъ, который не далъ благословенія баллотироваться священникамъ, ибо они «явно примыкали къ лѣвымъ организаціямъ» и т. д., и т. д.?

И напрасно А. И. Гучковъ утверждаетъ, что реакція пришла извнѣ третьей Думы, что П. А. Столыпинъ ранѣе смерти палъ въ борьбѣ съ реакціей, что корень всѣхъ бѣдъ—въ правомъ крылѣ Государственнаго Совѣта и въ объединенномъ дворянствѣ. Для даннаго момента въ оцѣнкѣ значенія объединеннаго дворянства и праваго крыла Государственнаго Совѣта онъ правъ. Но что создало ихъ силу? Кто, воспитывая анти-конституціонными пріемами власть и общество, вызвалъ пренебрежительное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства? Кто научилъ правое крыло Совѣта не считаться съ Думой?.... Какъ «характерный моментъ борьбы», А. И. Гучковъ напомнилъ «памятный эпизодъ съ законопроектомъ о штатахъ морского генеральнаго штаба». Но почему онъ не напомнилъ отвѣтнаго «эпизода» со стороны П. А. Столыпина: роспуска Думы и Совѣта на три дня, увольненія въ отпускъ двухъ членовъ Совѣта и проведенія законопроекта о западномъ земствѣ въ порядкѣ 87-ой статьи? Почему онъ умолчалъ, что самъ, будучи въ то время предсѣдателемъ Думы, сложилъ полномочія и уѣхалъ на Дальній Востокъ? Если бы онъ продлилъ свои воспоминанія, то обликъ «такого исполина, какъ Столыпинъ», получилъ бы другую окраску. Раскрылась бы и объ октябристахъ другая правда, а не та только, «что попытка октябриста примирить власть и общество потерпѣла неудачу».

Рѣчи и резолюціи на октябристскомъ совѣщаніи свидѣтельствуютъ, что въ эволюціи октябризма наступилъ тотъ самый моментъ, который для гр. П. А. Гейдена, Д. Н. Шипова и М. А. Стаховича наступилъ еще въ 1906-мъ году. «Что должны дѣлать—такъ формулировалъ вопросъ А. И. Гучковъ,—что должны дѣлать политическія партіи, поставившія задачей *обновленіе* Россіи»? Изъ его устъ раздалось тоже самое слово. То слово, которое должно обратить союзъ 17 октября изъ партіи охранительной въ партію борьбы, но уже борьбы не влѣво, а направо. «Передъ Государственной Думой,—далъ отвѣтъ на свой вопросъ А. И. Гучковъ,—которая вѣрна своему долгу передъ Государемъ и государствомъ, есть только одинъ путь, и она должна взять въ свои руки защиту дѣла русской свободы и незыблемости нашего государственнаго строя.

Во имя долго жданной политической свободы, въ защиту конституціоннаго принципа, въ борьбѣ за реформы должны быть использованы всѣ легальныя средства парламентской борьбы: свобода парламентскаго слова, авторитетъ думской трибуны, право запросовъ и прежде всего бюджетныя права».

Лѣвая печать не отнеслась съ довѣріемъ къ тому, что засвидѣтельствовало совѣщаніе. Пять лѣтъ третьей Думы и факты, имѣющіе на себѣ штемпель союза 17 октября, обязываютъ относиться къ рѣшеніямъ октябристовъ съ особой осторожностью. Изъ памяти невозможно выкинуть, что октябризмъ долго—слишкомъ долго!—былъ болѣе, чѣмъ политической ошибкой: онъ былъ политической неправдой...

Злоключенія чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ, Ф. Н. Петрова, на Николаевской желѣзной дорогѣ представляютъ собою одинъ изъ весьма характерныхъ для русской современности инцидентовъ. Весной этого года авторъ настоящихъ строкъ, возвращаясь изъ Сибири, проѣзжалъ въ экспрессѣ черезъ станцію Челябинскъ. Передъ отходомъ поѣзда на платформѣ послышался шумъ. Пассажиры экспресса бросились къ окнамъ и ихъ глазамъ представилась довольно обычная картина: два атлетическаго сложенія носильщика вели подъ руки какого-то человѣка, забитаго вида и въ очень поношенной одеждѣ; сзади величественно выступалъ саженнаго роста жандармъ; вокругъ, въ болѣе или менѣе привычномъ отдаленіи, шли нѣсколько человѣкъ—не то любопытные, не то участники или свидѣтели того, что гдѣ-то произошло и вызвало препровожденіе задержаннаго въ жандармскую комнату. У дверей этой комнаты процессію встрѣтили еще два жандарма. Не успѣла дверь комнаты закрыться за вошедшими, какъ раздался хлесткій звукъ удара по лицу и послышался грохотъ упавшаго человѣческаго тѣла. Люди, оставшіеся по сю сторону дверей, заволновались. Дверь пріоткрылась и выглянувшій жандармъ крикнулъ на толпу; толпа замолчала. Въ наступившей тишинѣ тѣмъ явственнѣе стали слышны звуки ударовъ и мольбы избиваемаго. По тѣни на матовомъ стеклѣ двери было видно, какъ человѣческая фигура поднималась и, сраженная сыпавшимися ударами, снова падала. Человѣка въ жандармской комнатѣ били, и били жестоко. Въ десяти шагахъ, провожая отходящій экспрессъ, стоялъ дежурный помощникъ начальника станціи. Нѣсколько дальше—гулялъ по платформѣ жендармскій ротмистръ.

Можно сказать съ увѣренностью, что если бы тогда нашелся смѣльчакъ, который бы рискнулъ подойти къ дежурному по станціи и къ ротмистру и обратить ихъ вниманіе на происходящее

въ жандармской комнатѣ, то они всего вѣроятнѣе не удостоили бы его отвѣтомъ или стали бы объяснять, что задержанный безобразничалъ въ пьяномъ видѣ, или укралъ что-нибудь, или пытался проѣхать безъ билета. Именно такой характеръ носитъ и заключеніе большинства комиссіи, развѣдывавшей обстоятельства дѣла г. Петрова. «Предсѣдатель комиссіи—сообщалось въ газетахъ — и члены отъ министерства путей сообщенія, министерства внутреннихъ дѣлъ и отдѣльнаго корпуса жандармовъ признали, что инцидентъ былъ бы избѣгнутъ, если бы г. Петровъ подчинился въ поѣздѣ установленнымъ для всѣхъ пассажировъ желѣзнодорожнымъ правиламъ, а не требовалъ для себя исключительнаго вниманія, основываясь на имѣвшемся при немъ паспортѣ».

Г. Петрова толкнулъ на площадкѣ вагона кондукторъ, затѣмъ его насильно «высадили» изъ поѣзда, надъ нимъ издѣвались въ самой непозволительной формѣ, отъ него не приняли телеграммы, съ него брали по шестнадцати копѣекъ за телеграфный бланкъ, его подвергали обыску и обокрали, его связали, на немъ сидѣли сторожа, его «въ шутку» стегали «прутиками» изъ метлы, его въ горячечной рубашкѣ привезли изъ Клина въ Тверь и, наконецъ, его, совершенно здороваго человѣка, отправили въ больницу для душевно-больныхъ,—а комиссія не дѣлала никакихъ выводовъ о виновности кондуктора, жандарма, фельдшера, сторожей, дежурнаго по станціи, врача, телеграфистовъ, словомъ, всѣхъ агентовъ желѣзнодорожной власти, учинявшихъ расправу, и предоставляла вѣдомствамъ «усмотрѣть», насколько чины каждаго изъ нихъ дѣйствовали «законообразно» и «цѣлесообразно». Относительно потерпѣвшаго она сочла, однако, возможнымъ сказать съ упрекомъ: если бы онъ подчинился желѣзнодорожнымъ правиламъ, то «инцидентъ былъ бы избѣгнутъ». Да, конечно, если бы г. Петровъ принялъ толчекъ кондуктора, какъ должное, и не пытался на него реагировать, пользуясь словами имѣвшагося при немъ дипломатическаго паспорта, то ничего бы не произошло. Допустимъ вмѣстѣ съ комиссіей, что онъ виноватъ: не предъявивъ по «первому» требованію прислуги поѣзда проѣзднаго билета. Но въ этомъ ли суть инцидента? Неужели громадность этой «вины» покрываетъ собою и выволакиваніе изъ вагона, и всю цѣпь непристойныхъ издѣвательствъ надъ г. Петровымъ? Неужели какая бы то ни было вина и какое бы то ни было преступленіе могутъ оправдывать издѣвательства надъ виновнымъ и нанесеніе ему побоевъ?

Наши низшіе агенты власти никогда не отличались соотвѣтственными «навыками». Но тѣ ихъ «навыки», которые приходится наблюдать сейчасъ даже въ большихъ городахъ и на главныхъ стан-

ніяхъ желѣзнодорожныхъ магистралей, не говоря уже о второстепенныхъ путяхъ и о затерянныхъ въ глуши станціяхъ, селахъ и деревняхъ, положительно переносятъ во времена Держимордъ и Сквозниковъ-Дмухановскихъ. Въ полицейскихъ приказахъ, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, постоянно пестрятъ слѣдующія «охранныя» распоряженія: такой-то подвергается такому-то штрафу съ замѣною арестомъ «за демонстративно-дерзкое отношеніе къ чинамъ полиціи», или такой-то подвергается такому-то штрафу или аресту «за вмѣшательство въ дѣйствія чиновъ полиціи». И читающіе такіе приказы отлично знаютъ, что именно скрывается въ словѣ «вмѣшательство»: на улицѣ городовые или руководимые ими дворники били, а случайный прохожій пытался остановить избіеніе. Бьютъ въ участкахъ, бьютъ въ сыскной полиціи, бьютъ въ жандармскихъ комнатахъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, бьютъ въ тюрьмахъ, бьютъ на улицѣ. Чуть не по каждому дѣлу о кражахъ и ножевыхъ расправахъ подсудимые начинаютъ въ судѣ показанія съ разсказа о томъ, какъ ихъ послѣ задержанія били. И этимъ разсказамъ вѣрятъ не только защитники. Вмѣстѣ съ защитниками вѣрятъ судьи и прокуроры. А часто ли бываютъ процессы о тѣхъ, которые бьютъ? До суда полицейскія избіенія доходятъ только тогда, когда послѣ допроса у допрашиваемаго окажется тяжкое увѣчье, или когда онъ тутъ же, не проходя въ сознаніе, кончаетъ жизнь.

Въ дни усмиренія революціи въ обиходный языкъ представителей высшей власти вошла оправдывавшая все и всѣхъ фраза: «они тоже люди». Этой фразой оправдывались эксцессы разстрѣловъ, уничтоженіе огнемъ цѣлыхъ поселковъ, мучительство въ застѣнкахъ, экзекуціи въ тюрьмахъ, убійство солдатами сопровождаемыхъ арестантовъ за миѳическія покушенія на побѣгъ, стрѣльба городовыхъ въ людей, якобы готовившихся бросить въ нихъ бомбу. «Они тоже люди»—говорилось даже про погромщиковъ и про участвовавшихъ въ еврейскихъ погромахъ стражниковъ. Эта фраза или мысль, въ ней заключающаяся, была обычнымъ отвѣтомъ на всѣ запросы въ первой Думѣ о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи. Теперь революціи нѣтъ, но «навыкъ» остался и отношеніе къ нему высшей власти тоже осталось. Достаточно вспомнить тонъ и содержаніе объясненій по поводу истязанія арестантовъ въ псковской тюрьмѣ. Министра юстиціи спрашивали, что онъ намѣренъ предпринять въ отношеніи чиновъ тюремной стражи, виновность которыхъ въ нанесеніи побоевъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ законному понятію «истязаній и мученій», была безспорно установлена. Начальникъ главнаго тюремнаго управленія детально излагалъ и передъ Думой, и въ сообщеніи черезъ «освѣдомительное бюро»,

за какія преступленія отбываютъ наказаніе подвергшіеся избіенію, какіе они совершали проступки противъ тюремной дисциплины, какъ они были упорны въ нежеланіи кричать начальнику тюрьмы «здравія желаю» и вскакивать при входѣ въ камеру надзирателя. Слишкомъ ясна была его цѣль: внушить то самое, что желаетъ внушить комиссія по дѣлу г. Петрова—что побои стояли въ причинной связи съ дѣйствіями арестантовъ и ихъ дѣйствіями были вызваны.

Дѣйствующій уголовный законъ совершенно опредѣленно устанавливаетъ единственно и азбучно правильную точку зрѣнія на преступныя дѣянія, учиненныя должностными лицами посредствомъ злоупотребленія властью или хотя бы только при исполненіи служебныхъ обязанностей. Никакое дѣяніе не утрачиваетъ преступнаго характера потому, что его учинилъ агентъ власти. Должностное положеніе виновнаго, напротивъ, всегда признается усугубляющимъ вину обстоятельствомъ. Былъ ли неизвѣстный на станціи Челябинскъ пойманнымъ съ поличнымъ воромъ или желѣзнодорожнымъ зайцемъ,—безразлично. Бить его жандармы не имѣли права ровно настолько, насколько они не имѣютъ права бить кого бы то ни было и еще, такъ сказать, менѣе, нежели имѣли бы право его бить не находившіяся при исполненіи служебныхъ обязанностей частныя лица. Предъявилъ ли г. Петровъ проѣздной билетъ или нѣтъ—одинаково безразлично. Ни волокомъ тащить его изъ вагона, ни издѣваться надъ нимъ, ни стегать его прутьями, хотя бы поверхъ пальто, ни брать съ него деньги за телеграфные бланки, ни очищать его карманы, чины разныхъ вѣдомствъ, представляющіе собою власть на станціи Клинъ, очевидно, не имѣли ни малѣйшаго права. И какъ могла у комиссіи явиться мысль о возможности признанія такихъ дѣйствій цѣлесообразными, человѣку, не допускающему оправданія должностныхъ лицъ по формулѣ: «они тоже люди»,—понять нельзя.

Иного порядка инцидентъ, чѣмъ на станціи Клинъ, имѣлъ мѣсто на Астраханской линіи съ г. Никольскимъ — по случайному совпаденію тоже чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ — и также, сопровождавшійся рукоприкладствомъ со стороны жандармскаго унтеръ-офицера. Въ вагонѣ для некурящихъ ѣхалъ нѣкій полковникъ и курилъ. На протесты пассажировъ онъ отвѣчалъ: «а я, всетаки, буду курить». Г. Никольскій на станціи Сазанка вышелъ заявить объ этомъ жандарму. «Я—описываетъ г. Никольскій («Рѣчь», №-314) подошелъ къ жандарму и разсказалъ ему о нежеланіи одного пассажира перестать курить въ вагонѣ для некурящихъ. На это жандармъ мнѣ отвѣтилъ: «Скажите оберъ-кондуктору». На это я

отвѣтилъ, что пассажиръ — полковникъ, и оберъ-кондукторъ съ нимъ ничего подѣлать не можетъ. Послѣ выясненія, что нарушителемъ правилъ является полковникъ, отношеніе ко мнѣ жандарма рѣзко измѣнилось, и онъ сказалъ грубо: «Не ваше дѣло». Неожиданность этого необычайнаго отвѣта удивила меня, но, помня поучительную исторію моего коллеги по службѣ, г. Петрова, я сдержалъ себя и сказалъ спокойно: «Хорошо, скажите тогда мнѣ вашу фамилію». Въ отвѣтъ на это жандармъ повернулъ меня и съ силой толкнулъ въ спину. «Какъ вы смѣете толкаться,—вскричалъ я.—Я надворный совѣтникъ».—«Проходите, а то и надворнаго совѣтника ударю», послѣдовалъ отвѣтъ. Курящій полковникъ такъ и остался въ вагонѣ для некурящихъ. А относительно толчка жандармъ объяснилъ, что онъ только «провелъ» рукой по спинѣ г. Никольскаго.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Спридитъ (Малышъ). Сказка въ семи картинахъ Анны Бригеръ. Пер. съ латышскаго Б. Яковлевой. Рига, 1913 г.

Драматизированная, непретенціозная сказка для дѣтей, основанная на латышскихъ народныхъ мотивахъ. Мальчикъ-пасынокъ, живущій у злой мачехи, уходитъ изъ дому, получаетъ въ подарокъ отъ богини вѣтровъ волшебную свирѣль, а отъ лѣсной богини — такую же палочку и съ помощью этихъ предметовъ совершаетъ разные подвиги, послѣ чего со славой возвращается домой. Сказка написана живо и, надо думать, прочтется дѣтьми съ удовольствіемъ; жаль только, что попадающіеся въ текстѣ стихи переведены очень неудовлетворительно.

М. Сл.

Понятенко, П. Національність в освітленіи законів спадковости. Київ, 1913 г.

Авторъ задался цѣлью изслѣдовать явленіе національности въ связи съ законами о наслѣдственности. Въ результатѣ онъ приходитъ къ выводу, что «право человѣка на сохраненіе и развитіе присущей ему національности, въ освѣщеніи законовъ біогенетики, является естественнымъ правомъ не только въ смыслѣ морально-гуманитарнаго требованія, но и въ прямомъ значеніи этого слова, какъ естественное право дышать воздухомъ, трудиться, удовлетворять свои физическія потребности». Несмотря на такіе хорошіе результаты, неоспоримые для всякаго сторонника свободнаго національнаго самоопредѣленія, нельзя не признать, что г. Понятенко переоцѣнилъ значеніе біогенетики для явленія національности, по крайней мѣрѣ, для настоящаго времени. Біологическая среда далеко не безразлична при изслѣдованіи генезиса національности, но для понятія національности, какъ таковой, значеніе этой среды покрывается вліяніемъ условій и причинъ соціальнаго и культурно-историческаго порядка, внѣ которыхъ не мыслится современное опредѣленіе національности. Въ частности, весьма спорнымъ является увлеченіе автора теоріей Менделя, которая отнюдь не является рѣшающей въ вопросѣ о наслѣдованіи человѣческихъ свойствъ; спорно также и то значеніе, которое авторъ придаетъ физико-географической средѣ. Тѣмъ не менѣе книжка г. Понятенка должна быть признана интересной. Въ ней собрано много свѣжаго и любопытнаго матеріала для характеристики національности, а нѣкоторые его выводы поучительны и даже значительны.

М. Сл.

Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. IV. Языкъ, какъ творчество. Происхожденіе языка. Проф. А. Л. Погодина.

Очередной томъ непериодическаго изданія Б. А. Лезина посвященъ изслѣдованію проф. Погодина о языкѣ. Такой книги давно уже не доставало въ научно-популярномъ оборотѣ. Огромная книга проф. Погодина является весьма полезнымъ руководствомъ, вводящимъ читателя въ чащу вопросовъ, связанныхъ съ вопросомъ о языкѣ, какъ однимъ изъ главныхъ элементовъ человѣческаго творчества. Задачей изслѣдованія является прослѣдить, какъ возникъ человѣческій языкъ, указать его психологическія и соціальныя основы. Въ соотвѣтствіи съ новѣйшими данными о языкѣ, проф. Погодинъ исходитъ изъ положенія, что «слово есть то орудіе, которымъ сколочена соціальная жизнь человѣка»; оно выдѣляетъ человѣка изъ животнаго міра, такъ какъ въ жизни животнаго отсутствуютъ тѣ психологическіе и соціальные моменты, при наличности которыхъ возможно возникновеніе языка, какъ орудія интеллектуальнаго общенія и какъ орудія интеллектуальнаго творчества. Въ вопросѣ о развитіи современнаго языка проф. Погодинъ, опять таки въ соотвѣтствіи съ новѣйшими науч-

ными данными, стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что «языкъ возникъ изъ сложныхъ выраженій, имѣвшихъ значеніе не одного слова, означающаго предметъ или дѣйствіе, но цѣлаго предложенія». «Языкъ начинается съ синтеза, который не знаетъ ни именъ, ни глаголовъ». Въ книгѣ разсмотрѣны особенности душевнаго уклада животнаго сравнительно съ укладомъ человѣка, рѣчь у здоровыхъ и больныхъ людей, рѣчь дѣтей и дикарей, психологія слова, отношеніе между словомъ и предложеніемъ. Значительное мѣсто удѣлено исторіи изученія языка. Книга проф. Погодина, предназначенная для учащейся молодежи и для цѣлей самообразованія, снабжена тщательно подобраннымъ научнымъ аппаратомъ и написана живымъ и легкимъ языкомъ. Можно вмѣстѣ съ авторомъ выразить надежду, что она «не пройдетъ безслѣдно въ нашей популярно-научной литературѣ».

М. Сл.

Андрей Сиротининъ. Россія и славяне. Спб., 1913 г.

Заглавіе книги г. Сиротинина шире ея содержанія, и только предисловіе даетъ нѣкоторое единство разнообразнымъ статьямъ, переводамъ и замѣткамъ, составляющимъ вмѣстѣ большой томъ въ шестьсотъ слишкомъ страницъ. Въ предисловіи авторъ развиваетъ идеи славянской взаимности въ духѣ угасшаго на нашихъ глазахъ неославизма. Фразеологія предисловія туманна и неопредѣленна. Авторъ ждетъ отъ славянства «подвига», ждетъ его и отъ Россіи. Ждетъ и вѣритъ въ «торжество правды», но доказательства въ пользу этой вѣры приводятъ довольно странныя: объ этой правдѣ «съ дѣтства шумѣлъ намъ могучій полѣсскій боръ», гудѣла «широколиственная русская дубрава», говорилъ «просторъ русскихъ равнинъ», «напѣвала пѣсни наша Волга» и т. д. Все это, пожалуй, было бы умѣстно въ хорошемъ стихотвореніи, но совершенно безполезно въ качествѣ доказательства. Авторъ говоритъ о себѣ, что онъ «не славянофилъ и не панславистъ», но то, что онъ говоритъ, о подневольномъ западномъ славянствѣ» и о «благородномъ нѣмецкомъ народѣ», которому Россія должна дать «отпоръ» «во имя пользы славянства и самого нѣмецкаго народа»—заставляетъ усумниться въ точности самоопредѣленія г. Сиротинина. Изъ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, не всѣ одинаково цѣнны. Интересны переводы нѣкоторыхъ прозаическихъ небольшихъ произведеній и отрывковъ (стихотворные переводы довольно безцвѣтны и подобраны не всегда удачно), прочтутся не безъ пользы очерки о Кашубахъ и Лужичанахъ. Любопытной особенностью книги г. Сиротинина является то, что, коснувшись такъ или иначе жизни и давъ образцы поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ, авторъ обошелъ полнымъ молчаніемъ жизнь и поэзію двухъ русскихъ славянскихъ племенъ: бѣлорусскаго и украинскаго. Изъ книги не видно, почему это сдѣлано, а предположеній строить мы не будемъ. Молчаніе часто говоритъ громче всякихъ словъ.

М. Сл.

Б. Б. Глинскій. Среди литераторовъ и ученыхъ. Спб., 1914 г.

Книга г. Глинскаго—собраніе некрологовъ о двадцати восьми ученыхъ и литераторахъ, среди которыхъ есть и одинъ живой—В. П. Буренинъ, что, однако, согласно оговоркѣ автора книги, не должно быть принято за символическое указаніе. De mortibus aut bene aut nihil—этимъ принципомъ руководился въ своихъ некрологахъ,—въ томъ числѣ и о здравствующемъ нововременскомъ сотрудникѣ. В. П. Буренинъ многіе годы посвятилъ оборонѣ «лучшихъ завѣтовъ нашей литературы», онъ вывелъ на дорогу Фруга, протягивалъ «руку сочувствія» Надсону, Мережковскому, Чехову, защищалъ Михайловскаго отъ его враговъ; его талантъ призналъ Скабичевскій, передъ нимъ «галантно расшаркался» Михайловскій, на его защиту въ наши дни всталъ даже «одинъ извѣстный публицистъ Solus изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей»; онъ—явленіе такого порядка, какъ Берне и Добролюбовъ. Аналогичный методъ характеристики примѣненъ г. Глинскимъ ко всѣмъ такъ называемымъ правымъ покойникамъ, а также и къ безразличнымъ въ политическомъ отношеніи; по отношенію къ лѣвымъ методъ слегка измѣняется: самъ авторъ о нихъ не говоритъ ни дурного, ни хорошаго, а то, что онъ говоритъ о нихъ хорошаго, онъ говоритъ устами другихъ, цитируя воспоминанія и некрологи. Самые разнообразные люди попали подъ перо г. Глинскаго: и Анненскій, и Лейкинъ, и Мордовцевъ, и Пыпинъ, и Скабичевскій, и Скальковскій, и Буренинъ, и Успенскій, описаны даже два цензора. Всѣ эти характеристики написаны въ той манерѣ, которую подмѣтилъ у себя самъ г. Глинскій, говоря о себѣ, что онъ «былъ въ состояніи испол-

нить самые спѣшные заказы въ самое короткое время»... Историко-литературнаго значенія некрологи г. Глинскаго (570 стр.) не имѣютъ никакого, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ чертъ изъ воспоминаній, да, пожалуй, нѣкоторыхъ портретовъ, (31 портретъ): гдѣ, напр., можно найти портретъ М. В. Шевлякова, если бы таковой вдругъ понадобился?

М. Сл.

I. Baudouin de Courtenay. W «Kwestji Zydowskiey». Warszawa, 1913.

Брошюра проф. Бодуэнъ де-Куртенэ содержитъ въ себѣ лекцію, прочитанную имъ въ Варшавѣ въ разгаръ польско-еврейскаго конфликта. Первая часть лекціи посвящена причинамъ, вызвавшимъ распрю, вторая—ея результатамъ, въ третьей части авторъ предлагаетъ справедливое рѣшеніе этого вопроса, которое онъ видитъ въ необходимости замѣнить націоналистическій патріотизмъ территоріальной солидарностью. Въ заключеніе авторъ выражаетъ надежду, что поляки образумятся и остынутъ, что евреи забудутъ о той вспышкѣ антисемитизма, которая охватила польское общество, забудутъ и простятъ. Но это въ будущемъ. Настоящему авторъ ставитъ требованіе такого рода: «рѣшеніе «еврейскаго вопроса» невозможно безъ полнаго равноправія всѣхъ гражданъ данной территоріи, равноправія не только правового, узаконеннаго, но и общественнаго. Что касается послѣдняго, то для начала достаточно будетъ взаимнаго уваженія, а если не уваженія, то по крайней мѣрѣ—взаимной вѣжливости». Къ сожалѣнію, дѣло польско-еврейскаго вопроса стоитъ такъ, что еще не дошло даже до реализаціи этого минимальнаго требованія проф. Бодуэнъ де-Куртенэ.

М. Сл.

«Путешествіе въ Петербургъ аббата Жоржеля въ царствованіе императора Павла I», переводъ Н. Соболевскаго, съ предисловіемъ А. Кизеветтера. Москва, 1913.

За переводами мемуаровъ кн. Адама Чарторижскаго, Шуазель-Гуффье, Де-Ремюза, недавно изданными, тоже издательство П. Ф. Некрасова выпустило отрывокъ мемуаровъ аббата Жоржеля, — разсказъ о его поѣздкѣ къ имп. Павлу I въ 1779—1800 г.г. Жоржель явился въ Петербургъ какъ представитель Мальтійскаго ордена, сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ отношеніи къ ордену его новаго гроссмейстера и о разрывѣ союза Россіи съ Австріей, напр, о своемъ участіи въ послѣднемъ выясненіи графу Кобенцельо взглядовъ русскаго правительства на положеніе дѣлъ въ Италіи. Но главный интересъ записокъ—въ подробномъ описаніи условій путешествія по Россіи и жизни въ Петербургѣ, бытовыхъ наблюденіяхъ иностранца, заброшеннаго судьбой на полгода въ русскую столицу, отзывахъ и разсказахъ о самомъ императорѣ и лицахъ правительствующаго круга. Мемуары прочтутся легко, благодаря хорошему переводу, и даютъ рядъ живыхъ впечатлѣній давно минувшей эпохи.

А. П.

Кустарные промыслы Харьковской губерніи по даннымъ изслѣдованія 1912 года. Харьковъ. 1913.

А. С. Пираловъ. Краткій очеркъ кустарныхъ промысловъ Кавказа. Изданіе второе. Спб., 1913.

Двѣ эти книжки, трактующія объ однородныхъ предметахъ, рѣзко различаются по характеру. Первая, состоящая изъ краткаго текста и таблицъ, заключаетъ учетъ кустарей Харьковской губ., согласно переписи сельскихъ старостъ, какъ перваго шага къ подробному изслѣдованію кустарной промышленности различныхъ мѣстностей Россіи, въ удовлетвореніе выраженнаго о томъ желанія со стороны Государственной Думы. Во второй книжкѣ главнѣйшіе кустарные промыслы Закавказья, Кубанской и Терской области разсматриваются со всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ, причемъ большое вниманіе удѣляется технической части и описанію вырабатываемыхъ кустарями болѣе или менѣе оригинальныхъ издѣлій. Книжка снабжена многочисленными, хорошо выполненными рисунками примѣняемыхъ кавказскими кустарями орудій производства и вырабатываемыхъ ими издѣлій.

В. В.

Историко-культурный атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ, составленный Н. Д. Полонской подъ редакціей профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго. Цѣна 2 р. 50 к. Выпускъ второй.

Недавно вышедшій 2-ой томъ атласа относится къ такъ называемому Московскому періоду русской исторіи. Онъ распа-

дается на 2 части, на таблицы посвященныя Руси Московской и Юго-Западной. Онъ служитъ иллюстраціей къ культурной исторіи и знакомитъ читателя со всѣми сторонами русской жизни. Передъ читателемъ проходятъ таблицы, иллюстрирующія внѣшній видъ городовъ, жилищъ, ихъ внутреннія убранства, одежду, обряды, наказанія, письменность, иконопись и т. д. Каждая таблица сопровождается статьей, которая, правда, суха для учащихся среднихъ учебныхъ заведеній, но можетъ помочь учителю разобраться въ таблицѣ. Дешевизна книги можетъ сдѣлать ее удобнымъ учебнымъ пособіемъ и способствовать ее распространенію. Рисунки нѣсколько теряютъ, такъ какъ они слишкомъ мелки, но отъ дешеваго изданія мы большаго не можемъ требовать. А значеніе дешеваго и хорошо составленнаго пособія для изученія русской культуры и искусства очевидно.

А. Т.

K. A. Wirth-Knudsen. Bauernfrage und Agrarreform in Russland. München u. Leipzig. 1913. Стр. 260. Съ картами. Ц. 8 марокъ.

Въ этой книгѣ разработаны вопросы земельной политики и такъ называемаго землеустройства въ Россіи, въ связи съ изложеніемъ и оцѣнкою практическихъ результатовъ, достигнутыхъ указами 9 ноября 1906 и 29 мая 1911 годовъ. Въ качествѣ офиціальнаго лица, принадлежащаго къ составу международнаго сельскохозяйственнаго института въ Римѣ, авторъ имѣлъ возможность располагать всѣми нужными матеріалами для своей работы и пользовался содѣйствіемъ и указаніями многихъ участниковъ и знатоковъ нашей аграрной реформы, преимущественно изъ бюрократическаго міра; поэтому и все изслѣдованіе г. Виртъ-Кнудсена, при его несомнѣнной добросовѣстности и обстоятельности, носитъ на себѣ печать офиціознаго оптимизма. Въ главныхъ отдѣлахъ книги говорится объ «основахъ хозяйственной географіи и распредѣленія населенія въ Россіи», о вліяніи крестьянской реформы на положеніе крестьянъ съ 1861 до 1905 года, объ условіяхъ жизни и работы русскихъ крестьянъ, о новыхъ аграрныхъ преобразованіяхъ, о поземельномъ кредитѣ и объ ипотечныхъ долгахъ землевладѣнія въ Россіи, о результатахъ проведенныхъ земельныхъ реформъ въ разныхъ областяхъ Россіи, о будущемъ развитіи аграрныхъ вопросовъ и задачъ.

Л. С.

В. В. Святловскій. Очерки по исторіи экономическихъ воззрѣній на Западѣ и въ Россіи. Ч. I. Спб., 1913. Стр. 544. Ц. 2 р. 50 к.

Новое переработанное изданіе «Очерковъ по исторіи политической экономіи», вышедшихъ въ 1910 году, заключаетъ въ себѣ обстоятельный обзоръ экономическихъ идей и теорій, господствовавшихъ въ разныя историческія эпохи, начиная съ древняго міра и кончая современностью. Въ этотъ обзоръ включена и Россія, которой посвящены весьма интересные, хотя и отрывочные очерки, обнимающіе ея экономическую литературу съ XII до начала XIX вѣка. Въ книгѣ собрано много цѣнныхъ библіографическихъ свѣдѣній и указаній, особенно относительно литературы соціализма.

Л. С.

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Подъ редакціей Е. И. Вишнякова, С. П. Мельгунова и Б. Е. и В. Е. Сыроѣчковскихъ. Часть I. До Петра Великаго. Съ 65 рисунками въ текстѣ и 20 на отдѣльныхъ листахъ. Москва, 1913. Стр. 367. Ц. 1 р. 40 к.

Изящно отпечатанный сборникъ, изданный историческою комиссіею московскаго общества распространенія полезныхъ знаній, содержитъ въ себѣ рядъ общедоступныхъ очерковъ по русской исторіи, предназначенныхъ для чтенія въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. Эти очерки, написанные живо и занимательно, могутъ быть съ пользою прочитаны и взрослыми любителями полезнаго чтенія, не прошедшими курса средней школы и не имѣвшими случая ознакомиться съ какими либо учебными руководствами по русской исторіи.

Л. С.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. II. Римъ—республики. Сборникъ статей съ 85 иллюстраціями подъ ред. А. М. Васютинскаго, М. Н. Коваленскаго, В. Н. Перцова и К. В. Смакова. Москва, 1913. Стр. 331. Ц. 1 р. 60 к.

Популярные очерки, собранные въ этой книгѣ, приспособлены къ уровню пониманія учащихся средней школы, но могутъ быть признаны полезными и для цѣлей самообразованія. Вышедшая въ прошломъ году первая часть этого сборника содержитъ въ себѣ обзоръ первобытной культуры, очерки по исторіи Востока и Греціи.

Л.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авалiани, С. Л. Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. II. Одесса, 1913 г.

Амфитеатровъ, А. В. Дьяволъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бальмонтъ, Константинъ. Звенья. Избранные стихи. 1900—1912. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Бемеръ, І. Іезуиты. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Богдановъ, А. Всеобщая организаціонная наука (тектологія). Часть I. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Бочкаревъ, В. Н. Московское государство XV — XVII в.в. по сказаніямъ современниковъ - иностранцевъ. Спб., 1914 г. Цѣна 90 коп.

Брандесъ, Георгъ. О чтеніи. Пер. съ датскаго О. Румеръ. Москва, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Бригадеръ, Анна. Спридитъ (Малышъ). Сказка въ семи картинахъ по латышскимъ народнымъ мотивамъ. Пер. Б. Яковлевой. Рига, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Брихничевъ, Іона. Осанна. Одесса. 1914 г. Цѣна 80 коп.

Брюнелли, Павелъ. „Права русскаго гражданина“. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Булгаковъ, С. Н. Человѣкобогъ и человѣкозвѣрь. По поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого: „Дьяволъ“ и „Отецъ Сергій“. Публичная лекція. Москва, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Бунинъ, Ив. Іоаннъ-рыдалецъ. Разсказы и статьи 1912 — 1913 г.г. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Бѣлокоиский, И. П. Земское движеніе. Изд. 2-ое. Москва, 1914 г. Цѣна 3 руб.

Бѣлявскій, Ф. Исламъ и культура арабовъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Вакаринъ, М. Легенды. Москва, 1913 г.

Вегетаріанка (О. К. Зеленкова). „Я никого не ѣмъ!“ 365 вегетаріанскихъ меню и 1500 рецептовъ подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб.

Воллонъ-де, Григорій. Исторія общественныхъ и революціонныхъ движеній въ связи съ культурнымъ развитіемъ русскаго государства. Часть I. Томъ I. Спб., 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Гаджулевичъ, Т. Крестьянство въ русской литературѣ XIX вѣка. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Гаринъ, Н. Полное собраніе сочиненій. Т. XII. Сумерки. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Гензель, П. Очерки по исторіи финансовъ. Вып. I. Древній міръ. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Гинженъ, Антъ. О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Спб., 1913 г. Цѣна 70 коп.

Гансъ, Г. Переселеніе и колонизація. Вып. II. Земельная политика въ колоніяхъ. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Гренъ, Г. Слѣпой братъ. Съ англ. Въ изложеніи Д. Д. Т. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Грефе, Мейеръ. Импрессіонисты. Москва, 1913 г.

Гра, Феликсъ. Бѣлый терроръ. Романъ изъ исторіи вел. франц. революціи. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гусевъ - Оренбургскій, С. И. Разсказы. Т. I. 3-ье изд. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Дидро, Денн. Избранныя философскія сочиненія. Пер. Викт. Сережникова. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Евдокимовъ, Иванъ. Городскія стѣны. Стихи. Невскъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Егуновъ, И. Малоспособность учащихся дѣтей и пріемы борьбы съ нею. Изд. 2-ое. Одесса, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Езерскій, Н. Ѳ. Общедоступные очерки политической экономіи. Вып. II. Спб.—Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Жиркевичъ, А. В. Гауптвахты Россіи. Вильна, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Замотинъ, И. И. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX стол. въ

русской литературѣ. Т. II. Изд. 2-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 2 руб.

Зола, Эмиль. Собраніе сочиненій. Т. 15. Земля. Романъ. Т. 16. Человѣкъ-звѣрь. Романъ. Цѣна каждаго тома 1 руб. 50 коп.

Зоринъ, В. П. Цвѣты. Поэма. Москва. 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Иванцовъ, Д. Н. Объ устойчивости русскихъ урожаевъ. Москва, 1913 г.

Ильинъ, А. М. Словарикъ орѳографическій и справочный. Одесса, 1913 г.. Цѣна 12 коп.

Каменскій, Анатолій. Княжна Дуду. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Кларкъ, А. Исторія астрономіи въ XIX столѣтіи. Подъ ред. В. Серафимова. Одесса, 1913 г. Цѣна 4 руб.

Ковалевъ, Алексѣй. Пажьи напѣвы. Книга пѣсенъ. Ростовъ-на-Дону. 1913 г. Цѣна 1 руб.

Кольраушъ, проф. Краткое руководство по практическимъ занятіямъ по физикѣ. Пер. подъ ред. проф. Н. П. Кастерина. Одесса, 1914 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Конрадъ, К. Посредничество въ пріисканіи работы въ Германіи. Пер. А. Браудо и проф. В. Гагена. Спб. 1913 г. Цѣна 2 руб.

Либровичъ, С. Ф. Соперникъ царя Михаила Ѳеодоровича. Истор. очеркъ. Спб., 1913 г. Цѣна 25 коп.

Макаренко, Алексѣй. Сибирскій народный календарь въ этнографическомъ отношеніи. Восточная Сибирь. Енисейская губернія. Спб., 1913 г.

Максимовъ, С. В. Собраніе сочиненій. Т. 19 и 20-ый. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб.

Леффлеръ, Е. Цифры и цифровыя системы культурныхъ народовъ. Одесса, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Львовъ, Т. Жертва искупленія. Повѣсть въ стихахъ. Москва, 1913 г. Цѣна 30 коп.

Мекензи, В. Лесли. Здоровье и болѣзнь. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Мечниковъ, И. И. Этюды оптимизма. Москва, 1913 г. Цѣна 2 руб. 20 коп.

Модестовъ, А. Е. О смыслѣ жизни въ руской художественной литературѣ. Вып. I и II. Спб., 1914 г. Цѣна I вып. 60 к., II-го—70 коп.

Молотовъ, Илья. Хулиганы. Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Москалевъ, Н. А. Симуляція и ложное сознаніе передъ судомъ присяжныхъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Мюллеръ-Лиэръ, Ф. Формы брака, семьи и родства. Москва, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Неткачевъ, д-ръ мед. Клиника и психотерапія заиканія. Новый психологическій способъ лѣченія. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Огіенко, И. И. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выраженій въ русской рѣчи. Изд. 3-ье. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 35 коп.

Павловичъ, М. П. (*Мих. Вельтманъ*). Великіе желѣзно-дорожные и морскіе пути будущаго. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Пекарскій, Э. К. и *Майновъ, И. И.* Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ. Спб., 1913 г.

Пиксановъ, Н. К. Три эпохи. Екатерининская, Александровская, Николаевская. Семинарій по новой русской литературѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Петражицкій, Л. І. О ритуальныхъ убійствахъ и дѣлѣ Бейлиса. Спб., 1913 г. Цѣна 15 коп.

Пичета, В. И. Юрій Крижаничъ. Экономическіе и политическіе его взгляды. Спб., 1914 г. Цѣна 90 коп.

Половцевъ, В. Н. Къ методологіи изученія философіи Спинозы. Москва, 1913 г.

Португаловъ, М. В. Женщина въ русской художественной литературѣ XIX вѣка (1823—1876 г.г.). Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Постниковъ, А. П. Учебникъ физики. Часть III. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сельтицкая, М. Х. Нашъ дѣтскій садъ. Москва, 1913 г. Цѣна 30 к.

Севастьяновъ, Н. В. Prima carmina. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Селихановичъ, Александръ. Очеркъ общей педагогики для семьи, школы и самовоспитанія. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Скалонъ, Д. А. Мои воспоминанія 1877—1878 г.г. Т. II. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Скоттъ, Леруа. Секретарь союза. Пер. съ англ. С. Цедербаума. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Смоленскій, И. Л. Этюды. Вып. I. Спб., 1914 г.

— Проэктъ всероссійской анкеты по вопросамъ „таинственнаго". Одесса, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Снарскій, А. Курсъ гигіены. Ч. I. Тифлисъ, 1913 г. Цѣна 55 коп.

Соловейчикъ, М. Основныя проблемы библейской науки. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Сотонинъ, Конст. Таблицы по

исторіи философіи. Казань, 1914 г. Цѣна 1 руб. 5 коп.

Степовичъ, А. Новый шагъ въ дѣлѣ взаимнаго ознакомленія славянъ. Кіевъ. 1913 г.

Сурикъ, Ѳ. (*Масальскій*). Смерть героя Скобелева. Ист. пьеса въ 5 д. Спб., 1913 г.

Тимковскій, Н. Душа Л. Н. Толстого. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Тураевъ, Б. А. Исторія древняго востока. Часть I. Спб., 1913 г. Цѣна за оба тома 5 р.

Форфоровскій, С. В. Источники русской исторіи. Томъ I и II. Спб., 1913 г. Цѣна за два тома 3 руб.

Хейнъ, А. Д. Іюдаизмъ и кровь. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Чаяновъ, А. Очерки по теоріи трудового хозяйства. Вып. II. Москва, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Шульгинъ, С. Н. Поѣздка въ Швецію и Норвегію. Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Шюре, Эдуардъ. Великіе посвященные. Очеркъ эзотеризма религій. Пер. съ франц. Е. Писаревой (Е. П.). Калуга, 1913 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Энгельмейеръ, А. Разсказы. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Библіографическій указатель русской этнографической литературы о внѣшнемъ бытѣ народовъ Россіи. 1700—1910 г.г. Сост. Д. К. Зеленинъ. Изд. подъ наблюденіемъ А. А. Шахматова. Спб., 1913 г.

Библіотекарь. Вып. III. Спб., 1913 г.

Великій князь Николай Михайловичъ. Генералъ-адъютанты императора Александра I. Спб., 1913 г.

— Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 годы. Спб., 1913 г.

Вѣстникъ Рязанскаго губ. земства. № 1 и 2. Рязань, 1913 г.

Вѣстникъ Харьковскаго историко-филологическаго Общества. Вып. 3 и 4. Харьковъ, 1913 г. Цѣна каждаго выпуска 50 коп.

Гелiосъ. № 1. Парижъ, 1913 г. Цѣна 1 фр.—въ Россіи 60 коп.

Дѣйствія Нижегородской губ. ученой архивной комиссіи. Сборникъ XV. Вып. I, II и III. Въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Сборникъ XVI. Вып. I и II. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Жизнь за недѣлю. № 1 и 2. Спб., 1913 г. Цѣна №-ра 12 коп.

Законы гражданскіе. Практическій и теоретическій комментарій подъ ред. А. Э. Вормса и В. Б. Ельяшевича. Вып. II. Москва, 1913 г.

Записки кн. М. Н. Волконской. Пер. съ франц. А. Н. Кудрявцевой. Біогр. очеркъ и прим. П. Е. Щеголева. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Итоги оцѣночно-статистическаго изслѣдованія Пензенской губ., подъ общ. руководствомъ В. Г. Громана. Серія III. Часть II. Повторная перепись крестьянскаго хозяйства. Обр. Б. В. Шубомъ. Отд. I. Вып. 3. Краснослободскій уѣздъ. Пенза, 1913 г.

Карты заселенныхъ районовъ за Ураломъ. Отчетъ о работахъ Переселенческаго Управленія за 1912 г. Спб. 1913 г.

Книга для чтенія по древней исторіи. Ч. II. Римъ—республика. Москва, 1913 г. Цѣна 1 р. 60 коп.

Матеріалы по киргизскому землепользованію, собранные и разработанные статистической партіей Тургайско-Уральскаго переселенческаго района. Иргизскій уѣздъ. Оренбургъ, 1913 г.

Наше прошлое. Разсказы изъ русской исторіи. Часть I. До Петра Великаго. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 40 коп.

Научный Историческій журналъ, изд. подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. № 1. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Новыя идеи въ астрономіи. Сборн. № 2. Земля. Сборн. № 3. Космогоническія гипотезы. II. Спб., 1914 г. Цѣна кажд. сборн. 80 коп.

Новыя идеи въ біологіи. Сборн. 2. Новое ученіе о нервной системѣ. I. Сборн. 3. Смерть и безсмертіе. I. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго сборн. 80 коп.

Новыя идеи въ математикѣ. Сборн. 3. Пространство и время. II. Сборн. 4. Ученіе о числѣ. Сборникъ 5. Принципъ относительности въ математикѣ. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго сборн. 80 коп.

Новыя идеи въ медицинѣ. Сборн. I Радіотерапія. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ соціологіи. Сборн. 1. Соціологія. Ея предметъ и современное состояніе. Спб., 1913 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ физикѣ. Сборн. 3. Принципъ относительности. Изд. 2-ое. Спб. 1914 г. Цѣна 80 коп.

Новыя идеи въ философіи. Сборн. 9. Методы психологіи. I. Сборн. 10. Методы психологіи. II. Сборн. 11. Теорія познанія и точныя науки. Сборн. 12.

Къ исторіи теоріи познанія. Спб., 1914 г. Цѣна кажд. сборн. 80 коп.

Новыя идеи въ химіи. Сборн. 3. Валентность. Сборн. 4. Радіоактивныя вещества. II. Спб., 1904 г. Цѣна кажд. сборн. 50 коп.

Новыя идеи въ экономикѣ. Сборн. I. Ученіе о распредѣленіи общественнаго дохода. Сборн. 2. Теорія народонаселенія и мальтузіанство. Спб., 1914 г. Цѣна кажд. сборн. 80 коп.

Обновленіе школы. Педагогическій журналъ подъ ред. А. Зачиняева. Книга VШ—IX. Спб., 1913 г.

Отчетныя свѣдѣнія о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій на 1 января 1913 года. Спб., 1913 г.

Отчетъ комитета о шестомъ очередномъ присужденіи премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ, 1913 г.

Отчетъ об-ва „Музык.-теоретическая библіотека“ въ Москвѣ за первые 4 года дѣятельности. 1909—1912 г.г. Москва, 1913 г.

Отчетъ о кредитныхъ и ссудосберегательныхъ товариществахъ Судогодскаго уѣзда, Владимірской губ. за 1904 — 1913 г.г. Сост. Я. О. Куздпецовъ. Судогда, Владим. губ., 1913 г.

Отчетъ по вывозу минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго района юга Россіи за 1912 годъ. Харьковъ, 1913 г.

Очеркъ развитія и современнаго состоянія химическаго отдѣленія Кіевскаго Политехническаго института Императора Александра II. Подъ ред. проф. В. Г. Шапошникова. Кіевъ, 1914 г.

Отчетъ Центральнаго комитета Союза 17 Октября о его дѣятельности. Съ 1 сент. 1912 г. по окт. 1913 г. Москва, 1913 г.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1912 г. Отчетъ о работахъ Переселенческаго Управленія за 1912 г. Спб., 1913 г.

Петербургскіе вечера. Книга вторая. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—1911 г.г. Вып. II. Алатырскій уѣздъ. Симбирскъ, 1913 г.

Протоколы засѣданій и сообщенія членовъ Туркестанскаго Кружка любителей археологіи (11 дек. 1912 г.—1 апр. 1913 г.). Ташкентъ, 1913 г.

Русская литература по всеобщей исторіи. Вып. I. (Дек. 1911 — дек. 1912 г.). Библіографическій обзоръ подъ ред. Д. Н. Егорова. Москва — Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго общества. Т. XX. Просвіта. Проф. Д. И. Багалѣй. Очерки по исторіи украинской культуры. Изд. въ честь проф. Д. И. Багалѣя (1880 — 1910 г.г.). Харьковъ, 1912 г. Цѣна 4 руб.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1912 годъ. Спб., 1913 г.

Сельско-хозяйственный обзоръ Пензенской губ. за 1911 — 1912 г. Сост. Ф. Я. Термитинъ, подъ общей ред. В. Г. Громана. Пенза, 1913 г.

Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ, предсѣдатель первой Государственной Думы. Москва, 1913 г. Москва, 1913 г. Цѣна 10 коп.

Состояніе хлопковыхъ плантацій въ Закавказьѣ къ началу сентября 1913 г. Вып. II. Тифлисъ, 1913 г.

Страховая хроника Саратовскаго губ. земства. Вып. VII. Саратовъ, 1913 г.

Труды психіатрической клиники Императорскаго Московскаго университета. Подъ ред. проф. Ѳ. Е. Рыбакова. № 1. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб.

Универсальная библіотека. № 591—592. Н. Н. Помяловскій. Молотовъ. Повѣсть. № 593—594. Н. Г. Помяловскій. Мѣщанское счастье, Вуколъ. № 874 — 877. Габріэль д'Аннунціо. Невинный. Романъ. № 896 — 897. Э. Ожешко. Гекуба. Повѣсть. № 898. Леонъ Франье. Школьница. Разсказъ. № 901. Сервантесъ. Ринконетъ и Кортавильо. Лисенсіатъ стеклянный. Москва, 1913 г. Цѣна каждаго выпуска 10 коп.

Успѣхи астрономіи. Сборникъ статей подъ ред. А. С. Орбинскаго. Одесса, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Ефремовъ, Сергій. Співець боротьби і контрастів. Київ, 1913. Ціна 75 к.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. CXV. Кн. III. У Львові, 1913.

Земледѣлска статистика (Посѣви и рекольта) за 1910 и 1911 година, София, 1913 г.

Статистика за редовния военень наборъ прѣзъ 1907, 1908 и 1909 година. София, 1913 г.

Bally, Ch. Le langage et la vie. Genève, 1913 г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

ВЪ 1913 ГОДУ.

Айзманъ, Д. — Дѣти. Очерки. (янв., 35; февр., 19; май, 27). Бѣлая Пустошь. Повѣсть (ноябрь, 5; дек., 65).

Амари.—Изъ Андре Шенье. Стихотвор. (янв., 173).

Аникинъ, С. — Холерный годъ (янв., 98). Фельдфебель. Разсказъ (сент., 78).

Апушкинъ, Вл.—Славяно-греко-турецкая война 1912 г. (янв., 344; февр., 343).

Аренсъ, В. Блестки ночи. Стихотв. (авг., 71).

Арсеньевъ, К. — Правыя партіи въ четвертой думѣ и правительственная декларація (янв., 418). Высочайшій Указъ 21 февраля (мартъ, 417). Четвертая дума и вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ (апр., 370) Новыя „непреложныя начала“ суда (іюль, 400). Окончаніе первой сессіи четвертой Государственной Думы (іюль, 444). Уроки прошлаго (авг., 377). Голосъ старости. Стихотв. (сент., 76). Будущее въ свѣтѣ прошедшаго (сент., 236). Длящееся недоразумѣніе (ноябрь, 408). Оправданіе Бейлиса (ноябрь, 412а). Предметные уроки (декабрь, 392).

Барановъ, А.—Изъ воспоминаній о Мултанскомъ дѣлѣ (сент., 139).

Бенъ-Ами. — Поручитель. Разсказъ (іюнь, 127).

Бланкъ, С. — Германская соціалъ-демократія (окт., 296).

Боборыкинъ, П.—Туда! Туда! (Исповѣдь артистки (авг., 5)

Бунинъ, И.—Лѣтняя ночь. Стихотв. (янв., 52). Пѣсня. Стихотв. (Февр., 44). Вѣра (мартъ, 5). Князь во князьяхъ (мартъ, 15). Іоаннъ-Рыдалецъ (апр., 5). Чаша жизни (дек., 65).

Бутенко, В. — Вторая реставрація Бурбоновъ и „безподобная“ палата (мартъ, 138). Изъ исторіи французскаго законодательства о печати (іюль, 156).

Бѣлоконскій, И. П. — Задумались. Разсказъ (іюнь, 160).

Бѣлоруссовъ.—Бесѣда съ И. И. Мечниковымъ (іюнь, 382).

Б—ъ, В.—Всероссійская гигіеническая выставка въ Петербургѣ (сент., 345).

В. В. — Новый моментъ эволюціи

капиталистической организаціи производства (янв., 288). „Корни“ народничества семидесятыхъ годовъ (май, 146). Новыя теченія въ невропаталогіи (сент., 371). Изъ деревенскихъ настроеній (декабрь, 335).

Вагманъ. Е.—Розовыя мальвы. Разсказъ (окт., 161).

Ватсонъ, М. — Графиня Эмилія Пардо-Басанъ. Разсказы. Съ исп. пер. (сент., 227).

Венгерова, Зин. — Новая теорія о личности Шекспира (іюнь, 352).

Верховскій, Юрій.—Рыбакъ. Стихотв. (іюль, 95). Лѣтомъ. Стихотв. (дек., 27).

Вершинина, З. — Стихотвореніе (ноябрь, 106).

Вѣтвицкій, Вл.—Прабабушка. Стихотв. (февр., 178).

Вѣтринскій, Ч.—Письма Чехова (май, 380).

Вырубовъ, Г. Н. — Революціонныя воспоминанія (янв., 53; февр., 45).

Вяткинъ, Г. — Рожь. Стихотв (апр., 11). Стихотвореніе (май, 26). Стихотвореніе (іюнь, 94).

Гессенъ, Юлій.—Къ исторіи еврейскаго вопроса (май, 176).

Горькій, М. — По Руси (изъ впечатлѣній проходящаго) (янв., 5; февр., 5; май, 5). М. М. Коцюбиньскій † (іюль, 323).

Гриммъ, Д.—Видимая законность и скрытное усмотрѣніе (февр., 271).

Дейчъ, Левъ. — Наша эмиграція въ 70-хъ годахъ (іюль, 172). М. П. Драгомановъ въ изгнаніи (окт., 201).

Дивильковскій, А. — Въ захолустьи, передъ самыми днями разсчета (мартъ, 84). Подъемъ низовъ (декабрь, 309).

Доброхотовъ, Анатолій. — Утѣшеніе ночи (Изъ Людвига Якобовскаго) Стихотв. (мартъ, 123). Я и Ты. (Изъ дневника Якобовскаго). Стихотв. (май, 102).

Домасудъ-Бромирская, А. И.—Стихотвореніе (сент., 116).

Ефименко, Т.—Стихотворенія (февр.) 163). Стихотвореніе (мартъ, 83). Сонетъ (дек., 270).

Жаботинскій, Вл. — Самоуправленіе національнаго меньшинства (сент., 117; окт., 131).

Желѣзновъ, В.—Новая книга о теоріи цѣнности (мартъ, 334). Къ теоріи городской поземельной ренты (іюль, 120).

Журавская, З.—Клятва Стефана Гуллера. Романъ Голлендера. Съ нѣм. пер. (янв., 237; февр., 220; мартъ, 219; апр., 269; май, 190). Авіаторъ. Повѣсть нашихъ дней. Леонарда Адельте. Съ нѣм. пер. (окт., 227, ноябрь, 213). Карьера Санди. Разсказъ С. Р. Крокетта. Пер. съ англ. (дек., 212).

Зайцевъ, Бор.—Вечерній часъ (янв. 140). Грѣхъ (ноябрь, 67).

Залевскій, К. — Польско-еврейскій конфликтъ (сент., 310). Польскія политич. партіи и дѣло Бейлиса (декабрь, 327).

К., Всеволодъ. — Посвящаю моей матери. Стихотв. (май, 131).

Карменъ. Галата. Разсказъ (авг., 72).

Карсавинъ, Л. — Религіозность и ереси въ XII—XIII вѣкахъ (апр., 128). Мистика и ея значеніе въ религіозности средневѣковья (авг., 118).

Карѣевъ, Н.—Къ вопросу о лекціонной системѣ въ высшей школѣ (окт., 339). Французскій либерализмъ начала XIX вѣка въ новомъ освѣщеніи (ноябрь, 171).

Кауфманъ, А.—Къ пересмотру основныхъ понятій политической экономіи (сент., 264).

Кибальчичъ, Н.—Въ Санто-Эль-пидіо. Съ итал. пер. (сент., 227).

Клейнбортъ, Л. — Рабочая интеллигенція и искусство (авг., 215). Максимъ Горькій и читатель низовъ (дек., 170).

Ковалевскій, Максимъ.—Судьба Балканъ (янв., 197). Первое собраніе сочиненій Лопе-де-Вега на русскомъ, языкѣ мартъ, 310). Н. К. Михайлов-

скій, какъ соціологъ (апр., 192). Походъ верхней палаты противъ суда присяжныхъ (май, 346). Можно ли считать Толстого продолжателемъ Руссо? (іюнь, 343). Двѣ смерти (іюнь, 398). Современные французскіе соціологи (іюль, 339), П. А. Столыпинъ и объединенное дворянство (окт., 406). Объединенное дворянство и свобода печати (ноябрь, 263). Эсменъ (ноябрь, 398). Армянскій вопросъ (дек., 289). В. Ѳ. Миллеръ (дек., 360).

Колтоновская, Е. — Въ сторонѣ отъ главнаго русла. Д. Н. Маминъ-Сибирякъ (февр., 198). Художникъ-печальникъ (В. М. Гаршинъ) (апр., 173). Мученикъ бурсы (дек., 303).

Колтоновскій, А. — Стихотворенія (ноябрь, 138).

Котляревскій, Несторъ.—Очерки изъ исторіи общественнаго настроенія шестидесятыхъ годовъ (іюнь, 95; окт., 73).

Крайскій, Сергѣй. Проектъ правилъ о продажѣ переселенческихъ участковъ (апр., 341).

Кривичъ, Валентинъ.—Старые портреты. Стихотв. (мартъ, 13).

Крэстевъ-Миролюбовъ, К.—Современная болгарская литература (іюнь, 151).

Л., Ю.—Августъ Бебель (сент., 332).

Лазаревскій, Борисъ.—Возлѣ берега. (окт., 5).

Леонидовъ, Олегъ. — Изъ старыхъ писемъ. Стихотв. (апр., 126). И. А. Бинину. Стихотв. (іюнь, 150).

Литошенко, Л.—Германская рожь на русскихъ рынкахъ (янв., 359).

Луговой, Ал.—Бываютъ минуты. Стихотв. (апр., 83). На новой дорогѣ. Деревенскіе этюды (іюнь, 5; іюль, 5).

Лучинская, А. — Ожидаемый законъ (февр., 165).

Лѣткова, Ек.—Изъ дамскихъ писемъ. Разсказъ (май, 103).

Люблинскій, П. И. — Уголовное рабство въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки (мартъ, 194).

Мануиловъ, А.—Вопросы экономической теоріи въ новой книгѣ П. Б. Струве (окт., 328).

Межакова, М.—На родинѣ (іюнь, 78).

Миллеръ, Всев. — Пѣсни-памфлеты XVI вѣка (май, 370).

Морозовъ, Н.—Въ глубинѣ преисподней (апр., 213; май, 132; іюнь, 54).

Набоковъ, Влад.—Второй томъ книги А. Ф. Кони: «На жизненномъ пути» (янв., 290). „Міровой процессъ“ (декабрь, 353).

Никифоровъ, Л. П.—Изъ воспоминаній о Вл. С. Соловьевѣ (ноябрь, 140).

Огановскій, Н. — Очерки по аграрному вопросу (сент., 274; дек., 273). Меліораціонное дѣло въ Россіи (декабрь, 368).

Олигеръ, Ник. — На родинѣ. Разсказъ (апр., 84; май, 58).

Осоргинъ, М. А. — О балканскихъ звѣрствахъ (янв., 311). Римскіе эмигранты и «Римскій съѣздъ» (іюль, 283). Призраки. Изъ повѣсти дней конхъ (ноябрь, 107; дек., 28).

Острогорскій, М. — Конституціонная эволюція Англіи (сент., 174; окт., 174; ноябрь, 149; дек., 152).

П., П. — Къ вопросу объ университетскомъ образованіи (авг., 167).

П., П. Ю. Среди каторжанъ (Мартъ, 265).

Погодина, В.—Большіе и маленькіе (янв., 127).

Покровскій, С. В. — Въ Сѣверномъ морѣ (іюль, 96).

Посниковъ, А. Государственная дума и ея соперники (іюнь, 318). Памяти В. М. Соболевскаго (іюнь, 401).

Премировъ, М. Отецъ Варнава (окт., 114).

Прокоповичъ, С. Итоги кооперативнаго съѣзда (сент., 339).

Пругавинъ, А. — Изъ воспоминаній объ В. Е. Якушкинѣ (Мартъ, 297). Отчего сектанты бѣгутъ изъ Россіи? (окт., 346).

Раппопортъ, С. И.—Театръ и цензура (іюль, 199).

Роберти-де, Евгеній. — Соціологическая теорія безсмертія (сент., 322).

Садовскій, Борисъ. — Стихотвореніе (мартъ, 25). Стихотвореніе (май, 59). Стихотвореніе (окт., 130).

Славинская, М. — Всей душою. Романъ Ренэ Базена. Пер. съ франц. (іюнь, 190; іюль, 222; авг., 230).

Славинскій, М.—Памяти Леси Украинки (авг., 414).

Слонимскій, Л.—Романтики стараго режима (янв., 338). Новое о Гамбеттѣ (февр., 377). Президентскій вопросъ во Франціи (мартъ, 841). Французскій защитникъ «умирающей Турціи» (апр., 376). Балканская война и албанскій вопросъ (май, 330). По поводу законопроекта о печати (іюнь, 327). «Архивъ» М. М. Стасюлевича (іюль, 407). Пацифизмъ и война (авг., 383). Отголоски войны (сент., 328).

Солдатовъ, В. В.—Формы общиннаго землепользованія въ Забайкальской области (май, 241).

Соловьевъ, П.—Два Содома. Стихотвор. (янв., 33).

Старкъ, Леонидъ.—Отвѣтъ. Стихотв. (іюнь, 53). Колдунье. Стихотв. (іюль, 57).

Т—ва, В. (Починковская).—Памяти М. М. Стасюлевича (янв. 224).

Тверской, П. А. — Предстоящее открытіе Панамскаго канала (іюль, 299).

Тимирязевъ, К.—Новая книга И. И. Мечникова (янв., 332). Изъ научной лѣтописи 1912 г. (мартъ, 317; май, 267).

Тимковскій, Н.—Наталья Алексѣевна (сент., 5).

Тимофеевъ, Григорій. — Даргомыжскій и значеніе его творчества (мартъ, 303).

Толочинова, Александра (Шабельская).—Наброски карандашемъ (іюль, 58).

Трегубовъ, Ив.—Сектанты и военная служба (дек., 194).

Туганъ-Барановскій, М. – Соціалистическія общины послѣдователей Оуэна и Фурье (февр., 179). Соціалистическія общины нашего времени (мартъ, 170).

Тулубъ, Зинаида. — Стихотвореніе (окт., 72).

Тыркова, А.—Жизненный путь. Романъ (февр., 80; мартъ, 26; апр., 12).

Умановъ - Каплуновскій, В. — Звенья. Стихотв. (дек., 64).

Фишеръ, В.—Изъ дѣтства.—Стихотв. (іюль, 119).

Флейшицъ, Ек.—Первый всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ, (февр., 361).

Х. — Изъ Черниговской губ. (іюль 330).

Хусидъ, Эммануилъ.—Очерки современной испанской живописи (янв., 175). Художественныя выставки въ Москвѣ (апр., 335).

Цензоръ, Дмитрій.—Сонетъ (ноябрь 66).

Чубинскій, М. Гарантія правъ и новая практика (май, 283). Памяти И. Я. Фойницкаго (ноября, 205).

Чумаченко, Ада. — Стихотвореніе (іюль, 282). Стихотвореніе (авг., 117)

Шейнисъ, Левъ. Международное рабочее право (авг., 195).

Шишмановъ, Н. Д.—Конституціонная записка графа П. П. Шувалова (авг. 136).

Щепкина, Е.— Дѣятельность окончившихъ С.-Петербургскіе высшіе женскія курсы (авг., 342).

Э—ль, Б. Е.—Ликвидація сервитутовъ (іюнь, 244).

Юровскій. Л. — Экономическія замѣтки (мартъ, 286).

Юшкевичъ, Семенъ.—Давидъ Левинъ (дек., 5).

Янжулъ, Иванъ.—Замѣчательное изслѣдованіе (апр., 350).

Критическіе наброски С. А. Адріанова (мартъ, 386; окт. 364; ноябрь, 380.

Письма Бакунина къ Г. Н. Вырубову (1867—1869) (янв., 71).

Письма А. И. Герцена къ Г. Н. Вырубову. (1866—1869) (янв., 80).

Письма Вл. С. Соловьева къ Л. Н Никифорову (ноябрь, 144).

Письма изъ Берлина—Р. Стрѣльцова (янв. 326; іюнь, 289).

Письма изъ Лондона—Діонео (янв., 302; авг. 293).

Письма изъ Парижа — Бѣлоруссова (янв., 317; апр., 219; іюль, 310; окт., 310).

Письма изъ Швейцаріи—А. Дивильковскаго (май, 316; іюнь, 304; дек., 309).

Письмо изъ Адріанополя—А. Деренталя (іюнь, 273).

Письмо изъ Алжира — Діонео (май, 302).

Письмо изъ Америки — П. А. Тверского (дек., 330).

Письмо изъ Бухареста — А. Деренталя—(окт., 281).

Письмо изъ Германіи — Р. Бланка (сент., 252).

Письмо изъ Рима—М. А. Осоргина (дек., 315).

Письмо изъ Швейцаріи—П. Берлина (авг. 308).

Письмо въ редакцію А. Ф. Кони и Е. Ф. Турау (апр., 357).

Юбилей Д. Н. Овсянико-Куликовскаго (апр., 428).

Хроника.

I. Вопросы общественной жизни. В. Д. Кузьмина-Караваева:—Январь.—Прогрессъ обновленнаго строя. — Вторженіе „охраны“ въ среднюю школу.—Поднятый печатью „шумъ“ и министерство народнаго просвѣщенія—„Реформа“ военно-медицинской академіи. Эпизодъ борьбы за „до-конституціонную“ свободу собраній. — В. Е. Якушкинъ † (стр. 433).—Февраль.—Характерные штрихи момента.—Общественное настроеніе и война.—Признаки поворота. — „Обновленцы“ петербургской городской Думы и „прогрессисты“—московской. — Вопросы самоуправленія въ законодательныхъ учрежденіяхъ.—Система субсидій. — Въ ожиданіи амнистіи. — Сведеніе партійныхъ счетовъ въ петербургскомъ дворянскомъ собраніи.—Е. Ѳ. Юнге, А. В. Погожевъ и П. А. Марковъ †. — Post-scriptum. (стр. 417).—Мартъ.—Скука въ Таврическомъ дворцѣ.—Гдѣ вершаются законодательныя дѣла?—Что осталось въ компетенціи Думы?—Обязательное постановленіе о борьбѣ съ хулиганствомъ. — Циркулярная экспропріація имущества земства.—Привѣтствіе Л. А. Полонскому. — А. И. Новиковъ и И. И. Глазуновъ †. (стр. 404). — Апрѣль. — Несбывшіяся ожиданія.—Амнистія и смертная казнь. — Что разумѣлъ подъ „децентрализаціей“ В. К. фонъ-Плеве и что разумѣется Н. А. Маклаковъ? — Черезъ десять лѣтъ: предположенія и фактъ.—Нѣсколько иллюстрацій. — Отданіе чести студентами-медиками и „преобразованіе“ военно-медицинской академіи. — Роковыя послѣдствія „пріостановленія“ дѣла Лыжина.—Юбилей Н. С. Таганцева.—Баронъ П. Л. Корфъ † (стр. 412).—Май.—Упреки обновленцамъ петербургской городской думы. — Трудности, которыхъ не знали стародумцы.—Интерпретація „Россіи“. — Октябристскій проектъ устава о печати. — Отвѣтственность издателей. — „День ко-

лоса ржи", безчисленные „дни" цвѣтковъ и „день воздушнаго флота". — Л. А. Полонскій и М. А. Газенкамперъ † (стр. 324).—Іюнь.— Распространеніе на Финляндію дѣйствія имперскихъ уголовныхъ законовъ и юрисдикціи имперскихъ судовъ.—Попытка теоретическаго обоснованія проекта. — Въ чемъ „превосходство" имперскихъ законовъ? Скрытая форма введенія въ Финляндіи военнаго положенія. — Проектъ „обезпечивающаго свободу слова" устава о печати. — Что и какъ проектъ обезпечиваетъ? — Возстановленіе предварительной цензуры.—Министръ юстиціи о депутатской безотвѣтственности (стр. 405).—Іюль.—Конфликтъ четвертой Думы съ министерствомъ. — Лозунгъ: „беречь Думу" и страхъ роспуска.—Реальны ли были опасенія?—Разрывъ польскаго коло съ оппозиціонными фракціями. — Польскіе націоналисты и русскій либерализмъ. — Вызовъ на дуэль А. Ф. Керенскаго.—Чему аплодировали справа?—Отказъ сената распубликовать новое положеніе о военно-медицинской академіи.—Одна изъ черточекъ положенія (стр. 428).—Августъ. — Идеологія рабства съ трибуны Государственной Думы. — Печать и судъ.—Изъ мартиролога двухъ закрытыхъ газетъ.—Регрессъ закона въ вопросѣ о смертной казни. — Военная служба и религіозныя убѣжденія солдатъ. — Иллюстрація къ отмѣнѣ „зачета".—„Разясненіе" памятника на могилѣ С. А. Муромцева.—Изъ курьезовъ опроверженій. — Юбилей В. Г. Короленка. — К. А. (стр. 399). — Сентябрь. — Новые смертные приговоры. — Смертные приговоры за убійство „шарманщика" и крестьяниномъ казака.—Законопроектъ о хулиганствѣ. — Признаки хулиганскихъ побужденій. Истинная суть проекта. — Предположенія о возрожденіи розги. — Къ началу новаго учебнаго года.—Переводъ „для пользы службы" члена Государственнаго Совѣта, Д. Д. Гримма.— Ф. С. Груздевъ и В. Г. Авсѣенко † (стр. 405). — Октябрь. —Кіевскіе съѣзды.— Признаки и показатели общественнаго сдвига.—Несбывшіяся ожиданія.—Съ чего началъ и чѣмъ кончилъ городской съѣздъ?—Продленіе „охраны" и исключительныя полномочія, какъ общая норма.—Синодъ о дѣлѣ аѳонскихъ монаховъ.—И. Я. Фойницкій †. — Пятидесятилѣтіе „Русскихъ Вѣдомостей". — К. А. (Стр. 423). — Ноябрь. — Процессъ „міровой важности".—Дѣло Дрейфуса и дѣло Бейлиса.—Судъ и „міровая проблема".—Составъ присяжныхъ.— Пріемы воздѣйствія на ихъ судебную совѣсть. — Безпримѣрная медленность веденія процесса. — Процессъ-диспутъ.—Процессъ „міровой важности" съ кассаціонной точки зрѣнія.—„Счетъ" оплаты печатью дѣла Бейлиса—Юбилейное чествованіе „Русскихъ Вѣдомостей".—П. П. Цитовичъ † (Стр. 413).—Декабрь.— —„Разоблаченія" В. Н. Коковцова.— Эволюція стародавней формулы.— На чемъ покоится официальный оптимизмъ? Рѣчь Гучкова.—Что онъ сказалъ и чего не договорилъ?— Расправа съ дипломатомъ. (Стр. 435).

II. Провинціальное обозрѣніе. И. В. Жилкина.—Январь.—Расцвѣтъ губернаторской власти въ Россіи.— Общая цѣль дѣятельности губернаторовъ и возможная, подразумѣваемая награда.—Внѣшніе и внутренніе плоды губернаторской энергіи. — Чувство удовлетворенія въ Нижегородской губерніи по случаю ухода г. Хвостова. Борьба тамбовскаго губернатора съ прогрессивной прессой.—Дальнѣйшіе шаги на томъ же пути курскаго губернатора. — Необходимость законныхъ протестовъ .— Разложеніе полицейской среды.—Новые соблазны для духовенства (стр. 371).—Февраль.— Губернскія и уѣздныя земскія собранія. — Пренія о демократизаціи земства въ симферопольскомъ собраніи.—Безлюдье въ московскомъ уѣздномъ земствѣ.—Новые люди въ костромскомъ земствѣ. — Живые ключи, питающіе захирѣвшее земство. — Бодрые штрихи и намеки земской жизни.—Безпокойство администраціи по поводу развитія народнаго образованія. — Двухлѣтняя борьба новгородскаго земства за добавочный классъ семинаріи.— Разумныя мѣры борьбы съ хулиганствомъ. — Духовенство, пожинающее предсказанные плоды. — Сердечные проводы губернаторовъ (стр. 365). — Мартъ. — Ростъ провинціальной печати.—Газеты, какъ политическая школа для воспитанія массъ. — Репрессіи, осыпающія провинціальную печать. — Борьба противъ незаконно воскресшей цензуры. Беззаконныя дѣйствія администраціи въ борьбѣ съ печатью.— Упованіе начальства на правую не-

чать и разочарованіе въ ней земцевъ и дворянъ въ Саратовѣ. — Преслѣдованіе обществъ, лекцій и рефератовъ.—Усмотрѣніе внѣ логики и закона.—Тщетность борьбы съ общественнымъ духомъ (стр. 348). Апрѣль. — Съѣздъ правыхъ дворянъ.—Разслоенія праваго дворянства. — Кошмары и страхи дворянства.—Страхъ предъ хулиганствомъ и надежды на репрессіи.—Ожиданіе погромовъ и вознагражденія за нихъ.—Призраки революціи—Ненависть и страхъ предъ прогрессивной печатью. — Убогое и безсильное хватанье праваго дворянства за колесо исторіи (стр. 361). — Май—Крикливая любовь къ балканскимъ славянамъ и подлинное отношеніе къ „братьямъ-славянамъ“ внутри Россіи. — Репрессіи, кары и пресѣченія, примѣняемыя къ украинцамъ и полякамъ.—Уравненіе въ репрессіяхъ всѣхъ народностей.—Гоненія на газеты.—Закрытіе библіотекъ.—Изъ области бодрящихъ фактовъ.—Городскіе выборы и побѣды на нихъ обновленцевъ. — Открытіе въ селахъ средне-учебныхъ заведеній.—Киргизская гимназія.—Давленіе сверху и отпоръ снизу—(стр. 336). —Іюнь.— Земское оскудѣніе.—Слабѣющее дворянство.—Тщетное ожиданіе земства въ Сибири.—Мечта казаковъ о земствѣ.—Чахлый верхній ростокъ и хилые корни земства.—Отзвукъ деревни на мѣстный вопросъ о хулиганствѣ.—Задавленная пресса въ Курскѣ.—Разница во вкусахъ къ печатному слову губернатора и населенія—(стр. 335).—Іюль.—Исключительное положеніе губернаторской власти и его результаты.—Дѣятельность губернатора Муратова. — Деморализація полицейской среды. —Передвиженіе любимцевъ вмѣстѣ съ губернаторами.—Ропотъ полицейской среды. Помраченная внутренняя политика.—Преслѣдованіе малороссовъ.—Школа и деревня.—Нарожденіе новой деревенской интеллигенціи — (стр. 370). — Августъ.—Унылая картина земскихъ выборовъ.—Разочарованіе населенія въ земствѣ и въ Государственной Думѣ.—„Самоизбраніе“ въ земства дворянъ. Назначенныя лица въ земской работѣ.—Оппозиціонная роль крестьянъ на земскихъ выборахъ.—Запуганность и неопытность деревни.—Общій итогъ выборовъ.—Земство на гигіенической выставкѣ—(стр. 333),—Сентябрь.—Обходные пути русской общественной жизни.—Съѣздъ торговыхъ служащихъ въ Москвѣ.—Политическоенастроеніе съѣзда.—Кооперативный съѣздъ въ Кіевѣ.—Громадный ростъ кооперацiи.—Уклонъ силъ кооперацiи къ прогрессивнымъ теченіямъ русскаго общества.—Кооперація вѣ Сибири. — Два съѣзда священниковъ.—Неизбѣжный путь государственнойжизни.(стр.351). — Октябрь.—Боязнь революціи и новый взглядъ на нее. — Бодрыя, свѣтлыя надежды на кооперацію.—Сельско-хозяйственный всероссійскій съѣздъ въ Кіевѣ.—Новая трудовая интеллигенція въ Россіи. — Голоса агрономовъ о правительствѣ, земствѣ и нуждахъ страны. — Парламентъ общественнаго мнѣнія въ Кіевѣ.—Значеніе съѣздовъ нынѣшняго лѣта —(стр. 354). — Ноябрь.— Уѣздныя земскія собранія.—Быстрое развитіе начальнаго образованія.—Нарожденіе снизу среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.—Перемѣны въ крестьянствѣ отъ широкаго распространенія грамотности.—Ассигновки въ уѣздныхъ земствахъ на народное обученіе. — Медленный, но вѣрный путь къ правовой жизни—(стр. 350).—Декабрь.—Разговоры о повышающемся общественномъ настроеніи.—Ненапрасны надежды на него.—Настоящіе и положительные факты.—Оживленіе въ земской сферѣ.—„Настроеніе“ и „революція“ (стр. 383).

III. Иностранное обозрѣніе. Л. З. Слонимскаго. — Январь. — Балканскія дѣла и дипломатія.—Правительственная декларація о внѣшней политикѣ. — Рѣчь П. Н. Милюкова въ защиту нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.—Воинственныя увлеченія нашихъ газетъ.—Итоги прошлаго года (стр. 406). — Февраль. — Прекращеніе мирныхъ переговоровъ и балканскій кризисъ. — Турецкій переворотъ и дипломатія. — Румынскія притязанія.—Президентскіе выборы во Франціи. — Англійскія дѣла (стр. 405).—Мартъ.—Программа новаго президента во Франціи. — Новые военные проекты въ Германіи.—Рѣчи Вильгельма II и его канцлера.—Разные виды военнаго спорта. — Сельско-хозяйственный докладъ императора и инцидентъ съ арендаторомъ.—Парламентскія пренія по внутреннимъ вопросамъ.—Революція въ Мексикѣ (стр. 392).—Апрѣль.—Балканскія событія и ихъ результаты.—Политика вели-

кихъ державъ и Австро-Венгріи.—Странная роль русской дипломатіи.—Компанія противъ Черногоріи.—Особенности нашей внѣшней политики и славянофильскія манифестаціи. — Албанскій вопросъ. — Перемѣна царствованія въ Греціи (стр. 401).—Май.— Дипломатія и балканскій кризисъ. — Вопросъ о Скутари.—Австро-Венгрія и „честь Европы".—Офиціальное сообщеніе о русской политикѣ.—Источники военныхъ тревогъ въ Европѣ. — Рѣчь германскаго канцлера (стр. 411).—Іюнь.— Споры между балканскими союзниками.— Сербскіе доводы въ пользу измѣненія союзнаго договора. — Брошюра проф. А. Белича.—Объясненія министра-президента Пашича въ сербской скупщинѣ. — Заботы европейской дипломатіи.—Французскія и бельгійскія дѣла (стр. 385). — Іюлъ. — Военныя дѣйствія безъ воины.—Жестокія споры бывшихъ союзниковъ.—Вопросъ о посредничествѣ и третейскомъ судѣ. — Офиціальныя заявленія Россіи и ихъ результаты.—Особенности международнаго кризиса на Балканахъ. — Задача русской дипломатіи (стр. 414). — Августъ. — Поворотъ событій на Балканахъ.—Печальная судьба Болгаріи. — Злоупотребленія „правомъ войны". — Ошибки русской дипломатіи. — Взаимные отчеты балканскихъ государствъ.—Политика Румыніи. — Новый политическій кризисъ на ближнемъ Востокѣ.—Китайско-монгольскій вопросъ и русская дипломатія (стр. 388). — Сентябрь.—Бухарестскій мирный договоръ. — Побѣдители и побѣжденные.—Взаимныя обвиненія болгаръ и ихъ противниковъ. — Вопросъ о жестокостяхъ во время войны и международная комиссія для ихъ провѣрки. — Сербскій отводъ противъ г. Милюкова. — Успѣхи пацифизма.—Три смерти: Эмиль Олливье, Рошфоръ и Бебель (стр. 359).—Октябрь. — Константинопольскій мирный договоръ.—Положеніе балканскихъ государствъ. — Сербія и албанское возстаніе. — Греція и греко-турецкіе переговоры. — Печальная роль европейской дипломатіи. — Воинственные порывы въ разныхъ странахъ. — Перспектива междоусобной войны въ Англіи (стр. 395). — Ноябрь. — Заграничные толки о русскихъ дѣлахъ.—Непріятные инциденты. — Отголоски дѣла Бейлиса въ Западной Европѣ.—Наша иностранная политика. — Внутреннія дѣла въ Германіи.—Президентъ китайской республики. С. Грунчъ † (стр. 386).—Декабрь.—Международное положеніе съ точки зрѣнія Австро-Венгріи.—Объясненія и намеки графа Бертхольда.—Неопредѣленность свѣдѣній о русской политикѣ.—Внутреннія дѣла въ Германіи, во Франціи и въ Италіи.—Событія въ Мексикѣ.—(стр. 423).

IV. Литературное обозрѣніе. — Январь. — Толстовскій Ежегодникъ. 1912 г.—Толстовскій Музей въ С.-Петербургѣ. I. Описаніе Музея. Составили В. И. Срезневскій и В. Н. Тукалевскій.—В. А. Маклаковъ. Л. Н. Толстой, какъ общественный дѣятель. — С. Т. Семеновъ, Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ.—Ч. В—ій.— И. И. Гливенко. Витторіо Альфьери. Жизнь и произведенія. Т. I.—А. Пр.—Эдгаръ Мартини, профессоръ классической филологіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Исторія римской литературы. Пособіе для студентовъ-филологовъ и преподавателей латинскаго языка. Переводъ и дополненіе К. Тюлеліева. Часть I. Литература республики.— А. Малеина.—А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки.—М. П. Чубинскій. Статьи и рѣчи по вопросамъ уголовнаго права и процесса.—Н. Полянскаго.—А. Л. Байковъ. Междувластныя и властныя отношенія въ теоріи права.—П. Михайловъ.—Д. В. Крапинскій. Матеріалы для изслѣдованія исторіи русскихъ тюремъ въ связи съ исторіей учрежденія Общества попечительнаго о тюрьмахъ. — Ал. Маклецовъ. — В. Тотоміанцъ. Кооперація въ русской деревнѣ. — Ежегодникъ кустарной промышленности. 1912 г. Томъ первый, выпуски 1 и 2.—Аркадій Петровъ. Рабочій вопросъ въ Японіи.— В. В. М. Н. Соболевъ. Элементарный учебникъ политической экономіи для коммерческихъ училищъ и для самообразованія. М. Н. — Новыя книги и брошюры (стр. 380).—Февраль.—Полное собраніе сочиненій и писемъ И. С. Никитина. Подъ редакціей А. Г. Фомина.—Ч. В—скаго.—Л. П. Карсавинъ. Монашество въ средніе вѣка.—Очерки по исторіи Византіи. Подъ редакц. и съ предисл. В. Н. Бенешевича, проф. Спб. Универ.—И. Бороздина.— И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго.—Н. Л.—Н. С. Лобасъ, бывшій врачъ Сахалинскихъ каторжныхъ тюремъ. Убійцы. — Ал.

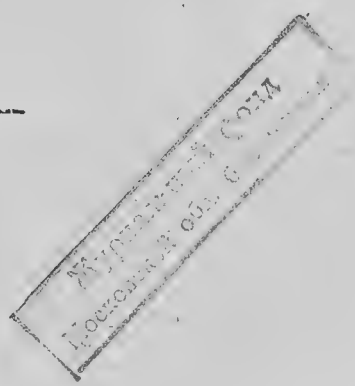
Маклецовъ.—Умственное развитіе дѣтей, поступающихъ въ московскія городскія школы. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова.—В. Б—а.—А. Н. Анцыферовъ. Очерки по кооперації.—Инженеръ И. М. Кузьминыхъ-Ланинъ. Уходъ на полевыя работы фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерній.—Краткія хозяйственно-статистическія свѣдѣнія по Смоленской губерніи.—В. В.—М. Я. Пинесъ. Исторія еврейской литературы.—И. Книжника.—Новыя идеи въ философіи. Подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.—„Природа“. Ежемѣсячный популярный естественно-историческій журналъ для самообразованія, подъ ред. проф. В. А. Вагнера и проф. Л. В. Писаржевскаго.—П. Юшкевича.—D. M. Garr. Die wirtshftlichen Grundlagen des medernen Zeitungswesens.—И. Левина (стр. 386).—Мартъ.—Р. Григорьевъ. „На ущербѣ“. Романъ.—Кн. В. В. Барятинскій. Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I—Ѳедоръ Кузьмичъ).—Е. Колтоновской.—Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными.—Ч. В—скаго.—E. Duchesne. M. I. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres.—Н. Котляревскаго.—Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. № 49.—Н. Л.— В. Н. Сперанскій. Общественная роль философіи. Введеніе въ исторію политическихъ ученій.—П. Е. Михайлова.—Однодневная перепись начальныхъ школъ въ имперіи произведенная „13 января 1911 года. Подъ ред. В. И. Покровскаго.—N. N.—Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова.—Е. Кувшинская. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи.—В. В.—Н. О. Лосскій. Введеніе въ философію. Ч. I. Введеніе въ теорію знанія.—П. Е. Михайлова.—W. Zombart, Luxus und Kapitalismus.—П. Юшкевича.—David Koigen. Die Kultur der Democratie.—А. Т. (стр, 359).—Апрѣль.—Николай Клюевъ Сосенъ перезвонъ. Его же. Лѣсныя были.—Ч. В—скаго.—Сергѣй Городецкій. Ива. Пятая книга стиховъ.—Владиміра Нарбута.—А. Чапыгинъ. Нелюдимые. Разсказы.—Е. К.—Александръ Амфитеатровъ. Ау! Сатиры, шутки, фельетоны и статьи. Его же. Эхо.—Ч. В.—скаго.—Проф. Трельсъ-Лундъ (Копенгагенъ). Небо и міровоззрѣніе въ круговоротѣ временъ.—П. Юшкевича.—Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго. Томъ десятый.—Ч. В—скаго.—Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ засѣданіи Совѣта Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ въ память 1812 года.—И. Бороздина.—И. Язвинъ. Переселенческое движеніе въ Россіи съ момента освобожденія крестьянъ.—Е. С. Каратыгинъ. Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ.—Н. Г. Воблый. Статистика (пособіе къ лекціямъ).—А. А. Кауфманъ. Теорія и методъ статистики.—В. В.—Письмо къ читателямъ о самообразованіи. Н. А. Рубакина—А. Т. (стр. 385).—Май.—„Горе отъ ума“, комедія. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Жандровская рукопись. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К Пиксанова. — А. Фомина — Сочиненія и письма П. Я. Чаадаева. Подъ ред. М. Гершензона. Т. I—Кн. Одоевскій. Русскія ночи. Подъ ред. С. А. Цвѣткова. — П. Е. Щеголевъ. Историческіе этюды.. — Ч. В—скаго—В. А. Бутенко. Либеральная партія во Франціи въ эпоху реставраціи.—К. — Е. В Тарле. Континентальная блокада. Изслѣдованія по исторіи промышленности и внѣшней торговли Франціи въ эпоху Наполеона (съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ) — К. Масонскіе труды И. В. Лопухина. 1) Духовный рыцарь. 2) Нѣкоторыя черты о внутренней церкви. Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка.—А. Т.—К. Военскій. Акты, документы и матеріалы для исторіи 1812 г.—С. Г. Д-ръ Н. А. Вигдорчикъ. Опасность промышленнаго труда. Основы и выгоды изъ статистики профессіональнаго трамватизма.—В. Б—а.—Происхожденіе человѣка. Настольная книга по воспитанію дѣтей.—Bibliotequе de philosophie scientifique. Henri Poincaré. Derniéres. pensées. П. Ю.—Geschicnte der Fiankfurier Zeitung. — И. И. Левина. (стр. 393). Іюнь. — В. Ключевскій. Очерки и рѣчи — Ч. В. — Императоръ Александръ I и его душевная драма.—Н. Н. Ѳирсова ординарнаго проф. Казанск. университ.—А. Т. — Труды С.-Петербургскаго философскаго общества. Гегель. Феноменологія духа. Перев. подъ ред. Э. Л. Радлова.—П. Ю.—П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ II. Римъ—Лаціумъ—Неаполь и Сицилія—А. Щ.—Сахалинъ. Сборникъ

статей по современнымъ вопросамъ Сахалинской области. Подъ общей редакціей губернатора Д. Григорьева.—**А. Щ.**—Лекціи объ Исламѣ І. Гольдцигеръ, проф. въ Будапештѣ. Членъ-корреспондентъ Петербургской Академіи Наукъ. Приложена статья Вамбери: Культурное движеніе среди русскихъ татаръ.—**А. Т.**—И. И. Филипповъ. Государственное устройство Индіи и мѣстное самоуправленіе британской Индіи, какъ матеріалъ для реформы городского и земскаго дѣла въ Россіи вообще и на восточныхъ окраинахъ въ частности.—**В. Мустафина.** — С. Прокоповичъ. Кооперативное движеніе въ Россіи. Его теорія и практика.—**В. В.** — Кустарная промышленность и сбытъ кустарныхъ издѣлій. Составилъ А. А. Рыбниковъ **В. В.**—К. С. Лурье. Организаціи и организаціи торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи.—**В. В.** Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. П. А. Вихляевъ. Выпуски 1 и 2.—**В. В.** Библіографическій Ежегодникъ. Вып. II. Систематическій указатель литературы за 1912 г.—И. В. Владиславлевъ. Русскіе писатели XIX—XX ст. Опытъ библіографическаго пособія по новѣйшой русской литературѣ.—**Ч. В—скаго.** — Valentin Seroff. Etude sur sa vie ei son oeuvre par Marie Kovalenskv.—**С. Ж.** (стр. 362 Іюль.—Война и миръ. Памяти Л.) Толстого. Сборникъ подъ редакціей В. П. Обнинскаго и Т. И. Полнера.—Проф. Е. А. Бобровъ. Этюды объ А. И. Полежаевѣ.—Его же. Замѣтки по исторіи русской литературы, просвѣщенія и культуры.—Конст. Эбергъ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ.—André Lirondelle. Poéte Alexis Tolstoï. L'omme et l'oeuvre. — Валерій Брюсовъ. За моимъ окномъ.—**Ч. В—скаго.**—Земля. Сборникъ. двѣнадцатый.—**Е. Колтоновской.**—Проф. А. Дастръ. Жизнь и смерть. Перев. съ 12-го франц. изд. Б. С. Бычковскаго.—Новыя идеи въ философіи. Неперіод. изд., выходящее подъ редакціей Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 5. Теорія познанія. II.—Сборникъ № 6. Существуетъ ли внѣшній міръ? — Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. — **П. Юшкевича.** — С. Ф. Иванова. „Бухгалтерская экспертиза въ судебномъ процессѣ". Съ предисловіемъ сенатора Случевскаго.—**А. Ѳ. Кони.**—А. Трайнинъ. Несостоятельность и банкротство.—**Ал. Маклецова.**—Г. Кауфманъ. „Теорія потребительской кооперадіи". Перев. съ нѣмецкаго Л. Щегловой-Хейсинъ, съ предислов. В. Ф. Тотоміанца.—**Сем. Маслова.** — Ausgewählte Lesestücke zum Studium der politischen Oekonomie, herausgegeben von Prof. Dr. Karl Diehl und Dr. P. Mombert.—**Алекс. Штернъ.**—Dopsch, Alfons. Die Wirtschaftentwickelnug der Karolingerzeit, vornehmlich in Deutschiand.—**Л. П. Карсавина**—(стр. 378).

— Августъ. — Марина Цвѣтаева. Изъ двухъ книгъ. Маріэтта Шагинянъ. Orientalia—**Владиміра Нарбута.**—II. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. О. Одоевскій. Мыслитель и Писатель. Томъ первый. Часть первая. Стр. VI+616. Часть вторая, стр. 479.—Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ V. Изданіе разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ.—Историческая библіотека. Отголоски минувшаго № 1.—**Ч. В—скаго.**—Смутное время. Сборникъ статей. Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн. - **А. Т.**—Современное хозяйство города Москвы. Изданіе московскаго городского управленія подъ редакціей И. А. Вернера.—З. Г. Френкель. Въ преддверіи 50-ти-лѣтняго юбилея Русскаго Земства. Очерки врачебно-санитарнаго дѣла (по даннымъ работъ, произведенныхъ для Дрезденской и Всероссійской гигіеническихъ выставокъ). Съ 52 рисунками, картами, графиками.—**В. Б—а.**—Н. Рубакинъ. Россія въ цифрахъ.—Франкъ Джильбертъ. Изученіе движеній, какъ способъ повысить производительность при всякой работѣ.—Исторія проституціи. Д-ра мед. I. Bloch'a. Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго врача П. Н. Лурье-Гибермапъ. Первый томъ.—И. И Майковъ. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области.—**В. В.**—Dr. M. Mendelson. Die Entwicklungsrichtungen der deutschen Volkswirtschaft nach den Ergebnissen der neusten deutschen Sfatisiik, insbesondere der Berufs-und Betriebssfaţistik. — Weltwirtschaftliches Archiv, Zeitschrift für aligemeine und spezielle Weltwirtschaftslehre. Herausgegeben Von Prof. B. Harms. **Александра Штерна** (стр. 355). —Сентябрь.—А. Н. Пыпинъ. Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ (1878). Съ предисловіемъ и примѣчаніями В. В. Водовозова.—Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Съ вооруженнымъ народомъ. I. На боевыхъ по-

ляхъ. II. Въ боевомъ огнѣ. Кнво-«Просвѣщеніе».—A. Lirondelle. Shakespeare en Russie. 1748—1846 (Etude de la literature comparée).—Александръ Закржевскій. Религія. Психологическія параллели. Изданіе журнала «Искусство».—Ч. В—скаго.—I. Patouillet. Ostrovski, et son théatre russes.—Полное собраніе сочиненій Н. Г. Помяловскаго. Съ портретомъ и біографіей автора, составлено Н. А. Благовѣщенскимъ. Третье изданіе.—Н. Л. — «Юридическій Вѣстникъ». Журналъ Московскаго Юридическаго Общества. Книга I и II-ая П Е Михайлова.—Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Московскій университетъ и С.-Петербургскій учебный округъ въ 1812 г. Документы архива министерства народнаго просвѣщенія, собр. и изд. подъ редакціею К. Военскаго.—С. Г.—Г. Кершенштейнеръ. Трудовая школа. Пер. съ нѣм. М. И. Дрей. Съ пред. и подъ ред. Н. В. Сперанскаго.—Практическая школьная энциклопедія. Подъ общей редакціей Тулупова и Шестакова.—А. Т.—А. А. Раевскій. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и возможная роль въ будущемъ.—А. Лосицкій и Н. Чернышевъ. Алкоголизмъ среди петербургскихъ рабочихъ.—Баллевскій-Левинъ. Фабричное хозяйство. Перевелъ съ послѣдняго (3-го) нѣмецкаго изданія А. Ф. Каганъ-Шибай.—В. В.—Переселенческое Управленіе Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія.—Сборникъ статистическихъ свѣдѣній объ экономическомъ положеніи переселенцевъ въ Сибири. Матеріалы по обслѣдованію типичныхъ переселенческихъ поселковъ, собранные и разработанные подъ руководствомъ и редакціею В. К. Кузнецова. Выпускъ I. Текстъ составилъ В. К. Кузнецовъ. А. И. Комаровъ. Правда о переселенческомъ дѣлѣ. — Сергѣя Крайскаго (стр. 380).—О к т я б р ь.—И. И. Замотинъ. Ѳ. М. Достоевскій въ русской критикѣ. Часть первая. 1846—1881. — Дневникъ Вѣры Сергѣевны Аксаковой. 1854—1855. Редакція и примѣчанія кн. Н. Г. Голицына и П. Е. Щеголева.—Ч.В—скаго.—Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя, подъ редакціей Н. И. Коробки, въ 9 т. Изданіе т-ва «Дѣятель». Т.т. I—III.—А. Фомина.—С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій Т. II. Писатель-гражданинъ—Гоголь. Изд-во «Прометей».—Е. Колтоновской. — Е. Эпштейнъ. Эмиссіонные и кредитные банки въ новѣйшей эволюціи народнаго хозяйства.—В. Ѳ. Томоміанцъ. Теорія, исторія и практика потребительной кооперацiи. Изданіе 3-е, совершенно переработанное и значительно дополненное. Современныя педагогическія теченія. Составили Ц. Ѳ. Каптеревъ и А. Ф. Музыченко.—В. В.—Кн. В. И. Масальскій. Туркестанскій край. Томъ XIX-й изданія А. Девріена «Россія». Съ 206 рисунками—Ст. Гулишамбаровъ Къ сорокалѣтію невольничества въ Средней Азіи.—А. Щ.—Mémoires du comte Roger de Damas (1787—1806), publies et annotes par Jacques Rambaud. — Н. Карѣева (стр. 376). Н о я б р ь.—Л. Авилова. Образъ человѣческій. Разсказы. — Е. Колтоновской.—Н. Л. Бродскій. Поэты кружка Станкевича. Извѣстія отдѣленія русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ.—Ч. В—скаго.—В. В. Жерве. Партизанъ-поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности.—А. Фомина. — E. Le Roy. Une philosophie nouvelle.—U. Desaymarb. La pensée d'Henri Bergson.—J. Segond. L'intuition bergsonienne. — R. Berthelot. Un romantisme utilitaire. Etude sur le mouvement pragmatisme. — П. Юшкевича. Piere Rain. Un tsar idéologue. Alexandre I-er.—В. Б.—Die Rolle der Gewalt in den Konflikten des modernen Lebehs. Eine Rundfrage von Prof. Dr. Broda.—Б.—Bureau of the Census. Thirteenth Census of the United States, taken in the year 1910.—П. А. Тверского.—Сацилическая правда. Русскій переводъ Lex Sallica.—Б. Иванова. — Гастонъ Буассье. Картины римской жизни временъ цезарей. Общественное настроеніе во время цезарей Переводъ съ 6-го франц. изданія П. Н. Спиридонова. — А. Т. — Проф. Максъ Ферворнъ. Развитіе человѣческаго духа. — Кооперація среди евреевъ (по даннымъ 1911 и 1912 гг.). Составлено подъ ред. I. А. Блюма и Л. С. Зака. — Личное владѣніе надѣльной землей Череповецкаго, Устюжинскаго и Кирилловскаго уѣздовъ Новгородской губерніи.—Подворная перепись крестьянскихъ хозяйствъ Самарской губерніи. — Самарскій уѣздъ.—В. В. (стр. 358). Д е к а б р ь.—La matérialisme actuel. Par. M. M. Bergson, Poincaré etc...—П. Юшкевича.—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. — Ч. В—аго.—Харьковское Медицинское

о—во В. Б—ва.—Пирлингъ. Не умеръ-ли католикомъ Александръ I?—А. Прѣснякова. Законы гражданскіе. Практическій и теоретическій комментарій.—А. Т—аго.—Н. Карѣевъ. Революціонные комитеты парижскихъ секцій.—А. Т.—Проф. Любинскій. Конституціонныя или административныя гарантіи? Бориса Шацкаго.—Штромбергъ. Городскія жел. дороги въ Москвѣ.—В. В. (стр. 400).



Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ и СКЛАДЪ

Т-ва „ТРУДЪ“ С. Скирмунта

Москва, Тверской бульваръ, 26. Тел. 34-54.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

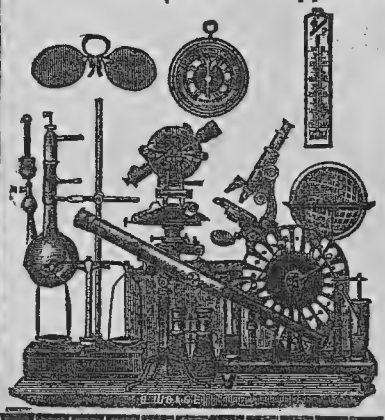
С. Рейнакъ. Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. Въ пер. Ц. 4 р.
С. Игнатовъ Э. Т. А. Гоффманъ. Личность и творчество. Ц. 1 р. 25 к.
Н. Лосскій. Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.
Н. Окуличъ-Казаринъ. Спутникъ по древнему Пскову. Ц. 2 р. 75 к.
Пр. Н. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ Православному Востоку. Ц. 4. р.
Московскій старообрядческій институтъ. Ученіе о Богослуженіи Христовой церкви (Старообрядческой). Ц. 85 к.
А. Миловидовъ. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ Польскому возстанію. Ц. 3 р. 75 к.
С. Полевой. Періодическая печать въ Китаѣ. Ц. 1 р. 75 к.
Н. Силинъ. Австро-Венгерскій банкъ. Ц. 3 р.
М. Загряцковъ. Земельная политика городского самоуправленія въ Германіи. Ц. 3 р. 50 к.
Ф. Тэйлоръ. Научныя основы организаціи промышленныхъ предпріятій. Ц. 1 р. 75 к.
М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. Ц. 1 р. 50 к.
Е. Егоровъ. Полное счетоводство для небольшихъ потребительскихъ О-твъ. Ц. 90 к.
З. Ленскій. По кооперативной Европѣ. Путевые очерки. Ц. 50 к.
В. Тотоміанцъ. Теорія, исторія и практика Потребительской Кооперація. 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
А. Богдановъ. Введеніе въ политическую экономію (въ вопросахъ и отвѣтахъ. Ц. 40 к.
Дѣло Бейлиса. Стенографическій отчетъ, т. I-й 2 р., II-й 1 р. 50 к., III-й 1 р. 25 к.
Пр. А. Кизсъ. Человѣческое тѣло. Ц. 90 к.
Д ръ Эккертъ. Краткій учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Ц. 75 к.
А. Панкратовъ. У великихъ могилъ. Ц. 50 к.
„ „ Милліоны въ землѣ. Ц. 50 к.
Х. Спурелъ. Патріотизмъ съ біологической точки зрѣнія. Ц. 80 к.
В. Гартевельдъ. Среди сыпучихъ песковъ и отрубленныхъ головъ. (Путевые очерки Туркестана). Ц. 1 р.

Книги-Подарки дѣтямъ.

Проспектъ высылается по требованію.

Книжный магазинъ „ТРУДЪ“ исполняетъ заказы абсолютно на всѣ книги, публикованныя въ газетахъ, журналахъ и каталогахъ Книгоиздательствъ. Исполняетъ заказы школъ, библіотекъ съ обычной скидкой.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
Механикъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
Ѳ. ШВАБЕ,
МОСКВА, Кузнецкій мостъ.
Фабрика геодезическихъ инструментовъ.



Астролябіи, теодолиты, нивеллиры, мензулы, кипригеля и т. п.
Громадный выборъ инструментовъ для черченія и рисованія.
Полное оборудованіе химическихъ лабораторій всѣми новѣйшими аппаратами и принадлежн. Коллекціи, препараты и принадлежности для преподаванія зоологіи, ботаники, минералогіи и естествовѣдѣнія.
Полное оборудованіе физическихъ кабинетовъ.
Медицинскіе и ветеринарные инструменты.
Адресъ для телегр.: Хирургоптику.
Телефонъ № 2.37-34.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“
главный складъ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.
Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Ѳ. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

Поступила въ продажу:

Свящ. П. ФЛОРЕНСКІЙ. Столпъ и утвержденіе истины. (Опытъ православной Ѳеодицеи въ двѣнадцати письмахъ). Ц. 3 р. 50 к.

Н. ЛОССКІЙ. Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.

Л. ДЮШЕНЪ. Исторія древней церкви. Т. I и II. Переводъ съ пятаго франц. изд. подъ ред. проф. И. Попова и профес. А. Орлова. Ц. 2 р.

С. ДУРЫЛИНЪ. Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Ц. 50 к.

Продаются во всѣхъ извѣстн. кн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по требованію безплатно.

РОЯЛИ и ПІАНИНО

лучшихъ заграничныхъ фабрикъ.

СТЕЙНВЭЙ и С-ВЬЯ

Рояли въ 1500, 1800, 2100, 2500, 3000 и 3500 р.
Піанино въ 900, 1100 и 1300 р.

БЛЮТНЕРЪ

Рояли въ 1200, 1300, 1450, 1750 и 2200 р.
Піанино въ 750, 850 и 1000 р.

ФИДЛЕРЪ

Рояли въ 800, 900, 1000 р. и дороже.
Піанино въ 525, 550, 575, 625, 650 р. и дороже.

И ПЕРВОКЛАССНЫХЪ РУССКИХЪ ФАБРИКЪ

Рояли отъ 650 р. Піанино отъ 400 р. Разсрочка. — Обмѣнъ.

Большой выборъ стильныхъ инструментовъ.

Юлій Генрихъ Циммерманъ

С.-Петербургъ, Морская, 34. Москва, Кузнецкій мостъ. Рига, Сарайная, 15.

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Настоящимъ увѣдомляемъ нашихъ покупателей, что по примѣру прошлыхъ лѣтъ мы начали высылку коллекцій украшеній и сюрпризовъ для ёлки.

НАШИ УСЛОВІЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫ:

Пересылка въ пред. Европ. Россіи за счетъ фирмы.
Отправка коллекцій наложен. платежомъ безъ задатка.

Коллекція изъ 106 предм. 1 руб. 90 коп.
Коллекція изъ 155 предм. 2 руб. 50 коп.
Коллекція изъ 218 предм. 3 руб.
Коллекція изъ 316 предм. 5 руб.
Кол. изъ 409 пр. 8 р., изъ 465 пр. 10 р., изъ 622 пр. 15 р., изъ 772 пр. 20 р., изъ 908 пр. 25 р. съ пересылкой.

съ перев.

Въ интересахъ постоянныхъ покупателей въ этомъ году мы удачно измѣнили содержаніе коллекцій и дополн. ихъ интересн. новинками.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Столешниковъ, № 5. **2.**

Добросовѣст. и аккуратн. выполн. заказовъ гарантируется.
Описаніе коллекцій и каталогъ подарковъ безплатно.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XX—XXI томовъ: Звукъ (20 стб.)—**проф. О. Д. Хвольсона**. Земельный вопросъ (99 стб.)—**проф. М. И. Туганъ-Барановскаго**. Землеустройство (съ прилож., 20 стб.)—**проф. А. А. Кауфмана**. Земская статистика (14 стб.)—**проф. А. Ѳ. Фортунатова**. Земскіе соборы (11 стб.)—**В. А. Мякотина**. Земскія учрежденія (съ прилож., 56 стб.)—**С. М. Блюклова**. Золотопромышленность (съ прил. 18 стб.)—**проф. А. Н. Митинскаго**. Извученіе (16 стб.)—**прив.-доц. А. К. Тимирязева**. Измѣнчивость (10 стб.)—**проф. К. А. Тимирязева**. Иммунитетъ (21 стб.,—**проф. И. И. Мечникова**. Елизавета Петровна (15 стб.)—**проф. Н. Н. Ѳирсова**. Желѣзныя дороги (прил., 60 стб.)—**проф. М. И. Боголѣпова, А. В. Трупчинскаго и инж. Н. А. Галяшкина**. Желѣзо и желѣзодѣлат. произв, (прил., 60 стб.)—**проф. Я. В. Самойлова, проф. А. П. Гавриленко и Н. Ф. Чириовскаго**. Женскій вопросъ (съ прил., 67 стб.)—**Е. Н. Кусковой и В. В. Водовозова**. Животныя (66 стб.)—**проф. М. О. Мензбира**. Законъ (18 стб.)—**проф. П. И. Люблинскаго**. Запорожская Сѣчь (11 стб.)—**проф. М. С. Грушевскаго**. Заработная плата (66 стб.)—**проф. В. Я. Желѣзнова**.

Изъ отзывовъ печати: „Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ („Русск. Вѣд.“). „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ„ („День“). „Историко-литературныя статьи... написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами“ („Гол. Минувш.“)... „цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ“, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно“ („Рѣчь“ц. „По многимъ вопросамъ даны цѣлыя монографіи“. (Современный Міръ“). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ, который онъ встрѣтилъ“ („Современное Слово“)

Въ первыхъ **20-ти** томахъ **помѣщено: 55 текстовыхъ приложеній** (1,120 стб.) и **390 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 36 репродукцій въ краскахъ и 62 англійскихъ геліогравюры—REMBRANDT INTAGLIO.

Географическія карты составятъ особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстъ* и ихъ расположенія. Географическія карты государствъ и русскихъ губерній *составляются спеціально для настоящаго изданія* членомъ Парижскаго Географическаго Общества и сотрудникомъ Гашетовскаго географическаго бюро Д. И. Антовымъ при участіи членовъ того же бюро В. Гюо, М. Шено, Г. Багге и др. и гравируются въ Парижѣ въ извѣстномъ картографическомъ институтѣ Эраръ.

Модели по анатоміи изготовляются въ Мюнхенѣ, по техникѣ—въ Фюртѣ, двутонныя репродукціи—частью въ Берлинѣ, англійскія геліогравюры—Rembrandt Intaglio—въ Лондонѣ. По авторитетному отзыву директора Берлинской національной галлереи Водэ, „этотъ новый способъ репродукціи совмѣщаетъ всѣ качества, требующіяся для истинно-достойнаго воспроизведенія великихъ твореній кисти“. **Цѣна тома** (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.: полнаго иллюстриров. изд. 3 р. 30 к. За переплетъ (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотипн. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію БЕЗПЛАТНО.

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“ Москва, Тверской б., 15-Е.
, С.-Петербургъ, Моховая, 37.

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА на новое изданіе т-ва «МІРЪ»:

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВѢКА

(1890—1910). Подъ редакціей проф. *С. А. Венгерова.*

Содержаніе: Томъ I. **Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.** *Декаденство и марксизмъ.* (1890-ые годы). 1. Общій обзоръ литературнаго движенія 1890-хъ годовъ. 2. Лица и направленія. *Зачинатели „новыхъ теченій“:* Бальмонтъ, Брюсовъ, Венгерова, Волынскій, Гиппіусъ, Гуревичъ, Александръ Добролюбовъ, Мережковскій, Минскій, Сологубъ и др. *Марксизмъ.* Теорія русскаго марксизма. Литературный марксизмъ: Вересаевъ, Горькій, Чириковъ и др. 3. Библіографія. Томъ II. **Синтетическій модернизмъ и богоискательство.** (Начало XX вѣка). 1. Общій обзоръ литературнаго движенія эпохи. 2. Лица и направленія. А. *Синтетическій модернизмъ и второе поколѣніе символистовъ:* Леонидъ Андреевъ, Иннокентій Анненскій, Балтрушайтисъ, Бунинъ, Андрей Бѣлый, Борисъ Зайцевъ, Вячеславъ Ивановъ, Коневскій, Георгій Чулковъ и др. В. *Теоретики:* Бердяевъ, Булгаковъ, Волжскій, Розановъ, Струве, Философовъ, Шестовъ и др. *С. Внѣ опредѣленныхъ литературныхъ группировокъ:* Купринъ, Муйжель, Серафимовичъ, Юшкевичъ и др. 3. Библіографія. Томъ III. **Спадъ революціонной волны.** (1905—1910). 1. Общій обзоръ литературнаго теченія эпохи. 2. Лица и направленія. Арцыбашевъ, Ауслендѐръ, Зиновьева-Аннибалъ, Анатолій Каменскій, Кузминъ и др. В. *Художественный фольклоризмъ и близость къ почвѣ:* Сергѣй Городецкій, Клюевъ, Пришвинъ, Ремезовъ, Сергѣевъ-Ценскій, Алексѣй Толстой и др. С. *Эволюція литературной критики:* Айхенвальдъ, Горнфельдъ, Ивановъ-Разумникъ, Овсянико-Куликовскій, Чуковскій и др. D. *Судъ надъ побѣжденной интеллигенціей:* „Вѣхи“. 3. Библіографія.

Чрезвычайно важныя для пониманія отдѣльныхъ писателей біографическія данныя будутъ даны большей частью въ видѣ **автобіографій**, любезно сообщенныхъ редакціи нашими писателями.

„Русская литература XX вѣка“ составитъ около 75 листовъ, то-есть около 1.200 страницъ большого формата и будетъ богато иллюстрирована портретами писателей, воспроизведенными меццотинто-гравюрой и въ краскахъ.

Изданіе составитъ около 10 книгъ въ 7—8 листовъ каждая и будетъ выходить по одной книгѣ каждые 2 мѣсяца. Первая книга выйдетъ въ концѣ 1913 г.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 рубля и при полученіи каждой книги по 1 р. 60 к. и, сверхъ того, по 10 коп. за переводъ платежа.

Продолжается подписка на другія изданія т-ва «Міръ»:

ИТОГИ НАУКИ ВЪ ТЕОРІИ и ПРАКТИКѢ. **Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. А. Морозова и проф. В. М. Шимкевича.**

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. **Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. В. Ѳ. Миллера, акад. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.**

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. **Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова.**

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА. **Каруса Штерне. Съ дополнит. статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова.**

ДЕКАМЕРОНЪ. **Дж. Боккаччіо. Перев. академика Александра Веселовскаго.**

РУССКАЯ ИСТОРІЯ съ древнѣйшихъ временъ. **М. Н. Покровскаго.**

СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. **Ю. И. Айхенвальда.**

СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ. **Сергѣя Маковскаго.**

Проспекты безплатно.

Главная контора изданій т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменка, д. 9.

Книгоиздательство А. Ф. Девріенъ

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., Румянцевская пл. 1/3. | **въ Москвѣ,** Калашный пер., № 10.

Поступили въ продажу новыя книги для дѣтей, юношества и взрослыхъ:

Зайки-пайки. Сказка для хорошихъ дѣтей. *В. Н. Крестьянова.* Съ рисунками въ краскахъ. Въ 4°. Цѣна 90 коп.

Слоникъ Мока и Мишукъ у себя дома. Рисунки въ краскахъ и текстъ *В. Н. Крестьянова.* Въ папкѣ. Цѣна 1 р. 50 коп. (2-я книжка вышедшаго въ прошломъ году изданія подъ заглавіемъ „Слоникъ Мока и Мишукъ". Съ 32 рис. въ краскахъ. Цѣна 1 р. 25 к.).

Милымъ крошкамъ. Книжка сказокъ для маленькихъ дѣтей. Сост. *Евг. Шведеръ.* Съ 24 рисунками художницы А. Андерсъ. Цѣна 60 коп.

Красавица и чудовище и нѣсколько другихъ старо-французскихъ сказокъ. Съ 30 иллюстраціями въ краскахъ Эдмонда Дюлакъ. Роскошное изданіе въ 4°. Въ переплетѣ. Цѣна 12 руб.

Заклинатель змѣй. Повѣсть для юношества *Л. В. Чиркиной.* Съ 20 рисунками автора. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп.

Цвѣты въ легендахъ и преданіяхъ. Соч. *Н. Ф. Золотницкаго.* Съ 24 рисунками художницы К. Ф. Цейдлеръ. Цѣна 2 р. 75 коп., въ переплетѣ 3 р. 25 коп.

Сказки природы для юныхъ и взрослыхъ читателей. К. Эвальда. Переводъ съ нѣмецкаго *В. А. Эдельштейнъ.* Съ 24 рисунками художника А. А. Штиренъ. Цѣна 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.

Вымершія животныя. Соч. *Е. Ланкестеръ.* Переводъ съ англійскаго подъ ред. горнаго инженера *А. А. Борисякъ.* Съ 214 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 р., въ коленкоров. перепл. 2 руб. 50 коп.

Опыты надъ живою природою. Для начинающихъ любителей естествознанія. Профессора К. *Шефферъ.* Переводъ съ нѣмецкаго приватъ-доцента Спб. Университета П. Ю. Шмидта. Со 100 рисунками въ текстѣ. Цѣна 2 руб., въ переплетѣ 2 руб. 50 коп.

Фотографія съ природы. Практическія наставленія для учащихся и любителей. Сост. *Г. Шульцъ.* Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. *С. Г. Навашина.* Съ 41 фотограф. снимкомъ автора съ природы. Цѣна 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Земля, ея жизнь и исторія. Общедоступная геологія. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею и съ дополненіями по геологіи Россіи А. П. Нечаева. Съ 7 таблицами въ краскахъ и многочисленными рисунками въ текстѣ. Съ приложеніемъ печатанной красками геологической карты Европейской Россіи и наглядныхъ конспективныхъ таблицъ по исторіи земли, заново переработанныхъ для русскаго изданія В. Н. Лемановъ. Большой томъ въ 8°. Цѣна 7 руб. 50 коп., въ полукожаномъ переплетѣ 9 руб.

Атласъ бабочекъ и гусеницъ Европы и отчасти русско-азіатскихъ владѣній. Профессора Д. *Ламперта.* 100 табл. въ краскахъ, представляющихъ болѣе 2000 видовъ бабочекъ и гусеницъ, и одна черная таблица. Съ руководствомъ къ собиранію и изученію чешуе-крылыхъ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ дополненіями относительно русской фауны, подъ ред. проф. Н. А. Холодковскаго, при участіи Н. Я. Кузнецова, зоолога зоологич. музея Император. Академіи Наукъ. Съ 70 рисунками въ текстѣ. Большой томъ въ больш. 8°. Цѣна 16 руб., въ полукожаномъ переплетѣ 17 руб. 50 коп.

Строеніе и жизнь животныхъ въ ихъ взаимномъ соотношеніи. Соч. д-ра Ричарда Гессе, проф. зоологіи въ высш. с. х. школѣ въ Берлинѣ, и д-ра Франца Дофлейна, проф. зоологіи и консерватора въ государствен. зоолог. музеѣ въ Мюнхенѣ. Томъ I. Тѣло животнаго какъ самостоятельный организмъ Сост. Р. Гессе. Съ 480 рис. въ текстѣ и съ 15 цвѣтными и черными таблицами по оригиналамъ Г. Гентера, М. Гепфеля, Е. Л. Гека, Е. Киссига, В. Кунерта, Ч. Меркуліано, Л. Мюллера-Майнца, Ѳ. Фольрата и автора Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями д-ра Ю. И. Вагнера, профессора зоологіи въ Кіевскомъ Политехнич. Институтѣ. Большой томъ in 4°. Цѣна 12 руб. 50 коп., а въ полукожаномъ переплетѣ 14 руб.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Подъ общимъ руководств. П. П. Семенова Тянъ-Шанскаго, вице-президента Императ. Русскаго Географ. Общ. и акад. В. И. Ламанскаго, б. предс. отдѣл. этногр. Импер. Русскаго Географ. Общества. Подъ редакціею В. П. Семенова Тянъ-Шанскаго. **Томъ V-й. Уралъ и Приуралье.** (Описаніе губерніи: Вятской, Пермской, Уфимской и Оренбургской). Цѣна 5 руб.,—въ папкѣ 5 руб. 25 коп., въ переплетѣ 5 руб. 50 коп.,— **Томъ XIX-й Туркестанскій край.** Описаніе областей: Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской, Аму-Дарьинскаго отдѣла, Самаркандской и Ферганской обл. съ Памиромъ, Закаспійской обл., Хивы и Бухары, находящихся въ сферѣ русскаго вліянія). Цѣна 5 р. 50 к., въ папкѣ 5 руб. 75 коп., въ переплетѣ 6 руб.

Полный Каталогъ книгъ подарковъ для дѣтей, юношества и взрослыхъ высылается по требованію безплатно.

Универсальная Библіотека

Цѣна каждаго номера 10 коп.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

845-848. **Ирасекъ.** Псоглавцы.
849. **Бирбаумъ.** Странныя исторіи.
856. **Стриндбергъ.** Дѣтская сказка.
857-858. **Мопассанъ.** Разсказы бекаса.
859. **Ан. А. Церетелли.** Баши-Ачукъ.
860-862. **Сроковскій.** Анахронисты.
863. **Сюлли-Прюдомъ.** Избранныя стихотворенія.
864-866 **Жюль Вернъ.** Вокругъ луны.
867. **Манушинскій.** Мефистофель.
896-7. **Ожешко.** Гекуба.
898. **Франье.** Школьница.
901. **Сервантесъ.** Ринконетъ и Кортадильо.
902-4. **Франсъ.** Господинъ Бержере въ Парижѣ.
905. **Шиллеръ.** Коварство и любовь.
906-7. **Абрамовичъ.** Фишка хромой.

Русская литература.

575-577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ.** Душенька.
579. **Ленскій.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мэй.** Царская невѣста.
581. **Мей.** Псковитянка.
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др. разсказы.
585. **Ковальскій.** Жизнь—мгновенье.
586. **Сологубъ.** Опечаленная невѣста.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій.
588-589. **Комическая опера XVIII вѣка.**
590. **Андреевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.
591-2. **Помяловскій.** Молотовъ.
593-4. **Помяловскій.** Мѣщанское счастье.
595-6. **Помяловскій.** Очерки бурсы.
868-870. **Франсъ.** Аметистовый перстень.
871-872. **Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ.** Поль и Виргинія.
873. **Гейне.** Флорентійскія ночи.
908. **Л. Тома.** Тетя Фрида.
909. **Мольеръ.** Донъ Жуанъ.
914. **Мопассанъ.** Семья.

Произведенія. **Дж. Лондона**
431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.
840-3. Морской волкъ.
850-5. Мартинъ Идэнъ.
895. Путь ложныхъ солнцъ.
899-900. Зовъ предковъ.
913. Страшные Соломоновы острова.
910-12. Бѣлый клыкъ.

878. **Мопассанъ.** Мадмуазель Фифи.
879-882. **Жюль Вернъ.** Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.
887. **Бирбаумъ.** Студенты.
888-90. **Э. Золя.** Тереза Ракенъ.
891. **Мопассанъ.** Моррока.
892-4. **Реймонтъ.** Вампиръ.

Научно популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
659, 660, 663, 664, 667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I—V.
661. **Т. Сократова (Алабина).** Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ.** Походъ аргонавтовъ.
665-666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
668. **Платонъ.** Апологія Сократа. Критонъ.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.
676-677. **Перцевъ.** Девятнадцатый вѣкъ.
681-2. **Т. Бирть.** Исторія римской литературы.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Карманные словари:
601-604. **Французско-русскій.**
605-608. **Русско-французскій.**
613-616. **Нѣмецко-русскій.**
617-620. **Русско-нѣмецкій.**

Цѣна каждаго словаря въ перепл. 50 коп.

Справочники-путеводители:
609-610. **Берлинъ** и его окрестности. Ц. 30 к.
611-612. **Вѣна** и ея окрестности. Ц. 30 к
621-3. **Римъ** и его окрестности. Ц. 40 к.

К. Гамсунъ. Послѣдняя Отрада. 2 изд. Ц. 1 руб.
Г. Ибсенъ. Перъ-Гюнтъ. Ц. 1 р.
Леруа Скоттъ. Секретарь союза. Ц. 1 р. 50 к.
Уильямъ Локкъ. Кумиръ. Ц. 1 р. 25 к.
Анр. Беннетъ. Святая любовь. Ц. 1 р.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Продажа во всѣхъ книжн. маг., въ желѣзнодорожн. кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 руб. 50 коп., исполняются Главной Конторой наложен. плат.

Главная контора К-ва „ПОЛЬЗА", В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 21; отдѣленіе въ СПБ., Поварской, 8.

Открыта подписка на 1914 годъ

на ДВА журнала для дѣтей, подъ редакціей А. А. Ѳедорова-Давыдова.

I. МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

„Свѣтлячокъ".

24 №№ Годъ изданія XIII-й. **30 премій.**

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущенъ къ выпискѣ по предв. подпискѣ въ библ. гор. училищъ, дѣтск. садовъ и пріютовъ, въ безпл. нар. чит. и библ., для нар. чтен. и въ учен. библ. средн. уч. зав. Удостоенъ серебряной медали на выставкѣ „Дѣтскій Міръ" 1903—1904 г.

Подписавшіеся на 1914 г. до 22 дек. 1913 г., СВЕРХЪ объявленныхъ премій, получатъ:

2 книги:

„Въ гостяхъ у великана".	„Сборникъ волшебн. сказокъ".
Сказка. Съ иллюстраціями.	Съ иллюстраціями.

Въ 1914 году подписчики получатъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА, печатающаго сосякрупнымъ четкимъ шрифтомъ на плотной бумагѣ со множест. иллюстрацій.

30 ПРЕМІЙ: игры, игрушки, книги, работы, занятія и др.; въ числѣ ихъ:

Безплатныя преміи 1914 года:

РОСКОШНЫЙ ТЕАТРЪ—„Волшебная лампа Алладина". Арка, занавѣсъ, 14 листовъ декорацій и фигуръ. Книжка „волшебная лампа". „Большой циркъ". Барьеръ, арена, акробаты, дрессир. животныя. Новый календарь „Заячья школа". „Веселые кузнецы". Подвижная игрушка. „Клоунъ и ученая свинья". Забавная игрушка. „Цвѣты въ кадушкахъ". Игрушки. „Пасхальная заутреня". Панорама. НОВОСТЬ! „Составная елка съ украшеніями". „Лошадь, сани и мужикъ". Для вырѣзыванія и склеиванія. МАСКАРАДНЫЙ КОСТЮМЪ: „Римскій воинъ". 3 ПАНОРАМЫ „Русскіе богатыри": „Илья Муромецъ. „Добрыня Никитичъ со змѣемъ". Алеша Поповичъ". „Деревушка". Избы для склеиванія. „Китайскій болванчикъ", качающій головой. „Комната для куколъ". „Мебель для куколъ".

„Библіотечка Свѣтлячковъ":

3 КНИЖКИ „Русскіе богатыри". 1) „Илья Муромецъ". 2) „Добрыня Никитичъ". 2) „Алеша Поповичъ". 2 КНИЖКИ „Русскія народныя сказки и прибаутки". Съ рисунк. 2 КНИЖКИ „Изъ царства природы". Маленькіе разсказы изъ міра животныхъ и растеній. „Выгляни въ окошечко!" Игра. „Колобокъ". Игра по народной сказкѣ. „Картинки для раскрашиванія. „Сборникъ пѣсенъ" ЦЕЗАРЯ КЮИ. „Вѣтряная мельница".

12 картинъ въ краскахъ.

10 №№ „Картинная галлерея Свѣтлячковъ".

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ съ дост. и пер. **4** р. На годъ безъ дост. и пер. **3** р. **50** к. На годъ за границу **8** р.

РАЗСРОЧКА:

При подп. за 1-е полуг. **2** р. **50** к. За 2-е пол., къ 1-му іюля **1** р. **50** к.

№ 1-й, 1914 г., выйдетъ до праздника Р. Х.

II. СРЕДНІЙ ВОЗРАСТЪ.

„Путеводный Огонекъ".

24 №№ Годъ изданія XI-й. **30 премій.**

Уч. Ком. М. Нар. Пр. „Путеводный Огонекъ" и „Юная Жизнь" допущены къ выпискѣ по предв. подп. въ учен. библ. низш. и сред. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Подписавшіеся на 1914 г. до 22 дек. 1913 г., СВЕРХЪ объявленныхъ премій, получатъ:

2 книги:

„ДОЧЬ РЫЦАРЯ".	„Чернокожій Робинзонъ".
Повѣсть. Съ иллюстраціями.	Романъ. Съ иллюстраціями.

Въ 1914 году подписчики получатъ:

24 НОМЕРА ЖУРНАЛА, богатаго изданія съ иллюстраціями, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

30 БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ изъ папки и бумаги, въ составъ которыхъ войдутъ:

Безплатныя преміи 1914 года:

ТЕАТРЪ МИНІАТЮРЪ — „Купецъ Калашниковъ". Арка, занавѣсъ, декораціи, фигуры. Текстъ. 2 „Мраморныхъ бюста" для склеиванія: 1) Пушкинъ. 2) Гоголь. „Морской флотъ". Броненосцы. „Кузнечикъ на колесницѣ, запряженной улитками", Роскошная корзиночка. „Мухоморы". Чернильница. „У дукоморья дубъ зеленый". Панорама. „Дача въ саду". Панорама. „Часовня въ лѣсу". Панорама. Охота съ гончими". Игра. „Путешествіе на луну". Игра. „Памятникъ Петру Великому" въ С.-Петербургѣ. Календарь: „стѣнной поставецъ въ древне-русскомъ стилѣ". 15 приложеній, книгъ: 6 выпусковъ богатаго изданія „ЖИВОТНЫЯ ГЕРОИ". Естественно-историческіе разсказы лучшихъ авторовъ, со множествомъ иллюстрацій въ текстѣ. 4 книги СОЧИНЕНІЯ ВАЛЬТЕРЪ СКОТТА. Въ обработкѣ. 2 книги ПОВѢСТИ ФРАНЦА ГОФМАНА, захватывающ., интересн. содержанія: 1) „Погребенный въ снѣгу". 2) „Нѣтъ возврата". 2 книги НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ Р. КИПЛИНГА. 2 книги „ДѢТСКІЕ ГОДЫ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ" 2 книжки „сдѣлаю самъ!": 1) Терраріумъ. 2) Телефонъ и микрофонъ.

НОВОСТЬ!

„ТРАНСФОРМАТОРЪ". Для домашняго театра. „Домашній театръ": Сборникъ піесъ. „Альбомъ рукодѣлій". 1) Узоры для вышиванія и пр. 2) Рисунки для вышиванія. 3) Рисунки для выжиганія. 4) Рисун. для металло-пластики. 12 №№ газеты: „ЮНАЯ ЖИЗНЬ", для писемъ подписчиковъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ дост. и пер. **5** р. На годъ безъ дост. пер. **4** р. **50** к. На годъ за границу **9** р.

РАЗСРОЧКА:

При подп. за 1 полуг. **3** р. За 2-е пол., къ 1-му іюля **2** р.

№ 1-й, 1914 г., выйдетъ до праздника Р. Х.

Проспектъ высылается безплатно.

Контора и редакція: Москва, Малая Дмитровка, 17. Отдѣленіе: книжный магазинъ Н. ЛИДЕРТЪ, Москва, Петровскія Линіи.

Редакторы-издатели: *А. А. Ѳедоровъ-Давыдовъ. М. Ѳ. Лидертъ.*

Книгоиздательство „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. Марекъ

открываетъ подписку на изданіе

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ИСКУССТВЪ“.

Въ это изданіе войдетъ весь знаменитый одновременно выходящій на всѣхъ европейскихъ языкахъ циклъ руководствъ „Ars unaspecies mille“ въ авторизованныхъ исключительно намъ предоставленныхъ переводахъ, а также монографическіе труды — Вельфлина, Фроментэна и Ю. Мейера-Грефе.

Все изданіе печатается на мѣловой бумагѣ и составитъ 10 томовъ (около 4.000 стр. текста) съ 5.000 иллюстр., печатанныхъ съ оригинальныхъ клише и 26 рисунками въ краскахъ, исполненными въ Парижѣ.

Въ настоящее время вышли изъ печати: I. **С. Рейнахъ**. „Аполлонъ“. Исторія пластическихъ искусствъ. 650 рис. II. **Ю. Мейеръ-Грефе**. Импрессіонисты. 60 рис. III. **Э. Фромантэнъ**. Старые мастера. Бельгія и Голландія. 91 рис. и 2 рис. въ краскахъ. IV. **Г. Вельфлинъ**. Классическое искусство. 126 рис.

ПЕЧАТАЮТСЯ: V. **Л. Гуртикъ**. Исторія искусства во Франціи. 945 рис. и 4 рис. въ краскахъ. VI. **Коррадо Риччи**. Исторія искусства въ Италіи. 771 рис. и 4 рис. въ краскахъ. VII. **Масперо**. Исторія искусства въ Египтѣ. 565 рис. и 4 рис. въ краскахъ. VIII. **Армстронгъ**. Искусство Британіи и Ирландіи. 598 рис. и 4 рис. въ краскахъ. IX. **Дьелафуа**. Искусство Испаніи и Португаліи. 745 рис. и 4 рис. въ краскахъ. X. **Максъ Роозъ**. Искусство Фландріи. 700 рис. и 4 рис. въ краскахъ.

Стоимость всего изданія въ изящныхъ кожаныхъ переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ по подпискѣ 39 рубл. съ пересылкой.

Все изданіе закончится въ декабрѣ 1914 г.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается **3 руб.**, и при полученіи первыхъ девяти томовъ по **4 руб.** за каждый, десятый томъ высылается безплатно. За наложенный платежъ по 10 коп. съ каждой посылки

Проспекты высылаются безплатно.

Гл. Контора Кн-ва „ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ“ М. Марекъ, Москва, Рождественскій бульваръ, д. 10, отд. А,

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1 руб. въ мѣсяцъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ, НѢМЕЦКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ ЯЗ.

Неудовлетворительность имѣющихся въ продажѣ „самоучителей“, частью явно недобросовѣстныхъ, частью устарѣлыхъ, побудила насъ выпустить въ свѣтъ наши курсы французск., нѣмецк. и англ. яз., составл. по новой органической методѣ, на основаніи указаній и данныхъ современной педагогическ. литературы.

Всякій, усвоившій нашъ курсъ, имѣетъ возможность: 1) читать безъ словаря любое произведеніе литературнаго или научнаго содержанія; 2) вести переписку на иностран. языкъ.; 3) переводить съ русск. на иностр. и съ иностр. на русск. яз.; 4) понимать живую рѣчь и 5) удовлетвор. объясняться на иностран. яз., съ тѣмъ, чтобы при самой небольшой практикѣ это умѣнье объясняться превратилось въ настоящее умѣнье плавно и свободно говорить.

Занимающіеся по нашей системѣ не предоставлены исключительно своимъ собственнымъ силамъ. Прохожденіе курса облегчено имъ заочнымъ руководительствомъ преподавателей, составившихъ предлагаемые курсы. „Вызубривать“ слова и граммат. правила нашимъ ученикамъ не приходится, все усваивается на живыхъ конкретныхъ примѣрахъ.

Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Изъ печати вышло 9 томовъ изъ курса каждаго языка. Цѣна каждаго тома 1 руб. Налож. плат. высыл. по 1 р. 50 к.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ. 25 вып. по 1 р. 50 к. Для заочнаго прохожденія курса ср. учебн. зав., для подготовки къ люб. экзам., безъ помощи учит. и пособій. Вышло 24 вып. Высыл. налож. платеж. по 1 руб. 50 коп.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ. Предназнач. для всяк. коммерч. дѣятеля. Въ курсъ входятъ: бухгалтерія, коммерч. корресп., коммерч. арием., экономич. и юридич. науки, торговля, техника веденія торг.-промышл. зав. и мн. др. 15 томовъ по 250 стр. Цѣна за кажд. томъ 2 руб. Вышло изъ печати 4 тома. Налож. платеж. высыл. за 2 р. 20 к.

Въ нашихъ произведеніяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. ГАВРИЛОВИЧЪ, проф. МИГУЛИНЪ, преп. СПБ. Полит. Инст. ЧЕРНЭ, проф. РЕЙСНЕРЪ, прив.-доц. ТОТОМІАНЦЪ, препод. ЧЕРНЫШЕВЪ, д-ръ соц. наукъ ШЛЕЦЕРЪ и мн. др. препод. высш., средн. учебн. зав. въ СПБ.

Подробные проспекты вышеупом. изданій, отзывы печати и учениковъ высылаются безплатно.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „**БЛАГО**“, С.-Петербургъ, Николаевская, **44-85**. НУЖНЫ ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Открыта подписка на 1914-й г.

на ежемѣсячный журналъ

ЗАВѢТЫ

III-й г. ИЗДАНІЯ.

издаваемый при ближайшемъ участіи: Р. В. Иванова-Разумника, А. И. Иванчина-Писарева, С. Мстиславскаго, С. П. Постникова, В. М. Чернова. **ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ:** Дѣла и Дни.—Я. Вѣчева (В. Чернова). Литература и общественность.—Иванова-Разумника. По градамъ и весямъ.—М. Пришвина. Свое и чужое (русская жизнь).—С. Мстиславскаго. Въ Январьскомъ № за 1914 г. будетъ напечатано: Леонидъ Андреевъ.—„Три ночи". Иванъ Вольный—романъ „Юность" (I ч. романа „Юность", напечатанная въ 1913 г., подписчикамъ на 1914 г. будетъ разослана безплатно). М. Пришвинъ.—„Змѣиный Хуторъ". Ал. Толстой—Маша. А. И. Иванчинъ-Писаревъ-„Воспоминанія о Гл. Успенскомъ". Ивановъ-Разумникъ—Литература въ 1913 г. С. Метальниковъ. „Проблема безсмертія въ современной біологіи". Викторъ Черновъ.—„Н. К. Михайловскій" и др. **СОТРУДНИКИ:** Н. Авксентьевъ, Ю. Балтрушайтисъ, С. Венгеровъ, Б. Вороновъ, Н. Геккеръ, Г. Зининъ, Е. Звягинцевъ, Закъ, В. Евгеньевъ, И. Игнатовъ, М. Исаевъ, А. Дерманъ, В. Лункевичъ, Г. Лягарделъ, К. Качоровскій, Б. Камковъ, А. Керенскій, С. Мартыновъ, Н. Морозовъ, Н. Огановскій, А. Пругавинъ, Н. Ракитниковъ, Э. Серебряковъ, Скиѳъ, П. Сорокинъ, Н. Сухановъ, Б. Черненковъ и др. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:** на 12 мѣс.—10 р.; на 6 мѣс.—5 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к.; на 1 мѣс.—85 к. За границу 13 р., 7 р. 50 к., 3 р. 25 к., **Принимается льготная коллективная подписка.** Подписчикамъ на 1914 г. романъ В. Ропшина „То, чего не было" (8 книгъ за 1912 г. и 3 книги за 1913 г.) высылается за 5 руб. Въ 1912 году напечатано: И. Бунина („Веселый дворъ"), В. Винниченко („Исторія Акимова зданія"), Ивана Вольнаго („Повѣсть о дняхъ моей жизни"), М. Горькаго („Рожденіе человѣка"), М. Пришвина („Иванъ-Осляничекъ"), А. Ремизова („Бисеръ малый"), В. Ропшина („То, чего не было"), С. Сергѣева-Ценскаго („Около моря"), И. Сургучева („Торговый Домъ"), К. Тренева („Владыка") и пр. Въ 1913 г. напечатано: В. Ропшина („То, чего не было"), Л. Добронравова („Новая Бурса"), И. Вольнаго („Юность"), Ал. Толстого („Насильники"), И. Шмелева („Поденка"), А. И. Иванчина-Писарева (Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ") Е. Замятина („Уѣздное") А. Ремизова („Свѣтъ немеркнущій"), М. Коцюбинскаго („Именинный подарокъ"), М. Пришвина („Славны бубны"), В. Шишкова („Краля") и др. Комплектъ за 1912 г.—5 р. Комплектъ за 1913 г.—7 р. Всѣ №№ за 1912 и 1913 г. г. разосланы подписч. и наход. въ продажѣ. Арестъ съ конфискованныхъ №№ снятъ. **ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:** Въ СПБ.—въ конторѣ журнала, Рыночная, 10. Въ Москвѣ складъ журнала—книжн. магазинъ „Наука", Бол. Никитская.

Издательница *С. А. Иванчина-Писарева.* Редакторъ *И. И. Краевскій.*

Открыта подписка на 1914-ый годъ

на старѣйшій въ Россіи еженедѣльный художественно-иллюстрированный журналъ

14-ый годъ изданія.

„Охотничій Вѣстникъ“

Высшія награды за содержаніе и внѣшность журнала.

48 номеровъ въ годъ. 4 р. 50 коп. въ годъ съ доставкой и пересылкой.

Въ журналѣ принимаютъ ближайшее участіе: проф. Г. Кожевниковъ, проф. И. Тарнани, прив.-доц. Б. Житковъ, В. Никитинъ, Гражданскій инженеръ Н. Кишенскій, Д. Вилинскій, А. Тюльпановъ, Л. Александровъ, А. Дунинъ, А. Лебедевъ, К. Сатунинъ и друг. извѣстные охотники-писатели, зоологи и натуралисты.—Обширный научно-популярный отдѣлъ.—Статьи по охотовѣдѣнію.—Изящная беллетристика.—Широкая информація.—Техника оружія.—Кинологія.—Орнитологія.—Охотничья жизнь Россіи. —Исторія охоты. —Охотничья фауна.—Промысловая охота.

За 1 р. 25 коп. доплатная премія.

„Охотничій Сатириконъ“

(Охотничій юморъ и сатира—въ прозѣ и стихахъ, съ иллюстрац.).

Контора и редакція: Москва, Кисельный пер., д. № 5.

Издатели—Т-во „Охотничій Вѣстникъ“. Редакторъ С. Н. Алексѣевъ.

ВОКРУГЪ СВѢТА

Подписчики журнала получатъ въ 1914 году:

Въ 1 абонементѣ:

50 №№ журнала „ВОКРУГЪ СВѢТА“,
36 томовъ ПОЛНАГО собранія сочиненій

ГЕНРИХА СЕНКЕВИЧА

въ изданіи того же вида и качества, какъ и собраніе сочиненій Л. Н. Толстого.

Во 2 абонементѣ — три журнала:

50 №№ журн. **„Вокругъ Свѣта“,**
12 №№ журн. **„На сушѣ и на морѣ“,**
12 №№ **„Вѣстника спорта и туризма“.**
Кромѣ того, 12 томовъ сочиненія **ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ „Земля“.**

Подписная цѣна каждаго абонемента 7 Р. съ пересылкой и доставкой въ годъ.

Допускается разсрочка подписной платы каждаго абонемента: 3 р. при подпискѣ, 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля.

Контора журнала „Вокругъ Свѣта“: Москва, Тверская, д. № 48.

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются БЕЗПЛАТНО.

ИБАХЪ

РОЯЛИ-ПІАНИНО

ГЛАВНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССІИ

І.Ф.МЮЛЛЕРЪ МОСКВА, ПЕТРОВКА, 16.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ

Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА, Кузнецкій мостъ, 6. Тел. 217—07.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Морская, 11. Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

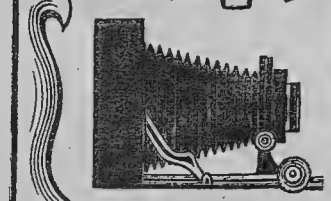
Складъ собственныхъ изданій.

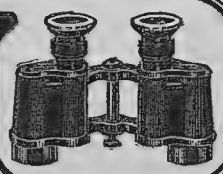
Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.
Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эрнстъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).
Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы.
Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага.
Комиссіонерство для г.г. иногородныхъ.

Заказы г.г. иногородныхъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

ACTIS
ФОТО-КАМЕРЫ
ТОЧНОЙ РАБОТЫ
КРАУСА
БИНОКЛИ
МИКРОСКОПЫ
Е. КРАУСЪ - ул. ГОГОЛЯ 5 -
С. ПЕТЕРБУРГЪ.
КАТАЛОГЪ № 100 БЕЗПЛАТНО.





ЧАСЫ „OMEGA",
отличающіеся точностью хода и изящн. отдѣлкой внѣшности.
СКЛАДЪ: Пассажъ, 24-26. С.-Петербургъ.
Тел. 143—88.
часовой магазинъ А. БРУДЕРЕРЪ
имѣетъ постоянный разнообразный выборъ карманныхъ, стѣнныхъ и настольныхъ часовъ, а также часы съ будильникомъ, дорожн., кабинетные и т. п. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ и МОНОГРАФІЯ ЧАСОВЪ „OMEGA" высылаются по требов. безплатно.

„Pestalozzi"

ИНСТИТУТЪ

УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ,

фребелевскихъ занятій

и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ.

Новѣйшія учебныя пособія по всѣмъ отраслямъ знанія.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

Образовательн. Игръ и дѣтскихъ Занятій.

Послѣднія новинки: «Бумажное искусство», постройки «Матодоръ», «Мессанс», «Лото съ фразами на 4 языкахъ», «Дуэтъ пословицъ».

Каталоги по первому требованію.

С.-Петербургъ. Телеф. 65-63. Казанская, 5.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ.

НОВЫЙ ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ Л. С. БАЛДИНОЙ.

МОСКВА, Никитскій бульв., д. № 21 (у Ник. воротъ).

Тел. 430-38.

Съ пересылкой и упаковкой за счетъ фирмы, кромѣ Азіатск. Россіи

КОЛЛЕКЦІИ съ ПРЕМІЯМИ:

№			№		
1 изъ 140 пр.	1 р.	90 к.	6 изъ 556 пр.	10 р.	—к.
2 „ 191 „	2 „	10 „	7 „ 726 „	15 „	— „
3 „ 259 „	3 „	— „	8 „ 910 „	20 „	— „
4 „ 368 „	5 „	— „	9 „ 1200 „	30 „	— „
5 „ 501 „	8 „	— „	10 „ 1400 „	50 „	— „

Каждый нашъ наборъ по количеству вещей и качеству ихъ, въ другихъ фирмахъ стоитъ на 25% дороже.

БѢЛЫЯ ЕЛКИ.

Новость 1-й разъ въ Россіи.

КОЛЛЕКЦІИ съ ПРЕМІЯМИ:

№ 3— 3 р.	Поразит. эффектъ, по изящ. и красотѣ трудно что-либо другое подобрать.	№ 7—15 р.	
№ 4— 5 р.		№ 8—20 р.	
№ 5— 8 р.		№ 9—30 р.	
№ 6—10 р.		№ 10—50 р.	

За границей особеннымъ почетомъ пользуются наборы „БѢЛЫЯ ЕЛКИ".

Новости: елочный фейерверкъ 30 шт. 1 р. Локоны, не воспламен. кор. 30 к., 50 к., 60 коп.

ГОТОВУЮ ЕЛКУ ПО ПОЧТѢ

ВЫСЫЛАЕТЪ ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЙ СКЛАДЪ ЕЛОЧНЫХЪ УКРАШЕНІЙ И ИГРУШЕКЪ.

Т./д. **Ф. БРЕНДАКОВЪ и Е. ШИКАНОВА.**

Москва, Столешниковъ пер., д. 4. **21.** Тел. 255-58.

Благодаря огромному сбыту и заготовкѣ товара въ собственныхъ мастерскихъ мы даемъ возможность нашимъ покупателямъ **красиво и дешево украсить ЕЛКУ.**

Масса благодарственныхъ писемъ за высланныя коллекціи къ прошлогоднему Рождеству лучшая гарантія за умѣлый и добросовѣстный наборъ Коллекцій.

Пересылка и упаковка Коллекцій за счетъ фирмы высылаемъ съ налож. платеж. безъ задатка, въ Азіатск. Россію по получ. ¼ стоим. заказа.

Коллекція № 1	изъ 133	пред.	1 р.	75 к.
„ 2	„ 200	„	2 „	50 к.
„ 3	„ 255	„	3 „	—
„ 4	„ 313	„	4 „	—
„ 5	„ 379	„	5 „	—
„ 6	„ 482	„	8	руб.
„ 7	„ 604	„	10	„
„ 8	„ 676	„	15	„
„ 9	„ 938	„	20	„
„ 10	„ 1153	„	25	„

Подробное описаніе коллекцій и иллюстрированный прейсъ-курантъ игрушекъ и новостей высылаемъ безплатно.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

АМЕРИКАНСКОЙ ОБУВИ

WALK-OVER

ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ ОСЕННЕЙ ОБУВИ.

Дамская обувь для вечеровъ.

Ф. МАДЕРЪ.

МОСКВА, Столешниковъ пер., 9.

„Я никого не ѣмъ!“

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ.

1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню

(по времен. года), **подъ редакціей д-ра мед. Зеленкова.** Авторъ О. К. Зеленкова: С. П. Б. Суворовскій пр., 39, кв. 40) высылаетъ налож. платежемъ. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ. Пересылка 35 коп., иногороднимъ 55 к.

ЛЬГОТЫ

на случай болѣзни, на случай потери трудоспособности,

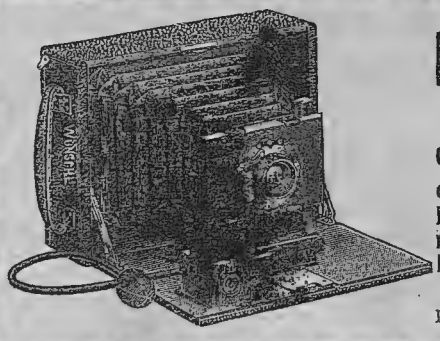
ПРИ СТРАХОВАНІИ ЖИЗНИ

предоставляются БЕЗПЛАТНО исключительно Обществомъ

„УРБЭН“,

ПОДРОБНЫЯ СВѢДѢНІЯ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 13. МОСКВА, Б. Лубянка, 18.



ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

НЕВСКОЕ ДЕПО

фотографич. принадл.

Спб. Невскій, 31. Телеф. 422-92.

Фотограф. аппар. нов. системъ. Волшебн. и увелич. фонари. Кинематограф. аппар. Объективы. Бинокли. Пласт. русск. и загран. фабр. Пленки. Бумаги и проч.

Полный илл. каталогъ высыл. безплатно.

МОЛОДОСТЪ

даетъ нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается отъ употребленія

Мыла „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ

Требуйте только красную упаковку.
За Кусокъ 50 Коп. въ продажѣ везде.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено. причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

ДЕЛО:

придворн. фортепіанныхъ и первоклассныхъ фабрикъ.
Бр. ПЕРПИНА, К. М. ШРЕДЕРЪ, Ф. МЮЛЬБАХЪ Бр. ДЕНЕРТЪ (интонаторъ К. Бехштейна). ФЕРД. ТЮРМЕРЪ (ученикъ Ю. Блютнера), УРБАСЪ и РЕЙСГАУЭРЪ, ГЕРСЪ и КАЛЬМАНЪ, А. ФИБИГЕРЪ. М. ГОФБЕРГЪ, Э. КАПСЪ.

АРТУРЪ КИСЛИНГЪ. Спеціальный магазинъ

Піанино, Роялей и Фисгармоній.

Допускается РАЗСРОЧКА.

Москва, 12. Кузнецк. мостъ, 11. *Телеф. 74—85.*

Рига, п/ф. В. К. Кислингъ. *Основ. 1880 г.*

Каталогъ безплатно.

ПЕРВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ-ЭТО БѢЛЬЕ!!!

Важно когда оно прочно

и покрой сорочки элегантенъ и удобенъ,

ПО ЗАКАЗУ и ГОТОВЫЕ:
ПОЛУХАЛАТИКИ,
ХАЛАТЫ,
УТРЕННІЯ ПИЖАМА,
ДОКТОРСКІЕ ХАЛАТЫ,
ПОВАРСКІЯ КУРТКИ,
РЕЙТУЗЫ вязан. и матерчат.

Магазинъ мужск. туалета
Н. МИХѢЕВЪ.

Пріемъ въ передѣлку мужск. крахмальн. сорочекъ.

Пріемъ въ стирку мужскаго крахмальнаго бѣлья.

Телеф. 458-39.

Н. МИХѢЕВЪ, Невскій, 32. Д. Католической церкви.

МАРКУСЪ ЗАКСЪ
КОРСЕТЫ
НАБРЮШНИКИ и ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ.
ВСЕГДА ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ. МОДЫ
ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.
С.П.Б. тел. 438-40
ЛИТЕЙНЫЙ 45.
VIS-A-VIS БАССЕЙНОЙ УЛ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Іосифъ Михайловъ"

Фирма существуетъ съ 1870 г.

КРУЖЕВА,
ТЮЛЬ,
ЛЕНТЫ,
ГАЗЪ
и другія модныя
отдѣлки.

Временное помѣщеніе послѣ пожара въ Голофтѣевской галлереѣ:

Москва,

Ц. Эмитровка, домъ № 7, противъ конторы Императорскихъ театровъ.

Телеф. 48-46.

Продажа безъ запроса.

Музыкальная Торговля

В. БЕССЕЛЬ и К°.

Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. **Телефонъ 53—61.**

МОСКВА, Петровка, 12. **Телефонъ 32—27.**

Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, танъ и для всѣхъ инструментовъ.

Дешевыя изданія.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются **аккуратно** и съ **первой** отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.

Каталоги собственныхъ изданій высылаются **безплатно.**

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ○ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ○ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ○ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ○ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ○ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ○ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ○ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патроновъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

Художественная мебель

Торговый Домъ.

Братья А. и С.

ЮРАСОВЫ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

Телефонъ № 41-16.

☛ Самое лучшее украшеніе къ праздникамъ ☚

ИСКУССТВЕННЫЕ ЦВѢТЫ

для вазъ и для декоративныхъ цѣлей.

Предлагаетъ магазинъ „ЯПОНІЯ“ Іокой.

Москва: 1) Тверская ул., №№ 24-25, домъ Саввинскаго подворья, 2), Кузнецкій мостъ, № 11-12.

Наши искусственные цвѣты, вполнѣ замѣняемые живыми цвѣтами, настолько хороши и натурально сдѣланы, что даже трудно отличить искусственные отъ живыхъ. Живые цвѣты во многихъ квартирахъ не переносятъ температуры комнатъ, скоро вянутъ и портятся и, кромѣ того, требуютъ тщательнаго ухода. А искусственные цвѣты, постоянно свѣжіе, прочные, не требуютъ никакого ухода и замѣчательно красивы въ вазахъ для украшенія комнатъ. Поэтому рекомендую гг. Украшайте вашу квартиру нашими искусственными цвѣтами, взамѣнъ дорого стоящихъ и непрочныхъ живыхъ цвѣтовъ. Хризантемы 50 к. и 65 к., Ирисъ 25 к., 30 к. и 1 р., Акаціи 35 к. и 75 к. Розы 15 к., 20 к., 25 к., 30 к., 40 к., 60 к. и 75 к., Лиліи Садовыя 35 и 65 к., Левкой 20 к., Водян. Лиліи 20 к., 35 к. и 50 к., Гвоздики 15 к. и 35 к. Яблони 35 к. и 55 к., Морской Мохъ 10 к. и 25 к. пучекъ, Фіалки 20 к., 35 к. и 50 к. пучекъ. ВИШНИ Японскія 15 к. и 85 к., Колокольчики 15 к., 25 к., 30 к. и 65 к. МАКИ 15 к. и 75 к., СИРЕНИ 20 к., 30 к. и 75 к., ГЛАДІОЛИСЪ красный 35 к., ГЕЛІОТРОПЪ 35 к., ГІАЦИНТЪ 45 к., НАРЦИСЪ 25 к., ОСЕННІЕ ЛИСТЫ 20 к., 25 к., 40 к., 75 к., ЛИСТЬЯ ФОРМОЗА для оттѣнка цвѣтовъ, зеленые и пестрые 20 к., 30 к. и 35 к., ГИРЛЯНДЫ Винограда (МОДНЫЯ украшенія для буфета и вазъ) 85 к. и 95 к. и масса другихъ цвѣтовъ.

КРАСИВЫЕ БУКЕТЫ для вазъ

№ 1. Изъ разныхъ 7 цвѣтовъ букетъ 1 р. 50 к., со стеклян. вазою (5 верш.) букетъ 2 р.
№ 2. Изъ разныхъ 9 цвѣтовъ букетъ 2 р., со стеклян. вазою (6 верш.) букетъ 2 р. 70 к.
№ 3. Изъ разныхъ 13 цвѣтовъ букетъ 3 р., со стеклян. вазою (7 верш.) букетъ 3 р. 80 к.
№ 4. Изъ разныхъ 18 цвѣтовъ букетъ 5 р., со стеклян. вазою (9 верш.) букетъ 6 р.
№ 5. Изъ разныхъ 23 цвѣтовъ букетъ 8 р., со стеклян. вазою (10 верш.) букетъ 9 р. 25 к.
№ 6. Изъ разныхъ 30 цвѣтовъ букетъ 10 р., со стеклян. вазою (10 верш.) букетъ 11 р. 25 к.
№ 7. Изъ разныхъ 45 цвѣтовъ букетъ 15 р., со стеклян. вазою (11 верш. букетъ. 16 р. 50 к.
№ 8. Изъ разныхъ 60 цвѣтовъ букетъ 20 р., со стеклян. вазою букетъ 22 р. 50 к.

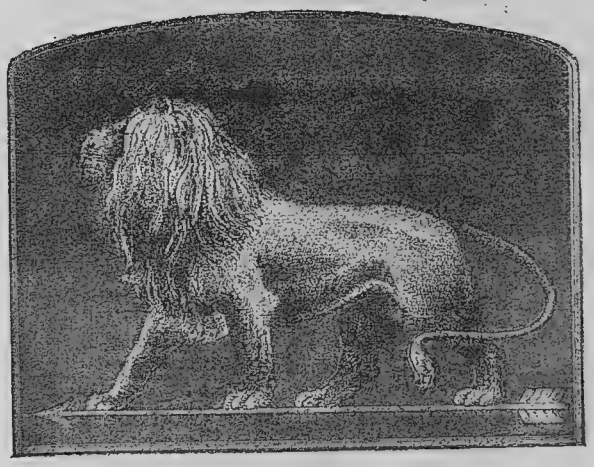
☛ Для иногородныхъ покупателей товаръ высылается по почтѣ наложен. платежомъ. Тамъ же имѣется грандіозный выборъ изящныхъ вещей для подарковъ, Японскихъ всевозможныхъ издѣлій и Японск. духи, одеколонъ, мыло, кремъ, пудра и проч.

Прейсъ-Курантъ Японскихъ издѣлій по требованію высылается безплатно.

Автомобили
Грузовики
Автобусы

Французскаго первокласснаго завода

ПЕЖО



ГЛАВНАЯ КОНТОРА И СКЛАДЪ:
С.-Петербургъ, Кронверкскій пр., 13, уголъ Каменноостровскаго

СКЛАДЫ:

МОСКВА,	ВАРШАВА,	КІЕВЪ,
Мясницкая, д. № 45.	Новый Свѣтъ, 72.	Крещатикъ, 22

РОБЕРТЪ КЕНЦЪ.

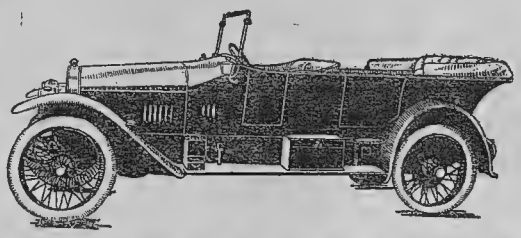
МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ, ДОМЪ ОБИДИНА.

Вышли изъ печати КАТАЛОГИ и высылаются по требованію по полученіи почтовыхъ марокъ, какъ указано ниже.

Отдѣлъ	1.	Столярные инструменты болѣе 500 рисунковъ	35 к.
„	2.	Садовые инструменты, болѣе 900 „	35 „
„	3.	Телеграфные инструменты болѣе 175 рисунковъ	14 „
„	4.	Переплетные инструменты, болѣе 140 рисун-	14 „
„	5.	Вѣсы, гири и мѣры, болѣе 200 рисунковъ	14 „
„	6.	Принадлежности пчеловодства и птицеводства, бол. 125 рис.	14 „
„	7.	Ажурные и любительскіе инструменты, болѣе 60 рисунк.	14 „
„	8.	Коньки и лыжи, болѣе 80 рисунковъ	7 „
„	9.	Ножевой товаръ	14 „
„	10.	Хозяйственныя принадлежности, болѣе 1,500 рисунковъ	35 „
„	11.	Граммофоны и пластинки, съ 1 октября цѣны понижены	7 „
„	12.	Фабрично-заводскія принадлежности, болѣе 480 рис.	30 „
„	13.	Скобяной товаръ, болѣе 650 рисунковъ	25 „
„	14.	Слесарные инструменты, болѣе 1,000 рисунковъ	35 „

За доброкачествен. товара удостоенъ болѣе 75 высшихъ наградъ.

Къ зимнему сезону получена партія



РОСКОШНЫХЪ АВТОМОБИЛЕЙ

„МИНЕРВА“

абсолютно безшумный и плавный ходъ.

Единственный представитель для центральной Россіи и С.-Петербурга

С. Н. БЫКОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Каменноостровскій, 54. Тел. 240—73.

МОСКВА, Б. Садовая, 14. Тел. 65—82.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ.

ФАБРИК.
БР. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР. С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИН. КАНАЛЪ 6

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Величайшій магазинъ дамскаго бѣлья.
Приданое для невѣстъ
БЛУЗЫ, ЮБКИ, КАПОТЫ,
ЧУЛКИ, ЖАБО.
Брюссельскій магазинъ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
5 КАЗАНСКАЯ 5.
МОСКВА,
6 Столешниковъ пер., 6.

ЗАВОДЪ

металлическихъ конструкцій

ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКА

М. Я. Цоллеръ.

МОСКВА,

за Семеновской заставой, Измайловское шоссе, соб. домъ.

Адресъ для телеграммъ: **МОСКВА КОНСТРУКТОРЪ.**

ТЕЛЕФОНЫ:

Квартиры: № 14-12.—Завода: № 90-52.

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ:

Клепанныя колонны и балки, металлическія стропила и покрытія изъ волнистаго желѣза. Клепанные поворотные краны, телѣжки, фермы для мостовыхъ кранов и подкрановыя балки. Баки и резервуары для всякихъ жидкостей, клепанныя трубы: дымовыя, вентиляціонныя и другія. Лѣстницы, площадки изъ рифленнаго желѣза

и прочія металлическія работы.

На 14-ой автомобильной выставкѣ
въ Парижѣ.

Шинъ монтированныхъ на выставленныхъ автомобиляхъ:	3.104
МИШЛЕНЪ	2.044
X	564
Y	204
Z	171
Другія Марки	остальное.

ШИНЪ
МИШЛЕНЪ
66%

КОЛИЧЕСТВО
ШИНЪ **МИШЛЕНЪ**
монтированныхъ на
автомобиляхъ выставленныхъ
на
Парижскихъ выставкахъ.

1906	36%
1907	37%
1908	50%
1910	55%
1912	63%
1913	66%